

Мой 20
век

Мой 20
век

Александр Керенский

Потерянная **РОССИЯ**
Александр Керенский

Современному читателю впервые представлены воспоминания и политический дневник Александра Федоровича Керенского (1881–1970), публиковавшиеся с 1920–х годов в русской периодике Парижа, Берлина, Праги, Нью-Йорка. Свидетельства одного из главных участников Февральской революции 1917 года до сих пор остаются в числе самых достоверных источников по истории России.

- [Потерянная Россия](#)

- [Человек, убитый 1917–м годом. Александр Керенский О себе и о своей эпохе](#)
- [Февраль и Октябрь. Из воспоминаний](#)
  - [Государственная измена Ленина](#)
  - [Победа государства](#)
  - [Государственное совещание в Москве](#)
  - [Заговорщики справа](#)
  - [Психологическая подготовка переворота](#)
  - [Лавр Корнилов](#)
  - [Заговорщики в столицах](#)
  - [Наступление ставки](#)
  - [Самоубийство генерала Крымова](#)
  - [Новое разложение армии](#)
  - [Политика Временного Правительства](#)
  - [Союзники и Временное правительство](#)
  - [Издалёка. Год 1917–й](#)
    - [Арест большевиков. Письмо в редакцию «общего дела»](#)
    - [Из статьи «Легенда о г. Савинкове»](#)
    - [Отъезд Николая II В Тобольск](#)
    - [Отчисление генерала Верховского](#)
    - [Февраль и Октябрь](#)
  - [Моя жизнь в подполье](#)
    - [Побег из Гатчины](#)
    - [Лесной домик](#)
    - [Капитуляция](#)
    - [Возвращение в Петроград](#)
    - [Трагедия Учредительного Собрания](#)
    - [В Финляндии](#)
    - [Последнее время в Петроградде](#)
    - [Москва](#)
    - [Отъезд в Лондон](#)
  - [О революции 1917 года](#)
  - [Накануне Версаля](#)
  - [Два октября](#)
- [Потерянная Россия](#)
  - [Из политического дневника. 1936–1944](#)
  - [От Ленина к Муссолини](#)
  - [Фашизация сталинизма](#)

- [Сталинизм и европа](#)
- [На пороге 1937 года](#)
- [От Ленина к Сталину](#)
- [Двадцатая годовщина](#)
- [Ягода](#)
- [Справка о «пломбированном вагоне»](#)
- [Ленин — Парвус — Людендорф](#)
- [Сталин и красные маршалы](#)
- [Программа красных маршалов](#)
- [Путь к революции](#)
- [Парвус — Ленин — Ганецкий](#)
- [После расстрела генералов](#)
- [Сталин — Гитлер — Тухачевский](#)
- [Через двадцать лет](#)
- [В защиту демократии](#)
- [Мюнхен](#)
- [Одиночество России](#)
- [Демократия и диктатуры](#)
- [Россия сегодня](#)
- [Триумф Сталина](#)
- [Международная позиция Сталина](#)
- [О войне, о кремле и о патриотизме](#)
- [Передышка](#)
- [О границах и о прочем](#)
- [Современники](#)
  - [Е. К. Брежневская \(1844–1934\)](#)
  - [А. И. Гучков \(из воспоминаний\)](#)
  - [П. Н. Милюков](#)
- [Примечания](#)
  - [ФЕВРАЛЬ И ОКТЯБРЬ Государственная измена Ленина](#)
  - [Победа государства](#)
  - [Государственное совещание в Москве](#)
  - [Заговорщики справа](#)
  - [Психологическая подготовка переворота](#)
  - [Лавр Корнилов](#)
  - [Заговорщики в столицах](#)
  - [Наступление Ставки](#)
  - [Самоубийство генерала Крымова](#)
  - [Новое разложение армии](#)
  - [Политика Временного правительства](#)
  - [Союзники и Временное правительство](#)
  - [Издалёка. Год 1917–й](#)
  - [Моя жизнь в подполье](#)
  - [О революции 1917 года](#)
  - [Накануне Версаля](#)
  - [Два Октября](#)
  - [НОВАЯ РОССИЯ](#)

- [От Ленина к Муссолини](#)
- [Фашизация сталинизма](#)
- [Сталинизм и Европа](#)
- [На пороге 1937 года](#)
- [От Ленина к Сталину](#)
- [Двадцатая годовщина](#)
- [Ягода](#)
- [Справка о «пломбированном вагоне»](#)
- [Ленин — Парвус — Людендорф](#)
- [Программа красных маршалов](#)
- [После расстрела генералов](#)
- [Сталин — Гитлер — Тухачевский](#)
- [В защиту демократии](#)
- [Демократия и диктатуры](#)
- [Триумф Сталина](#)
- [О войне, о Кремле и о патриотизме](#)
- [СОВРЕМЕННОСТИ Е. К. БРЕШКОВСКАЯ \(1844–1934\)](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)

- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)

- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)

- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)

- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)

- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)

- [265](#)
  - [266](#)
  - [267](#)
  - [268](#)
  - [269](#)
  - [270](#)
  - [271](#)
  - [272](#)
  - [273](#)
  - [274](#)
  - [275](#)
  - [276](#)
  - [277](#)
  - [278](#)
-

Человек, убитый 1917-м годом. Александр Керенский

О себе и о своей эпохе

Когда я был на вершине и толпа поклонялась мне, я спокойно говорил своим близким: подождите, она же придет заушать меня.

Л. Ф. Керенский

Будущий «вождь российской демократии» (примем эту дефиницию историков) родился 22 апреля 1881 года в Симбирске, где его отец Федор Михайлович Керенский, талантливый педагог, по образованию историк и классический филолог, служил директором гимназии, той самой, которую с отличием окончили братья Ульяновы. Напомним общеизвестное: старшего из них вскоре повесят как террориста, а младший прославится как большевистский вождь и первый враг Александра Керенского. «По иронии судьбы, — комментировал Керенский, — три человека, жизнь которых тесно сплелась в критические годы России, — всеми ненавидимый последний министр внутренних дел А. Д. Протопопов, Владимир Ленин и я были уроженцами Симбирска». И здесь же, словно отвечая биографам, которые до сих пор упорствуют в неправильном произношении его фамилии, Александр Федорович пояснял: «Наша фамилия... от реки Кёренки. Ударение делается на первом слоге (Керенский), а не на втором, как это часто делают у нас, в России, и за границей»^[1].

Он был в семье четвертым ребенком и всеобщим любимцем, баловнем матери Надежды Александровны: после трех дочерей — долгожданный сын! Александр, а вслед за ним его младший брат Федор навсегда сохранили привязанность к сестрам Наталье, Елене и Анне, которые стали для них и заботливыми няньками, и товарищами в шалостях. Сестры же с малолетства пристрастили братьев и к чтению.

Книги особенно помогли Саше интересно коротать досуг, когда его, шестилетнего, поразил страшный недуг, уложивший почти на год в постель: туберкулез бедренной кости. По предписанию профессора Студенского из Казани, к которому Сашу возили на консультации в санной тройке по льду Волги, его больную ногу упрятали в тяжелый кованный сапог с привязанным к каблуку грузом.

«Чтение стало основной привычкой всей моей жизни, — пишет в мемуарах Керенский. — Я позабыл обо всем на свете, не замечая тяжести отвратительного кованого сапога. Я проглатывал книги и журналы, исторические романы, описания путешествий, научные брошюры, рассказы об американских индейцах и жития святых. Я познал обаяние Пушкина, Лермонтова и Толстого, не мог оторваться от “Домби и сына” и проливал горючие слезы над “Хижиной дяди Тома”». К счастью, болезнь удалось излечить без следа (многих она и в наши дни приводит к пожизненной хромоте и преждевременной смерти).

В начале 1889 года Федора Михайловича назначают инспектором учебных заведений Туркестанского края, и Керенские переезжают в Ташкент. Здесь, вспоминает Александр, «мне предстояло провести школьные годы с 1890 по 1899 год и войти в новую социальную среду, совершенно непохожую на ту, что была характерна для европейской России».

В школьные годы в жизни Александра все большую роль стал играть отец. Инспектор принимал коллег и посетителей дома. В его кабинете во время острых политических бесед нередко оказывался и сын, увлеченно слушавший споры взрослых. «Отец часто упоминал Сергея Юльевича Витте, к которому относился с восхищением, — вспоминал Александр Федорович. —

Витте был честным, преданным государству политическим деятелем, обладавшим широким кругозором, но ему было крайне трудно отстаивать свои взгляды перед реакционными чиновниками Санкт — Петербурга. Однажды во время пребывания в Ташкенте Витте посетил отца. Его сердечность и учтивость позволили отцу сказать позднее: “Если бы все вельможи Санкт — Петербурга походили на Витте, Россия была бы совсем другой страной”».

В становлении мировосприятия юного Александра немаловажную роль сыграло еще одно событие: открытое письмо Льва Толстого, в котором писатель выразил свое негодование франко — русским военным союзом, заключенным в 1892 году. Для Толстого, пишет Керенский, «как и для всех прогрессивно настроенных граждан России, союз республики и самодержавия представлял грубое нарушение принципов справедливости и свободы. Этот яркий памфлет, серьезнейшее обвинение Александра III, не мог быть опубликован в России. Но, размноженный на mimeографе, он в тысячах экземпляров ходил по стране; один из них дошел до Ташкента». В тот послеобеденный час, когда отец взволнованно читал матери Надежде Александровне крамольное письмо, гимназисту удалось спрятаться за портьеру. «Затаив дыхание, — вспоминал Керенский, — слушал я толстовские обвинительные слова, каждое словно лезвие бритвы».

В 1899 году Александр окончил гимназию в числе лучших и отправился в Санкт — Петербург, в университет. Юноша — книголюб, склонный к гуманитарным знаниям, факультет избрал отцовский: историко — филологический.

Александру с детства внушали мораль истинно христианскую, ту, что изо дня в день несли людям в своих проповедях священники — его прадед Иосиф Дмитриевич и дед Михаил Иосифович: уважай законы чести и добропорядочности, исповедуй миролюбие, но не считай грехом восставать против зла и неправды. Став студентом, Александр впервые оказался один на один с действительностью, преподносившей ему на каждом шагу «неправды», то, с чем юноша смириться не мог, что возбуждало в нем протест. Это было, пишет он, стихийным, еще неосознанным началом политической деятельности. И выразилось оно в выступлениях на студенческих сходках, неожиданно привлечших к Александру Керенскому всеобщее внимание.

Уже тогда его речи отличались пылкостью и страстью. Но первое же его ораторствование, встреченное рукоплесканиями юных бунтарей, закончилось для второкурсника печально: хоть и кратковременным, но отлучением от университета — «отпуском» домой, к родителям в Ташкент. Впоследствии это свое наказание Керенский не без позы поименовал «ссылкой»: «Я стал “ссылным студентом”. Таков был первый знак отличия, который я получил в борьбе за свободу».

Бунтарство сына расстроило отца. И он добился от Александра обещания проявлять благоразумие — до получения диплома держаться в стороне от всякой политической деятельности.

Возвратившись в университет, Александр подает прошение о переводе на юридический факультет (к тому времени вышел приказ, воспрещавший учебу на двух факультетах сразу, что намеревался сделать Керенский). Правда, биографы объясняют смену профессии еще и неожиданно вспыхнувшим увлечением студента политическими науками, государствоведением, риторикой — как раз тем, что значилось главным в учебных планах будущих правоведов.

На юрфаке кумиром студентов был профессор Л. И. Петражицкий, читавший курс философии права. Лекции будущего думского деятеля и знаменитого оратора проходили при переполненных аудиториях — послушать его приходили студенты со всех факультетов. Одну из максим профессора Керенский воспринял как важный жизненный урок: «Подлинная мораль — это внутреннее осознание долга, выполнению которого человек должен посвятить всю свою жизнь, при одном обязательном условии: чтобы на него не оказывали никакого внешнего давления». То есть не зависеть от авторитетов, не поддаваться чуждым влияниям, оставаться

самостоятельным, искать собственные решения и ответы.

В студенческие годы Керенский охотно бывал в театрах, на музыкальных и литературных вечерах. Одним из его тайных увлечений была поэзия: он писал стихи, пряча их в стол (эти «пробы пера» сохранились в американском архиве). На одном из литературных журфиксов — в доме Барановских — он познакомился с Ольгой Львовной Барановской (1886–1975), студенткой бестужевско — рюминских Высших женских курсов, внучкой известного академика — китаеведа В. П. Васильева. Встреча стала «роковой» и счастливой для обоих: они полюбили друг друга.

Окончание университета в июне 1904 года ознаменовалось для Александра Федоровича еще одним событием: венчанием. А далее не заставило себя ждать и прибавление в семействе: у Керенских появились два сына — Олег (1905–1984) и Глеб (1907—?).

Выбор служебной стези Александр Федорович сделал еще в студенчестве: *защитник в политических процессах*. В России обретало силу беспокойное брожение умов, предвестье революций. Уже появились первые жертвы: в 1901–1903 годах усмирили пулями и жандармской плетью крестьянских и рабочих бунтовщиков. Ответный шаг был таким же кровавым: бомбой террориста, недавнего студента университета Егора Созонова, в июле 1904 года был убит главный усмиритель бунтов — министр внутренних дел В. К. Плеве.

Адвокатскую деятельность Керенский начал помощником присяжного поверенного в Народном доме графини С. В. Паниной, активно занимавшейся и политикой, и просветительством, и милосердным попечительством. Забегая вперед, скажем: Софья Владимировна станет членом ЦК партии конституционных демократов. Через десять лет она займет во Временном правительстве Керенского пост товарища министра народного просвещения.

9 января 1905 года Александр Федорович невольно стал участником расстрелянной войсками мирной демонстрации. Тяжело пережив эту кровавую трагедию, он в тот же день сочинил гневное письмо — обращение к гвардейским офицерам, геройски сражающимся на фронтах русско- японской войны: через них он хотел воззвать к совести тех командиров, что вывели солдат против мирных граждан. Это был вопль Дон Кихота — Керенский никем не был услышан и никого не устыдил. Отозвался на трагедию в столице и его земляк Ульянов — Ленин, увидевший в ней «великий урок гражданской войны».

Манифест 17 октября 1905 года, провозгласивший «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов», вызвал у Керенского вспышку острых эмоций: он вселил надежды на то, что грядут важные перемены.

В эти дни началось журналистское сотрудничество Керенского в «Буревестнике», бюллетене социалистов — революционеров. Тогда же Александр Федорович знакомится с Е. ФАзефом (вскоре разоблаченным провокатором из охранки), а также с двумя Борисами — Савинковым и Моисеенко, возглавлявшими Боевую террористическую организацию эсеров. Керенский даже был не против того, чтобы войти в их организацию. Однако Азеф ему решительно отказал. Керенский вспоминает, что в ту пору он «был абсолютно готов, в случае необходимости, взять на свою душу смертный грех и пойти на убийство того, кто, узурпировав верховную власть, вел страну к гибели».

Найденные у Керенского при обыске листовки «Организации вооруженного восстания» (напечатанные «Буревестником») стали поводом для его ареста. В питерской тюрьме Кресты молодой адвокат просидел с 12 декабря 1905-го по 20 апреля 1906 года. Одумался ли начинающий революционер за четыре месяца отсидки в одиночной камере? Вряд ли. Так же посчитала и охранка: за Керенским с того времени установили неусыпную слежку, не

снямавшуюся до 1917 года. По свидетельству Н. Н. Суханова, автора мемуарного трехтомника «Записки о русской революции», в охранке Керенскому присвоили кличку Скорый: два филера не поспевали за его стремительными передвижениями по городу, и потому назначили третьего — «извозчика» с пролеткой.

1906 год стал для Керенского памятным благодаря еще одному событию: 30 октября состоялся его дебют в качестве политического защитника и судебного оратора. Это был громкий процесс в Ревеле по делу крестьян, разграбивших поместье местного барона. Процесс вела группа местных адвокатов во главе с Я. Поской, будущим президентом Эстонской Республики. Однако возглавить защиту поручили столичному гостю.

«Преступление крестьян, — рассказал позже Керенский, — блекло перед жестокостью расправы с ними. Вместо ареста и содержания до суда под стражей обвиняемых подвергли порке, а многих даже застрелили на месте... Мне удалось не только успешно провести защиту, но и назвать организаторов и участников карательных экспедиций. Мы выиграли дело, большинство обвиненных крестьян было оправдано. Когда я кончил свою защитительную речь, наступила тишина, а затем она взорвалась бурей аплодисментов... После объявления приговора меня окружили адвокаты и родственники обвиняемых, чтобы пожать мне руку и от всей души поздравить с успехом. Я был несколько растерян. А Поска сказал: “Почему же вы сказали нам, что никогда прежде не вели процессов? Почему не приезжали сюда раньше?” Они никак не могли поверить, что это был мой первый процесс».

С этого времени начинаются «передвижения» Керенского по всей стране. Ему доверяют вести защиту в самых трудных политических процессах, которых в России год от году становится все больше. На этом поприще Керенский вскоре завоевывает, без преувеличения, огромную популярность. Его имя как равного стали называть в когорте самых блестящих юристов и судебных ораторов того времени.

В числе наиболее громких дел Керенского — участие в защите членов армянской партии «Дашнакцутюн» («Союз»). Это была большая группа врачей, юристов, литераторов, предпринимателей, которых привлекли к суду не только за революционную деятельность, но и за то, что они предоставили средства для освобождения армян, проживавших в Турции и подвергавшихся репрессиям. В ходе расследования было опрошено около шестисот свидетелей. Керенскому удалось выявить: большая часть дел сфальсифицирована. В результате из 145 представших перед судом 95 были оправданы. Процесс вызвал серьезный политический резонанс не только в России, но и за рубежом.

И месяца не прошло после «кавказского дела», как Александру Федоровичу пришлось снова снаряжаться в путь — на сей раз на Дальний Восток. 4 апреля 1912 года Россию облетела весть о расстреле рабочих англорусской Ленской золотопромышленной компании, выступивших с требованиями улучшить условия своего труда и быта.

Сначала расследованием кровавой драмы занималась правительственная комиссия во главе с бывшим министром юстиции С. С. Манухиным, срочно направленная на Лену с чрезвычайными полномочиями. Однако выводы и меры этой комиссии не успокоили общественность, и тогда оппозиционные фракции Государственной думы (либералы, социал — демократы и трудовики) решили послать к месту ленского побоища своих представителей. Возглавить группу авторитетных юристов и общественных деятелей поручили Керенскому. «В результате открытого расследования, — вспоминал Александр Федорович, — монопольное положение компании было ликвидировано, а ее администрация полностью реорганизована. Трущобы, в которых жили рабочие и их семьи, разрушили, а на их месте построили новые дома. Была повышена зарплата и значительно улучшены условия труда. Мы имели все основания испытывать чувство удовлетворения от проделанной сообща работы».

Еще осенью 1910 года Керенский получил от трудовой группы в Государственной думе польстившее ему предложение — баллотироваться на выборах в 4-ю Думу. Ему достался крайне трудный избирательный участок — Саратовская губерния. «Все другие кандидаты потерпели поражение в ходе предварительной кампании, — пишет он, — и к осени 1912 года я оказался единственным из 15 новых кандидатов от трудовой группы».

В конце 1915 года, в разгар своей активно развернувшейся думской деятельности, Керенский заболел, причем так серьезно, что провел в клинике (в Финляндии) более полугода. Там ему сделали весьма опасную операцию — вырезали почку, и это обрекло его до конца дней на строгие диетические ограничения. К работе Александр Федорович смог возвратиться через семь месяцев. И снова окунулся с головой в родную стихию — в водоворот митинговых речей, споров, выступлений.

Прочитывая сегодня импровизации Керенского — оратора (речи он никогда не писал заранее), произнесенные в канун Февральской революции, историки и биографы делают неожиданные открытия: как много в этих речах сбывшихся дальновидных суждений и пророчеств.

Чем ближе Россия подходила к рубежу социального взрыва, тем грозней рокотал баритон Керенского. 15 февраля 1917 года Александр Федорович с несдерживаемой тревогой и предупреждением обратился к депутатам с речью, которую позже будут цитировать и назовут исторической: «Страна уже в хаосе. Мы переживаем небывалую в исторические времена, в жизни нашей родины смуту. Смуту, перед которой время 1612 года кажется детскими сказочками!.. Посмотрите, господа, на этот хаос, посмотрите, что делала власть?.. Разве эти “тени”, эти марионетки, которые приходят сюда для того, чтобы уйти, разве это — реальная власть?.. Поняли ли вы, что исторической задачей русского народа в настоящий момент является задача уничтожения средневекового режима немедленно и во что бы то ни стало героическими личными жертвами тех людей, которые это исповедуют и которые этого хотят... Посмотрите на эти зарницы, которые начинают полосовать там и здесь небосклон Российской империи... Посмотрите, ведь эта энергия власти не останется бесплодной...»

Выступления Керенского, резкие, требовательные, будоражащие, не остались незамеченными и при дворе государя. «Керенского надо повесить на первом же фонаре», — заявила императрица Александра Федоровна. Однако Николая II думские речи встревожили и понуждали к действиям; паническое настроение царя наглядно отразилось в правительственной чехарде последних двух лет. Начались бесконечные смены министров и премьеров (Ил. Горемыкина сменил Б. В. Штюрмер, Штюрмера — А. Ф. Трепов, Трепова — Н. Д. Голицын). 6 и 9 декабря 1916 года московская полиция разогнала съезды Союза земств и Союза городов. Такая же участь ожидала и Думу.

«В те черные месяцы этот орган народного представительства, конечно же, весьма далекий от совершенства, был единственной надеждой России», — пишет Керенский и приводит сбивчивые от волнения слова председателя Думы М. В. Родзянко, сказанные им Николаю III 3 февраля 1917 года, в канун возобновления депутатских заседаний: «Я по всему вижу, что вас повели на самый опасный путь... вы хотите распустить Думу... Еще есть время, еще возможно все изменить и дать стране ответственное правительство. Видимо, этому не суждено сбыться. Ваше величество, вы выражаете несогласие со мной, и все останется, как было... Я вас предупреждаю, я убежден, что не пройдет трех недель, как вспыхнет такая революция, которая сметет вас, и вы уже не будете царствовать».

И предвещание Родзянко (не у Керенского ли почерпнутое?) сбылось. В последнюю декаду февраля ежедневно приходили вести о забастовках, а 23 февраля началась всеобщая стачка. Сдержат войсками противостояние тысяч возбужденных до предела рабочих было уже

невозможно.

Последняя сессия Думы все эти дни, с 1 ноября 1916-го по 26 февраля 1917 года, не прерывала заседаний. «Мысли всех депутатов были заняты ожиданием дворцовой революции», — отмечает Керенский. В полночь с 26 на 27 февраля царь своим указом работу Думы все-таки остановил. А утром в резервных батальонах гвардейских частей вспыхнул мятеж. В то же утро перестало существовать правительство князя Н. Д. Голицына. «Судьбоносные дни» — так озаглавил Керенский свой рассказ о событиях, в которых ему было уготовано самое видное и самое ответственное место.

Главный этап жизни Керенского начался в тот день, когда после горячих дебатов Временный комитет Государственной думы к полудню 2 марта 1917 года завершил подготовку списка министров Временного правительства. Огласить документ поручили П. Н. Милюкову. Павел Николаевич вышел в Екатерининский зал Таврического дворца, переполненный рабочими и солдатами. Назвал первое имя: князь Г. Е. Львов^[2], избран на посты министра-председателя и министра внутренних дел. В ответ — напряженное молчание, выкрики протеста. «Но, господа, — продолжил Милюков, чутко уловив настроение зала, — я счастлив сказать вам, что и общественность нецензурная тоже имеет своего представителя в нашем министерстве. Я только что получил согласие моего товарища Александра Федоровича Керенского занять пост в первом русском общественном кабинете. *(Бурные рукоплескания.)* Мы бесконечно рады были отдать в верные руки этого общественного деятеля то министерство, в котором он отдаст справедливое возмездие прислужникам старого режима, всем этим Шпормерам и Сухомлиновым. *(Рукоплескания.)* Трусливые герои дней, прошедших навеки, по воле судьбы окажутся во власти не щегловитовской юстиции, а министерства Александра Федоровича Керенского. *(Бурные рукоплескания, крики.)*». (Заславский Д. О., Канторович В. А. Хроника Февральской революции. Пг., 1924. С. 13).

Вечером того же дня Керенский, еще ранее занявший пост товарища председателя Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, явился на заседание и, прервав его, потребовал слова для внеочередного заявления. Ошеломленному Совету, только что решившему не участвовать в правительстве, Керенский объявил, что дал согласие принять портфель министра и теперь настаивает на доверии делегатов.

«Когда я спрыгнул со стола, — вспоминал ожидавший скандала Александр Федорович, — делегаты Совета подняли меня на плечи и пронесли через всю Думу до самых дверей, где заседал Временный комитет.

Пресса тех дней свидетельствовала: приход Керенского к власти одобрялся повсеместно. «Вот головокружительная карьера! — читаем в «Петроградском листке» 23 марта 1917 года. — В 36 лет еще не избранный, но уже признанный глава Российского государства. Не только министр юстиции — министр правды. Без Керенского русская революция немыслима. Если бы Керенского не было, его пришлось бы выдумать!»

За карьерным взлетом Керенского ревностно наблюдали и друзья, и недруги. А некоторым из сочувственников, среди них Зинаиде Гиппиус и ее окружению (Д. С. Мережковский, Д. В. Философов, А. В. Карташев, В. А. Злобин, Б. В. Савинков), в оценке личности Керенского довелось всего за год пройти путь от восторгов до разочарований. Это подробно зафиксировал дневник Гиппиус.

В их с Мережковским квартиру в угловом доме на перекрестке Сергиевской и Шереметьевской улиц Керенский забегал то и дело в течение всего 1917 года — в каждый свободный час: поделиться впечатлениями, повозмущаться («выпустить пар») и успокоенным вернуться в «свой» Таврический дворец.

«2 марта. Замечу следующее: революционный кабинет не содержит в себе ни одного

революционера, кроме Керенского. Правда, он один многих стоит».

«4 марта. Даже Д. В. (Философов. — Т. П.), вечный противник Керенского, вечно споривший с ним, сегодня признал: “Александр Федорович оказался живым воплощением революционного и государственного пафоса. Обдумывать некогда. Надо действовать по интуиции. И каждый раз у него интуиция гениальная”».

«7 марта. Керенский — сейчас единственный ни на одном из “двух берегов”, а там, где быть надлежит: с русской революцией. Единственный. Один. Но это страшно, что один».

«14 мая. В скором времени Керенский будет неограниченным властелином России... в ожидании Ленина».

«20 мая. Керенский военный министр. Пока что — он действует отлично... Керенский — настоящий человек на настоящем месте».

Оборвем здесь цитирование похвал Керенскому и приведем запись о нем позднюю, неожиданную:

« 5 ноября. Да, фатальный человек; слабый... герой. Мужественный... предатель. Женственный... революционер. Истерический главнокомандующий. Нежный, пылкий, боящийся крови — убийца. И очень, очень, очень, весь — несчастный» (*Гиппиус* 3. Собр. соч. М.: Русская книга, 2004. Т. 8: Дневник. 1893–1919. С. 225, 229, 235, 260, 333).

Чего ждали от Керенского? Что из грандиозных замыслов ему осуществить удалось и что осталось лишь провозглашенным в его бесчисленных речах 1917 года? К воспоминаниям и размышлениям об этом Александр Федорович и сам возвращался в течение всей своей жизни, написал несколько книг и сотни статей (с некоторыми из них читателей впервые знакомит наше издание). Из тех семи месяцев, что находилось у власти Временное правительство, редко какой день остался неописанным мемуаристами и неисследованным учеными. Из тысяч событий, наполнявших исторические дни России, скажем лишь о тех, которые Керенский сам выделил особо как важнейшие в своей судьбе, а также о тех, что до сих пор остаются недостаточно изученными и спорными.

Главным итогом Февральской революции Керенский справедливо считал то, что в России впервые за ее тысячелетнюю историю установился строй свободы, равенства и социальной справедливости. Фундаментом новой демократии стали «все гражданские и политические права человека и гражданина» («О революции 1917 года»). «Я категорически утверждаю, — продолжал Керенский, словно отвечая сразу всем своим обвинителям, тогдашним и будущим, — что Временное правительство, опираясь на все здоровые и демократические силы государства, целиком выполнило свой долг: после падения монархии в кратчайший срок весь государственный, административный и хозяйственный аппарат государства был перестроен на твердых началах политической и социальной демократии. Никакая дальнейшая демократизация была невозможна — она бы вела к абсурду; через абсурд — к диктатуре» (что позже как раз и продемонстрировали миру большевики).

В первый состав Временного правительства вошли министр — председатель и министр внутренних дел князь Г. Е. Львов (лидер земства), министры: иностранных дел — П. В. Милюков (кадет), военный и морской — А. И. Гучков (октябрист), путей сообщения — Н. В. Некрасов (кадет), торговли и промышленности — А. И. Коновалов (прогрессист), финансов — М. И. Терещенко, просвещения — А. Ап. Мануйлов (кадет), земледелия — А. И. Шингарев (кадет), юстиции — А. Ф. Керенский (трудолик, с марта эсер), обер — прокурор Синода — В. Н. Львов (центр), государственный контролер — И. В. Годнев (октябрист).

«Нас было одиннадцать, — вспоминает Керенский, — “десять министров — капиталистов” и один “заложник демократии”. Перед нами стояла тройная задача совершенно нечеловеческой трудности. Мы должны были: 1) восстановить весь аппарат управления государством сверху

донизу; 2) продолжать во что бы то ни стало войну и 3) в срочном порядке провести ряд крупных политических и социальных реформ, которых требовала революция» («О революции 1917 года»).

Именно этот состав Временного правительства, «капиталистический», во многом успешно осуществил «тройную задачу нечеловеческой трудности», преодолевая сопротивление Совета рабочих и солдатских депутатов, топившего решения в говорильне. Из новаторских реформ назовем самые важные. Кабинет министров упразднил нетрудовое землепользование и земледелие; подготовил положение о самоуправлении земств и городов на основе всеобщего избирательного права без различия пола; установил рабочий контроль на фабриках и заводах; предоставил широкие права профсоюзам; ввел восьмичасовой рабочий день на всех казенных заводах; разработал основы самого современного кооперативного законодательства; дал солдатам все права граждан вне строевой службы; положил начало переустройству империи в федерацию свободных народов.

Даже Ленин еще в преддверии Октябрьского переворота вынужден был признать: Февральская революция «сделала то, что в несколько месяцев Россия по своему *политическому* строю догнала передовые страны» (*Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 34. С. 198*).

Из «тройной задачи», как вспоминал Керенский, законодательное социально — политическое реформирование было для министров сравнительно легким. А вот непривычным и трудным стало управление, «в узком смысле слова — правительственная деятельность, требовавшая в хаосе революционного взрыва весьма сильного административного и полицейского аппарата, который еще нужно было создать. Нужно было создать технический аппарат и нужно было восстановить авторитет власти». Немаловажно при этом отметить, что возглавившая страну буржуазно — демократическая власть, к ее чести, верно избрала тогда главные направления своей деятельности — политику национального единения, смягчения классовых антагонизмов и предотвращения гражданской войны; сотрудничества всех партий; компромисса, соглашений и взаимных уступок.

И еще одно обстоятельство остановило внимание мемуаристов (о чем Керенский скромно умалчивал): в дни Февраля не премьер Львов, а именно он, единственный социалист в правительстве, оказался самым востребованным. Керенского всюду ждали, без него не принимались решения. Один из его соратников, будущий философ Ф. А. Степун, входивший в те дни в секретариат Керенского, не без иронии вспоминает, что каждому, кто в те дни являлся в Таврический дворец со своими вопросами и проблемами, «предстояло разрешение самой трудной задачи: поимки вездесущего и всюду отсутствующего товарища Керенского» (Бывшее и несбывшееся. Лондон, 1990. Т. 2. С. 33).

Сутками не выходил Керенский из Таврического дворца, забывая о еде, сне и отдыхе. В напряженной спешке, но внимательно и капитально в те «судьбоносные дни» создавались первые законы, манифесты, декреты.

Из решений, что были осуществлены лично им в первые дни Февральской революции, важнейшим Керенский считал отмену смертной казни. Как ни странно, но в пору, когда в стране хозяйничал «человек с ружьем», этот декрет, подписанный 12 марта, приветствовался «с одобрением по всей стране». Однако правоту своего гуманного решения Керенскому пришлось потом и доказывать, и отстаивать. Ему, которого считали идеалистом и мечтателем, казалось, что «падение старого режима со всем его тяжким прошлым освободит от крови и насилия, предаст забвению старые счеты и старые распри». Он рассчитывал, отменяя смертную казнь, что символом примирения станут «всеобщая политическая амнистия, вернувшая в Россию всех политических эмигрантов, освободившая всех политических заключенных». Но вскоре убедился, что ошибся. Среди тех немногих, кто выступил решительно против, громче всех возмущались

как раз амнистированные Керенским большевики: «им тогда уже хотелось крови» («О революции 1917 года»).

В атмосфере победной эйфории, воодушевлявшей на самоотверженную деятельность, министрам довелось поработать всего два месяца. В апреле Временное правительство было поражено первым кризисом. Его главной причиной стала антиправительственная позиция в вопросе о войне и мире, занятая министром иностранных дел. Как пишет Керенский, Миллюков, приняв правительственный портфель, взялся осуществлять «прекрасно продуманную программу внешней политики, абсолютно уместную осенью 1916 года. Однако в марте 1917-го она уже ничего не стоила. Та Россия, где ежедневно торжественно обсуждался вопрос о Дарданеллах, о водружении креста на куполе Святой Софии (в Константинополе. — *Ред.*), та Россия, в которой бесконечно доказывалась необходимость вести войну до победного конца, прекратила свое существование 12 марта 1917 года» (*Керенский Л. Ф. Русская революция: 1917. Перев. с франц. М.: Центрполиграф, 2005. С. 124*). По мнению британского посла Джорджа Бьюкенена, Миллюков оставался сторонником войны завоевательной, империалистической, в то время как Керенский тоже готов был продолжить войну, но — защитительную для России.

Наслушавшись дискуссий, вызывавших «во всей стране сильное раздражение», Временное правительство 27 марта прервало эти споры декларацией, в которой заявило: «Цель свободной России — не господство над другими народами, не отнятие у них национального достоинства, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов». В своей газете «Речь» Миллюков (он был ее главным редактором) декларацию правительства опубликовал, но тут же пояснил, что она «ничем не связывает министра, определяющего внешнюю политику».

Это заявление, комментирует Керенский, «произвело эффект разорвавшейся бомбы», в результате чего серьезно пострадал «с трудом укреплявшийся авторитет самого Временного правительства». Миллюкову был предложен другой пост в кабинете — министерство просвещения, от которого он возмущенно отказался и подал в отставку. Демонстративно подал в отставку и военный министр Гучков, которому дали понять, что он «не в силах препятствовать хаосу, развалу армии и флота».

После этих отставок особенно остро встал вопрос о преемнике Гучкова. Князь Львов, проведя консультации с командующими всех фронтов, вызвал к себе Керенского. «С точки зрения всех командующих, — сказал премьер, — только вы являетесь подходящим кандидатом... Нам нужен человек с вашим положением, которому доверяют страна и армия. Ваш долг — согласиться занять этот пост, и вы не вправе отказываться». Керенский такого поворота дела не ожидал и потому, спрашивая совета у Верховного ^[3] главнокомандующего М. В. Алексеева, не удержался от вопроса: «А нет ли у вас кандидата из военных?» Алексеев ответил: «Мы полагаем, что в нынешний момент пост военного министра не должен занимать генерал».

Апрельский правительственный кризис привел к созданию первого коалиционного кабинета. В него помимо эсера Керенского вошли лидеры левых партий и Совета рабочих и солдатских депутатов: трудовик П. Н. Переверзев, народный социалист А. В. Пешехонов, эсер В. М. Чернов, меньшевик И. Г. Церетели. «Новое коалиционное правительство, — подвел итог Керенский, — впервые после революции получило возможность управлять, требовать и приказывать», не согласовывая своих действий с Советом. Двоевластие первых двух месяцев революции был положен конец.

Начать свою деятельность новый военный министр принужден был с поездок по фронтам: требовались срочные меры против деморализации войск, участвовавшего дезертирства и расправ с офицерами, а еще более — против пораженчества в войне: «большевистская зараза быстро

распространилась по телу армии», «были роты, полки и даже целые дивизии, где доминировали большевистские пораженцы и платные германские агенты», где приказы не выполнялись, где правили демагоги и приспособленцы.

«Князь Львов, — вспоминает Александр Федорович, — как правило, обращался ко мне с просьбой отправиться в тот или иной район беспорядков, с тем чтобы живым словом сбить волну анархических настроений и оказать моральную поддержку здоровым и созидательным силам». Именно в эти месяцы к Керенскому приклеилась кличка «главноуговаривающий русской революции».

Когда Керенский был «в ударе», он действовал магнетически даже на очень враждебно настроенную толпу. Таким не раз видел его на фронте Ф. А. Степун, сопровождавший министра в качестве главного редактора газеты «Армия и флот свободной России». Стоя в своем автомобиле, Керенский произносил перед жадно внимавшими ему фронтовиками речь за речью: «Его широко разверстые руки то опускаются к толпе, как бы стремясь зачерпнуть живой воды волнующегося у его ног народного моря, то высоко поднимаются к небу. В раскатах его взволнованного голоса уже слышны столь характерные для него иступленные всплески. Заклиная армию отстоять Россию и революцию, землю и волю, Керенский требует, чтобы и ему дали винтовку, что он сам пойдет впереди, чтобы победить или умереть. Я вижу, как однорукий поручик, нервно подергивая лицом и телом, стремительно подходит к Керенскому и, сорвав с себя Георгиевский крест, нацепляет его на френч военного министра... Приливная волна жертвенного настроения вздымается все выше: одна за другой тянутся к Керенскому руки, один за другим летят в автомобиль Георгиевские кресты, солдатские, офицерские. Бушуют рукоплескания» (Бывшее и несбывшееся. Т. 2. С. 77).

Выступления министра были для армии ничуть не менее действенными, чем им же подписанные в эти дни приказы об ответственности за уклонение от воинской службы и «О правах военнослужащих». Готовилось вместе с союзниками июньское наступление. «Вся Россия пребывала в лихорадочном ожидании. Пойдут ли войска вперед?» (*Керенский А. Ф. Русская революция: 1917. С. 202*). И главное, что удалось выявить Керенскому, объезжая войска, державшие фронт: «Пойдут!»

К этому времени относится первая и единственная встреча Керенского с Лениным (вопреки утверждениям некоторых биографов, считающих, что они встречались еще в гимназические годы). Произошло это на Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, где 9 июня они обменялись резкими обвинениями. Ленин, выслушав заявление министра Церетели о том, что в России нет политической партии, готовой взять власть, сказал: «Я отвечаю: “Есть! Ни одна партия от этого отказываться не может, и наша партия от этого не отказывается: каждую минуту она готова взять власть целиком”» (*Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 32. С. 267*). Как вспоминает участник съезда Ф. А. Степун, «Ленину с большим ораторским подъемом и искренним нравственным негодованием возражал сам Керенский. С легкостью разбив детски — примитивные положения Ленина, он все же не уничтожил громадного впечатления от речи своего противника, смысл которой заключался не в программе построения новой жизни, а в пафосе разрушения старой» (Бывшее и несбывшееся. Т. 2. С. 104).

«Не знаю, о чем думал Ленин, слушая меня, — вспоминает Керенский. — Даже не знаю, слушал ли он или прислушивался к реакции присутствующих. Он не дождался конца моей речи, покинул зал с опущенной головой, с портфелем под мышкой, почти незаметно прошмыгнув между рядами» (*Русская революция: 1917. С. 200*). Вслед за Лениным ушли его соратники: их с нетерпением ждали в другом месте — там, где спешно готовилось вооруженное выступление под большевистским лозунгом «Долой министров — капитал истов!».

Заявленная Лениным на съезде Советов попытка вырвать власть у «временных» стала

эпицентром нового правительственного кризиса. «Кризис неслыханных размеров надвинулся на Россию...» — писал Ленин (Полн. собр. соч. Т. 32. С. 362). 3–5 июля ленинцы решились на восстание, что явилось для Керенского полной неожиданностью. Тогдашние политтехнологи предостерегали его от «правой» опасности (когда из правительства вышли сразу три кадета, создав тем самым министерский кризис), но беда пришла с прямо противоположной стороны — слева: большевики впервые громко заявили о себе.

По странной случайности, 3–6 июля сошлись два события, которыми «Россия была потрясена и ошеломлена»: «скомбинированным ударом — большевистской попыткой “прорвать внутренний фронт” в Петербурге и действительным прорывом фронта 11 — й армии немцами у Тарнополя». Ленинский удар в спину революции, отмечает Керенский, был отбит «почти мгновенно»: уже через день правительственные войска заняли «ленинскую цитадель» — особняк Кшесинской. Тогда же по распоряжению Керенского были арестованы руководители и участники восстания: Л. Д. Троцкий, Ф. Ф. Ильин (Раскольников), Л. Б. Каменев, М. Ю. Козловский, А. В. Луначарский, А. М. Коллонтай и другие. Избежали ареста только Ленин, Г. Е. Зиновьев, А. А. Парвус (Гельфанд), Я. С. Ганецкий (Фюрстенберг) и С. Г. Рошаль, успевшие скрыться в Финляндии. Однако напугали аресты многих.

Среди испуганных оказался глава Временного правительства Г. Е. Львов. Деликатный миротворец, устраивавший и левых, и правых, он вынужден был срочно просить об отставке, а уходя, сказал: «Для того, чтобы спасти положение, надо было разогнать Советы и стрелять в народ. Я не мог этого сделать. А Керенский это может». И предложил его вместо себя. Но Львов ошибался: «разогнать», «стрелять» — означало выступить диктатором. Гуманист и демократ Керенский, решительный противник любой диктатуры, сделать этого тоже никак не мог. Он и против бунта Корнилова, как увидим далее, выступил только для того, чтобы не дать восторжествовать диктатуре генеральской, которая, как считал он, пострашнее любой другой.

8 июля был сформирован *второй коалиционный кабинет*, который был объявлен как «правительство спасения революции». В нем Керенского избрали председателем с оставлением за ним поста военного и морского министра. В состав коалиции наряду с известными (Н. В. Некрасов, М. И. Терещенко, А. В. Пешехонов, В. М. Чернов) вошли также восемь новых политических фигур, представлявших все слои общества. Однако и этому кабинету не удалось вывести страну из состояния разрухи, войны и противоборства полярных политических сил.

Встревоженный более чем когда-либо, Керенский созывает Государственное совещание (оно проходило 12–15 августа 1917 года в Москве в Большом театре), где выступает с речью — самой исповедальной из всех, какие он когда-либо произносил. «Какая мука все видеть, все понимать, знать, что надо делать, и сделать этого не сметь!» — воскликнул он и на целую минуту замолк, борясь с волнением. В этой паузе любимец толпы позволил залу впервые почувствовать, сколь сильна и опасна переживаемая им «агония воли».

Вернувшись в столицу, он жалуется Савинкову: «Я умер, меня уже нет. На этом Совещании я умер».

В те же дни И. А. Бунин записывает в своем дневнике:

«13 августа. Кажется, одна из самых вредных фигур — Керенский. И направо и налево. А его произвели в герои.

14 августа. Царские почести Керенскому, его речь — сильно, здорово, но что из этого выйдет? Опять хвастливое красноречье...» (Бунин И. А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М.: Худож. литература, 1988. С. 372).

И действительно: желаемого результата совещание не дало; не прошло и месяца, как снова понадобилось перетасовывать правительственные портфели: 26–30 августа страну всполошил мятеж Корнилова. Даже и сейчас историки осторожничают, когда рассуждают о том, кто же был

более прав: доблестный генерал, вовлеченный в политические распри, или все-таки Керенский, не менее генерала желавший России избавиться от терзавших ее смут и стать демократической, свободной республикой?

Сам Керенский в мае 1919 года констатировал: «Заговор и восстание Корнилова открыли двери большевикам!» (см. в нашем издании очерк «Легенда о г. Савинкове. О восстании генерала Корнилова»). Это политическое резюме он не раз повторит, дополняя и уточняя, в других публикациях. «Попытка генеральского восстания, — итожит Керенский, — снова разрушила всякую дисциплину в армии. Убила авторитет не только верховного командования, но и самого Временного правительства».

России уже не могли помочь ни «пожарные» меры спасения, намеченные Демократическим совещанием 14–22 сентября 1917 года, ни шаги, предпринятые третьим коалиционным правительством (оно было спешно сформировано 25 сентября). В нем за Керенским опять оставили пост председателя, но добавили к тому назначение Верховным главнокомандующим.

7 октября 1917 года в Мариинском дворце, в резиденции бывшего Государственного совета, Керенский открыл заседание только что созданного Предпарламента (Временного совета Российской Республики). Снова собрался цвет российской интеллигенции. «Все эти люди, — вспоминал Керенский, — отдавали себе ясный отчет в том, что происходит в России, и прекрасно понимали, что нужно сделать, чтобы спасти ее.

Но никто из них не знал, как сделать то, что сделать нужно, как найти точку приложения своей, направленной против большевиков, воли».

Требовалось упредить захват власти Лениным. Но как?

24 октября Керенский выступил в Предпарламенте с заявлением, поддержанным резолюцией, о «состоянии восстания». Большевики тотчас демонстративно покинули заседание, а под утро силами Кексгольмского полка учинили разгон Предпарламента.

Всю ночь с 24 на 25 октября Керенский вел экстренное заседание правительства. Разошлись отдыхать под утро. В Зимнем дворце оставались только министр — председатель, А. И. Коновалов и М. Н. Кишкин. А в городе в эти часы уже осуществлялся — планомерно и стремительно — государственный переворот. В устье Невы вошли корабли Балтфлота. Прогремел выстрел «Авроры». На улицах хозяйничали патрули и отряды Красной гвардии; ими были захвачены почта, телефонная станция, большинство правительственных зданий. Телеграфные аппараты начали отстукивать: «Всем! Всем! Всем! Временное правительство свергнуто!» Обо всем этом Керенский узнал лишь тогда, когда в его кабинет вбежали адъютанты и предложили без промедлений покинуть Петроград.

«Даже сегодня, — напишет Керенский в 1965 году, — иностранцы не без легкого смущения иногда задают мне вопрос, правда ли, что я покинул Зимний дворец в одеянии медсестры! Можно простить иностранцам, поверившим столь гнусному утверждению. Но ведь эта чудовищная история до сих пор предлагается массовому читателю в Советском Союзе. В серьезных исторических исследованиях, опубликованных в Москве, дается правдивая версия моего отъезда из Петрограда в Гатчину, а в большинстве учебников истории вновь и вновь повторяется ложь о том, будто я спасался бегством, напялив на себя дамскую юбку, и все это делается ради того, чтобы дурачить людей и в России, и в других странах».

Карикатурный вариант вранья жив и сегодня, хотя уже опубликованы десятки свидетельств о том, как все было на самом деле. Керенский под угрозой расправы бежал из Зимнего дворца «в своей обычной полувоенной одежде», в том самом френче, в каком мы видим его на многих фотоснимках; вместе с помощником командующего Петроградским военным округом Кузьминым он выехал на автомобиле в Гатчину — туда, где располагались войска, пока еще

преданные Временному правительству.

Документально установлено, что в дни с 27 по 31 октября Керенский, сняв с себя обязанности главковерха и возложив их на генерала П. Н. Краснова, занимался с ним подготовкой «освободительного похода» на большевистский Петроград. Из затеи, однако, ничего не вышло: сил Для похода было собрано слишком мало: пять — шесть казачьих сотен красновского 3-го корпуса; остальные части держали фронт против немцев и оставались на позициях под Петроградом.

Историю бегства Керенского из Гатчины его главные фигуранты истолковали так противоречиво, что историки, не найдя подтверждений ни той, ни другой версии, приводят их обе. «В три часа дня, — вспоминает Краснов, — ко мне ворвался комитет 9-го Донского полка с войсковым старшиною Лаврухиным. Казаки истерично требовали немедленной выдачи Керенского, которого они сами под своей охраной отвезут в Смольный», на что генерал ответил категорическим отказом: «Предателями казаки никогда не были... Предавать человека, доверившегося нам, неблагородно». И, когда комитетчики ушли, Краснов тотчас предупредил Керенского об опасности и предложил ему немедленно покинуть Гатчинский дворец. «Как ни велика вина ваша перед Россией, — сказал он ему, — я не считаю себя вправе судить вас. За полчаса времени я вам ручаюсь» (*Краснов П. Н. Атаман*. М.: Вагриус, 2006. С. 381).

Приведя версию генерала, Керенский комментирует: «Все это сплошной вздор и вымысел» («Гатчина»). Краснов в тот день, 1 ноября, убеждал свергнутого премьера «отправиться в Петроград для переговоров с Лениным», что и вынудило Александра Федоровича «спасаться бегством». «Через несколько секунд, — пишет он, — я превратился в матроса довольно нелепого вида: рукава куртки были слишком коротки, а мои коричневые башмаки совсем не гармонировали с обмотками, матросская шапка была слишком мала и торчала на макушке. Маскировка заканчивалась выпуклыми автомобильными очками» («Моя жизнь в подполье»). Его вывели к автомобилю и под охраной солдат с гранатами вывезли из Гатчины.

Как он пережил свой крах, Александр Федорович написать в своих мемуарах не пожелал. Не станем и мы гадать, какими были для него те сорок дней, что он провел в лесном убежище под Лугой, скрываясь от ареста и неминуемого расстрела. Скажем лишь, что, выйдя из подполья, он до последнего часа своего пребывания на родной российской земле отказывался понять, что его время стремительно убегало в прошлое. Страна вверглась в гражданскую войну, в которой правили уже не столько политики, сколько генералы.

Министр — председатель еще какое-то время метался по войскам, взывая: «Опомнитесь!», агитируя: «Поддержите Учредительное собрание!», то самое, которое в январе 1918 года большевиками было разогнано (Ленин приказал стрелять, если не уйдут). Как и Временное правительство, этот орган власти ленинцам был не нужен, потому что в нем им удалось получить лишь 175 из 707 мест. Избранников народа постигнет страшная участь: и года не пройдет, как начнутся аресты не большевистских делегатов; многих казнят, остальные спасутся бегством за пределы России.

В начале мая 1918 года Керенский с рукописью книги «Дело Корнилова» тайно приехал в Москву. Отпустив бороду и усы («вид студента — нигилиста 60-х годов»), он скрывался на конспиративной квартире. Здесь в течение месяца устраивались его встречи с политическими единомышленниками. Представители патриотической, антибольшевистской и антигерманской России предполагали создать всероссийское демократическое правительство, которому надлежало вступить в переговоры со странами — союзницами. С этой миссией решено было послать за границу Керенского: «Меня делегировала Россия, которая отказалась признать сепаратный мир с Германией. Моя задача состояла в том, чтобы немедленно заручиться военной помощью союзников для восстановления русского фронта и тем самым обеспечить России

место среди союзных стран на предстоящих мирных переговорах».

В июне 1918 года Керенский, совершив на английском тральщике плавание по штормящему Северному Ледовитому океану, перебрался из Мурманска в порт Тюрсо на Оркнейских островах, а оттуда — в Лондон.

Переезжая из Лондона в Париж, из Парижа в Берлин, он предпринимает попытки напомнить о себе зарубежным политикам. «Он считал себя единственным и последним законным главой российского государства, собирався действовать в соответствии с этим принципом, но в этом своем убеждении сторонников не нашел» (*Берберова Н.* Курсив мой. М.: Согласие, 1996. С. 357).

Знавших Керенского в изгнании не переставала удивлять долго не оставлявшая его самонадеянность. Он не без упрямства продолжал верить в то, что, как в 1917-м, стоит ему позвать, и за ним пойдут — войска, народ, — ринутся громить большевиков. Однако сколько ни зывал он — речами, статьями, — понимание находил все реже и реже.

В эмигрантской деятельности Керенского на первый план все более выходила журналистика. Наконец он окончательно приходит к решению: отныне он, прежде всего, публицист, политический обозреватель и комментатор событий, мемуарист, благо словом владел Александр Федорович превосходно. Тут нежданно — негаданно он встретил поддержку: президент Чехословацкой Республики Томаш Масарик и министр иностранных дел Эдуард Бенеш отозвались на предложение Керенского создать фонд для проведения в эмиграции политической, пропагандистской и культурной работы. Как позже выяснилось — на деньги из золотого запаса России, вывезенного чехословацким корпусом.

На парижском совещании ближайших единомышленников (в основном эсеров), которое Керенский провел в начале июля 1920 года, было определено, на какие цели следует направить полученную помощь: как распорядитель фонда Александр Федорович выступил соучредителем главных эсеровских изданий — журналов «Современные записки» (Париж, 1920–1940) и «Революционная Россия» (1920–1931; субсидии с августа 1921 года), газет «Воля России» (1920–1932) и «Дни» (1922–1932).

Первой — с 12 сентября 1920 года — начала выходить в Праге «Воля России», где Керенский активно печатается. Пишет он, конечно же, о России: Александр Федорович ревностно следил за всем, что происходило «в стране творцов коммунистического строя». Из журнально — газетных публикаций 1920–1921 годов (60 статей, речей, докладов, мемуарных очерков) сложилась первая книга его политического дневника — «Издалёка» (Париж, 1922), представляя которую читателям, он пояснял: «Три с половиной года приходилось мне издалёка, прислушиваясь к России, отстаивать на страницах иностранной и зарубежной русской печати жизненнейшие интересы Родины, утверждая вместе с тем великую, непреходящую ценность достижений Февральской революции и вскрывая перед общественным мнением глубоко реакционную сущность не только генеральского, но и большевистского самовластья».

29 октября 1922 года в Берлине выходит первый номер газеты «Дни», которая сразу становится в ряд авторитетных эмигрантских изданий. Здесь ежедневно, расхаживая по кабинету, «Керенский диктовал свои передовые громким голосом, на всю редакцию. Они иногда выходили у него стихами», — вспоминает Н. Н. Берберова. «Дням» охотно отдавали свои произведения М. А. Осоргин и М. А. Алданов (они были редакторами литературного отдела), К. Д. Бальмонт и И. А. Бунин, З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковский, Б. К. Зайцев и А. М. Ремизов, И. С. Шмелев и М. И. Цветаева.

В сентябре 1925 года «Дни» переезжают в Париж и с 9 сентября 1928 года становятся еженедельным журналом. И хотя, как и прежде, здесь печатают свои стихи и прозу лучшие писатели зарубежья, на ведущее место в своем издании редактор Керенский вывел

полемическую злободневную публицистику. Это был прежде всего его собственный политический дневник «Голос издалёка». Им в 1928–1933 годах открывались все 173 книжки журнала (в каждой по две — четыре нумерованные статьи). 485 — номер последней публикации. За нею — не один том страстной публицистики Керенского. Она, эта цифра, подвела итог пятилетия жизни Керенского, показала, с каким самозабвенным напряжением он может работать, снова открыла современникам человека яркого и темпераментного, такого, каким он был в свои лучшие годы.

В журнале Керенскому удалось собрать авторитетный актив; Н. А. Бердяев, Е. К. Брешко — Брешковская, И. И. Бунаков (Фондаминский), М. В. Вишняк, Е. Д. Кускова, А. П. Марков, Е. Ю. Скобцова (Кузьмин на — Караваева, в монашестве мать Мария), С. М. Соловейчик, Г. П. Федотов, Ю. А. Ширинский — Шихматов.

Александр Федорович снова, как и в 1915–1917 годах, любит бывать у Мережковских, он желанный гость в их литературном кружке «Зеленая лампа» и на воскресных чаепитиях. В их доме на улице Колонель Бонне № 11–бис, который хорошо знал эмигрантский Париж, в 1927–1939 годах Керенский встречался, беседовал, спорил с Г. В. Адамовичем, М. А. Алдановым, И. А. Бунинным, Н. Н. Берберовой, Н. А. Бердяевым, Б. К. Зайцевым, Г. В. Ивановым, И. В. Одоевцевой, Ю. К. Терапиано, Н. А. Тэффи, В. Ф. Ходасевичем, И. И. Фондаминским, Л. И. Шестовым...

Встречи с ним ошеломяли, особенно новичков. «Я знакома со многими знаменитыми людьми, но с таким знаменитым человеком, как он, мне еще не приходилось встречаться... Ведь это тот самый Керенский, воплощавший свободу» (*Одоевцева И. В. На берегах Сены // Избранное. М.: Согласие, 1998. С. 630*). «Присутствие Керенского создавало в гостиной всегда праздничную атмосферу. Я мог поклясться, что иногда различал лавровый венок на его голове, постриженной ежиком» (*Яновский В. С. Поля Елисейские. СПб., 1993. С. 131*). «Больше всего пленяло то, что, как пытливо я ни всматривался, ища следов семимесячного головокружительного наваждения — сколько общественных деятелей до конца дней своих цеплялись за мимолетно полученные от революции звания сенаторов, министров, членов Учредительного собрания и т. д., — у Керенского никаких следов не сохранилось, за исключением вполне простительного, слишком субъективного отношения к своим более удачливым преемникам и упрямого деления революции на февральскую — пай и октябрьскую — бяка» (*Гессен И. В. В двух веках: Жизненный отчет // Архив русской революции. Т. 22. Берлин, 1937. С. 367*).

Любитель выступать с речами, Керенский в эмиграции делает это все реже. Может быть, потому, что в публике нет — нет да встречались те, кто выкрикивал оскорбления в его адрес, не давая говорить, освистывал каждое его слово. Однажды (это было в Нью — Йорке в 1927 году) в зале, где он читал лекцию о десятилетии Февраля, собралась пятитысячная толпа, которой правили злобно оравшие монархисты и бывшие военные; одна дама — аристократка выбежала на сцену с букетом цветов, но, подойдя к Керенскому, не букет вручила, а трижды ударила его по лицу.

Все это не могло не выводить Керенского из равновесия. Как пишет Н. Н. Берберова, «такой человек, как он, то есть в полном смысле *убитый* 1917 годом, должен был нарастить себе панцирь, чтобы дальше жить: панцирь, клюв, копи» (Курсив мой. С. 350). Об этом же хорошо сказала и Зинаида Гиппиус. Рассуждая о том, что эмигрантские политики «доброго, старого образца» к 1930–м годам стали «телами инородными», она делает важную оговорку: «Есть, впрочем, одно исключение: молодой среде оказался не чужд известный наш “политик”, — Керенский. Наблюдая со стороны, вижу: и разноголосица, и нелепые, подчас, споры, — но Керенский для “молодежи” в какой-то степени “мы”. Почему? Да опять потому, что он живет,

как ни в чем не бывало, с молодым свойством изменяться — переменяться, двигаться во времени; потому что он уже не политик — интеллигент довоенного образца, ни даже «главноуговаривающий» 17-го года. Он переменялся — изменялся вместе с переменой времен» (На парижских улицах запахло порохом // Сегодня. Рига. 1934. 29 апреля).

Это подтверждал и сам Керенский — своим политическим дневником «Голос издалёка», тем, что был начат в «Днях» и продолжился в 1936–1940 годах в журнале «Новая Россия» (читая дневник, П. Б. Струве назвал его «самым умным и полезным в эмиграции»). Нетрудно догадаться, о чем писал Александр Федорович. Конечно же, опять и опять о главном годе своей жизни, о «своем Феврале», о его последствиях и уроках, а также о той России, которая пошла не за ним, а за Ульяновым — Лениным и Сталиным.

Почему, оказавшись в изгнании, Керенский более полувека с настойчивым постоянством возвращался к «своему Февралю», вновь и вновь разъясняя его цели, значение, уроки? Ответ находим у него же: «Я знаю, что не только иностранцы, но и большинство россиян, по обе стороны рубежа, знакомы с историей Февральской революции и с деятельностью ее правительства почти исключительно *по памфлетам* защитников правой или левой диктатуры или по рассказам сторонников павшей монархии... Русская печать питается легендами, враждебными Февралю и его правительству» («Политика Временного правительства»).

В начале 1938 года Керенский принял приглашение приехать с лекциями в США. И уже 2 марта в Нью — Йорке состоялось его выступление. «Взгляните на карту Европы, — говорил Керенский. — Испанию пожирает огонь гражданской войны. Северная Африка медленно минирована. Средиземное море превращено в осиное гнездо. Фашисты и коммунисты пользуются малой гражданской войной в Палестине, чтобы разжигать националистические страсти в мусульманских странах. Балканы постепенно отрываются от Лиги Наций, дабы следовать за Германией... Вместо всеобщего разоружения — пламя войны все разрастается, и все ярче его зловещее зарево» («В защиту демократии»). Размышления русского политика о войне и мире прозвучали для американцев пророчески: тысячная аудитория Тоун — холла, самого большого зала в США, с жадностью внимала каждому его слову.

Главные газеты и журналы Соединенных Штатов растиражировали полные тексты не только этой, но и других речей Керенского, с которыми он тогда выступил в Бостоне, Филадельфии, Чикаго, Вашингтоне, Детройте, Торонто...

Керенский вернулся в Париж, но, как оказалось, не надолго: как и предупреждал он, началась Вторая мировая. Гитлер, быстро оккупировавший пол — Европы, вторгся и во Францию. 11 июня 1940 года в пять утра, накануне падения Парижа, Берберова проводила и Керенского, и его вторую жену — австралийку Терезу Лидию Триттин (Нелл; 1909–1946) на вокзал. Они уехали (точнее, бежали, как и многие в те дни) сперва в Испанию, а оттуда — в США: у Гитлера, как и у Сталина, Керенский значился в списке врагов, подлежащих уничтожению.

Когда гитлеровцы вторглись в Советский Союз, перед русским зарубежьем встал один и тот же вопрос: «С кем вы, эмигранты?» Выступая 27 июня 1941 года по американскому радио, Керенский сказал: «Я объявляю от имени огромного большинства русского народа внутри России и за границей, что мы берем на себя обязанность служить нашей стране, несмотря на кремлевскую диктатуру... Мы, настоящие русские патриоты за границей, без различия партий или социальных положений, всем сердцем и всей душой поддерживаем страшную борьбу русской армии» (Новое русское слово. 1941. 28 июня).

Этот призыв слышали и поддержали тысячи российских патриотов во всех уголках эмигрантского рассеяния. Керенского же особенно порадовало то, что среди тех, кто думал так же, как он, были почти все его «старые знакомые», «друзья и недруги»: политики

П. Н. Милюков, В. М. Чернов, П. П. Юренев, Ф. А. Степун, И. И. Фондаминский (погиб в Освенциме), В. А. Маклаков, генерал А. И. Деникин, деятели культуры С. В. Рахманинов, А. Н. Бенуа, М. А. Алданов, Н. Н. Берберова, И. А. Бунин, Б. К. Зайцев, мать Мария (погибла в Равенсбрюке), М. А. Осоргин...

В конце 1950-х годов Александр Федорович получает приглашение поработать в Стенфордском университете и Гуверовском институте войны, революции и мира. Ему поручают исследовать и подготовить к печати хранящиеся в институтском архиве подлинные документы Временного правительства. Александр Федорович со всей добросовестностью отнесся к этому поручению. Чтение текстов словно вернуло ему молодость, позволило еще раз заглянуть в те лучшие, ни на миг не забываемые им дни. В 1961 году трехтомный сборник «The Russian Provisional Government, 1917» вышел в свет. Это был подарок Керенского самому себе — к восьмидесятилетию. Александр Федорович сопроводил издание обстоятельной вступительной статьей и комментариями. Изучая эти и другие книги Керенского, исследователи все более убеждаются: другим первоисточникам крайне трудно соперничать с его свидетельствами. Любые отклонения от правды, малейшие искажения фактов Керенский побивает документами, ссылками на которые полны его мемуары и которые в подлинниках предстали наконец перед читателями (к сожалению, пока зарубежными).

Каким был Керенский в последние годы жизни? Об этом нам оставила воспоминания Н. Н. Берберова: «По полутемным комнатам, старомодным покоем дома Симпсонов, где он жил, опекаемый слугами — японцами, служившими в доме с незапамятных времен, он бродил ощупью между своей спальней, библиотекой и столовой, операция катаракты не дала результатов, а правый глаз был потерян давно» (Курсив мой. С. 351). И еще: «Людей вокруг него почти не оставалось». Он пережил одного за другим всех своих сверстников. Не осталось у него связей и с первой семьей: О. Л. Барановская с сыновьями и внуками жила в Лондоне, лишь изредка напоминая о себе бывшему супругу.

В апреле 1970 года Александр Федорович выступил в Лондоне на радиостанции, вещавшей на Советский Союз. «Россия придет к свободе», — в который раз убежденно повторил он свое пророчество. И еще об одном сказал он в том выступлении — последнем в его жизни: у России «было немало замечательных имен, заслуживающих всяческого уважения». Произнося эти слова, Александр Федорович тайно надеялся, что в ряду «замечательных» будут называть и его имя.

Воодушевленный своей речью, «удачной», как ему сказали друзья, он вернулся в Нью — Йорк. Здесь поджидала его беда. На пути к дому после обязательного каждодневного моциона полуслепой и немощный в свои восемьдесят девять лет Александр Федорович оступился на лестнице и упал. Вызванный на дом хирург определил перелом тазовых костей и вывих плеча. Последовали семь недель мучительной борьбы за жизнь, и 11 июня 1970 года в 5 часов 45 минут утра Александра Федоровича Керенского не стало.

Итог его жизни подвела в некрологе парижская «Русская мысль» (1970. 18 июня), много лет относившаяся к нему недружественно. На сей раз газета очень старалась быть объективной: «Вся биография этого удивительного человека вмещается в несколько месяцев 1917 года. Все остальное — и то, что он родился в 1881 году в том же самом Симбирске и в той же учительской среде, где на несколько лет раньше (на одиннадцать лет раньше. — Т. П.) увидел свет его будущий соперник и победитель Ленин, и то, что в 1912 году молодым адвокатом он стал депутатом Государственной думы и вошел в численно незначительную фракцию трудовиков, и то, что впоследствии, после поражения тенью прошлого 50 лет жил в изгнании (в Париже, Лондоне и, наконец, в Нью — Йорке), — как будто относится к другому лицу... Он вызывал (правда, недолгое) восхищение одних и столь же безмерную, но уже провожающую его даже до могилы ненависть других. Ни того, ни другого, по совести говоря, он не заслужил».

Государственная измена Ленина

Государственная измена Ленина, совершенная им в самый разгар войны, исторически бесспорный и несомненный факт.

Конечно, Ленин не был вульгарным, в обычном смысле слова, агентом Германии. «Буржуазное» отечество он не считал своим отечеством и никаких по отношению к нему обязательств в себе не чувствовал. Измышленная же им теория пораженчества вообще и поражение царской монархии «в первую очередь» психологически вполне подготовила его к осуществлению его теорий путями, которые на обычном языке «буржуазной» государственности именуются предательством и изменой.

Нужно сказать, что самая чудовищность преступления Ленина сделала его настолько невероятным в сознании обыкновенного честного человека, что до сих пор еще огромное большинство людей не может поверить в факт. А между тем он подтвержден сейчас уже и совершенно определенными признаниями в воспоминаниях Гинденбурга^[4], Людендорфа^[5] и генерала Гофмана^[6], ближайшего руководителя всех немецких операций на русском фронте, и разоблачением Эдуарда Бернштейна^[7].

Я не буду здесь приводить всех соответствующих выдержек из опубликованных работ упомянутых только что трех немецких генералов. Достаточно следующих немногих слов генерала Людендорфа: «Наше правительство, *послав Ленина в Россию*, взяло на себя огромную ответственность. Это путешествие оправдывалось с военной точки зрения: нужно было, чтобы Россия пала».

Мне лично не нужно было ждать поздних, после войны, германских полупризнаний. Измену Российскому государству Ленина и его сотрудников ближайших мы, Временное правительство, установили летом 1917 года самостоятельно. Дело было так.

Еще до революции Германия — как, впрочем, и все прочие воюющие государства, за исключением России, которая вообще в методах морального разложения тыла противника далеко отставала от прочих воюющих держав, в особенности от Англии и Германии, — Германия вербовала среди русских военнопленных себе шпионов.

Затем германский штаб доставлял их к границам России, где они появлялись в качестве счастливо бежавших из плена «героев».

В первое время Февральского переворота посылки таких сотрудников из Германии в Россию очень усилились. Ведь первые недели после революции охрана границ Финляндии была совершенно разрушена, так же как и почти весь аппарат русской контрразведки. Один из таких шпионов — добровольцев, между прочим, явился прямо ко мне. Он объяснил, что принял предложение быть шпионом исключительно для того, чтобы узнать те пути, которыми предатели, приехавшие в Россию, должны сноситься с их германским начальством. Он изложил мне технику связи с Германией. Однако сообщение этого эмигранта не было особенно ценным и, по проверке, никаких настоящих путей к раскрытию серьезного шпионского аппарата в России не дало.

Зато сведения другого разоблачителя дали совсем другие и чрезвычайно ценные *решающие* для определения отношения большевиков к германскому штабу сведения.

В апреле месяце в Ставку Верховного главнокомандующего генерала Алексеева^[8] явился «бежавший из плена» офицер — украинец Ермоленко^[9]. Он заявил, что, будучи в плену, фиктивно принял на себя роль агента германского штаба. На него была возложена обязанность работать по возвращении в Россию в тылах русской армии для усиления украинского сепаратистского движения. Ему были указаны пути и средства сношения, банки, через которые

будут получаться нужные денежные средства, а также названы некоторые другие виднейшие агенты, среди которых крупные украинцы — самостийники и... Ленин.

Когда в середине мая, сейчас же после своего назначения военным министром, я был в Ставке, генерал Алексеев вместе с начальником штаба генералом Деникиным^[10] сделали мне подробное о том сообщение и передали особую докладную записку с точным указанием путей, связывающих русских предателей с их германскими высокопоставленными друзьями.

Исследовать указанные Ермоленко пути; выследить агентов связи между Лениным и Людендорфом; захватить их с поличным, если это окажется возможным, — вот труднейшая задача, которая встала тогда перед Временным правительством.

Малейшая огласка, конечно, заставила бы германский штаб изменить систему сношений с Россией. А в условиях абсолютной свободы печати, существовавшей тогда в России — с фактической отменой даже военной цензуры! — разоблачения Ермоленко стали бы всеобщим достоянием, как только малейшие сведения о них проникли бы в самые замкнутые, самые серьезные политические круги. Даже в самом правительстве необходимо было в наибольшей степени ограничить круг посвященных в эту государственную тайну чрезвычайной важности.

Мы решили с генералом Алексеевым, что работа по разоблачению по путям Ермоленко связи неприятеля с украинцами будет производиться в особо секретном порядке непосредственно Ставкой. Расследование же указаний на Ленина я взял на ответственность Временного правительства. Кроме князя Львова^[11] в правительстве об этом знали, кроме меня, только двое: министр иностранных дел Терещенко и министр путей сообщения Некрасов («триумвират»). И в этом узком кругу исполнение задачи было поручено Терещенко^[12], а каждый из нас остальных старался по возможности не интересоваться подробностями начатой работы. А работа была крайне кропотливая, трудная, сложная и долгая. Некоторые данные, еще раньше полученные М. И. Терещенко дипломатическим путем, ускорили расследование.

Итоги зато получились для Ленина убийственные!

Весь аппарат сношений Ленина с Германией был установлен. Были установлены, в частности, и те лица (Фюрстенберг — Ганецкий в Швеции, адвокат Козловский^[13] и Суменсон^[14] в Стокгольме), через которых шли денежные переводы из Берлина («Discontogesellschaft»^[15]) через Стокгольм (Ниа — банк) в Петербург (Сибирский банк).

Арестованный во время июльского восстания Козловский при предъявлении ему уличающих документов не отрицал получения огромных сумм из-за границы. В свое оправдание этот когда-то порядочный человек, член польской социалистической партии, нагло заявил, что он вместе с госпожой Суменсон и Ганецким занимался во время войны контрабандным провозом в Россию, я не помню сейчас каких, предметов дамского туалета.

Как раз в дни, когда вспыхнуло в Петербурге большевистское восстание (3–5 июля), через Финляндию должен был проехать в Петербург главный германо — большевистский агент в Стокгольме Ганецкий. На русско — шведской границе с уличающими Ленина документами на себе — это было точно нам известно — Ганецкий должен был быть арестован русскими властями.

Почему этого не случилось и почему вся исключительной важности двухмесячная работа Временного правительства (главным образом Терещенко) по разоблачению большевистского предательства пошла прахом — будет сказано дальше. Сейчас же я могу только с полной ответственностью перед историей повторить слова из опубликованного сейчас же после июльского большевистского восстания и проредактированного лично мной объявления прокурора С. — Петербургской судебной палаты.

«Каковы бы ни были мотивы деятельности Ленина и его ближайших сотрудников, они

образовали весной 1917 года внутри большевистской партии организацию, которая, в целях способствования находящимся в войне с Россией государствам во враждебных против нее действиях, вошла с агентами названных государств в соглашение содействовать дезорганизации русской армии и тыла, для чего на полученные от этих государств денежные средства организовала пропаганду среди населения и войск». А затем «в тех же целях, в период времени 3–5 июля, организовала в Петербурге вооруженное восстание против существующей в государстве верховной власти».

Из этого уже видно, что борьба с большевиками была для Временного правительства только продолжением военной борьбы с Германией. И не будь за спиной у Ленина всей материальной и технической мощи германского аппарата пропаганды и разведки, ему никогда, конечно, не удалось бы взорвать Россию.

Говоря это, я вовсе не хочу возложить ответственность за развал России на Германию. Последняя европейская война ввела в практику всех воюющих государств не только ядовитые газы для физического отравления неприятеля; нет, в эту войну в неслыханном раньше размере пользовались ядовитыми газами пропаганды и подкупа как средством вооруженной борьбы для духовного разложения неприятельских тылов. Некоторые уже появившиеся материалы об организации этой службы в Англии и Германии показывают, во — первых, что везде одинаково все моральные законы человеческого общежития были отменены при фабрикации духовной отравы и разложения в неприятельских странах, а во — вторых, что в способах своей работы германская служба пропаганды ничем не отличалась от таковой же службы союзников. И не вина, конечно, германского народа, если только в одной России нашлись политические деятели с большими именами и с огромным прошлым, вступившие на путь, на который идет далеко не всякий даже обычный неродяй.

Особая же трудность работы по разоблачению предательства большевистской головки заключалась в том, что культурная, политическая Россия, вообще мало искушенная в «практической политике», тогда в первые месяцы освобождения была сверху донизу так особенно чисто и идеалистически настроена, что просто не могла воспринять, понять, представить себе, как нечто, хотя бы отдаленным образом правдоподобное, ужас происходящего за закрытыми наглухо дверями Центрального комитета большевистской партии.

Сейчас и в России, и за границей Временному правительству ставят особенно в вину то, что оно пропустило в Россию ехавшего через Германию Ленина, не арестовало его на границе. Прежде всего, соглашение Ленина с Людендорфом не зависело от маршрута первого из Швейцарии в Россию. Ленин сначала и добивался, через Временное правительство, от союзников пути на Францию и Англию, чтобы объехать Германию. Денежную же помощь из Германии Ленин получал во время войны, до русской революции. В этих условиях проезд изменников через Германию был скорее для России первым предостережением и действительно он многих насторожил сразу.

А затем, как бы могли арестовать Ленина на границе, когда в то время, 2–3 апреля 1917 года, таможенная и охранная служба на русско — шведской границе не была еще после революционного взрыва восстановлена?! В заседании Временного правительства, где обсуждался вопрос об отношении к эмигрантам, возвращавшимся через Германию, министр внутренних дел князь Львов и военный министр А. И. Гучков^[16] категорически заявили, что у них нет технических средств воспрепятствовать их проезду в Россию.

Но если бы даже эти технические средства были в распоряжении Временного правительства, оно не могло бы, вероятно, применить их на деле. Ведь право возврата на родину всех политических эмигрантов, без различия их политических убеждений, являлось тогда властным желанием всей страны.

Теперь, через десять лет, трудно даже поверить, что главный орган конституционно — демократической партии петербургская газета «Речь» приветствовала, несмотря на проезд через Германию, появление Ленина в Петербурге. По мнению либерально-демократической газеты — «такой общепризнанный глава социалистической партии (т. е. Ленин) должен быть на арене борьбы, и его прибытие в Россию, какого бы мнения ни держаться об его взглядах, можно приветствовать».

Что же удивительного после этого, если более левые социалистические органы печати и вожди левой демократии весьма долго еще не могли относиться к Ленину так, как подобало относиться к злейшему врагу русского освобождения, и пытались остановить разрушительную работу его партии в порядке соглашений, а иногда и уступок?!

Что же касается самих большевиков, то, если даже родной воздух России и пробудил в Ленине, Зиновьеве^[17] и прочих некоторое чувство чести и совести, они остановиться на путях разрушения уже не могли. Каждый их шаг контролировался представителями Людендорфа, и неограниченные материальные возможности пропаганды «социальной революции» иссякли бы при первом отклонении большевистского Цека от пораженческой программы. Таким образом, примирение, какое-либо соглашение между большевиками и силами русской демократии было объективно невозможно. Физическая борьба между ними была неизбежна, как неизбежна была борьба России с Германией на фронте.

И действительно, с началом перехода русских войск в наступление — против Германии — наступление в тылах русской армии против революционной России начал большевистский штаб.

Я уже писал о том, как в последние дни перед наступлением во время съезда Советов большевики, через головы руководителей большинства Советов, пытались устроить в Петербурге вооруженную демонстрацию. 10 июня эта демонстрация была сорвана. В первый день наступления, 18 июня, в Петербурге беспорядки снова разгорелись; причем с помощью явившихся из Кронштадта матросов большевистские банды ворвались в тюрьму и насильственно освободили одного из самых злостных пораженческих пропагандистов на Северном фронте. Не отрицаю, что переход русских войск в наступление вызвал крайнее раздражение в некоторой части пролетариата, и в особенности в тыловых, развращенных долгими месяцами полной праздности войсковых частях, чем и воспользовались большевики.

На фронте многих пребывавших несколько месяцев в окопах, привыкших к мирному житию солдат даже один вид раненого приводил в совершенную ярость против правительства, «купленного английскими капиталистами».

Естественно, что и большевистская печать в России, и специально предназначенные для наших окопов русские издания германского штаба безмерно преувеличивали количество понесенных нами во время наступательных операций потерь. Отныне я получил новый титул в ленинских изданиях — «Александр IV Кровавый». Так, вокруг большевиков и в тылу и на фронте стягивались все самые темные, самые черные, разрушительные, антигосударственные силы.

Когда 2 июля я заехал по срочным делам с фронта в Петербург, здесь уже чувствовалось, что назревают какие-то весьма серьезные и решительные события.

За время моих двухмесячных, почти непрерывных скитаний по фронту политическая обстановка Петербурга совершенно переменилась. Само правительство первой коалиции к концу второго месяца существования переживало внутренний кризис.

Три министра из партии конституционных демократов — министр финансов Шингарев^[18], министр социального призрения князь Д. Шаховской^[19], министр народного просвещения профессор Мануйлов^[20] — вышли в отставку. Поводом послужили якобы чрезмерные уступки большинства Временного правительства требованиям украинцев. Действительной же причиной

ухода было обвинение Временного правительства в том, что оно находилось в чрезмерной зависимости от воли Советов. Таким образом, рассуждал Центральный комитет конституционно — демократической партии, основной принцип коалиции, равноправия «буржуазных» и социалистических его элементов, нарушен и полнота власти Временного правительства тем умалена.

Необоснованная фронда кадетских министров сама по себе не имела существенного значения, и в более спокойной обстановке кризис, вероятно, был бы разрешен быстро и безболезненно.

Суть была не в нем самом, а в том, что уход части «буржуазных» министров дал большевикам удобный предлог к началу нового бунтарского движения под лозунгом «Вся власть Советам».

Конечно, всему подготовленному большевиками движению был придан характер совершенной неожиданности для самих организаторов. К вечеру 2 июля в городе стало известно об уходе трех министров — кадетов.

Вечером же этого дня от первого запасного пулеметного полка в другие казармы стали рассылаться делегаты с письменным предложением примкнуть на завтра, 3 июля, к вооруженному восстанию на предмет свержения Временного правительства и передачи всей власти Советам.

Не помню, в этот ли вечер или на другой день утром я был в Исполнительном комитете съезда Советов, где большевики чуть не клятвенно уверяли, что они никакого отношения к «самочинному» выступлению пулеметчиков не имеют. В собрании рабочей секции Петербургского Совета, — которую большевики упорно недели две уже перед этим обрабатывали в нужном духе, чтобы сделать ее опорой восстания в фабричной среде, — они же настойчиво напоминали о воспрещении всяких вооруженных выступлений без разрешения Исполнительного комитета Совета. Кто-то из видных большевиков для видимости участвовал даже в разъездах с другими членами Исполнительного комитета съезда Советов по казармам для предотвращения дальнейшего развития бунта. Вся эта игра большевиков в невинность имела своей целью прикрыть отступление на случай неудачи восстания. Как опытные уголовные преступники, ленинцы заранее собирали материал для своего «алиби».

На самом деле вся организация вооруженного восстания на 3 июля была подготовлена в главной квартире большевистского Центрального комитета, во дворце Кшесинской [\[21\]](#), где в течение нескольких дней, почти не расходясь, заседала большевистская военная организация. В эту организацию на эти дни кроме обычных ее членов были привлечены представители готовых идти за большевиками полков, в том числе и того самого запасного пулеметного, который будто бы самовольно начал бунт. Именно Центральный комитет большевиков, и никто другой, подготовил «самочинное» выступление пулеметчиков. Именно этот комитет, и никто другой, рассылал боевые приказы о вооруженном восстании. Именно он, и никто другой, в ночь на 3-е, а может быть и раньше, потребовал из Кронштадта высылки крейсеров и присылки боевых матросских отрядов.

2 июля были получены тяжкие сведения из армии Корнилова [\[22\]](#): под усиливающимся нажимом неприятеля 8-я армия очистила Калущ, где при отходе войсками был учинен погром местных жителей. Западный фронт генерала Деникина тоже очень тревожно доживал последние дни перед наступлением. Я совершенно обязательно должен был вернуться на фронт. И мой отъезд был назначен вечером в тот же день — 3-го.

Перед самым моим отъездом на улицах С. — Петербурга появились грузовики, наполненные какими-то неизвестными вооруженными людьми. Одни из этих грузовиков разъезжали по казармам, побуждая солдат примкнуть к начинавшемуся вооруженному

восстанию. Другие же гонялись по городу следом за мной. В подъезд квартиры министра — председателя князя Львова в нижнем этаже здания Министерства внутренних дел одна из таких банд ворвалась почти следом за тем, как я оттуда уехал. А только что мой поезд отошел на фронт, как на вокзал ворвался другой грузовик. Над вооруженными людьми развивался красный флаг с надписью «Первая пуля Керенскому».

2 июля, уже на фронте, объезжая вместе с генералом Деникиным и представителями фронтового комитета войсковые части на боевых позициях, я стал получать одну телеграмму тревожнее другой. Восстание в Петербурге разгоралось. Некоторые полки открыто выступили. Другие, лучшие, — лейб — гвардии Преображенский, Семеновский, Измайловский, — объявили себя в борьбе правительства с большевиками... «нейтральными».

Заседания правительства перенесены были в штаб военного округа. Таврический дворец, где помещались Всероссийский исполнительный комитет съезда Советов и Исполнительный комитет Петербургского Совета, окружен восставшими солдатами и красногвардейцами. Эти «сознательные пролетарии» пытаются учинить расправу над некоторыми лидерами (Церетели, Чернов^[23]) большинства Советов, отнюдь не согласных содействовать переходу государственной власти в руки Советов.

Именно в эти критические дни особенно ярко обнаружилось огромное значение привлечения в состав Временного правительства представителей социалистических партий и Советов. Весь натиск разъяренной большевиками солдатской и рабочей черни пришлось выдержать в Таврическом дворце именно «министрам- социалистам» и вообще вождям советского большинства.

Именно в эти критические часы 4 июля завершился процесс, начавшийся еще в начале мая: *между большевиками и русской демократией произошел решительный и полный разрыв*. Огромное большинство русской демократии отвернулось в эти дни окончательно от лозунга «Вся власть Советам». Этот соблазнительный призыв стал отныне исключительно тактическим прикрытием борьбы большевиков за диктатуру.

Тягостное и неопределенное положение вокруг Таврического дворца было завершено приходом на помощь советского большинства правительственных войск. По пути ко дворцу казаки на Литейном были внезапно обстреляны и потеряли 7 человек убитыми и 30 ранеными. Это были единственные жертвы «правительственных репрессий». Мятежные толпы, окружавшие здание Совета, разбежались при первых холостых выстрелах из орудий.

Ввиду колеблющихся настроений Петербургского гарнизона правительством вызваны были войска с Северного фронта. Послано было также требование командующему Балтийским флотом адмиралу Вердеревскому^[24] выслать в Петербург на помощь правительству верные суда. Фактически в дни большевистского восстания власть командного состава во флоте оказалась под абсолютным контролем Центрального комитета Балтийского флота, *где распоряжался впоследствии много на шумевший матрос — большевик из полу интеллигентов Дыбенко*^[25]. Поэтому адмирал Вердеревский вынужден был послать правительству резкий отказ в посылке судов, за что был смещен и предан суду. Помощником морского министра Дудыревым^[26] был послан флотскому начальству шифрованный приказ топить минами те суда, которые пойдут в Петербург на помощь большевикам. Эта телеграмма также попала в распоряжение Центрального комитета Балтийского флота и была объявлена экипажам. После чего исполнение этого приказа сделалось тоже невозможным. 4 июля на помощь большевикам в Неву вошли три эскадренных миноносца и крейсер. К вечеру 4 июля большевики не достигли никаких решающих успехов. Однако положение в столице оставалось неопределенным, а деятельность правительственных властей недостаточно энергична.

Всякий легко может себе представить, что переживал в это время фронт! В ответ на телеграфные сообщения из Петербурга я отвечал резкими требованиями: принять срочные суровые меры к подавлению мятежа. Я настаивал перед правительством на немедленном аресте всех большевистских вожаков. Ничего из моих телеграмм не получалось. Тогда я решил бросить фронт и на несколько дней слетать в Петербург. По дороге, около Полоцка, мой поезд случайно избежал крушения: ему навстречу был пущен кем-то из служащих паровоз. Наш машинист вовремя замедлил скорость: у моего вагона оказалась только сильно смятой передняя площадка.

В Полоцке ко мне в вагон вошел М. Терещенко и подробно рассказал все, что случилось в Петербурге за последний день большевистского восстания 5 июля. Во всем происшедшем одно обстоятельство, несмотря на большое положительное впечатление, которое оно произвело на войска, было для нас обоих целой катастрофой.

Поздно вечером 4 июля министр юстиции Переверзев^[27] передал в распоряжение некоторых журналистов ту часть собранных правительством материалов о государственной измене Ленина, Зиновьева и прочих большевиков, которая находилась уже в распоряжении судебных властей. 6 июля данные эти были опубликованы в печати, а еще раньше ночью отдельными листовками розданы по гвардейским полкам. На солдат эти разоблачения произвели ошеломляющее впечатление. Колеблющиеся полки очнулись и примкнули к правительству; примкнувшие к большевикам — потеряли всю свою «революционную» энергию. Днем 5 июля быстро было покончено с восстанием. Самая цитадель Ленина — дворец Кшесинской — была занята войсками правительства. Но...

Но мы, Временное правительство, потеряли навсегда возможность документально установить измену Ленина. Ибо ехавший уже в Петербург и приближавшийся к финляндской границе, где его ждал внезапный арест, Ганецкий — Фюрстенберг повернул обратно в Стокгольм. С ним вместе уехали назад бывшие на нем и уличающие большевиков документы. Сейчас же после выдачи Переверзевым части секретных данных журналистам поспешили накануне моего приезда с фронта бежать в Финляндию и сам Ленин и Зиновьев.

В оправдание действия министра юстиции можно сказать только одно: он не знал о готовящемся и для судьбы большевиков в России решающем аресте Ганецкого. Но и при этом условии передача в распоряжение частных лиц данных чрезвычайного государственного значения, без разрешения на это всего Временного правительства, являлась совершенно недопустимой. Между министром юстиции и посвященными во все обстоятельства этого дела Терещенко и Некрасовым^[28] произошло резкое столкновение. После моего возвращения с фронта Переверзеву пришлось выйти из состава Временного правительства. Несомненно, все дальнейшие события лета 1917 года и вообще вся история России пошли бы иными путями, если бы Терещенко удалось до конца довести труднейшую работу изобличения Ленина и если бы в судебном порядке, документально, было доказано то чудовищное преступление, в несомненное наличие которого никто не хотел верить, именно благодаря его совершенной, казалось бы, психологической невероятности.

В 6 часов вечера 6 июля поезд с фронта подошел к платформе Царскосельского вокзала в Петербурге. Мои помощники по управлению Военным министерством, командующий войсками Петербургского округа генерал Половцев^[29] и прочие должностные лица вошли в мой служебный вагон. Тут же, выслушав рапорт командующего войсками, я предложил ему немедленно подать в отставку, за проявленную во время бунта растерянность, за неисполнение моих требований о решительной расправе с изменниками (все нужные действия произведены были, наконец, вне обычного порядка помощником военного министра генералом Якубовичем^[30]).

Затем с вокзала мы все прямо поехали в штаб Петербургского военного округа, где происходили на бивуаках заседания правительства. Повсюду по пути толпы народа радостно встречали наши автомобили. Площадь перед Зимним дворцом, куда выходило здание штаба округа, была тоже залита народом.

Приехали в штаб. Приказа об аресте главарей восстания до этого времени, т. е. до 6 часов вечера 6 июля, правительством еще не было сделано.

Не подымаясь наверх, в зал, где находился князь Львов и некоторые другие члены Временного правительства, я тут же приказал соответствующим чинам штаба составить список подлежащих аресту большевиков, немедленно представить его мне на утверждение и сейчас же после этого приступить к обыску и аресту всех руководителей предательского мятежа.

Затем мы с М. И. Терещенко поднялись в верхний этаж штаба к князю Львову. Слишком мягкий в обращении, слишком деликатный для того бурного времени, князь находился в чрезвычайно подавленном состоянии. Оглашение в частном порядке в печати части данных о большевистской измене произвело в Совете, в руководящих там социалистических кругах, совсем другое впечатление, чем на войска в критическую ночь на 5 июля.

Отсутствие в оглашенных материалах документальных обоснований измены Ленина; появление этого сообщения в органах печати заведомо враждебных не только большевикам, но и всем Советам в целом; неожиданность этого опубликования для прочих министров — социалистов, кроме самого Переверзева; чрезвычайное возбуждение, которое это сообщение вызвало в толще населения; физические эксцессы, допущенные со стороны солдат и офицеров по отношению к первым арестованным большевикам — предателям (вроде агента Козловского); разъезды по городу самочинно образовавшихся отрядов офицеров и юнкеров — добровольцев, производивших розыски большевиков, — все это чрезвычайно насторожило многих из виднейших деятелей Совета. Им в этих естественных эксцессах оскорбленного патриотизма почудился отдаленный марш какой-то наступающей «контрреволюции». В советских сферах начался острый припадок боязни реакции. Началась почти паника.

Сами большевики в Таврическом дворце, конечно, примолкли. Но близкие им по настроениям люди в левых крыльях социал-демократической и социал-революционной партий подняли сразу чрезвычайный вопль о «клевете», которую «контрреволюционеры», гнездящиеся вокруг правительства и в штабе военного округа, стараются возвести на заблудившихся, но честных борцов. В итоге получилось настроение, при котором ВЦИК съезда Советов постановил: до объективного расследования опубликованных в печати фактов арест главарей большевистской партии считать преждевременным. Другими словами, в Совете решили препятствовать аресту Ленина и Ко. Для этого в штаб к правительству была послана особая делегация, и действительно, когда я вошел в помещение правительства, я заметил небольшую группу видных представителей из ВЦИКа Советов и Исполнительного комитета крестьянских депутатов, которые держали «контакт» с правительством на предмет предотвращения арестов Ленина и компании.

В этой обстановке я ничего не сказал о сделанном мной внизу распоряжении. Я знал, что при настроении чинов штаба нужные аресты будут произведены в самом срочном порядке. Остальное меня тогда не интересовало, и ко всем последствиям этого шага я был совершенно готов. В случае открытого столкновения между правительством и представителями Советов на вопрос об аресте — не только фронт и армия, но и сам «революционный» гарнизон столицы был бы на нашей стороне. В этом никакого сомнения быть не могло.

Под окнами штаба стояли части из отряда, вызванного с фронта. Радостно шумевшая кругом толпа неоднократно заставляла меня появляться в огромном раскрытом окне штаба.

Среди деловых разговоров я незаметно успел сообщить князю Львову о готовящихся

арестах. И, конечно, получил от него самое полное одобрение. Вскорости я спустился опять в нижнее помещение штаба. Проверил составленный список. Составители его перестарались: среди подлежащих аресту преступников фигурировали лица весьма отвратительные, но в большевистском восстании, по данным, тогда бывшим в распоряжении правительства, не участвовавшие. Их я вычеркнул. Остальной список утвердил.

Подлежали немедленному аресту, как государственные преступники, Ленин, Зиновьев, Козловский, Суменсон, Фюрстенберг (Ганецкий^[31]), германский подданный Гельфанд (Парвус^[32]), Александра Коллонтай^[33] и военные руководители восстания — лейтенант Ильин (Раскольников)^[34], Рошаль^[35] и прапорщик Семашко^[36]. Все эти лица — за исключением, как я уже писал, скрывшихся после опубликования Переверзевым изобличающих материалов Ленина и Зиновьева и находящихся за границей Парвуса и Ганецкого — были арестованы. Через несколько дней были также арестованы Троцкий и Луначарский^[37].

Когда чины штаба поехали уже производить обыски, около 12 часов ночи мной была получена с Юго — Западного фронта первая телеграмма о прорыве германскими войсками нашего фронта у Злочева на Тарнопольском направлении. С телеграммой в руках я вошел в зал заседания Временного правительства. Здесь были и представители Советов. Еле сдерживая себя, я прочел вслух всю телеграмму и затем, повернувшись в сторону советских делегатов, я спросил их: «Надеюсь, теперь вы не возражаете больше против арестов?!»

Ответа не последовало.

Но это молчание было красноречивее всякого ответа. Для каждого из них теперь стала ясной неразрывная связь между ударом на фронте и попыткой взрыва внутри страны.

Через несколько дней при моем обходе боевых позиций на Западном фронте у Молодечна, накануне наступления армий генерала Деникина, произошла следующая пикантная сцена. Проходя по линии окопов, мы заметили сбоку от себя приютившуюся в укромном месте небольшую группу солдат, прилежно что-то читавших. Заметив наше приближение, солдатик, державший в руках какой-то листок, испуганно пытался его спрятать. Один из моих адъютантов успел подскочить и вырвать таинственный листок. В номере газетки «Товарищ»^[38], оказавшемся в наших руках и напечатанном недели за две до петербургских событий, об них сообщалось как уже о совершающемся факте. Конечно, в этой статейке не было деталей событий, но говорилось о том, как петербургский пролетариат и гарнизон, в негодовании на учиняемые Керенским и Брусиловым на фронте никому не нужные «кровопускания», восстали против Временного правительства и как это восстание вызывает энтузиазм и сочувствие в Москве и прочих городах России.

Забегая несколько вперед, тут же скажу, что в конце октября повторилась та же самая история. Из Стокгольма нам были присланы прокламации о начавшемся уже в Петербурге большевистском восстании дней за десять до его действительного начала.

Оборачиваясь назад к июльским событиям семнадцатого года, я должен сказать: большевистское восстание вместе с начавшимся стремительным отступлением наших войск в Галиции содействовало укреплению чувства патриотизма и сознания ответственности перед государством в самых широких народных слоях России и в руководящих кругах левых, социалистических антибольшевистских партий.

Обычно ход событий в России между февралем и ноябрем 1917 года описывается как однотонный процесс постепенного, но неуклонного и все усиливающегося распада государства.

На самом деле Россия в эти месяцы проделала зигзагообразную кривую: до конца августа (времени восстания Корнилова) Россия с некоторыми срывами и падениями шла неуклонно кверху, преодолевая революционный хаос и вынашивая в себе новую государственность. После разгрома большевиков в июле этот процесс пошел вперед с исключительной быстротой. Он был сорван внезапно безумием честных, но слишком в политике неграмотных и нетерпеливых генералов. Но об этом потом. С начала сентября Россия так же с исключительной стремительностью помчалась вспять к хаосу.

Наряду с новым поражением русских войск на фронте — внутри России во многих местах происходят разгромы большевистских комитетов и газет. В столичных и местных Советах всюду подавляющее большинство оказывается в руках оборонцев и государственников. Представительство большевиков в Исполнительных комитетах Советов и во Всероссийском Исполнительном комитете съезда Советов фактически сводится почти на нет. Они устраняются со всех руководящих мест внутри советского аппарата. И сами Советы, как органы государственной власти, совершенно вычеркиваются из сознания руководителей советского большинства.

Вспоминая эпоху после подавления июльского мятежа, Троцкий на своем демагогическом жаргоне и с нужными ему в агитационных целях преувеличениями по существу правильно указывает на ту пропасть, которая тогда образовалась между большевиками и всеми остальными социалистическими и демократическими партиями.

«Наши типографии и склады громит буржуазная чернь под руководством патриотического офицерства, Керенский закрывает наши газеты, тысячи и тысячи коммунистов арестовываются в Петербурге и во всех концах страны (арестуются только десятки и сотни. — *А. К.*). Меньшевики и их союзники социалисты- революционеры получили власть из рук рабочих и солдатских Советов, но они уже очень скоро почувствовали, что эта почва уходит из-под их ног. Их мысль была направлена на то, чтобы в противовес рабочим и солдатским Советам помочь политически организовать мелкобуржуазным и буржуазным элементам страны через посредство демократических муниципалитетов и земств...» В центральном органе Советов (ВЦИК) с августа- сентября 1917 года доказывается, что советская система отжила свой век, что Советы разлагаются.

Под прикрытием рассуждений о буржуазной черни и обвиняя меньшевиков в том, что они стремились к организации буржуазных сил «против» рабочих и крестьян, Троцкий правильно устанавливает коренной перелом, произведенный июльским большевистским восстанием во всем государственном миросозерцании левой, революционной, но твердо демократической России. Она с узкой временной советской площадки переходит на широкий плацдарм государственного демократического строительства. Выработанные Временным правительством еще первого состава новые законы о широком городском и земском самоуправлении на основе всеобщего, пропорционального, равного для обоих полов избирательного права вступают в силу:

к началу августа почти двести городов имеют уже новые демократические городские думы; к середине сентября из семисот приблизительно городов Российской империи 650 уже имеют новые городские думы. В несколько более медленном темпе, благодаря условиям деревенской жизни, но все-таки быстро подвигается к концу и земская реформа. Мощное кооперативное строительство в рамках нового основного, изданного Временным правительством кооперативного закона создает для демократического государства и демократической власти чрезвычайно серьезную общественную опору в стране.

Первоначальный анархический период рабочей самодеятельности перерождается понемногу в здоровое профессиональное движение, где большевики отходят на левый фланг. В армии растет авторитет правительственных комиссаров, которые по плану Военного министерства должны были сыграть роль среднего звена в переходе армии от мартовского комитетского состояния к нормальному единоначалию.

Подчеркиваю, описанный мною сейчас процесс роста здоровых государственных и общественных связей, укрепление новых форм демократической государственности, находившихся еще в мае месяце в зачаточном состоянии, — этот процесс сопровождался летом целым рядом чрезвычайно тяжких явлений распада и разложения. Да и возможно ли было сразу в несколько коротких месяцев, еще и во время продолжавшей расшатывать все хозяйство страны войны, справиться со всеми последствиями и старого режима, и экономического переистощения и боевого переутомления? Конечно, нет! Но тогда все были крайне нетерпеливы. А потом увидели, с какой медленностью уже в мирной обстановке последствия войны рассасывались на Западе в самых хозяйственно здоровых и политически крепких, как, скажем, Англия или Франция, государствах.

Но, убедившись на наглядном примере большевистской демагогии, куда ведет политическая и социальная фантастика; почувствовав еще, кроме того, в ней сильную руку беспощадного внешнего врага, новая народная Россия *решилась повернуться к государству*. Теперь она не только теоретически, как в мае, приняла власть, но и практически почувствовала потребность управлять, быть властью.

Например. До большевистского восстания параграф 14 пресловутой «Декларации прав солдата», предоставлявшей начальнику в боевой обстановке право применять вооруженную силу к неповинуящимся, применялся исключительно комиссарами военного министра, и то часто после неоднократных настойчивых, повторных требований из центра. Теперь наоборот, с фронта и из страны в центр к правительству, к военному министру, вдут сначала от комиссаров, затем от фронтовых комитетов, наконец, от самих командующих генералов настойчивые требования усилить карательные меры.

По правде сказать, право и средства весьма решительно и жестоко расправляться с бунтующими на фронте у военного начальства уже давно были в руках. Моими приказами и постановлениями Временного правительства командному составу и комиссарам на фронте не раз об этом напоминалось. Но пока не было психологических возможностей действовать решительно, людям казалось, что у них нет на это законных возможностей. Когда же созрели времена для проявления карающей власти, тогда комиссарам и генералам стало казаться, что их личному почину не хватает только одобрения, утверждения, санкции сверху.

8 июля повторно был объявлен мой майский приказ о беспощадном применении вооруженной силы против неповинуящихся на фронте. Я напоминаю командующим и комиссарам о постановлении Временного правительства от 6 июля, которое объявляет всех ведущих противоправительственную или противовоенную агитацию в войсках государственными изменниками. В это же время мною посылается в Ставку телеграмма с требованием «начальников, которые будут проявлять слабость перед применением оружия,

смещать и предавать суду».

Накануне 7 июля в Петербурге производится арест делегации Центрального комитета Балтийского флота, явившейся на помощь большевикам «арестовать министра юстиции Переверзева и помощника морского министра Дудырева». В отмену принятого при своем образовании в первые дни революции на себя обязательства не разоружать и не выводить из Петербурга воинских частей, принимавших участие в революционном движении, в отмену этого развращавшего с. — петербургский гарнизон постановления, Временное правительство впредь предоставляет военным властям право расформировывать и отправлять на фронт запасные полки Петербургского гарнизона. 8-го же июля издается приказ о воспреещении распространения большевистских газет в армии. 12 июля Временное правительство единогласно восстанавливает смертную казнь на фронте и устанавливает там особые скорые военно — революционные суды. В эти же дни Временное правительство восстанавливает военную цензуру, предоставляет министру внутренних дел, по соглашению с военным министром, право 1) закрывать и приостанавливать газеты и прочие повременные издания; 2) закрывать всякие съезды и собрания; 3) производить внесудебные аресты; 4) высылать в административном порядке отдельных лиц за границу и т. д. и т. д.

Конечно, все эти меры, усиливающие власть, встречались не везде и не всегда сочувственно. Даже у многих далеко не левых политических деятелей усиление административной власти революционного правительства вызывало неприятные воспоминания о политическом произволе старой власти. В особенности насторожено было общественное мнение против воздействия на печать.

Закрытие и запрещение большевистских газет, в особенности на фронте, встречалось, конечно, общим сочувствием. Но когда дело дошло до необходимости приостановить две большие столичные газеты — одну крайнюю левую, газету Горького «Новую жизнь» ^[39], другую крайнюю правую, «Новое время» ^[40], — то во всех без различия политического направления литературных кругах против этого протестовали; говорили: Керенский хочет для печати восстановить времена Плеве ^[41]. Право же внесудебных арестов (административных) было даже одним из поводов спора между Временным правительством и представителями конституционно — демократической партии во время нового большого правительственного кризиса, открывшегося после большевистского восстания ^[42].

Верные доктрине правового государства либеральные законоведы решительно протестовали против «узаконенного правительством произвола». Правда, эта же партия требовала от того же правительства чрезвычайного произвола, т. е. самой широкой административной борьбы с большевизмом. Но эта некоторая логическая непоследовательность объяснялась отчасти тем, что административная высылка за границу, да и внесудебные аресты тогда, в июле месяце, грозили главным образом не революционерам слева, а поднимавшим все смелее голову оппозиционерам справа, т. е. сторонникам развивавшегося движения в пользу военной диктатуры ^[43].

Я только что упомянул о новом правительственном кризисе, который в наследие от большевистского восстания достался Временному правительству. Этот кризис начался выходом трех министров к. — д. из Временного правительства. Поводом ухода было несогласие с большинством правительства в украинском вопросе. Уход состоялся как раз накануне начала большевистского бунта. Этот частичный министерский кризис был большевистским восстанием или, скорее, его отражением в политическом сознании России превращен в кризис всего правительства. Он еще осложнился личным вопросом князя Львова.

Для его мягкой манеры управлять настали времена слишком трудные. Необходимо было

больше резкости в обращении с людьми, больше внешнего нажима в манере управления. Впрочем, мне очень трудно говорить объективно о причинах ухода князя Львова, во — первых, потому, что его место пришлось занять мне, а во- вторых, потому, что мое личное отношение к этому замечательному, ныне покойному, человеку не дает мне возможности видеть в его деятельности те слабые стороны, которые, конечно, и у него были, как у каждого из нас.

7 июля, на другой день после моего возвращения с фронта, 1 князь Львов вышел из состава Временного правительства. В том же заседании правительства, в котором была принята отставка князя, было подписано постановление о моем назначении на его 1 место, с оставлением меня в должности военного и морского министра.

Только после ухода князя начал развиваться по существу новый правительственный кризис. Разрешать его пришлось уже мне.

9 июля ВЦИК Совета солдатских и рабочих депутатов, а также ЦИК крестьянских депутатов в особом воззвании к стране объявили Временное правительство — «Правительством спасения родины и революции». Воззвание требовало от солдат, крестьян и рабочих полного доверия и подчинения единой национальной всенародной власти. Тогда же Общее собрание полков Петербургского гарнизона единодушно вынесло резолюцию о доверии «только Временному правительству».

Однако при каком угодно доверии революционных и левых организаций необходимо было восстановить внутри правительства тот союз (коалицию) всех живых сил страны, в существовании которой и лежал залог быстрого возрождения государства. Пустое место, оставленное уходом трех министров из партии к. — д., должно было быть заполнено людьми, выражающими те же политические и социальные настроения.

В июле месяце это было даже более необходимо, чем в апреле или мае, ибо теперь за спиной партии к. — д. соорганизовались все политические и социальные силы государства, представлявшие интересы имущих классов, высшего командования и остатков старой бюрократии, отчасти даже аристократии. Этим я вовсе не хочу обвинять партию народной свободы, имевшую в своем прошлом огромные заслуги перед русским освободительным движением, в том, что она по существу «изменила своей программе и перешла на службу реакции», как выражались тогда не одни только большевистские демагоги. Все в идеологии конституционно — демократической партии осталось на своем месте. Только человеческий материал, наполнявший ее ряды, весьма резко изменился. Ведь все партии, существовавшие до революции и занимавшие место направо от либерального центра, — все эти партии исчезли. Сама же кадетская партия стала правым флангом русской общественности после революции^[44].

Очевидно, надпартийное, национальное правительство должно было иметь в своем составе ответственных представителей правого политического фланга, в лице членов той партии, которая после переворота твердо встала на почву республики.

Представители социалистических партий и вожди Советов совершенно откровенно стремились к тому, чтобы пополнение состава Временного правительства после ухода князя Львова обошлось бы как раз без представителей партии к. — д. С 7 по 13 июля положение в правительстве оставалось неопределенным, ибо в самый день назначения моего министром — председателем я снова уехал на фронт в армию генерала Деникина. После моего окончательного возвращения с фронта (кажется, 14 июля) все министры передали свои министерские портфели в мое распоряжение. Такой коллективной отставкой создавался новый способ пополнения Временного правительства.

Первоначально Временное правительство было как бы назначено Временным комитетом Государственной думы, чему предшествовало соглашение с Исполнительным комитетом Петербургского Совета. Второй состав Временного правительства (в начале мая) намечался уже

самим Временным правительством, но совместно с представителями партий, Совета и Комитета Государственной думы. Теперь образование нового состава Временного правительства поручалось только его председателю, что, конечно, делало будущий состав правительства более независимым от внешних давлений.

Ровно десять дней тянулись переговоры между министром- председателем и Центральными комитетами различных партий.

Опять начались бесконечные программные споры. Писались пространные письма, где нарочно заострялись сами формулировки спорных между партиями пунктов. Это, конечно, раздражало противников, но ничему не помогало по существу дела. Кроме того, формально предоставляя мне полную свободу в подборе членов Временного правительства, отдельные партии и общественные организации в ультимативной форме то предъявляли отводы по отношению к одним кандидатам в министры, то столь же ультимативно требовали назначения в состав Временного правительства других.

Получалось для меня лично совершенно нелепое положение: перед страной я при сложившейся политической обстановке нес всю полноту ответственности за судьбы государства, а в то же время не имел самого простого права выбрать себе свободно ближайших сотрудников, за деятельность которых в правительстве я действительно и по совести мог отвечать. Положение мое затруднялось еще тем, что обе борющиеся стороны (демократическая и буржуазная) одинаково заявляли о совершенной необходимости или, скорее, неизбежности моего председательствования во Временном правительстве.

Все партии вместе хотели работать со мной. Но... каждая из них в отдельности ставила при этом одно условие: я должен был обязательно исполнить такие-то ее пожелания, явно неприемлемые для других из участвовавших в переговорах сторон. Партийный торг вокруг пустующих министерских кресел все разгорался. Между тем каждый день правительственного кризиса усложнял и без того труднейшее положение в стране, и в особенности на фронте. Здесь под натиском германских войск быстро нарастало по существу естественное и здоровое, но — в офицерских кругах — не всегда правильно проявлявшееся чувство патриотической тревоги.

Очевидно, перед русскими политическими партиями, из которых ни с одной я не был в полной мере солидарен и среди которых в каждой у меня были политические единомышленники, нужно было поставить вопрос ребром: или пусть они сами берут на себя ответственность за судьбы государства, или пусть предоставят мне, хотя бы некоторую, возможность делать то, что, по — моему, нужно для государства, а не для удовлетворения партийных appetитов, доктрин и самолюбий!

21 июля я сложил с себя все свои должности и звания, передал текущие дела заместителю министра председателя и уехал по секрету в Царское Село. Сейчас же в Центральные комитеты всех партий были разосланы приглашения на срочное заседание по вопросу исключительной государственной важности. Вечером в день моего отъезда в Малахитовом зале Зимнего дворца произошло заседание ответственных представителей всех партий, на которые опиралась власть после революции.

Излагать то, чему свидетелем я сам не был, я не хочу. Знаю только, что заседание продолжалось всю ночь и кончилось только ранним утром 22 июля.

Оказавшись лицом к лицу с вопросом об ответственности за государство, никто из присутствующих взять на себя эту ответственность не осмелился. Совещание закончилось в конце концов постановлением: вновь поручить лично мне пополнить состав Временного правительства и предоставить мне в выборе министров полную самостоятельность и независимость от каких бы то ни было претензий, требований, давлений отдельных политических организаций и партий.

Правда, прямой смысл этого постановления сразу же был нарушен с обеих сторон — и слева и справа. С обеих сторон в «частном порядке» мне заявляли: «Конечно, вы совершенно свободны в выборе членов правительства, но если вы не пригласите такого-то, то Центральный комитет (такой-то) партии будет считать участие членов партии в вашем правительстве их личным делом». Другими словами — мне в «частном порядке» совершенно определенно грозили партийной «войной» или, правильнее, партийными войнами и слева и справа. Такое партийное двуличие сразу весьма вредно отразилось на личном составе и деятельности пополненного мной Временного правительства. Оно лишило правительство нужной ему в то исключительно трудное время особенно крепкой спайки. Однако я все-таки решил вернуться к власти, полагая, что признанная всеми партиями неизбежность моего участия в управлении государством даст мне — хоть на некоторое время — твердую опору в борьбе за восстановление крепкой России.

Может быть, возвращаясь тогда к власти, я делал коренную ошибку? Может быть, мне нужно было уйти в сторону? Может быть, спасая тогда уходом свой авторитет в народе, я бы сберег кое-что, что пригодилось бы России в самые черные дни, которые пришли потом?

Не знаю, может быть. Во всяком случае это было бы самым лучшим выходом лично для меня. «Жажды власти», в противоположность утверждению обо мне моих правых и левых ненавистников, у меня совсем не было. Не один раз предлагал я критикам политики Временного правительства взять в свои руки формальную ответственность за государство. Только не в порядке восстаний и заговоров.

Тогда, на другой день после исторического совещания партий в Зимнем дворце, я ясно видел, что для большинства многолетних вождей партий я являлся неприятным, но неизбежным в тех условиях «наименьшим злом», которое нужно претерпевать, пока не назреют соответствующие возможности для прихода к власти «настоящих государственных людей».

Меня вернула в Зимний дворец не воля к личной власти, а сознание своего долга перед страной. «При настоящих обстоятельствах, когда стране угрожает внутренний разгром и внешний распад, — писал я 24 июля в официальном письме на имя заместителя министра-председателя, — я не считаю возможным отказаться от тяжелого долга, возлагаемого на меня представителями главных социалистических, демократических и либеральных партий».

Дальше в этом письме я устанавливал основные положения управления страной. «Я полагаю в основу осуществления этой задачи непоколебимое мое убеждение, что дело спасения Родины и Республики требует забвения партийных распрей, что эта всенародная национальная работа спасения государства должна происходить в условиях и формах, властно диктуемых суровой необходимостью вести войну, поддерживать боеспособность армии и восстановить хозяйственную мощь государства...»

После ночной душевной встряски, которую пережили все участники совещания в Малахитовом зале, я в сутки пополнил состав Временного правительства. В отмену порядков первых месяцев революции, теперь члены правительства, носители верховной власти, *формально были освобождены от всякой зависимости от каких-либо партийных комитетов, Советов и т. д.* Они несли впредь ответственность «только перед страной и своей совестью». Больше не было ни «думских», ни «советских» министров. Были министры Российского государства!

Также было на этот раз покончено с никому не нужным, кроме самих партийных догматиков, обычаем пространных программных, коллективных министерских деклараций. Вместо этого 27 июля только за подписью председателя Временного правительства было опубликовано краткое обращение к населению...

Надпартийной, общенациональной государственной задаче управления соответствовал и

новый личный состав Временного правительства.

Из 16 министров только трое были противниками буржуазнодемократической коалиции. Эти трое про себя мечтали — двое об однородно — буржуазном правительстве (Юренев и Кокошкин — министры из партии к. — д. ^[45]), а один (лидер партии соц. — рев., министр земледелия Чернов) о правительстве однородно — социалистическом. Все остальные министры были убежденными сторонниками правительства, объединяющего в своем составе все государственно — творческие силы без различия их партийной и классовой принадлежности.

Разительность перемены в народных настроениях после разгрома большевиков, быстрое нарастание государственной мощи и независимости государственного аппарата от отдельных, хотя бы и чрезвычайно влиятельных, общественных организаций особенно явствует из того обстоятельства, что на 16 членов Временного правительства лишь двое (Чернов и министр труда социал — демократ Скобелев) были тесно связаны с Исполнительным комитетом Петербургского Совета.

Не вошедший в новый состав Временного правительства вождь «советской группы» министров в первой коалиции Временного правительства (май — июль), один из самых талантливых, чистых и преданных интересам всей демократии лидеров сначала всероссийской, а затем только грузинской социал — демократии, Ираклий Церетели, со свойственным ему мужеством открыто признал происшедшее в июле коренное изменение в соотношении политических и социальных сил в стране.

«Мы пережили только что, — говорил он в заседании ВЦИКа, съезда Советов и Исполнительного комитета крестьянских депутатов, — не только кризис власти, но кризис революции. В ее истории началась новая эра... Два месяца назад Советы были сильнее. Теперь мы стали слабее, ибо соотношение сил изменилось не в нашу пользу».

Оно изменилось в пользу страны. Ибо укрепило государственное сознание в народ и власть государства в стране.

Государственное совещание в Москве

Кризис революции, о котором говорил Церетели в день образования второй коалиции во Временном правительстве, был кризисом *роста* государства, его победой.

Русская демократия вышла уже из своей советской скорлупы. Голос ее стал раздаваться повсюду — в городах, земствах, кооперативах, профессиональных союзах и т. д. Снова заговорили одно время совершенно замолкшие организации и партии имущей цензовой России.

Правительство, равняясь на страну, должно было где-то и как-то к общественному мнению всей России в каком-то организованном порядке прислушиваться. Назначенный на 30 сентября созыв Учредительного собрания пришлось, ввиду только что пережитого затяжного кризиса, отложить на 28 ноября.

Ждать было слишком долго. Нового съезда Советов было бы совсем недостаточно, ибо его мнение теперь было бы меньше, чем когда-либо, мнением всей России. В самом начале июльского кризиса, сейчас же после ухода князя Львова, Временное правительство постановило созвать в Москве Всероссийское государственное совещание ^[46], дабы в нем найти новую опору для укрепления власти.

Теперь таковой задачи перед нами не стояло. Правительство чувствовало свою силу. Однако оно ощущало чрезвычайную потребность произвести смотр политическим силам страны, установить точнее их удельный вес в государстве, дать самим политическим партиям, Советам и прочим организациям ощутить рост общественных сил, общественной организованности в стране. Поэтому в первые же дни существования второй коалиции во Временном правительстве созыв Московского государственного совещания был подтвержден и назначен на 13 августа.

В день открытия Государственного совещания московский Большой театр, наполненный тысячами людей, представлял собой весь цвет политической, общественной, культурной и военной России. Только кучка откровенных монархистов и почти в подполье загнанные большевики не имели своих представителей на этом Земском соборе всея Руси.

Большевики пытались даже организовать в Москве всеобщую забастовку протеста против «реакционного сборища», которое должно было продемонстрировать верноподданические чувства России к «диктатору Керенскому». В правых кругах тоже шушукались: «Керенский едет в Москву короноваться». На самом деле под шум ораторских речей в зале Большого театра в его кулуарах и за его стенами созревала в некоторых головах, как мы это скоро увидим, безумная мысль: увенчать лаврами диктатора, смелого в бою, но совершенно неумелого в политике генерала.

Внешне зал заседания Государственного совещания представлял любопытнейшую картину. Как раз по линии главного прохода от сцены к главному входу партер и ложи театра делились на равные две половины: налево — Россия демократическая, крестьянская, рабочая, советская и социалистическая — Россия Труда; направо — либеральная, буржуазная, имущая Россия. Представители армии комитетами были представлены налево, командным составом — направо. Как раз против центрального прохода на авансцене находилось правительство. Я сидел в самой середине, налево от меня министры «от “трудовой” демократии», направо — «от буржуазии». Временное правительство было единственным узлом, который связывал обе России в одно целое.

Тот, кто просидел дни Государственного совещания в московском Большом театре, этих дней никогда не забудет. Вся радуга политических мнений, вся гамма общественных настроений, все напряжение внутренней борьбы, вся сила патриотической тревоги, вся ярость социальной ненависти, вся горечь накопившихся обид и оскорблений — все это бурным

потоком стремилось на сцену, к столу Временного правительства. От него требовали; его обвиняли; ему жаловались; ему хотели помочь; от него ждали какого-то чудесного слова. Каждая из двух России хотела, чтобы Власть была только с ней.

А Власть была только с Государством, ибо мы — Временное правительство — видели в целом то, что каждая из борющихся за власть сторон замечала только в части, ее интересующей. Мы видели, что обе стороны *одинаково* нужны Государству.

Суть Московского государственного всероссийского совещания заключалась, конечно, не в программном содержании различных деклараций, резолюций и речей, а именно в определении удельного веса представленных на собрании общественных организаций. Правительство нащупывало волевой пульс страны. Представители отдельных партий и организаций определяли степень авторитета самого правительства в государстве; одни хотели его силы; другие искали ахиллесову его пяту. Самой острой, самой напряженной минутой съезда было выступление Верховного главнокомандующего генерала Лавра Корнилова. Для левой части театра это был символ грядущей «контрреволюции», для правой — живой «национальный герой», которому предстояло свергнуть «безвольное, находившееся в плену у Советов Временное правительство» и утвердить «сильную власть» в государстве.

Которая сторона — левая или правая — тогда, 13–15 августа, представляла несомненное большинство страны? Людям, не ослепленным партийной страстью и социальной ненавистью, это было ясно сразу. Достаточно было прослушать длинный список общественных организаций, которые подписались под декларацией, оглашенной председателем Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) съезда Советов Чхеидзе^[47].

Здесь были: сам ВЦИК солдатских и рабочих депутатов, Исполнительный комитет съезда крестьянских депутатов, представители фронтовых и армейских организаций, Солдатская секция крестьянских, солдатских и рабочих депутатов, Всероссийский кооперативный союз, Всероссийский земский союз и Союз городов, Центральный комитет Всероссийского союза служащих в правительственных, общественных и частных учреждениях, Всероссийский железнодорожный союз. Большинство (управ) городских дум, выбранных на основании всеобщего избирательного права, и т. д. и т. д. Одним словом, налево была представлена вся новая рожденная революцией демократическая, народная Россия, в руки которой переходил весь аппарат самоуправления и местного управления Россией. Эта Россия безоговорочно теперь, после шестимесячного революционного опыта, признала всю полноту власти Временного правительства. Она вместо прежних отвлеченных деклараций пришла на Государственное совещание с практической программой восстановления государственной и хозяйственной жизни России, с программой, которая во многом не могла быть программой Временного правительства, но которая все-таки была деловой программой. Общественные организации и партии, занимавшие левый сектор Московского государственного совещания, являлись тогда несомненным оплотом государства слева; плотиной, за которой еще яростно бушевала классовая стихия низов, разжигаемая большевистской демагогией и германской пропагандой.

Кто же был направо? Финансовая и промышленная аристократия страны. Цвет городской либеральной интеллигенции. Две эти силы были нужны новой России. Но они на Государственном совещании растворились в большинстве бывших людей, представлявших из себя разные призрачные уже тогда группы.

Тут было представительство Государственной думы, Государственного совета, Союза объединенного дворянства под новым заглавием — «Союза землевладельцев»; городские и земские гласные дореволюционных, цензовых самоуправлений; профессора, журналисты и, наконец, представители высшего командования армии, Всероссийского союза офицеров, Совета казачьих войск, Союза георгиевских кавалеров и прочих (действительных и дутых) офицерских

организаций. Собственно говоря, офицерские организации во главе с командным составом и были единственной действительной силой в распоряжении всего правого сектора Государственного совещания.

Незадолго до открытия Государственного совещания имущая Россия создала в Москве же свой постоянный боевой политический центр под именем «Совещание общественных деятелей». Это «Совещание» стало настоящим Советом зарождавшейся тогда белой России. Когда обозначились для него благоприятные условия, Белый совет и действовать начал по методам Красного совета первых недель революции.

В последний день Государственного совещания на авансцене Большого театра перед лицом всей России произошла знаменательная сцена рукопожатия между представителем левой половины театра — Церетели и выразителем настроений сидевшей направо финансово — промышленной России — Бубликовым^[48]. Рукопожатие это знаменовало собой утверждение всенародного единства вокруг внепартийного, национального Временного правительства, знаменовало собой объявление социального перемирия, во имя борьбы за Россию. А в это же время за стенами Государственного совещания некоторые, отдельные вожди правого крыла во главе с некоторыми бывшими членами Временного правительства и бывшими верховными и просто командующими на фронте подписывали всенародному единству и коалиции трудовых и буржуазных сил смертный приговор, одобряя безумную попытку кучки офицеров и политических авантюристов взорвать Временное правительство, т. е. снести до основания ту единственную плотину, которая одна спасала и могла спасти Россию от нового взрыва.

Возвращаясь с Московского государственного совещания, я лично больше, чем когда-нибудь, был убежден в том, что Россия может благополучно выбраться на берег спасения, только ни на шаг не сходя с того пути, по которому с самого начала революции вело ее Временное правительство, исполняя волю несомненно огромного большинства населения страны. Правда, к началу августа из первоначального состава Временного правительства нас осталось только трое — Терещенко, Некрасов и я. Но смена людей не меняла линии государственной работы созданного революцией правительства. И нам троим, изо дня в день уже больше полугода наблюдавшим за развитием событий в России из самой центральной точки государства, было ясно видно, как медленно, но постоянно преодолевая одно за другим политические, хозяйственные и психологические препятствия, *крепла и мужала новая Россия*.

До конца военной кампании 1917 года оставалось уже не так долго. *Общесоюзная задача нашего фронта уже выполнена*. Ленин в бегах^[49]; Советы отошли на задний план национальной жизни. Власть государственная окрепла. До Учредительного собрания осталось только три месяца. Три месяца трудной устроительной работы, но уже в рамках отвердевшего государства.

Все это было совершенно очевидно для мало — мальски вдумчивого и объективно настроенного человека. Этой объективности, казалось, можно было требовать от тех политических и культурных верхов России, на глазах которых так недавно произошел распад монархии, которые собственными руками осязали все язвы старого режима. Они — старые, искушенные опытом государственные и политические деятели — больше, чем кто-нибудь, должны были понимать, каким огромным, нечеловеческим *терпением* нужно было обладать, строя Россию в первые месяцы после катастрофы, равной которой мир не видал, может быть, со времени падения Римской империи.

Терпения!то, однако, у них и не хватало!

Зыбкая еще плотина, ограждавшая Россию от распада и разложения, была взорвана руками людей, которых можно обвинить во всем, в чем угодно, кроме отсутствия патриотизма. Но бывает, очевидно, слепая любовь к родине, которая хуже зрячей к ней ненависти. Государственное совещание стало прологом страшной драмы, разыгравшейся между Могилевым,

где помещалась стачка Верховного главнокомандующего, и Петербургом, где находилось Временное правительство — верховная власть в государстве Российском.

Безумный мятеж Верховного главнокомандующего, мятеж, открывший двери большевикам в Кремль, а Гинденбургу — в Брест- Литовск, является лишь заключительным звеном в истории заговоров справа против Временного правительства. Обычно за границей движению генерала Корнилова придается характер почти неожиданного для него самого и его соратников порыва негодующего патриотизма. Соответственно обычному представлению, рисуящему историю России с марта по ноябрь 1917 года как историю постепенного и все усиливающегося разложения, советизации и большевизации государства, мятежный акт генерала Корнилова представляется героическим подвигом самоотверженного патриота, пытавшегося тщетно освободить Россию от «безвольного» правительства и остановить гибнущую Родину на самом краю пропасти.

В действительности ничего внезапного не было и в деятельности людей, подготовлявших заговор Верховного главнокомандующего против правительства, ему доверившего армию в самые ответственные месяцы войны. Напротив, работа эта шла медленно, выдержанно, с холодным расчетом и с учетом всех «про» и «контра». Источник всей заговорщической работы также был отнюдь не бескорыстнопатриотический, а, наоборот, чрезвычайно эгоистический, — конечно, не в личном, а в сословном, в классовом смысле этого слова.

Оговариваюсь сразу, чтобы не было недоразумений: устанавливая сейчас социально — политический источник преступной деятельности инициаторов и первоначальных руководителей заговора справа, я отнюдь не приписываю эти классовые мотивы втянутым впоследствии в заговорщическую работу офицерам — ни самому Корнилову, ни его военным ближайшим соучастникам, мужественным и боевым русским патриотам.

Первоначально идея свержения Временного правительства в путях заговора появилась в Петербурге в узком кругу некоторых банковских и финансовых деятелей в *апреле* 1917 года, а может быть, даже и раньше^[50]. Уже эта дата сама по себе показывает, что затевалась борьба не с теми или иными «эксцессами» революции или с «безволием правительства Керенского», а с революцией как таковой, с новым порядком вещей в России вообще. Конспиративная работа этой первоначальной группы подлинных реакционеров-заговорщиков мало известна. Знаю только, что уже сразу в апреле было положено начало некоторому денежному фонду, тогда же были завязаны связи с некоторыми отдельными политическими деятелями, тогда же стали нащупывать связи с руководящими военными кругами. Не знаю, в качестве ли полноправного члена этого заговорщического ядра или только в роли исполнителя чужой воли тогда же весной к подготовительной работе по нащупыванию путей для выполнения заговора был привлечен некий г. Завойко^[51].

Бывший предводитель дворянства одного из уездов в Южной России, Завойко был известен в петербургских банковских и деловых кругах как делец, с физиономией не особенно ясной. Во время войны о нем говорили, что он вращается в тех банковских кругах, которые были связаны с германскими интересами. На допросе Следственной комиссии по делу Корнилова он сам рассказал о своей связи с кружком Григория Распутина^[52]; причем, может быть, несколько преувеличивал действительность, утверждал, что, не случись революции, он, наверное, получил бы портфель министра финансов. Если, с другой стороны, принять во внимание, что одним из самых деятельных банкиров — заговорщиков был весьма влиятельный, от всякой демократии весьма далекий А. И. Путилов^[53], то нетрудно догадаться, какие, собственно говоря, цели ставили себе первоначально зачинщики переворота.

Не знаю, в какой обстановке и для чего, но генерал Корнилов познакомился с Завойко еще в

апреле месяце, когда неудачно командовал войсками Петербургского военного округа. В первой половине мая Корнилов вернулся в Галицию на фронт, командуя 8-й армией. Почти следом за ним туда же явился и г. Завойко.

Лицо, рассказывавшее мне о первых шагах заговорщиков, ни в какую связь поездку Завойко в Галицию с первоначальным его знакомством в Петербурге с генералом Корниловым не ставило. Или, точнее, оно об этом знакомстве вовсе не знало. По словам моего осведомителя, в начале мая достаточно уже окрепшая внутренне банкирская инициативная группа будущего переворота просто послала Завойко на розыски подходящего для будущей операции генерала.

Генерал был найден Завойко очень скоро ^[54]. Прямым маршем из Петербурга этот пожилой биржевик явился в распоряжение Кавказской туземной, так называемой Дикой дивизии ^[55] и пожелал в удовлетворение своего пламенного чувства самопожертвования во имя родины записаться всадником — добровольцем. Он был принят в Дагестанский полк. Вчерашний распутинский кандидат в министры финансов, почти 50-летний барин, в роли рядового добровольца — это само по себе картина достаточно пикантная! ^[56] Но поля сражения не были свидетелями воинских доблестей г. Завойко. Он предпочел проявить всю силу своей патриотической жертвенности в тихом уюте штабных помещений, в непосредственной близости к особе командующего генерала. Едва зачисленный в полк, г. Завойко становится... ординарцем командарма 8-й армии генерала Корнилова. С этого времени Корнилов и Завойко неразлучны ^[57].

Вернемся в столицу. Здесь работа банкирского кружка все развивается. Достигши своего апогея к уходу (конец апреля) Гучкова, развал армии создает для штатских пророков военной диктатуры благоприятную почву в настроениях офицерства ^[58].

7 мая в Могилеве, в Ставке Верховного главнокомандующего генерала Алексева, собирается офицерский съезд. Съезд создает чрезвычайно влиятельный в военной — особенно штабной — среде Союз офицеров. Тогда чины всех правительственных учреждений образовывали союзы. Было бы странно, если бы правительство отнеслось отрицательно к Союзу офицеров, большинство которых в условиях революции больше всех страдало и больше, чем кто-либо, нуждалось в товарищеском общении и взаимной поддержке.

К сожалению, некоторые руководители союза — офицеры Генерального штаба, уже бывшие в связи со штатскими, инициаторами будущего заговора, — образовали внутри Центрального комитета союза активную антиправительственную группу. Группа эта взялась за подготовку верхов армии к будущему перевороту. Нужно сказать, что мое положение как военного министра, а затем главы правительства было чрезвычайно щекотливо и сложно. Я еще задолго до восстания генерала Корнилова был хорошо осведомлен о деятельности Центрального комитета Союза офицеров, но до последнего почти часа не хотел применять по отношению к членам Центрального комитета этого союза никаких репрессий, дабы не привлекать к Союзу офицеров в его целом острого внимания фронтовых солдатских организаций, которые и без того с чрезвычайной подозрительностью относились к выступлениям ЦК офицерского союза, выступлениям с самого начала крайне вызывающим, даже дерзким! Но разве резолюции разных Советов и самих фронтовых комитетов не бывали слишком часто такими же?! И на каком основании правительство, допуская свободную критику своей деятельности с одной стороны, воспретило бы ее — с другой? Воспретило бы ее особенно офицерам, которые свое право на свободу политической мысли и политической критики купили дорогой ценой крови?!

Службу связи между штатскими и военными в Ставке главарями заговора нес сам председатель Союза офицеров, призванный во время войны из запаса полковник Л. Новосильцев. Это был испытанный земский и политический деятель, член Центрального

комитета конституционно — демократической партии, выбранный членом 4-й Государственной думы, но скоро оттуда ушедший. Новосильцев примыкал к правому крылу конституционно — демократической партии и по своему происхождению и социальным интересам был связан с крупным земельным, аристократическим дворянством. Ездил полковник Новосильцев между Могилевом (Ставкой) и Москвой довольно регулярно. Ценность его работы для заговора явствует из самого его политического и общественного положения.

К началу июня (следовательно, еще при министре — председателе князе Львове и до начала еще наступления) положение с заговором было приблизительно таково. На фронте отдельные эмиссары от Центрального комитета Союза офицеров осторожно подбирали себе сторонников в действующей армии. Кстати, главари заговора в Ставке крайне были раздражены сменой Верховного главнокомандующего генерала Алексеева и назначением на его место генерала Брусилова, ибо генерал Алексеев с самого начала *знал* о работе Новосильцева и его ближайших сотрудников, помогал им советами и своими личными связями в столицах. А в Петербурге и Москве все расширялся круг сочувствующих военной диктатуре политических деятелей. Однако определенного, у всех общего кандидата в диктаторы в июне еще не было. Первый кандидат в диктаторы генерал Алексеев с самого начала от активной роли исполнителя решительно отказался. После ссоры адмирала Колчака^[59] с Черноморским флотом была выдвинута его кандидатура. Тоже ничего не вышло, адмирал Колчак уехал в Америку с особым поручением от Временного правительства. Поиски «генерала» продолжались^[60].

А между тем заговорщические настроения настолько созрели, что в Петербурге, в середине июня, в окружении самого Временного правительства произошел такой любопытный случай. Обер — прокурором Синода первые четыре месяца Временного правительства до самого упразднения этой должности в июле состоял В. Н. Львов, бывший до революции членом 4-й Государственной думы и примыкавший там к весьма консервативной группе «центра» (Шульгин^[61]). В один прекрасный день, рассказывал впоследствии В. Львов, «меня срочно из Синода по телефону вызвали в квартиру одного из членов Государственной думы», блестящего представителя кадетской партии. Бросив дела, неуравновешенный обер — прокурор Временного правительства сейчас же помчался по адресу. В указанной квартире кроме хозяина, который активного участия в дальнейшем не принимал, В. Львов был встречен своим товарищем по думской работе В. Шульгиным и упомянутым уже выше полковником Новосильцевым. После неизбежных предисловий В. Львов получил дружеское, но ошеломившее его предложение: к определенному сроку «на всякий случай» выйти из состава правительства. Вся обстановка разговора не оставляла у В. Н. Львова никакого сомнения, что против Временного правительства готовится какой-то акт.

Нужно сказать, что тогда, в мае — июне, я лично ничего еще не подозревал, да к тому же находился в непрерывных разъездах по фронту. И вообще, тогда никому в голову не могло прийти о возможности каких-то военных переворотов, *coup d'Etat*^[62], настолько еще безвластно и бессильно было высшее офицерство в армии. Кроме того, до июльского большевистского восстания все внимание власти было сосредоточено налево, откуда, казалось, только и могла прийти опасность новых потрясений. Думаю, что и у самих заговорщиков большой надежды на достижение своих целей не было; к тому же, повторяю, у них не было еще «героя» — того самого генерала на белом коне, который совершенно необходим для классического пронунциаменто. Наконец, и сами заговорщические, фрондирующие против Временного правительства кружки не были еще достаточно между собой объединены и сплочены. А главное, они не имели еще вокруг себя никакой нужной общественно — психологической атмосферы. Петербургские финансисты, штабные офицеры и московско — петербургские, оставшиеся после

падения монархии не у дел, политики понемножку «на всякий случай» собирали силы. Своеобразный же ординарец, высланный на фронт эмиссаром, приютившись около Корнилова, пока никаких внешних доказательств своей работы не проявлял.

Нужные для широкого развития военного заговора настроения пришли только после июльского большевистского восстания и начавшегося 6 июля стремительного отступления наших армий из Галиции.

Обстановка большевистского восстания показала руководителям заговора — 1) слабость раздираемых внутренней борьбой Советов, 2) неустойчивость анархически настроенных «революционных полков» Петербургского гарнизона и, наконец, 3) те нечаянные возможности, которые открываются перед предприимчивым смелым, дерзающим меньшинством. Втайне, по — большевистски, подготовить захват стратегических пунктов в Петербурге (правительственных зданий, телефонов, почты, самих Советов и т. д.); насытить столицу верными отрядами своих людей; подготовить агитацией в «своей» печати общественное мнение и затем в удобный момент совершить быструю хирургическую операцию на верхах власти. Таков был внушенный июльским опытом деловой план переворота для достижения военной диктатуры.

Начавшийся же разгром русских войск, новое отступление, сопровождаемое всеми обычными ужасами паники и деморализации, в чрезвычайной степени обострило чувство уязвленного патриотизма в командах, комиссарских и комитетских кругах армии.

Я уже писал, что для стратегических целей боевой кампании 1917 года на русском фронте имело коренное значение самое восстановление военных операций, возвращение на русский фронт германских дивизий. Новое же отступление, больно бьющее по национальной психологии, уничтожить решающие стратегические последствия восстановления боевых действий на нашем фронте никак уже не могло. Эту простую военную истину отлично понимали — должны были понимать — такие люди, как, скажем, генерал Алексеев или генерал Деникин. Они, кроме того, так же как и мы во Временном правительстве, отлично знали, что и за линией австро — германских окопов далеко не все обстоит благополучно. Знали, что план сокрушительного удара на нашем Юго — Западном фронте в направлении на Одессу и Киев, задуманный Людендорфом, совершенно не осуществился, ввиду малой боеспособности и расшатанности австрийских армий. Но сознанию широких народных и армейских кругов эти холодные рассуждения не были доступны: они пережили с мучительной болью только внешнюю картину новых военных неудач, которой сведения о сотрудничестве Ленина с Людендорфом придавали особую зловещую окраску.

При всей «слабости» Временного правительства мы заставили все- таки «железного» Гинденбурга коренным образом переменить свою тактику на русском фронте и от обстрела русских окопов ядовитыми прокламациями перейти к обычному на войне обстрелу их тяжелыми снарядами и удушливыми газами. Сам по себе этот новый германский нажим на фронте психологически был очень полезен для России.

Трудно теперь себе представить, какой подъем воли к борьбе с разлагающими государство силами, какой глубокий порыв настоящего здорового патриотизма пережила тогда страна сразу и на фронте, и в тылу.

В полночь на 7 июля я получил первую телеграмму о прорыве русских войск на Тарнопольском направлении. 8–9 июля этот прорыв разворачивается в решительное наступление, во время которого наши войска, «не проявляя в массе должной устойчивости, а местами не выполняя боевых приказов, продолжали уходить все стремительнее». На Западном фронте у Деникина удачно начатая операция у Крево заканчивается 10 июля ничем, ибо развить первоначальный успех помешала та же неустойчивость и моральная слабость некоторых частей.

Осенью 1914 года армии Самсонова^[63] и Ренненкампа^[64] в Восточной Пруссии за

несколько дней были не только наголову разбиты, но и почти уничтожены как боеспособные единицы. В 1915 году русские войска с вершин Карпат и от Перемышля в Западной Галиции откатились назад почти до границ России. Тогда же со сказочной быстротой русская армия потеряла Варшаву и весь крепостной район Царства Польского. Но тогда о разгроме печатались короткие сухие сообщения из Ставки великого князя Николая Николаевича ^[65]. Тогда командный состав армии, про себя негодовавший, должен был хранить глубокое молчание или делать заявление в духе официального оптимизма. А страна в суровых тисках военной цензуры питалась лишь смутными слухами об ужасах фронта, про себя мучилась, почти бессильная что-нибудь сделать на помощь армии.

Теперь все было по — другому. При первом германском ударе на фронт вся страна закричала от боли. И прежде всего о своих болях и язвах заговорил откровенно сам фронт, иногда даже слишком громко и слишком сгущая краски. 9 июля, на третий день прорыва у Тарнополя, Временное правительство, Верховный главнокомандующий, тогда еще Брусилов ^[66], ВЦИК Советов и Исполнительный комитет съезда крестьянских депутатов одновременно получили телеграмму от комитета Юго — Западного фронта, комитета и комиссара 11-й армии (где развивался прорыв) ^[67]: «Начавшееся 6 июля германское наступление разрастается в неизмеримое бедствие. В настроении частей, двинутых недавно вперед геройскими усилиями сознательного меньшинства, определился резкий гибельный перелом. *Наступательный порыв* быстро исчерпался. Большинство частей находятся в состоянии все разрастающегося разложения. Уговоры и убеждения потеряли силу. На них отвечают угрозами, а иногда и расстрелом. Некоторые части самовольно уходят с позиций, даже не дожидаясь подхода противника. Были случаи, что отданные приказания — спешно выступить на поддержку — обсуждались часами на митингах. При первых выстрелах неприятеля части нередко бросают позиции. На протяжении сотни верст тыла тянутся вереницы беглецов с ружьями и без них, здоровых, потерявших всякий стыд, чувствующих себя совершенно безнаказанными. Иногда так отходят целые части. Члены армейского и фронтового комитетов, а также комиссары единодушно признают, что положение требует самых крайних мер и усилий, ибо нельзя останавливаться ни перед чем, чтобы спасти революцию от гибели. Сегодня Главнокомандующим Юго — Западного фронта (только что на эту должность назначенный мной генерал Корнилов. — *А. К.*) и командармом 11-й армии, с согласия комиссаров и комитетов, изданы приказы о стрельбе по бегущим. Пусть вся страна знает всю правду о совершающихся здесь событиях. Пусть она содрогнется и найдет в себе решимость беспощадно обрушиться на всех, кто малодушием губит и предаёт родину и революцию».

Подписавшие эту знаменательную телеграмму представители комитетов — все были члены левых, социалистических партий, и некоторые из них только что после амнистии Временного правительства вернулись с каторги из Сибири.

Такого же рода телеграммы мы в Петербурге стали получать со всех концов фронта ежедневно. В тылах, в самой стране настроения напряженной тревоги за Родину и воли к борьбе с развалом встретили немедленный отклик. Советы, городские думы, прочие общественные организации заговорили также совсем новым и государственным языком.

Для расшатанных, переутомленных, обескровленных войск наступательные операции лекарство совершенно необходимое, но лекарство чрезвычайно сильно действующее и потому опасное. Вспомним, что за три месяца перед этим во Франции — в стране с твердо налаженным государственным укладом, никакими революционными судорогами тогда не расшатанной, — знаменитое по своей неудаче апрельское наступление генералиссимуса Нивеля ^[68] закончилось жесточайшим разгромом и немедленным бунтом в войсках ^[69]. Впоследствии сам тогдашний

военный министр Пенлеве^[70] рассказал в печати о той тревожной ночи, когда ему стало известно, что одна из дивизий готовится идти на Париж. А через три месяца после Тарнопольского прорыва не только австрийская армия совершенно уже разложились, но и в самой Германии во флоте вспыхнули первые весьма серьезные беспорядки.

Потрясенную даже кратким наступлением русскую армию нужно было привести в себя. Задуманный на общесоюзнической конференции в январе месяце в СПб план генерального наступления на нашем фронте стал, конечно, утопией. Между тем Ставка Брусилова продолжала по инерции вести операции по январскому плану. При расстройстве фронта получалась не строго рассчитанная, быстро разворачивающаяся ударная операция, а ряд отдельных, ничем между собой во времени почти не связанных, наступательных эпизодов, дававших неприятелю полную возможность переброски войск. Поэтому еще до Тарнопольского прорыва проездом с Западного фронта от генерала Деникина в Петербург, во время большевистского восстания, я заехал ночью в Ставку в Могилев к генералу Брусилову и настаивал перед Верховным главнокомандующим на необходимости приостановить наступление.

Тут же, в беседе с Брусиловым, ввиду тревожных настроений и возможности разных эксцессов, мы решили подтянуть с фронта в район Ставки один из конных корпусов, который в случае надобности можно было бы двинуть в любом направлении — к фронту или к столице.

Я вспомнил об этом эпизоде с вызовом корпуса не случайно. Намеченному в результате моего с Брусиловым ночного разговора к вызову корпусу как раз и суждено было превратиться в скором времени в физическое оружие борьбы военных заговорщиков с Временным правительством.

Для того чтобы покончить с общим положением на фронте после германского контрнаступления, здесь же отмечу, что начавшееся 6 июля стремительное отступление русских армий продолжалось *не долго*. Новая психология страны, молодой патриотизм демократических организаций и беззаветная самоотверженность командного состава сделали почти чудо. 17 июля я получил рапорт комиссара Северного фронта о том, что после потери предмостных укреплений под Иксюлем — «настроение в рядах войск, по мере приближения к родной земле, резко меняется». А 27 июля последовал с Галицийского Юго — Западного фронта рапорт главнокомандующего генерала Балугева^[71]: отступление окончательно приостановлено и положение армии упрочено. Сам новый Верховный главнокомандующий генерал Корнилов, делая 3 августа свой первый доклад в заседании Временного правительства, дал успокоительную картину общего положения на фронте и сообщил о своем намерении *вскоре частично возобновить наступление* в Галиции.

Я напомнил об остропатриотических, напряженных переживаниях России в июле — августе 1917 года для того, чтобы понятнее стала вся работа сторонников военного переворота по психологической подготовке их атаки на власть.

Подготовка эта заключалась —

- 1) в сознательном преувеличении остроты переживаемых и без того тяжких испытаний русской армии.
- 2) в предъявлении правительству демагогически преувеличенных и явно неисполнимых требований для восстановления дисциплины,
- 3) в травле всех демократических армейских организаций, наконец,
- 4) в открытой газетной кампании в пользу генерала Корнилова, как «единственного» и возможного «спасителя России».

Эта демагогическая кампания возбуждения в определенных кругах общества патриотического негодования не только не слабела вместе с успокоением на фронте, а наоборот — крепла. И при действительно обостренном тогда в стране чувстве патриотизма игра на

больных чувствах ущемленного национального достоинства давала заговорщикам превосходные результаты.

К середине августа обе столицы были уже достаточно насыщены различными конспиративными военными и штатскими организациями. Тогда практическая подготовка самого осуществления переворота во имя диктатуры генерала Л. Г. Корнилова пошла полным ходом.

Детские воспоминания связывают меня по Симбирску с семьей Ленина (Ульянова). В юношеские годы судьба свела меня с Корниловым.

Мой отец был главным инспектором всех учебных заведений в Туркестане, где и прошли (в Ташкенте) мои гимназические годы.

Столица Русского Туркестана являлась, конечно, прежде всего военным центром. Многие выдающиеся военные деятели большой войны в ту или иную пору своей военной карьеры служили в Туркестане; в особенности офицеры Генерального штаба. Среди них однажды и появился в Ташкенте только что окончивший курс Академии молодой капитан Корнилов. Маленький, сухопарый, с раскосыми, немножко калмыцкими глазами, чрезвычайно простого происхождения («Я, генерал Корнилов, крестьянин, сын казака» — так начиналось впоследствии одно из обращений мятежного генерала к народу), Л. Г. Корнилов мало бывал в светских гостиных, хотя двери их были открыты любому офицеру Генерального штаба, и не любил общества светских дам. Его считали нелюдимым и даже немножко дикарем.

Вскоре этот *нелюдим* заставил о себе говорить. Изучив один из местных языков, капитан Корнилов совершил чрезвычайно смелую экспедицию. Он один, переодетый туземным купцом, пробрался в тогда строжайше запрещенный для посещения какими бы то ни было иностранцами, в особенности военными, дикий Афганистан — этот непроницаемый буфер между Русским Туркестаном и Британской Индией. Вернувшись в Ташкент, молодой капитан стал героем дня. Однако светскими успехами он и тут не увлекся. А скоро опять удивил «высшее общество» провинциальной столицы. Он «демократически» женился на дочери маленького чиновника, служившего по ведомству моего отца. Это было уже слишком: двери гостиных перед ним закрылись.

...Много лет спустя, почти накануне своего выступления против Временного правительства, Верховный главнокомандующий Корнилов завтракал у меня, занимавшего должность министра-председателя, в Зимнем дворце. После очень острого напряженного разговора в кабинете мы за завтраком старались просто болтать.

«Ведь вы, пожалуй, не помните меня, — обратился полушутливо ко мне Корнилов. — А я бывал когда-то в Ташкенте у ваших родителей и даже танцевал».

«Ну, как же не помнить», — подхватил я и рассказал генералу, какое сильное впечатление тогда на всех произвела его смелая экспедиция в Афганистан.

Корнилов так всю свою жизнь и оставался по своим вкусам и привычкам человеком простым, из народа. В нем ничего не было ни от природного бюрократа, ни от человека петербургского, дворянско — аристократического круга. Кстати, все три главных военных героя Белого движения — Корнилов, Алексеев, Деникин, — все они пришли с низов и пробились на вершины военной иерархии собственным горбом. Воспитанные на гроши, они испытали на себе всю тяжесть армейской, офицерской лямки при старом режиме. Все трое они к привилегированной гвардейской среде относились очень отрицательно. Все трое блестяще кончили Академию Генерального штаба. А обстановка войны, когда рухнуло столько блестящих, сделанных в придворных гостиных и министерских передних карьер, быстро стала продвигать их всех троих вперед.

Алексеев еще в 1915 году попадает в Ставку начальником штаба при Верховном главнокомандующем Николае И. Деникина и Корнилова революция застает на фронте. Оба они участвуют с блестящим успехом во всех операциях Галицийского фронта. Корнилов в одной из несчастных операций, где проявилась вся его личная доблесть и отвага, попадает в плен к

австрийцам. Дерзкий его оттуда побег создает вокруг него некоторую легенду, Впрочем, не дошедшую до широких народных и армейских низов.

Из всех трех будущих вождей белой армии как раз Корнилов меньше всего был подготовлен к роли политика. (Наоборот, генерал Алексеев хорошо разбирался в государственных вопросах, но был слишком «политиком».) Даже в военном искусстве Л. Корнилов совсем не был стратегом, а только тактиком, что вполне соответствовало его неразмышляющей, напористой, в опасности не рассуждающей, вперед поступков не рассчитывающей природе.

По — видимому, именно эта чрезмерная, неразмышляющая решительность — качество, не всегда подходящее для ответственного начальника, — эта стремительность и служила Корнилову препятствием при продвижении по лестнице военной службы. Его оставляли в тени до революции. После революции его стремительная карьера развилась *вопреки* воле его прямого, военного начальства. Уже назначение его в первые дни революции командующим войсками Петербургского округа совершенно не встретило одобрения со стороны генерала Алексеева. Впрочем, на этом посту генерал Корнилов оказался совсем «слабым» и, не справившись с гарнизоном С. — Петербурга, в начале мая вернулся на фронт.

Уходя из Военного министерства, Гучков хотел назначить генерала Корнилова главнокомандующим Северным фронтом. Тогда Верховный главнокомандующий генерал Алексеев уже открыто, под угрозой своего ухода, этому воспротивился. Корнилов оказался в Галиции командующим 8-й армией, где и был настигнут г. Завойко.

Когда в момент Тарнопольского прорыва в начале германского контрнаступления я предложил Верховному главнокомандующему Брусилову сменить явно негодного генерала Гутора и на его место командующим Юго — Западным фронтом назначить генерала Корнилова, я встретил с его стороны почти такое же сопротивление, как Гучков со стороны Алексеева. Однако Корнилов все-таки был на эту должность назначен. Также вопреки мнению военных авторитетов 19 июля генерал Корнилов по моему предложению был назначен Временным правительством главнокомандующим на смену потерявшего волю к управлению генерала Брусилова.

Я привожу здесь справку об обстоятельствах служебного возвышения генерала Корнилова для того, чтобы было понятнее дальнейшее; для того, чтобы было понятнее, почему, несмотря на все признаки готовящегося военного выступления против Временного правительства, несмотря на огромное количество собранных мною о заговоре данных, я до последней минуты не видел, не мог увидеть среди заговорщиков генерала Корнилова. Упорно проводя его наверх, преодолевая при этом сопротивление его начальников и неприязнь к нему левых кругов, оставляя без внимания его чрезвычайно не дисциплинированные по отношению к правительству выступления, проявляя иногда даже чрезмерную снисходительность, я твердо до последнего дня был уверен в одном: в том, что отменно доблестный солдат и в политике в прятки играть не станет, и из-за угла стрелять не будет. К величайшему несчастью России — это оказалось не так.

Когда и где состоялось окончательное решение вести в диктаторы России генерала Корнилова — мне до сих пор неизвестно.

Думаю, что это было решено еще до назначения генерала Корнилова командующим Галицийским фронтом, т. е. между 2 и 7 июля. В этом меня убеждает тон первой же телеграммы генерала Корнилова к правительству в ответ на указ о его назначении командующим фронтом. Впрочем, возможно, что эmissар заговорщиков Завойко решил сам ускорить события.

Только что упомянутая телеграмма не по содержанию, — ибо здесь генерал Корнилов шел с некоторым опозданием навстречу моим как военного министра требованиям, — а по форме носила явно угрожающий, требовательный, ультимативный характер. Дав чрезвычайно резкое описание положения на фронте, генерал Корнилов продолжал: «Я, генерал Корнилов, вся жизнь

которого от первого дня сознательного существования до ныне проходит в беззаветном служении родине, заявляю, что отечество гибнет, и потому, хотя и не спрошенный, требую немедленного прекращения наступления на всех фронтах. Необходимо немедленно, в качестве меры временной и исключительной, введение смертной казни и учреждение полевых судов на театре военных действий... Я заявляю, что если правительство не утвердит предлагаемых мною мер и тем лишит меня единственного средства спасти армию и использовать ее по действительному назначению — защиты родины и свободы, — то я, генерал Корнилов, самовольно снимаю с себя полномочия главнокомандующего». Этот изумительный документ, как оказалось потом, был написан не кем иным, как г. Завойко.

О приостановке наступления я уже сделал соответствующее предложение генералу Брусилову; применять вооруженную силу в борьбе с дезертирами, грабителями и прочими предателями обязаны были все военачальники неоднократно моими приказами. Восстановления смертной казни на фронте уже до генерала Корнилова требовали армейские комитеты.

Таким образом, суть выступления Корнилова была не в содержании, а в жесте «сильного человека». Этот жест сейчас же в Ставке, в Могилеве, повторил Центральный комитет Союза офицеров. Временное правительство получило за подписью полковника (к. — д.) Новосильцева телеграмму, в которой уже без всяких обиняков говорилось, что за неутверждение мер, предлагаемых генералом Корниловым, все члены Временного правительства... «отвечают головой».

Беспристрастный историк впоследствии признает: несмотря на все недопустимые, возмутительные словесные грубости, никогда никто из советских делегатов в первые недели падения монархии ничего подобного по отношению к правительству себе не позволял. Генералу Корнилову и полковнику Новосильцеву их дерзость прошла безнаказанно. Почему? Да просто потому, что Временное правительство почитало извинительным и даже, пожалуй, естественным чрезмерное возбуждение военных людей, непосредственно и особенно больно переживавших новые удары на фронте; естественным особенно в минуты, когда все даже в тылу потеряли немного душевное равновесие.

Запальчивость и наскок генерала Корнилова мне лично тогда даже нравились. Резкостью выражений нас — людей из Временного правительства — удивить на четвертом месяце революции было невозможно; вывести из себя — тем более. Ведь и слева горячие революционные скакуны сильно брыкались, пока сами не вошли в оглобли власти. Мне думалось: сознание государственной ответственности выровняет, вымуштрует политически и генерала Корнилова с его ближайшими военными друзьями.

16 июля на чрезвычайном военном совете, созванном мною в могилевской Ставке, генерал Деникин, командовавший тогда Западным фронтом, в присутствии генералов Алексеева, Брусилова, Клембовского^[72], Рузского^[73], выступил, выражая и их и свое мнение, с настоящим обвинительным актом против Временного правительства. Он был гораздо резче генерала Корнилова (Завойко). Он прямо обвинял верховную власть страны в том, что она «втоптала наши знамена в грязь». Он требовал от Временного правительства — «сознания его ошибки и вины перед офицерством», он даже выражал сомнение, «есть ли у нас — у членов Временного правительства — совесть»?!

М. И. Терещенко, министр иностранных дел, и я, министр-председатель, военный и морской министр, совершенно спокойно выслушали этот крик наболевшей души офицера. А по окончании этой грозной филиппики, когда все присутствующие затихли в смущенном и тревожном молчании, я встал, пожал руку генералу Деникину и сказал: «Благодарю вас, генерал, за ваше смелое и искреннее слово».

Генерал Деникин впервые тогда громко проговорил те пункты военной программы, которые были положены в основу пропаганды и агитации сторонников военного переворота и которые тогда же я назвал «музыкой будущей военной реакции». Эта программа еще в более острой форме была повторена атаманом Донского казачьего войска генералом Калединым ^[74] на Московском государственном совещании. Суть ее была более чем справедлива. Она сводилась к требованию восстановить нормальную воинскую дисциплину и единоначалие в армии и упразднить комиссаров и комитеты.

К этой цели все тогда стремились, и в особенности, конечно, Временное правительство. Спор был не о том, что нужно армии, а *как* этого можно вернее достигнуть. Восстановить обычную воинскую дисциплину в армии немедленно было невозможно. Поэтому и сам генерал Корнилов, выступая как Верховный главнокомандующий, не только ни разу не требовал отмены института комиссаров и комитетов, а *наоборот*: он до самого последнего дня переворота всюду в своих публичных выступлениях и представляемых в правительство законопроектах усиленно подчеркивал положительную роль комитетов и комиссаров в армии; подчеркивал необходимость их сохранения. Генерал Корнилов хотел только ввести в определенные рамки их деятельность, чего опять-таки неуклонно добивалось само Военное министерство.

Не присутствуя на военном совете в Ставке 16 июля (в это время на его фронте шли бои), генерал Корнилов телеграфно прислал свои требования. Они, в значительной мере совпадая с заявлениями Деникина, подчеркивали, однако, необходимость *расширить* деятельность комиссаров в армии и произвести новую *чистку* командного состава. Несколько позже, уже будучи Верховным главнокомандующим, генерал Корнилов особенно настаивал перед правительством на изменении закона о применении смертной казни на фронте. По его мнению, конфирмация смертных приговоров должна была обязательно иметь две подписи: командующего генерала и состоящего при нем комиссара военного министра.

После военного совета в Ставке я, вернувшись в Петербург, предложил Временному правительству вместо Брусилова назначить Верховным главнокомандующим генерала Корнилова. А состоявшего при нем комиссаром Юго — Западного фронта социалиста — революционера, бывшего крупного террориста Савинкова ^[75] — управляющим Военным министерством, т. е. моим ближайшим помощником по управлению этим ведомством.

В ответ на это новое назначение г. «ординарец» Завойко за подписью генерала Корнилова ответил правительству уже настоящим, но политически совершенно безграмотным ультиматумом.

Заявляя, что «как солдат», обязанный являть пример воинской дисциплины, он исполняет постановление Временного правительства о назначении его Верховным главнокомандующим, — генерал Корнилов, уже «как Верховный главнокомандующий», сразу же дает всей армии совершенный образец дерзкого нарушения всякой дисциплины. Генерал Корнилов в открытой (не шифрованной) телеграмме, сейчас же опубликованной во всех газетах, объявил Временному правительству, что он принимает командование только при «условиях: 1) Ответственности перед собственной совестью и всем народом. 2) Полного невмешательства в мои оперативные распоряжения и назначения высшего командного состава. 3) Распространения принятых в последнее время мер на фронте (т. е. восстановления смертной казни и т. д.) и на те местности тыла, где расположено пополнение армии. 4) Принятия моих предложений, переданных телеграфно в совещании ставки 16 июля»...

Доложив Временному правительству ультиматум генерала Корнилова, я предложил немедленно отчислить его от должности Верховного главнокомандующего с преданием суду.

Я уже теперь не помню хорошенько, по каким мотивам, но большинство Временного правительства — и слева и справа — склонялось к более мягкому отношению к проступку

Верховного главнокомандующего. А управляющий Военным министерством Савинков доказывал мне, что генерал Корнилов просто не понял смысла бумаги, подсунутой ему Завойко. В итоге я снял с обсуждения свое предложение, и Корнилов остался Верховным главнокомандующим. Эту мягкость власти заговорщики объяснили ее «бессилием» и окончательно осмелели!

В Москве к этому времени образовался уже центр политической подготовки заговора или, правильнее сказать, — политического окружения будущего диктатора. Ставка Верховного главнокомандующего вплотную занялась военно — технической организацией похода на Петербург для захвата врасплох там Временного правительства. С первого же дня появления в Ставке генерала Корнилова все ее учреждения стали жить двойной жизнью: весь аппарат нес обычную работу по управлению армией; отдельные же чины в этом аппарате вели напряженную конспиративную работу. В кабинете самого генерала Корнилова докладчики по служебным делам сменялись докладчиками по делам заговорщическим. Причем этим вторым уделялось гораздо больше внимания.

Сейчас не может быть уже никакого сомнения в том, что генерал Корнилов с самого начала своего переезда с фронта в Могилев вел с Временным правительством двойную игру. Все внимание его было сосредоточено на разработке конспиративно — военной стороны заговора, на обеспечении себе технического успеха. Все же официальная возня Ставки с разными докладными записками, меморандумами, представляемыми Временному правительству, в порядке службы — весь этот открытый флирт с Савинковым, — все это было лишь простой, как говорят военные, словесностью, дымовой завесой, прикрывавшей главный центр работы от наблюдающих глаз Петербурга.

Настроения Корнилова в Ставке превосходно передал *единственный* из будущих участников восстания, никогда не игравший, как он сам выразился о себе, «в прятки», — генерал Деникин. Получив еще 1 июля назначение командующим Юго — Западным фронтом, генерал Деникин приехал в Могилев. После одного из деловых заседаний, рассказывает он, «Корнилов предложил мне остаться, и когда все ушли, тихим голосом, почти шепотом, сказал следующее:

— Нужно бороться, иначе страна погибнет. Ко мне на фронт приезжал N, он все носит с своей идеей переворота и возведения на трон великого князя Дмитрия Павловича^[76]; что-то организует и предлагает совместную работу. Я ему заявил, что ни на какую авантюру с Романовым не пойду. В правительстве сами понимают, что совершенно бессильны что-либо сделать. Они предлагают мне войти в состав правительства. Ну, нет: эти господа слишком связаны с Советами и ни на что решиться не смогут. Я им говорю: предоставьте мне власть, тогда я поведу борьбу. Нам нужно довести страну до Учредительного собрания, а там пусть делают, что хотят: я устранюсь и ничему препятствовать не буду. Так вот, Антон Иванович, могу ли я рассчитывать на вашу поддержку? — В полной мере... — Мы обняли друг друга»^[77].

Приведенные генералом Деникиным слова генерала Корнилова показывают, какой политический сумбур и фантастика царствовали в голове этого совершенно неискушенного в политических вопросах, но сбитого с толку окружающими его политиками генерала. В частности, ни одно слово генерала Корнилова о Временном правительстве не соответствовало действительности.

Незадолго до Московского государственного совещания Корнилов приезжает в Петербург. Оставшись с ним в кабинете с глазу на глаз, я пытался убедить генерала в том, что между ним с его окружением и Временным правительством нет расхождений в целях, в задачах работы в армии. Я доказывал Корнилову, что всякая попытка грубо перегнуть палку даст самые отрицательные результаты для самой же армии. Я повторил ему то, что еще в мае месяце

говорил на фронте, — если кто-нибудь сделает попытку установить в России личную диктатуру, то он на другой же день останется в безвоздушном пространстве, без железных дорог, без телеграфа, без армии. Я указывал ему на ту страшную судьбу, которая ждет в случае попытки переворота офицеров.

«Ну что же, — как бы размышлял вслух Корнилов, — многие погибнут, зато остальные наконец возьмут армию в руки».

Теперь эта фраза звучит полупризнанием, тогда она носила совершенно предположительный, теоретический характер. Генерал Корнилов ничем во все время беседы со мной не выдал своих настоящих мыслей и осуществлявшихся уже планов. Даже его фраза — «Ну что же, может быть, и на диктатуру придется пойти!» — была сказана в такой общей форме гаданий о будущем России, что даже она не насторожила меня против моего собеседника.

Во время этого разговора эмиссары Корнилова объезжали фронт, передавая военным участникам заговора секретные распоряжения генерала Корнилова.

Один такой гонец явился и к генералу Деникину. Он «вручил собственноручное письмо Корнилова, в котором предлагалось мне выслушать личный доклад офицера. Он доложил: в конце августа, по достоверным сведениям, в Петербурге произойдет восстание большевиков^[78]. К этому времени к столице будет подведен 3-й конный корпус во главе с генералом Крымовым^[79], который подавит большевистское восстание и заодно покончит с Советами... Вас Верховный главнокомандующий просит только командировать в Ставку несколько десятков надежных офицеров — *официально* для изучения бомбометного и минометного дела, *фактически* они будут отправлены в Петербург в офицерский отряд»^[80].

О посылке отборных офицеров — заговорщиков в Петербург, — о чем в своих воспоминаниях пишет Деникин, — я знал уже за несколько недель до открытого восстания Корнилова. Я не знал только, что этим ведает... сам Верховный главнокомандующий.

Уже с середины июля ко мне стали поступать сообщения о подозрительной деятельности некоторых военных кружков. Тогда в распоряжении Временного правительства не было достаточно хорошо налаженного полицейского аппарата. Старый Департамент полиции с его замечательной организацией политического наблюдения был уничтожен. Военная контрразведка при штабе Петербургского округа еще не оправилась после революции и действовала весьма кустарно. При новом центральном управлении полиции (милиции) политического отдела не существовало. Поэтому приходилось пользоваться не столько результатами наблюдения соответствующих чиновников, сколько помощью добровольцев — доброжелателей, а иногда сообщениями людей, действовавших далеко не бескорыстно.

Таким образом, собранные мною сведения вели нити заговора в трех главных направлениях: 1) в Ставку, в Центральный комитет Союза офицеров, 2) в Совет съезда казачьих войск, в Центральные комитеты некоторых других воинских организаций (Союз георгиевских кавалеров, Военной лиги и т. д.) и в кабинеты некоторых политических деятелей и 3) в кружки юнкеров некоторых военных училищ. В особенности много весьма ценных указаний дал один офицер, непосредственно явившийся ко мне. Нити, им указанные, были осторожно проверены и оказались очень ценными.

В общих чертах работа заговорщиков в Петербурге происходила так. Все руководство офицерскими заговорщическими организациями в столице было сосредоточено в руках полковника Генерального штаба де Симетьера^[81]. Он получал директивы из Ставки, а средства — от банкиров, еще в апреле, как я уже писал, занявшихся поисками генерала — переворотчика. Незадолго до восстания, когда в наших руках было уже достаточно уличающего этого полковника материала, чины контрразведки явились на квартиру де Симетьера для его ареста. Однако, предупрежденный вовремя, полковник успел за несколько часов до ареста, переодевшись в штатское, уйти из своей квартиры и через Финляндию скрыться за границу. На его место был прислан из Ставки один из самых деятельных участников заговора в Ставке, помощник генерала Крымова, полковник Генерального штаба Сидорин^[82].

Организованные конспиративные военные кружки в полках, военных училищах и Морском корпусе должны были к моменту подхода войск генерала Корнилова из Ставки содействовать захвату внутри Петербурга правительственных учреждений и казарм. Отборные же офицеры с фронта, которых, между прочим по требованию генерала Корнилова, отправлял в Петербург генерал Деникин и другие командующие фронтами, образовывали в С. — Петербурге «боевые дружины» для расправы с Советами и с Временным правительством. Посылались они в адрес председателя некоей Военной лиги, генерала, насколько помню теперь, Федорова. Их штаб — квартирой была реквизированная еще до революции для надобностей Военного ведомства огромная гостиница «Астория».

Одно время заговорщики в Петербурге сильно склонялись к «центральному террору», т. е., попросту говоря, хотели меня убить. Сделать это было весьма просто, так как охрана моя была чрезвычайно несовершенна. Да внешняя охрана и не могла предотвратить убийство, ибо сами террористы или имели ко мне свободный доступ, или находились в числе моей охраны. Так каждое утро до начала докладов ко мне являлся полковник Генерального штаба Клерже. На его обязанности было держать меня в курсе событий на фронте. Я выходил к нему в бильярдную,

перед кабинетом, обычно один, и мы оставались с глазу на глаз около развернутой на бильярде карты фронта. Получив сведения о том, что он должен застрелить меня, я несколько дней наблюдал за ним во время наших утренних свиданий, ни в чем не меняя порядка встреч. Полковник, вообще очень замкнутый, выдержанный и спокойный, теперь как будто действительно несколько нервничал. Через несколько дней такой острой игры я, прощаясь с полковником Клерже, попросил его больше ко мне не являться... Он не спросил почему; откланялся и исчез...

Героем второго неосуществленного покушения был юноша- гардемарин. На него выпал жребий застрелить меня в Зимнем дворце. Действительно, здесь не то накануне, не то в самый день начала Корниловского восстания внутренний караул должен был нести Морской корпус. Юноша мог выполнить свой «патриотический долг» совершенно наверняка и без всякого для себя риска. Однако в последнюю минуту вместо Зимнего дворца он оказался у своих ближайших родственников. В чрезвычайном волнении, в слезах, он рассказал им всю историю и заявил, что выполнить выпавшего на него жребия он не может. Родственники гардемарина, близкие знакомые одного из высших чинов в Департаменте милиции, отправились туда. Через несколько часов мне все стало известно. Не придавая делу никакой огласки, я приказал только назначить на другой день в наряд на караул вместо Морского корпуса другую воинскую часть. Гардемарин же благополучно вернулся в корпус.

Должен сказать, что сама идея начать восстание с моего убийства была совершенно правильной, ибо только тогда, — сразу и коренным образом расстроив аппарат правительственной власти, — военные — заговорщики могли рассчитывать хоть на какой-нибудь успех. Однако идея эта вовремя не была осуществлена. Конечно, они твердо решили со мной покончить, но, как будет видно дальше, они предпочитали это сделать в обстановке совершенно для них безопасной.

Вообще, мужественные на полях сражения, в конспиративной работе вырабатывавшие генеральный план наступления на Временное правительство, офицеры предпочитали действовать хитростью, они вели все время двойную игру, прикрывая свои действительные намерения официальными приказами высшей военной власти, действовавшей как бы во исполнение повелений правительства. Впрочем, кроме недостатка гражданского мужества — большевики в этом случае были смелее и нападали всегда со стороны и открыто, не прикрываясь никакими служебными званиями и никогда не присягая на верность Временному правительству, — вести двойную игру вынуждали заговорщиков настроения народа и низов армии. Когда то, подымая восстание против императора Николая I ^[83], петербургские гвардейские офицеры могли непосредственно и прямо обращаться в казармах к своим подчиненным солдатам. На Сенатскую площадь утром 14 декабря 1825 года офицеры — заговорщики шли во главе своих частей. Теперь в казармах у офицеров — заговорщиков никого не было: там они если и могли приказывать, то только именем Временного правительства, против которого злоумышляли. Даже в казачьих полках, даже в знаменитой конной Дикой дивизии, набранной из кавказских горцев, — даже там, уже во время похода на С. — Петербург, офицеры ни разу *не посмели* даже намекнуть, что они идут свергать Временное правительство. Наоборот, казакам и всадникам объявлялось, что в Петербурге большевистское восстание, что Временное правительство в опасности, что оно уже свергнуто. Нужно спасти столицу и власть Временного правительства! Если же большевистского восстания тогда не было и не предвиделось, то его можно было и выдумать. Накануне подхода войск генерала Корнилова к Петербургу такие попытки действительно и делались: один из злейших заговорщиков, председатель Союза казачьих войск, оренбургский атаман полковник Дутов ^[84] сам — по заранее установленному плану — делал попытки подстрекнуть уличную чернь к беспорядкам.

Одновременно с подготовкой из-за угла вооруженного нападения на Временное правительство ближайшие соучастники генерала Корнилова вели в спешном порядке переговоры с определенными политическими кругами и с военными представителями... союзников. Впрочем, как я уже говорил, Ставка, где душой военного заговора был генерал Крымов, мало интересовалась тогда штатскими политическими вопросами. План будущего государственного устройства, будущая правительственная программа «диктатора» вырабатывалась скорее в более спокойных, уютных кабинетах в Москве и Петербурге. Ведь среди бывших членов 4-й Государственной думы — октябристов и конституционных демократов, — среди видных представителей дворянства из Государственного совета было достаточно людей, посвященных в готовящийся переворот. Еще перед Московским государственным совещанием офицеры из Ставки, приезжая в Москву, участвовали в конспиративных собраниях вместе со штатскими государственными деятелями. До сих пор никто из этих людей не смеет сказать публично правду о политической стороне Корниловского движения. До сих пор еще в либеральных и консервативных кругах продолжают — точно зная о том, что заговор был, — твердить о роковом «недоразумении» между Временным правительством и Верховным главнокомандующим, закончившимся катастрофой «по вине Керенского». На самом же деле некоторые очень крупные государственные деятели России были совершенно в курсе намерений генерала Корнилова, и им всемерно — одни сочувствовали, а другие прямо содействовали.

Я не буду приводить здесь все имеющиеся в моем распоряжении по этому поводу данные, напомним только знаменательное письмо (1917 г.) закулисного вдохновителя заговора генерала М. В. Алексеева к П. Н. Милюкову. 8 октября 1917 года, давая показания Следственной комиссии, я говорил: «Мы не можем, по отсутствию розыскной части, дать тех материалов, которые имела бы возможность предъявить вам старая власть. Мы их предъявить не можем. Но для меня, лично, несомненно, что за Корниловым работала совершенно определенная группа лиц, не только связанная готовящимся заговором, *но и обладающая большими материальными средствами и располагающая возможностью получать средства из банков. Это для меня совершенно несомненно*».

Письмо генерала Алексеева к П. Н. Милюкову от 12 сентября (опубликованное 12 декабря 1917 г.) превратило эту мою субъективную уверенность, которая ни для кого не была обязательна, в объективную действительность, которой уже никто не сможет отрицать. «Дело Корнилова не было делом кучки авантюристов, — пишет генерал Алексеев, — оно опиралось на сочувствие и помощь широких кругов нашей интеллигенции. Вы, Павел Николаевич, *до известной степени* знаете, что некоторые круги нашего общества *не только знали обо всем, не только сочувствовали идейно, но, как могли, помогали Корнилову*... У меня есть еще просьба. Я не знаю адреса господ Вышнеградского, Путилова и *других*. (Первые двое известные финансовые деятели, еще в апреле с некоторыми другими банкирами начавшие поиски нужного для переворота генерала. — А. К.) Семьи заключенных офицеров начинают голодать... я настойчиво прошу их прийти на помощь. Не бросят же они на произвол судьбы и голодание семьи тех, с кем они были связаны общностью идей и *подготовки*. Я очень прошу Вас взять на себя этот труд и известить о результатах. В этом мы, офицеры, более чем заинтересованы... Тогда (если просьба не будет немедленно удовлетворена. — А. К.) генерал Корнилов вынужден будет широко развить перед судом *всю подготовку, все переговоры с лицами и кругами, их участие*, чтобы показать русскому народу, с кем он шел, какие истинные цели он преследовал и как в тяжелую минуту он, *покинутый* всеми с малым числом офицеров, предстал перед спешным судом» (какового, должен отметить, вовсе не предполагалось. — А. К.). Не имея весьма веских доказательств в руках, такими недвусмысленными угрозами разоблачений не сопровождают просьбы даже

шантажисты...

Конспиративный аппарат заговора в Ставке и Петербурге был уже достаточно налажен к сроку открытия Московского государственного совещания. На этом совещании должна была произойти «проба сил». В случае же благоприятного стечения обстоятельств — мирное провозглашение диктатуры генерала Корнилова. Поэтому за несколько дней до открытия Государственного совещания была произведена мобилизация общественных сил, сочувствующих перевороту. Как будто совершенно случайно, Центральные комитеты всех военных организаций, участвовавших в заговоре, один за другим вынесли в разных выражениях составленную, но совершенно одинаковую по содержанию резолюцию. Совет казачьих войск, съезд Союза георгиевских кавалеров, Центральный комитет Союза офицеров, съезд Военной лиги и т. д. постановили — считать генерала Корнилова «несменяемым» Верховным главнокомандующим. Совет казачьих войск осмелился даже грозить правительству бунтом казачьих строевых частей на фронте и в тылу в случае увольнения Верховного главнокомандующего. С этой резолюцией заговорщики из Совета казачьих войск во главе с атаманом Дутовым явились к председателю Временного правительства. 8 августа, в день открытия в Москве «белого» «Съезда общественных деятелей», председатель Государственной думы Родзянко послал генералу Корнилову телеграмму, в которой от имени совещания «присоединил свой голос» к заявлению Союза офицеров, Союза георгиевских кавалеров и Совета казачьих войск о несменяемости генерала Корнилова на посту Верховного главнокомандующего.

Внешне получалась чрезвычайно импозантная, внушительная картина: не только военные организации, наиболее авторитетные в офицерских кругах армии, но и вся «государственно зрелая» Россия во главе с самыми известными членами Государственной думы, Государственного совета, дворянства, промышленной и финансовой аристократии, профессуры, журналистики, во главе с бывшими Верховными главнокомандующими (Алексеевым, Брусиловым) — вся эта, можно сказать, «благомыслящая» Россия открыто признает своим вождем и повелителем генерала Корнилова; вождем несменяемым, т. е. независимым от Временного правительства, неподчиненным ему!

Нетрудно себе представить, как закружилась от этого голова у стремительного в действиях, но не привыкшего политически размышлять и свои мысли взвешивать генерала. Он ведь каждое слово понимал по — солдатски: сказано — сделано; обещано — исполнено. А между тем в пышной резолюции военных и гражданских сановников, именитых общественных деятелей и знаменитых политических ораторов — ничего, кроме слов, не было. Они толкали наивного генерала в пропасть, сидя спокойно на ее краю, вовсе и не думая никогда вслед за ним ломать себе шею.

Пришли дни Московского совещания (см. «Современные записки», кн. 38). На всякий случай к этому времени заговорщики подтягивали к Петербургу из Финляндии корпус князя Долгорукова^[85] (был оставлен в пути командующим войсками Петербургского военного округа); к Москве — 7-й Оренбургский казачий полк (был оставлен под Москвой в Можайске командующим Московским военным округом). Кроме того, в самой Москве, в Александровском военном училище посвященные в «дело» юнкера были предупреждены своими офицерами о возможности «выступления», если создадутся условия, благоприятные для провозглашения диктатуры генерала Корнилова. Сам генерал приехал в Москву с чрезвычайной помпой, далеко оставившей за собой обстановку въезда в Москву Временного правительства. На вокзале его встречала, можно сказать, «вся Москва». Юнкера несли «народного героя» на руках. В автомобиле, окруженном сотней экзотических текинцев (туземные всадники из Закаспийского края), будущий диктатор по старому царскому обычаю поехал прямо к стенам Кремля, помолиться в часовне у иконы Иверской Божьей Матери. Затем, вернувшись в свой вагон,

генерал Корнилов стал принимать делегации, депутации. К нему являлись все вожди «Совещания общественных деятелей». Ему делали настоящие доклады о финансовом, хозяйственном и вообще внутреннем положении России.

А на улицах Москвы раздавалась народу агитационная брошюра «Генерал Корнилов — национальный герой». Брошюра эта была только что отпечатана на средства *английской* военной миссии и доставлена в Москву из здания английского посольства в Петербурге непосредственно в вагон полковника (теперь генерала и члена палаты общин) Нокса^[86] (английского военного атташе). Кстати, как раз в эти дни из Англии приехал когда-то знаменитый в 1-й Государственной думе оратор, трудовик Аладьин^[87]. После разгона 1-й Государственной думы в 1906 году он эмигрировал. Долго жил в Лондоне, где, потеряв весь свой политический багаж, превратился в весьма темного авантюриста. Именно этот заклеянный общественным презрением человек привез генералу Корнилову собственноручное письмо от военного министра Великобритании лорда Милнера, благословлявшего российского Верховного главнокомандующего на свержение союзного Англии российского Временного правительства. Посланец из Англии, конечно, чрезвычайно поднял настроение духа у главных военных организаторов заговора. А сам «посол» английского министра, проходимец Аладьин, занял в политическом совете около генерала Корнилова первое место после распутинца Завойко. Третьим в этой милой компании был некий Добринский. Лицо под этой фамилией до Московского совещания никому не было известно. Но в последние дни перед генеральским восстанием этот «Добринский» сыграл, как сейчас будет видно, весьма крупную роль. Под этой фамилией скрывался один из блестящих придворных гвардейских офицеров, стеснявшийся своего титула в демократически — революционные времена. Вообще, ближайшее «политическое» окружение генерала Корнилова приводило в возмущение даже таких верных ему людей, как генерал Деникин.

Московское государственное совещание для сторонников переворота прошло весьма неудачно. Провозглашение военной диктатуры в мирном порядке, как бы под давлением свободного общественного мнения всей России, съехавшейся в древнюю столицу, не вышло.

Тогда на обратном пути из Москвы в Могилев, в Ставку, на «военном совете» в вагоне Верховного главнокомандующего было постановлено: свергнуть Временное правительство вооруженной рукой.

16 августа правительство вернулось в Петербург, Корнилов — в Могилев. 19 августа началась новая атака германцев на Северном фронте. У Огера на Двине линия наших войск была прорвана.

20 августа мы ушли из Риги. Линия фронта угрожающе приближалась к Петербургу.

21 августа Временное правительство *единогласно* постановило:

1) приступить к подготовительным мерам переезда правительства в Москву и перевода туда главных правительственных учреждений,

2) передать войска Петербургского военного округа в непосредственное ведение Верховного главнокомандующего, 3) выделить территорию С. — Петербурга и его окрестностей в особую военную единицу с подчинением здесь войск непосредственно Временному правительству, 4) *срочно вызвать с фронта отряд надежных войск в распоряжение правительства.*

Постановление это было продиктовано нам и соображениями военно — стратегическими, и внутривластными. При ненадежности и распушенности Петербургского гарнизона правительство прежде всего должно было обеспечить заранее совершенный порядок операций переноса управления государством в Москву (что должно было произойти к концу ноября).

Кроме того, все имевшиеся в распоряжении Временного правительства сведения о настроениях офицерской среды, подкрепленные новыми данными, которые мы получили в Москве, обязывали правительство иметь в своем распоряжении твердую воинскую силу и на случай движения справа, которое тогда к началу осени одно только реально нам и угрожало.

Сейчас же после заседания правительства, где было принято постановление о вызове войск, я командировал в Ставку управляющего Военным министерством Савинкова и начальника моего личного военного кабинета полковника Барановского для практического осуществления решения правительства.

Перед отъездом я приказал управляющему Военным министерством, — представляя выбор войсковых частей, направляемых в распоряжение Временного правительства, усмотрению Верховного главнокомандующего, — требовать от генерала Корнилова неуклонного соблюдения двух условий: 1) во главе командированного в Петербург корпуса не должен стоять генерал Крымов, 2) в составе командированных войск не должно быть Кавказской туземной (Дикой) дивизии. Мое требование основывалось на том, что, по точным сведениям, которыми я тогда располагал, сам генерал Крымов и часть офицерства Дикой дивизии принимали непосредственное участие в военном заговоре.

Генерал Корнилов категорически 24 августа обещал Савинкову выполнить оба требования Временного правительства, о чем управляющий Военным министерством и доложил мне 25 августа, вернувшись из Ставки. *И в тот же день особым приказом* (скрытым от военного министра) *генерал Корнилов подчинил Дикую дивизию именно генералу Крымову.*

Еще 30 июля генерал Корнилов вытребовал в свое распоряжение 3-й конный (казачий) корпус, которым командовал генерал Крымов. При переводе корпуса с фронта генерал Крымов (по предложению генерала Деникина) подлежал назначению на должность командующего 11-й армией в Галиции. По представлению генерала Корнилова на эту должность генерал Крымов Временным правительством и был назначен. Однако вместо отъезда в распоряжение своей армии генерал Крымов был вызван в Могилев, в Ставку генерала Корнилова, здесь с начала августа он проживал втайне от Временного правительства и исполнял особое секретное поручение Верховного главнокомандующего — *разрабатывал план захвата Петербурга.*

25 августа, вернувшись из Ставки, управляющий Военным министерством докладывает мне, что в распоряжение Временного правительства будет прислан 3-й корпус, но без генерала Крымова.

И в тот же день, по приказу генерала Корнилова, Кавказская туземная (Дикая) дивизия выступает как авангард противоправительственных войск генерала Крымова в направлении на Петербург. Сам же генерал Крымов в тот же день без ведома Временного правительства (для которого он остается пребывающим на Юго — Западном фронте в 11-й армии) назначается генералом Корниловым командующим особой (официально для Военного министерства несуществующей) «Петербургской армией».

26 августа утром генерал Крымов выезжает из Могилева вдогонку за Дикой дивизией в Лугу с особыми инструкциями генерала Корнилова. Уверенный в том, что Временное правительство ничего не подозревает о задачах и составе движущихся против него войск, генерал Корнилов в 2 часа 40 минут утра 27 августа спокойно телеграфирует в Военное министерство: *сосредоточение корпуса под Петербургом закончится сегодня к вечеру.*

В воскресенье, 27 августа, столица должна была оказаться в распоряжении генерала Крымова. А накануне, 26 августа, около 5 часов вечера ко мне в Зимний дворец является бывший член Временного правительства, член 4-й Государственной думы из шульгинского центра В. Н. Львов и предъявляет от имени генерала Корнилова ультиматум.

Для заговорщиков настали решительные минуты! Дальнейший военный успех их зависел теперь от политических последствий ультиматума. Он должен был дать быстрый и решительный эффект. Так оно и случилось. Только случилось нечто противоположное тому, чего ожидали в Ставке. Предъявленный мне ультиматум взорвал заговор. Поэтому на истории этого документа нужно остановиться подробнее.

Сейчас же после закрытия Московского государственного совещания упомянутый авантюрист Аладьин явился к князю Г. Е. Львову. Он настаивал перед бывшим председателем Временного правительства на том, чтобы тот добился для него, Аладьина, срочного свидания со мной по делу «чрезвычайной государственной важности». Князь, презирая этого человека и зная мое такое же к нему отношение, решительно в просьбе Аладьину отказал. Тот, уходя, успел, однако, сказать князю: «Во всяком случае, впредь никаких перемен во Временном правительстве без согласия генерала Корнилова не должно производиться». О странном посещении Аладьиным князь Львов немедленно через верного человека уведомил меня.

После провала попытки Аладьина заговорщикам необходимо было сейчас же найти другого человека, который мог бы проникнуть ко мне уже наверняка. Очевидно, это должен был быть, во-первых, человек мне известный; во — вторых, с репутацией политически чистой; и в — третьих, наконец, по своим настроениям выполнить рискованное поручение готовый.

21 августа упомянутый выше гвардеец, скрывающийся под псевдонимом Добринский, знакомит Аладьина с В. Львовым. Владимир Львов был по существу чистым и честным человеком.

но весьма неуравновешенным и взбалмошным. После своего выхода в июле из состава Временного правительства он находился в чрезвычайно раздраженном и враждебном ко мне настроении. Аладьину и Добринскому не трудно было уговорить В Львова сейчас же отправиться в Петербург и передать мне то, чего не удалось передать Аладьину. 22 августа Львов в Петербурге.

Для того чтобы история предъявления мне ультиматума генерала Корнилова была столь же ясна, как и история обманной посылки войск против правительства под видом правительственных войск, я приведу здесь весьма колоритный рассказ одного из виднейших лидеров к. — д. партии, убитого несколько лет тому назад крайними монархистами в Берлине,

В. Д. Набокова.

«Во вторник на той неделе, в конце которой Корнилов подступил к Петербургу (т. е. 22 августа. — *А. К.*), утром ко мне позвонил Львов. Он сказал мне, что у него есть важное и срочное дело, по которому он пытался переговорить с Милюковым, как председателем Центрального комитета (к. — д.) партии, и с Винавером^[88], как товарищем председателя, но ни того, ни другого ему не удалось добиться. Поэтому он обращается ко мне и просит назначить время, когда бы он мог со мной повидаться... Я несколько запоздал домой и, когда пришел, застал Львова у себя в кабинете. У него был таинственный вид, очень значительный. Не говоря ни слова, он протянул мне бумажку, на которой было написано приблизительно следующее (списать я текста не мог, но помню очень отчетливо):

“Тот генерал, который был вашим визави за столом, просит вас предупредить министров к. — д., чтобы они такого-то августа (указана была дата, в которую произошло выступление генерала Корнилова 5 дней спустя) подали в отставку в целях создания правительству новых затруднений и в интересах собственной безопасности”.

Это было несколько строк по середине страницы, — продолжает Набоков, — без подписи. Не понимая ничего, я спросил Львова, что значит эта энигма^[89] и что требуется, собственно говоря, от меня.

— Только довести об этом до сведения министров к. — д.

После некоторых загадочных фраз и недомолвок Львов заявил, что будет говорить откровенно, но берет с меня слово, что сказанное останется между нами, иначе меня самого могут арестовать... Затем он мне сказал следующее:

— От вас я еду к Керенскому и везу ему ультиматум: готовится переворот, выработана программа для новой власти с диктаторскими полномочиями. Керенскому будет предложено принять эту программу. Если он откажется, то с ним произойдет окончательный разрыв, и тогда мне, как человеку, близкому Керенскому и расположенному к нему, останется только позаботиться о спасении его жизни...

Насколько я помню, имя генерала Корнилова не было произнесено, но несомненно сказано, что ультиматум исходит из Ставки. На этом разговор закончился, и Львов поехал к Керенскому... Должен еще прибавить, что о разговоре моем я в тот же вечер сообщил Кокошкину, а также другим нашим министрам (Ольденбургу^[90] и Карташеву^[91]). Помню, что я просил их обратить внимание на поведение Керенского в вечернем заседании. Впоследствии они мне сообщили, что Керенский держался, как всегда, никакой разницы»^[92].

Никакой разницы и не произошло в тот вечер в моем поведении по очень простой причине: по дороге от Набокова ко мне (расстояние совсем маленькое) В. Львов по своей неуравновешенности в чем-то усомнился, в чем-то переменился и на что-то не решился. Он пробыл у меня, пожалуй, больше часа, но ни об ультиматуме, ни о Ставке, ни о грозящей мне опасности ничего не сказал. По его собственному потом признанию, он настолько отвлеченно, туманно и отдаленно со мной рассуждал, что у меня осталось впечатление о первом разговоре с Львовым как об одной из обычных тогда моих бесед с общественными деятелями. Дело в том, что после Московского совещания усиленно в политических кругах говорили о необходимости ввести в состав правительства некоторые новые элементы справа и разговоры, подобные моему с Львовым, происходили у меня то с тем, то с другим каждый день. С Львовым мы расстались на том, что он еще раз ко мне приедет с более точными данными, а я, когда буду знать, о чем, собственно, он говорит, дам ему тот или иной ответ. Выйдя от меня, Львов в этот же день умчался в Москву.

23 августа, две ночи уже проведя в поезде, Львов оказался снова в «Национальной

гостинице» в дружеских объятиях тех же Аладьина и Добринского. Миссия его, во всяком случае, дала один положительный результат: дорога в кабинет Керенского была открыта! В тот же день Добринский везет Львова в Могилев к самому генералу Корнилову и везет с собой письмо Аладьина к Завойко.

24 августа вечером генерал Корнилов лично принимает Львова и дает ему инструкцию: «В присутствии моего ординарца Завойко я, — давал показание впоследствии арестованный генерал Корнилов, — подтвердил Львову существо моих заявлений».

Сейчас же из кабинета Верховного главнокомандующего и Верховного заговорщика Львов попадает к Завойко, Аладьину и прочим авантюристам. Они дают ему дополнительные поручения в Петербург и Москву. Здесь же Львов берет со стола Завойко *готовое уже* воззвание «диктатора» генерала Корнилова к русскому народу. Имея в кармане этот документ, Львов сейчас же мчится снова в Петербург. Здесь с вокзала он прямо влетает в мой кабинет. С понедельника до субботы бедный Львов не знал ни отдыха, ни сроку! Не спал, не ел, носился по треугольнику Москва — Петербург — Могилев. После передачи мне ультиматума он должен был сейчас же опять мчаться в Москву. Оттуда опять в Могилев в Ставку вместе с Родзянко и другими государственными деятелями. Из них одни должны были вступить 10 сентября в правительство диктатора генерала Корнилова, другие — укрепить его перед страной своим авторитетом.

Уехать от меня в Москву вечером 26 августа Львову, однако, не удалось: арестованный в моем кабинете, он хорошо отдохнул несколько дней в верхних, фрейлинских комнатах Зимнего дворца.

В это второе свое появление В. Львов не был на себя похож: возбужденный, нервный, чем-то чрезвычайно встревоженный. Я, еще совершенно не понимая причин такого ненормального состояния моего собеседника, начал обычный тогда политический разговор.

— Ну что же? Вы приехали опять потолковать о пополнении состава Временного правительства?

— Нет, я пришел говорить совсем о другом. Положение совершенно переменялось.

Сбиваясь и путаясь, Львов стал толковать мне о моем личном чрезвычайно трудном положении, о том, что С. — Петербург накануне неизбежного большевистского восстания; что мне неоткуда ждать помощи; что моей жизни грозит опасность, и прочее, и прочее. Я опять пытался придать разговору более спокойный характер, перебивая Львова полушутливой фразой:

— Ну, чему быть — того не миновать!

Внезапно Львов оборвал разговор. Затем, очевидно, на что-то наконец решившись, с большим волнением глухо сказал:

— Я должен вам сделать официальное предложение.

— От кого?

— От генерала Корнилова.

— Что?! — Я уже чувствовал, что надвигается чрезвычайное. — В чем же дело? Говорите!!

Львов начинает говорить. Из путаных сначала слов в конце концов определяется содержание ультиматума. Генерал Корнилов предлагает правительству: 1) объявить осадное положение в Петербурге, 2) передать ему власть, 3) всем министрам сейчас же выйти в отставку. Мне же лично и моему ближайшему сотруднику по Военному министерству Савинкову предлагается в тот же вечер (накануне прихода отряда генерала Крымова) выехать в Ставку, так как в новом правительстве при генерале Корнилове я должен якобы стать министром юстиции, а Савинков — военным.

В цепи моих данных о военном заговоре нашлось наконец главное звено!

Вся картина стала ясной до ужаса! Сомнений в правдивости рассказа Львова у меня не

было: он вел себя так, как человек фантазирующий вести себя не мог.

Необходимо было в самом срочном порядке, немедленно, сейчас же в самом зародыше задавить безумную попытку, которая таила для государства смертельную опасность. Так я почувствовал сразу.

Трудно мне передать сейчас мое тогда душевное состояние. Никаких колебаний. Голова работала с чрезвычайной ясностью и быстротой.

Не успел кончить свой рассказ Львов, я уже не размышлял, а действовал. Прежде всего, необходимо было устный рассказ превратить в документ.

— Перестаньте шутить! — довольно резко обратился я к Львову.

— Теперь не до шуток, — ответил он. — Положение слишком серьезно!

— Но ведь это же безумие! И потом... как я расскажу обо всем этом Временному правительству: мне никто не поверит?! Меня самого сочтут за сумасшедшего, если я передам требование генерала Корнилова только устно с ваших слов, не имея в руках никакого документа. А что, если в решительную минуту генерал откажется от своих слов? В каком вы будете тогда положении?..

Одним словом, В. Львов подошел к столу, взял листок бумаги и написал на нем следующее: «Генерал Корнилов предлагает:

1) объявить Петроград на военном положении;

2) передать всю власть военную и гражданскую в руки Верховного главнокомандующего;

3) отставка всех министров, не исключая и министра — председателя, и передача временно управления министерствами товарищам министров, впредь до образования кабинета Верховным главнокомандующим. В. Львов. Петроград, августа 26-го дня 1917 года».

Я почти выхватил бумагу из рук В. Львова и сейчас же спрятал ее в карман своего френча. Но этого одного документа было мало! Нужно было немедленно получить подтверждение ультиматума от самого генерала Корнилова. Был уже седьмой час вечера. Я предложил Львову к 8 часам приехать в здание Военного министерства на Мойке. Мы должны были вместе по прямому проводу получить от самого генерала Корнилова подтверждение каждого пункта ультиматума. Времени оставалось немного. Львов поехал в город. Я немедленно послал одного из адъютантов приготовить провод для разговора. К 9 часам вечера я вызвал к себе помощника директора Департамента милиции и помощника командующего войсками Петербургского военного округа.

Вскоре вслед за ушедшим В. Львовым ко мне в кабинет вошел (тоже вызванный мной) В. В. Вырубов^[93]. Он как раз чуть не в этот же день уезжал в Ставку, назначенный туда представителем Земского и Городского союзов и прочих общественных организаций, работавших на оборону, на правах товарища министра. Принимая В. В. Вырубова перед его отъездом в Ставку (кажется, все в тот же роковой день утром), я дал ему устно дополнительное поручение: содействовать установлению нормальных отношений между Ставкой и правительством. Вот почему, получив от В. Львова ультиматум главноверха, я сейчас же послал за Вырубовым. Ему одному я рассказал, в чем дело. Вместе мы поехали в дом военного министра на Мойке.

В. Львов опоздал. Минуты тянулись часами. А с той стороны у провода в аппаратной Ставки в таком же напряжении ждет у провода генерал Корнилов. Проходит 10, 15, 20, 25 минут... Львова нет. Ждать больше невозможно. В конце концов он дал согласие на совершенно определенный разговор. Весь он будет на ленте Юза^[94], и никаких недоразумений произойти не может. Не ожидая больше Львова, начинаю говорить.

Привожу целиком по ленте Юза весь разговор.

«Министр — председатель Керенский ждет генерала Корнилова.

— У аппарата генерал Корнилов.

— Здравствуйте, генерал. У аппарата В. Н. Львов и Керенский. Просим подтвердить, что Керенский может действовать, согласно сведениям, переданным Владимиром Николаевичем.

— Здравствуйте, Александр Федорович, здравствуйте, Владимир Николаевич. Вновь подтверждая тот очерк положения, в котором мне представляется страна и армия, очерк, сделанный мною Владимиру Николаевичу, вновь заявляю: события последних дней и вновь намечающиеся повелительно требуют вполне определенного решения в самый короткий срок.

— Я, Владимир Николаевич, вас спрашиваю, то определенное решение нужно исполнить, о котором вы просили известить меня, министра, председателя, только совершенно лично? Без этого подтверждения лично от вас Александр Федорович колеблется вполне доверять.

— Да, подтверждаю, что я просил вас передать Александру Федоровичу мою настоятельную просьбу приехать в Могилев.

— Я, Александр Федорович, понимаю ваш ответ как подтверждение слов, переданных мне Владимиром Николаевичем. Сегодня это сделать и выехать нельзя. Надеюсь выехать завтра. Нужен ли Савинков?

— Настоятельно прошу, чтобы Борис Викторович (Савинков) приехал вместе с вами. Сказанное мною Владимиру Николаевичу в одинаковой степени относится и к Борису Викторовичу. Очень прошу не откладывать вашего выезда позже завтрашнего дня. Прошу верить, что только сознание ответственности момента заставляет меня так настойчиво просить вас.

— Приезжать ли только в случае выступления, о котором идут слухи, или во всяком случае?

— Во всяком случае.

— До свидания, скоро увидимся.

— До свидания».

Сомнений быть больше не могло! Каждое слово письменного ультиматума В. Львова было подтверждено самим генералом Корниловым. Весь мой разговор с ним был, конечно, условным разговором, когда отвечающий знает настоящий смысл условных вопросов и раскрывает его в своих ответах^[95]. В особенности интересно было подтверждение генералом Корниловым пункта, касавшегося вызова Савинкова и меня в Ставку. Этого пункта в письменном ультиматуме нет. А между тем генерал Корнилов на мой вопрос: «Необходим ли приезд Савинкова?» — на вопрос формальный отвечает по существу: «Все сказанное мной касается *в равной степени* и Савинкова».

Когда с лентой разговора в руках мы выходили с Вырубовым из аппаратной, навстречу нам по витой лестнице спешил В. Н. Львов. Он был по — прежнему возбужден, но менее встревожен.

— Меня задержали.

— А я уже переговорил и от вашего имени.

— Хорошо, что вы начали разговаривать, не ожидая меня^[96].

По дороге в Зимний дворец в автомобиле я навел разговор на вопрос: стоит ли мне ехать в Ставку?

— Ни за что, ни за что не меняйте вашего решения, — страшно разволновался Львов, — не ездите туда. Вас там убьют^[97].

Дело в том, что во время разговора перед поездкой на прямой провод В. Львов, передав мне, так сказать, приказ диктатора явиться в Ставку, затем, после некоторых колебаний, стал упрашивать меня туда не ездить. Старые хорошие отношения ко мне победили в нем чувство острого раздражения последних месяцев, и он поступил так, как говорил Набокову: «... Произойдет окончательный разрыв, и тогда мне, как человеку близкому к Керенскому и

расположенному к нему, останется только позаботиться о спасении его жизни».

Кстати, после ареста генерала Корнилова и его соучастников оставшиеся на свободе заговорщики организовали *по плану генерала Алексеева* и на оставшиеся в их распоряжении деньги очень удачную и ловкую оборонительную кампанию в печати. Смысл ее заключался в утверждении, что никакого заговора не было, что между Корниловым и главой Временного правительства произошло «недоразумение», что никакого ультиматума генерал Корнилов не посылал, а Львов «все напутал». Утверждалось даже, что через управляющего Военным министерством Савинкова я был «в соглашении» с генералом Корниловым. А затем «под давлением Советов» и по своему «малодушию» генерала «предал». Это клеветническое измышление было подхвачено немедленно большевиками и сделалось в их руках тем динамитом, которым они (буквально в несколько дней) и взорвали на низах армии доверие к только что восстановленной государственной власти и силу только что по — настоящему укрепившегося в стране авторитета правительства.

Для того чтобы яснее себе представить весь цинизм оставшихся на свободе вдохновителей заговора, хладнокровно и даже с некоторым садизмом наблюдавших, как их бесстыдная клевета отравляет политическую атмосферу России, достаточно кроме всего выше мной рассказанного напомнить еще одну маленькую подробность по поводу вызова меня лично генералом Корниловым в Ставку. «Недоразумение» с «путаником» В. Львовым произошло будто бы вечером 26 августа, а утром этого дня, когда. Львов был еще в поезде между Могилевом и Петербургом, генерал Корнилов (по свидетельству генерала А. И. Деникина) *самолично* приспособлял уже комнату рядом со своим кабинетом под помещение для меня. Здесь я должен был «охраняться» по приезде в Ставку лично самим «диктатором» от покушений со стороны его ближайших сотрудников...

Но вернемся к событиям в вечер 26 августа. Автомобиль, который вез нас с прямого провода, остановился у подъезда Зимнего дворца. Вырубов прошел во внутренние комнаты. Я с Львовым остался в огромном официальном кабинете — библиотеке. Тут освещен был только один угол у двери на площадку к витой лестнице, здесь стоял стол. Все остальное пространство было погружено в полумрак. Там в глубине, за роялем, на глубокой оттоманке сидел заранее вызванный мной помощник директора Департамента милиции С. А. Балавинский^[98]. Подойдя к столу, я развернул на нем ленту прямого провода и прочел ее Львову. Он еще раз подтвердил содержание ультиматума и снова разъяснил каждый его пункт. На этот раз «поручение» генерала Корнилова было передано мне при официальном свидетеле, присутствия которого в комнате сам «гонец», однако, не подозревал^[99].

Установив все нужные мне данные письменным ультиматумом, лентой прямого провода и бесспорным официальным свидетельским показанием, я оборвал разговор с Львовым.

— Ну, теперь я поеду, — сказал он, — тороплюсь в Москву^[100].

— Нет, вы никуда не поедете, — остановил я Львова. — Как участник заговора против верховной власти, вы арестованы.

Я подошел к дверям за стоявшим у стола Львовым, открыл их — оттуда вошел капитан Кузьмин^[101], помощник командующего войсками Петербургского военного округа. Он получил приказ взять бывшего члена Временного правительства, члена Государственной думы Львова под стражу и поместить его под надлежащий караул в одном из верхних помещений дворца.

Все это произошло между 5 и 10 часами вечера 26 августа 1917 года. До минуты ареста Львова о совершившейся в Ставке катастрофе никто ничего еще не знал — ни в правительстве, ни в столице, ни в стране.

Теперь задача заключалась в том, чтобы с чрезвычайной быстротой, по возможности не

расширяя круга посвященных, остановить безумие в самом его зародыше. Я не боялся успеха генерала Корнилова, он был объективно невозможен. Я боялся того впечатления, которое заговор Верховного главнокомандующего произведет в армии и в стране.

Около 11 часов вечера со всеми документами в руках я был в заседании Временного правительства. Здесь было по моему предложению единогласно решено: 1) телеграфно предложить генералу Корнилову сдать верховное командование генералу Клембовскому, главнокомандующему Северным фронтом, и явиться безотлагательно в Петербург, 2) вручить мне особые полномочия для пресечения в самом корне подготовлявшегося переворота.

Все члены Временного правительства тут же предоставили свои портфели в мое распоряжение, оставаясь, однако, при исполнении своих текущих обязанностей. Только двое тут же окончательно порвали с Временным правительством: министр земледелия, лидер партии социалистов — революционеров В. М. Чернов, который вовсе ушел в отставку, и министр путей сообщения, член к. — д. партии П. П. Юренев, который решительно отказался отдавать какие бы то ни было распоряжения по линии железных дорог для приостановки передвижения войск по приказам генерала Корнилова.

Последнее заседание взорванного генералом Корниловым второго коалиционного состава Временного правительства кончилось около 1 часа ночи на 27 августа. Сейчас же по прямому проводу я послал генералу Корнилову предложение, сдав должность, явиться в Петербург. Еще оставалась надежда на то, что генерал подчинится и «конфликт» будет прекращен без непоправимого ущерба для страны. Исполнить повеление Временного правительства генерал Корнилов отказался и сейчас же разослал главнокомандующим на фронты и командующим Балтийским и Черноморским флотами телеграфное сообщение: он, Корнилов, не подчиняется требованию правительства сложить с себя звание Верховного главнокомандующего и предлагает главнокомандующим поддержать его.

С этой минуты генерал Корнилов и его соучастники оказались в состоянии открытого восстания против законной власти государства. Скрывать дальше страшную действительность от страны стало невозможным. 27 августа днем я обратился к населению с манифестом.

Генерал Корнилов сейчас же опубликовал составленный Завойко контрманифест. Это было *то самое воззвание*, которое еще 25 августа В. Львов увидел на столе у Завойко и взял с собой в Петербург. В последнюю минуту в начале этого документа было только приписано несколько бесстыдно — лживых слов: «Телеграмма министра — председателя за № 4163 (мое воззвание. — А. К.) в своей первой части является сплошной ложью: не я послал члена Государственной думы В. Львова к Временному правительству, а он приехал ко мне, как посланец министра — председателя. Тому свидетель член Государственной думы А. Аладьин. Таким образом, свершилась великая провокация, которая ставит на карту судьбу отечества».

Эта приписка превратила действовавших из-за угла заговорщиков в жертву «правительственной провокации» и положила начало всей легенде о «моем предательстве» генерала Корнилова.

Должен сказать, что во время ликвидации бунта генералов я пережил два очень тяжелых и трудных дня: 27 и 28 августа. В Петербурге началось величайшее смятение, почти паника. Никто ничего точно не знал. Двигавшиеся на Петербург полки генерала Крымова превращались в воображении обывателей в целые армии. В советских кругах, захваченных совершенно врасплох, сразу вспыхнули старые мартовские настроения — крайней подозрительности, недоверия к власти, боязни «контрреволюции». В офицерских организациях и в юнкерских кружках напряженно готовились к «боевым» действиям в момент появления авангарда генерала Крымова в предместьях Петербурга. А умеренные политические круги, втайне, а иногда и въявь сочувствующие Корнилову, мобилизовали все свои силы для того, чтобы оказать давление на

Зимний дворец и заставить его пойти на компромисс, на соглашение с мятежниками.

Никогда! Этого никогда не будет. Правительство можно свергнуть вооруженной рукой; его отдельных представителей можно уничтожить физически, но Временное правительство, присягнувшее довести страну до Учредительного собрания, от избранного им пути борьбы за Россию, за восстановление государства не отступит. Диктатура, откуда бы она ни пришла и кто бы ни стал ее главой, — это неизбежная гражданская война внутри, это еще более неизбежный сепаратный мир на фронте!

Часами мучили меня являвшиеся для переговоров сторонники «примирения» генерала Корнилова с Временным правительством. Сначала, когда положение было очень неясно, они скорее требовали, чем уговаривали. Потом, когда исход стал уже почти несомненным, они стали скорее умолять, чем уговаривать. Даже в самой узкой среде Временного правительства не было больше единства. В особенности я помню ночь на 28 августа, когда в огромных помещениях дворца я остался совершенно один. И министры, и ответственные политические деятели предпочитали на всякий случай быть подальше от «обреченного» места.

Как раз в эту ночь ко мне приходили из ВЦИКа съезда Советов предлагать коренной перелом всей политики Временного правительства. Объединенные, мол, вокруг правительства Советы, социалистические партии, включая и отрезавших под отдаленный топот конницы Крымова большевиков, и прочие демократические организации должны спасти страну, взяв в свои руки власть... без буржуазии.

Никогда! Этого тоже никогда не будет, пока я остаюсь в составе Временного правительства. Россия должна сломить генеральское безумие национальным единением всех социально — творческих сил — сил и труда, и капитала! Отказ от всенародной, надпартийной власти — это тоже гражданская война внутри и неизбежный сепаратный мир на фронте.

Если бы у закулисных штатских и военных, сознательных и бессознательных, подстрекателей генерала Корнилова к перевороту сохранилась в их острой ненависти к Временному правительству — и в особенности ко мне — хоть доля государственного разума, они, по крайней мере, в самый момент открытого неповиновения Корнилова Временному правительству должны были призвать его немедленно к подчинению. Ведь они уже видели, — в особенности находившийся тогда в Петербурге генерал Алексеев, — ведь они же видели, что в момент предъявления мне ультиматума «армия» генерала Крымова была еще слишком далеко от Петербурга (в Луге, за 130 верст). Следовательно, главный шанс победы — удар врасплох — уже сброшен со счетов. Нелепые же и заведомо безнадежные со мной переговоры о «соглашении», о «примирении» только понапрасну задерживали неизбежную ликвидацию мятежной Ставки. В особенности, конечно, ободрительно подействовала на Ставку попытка союзных послов (Англии, Франции и Италии) заставить Временное правительство — верховную власть в государстве — примириться, найти почву для соглашения с восставшим на нее главнокомандующим. Очевидно, письмо, привезенное Аладыным из Лондона, было выражением не только личных взглядов военного министра Британской империи!..

Собственно говоря, политически провал военной авантюры обнаружился сразу. Не только демократические, *но и широкие либеральные круги вне Петербурга* (и отчасти Москвы) решительно и сразу осудили попытку совершить государственный переворот. В своей собственной партии те столичные кадеты, которые были за диктатуру, оказались в ничтожном меньшинстве.

Таким образом, столичные, русские и иностранные тайные корниловцы ничего серьезного из себя не представляли. Задача правительства сводилась исключительно к тому, чтобы немедленно остановить продвижение к Петербургу войск «диктатора».

О том, что вместо вызванного Временным правительством корпуса идет против него целая

«армия», имея во главе своей генерала Крымова и Дикую дивизию, нам в Петербурге не было ничего известно до утра 27 августа.

Впрочем, главные силы генерала Крымова стали эшелон за эшелоном подходить к Луге лишь к утру 28 августа. Здесь местными властями генералу Крымову был предъявлен мой телеграфный приказ изменить направление движения 3-го конного корпуса и направить его на фронт к Риге. Генерал Крымов категорически отказался подчиниться. Он заявил, что исполняет приказы только Верховного главнокомандующего. Отчисление от должности генерала Корнилова для него тоже не обязательно, пока он не получит прямого тому подтверждения со стороны нового Верховного главнокомандующего, если таковой будет. А пока... генерал Крымов объявил местным властям, что с утра 29 августа он силой будет пробиваться к Петербургу «в походном строю», если к этому времени не будет восстановлен разобранный по приказу товарища министра путей сообщения железнодорожный путь.

Как я уже писал, весь план похода на Петербург был построен на детском расчете: действовать против Временного правительства, убеждая полки, что корпус идет на помощь Временному правительству против большевиков. 28–29 августа этот обман генерала Корнилова строевые казаки обнаружили. Из Петербурга в Лугу пришли газеты, где были напечатаны и мои приказы, и соответствующие воззвания Советов. Кроме того, в Дикую дивизию приехала из С. — Петербурга особая мусульманская депутация во главе с членами Государственной думы и муллами. Дело Корнилова — Крымова было кончено: выбранные представители от всех полков 3-го конного корпуса явились в помещение местного Совета с заявлением: *против Временного правительства* драться не пойдем, а если будет начальство на этом настаивать, самовольно повернем на фронт.

Сейчас же о такой бескровной победе было протелеграфировано мне в Петербург. Гвардии полковник Воронович^[102], председатель местного Совета, просил принять меры для скорейшего ареста генерала Крымова^[103].

Помощником начальника моего военного кабинета был в то время полковник Генерального штаба Самарин, близкий к Крымову человек. На всякий случай дав ему, Самарину, подписанный приказ об аресте Крымова, я просил полковника сейчас же на автомобиле отправиться в Лугу и убедить генерала Крымова немедленно приехать ко мне. Полковник Самарин должен был объяснить генералу всю безнадежность дальнейшего сопротивления и всю смертельную его опасность для армии.

28 августа утром генералом Крымовым был издан (за номером 128) весьма боевой приказ по Петербургской армии «особого назначения».

К вечеру того же дня он был уже без армии, а 30 августа генерал Крымов незаметно от крайне против него возбужденных казаков 3-го корпуса, на автомобиле, присланном военным министром, уезжал в Петербург втроем, с полковником Самариным и с начальником своего штаба генералом Дидерихсом^[104].

К утру 31 августа все было уже кончено: в четыре дня открытое восстание Верховного главнокомандующего было подавлено без одного выстрела, без одной капли человеческой крови.

Кровь полилась теперь... Много крови, крови бессмысленно пролитой.

Самоубийство генерала Крымова

31 августа около полудня в мой кабинет, где четыре дня тому назад я слушал ультиматум генерала Корнилова, входили генерал Крымов, его начальник штаба генерал Дидерихс и полковник Самарин. В кабинете, кроме меня, был помощник военного министра генерал Якубович и главный военно — морской прокурор Шабловский^[105].

Началось объяснение.

— Генерал, в каком качестве вы оказались в Луге? — задал я генералу Крымову первый вопрос, так как для меня, военного министра, генерал Крымов был командующим 11-й армией на Юго- Западном фронте.

— В качестве командира Петербургской «особой армии».

— Какой?!

— Предназначенной действовать в районе Петербурга.

Ничего подобного Временному правительству не было известно, и официально никакой «петербургской особой армии» в природе не существовало. Я обернулся к моему помощнику, генералу Якубовичу:

— Вам, генерал, известно что-нибудь по этому поводу?

— Ничего. Вообще в министерстве никаких сведений об этой армии нет.

Наступило напряженное молчание. Все стояли. Генерал Крымов — через стол против меня. Налево от меня невдалеке, опираясь на стенной библиотечный шкаф, стоял главный военно — морской прокурор. Направо, к середине кабинета, высилась фигура тучного генерала Якубовича; глубже, в стороне, направо от него, насторожившись стояла невысокая, сухопарая фигура генерала Дидерихса, рядом с Самариным.

Не знаю, сколько продолжалось это молчание: секунды или минуты. Казалось оно очень долгим. Заговорил сам генерал Крымов. Он стал объяснять официальную цель нахождения войск 3-го корпуса в Луге. Выходило все очень по отношению к Временному правительству благонадежно: шли войска по требованию военного министра; шли в распоряжение Временного правительства и затем неожиданно были остановлены.

Мы все слушали. Я смотрел в упор на генерала. Вдруг он замолк. Опять воцарилась тишина.

— Впрочем, — внезапно меняя тон и как-то решительно обратился ко мне генерал Крымов, — вот мой приказ.

И он протянул мне вчетверо сложенный лист бумаги. Я стал читать. Это был приказ генерала Крымова за № 128 от 28 августа.

Передавая этот документ мне, генерал Крымов открыто и честно, бросив всякую игру в прятки, признал себя участником заговора.

Я тут же передал этот документ в руки главному военно — морскому прокурору, которому было поручено вести следствие по делу о восстании генерала Корнилова. О несуществующем восстании большевиков в Петербурге генерал Крымов объявил в своем приказе согласно указанию, полученному им от генерала Корнилова.

Об этом он нам ни слова не сказал. Всю вину он взял на себя. Вообще, перед нами стоял человек, неспособный ни на какие увертки, недомолвки, двусмысленности и ложь. В последнюю зиму монархии генерал Крымов вместе с Гучковым и Терещенко готовил дворцовый переворот. Теперь он пошел на переворот военный, убежденный, что другого выхода для России нет.

Он настолько верил в правду своего дела, что тут же стал убеждать меня стать диктатором: «Я буду тогда с вами. Буду защищать вас тут же на площади Зимнего дворца».

Вся фигура генерала дышала искренностью. Арестовать его и тем выразить сомнения в том,

что он не уклонится от грозящей ему тяжелой ответственности, было невозможно, немыслимо.

Из моего кабинета генерал Крымов ушел свободным. На другой день в одном из помещений моего Военного кабинета генерал Крымов застрелился... Это была первая кровь. Она не была последней.

Новое разложение армии

На самоубийство генерала Крымова Гельсингфорс ответил новой и невинной кровью: *туда вернулся март.*

1 сентября на броненосце «Петропавловск» матросами был учинен самосуд: четыре офицера — лейтенант Тизенко, мичманы Михайлов, Кандыба и Кондратьев, — не пожелавшие дать подписку о «безусловном подчинении Временному правительству», которую от всего командного состава самочинно требовали матросы, — были расстреляны по приговору команды.

Началось!

Сначала флот, потом армия, наконец, вся страна со стремительностью почти невероятной повернулась вспять, ко времени первоначальной анархии и безначалия первых дней революции.

Началось!.. Расстрел четырех офицеров был сигналом. Командный состав Балтийского флота был сразу взят весь под строгий надзор матросских комитетов. Большевики во флоте взяли для них неожиданно реванш за разгром после восстания в июле: их представители делаются полными хозяевами в Центральном комитете Балтийского флота. Даже всю революцию отлично настроенный, почти недоступный для агитации большевиков малый флот — легкие крейсера, миноносцы, подводные лодки и т. д. — ломает и меняет свои политические настроения.

Одновременно с событиями на «Петропавловске» произошел безобразный самосуд в Выборге. Там сначала солдатами были арестованы по подозрению в содействии генералу Корнилову три генерала и полковник. Их вывели с гауптвахты и, издеваясь, сбросили в воду. Затем во всех полках стали ловить, избивать и топить офицеров. Выборг не был исключением. По всему фронту солдаты начали самовольно арестовывать командный состав, избивать офицеров, срывать с них погоны, производить выборы начальников, разгромы военно — революционных судов.

В приказе по армии от 1 сентября — т. е. изданном на другой день после явки генерала Крымова в Петербург и составленном новым начальником штаба Верховного главнокомандующего генералом Алексеевым — дается его пером — пером одного из главнейших закулисных вдохновителей заговора — жестокая картина мгновенного возвращения армии к мартовской анархии.

Одним словом, шесть месяцев борьбы за восстановление боеспособности армии пошли прахом. Всякий офицер в глазах солдатчины стал «корниловцем», т. е. реакционером. Дисциплина исчезла. Во всех полках как грибы стали расти большевистские организации, захватывающие в свои руки комитеты.

Самому генералу Корнилову в Могилеве грозила жестокая расправа. В самочинном порядке организованные и вооруженные отряды двигались с разных сторон на Ставку.

Еще 28 августа, в самый трудный день восстания генерала Корнилова, я предложил генералу Алексееву немедленно вступить в должность Верховного главнокомандующего.

Связанный с заговорщиками, генерал Алексеев, естественно, хотел сохранить за собой свободу действий. Поэтому он просил у меня несколько дней на «ознакомление с положением дел в армии». Но время шло слишком быстро. Не прошло и суток, как нам нужно было думать не только об армии, но еще и о бескровной ликвидации генерала Корнилова в Ставке. Я знал, что лишь генерал Алексеев, благодаря своей близости к заговорщикам, мог успешно выполнить задачу безболезненной передачи верховного командования из рук генерала Корнилова в новые руки.

Помню, как 30 августа утром, взяв с собой только В. В. Вырубова, я приехал в одну частную квартиру (генерала, тоже участника заговора), где генерал Алексеев остановился. Тогда он относился ко мне уже с нескрываемой ненавистью. Всегда замкнутый и сдержанный, он на этот раз не выдержал, потерял самообладание и начал просто кричать на меня, выливая все накопившееся за полгода негодование и всю горечь за неудачу заговора в Ставке. Но мне он был нужен во что бы то ни стало. Поэтому я не останавливал его. И действительно, крик облегчил его душу и переломил в нем настроение.

Когда он замолк, я спросил:

— Ну, теперь, генерал, вы согласны?

Он согласился принять должность, но только начальника штаба Верховного главнокомандующего, настаивая на том, чтобы генерала Корнилова заменил лично я. Так и было сделано^[106].

2 сентября главный вдохновитель заговора собственными руками арестовал главного физического исполнителя своих же планов, генерала Корнилова, со всеми ближайшими его соучастниками. Лицо совершенно достоверное из бывших тогда при генерале Алексееве рассказывало мне потом, как волновался новый начальник штаба, входя в кабинет к генералу Корнилову. Генерал Алексеев не знал, что сделает генерал Корнилов, ибо, выйдя из своего кабинета, преданный суду бывший Верховный главнокомандующий мог потребовать одновременно с собой ареста и генерала Алексеева. Этого не случилось. Генерал Корнилов отдал свое оружие и вместе со своими ближайшими по заговору сотрудниками был взят генералом Алексеевым под стражу.

Такой мирный конец заговора сохранил в полной неприкосновенности весь сложный аппарат Главной квартиры (Ставки) — этого не только мозга, но и сердца армии.

Теперь можно было вплотную заняться залечиванием ее свежих, кровоточащих ран. Но снова восстановить в армии, после генерала Корнилова, хотя бы некоторый порядок стало задачей просто невозможной. Надо было армию поскорее распускать, демобилизовать.

Наступающая осень, заключавшая сезон военных операций 1917 года, облегчала нам эту задачу. И когда после кратковременного (до 12 сентября) пребывания в Ставке генерала Алексеева начальником штаба Верховного главнокомандующего был назначен генерал Духонин, генерал — квартирмейстером генерал Дидерихс (недавний начальник штаба генерала Крымова), они приступили в спешном порядке к выработке плана коренной реорганизации армии с чрезвычайным сокращением ее состава.

Скоро страницы всех советских казенных газет будут посвящены «блестящим» достижениям большевистской диктатуры: исполняется 15 лет со дня ленинского переворота.

Мы все знаем, что творится в России и каковы *действительные итоги* юбилейного года большевистской политической и социальной, невиданной еще в истории Европы реакции.

Именно на фоне московских юбилейных песнопений мне хочется, в самом сжатом очерке, напомнить о времени, когда над Россией загоралось пламя *равной для всех свободы*.

Если бы за эти 15 с лишком лет, прошедших после падения монархии, Россия уже создала себе на прочных основах новое свободное государство, то короткий период Временного правительства мы могли бы уже рассматривать только исторически. Так, однако, не случилось: здоровый процесс перерождения полусамодержавной России в современное демократическое государство был в самом начале прерван большевистским октябрьским реакционным переворотом.

Февраль, как символ народовластия, вычеркнут как будто из истории России. Но это только так кажется людям слабым или близоруким. Как в Англии Великая хартия ^[107], после всех испытаний истории, осталась в основе нынешнего английского народовластия; как во Франции ^[108] коренные принципы гражданской свободы, провозглашенные в 1789 году, преодолели и якобинизм ^[109], и бонапартизм ^[110], и реставрацию ^[111], *так и России суждено судьбой вернуться к основным началам Февраля, суждено воссоздать свою национальную государственность на основах народовластия*.

Между царизмом и большевизмом есть одна магическая точка — свобода, к которой, рано или поздно, как к своему центру, притянутся все творческие силы государства.

Чем на более долгий срок затягиваются несчастные, безнадёжные попытки найти жизнеспособные формы для большевистской диктатуры — военный коммунизм, нэп, пятилетка, тем очевиднее становится всякому объективному наблюдателю, что диктатура партийной олигархии неизбежно будет преодолена или взорвана.

Тот, кто не только видит, но и чувствует русскую трагедию, тот знает: чем дольше длится большевистское самовластие, тем живее, тем притягательнее для российского гражданина, находящегося под пятой Сталина, становится идея свободы, та самая идея, в которой была вся сила, весь смысл, весь пафос Февральской революции. Вот почему, несмотря на протекшие со времени ленинской контрреволюции 15 лет, каждый человек, интересующийся судьбами России и ее будущим, должен дать себе отчет в основных линиях политики Временного правительства — того правительства, которое восемь месяцев революции — и единственный раз в истории России — выражало в своих действиях свободное организованное общественное мнение страны и опиралось только на него.

Взвешивая ныне спокойно и на некотором расстоянии времени наш опыт создания последовательно демократического государства в условиях продолжающейся войны на истощение, нельзя не прийти к заключению, что именно война, и только война, со всеми ее разрушительными материальными и психологическими последствиями, оборвала естественное развитие народной демократической революции и вернула Россию на столетие вспять, ко временам нового крепостничества, нового Средневековья.

Наблюдая нынешние политические срывы давно уже замиренной Европы, особенно остро понимаешь всю нелепость иностранных и даже иногда эмигрантских утверждений: большевизм явился следствием неспособности варварской, азиатской природы русского человека приспособиться к основам европейской культурной государственности.

Я знаю, что не только иностранцы, но и большинство россиян, по обе стороны рубежа, знакомы с историей Февральской революции и с деятельностью ее правительства почти исключительно, по памфлетам защитников правой или левой диктатуры или по рассказам сторонников павшей монархии. Еще и сейчас вся русская печать питается легендами, враждебными Февралю и его правительству. Репертуар этих легенд известен: приказ № 1, двоевластие, слабование правительства, «измена» Керенского генералу Корнилову и прочие подобные же фантазии. На них я не буду здесь вовсе останавливаться. Я хочу в самых коротких словах восстановить здесь действительное содержание политики Временного правительства; ее постоянство и самостоятельность и ту историческую почву, на которой развивалась наша работа.

Конечно, судить о Феврале вообще и о Временном правительстве в частности нельзя, забывая об определенных исторических фактах или не зная их.

Прежде всего нужно помнить, что не революция вызвала падение монархии, а как раз наоборот. Революция была попыткой остановить анархический распад государства, вызванный самоубийством монархии. Надо также помнить — что особенно старательно забывают все ненавистники Февраля справа, — что весь административный аппарат государства был разрушен отнюдь не мероприятиями революционного правительства, а распался он до самого основания в первые три дня всеобщей анархии, предшествующей образованию Временного правительства. И в конце концов, нужно помнить чрезвычайно существенную особенность русской революции, которая так резко отличает ее и от французской революции 1789 года, и от германской 1918 года. Французская революция была введением в эпоху революционных и наполеоновских войн; германская революция была заключением, хотя и несчастным, войны 1914 года. Наша революция случилась в самый разгар военных операций, посреди самой тяжелой из бывших в истории России войн и психологически явилась следствием отвращения — по крайней мере культурных верхов страны — к сепаратному миру, который казался неизбежным, если власть останется в руках наследников Распутина^[112]. Таким образом, продолжение войны во имя национальной обороны было неотъемлемой частью февральской революционной идеологии.

Мне могут сказать, что только упомянутые мной исторические факты, предшествовавшие и сопровождавшие всю деятельность Временного правительства, отнюдь не составляют какого-то особого секрета истории, известного только особо посвященным. Наоборот, все эти факты, скажут мне, у всех у нас перед глазами. Верно. Однако такова уже леность человеческого ума: люди предпочитают обсуждать исторические события сообразно раз навсегда установленным образцам, не замечая особенностей данного исторического события, ибо изучение явления во всей его неповторимой *единственности* требует большой самостоятельности и напряженности мысли.

Трудно, например, найти два исторических события менее между собой схожих, чем французская революция 1789 года и русская-1917 года. А между тем не только средние обыватели, но часто весьма осведомленные специалисты трудное изучение событий подлинной русской революции в их исторической и психологической последовательности заменяют пустыми сравнениями, аналогиями то с жирондистами, то с якобинцами, находят в нашей революции Дантонов^[113] и Маратов^[114], ждут или предрекают Термидоры^[115] и Брюмеры^[116].

Уж если искать исторических параллелей и аналогий для нашей революции, то их можно найти только в германских событиях 1918 года. До сих пор еще, например, многие либеральные русские историки вместе с некоторыми публицистами и политическими деятелями среди бывших наших союзников возмущаются появлением в первые дни революции Советов в городах, образованием солдатских Советов и исполкомов в армии, вмешательством всякого рода

«революционной черни» в административную и законодательную деятельность «слабого и безвольного» правительства. Какими курьезными кажутся подобные рассуждения теперь, когда на наших глазах прошла германская революция. А ведь, повторяю я, эта революция случилась в конце войны, когда из рук крайних демагогов было выбито главное оружие разрушительной пропаганды: мир во что бы то ни стало. Однако и германская революция на своем пути к Веймарскому учредительному собранию пережила время совершенного господства Советов, даже с «народными комиссарами» на место демократических министров, чего не случилось за все время Февраля.

А теперь разве мы не видим, как на 15-м году (а не на 9-м месяце, как было у нас) пореволюционная Германия, переживая уже не самую войну, а только ее следствие, подвергается жесточайшим атакам правого большевизма (гитлерства), который, несмотря на долгие годы мира, возвращается к большевистским приемам гражданской войны, создавая собственную частную армию в размерах, о которых перед ноябрем 17-го года наши большевики и мечтать не смели.

А знаменитая попытка к перевороту Каппа в 1920 году^[117]! Ведь и по своему замыслу и в исполнении она была таким же повторением движения генерала Корнилова, как совсем недавнее «восстание» испанских генералов^[118]. И конечно, если бы капповский путч был замышлен во время войны и если бы он был возглавлен не маленьким случайным офицером, а самим Людендорфом или Гинденбургом, то это восстание генералов также открыло бы дверь к власти спартакистам^[119], как генерал Корнилов, не желая того, открыл ее Ленину со товарищи!

Параллельное изучение начальных стадий германской революции и революции русской могло бы много содействовать более правильному пониманию наших событий 17-го года. Однако здесь, конечно, я на этом не буду останавливаться. Скажу только, что пора уже перестать воспринимать Февральскую революцию вне времени и пространства. Пора отказаться от книжного представления о революции. Пора воспринять Февраль в его органической связи с тем глубоким процессом всех социальных экономических связей, который был вызван мировой войной и который до сего дня пронизывает жизнь всех стран, участвовавших в войне. Рассматривая февральские события с такой более широкой международной точки зрения, мы сразу увидим, например, что та исключительная сила антидемократических настроений, с которыми столкнулась Февральская революция, вовсе не была какой-то особенностью национальной психологии «дикой России», но явилась после войны выражением некоего острого заболевания политического сознания во всей Европе. Ведь мы видим теперь, как диктаторский психоз, захватив сначала Польшу, Балканы, Италию, Испанию, ныне отравил гитлеризмом почти половину культурных классов Германии и почти целиком всю ее университетскую молодежь.

Не так давно известный испанский государственный деятель при монархии, Камбо^[120], в своей интересной работе о диктатуре установил как бы некоторый закон, по которому выходило, что распространение разного типа диктатур в Европе совпадало с границами малоиндустриальных земледельческих стран, где лошадь является главным средством передвижения. Пример нынешней Германии требует значительной поправки к теории Камбо. Мне же кажется, что диктаторская эпидемия явилась следствием глубокой перемены в хозяйственной структуре некоторых стран. Общим следствием военно — хозяйственного истощения было повсюду ослабление хозяйственной роли средних классов. Во время войны произошла некоторая поляризация экономических сил. Всем же известно, что еще и до войны хозяйственная структура России отличалась особой слабостью средних классов; слабостью экономического развития как раз той городской буржуазии, которая везде является

фундаментом демократической государственности, балластом, дающим устойчивость государственному кораблю во время социальных бурь. В Германии наоборот: до войны средние классы были хорошо организованы и экономически сильны. Только начиная с войны и в особенности в послевоенные годы знаменитой инфляции германские средние классы внезапно потеряли по меньшей мере две трети всего своего хозяйственного, а тем самым и политического влияния в жизни страны. Именно в этой деклассированной средней буржуазии и нашел Гитлер свою главную опору. Ленин же, еще в самый разгар войны — и такого козыря нет и не будет в руках Гитлера, — мог взорвать уже расшатанную до основания войной и тремя годами блокады хозяйственную сопротивляемость средних классов и таким образом превратить Россию в опытную станцию левого политического и хозяйственного безумия.

Таким образом, борьба против диктатуры на хозяйственном фронте выражается прежде всего в восстановлении хозяйственного благополучия *среднего* человека, в подъеме его жизненного уровня, ибо средний хозяйствующий человек представляет собой большинство всякой страны и на нем одном покоится демократический порядок. Вот почему, кстати сказать, Сталин, защищая партийную диктатуру против неизбежных политических следствий хозяйственной эволюции нэпа, должен был взорвать самый нэп и под видом пятилетнего плана «социалистического строительства» подвергнуть всю страну режиму принудительной нищеты.

Нечего и говорить, что длящаяся война, с каждым днем все более и более ослаблявшая хозяйственную сопротивляемость сельских и городских производящих классов, выбивала из рук Временного правительства самое действительное средство борьбы с диктаторскими и антидемократическими настроениями, которые напирали на Февральскую революцию с двух сторон: справа — в виде военной диктатуры, слева — под видом диктатуры пролетарской.

Тройной долг возложила судьба на плечи одиннадцати человек, которые неожиданно для себя оказались в разгар самой тяжелой в истории страны войны носителями верховной власти величайшей империи. Нужно было, во — первых, восстановить до основания разрушенный аппарат государственного управления; нужно было, во — вторых, продолжать войну; в — третьих, нужно было безотлагательно осуществить ряд коренных хозяйственных и политических преобразований, ставших неизбежными после падения монархии.

Можно утверждать, не боясь опровержений истории, что ни одно из современных нам правительств великих держав не стояло перед лицом таких подавляющих трудностей. Каждая из трех только что мною указанных задач могла бы в отдельности исчерпать программу любого правительства.

Не забудем при этом, что в продолжение войны и в Англии, и во Франции, и в Германии — в государствах, вполне сохранивших в целостности свой хозяйственный и административный аппарат, — были устранены все политические разногласия и правительства могли спокойно и властно, как Клемансо^[121], утверждать: «Мы только ведем войну». Временное правительство тоже должно было вести войну. Но в то же самое время оно было вовлечено в напряженную борьбу с настоящим ураганом анархии и должно было со всей возможной скоростью осуществлять долгожданные политические и социальные чаяния народа, который ни минуты не хотел больше ждать.

Тут может возникнуть вопрос, отдавали ли себе отчет члены первого состава Временного правительства, принимая на себя 2 марта власть, *что* их ждет и *какую* ответственность они берут на себя. Вспомним, что вся Россия от генерала Алексеева и Родзянко до рядового члена какого-нибудь земства или городской думы, — вся сознательная Россия последние месяцы старого режима была убеждена в том, что Распутин и его сотрудники толкают Россию навстречу катастрофе и сепаратному миру. Обычно принято думать, что политические предсказания, в особенности предрекающие грядущие бедствия, не оправдываются. В декабре 1916 года князь

Львов, подводя итог общему состоянию умов в России, написал в своей несказанной речи незабываемые слова, которые доказывают, что исторические провидения и политические пророчества совершенно возможны и осуществляются слово в слово. Князь Львов писал о толпившихся у трона: «Пусть потом несчастья затопят нашу родину, пусть великая Россия *станет данницей немцев*, лишь бы им сохранить свое личное старое благополучие...»

«Путем разрушения народного единства и сияния розни они неустанно готовят почву для позорного мира. И вот уже не в предчувствии грозной опасности, а в состоявшемся полном разрыве идеала русского народа с действительной жизнью мы должны теперь сказать им — вы злейшие враги России и престола; вы привели нас к пропасти, которая развернулась перед русским царством». И затем князь Львов восклицает: «Что же нам делать? Отдадим себе отчет в нашем собственном положении, в наших силах и в нашем долге перед родиной в *смертный час ее бытия*».

В смертный час бытия России, на самом краю пропасти под надвигающейся угрозой позорного мира князь Львов и его единомышленники, стремясь зимой 1916 года предотвратить взрыв анархии, побуждали Государственную думу к борьбе за ответственное министерство, к борьбе за освобождение верховной власти от влияния на нее всемогущей, но совершенно безответственной кучки фанатиков и авантюристов, которые подчинили себе волю несчастной, больной императрицы. Еще надеялись дворцовой революцией спасти страну от хаоса, но — было уже поздно.

То, что случилось, было взрывом не только монархии, но и самого государства. Смертный час наступил. Нельзя было уже предотвратить развала. Можно было только попытаться его *остановить*. Каждый из членов Временного правительства, принявшего всю полноту государственной власти 2 марта 1917 года, ясно сознавал, что на его плечах двойная тяжесть — война и революция.

Конечно, теоретически нельзя даже оспаривать, что война и революция несовместимы, что одна исключает другую. Однако на практике Временное правительство не имело никакого выбора между войной и революцией; больше того, сама революция, чудесно превращая анархический взрыв в организованное государственное движение, творилась величайшим патриотическим подъемом, совершенно исключавшим всякую возможность сепаратного мира. Рассудочно теперь весьма многие считают такие настроения в начале революции жесточайшей ошибкой. Но я не занимаюсь здесь критической оценкой февральской психологии, а только ее устанавливаю как бесспорный исторический факт. Мимоходом я не могу здесь не остановиться на распространенной среди наших бывших союзников критики Февральской революции с точки зрения военных интересов франко — английского Западного фронта. Сравнивая внешне благополучное состояние русского фронта в зиму перед падением монархии с быстрым падением боеспособности нашей армии в начале революции, историки и мемуаристы среди наших бывших союзников весьма часто приходят к совершенно ложному выводу: Февральская революция, разрушив боеспособность русской армии, резко нарушила стратегические планы союзных армий и затянула войну на целый лишний год.

В действительности Февральская революция, уничтожив неизбежность сепаратного выхода России из войны весной 1917 года, навсегда сделала невозможной победу центральных держав, хотя бы даже ценой продления военных операций на целый год. Недаром в своих воспоминаниях фельдмаршал Гинденбург, говоря о восстановлении боеспособности нашего фронта летом 1917 года, пишет: «Еще раз у нас были похищены самые широкие надежды на победу». Такой результат Февральской революции был отнюдь не случайностью, а следствием всей военной политики Временного правительства, которое в свою очередь только выполняло свободную волю страны.

В чем же заключалась военная политика Временного правительства? Она естественно распадалась на две части: на политику чисто военную, стратегию, и на международную политику во время войны. Эта политика может быть вкратце выражена так: выполнение определенной стратегической задачи, соответствовавшей силам ослабленного фронта, и в то же время дипломатическая работа, всячески приближающая заключение общего для всех воюющих мира.

В чем же была наша стратегическая задача? Рурские и иностранные военные авторитеты, сосредоточивая, естественно, свое внимание на совершенно незащитимых и жестоких несовершенствах организации армии после революции, до нынешнего дня обычно пишут о беспорядках в армии, об эксцессах солдат против офицеров, о дезертирах, о «провале безумно задуманного наступления» и т. д. Однако недаром Козьма Прутков ^[122] сказал, что специалист подобен флюсу. Военные специалисты, естественно, также судят все явления со своей профессиональной точки зрения, и было бы нелепо их за это осуждать. И самая жестокая критика военных специалистов состояния русской армии после падения монархии бесспорна и совершенно справедлива. И все-таки это еще не все. Ибо оценка — государственная, политическая и международно — стратегическая — нашей армии во время Февральской революции будет совсем другая.

Какая задача была поставлена нашей армии в кампании 1917 года? Должны ли мы были заниматься наступательными операциями для захвата Константинополя, Будапешта или Берлина? Ясно — нет. Боевые задачи, не разрешенные русской армией за все время войны до революции, не могли разрешиться теперь среди общего катастрофического развала. Временное правительство поставило себе стратегическую задачу неизмеримо более скромную, но зато вполне соответствующую наличным силам. Мы поставили себе целью: восстанавливая насколько возможно боеспособность армии, удержать на нашем фронте до конца кампании 1917 года наибольшее количество неприятельских войск. Достигая этого, мы, во — первых, лишали генерала Людендорфа возможности свободно маневрировать на Западном фронте, на фронте наших союзников, а во — вторых, этим самым отсрочивали решительные столкновения военных сил двух враждебных коалиций на время кампании 1918 года. Только такая отсрочка решительного столкновения давала возможность Соединенным Штатам действительно вступить в войну и оказать в 1918 году на фронте наших союзников решительную помощь. И каждый из членов Временного правительства может теперь со спокойной совестью сказать: стратегическая цель, поставленная военной политике правительства Февральской революции, в полной мере была достигнута.

Больше того, русская революция оказывала на славянские и даже турецкие войска коалиций центральных держав такое «разлагающее действие», что германское Верховное командование вынуждено было перебрасывать эти войска на Западный фронт и на их место присылать германские части на наш фронт. Вот почему в конце концов оказалось, что *летом 1917 года на русском фронте было сосредоточено наибольшее за все время войны количество германских войск*. Обратная переброска этих дивизий на Западный фронт началась только с середины сентября, когда в русской армии с очевидностью проявились все разлагающие психологию войск следствия движения генерала Корнилова против правительства революции.

Отмечу здесь, что склонность к диктатуре, о которой я выше писал, наблюдалась во время войны у таких людей, которые, казалось, были совершенно застрахованы от заражения этим психозом. Более чем понятно, что жесточайшие испытания, пережитые нашим офицерством после революции на фронте, толкнули часть командного состава на участие в несчастной аванюре, которая была безнадежна с самого начала. Но для меня до сих пор необъяснимы мотивы, которые толкнули некоторых военных представителей наших главнейших союзников на

активную поддержку генеральского движения против правительства, которое в это время руководило на фронте операциями не менее важными для союзников, чем и для самой России. Таким образом, если даже допустить, что Февральская революция ослабила военное положение союзников, то ответственность за это должны открыто принять те официальные представители их, которые, содействуя восстанию против правительства, наносили жесточайший удар боеспособности нашего фронта.

Впрочем, малодружественное отношение к Временному правительству некоторых весьма влиятельных союзных кругов можно, по — видимому, объяснить тем, что новые цели войны, которые выдвинула Россия после революции, были совершенно чужды тогдашней психологии официальных кругов Англии и Франции. формула демократического мира, которая позже была развернута в знаменитых 14 пунктах декларации президента Вильсона и которая впервые в сжатой форме была провозглашена в апрельской декларации Временного правительства о «целях войны», — эта формула казалась на Западе недопустимым во время войны доктринерством и почти преступным германофильством.

В своем апрельском манифесте Временное правительство, согласуясь с свободной волей страны, заявляло, что, защищая свои границы, свободная русская демократия не стремится к завоеванию чужих земель, не хочет ни с кого взыскивать дани и стремится к скорейшему заключению справедливого и всеобщего мира на началах самоопределения народов.

Теперь, в 1932 году, общественному мнению, пережившему все разочарования Версальского мира^[123], трудно себе даже и представить, с какой недоброжелательностью и с каким иногда нескрываемым раздражением встречалась в дипломатических кругах 1917 года наша формула «демократического мира». Однако было бы неправильно думать, что новые демократические цели войны были продиктованы или навязаны Временному правительству только «революционным идеализмом». Нет, отказ «от империалистических целей войны», самое торжественное заявление, что свободная Россия остается на фронте исключительно для обороны своих рубежей, — все это было обязательным, первым психологическим условием для восстановления боеспособности фронта.

Кроме того, опираясь в своей деятельности на новые цели войны, новая военная дипломатия Временного правительства успешно стала готовить почву для сепаратного выхода из войны союзников Германии — Болгарии и Турции. Я только что говорил уже об огромном психологическом впечатлении (положительном для нас), оказанном Февральской революцией на славянские и частью турецкие войска, находившиеся в составе армии центральных держав на нашем фронте. Подобное же впечатление Февральская революция произвела на гражданское население в Австрии (славяне), Болгарии и Турции. Поэтому не было ничего удивительного в том, что напряженная работа министра иностранных дел М. И. Терещенко (ему содействовали дипломатические представители Соединенных Штатов в Болгарии и Турции, с которыми Америка не вступила в войну) привела к тому, что эти государства к осени были совершенно готовы выйти из войны без согласия Берлина и Вены. Событие это должно было произойти, вероятно, в конце ноября 1917 года. Едва ли стоит объяснять здесь, какое решающее значение для окончания войны имело бы открытие Дарданелл для восстановления связей блокированной России с ее союзниками и вообще с внешним миром. И еще. Все теперь знают, что как раз накануне контрреволюции Ленина Вена бесповоротно решила во что бы то ни стало, хотя бы ценой разрыва с Берлином, немедленно выйти из войны.

Таким образом, вопреки чрезвычайно распространенному в русском обществе мнению новая международная военная политика России после падения монархии не была вовсе пассивной и не шла на поводу у союзников, чрезвычайно сообразовалась с новой обстановкой, созданной революцией не только в самой России, но и в странах, с ней воевавших. И во всяком

случае международная политика Временного правительства вполне осуществляла задачу всякой разумной дипломатии во время войны: она содействовала скорейшему окончанию военных действий, сообразуясь во всех своих выступлениях с реальными силами своей армии.

Я нисколько не сомневаюсь, что в настоящей истории, которая будет написана, когда умрут вместе с нами политические страсти, затмевавшие рассудок современников, — в этой истории будет написано: мировая война не затянулась бы так долго, если бы естественный, революционный процесс восстановления государственных и социальных связей в России не был бессмысленно прерван безумной попыткой установления личной военной диктатуры в порядке гражданской войны. *Именно предупреждение всеми силами и средствами возможности превращения революции в гражданскую войну и было главной целью всей внутренней политики Временного правительства.*

Как уже говорилось, тройная задача выпала на долю Временного правительства после падения монархии. Война, восстановление до основания разрушенного аппарата управления, коренные политические и социальные реформы. Два условия, определявшие характер внутренней политики Временного правительства, делали помимо воли человеческой невозможным введение диктатуры, или, как некоторые тогда условно выражались, «сильной власти». Прежде всего, сильная власть не управляет и направляет, а приказывает и карает, такая сильная власть требует превосходно организованного и точно действующего административного аппарата принуждения. Такого аппарата, как известно, в руках Временного правительства после падения монархии не оказалось. Надо было заново с великими затруднениями и несовершенствами восстанавливать самую первобытную машину управления.

А восстанавливая административный аппарат, правительство в особенности должно было опираться на общественное мнение всех политических, принявших революцию, течений.

Второе условие, определявшее всю внутреннюю политику Временного правительства, была сама война, которая требовала не только в высшей степени ослабевшей России, но и в прочих воюющих государствах осуществления самого тесного и действенного национального единства. Только такое объединение всех политических и социальных сил государства для нужд войны создает в конце концов, можно сказать, всесильную власть: иногда в виде диктаторского правительства, иногда в виде как бы диктатуры «сильной личности». Так случилось у наших союзников — в Англии образовался во главе с Ллойд Джорджем ^[124] внутри правительства всемогущий «военный кабинет», а во Франции — родилась «диктатура» Клемансо.

Наконец, на фронте находились миллионы крайне возбужденных революцией солдат, которые в той или иной степени признавали авторитет только левых, социалистических партий. Но на том же фронте имелись тысячи офицеров, боеспособность которых нужно было тоже поддерживать в условиях для них исключительно трагических. А ведь огромное большинство кадрового офицерства, особенно в высшем командовании, политически руководствовалось мнениями буржуазных партий, и в особенности в кругах штабного офицерства был высок авторитет кадетской партии, которая, как мы все помним, вообще после падения монархии оказалась монополисткой так называемого буржуазного общественного мнения и стала во главе всей революционной оппозиции.

Все только что сказанное предопределяло, повторяю, коренную линию всей внутренней политики Временного правительства, не изменявшуюся все время его существования, несмотря на частые перемены в его личном составе. Основная линия нашей внутренней политики заключалась в неизменном стремлении собирать все живые творческие силы страны для восстановления действия государственного аппарата, для создания основ нового революционного политического и социального строя и для продолжения обороны. Единственным средством противодействовать силам распада, толкавшим страну в хаос

гражданской войны, было привлечение к ответственной правительственной работе руководящих представителей всех без исключения политических партий — буржуазных и социалистических, признавших новый строй и верховный авторитет Учредительного собрания, подлежавшего созыву в возможно ближайший срок, невзирая даже на войну.

Нужно сказать, что внезапный крах монархии случился настолько неожиданно для социалистических партий, что их вожди не сразу поняли свою собственную роль в новых политических условиях, когда вдруг чрезвычайный удельный вес в жизни государства получили народные массы — рабочие, крестьянские и солдатские. В первые дни революции лидерам левых партий казалось, что отныне решающая роль в управлении государством перешла в руки либералов, а что социалистические партии должны постольку содействовать правительству, в нем не участвуя, поскольку оно своей политикой не будет действовать в ущерб интересам трудовых классов. Как это ни странно, но причиной так называемого двоевластия (правительства и Советов) в первые два месяца Февральской революции была эта недооценка социалистическими партиями их значения и роли после революции. Добросовестно исполняя роль как бы ответственной оппозиции при правительстве, Советы свое давление не соразмеряли со слабостью сопротивляемости и разрушенной административной машины и раздавленных тяжестью падения монархии буржуазных классов.

Вопреки общераспространенному мнению, именно строго буржуазный первый состав Временного правительства (где из 11 министров только я один представлял не буржуазную демократию) выражал собой период наибольшей «слабости власти» Временного правительства. Но зато — и тут опять парадокс — именно этот состав правительства осуществил всю программу тех смелых социальных реформ, которые затем во время психологической подготовки переворота генерала Корнилова ставились в вину «подпавшему окончательно под власть Советов» Керенскому.

На самом деле именно первый «капиталистический» состав Временного правительства разработал великую аграрную реформу (упразднение нетрудового землепользования и землевладения), подготовил положение о самоуправлении земств и городов на основе всеобщего избирательного права без различия пола, ввел рабочий контроль на фабриках и заводах, предоставил широкие права рабочим профессиональным союзам, ввел 8-часовой рабочий день на всех казенных заводах, разработал основы самого современного кооперативного законодательства, дал солдатам все права граждан вне строевой службы, положил начало переустройству империи в федерацию свободных народов, выработал основы избирательного закона для Учредительного собрания и т. д. И всю эту грандиозную законодательную работу, преобразовавшую весь политический и социальный строй России, «буржуазное» Временное правительство выполнило вне всякого давления со стороны советской демократии, осуществляя с большим подъемом и полным «классовым» самоотвержением социальные и политические идеи всего русского освободительного — либерального и революционного — движения.

Законодательствование в порядке революционных декретов почти все входит в период первых двух месяцев существования Временного правительства. По правде сказать, законодательная деятельность была для нас самой легкой. Самым трудным было управление, в узком смысле слова — правительственная деятельность, требовавшая в хаосе революционного взрыва весьма сильного административного и полицейского аппарата, которые нужно было еще создать. Нужно было создать технический аппарат, и нужно было восстановить авторитет власти. Для этого последнего власть должна была пользоваться доверием тех новых слоев населения, которые до революции были только объектом, а не субъектом власти. Весь административный аппарат был восстановлен в первые два месяца революции больше на бумаге, чем в жизни. Ибо новое начальство не умело приказывать, а население не хотело повиноваться,

часто требуя к распоряжениям власти подтверждения со стороны того или иного Совета.

Таким образом, не только условия войны, но и потрясенная революцией народная психология требовали присутствия в составе Временного правительства представителей всех, в особенности левых, партий. После некоторого сопротивления и со стороны петербургских руководителей Советов, и со стороны меньшинства в самом Временном правительстве, увлекавшегося иллюзией гегемонии буржуазии, после короткой судороги уличного бунта (20–21 апреля) в состав Временного правительства вошли представители Советов и социалистических партий. С начала мая и вплоть до большевистской контрреволюции Временное правительство неизменно оставалось правительством буржуазно — социалистической коалиции, включавшей в себя представителей всех тех партий, которые признавали окончательным совершившийся переворот и отрицали все формы диктатуры — личной, партийной или классовой.

Политика национального единения, смягчения классовых антагонизмов, предотвращения всегда возможной в первые месяцы революции гражданской войны, — такая политика *исключала*, конечно, все быющие на эффект проявления «сильной власти». Политика сотрудничества в управлении государством многих партий с весьма разнообразными программами является, конечно, как это хорошо знают в Европе, политикой компромисса. А политика компромисса, политика соглашений и взаимных уступок является политикой для правительства самой трудной и невыгодной, для партий — самой неприятной и раздражающей партийные самолюбия, а для страны, правильнее сказать для широких кругов населения, не всегда ясной и понятной.

Можно сказать, что условия войны предопределили для России после революции систему образования правительства — коалиционную, *самую трудную*. Мы видим, как и в мирное время в странах с продолжительным опытом парламентаризма коалиции в правительстве замедляют и усложняют правительственную работу и скоро разочаровывают общественное мнение.

Руководящие члены Временного правительства, оставшиеся в его составе при всех перетасовках, отлично видели отрицательные стороны коалиции в правительстве в период революции. *Но вне гражданской войны и немедленного сепаратного мира нам не было дано никакого выхода из коалиции в правительстве.*

Обычно история Февральской революции изображается как все нарастающий развал на фронте и все усиливающаяся анархия в стране.

На самом деле история Февральской революции представляет собой кривую медленного подъема и затем резкого падения (после восстания генерала Корнилова).

Об итогах военной политики Временного правительства, опиравшегося на коалицию, я уже говорил выше.

Итоги внутренней политики были не столь наглядными, но тоже в общем положительны. Это подтверждается наиболее бесспорно самой попыткой заменить в порядке переворота коалиционную власть Временного правительства единоличной диктатурой генерала. Ведь эта попытка произошла после того, как Временным правительством было подавлено так называемое июльское восстание большевиков. Летние месяцы, предшествовавшие движению Корнилова, были временем наибольшего падения влияния большевиков как в Советах и на заводах, так и на фронте. На фронте военачальники вместе с комиссарами военного министра получили со времени наступления возможность применять меры дисциплинарного воздействия вплоть до применения военной силы и даже расстрела. Авторитет командного состава, павший после крушения монархии почти до нуля, к середине лета восстановился настолько, что главари военного заговора были уверены, что войска будут исполнять их распоряжения и что разгром Советов и свержение Временного правительства не вызовут нового серьезного бунта в рядах армии. Как мы знаем, расчеты эти оказались весьма преувеличенными: попытка генеральского

восстания снова разрушила всякую дисциплину в армии. Убила авторитет не только Верховного командования, но и самого Временного правительства. Но эти не предвиденные многими последствия отнюдь не ослабляют моего утверждения, что, только почувствовав снова некоторую власть в своих руках, поклонники единоличной диктатуры могли решиться на несчастную авантюру. Так ведь было и в Германии. Знаменитая попытка Каппа — Людендорфа повторить в 1920 году марш генерала Корнилова 1917 года произошла только после того, как германская демократия преодолела анархию слева, подавила спартаковцев и восстановила военно — административный аппарат в государстве.

Но, кроме доказательства от обратного (попытки военного переворота), есть и положительное доказательство правильности коалиционной политики Временного правительства. Вспыхнувшая в марте анархия на заводах и фабриках, доходившая до крайних эксцессов, постепенно затихает, чтобы вспыхнуть снова с новой силой только перед самым переворотом большевиков. В деревне падает количество самоуправств крестьян на землях помещиков. Восстанавливается транспорт, улучшается продовольственное положение городов. Восстанавливаются органы городского самоуправления. К концу августа в большинстве городов уже действуют выбранные на основе всеобщего избирательного права городские думы. На местах восстанавливается, хотя более медленно, чем в городах, и земское самоуправление. Органы местного самоуправления, опирающиеся на всеобщее голосование, ослабляют авторитет Советов и уменьшают их роль в местной жизни. «Известия», тогда центральный орган съезда Советов (еще не большевистских), наблюдая эту эволюцию, писали в начале осени, что такой переход руководства жизнью городов от Советов к городским думам вполне естественен и что, сыграв свою организационную роль в переходный период, Советы должны уступить первое место правильно выбранным органам народного самоуправления.

Созыв Учредительного собрания, предназначенный на ноябрь месяц, окончательно свел бы на нет роль Советов в истории послереволюционной России. Лозунг большевистской контрреволюции — «Вся власть Советам» — являлся только демагогическим прикрытием для диктаторских планов Ленина.

Я не буду входить в рассмотрение экономической и финансовой политики Временного правительства. Во время войны, да еще в условиях блокады, при глубоких социальных изменениях в самой стране, все в этой области носило временный и условный характер. Но уже тогда ощущалась неотложная потребность государства в более *плановом* руководстве всей хозяйственной жизнью страны, для чего и был создан Высший совет народного хозяйства, после войны возникший и в Германии, а затем и в некоторых других странах.

Все, что я написал о политике Временного правительства, во-первых, далеко не исчерпывает всей темы, а во — вторых, вовсе не преследует целей какой-либо самозащиты или самооправдания.

Я и до сих пор не вижу, каким другим путем, кроме всенародного сотрудничества, можно было попытаться спасти Россию от гражданской войны и сепаратного мира «в смертный час ее бытия», как сказал князь Г. Е. Львов.

Мне и теперь представляется, что главные линии военной и внутренней политики Временного правительства были рассчитаны правильно. Вполне допускаю, что благодаря слабости наших личных сил и способностей мы не смогли правильно эту политику осуществлять. Но ведь реализация правительственной программы нашей *была прервана* теми, кто считал, что они лучше Временного правительства сумеют управлять Россией. Между тем в то время, когда на правительство Февральской революции началась атака справа во имя диктатуры, *не было абсолютно никаких объективных данных для того, чтобы считать, что дело спасения России и восстановления ее внутренней силы проиграно.* Нужно еще иметь в виду,

что в противоположность всяким диктатурам Временное правительство не из своей головы измышляло свою политику, а пыталось все время своего существования быть равнодействующей решений, свободно принятых всеми без исключения партиями (кроме большевистской), имевшими хоть какой-нибудь удельный вес в стране.

За время своего существования Временное правительство пережило четыре кабинетских кризиса. Всякий раз все без исключения члены Временного правительства заявляли о своем согласии или даже желании выйти из состава правительства, подчиняясь воле входящих в коалицию партий.

Я лично, наиболее ответственный за деятельность Временного правительства член его, подавал в отставку и перед корниловской попыткой переворота, и перед октябрьской контрреволюцией. Я каждый раз предлагал лицам и партиям, считавшим себя более призванными к управлению государством, открыто взять на себя ответственность за судьбу страны и по своему усмотрению образовать состав Временного правительства.

Ни политические деятели, ответственные за трагическую эскападу генерала Корнилова, ни сторонники большевистской диктатуры моего предложения не принимали. Они знали, что все организованное свободно общественное мнение России против каких бы то ни было диктатур. Только в порядке заговора, только в порядке открытой вооруженной борьбы можно было остановить постепенное укрепление демократического строя в России после революции.

Вне того пути, которым шло Временное правительство, никаких других дорог, кроме страшной дороги гражданской войны, не оказалось.

В октябре 1917 года правые, сторонники диктатуры того или иного генерала, с нетерпением ждали свержения Лениным Временного правительства. «Пусть только большевики с ним покончат, а там мы в три недели восстановим мощную национальную Россию».

Вместо трех недель идет пятнадцатый год диктатуры большевиков. Опыт большевистской диктатуры продлился неизмеримо дольше всех— то в Сибири, то на Юге России, на территории возникших диктатур весьма храбрых адмиралов и генералов. Но и там, и здесь итог получился тот же самый. Какой же отсюда вывод?

Только вернувшись на путь народовластия, только подчинив правительство свободной воле народа, только обратившись к основным идеям Февральской революции, Россия вернет себе внутренний мир, право на свободный труд и сытость.

Нельзя забывать о том, что Февральская революция произошла во время войны, что война эта продолжалась, что кроме неприятельских войск на фронте в тылу действовали начиненные внешним врагом и Лениным живые бомбы. Без ясного представления обо всем этом нельзя правильно понять историю трагической борьбы России за свою свободу, внешнюю и политическую, со дня падения монархии вплоть даже до нынешних дней. Судьба нашей революции разрешилась не в порядке борьбы партий внутри страны, а на полях сражений и в кабинетах министров иностранных дел *всех* воюющих держав.

Существует вздорная легенда, что союзники России содействовали Февральской революции, даже чуть ли не сами ее устроили. По методу исключения роль организатора русской революции приписывается главным образом английскому послу сэру Джорджу Бьюкенену^[125]. Итальянский посол, жизнерадостный, подвижный маркиз Карлотта, больше наблюдал, чем действовал, был всегда, кроме того, третьим после Бьюкенена и французского посла Палеолога^[126]. Сказать о последнем, что он в какой-либо степени мог содействовать не только революционному, но даже и оппозиционному движению, было прямо невозможно. Эта была весьма светский человек, не выходивший из великокняжеских салонов, особенно из салона великой княгини Марии Павловны^[127]. По созвучию своей фамилии с именем знаменитой династии византийских императоров он чувствовал себя аристократом, едва ли не кузеном особой царской крови. Он написал о своем пребывании в Петербурге полубеллетристический дневник. Уже из помещенных там историко — философских рассуждений о России, о русском народе видно, что для него в России за узким кругом людей «из общества» Европа кончалась; начинался загадочный, мистический, варварский и темный Восток. Уже в последние месяцы перед падением монархии Палеолог стал склоняться к мысли, что Россия не выдержит до конца войны и что следует! на всякий случай заранее перестраховать интересы Франции по другую сторону фронта. Его личное тяготение к реакционным католическим кругам указало ему путь в Будапешт и Вену. Конец же монархии был для Палеолога концом той России, с которой еще можно было как-нибудь считаться. Он стал слать в Париж весьма пессимистические доклады и настойчивые указания: нужно искать пути к миру за счет России. Так мне рассказывал Альбер Тома^[128], который был срочно, в начале революции, прислан в Петербург с особыми полномочиями — сначала дублировать, а затем временно и совсем заменить Палеолога. Отношение французского посла к России после падения монархии было столь своеобразно, что английский и итальянский послы первые возбудили перед Временным правительством вопрос о необходимости дать понять Парижу, что аристократ — посол не совсем удобно стал себя чувствовать в Петербурге, потерявшем вдруг вкус к придворным мундирам... Вернувшись в Париж, Палеолог в правительственных и дипломатических кругах Франции не оказался вовсе одиноким в своем отношении к России, оставшейся без «верного союзника Франции — царя».

Так, за вычетом по явной непригодности к роли организаторов революции Палеолога и Карлотти оставался только один Бьюкенен. Во время революции мне пришлось довольно часто встречаться с английским послом. Этот подлинный джентльмен не был лично способен ни на малейшую нелояльность. Состоять в организаторах революции против императора Николая II он и потому еще не мог, что очень хорошо относился лично к бывшему царю. Это отношение особенно ясно проявилось летом, когда из Лондона пришел категорический отказ оказать бывшему императору и его семье гостеприимство в Англии впредь до окончания войны: Бьюкенен перенес этот отказ как личное свое горе. Как же могла родиться все-таки легенда о

Бьюкенене — вдохновителе русской революции? Она, во — первых, возникла из особой ненависти тогда всех сановных германофилов к Англии. Во — вторых, — как раз из очень лояльного отношения английского посла к царю и к династии. Бьюкенен видел, куда ведет не только Россию, но и династию кружок Распутина, и он неоднократно пытался советовать императору разумную и спасительную для монархии более либеральную политику. В последний раз он старался спасти царя от его собственного упрямого безумия очень незадолго до катастрофы, но совершенно безуспешно. Как раз в это последнее свидание царь принял английского посла необычно сдержанно, почти враждебно; подчеркнул весьма недвусмысленно свое совершенное нежелание слушать какие бы то ни было советы со стороны. Советы же английского посла шли навстречу пожеланиям прогрессивного блока. Вот было единственное основание для рожденной в окружении императрицы Александры Федоровны^[129] легенды.

На самом деле до падения монархии все официальные иностранцы в России держали себя всегда строго в рамках «протокола» и никакого вмешательства во внутренние дела России себе не позволяли. Только после революции тут многое, очень многое изменилось. Прежде всего, исчезла очень строгая традиция дипломатического обихода в Петербурге. После падения монархии дипломатический корпус впервые получил полную свободу общения со всеми кругами общества. Конечно, и до революции никаких формальных ограничений в этой области не существовало. Но имелась очень крепкая традиция: иностранные дипломаты должны были вращаться в узком кругу придворного и светского общества. Общение кого-либо из них с представителями оппозиционных, а тем более революционных партий было бы открытым и неприемлемым для двора скандалом. Теперь, при Временном правительстве, каждый иностранный дипломат шел, куда хотел, — к любому министру, в Советы, на митинги. Встречался с кем бог на душу положит: одни, по — старому, в определенные дни ездили в определенные салоны, другие торопились познакомиться с вчерашними каторжниками — революционерами. К Временному правительству большинство союзных дипломатов относились критически, даже оппозиционно: нас обвиняли в слабости, в безволии и прочих смертных для правителей грехах. Однако сами дипломаты скоро привыкли злоупотреблять «чрезмерной свободой», не менее, чем и любой рядовой рабочий или солдат. Из свободы общения с кем угодно сами собой возникли более интимные связи с лицами, настроения которых соответствовали вкусам того или иного посольства, того или иного военного союзного агента. А там недалеко уже было и до содействия лицам, которые, по оценке, конечно, самих иностранцев, были настоящими русскими патриотами и хотели действительно спасти Россию от «засилия Советов». Бисмарк^[130] ведь не об одних немцах сказал: в борьбе на живот и на смерть уместно любое оружие, не считаясь ни с какими моральными предрассудками.

А разве есть что-нибудь аморальное в желании прийти на помощь союзнику; попавшему в беду; союзнику; оказавшемуся вдруг) в руках «слабого» и неопытного в военных и международных делах правительства, состоявшего или из далеких от жизни идеалистов, или из подозрительных пацифистов? И что же удивительного, если по всей своей собственной психологии, по всем своим петербургским связям огромное большинство членов союзных посольств и военных миссий легко и быстро нашли общий язык и в столице, и в ставке с кругами, оппозиционными Временному правительству?

Оппозиция слева нашла себе опору в Германии. Оппозиция справа — в посольских зданиях на набережных Невы, в самом Петербурге! Вот почему после падения монархии, летом 1917 года, силы двух борющихся коалиций расположились в России не по двум параллельным линиям: Временное правительство с союзниками — большевики с Германией, а по сторонам некоего треугольника: Временное правительство — Ставка с союзниками — большевики с Германией. Самое курьезное в этом положении было то, что мы — Временное правительство —

изображались левыми демагогами, как «наймиты английского капитала»; даже многие добросовестные сторонники Временного правительства в демократической среде все-таки находили, что мы слишком «не самостоятельны» в отношении к союзникам. Нам же, главным образом министру иностранных дел М. И. Терещенко, приходилось в это время упорно отстаивать новую военно — дипломатическую политику свободной России и в Париже, и в Лондоне; добиваться там, большей частью тщетно, нужного дипломатического содействия для подъема боеспособности русской армии. И делать это нужно было с чрезвычайной осторожностью, в порядке «тайной дипломатии», дабы не давать повода возбужденному революцией общественному мнению России заподозрить искренность дружеских отношений главных наших союзников к России, свергнувшей монархию^[131].

Я до сих пор сдержанно писал о действительной политике Парижа и Лондона по отношению к России после революции; по отношению, в частности, к Временному правительству. Теперь, мне кажется, настало время сказать правду, как она была: в союзных России столицах победила в основных чертах точка зрения отозванного из Петербурга Палеолога. Революция сразу как бы исключала из круга полноправных членов Антанты Россию. Конечно, нужно все сделать, чтобы удержать Россию на фронте, нужно терпеливо выслушивать дипломатический лепет неопытных министров, по существу же — вести войну самостоятельно, не привлекая к этому Россию и не считаясь вовсе с ее требованиями. Скептическое, выражаясь мягко, отношение руководящих кругов Лондона и Парижа к союзному Временному правительству мне было, конечно, хорошо известно, но все-таки я был прямо поражен, когда уже в эмиграции, кажется в 1920 году, подробно узнал историю переговоров о сепаратном мире с Австрией. Переговоры эти велись как раз в апреле 1917 года между Лондоном, Парижем, а затем и Римом, с императором Карлом Австрийским^[132] через принца Сикста Бурбонского, брата императрицы Зиты. Это были весьма серьезные переговоры, они сорвались в самую последнюю минуту из-за упрямства Италии, Рим никак не хотел отказаться от какого-то куса обещанных ему австрийских земель, которого Италия затем все-таки не получила. Но все эти переговоры, непосредственно и более всего задевавшие интересы России, до конца происходили в строгом секрете от Временного правительства. В случае удачи переговоров Россия была бы поставлена перед совершившимся фактом. Я подчеркиваю, что этот вопиющий случай нарушения союзной этики по отношению к нам произошел в самом начале революции, при самом «буржуазном» правительстве, при министре иностранных дел Милюкове, который всячески стремился продолжать в сношениях с Лондоном и Парижем сазоновскую политику. «Революция ничего не изменила в нашей иностранной политике», — повторял он ежедневно.

Теперь часто говорят, что наступление русских армий в июле 1917 года было авантюрой, вызванной давлением союзников. Конечно, Париж и Лондон очень хотели, чтобы наши войска вернулись к активным операциям на фронте. Конечно, ведя коалиционную войну, и мы, весьма дружески и лояльно относясь к союзникам, должны были считаться не только с интересами России, но и с интересами всего союза. Однако восстановление боевых действий на фронте диктовалось нам прежде всего интересами России, его требовала от нас сама логика революции. Родившись в значительной мере из протеста против сепаратного мира, революция могла укрепить свободу и демократию только в случае благополучного исхода войны. А кроме того, наблюдая отношение к России наших союзников, нам было ясно, что только восстановление боеспособности армии, демонстрация некоторой нашей силы заставили бы наших союзников с большей оглядкой прятать дипломатические ноты Временного правительства под сукно. Заставили бы их, по крайней мере, вспомнить, что на союзных конференциях представители России присутствуют по праву и, приходя в зал заседаний, должны находить там

приготовленное и для них место...

Почему же Лондон и Париж так усердно толкали Россию в объятия Германии, всемерно саботируя Временное правительство?

Я много раздумывал над этим вопросом. Многое мне стало ясно только в эмиграции, здесь мне пришлось, впервые в жизни, столкнуться с настоящей, реально существующей Европой — и правящей, и буржуазной, и социалистической. И я понял, что той Европы, которую носила в своем сознании русская интеллигенция, никогда вообще в природе не существовало. Мы думали, что там, за далекими, бескрайними, русскими просторами, вдали от жестокой царской реакции, есть блаженные страны всяческого демократического и гуманистического совершенства! Увы, этой, я бы сказал, «русской Европы», созданной по образу и подобию наших собственных политических идеалов, мы, оказавшись в эмиграции, нигде не нашли. «Нашей» Европы так же нигде не существует, как не существует идеального СССР, созданного ныне воображением европейцев, чающих нового, справедливого социального порядка. За наш самообман мы отомщены самообманом горшим европейцев!

Где же все-таки источник недоброжелательства, а иногда и нескрываемой враждебности к Временному правительству союзных кабинетов? Прежде всего, в общей тогда всем воюющим западным странам максималистской психологии. Ведь тогда общественное мнение только еще созревало — в Германии к брест — литовским, в Париже — к версальским целям войны. А тут вдруг, перед самой трудной боевой кампанией 1917 года, «нелепое», донкихотское заявление Временного правительства о каких-то новых, демократических целях войны. «Свободный русский народ, защищая свои границы, не стремится к завоеванию чужих земель, не хочет ни с кого взыскивать дани и стремится к скорейшему заключению справедливого всеобщего мира на началах самоопределения народов».

Музыка будущего! Конспект знаменитых впоследствии 14 пунктов мирной программы президента Вильсона осенью 1918 года оказался опубликованным слишком рано. Оказался ласточкой, которая еще ждала весны! «Тайные договоры» союзников, оглашения которых так настойчиво требовали — в своих воззваниях к русским солдатам — принц Рупрехт Баварский и в своих прокламациях, речах и статьях Ленин, отстояли от этой новой программы войны на таком же почти расстоянии, как Марс от Земли. (Конечно, программа войны центральных держав в своем утопическом максимализме ни в чем не уступала проектам Антанты.) Враждебная реакция союзников на новую военную политику революционной России была вполне естественна: ведь они оставались в старом психологическом мире довоенной Европы, мы же, первые в Европе, — перешагнули за черту этого мира, ощутили новый строй международных отношений, намеченный, но не осуществленный Лигой Наций!

Теперь, в 1933 году, слова манифеста Временного правительства о целях войны едва ли кому-нибудь в Европе покажутся столь возмутительными и неприемлемыми. Но нам пришлось писать его чуть ли не через две недели после того, как из Парижа пришло телеграфное согласие на желание наше включить всю Польшу (австрийскую, германскую и русскую) в границы Российской империи (на автономных, впрочем, началах). Телеграмма же эта, в свою очередь, последовала в ответ на согласие царя образовать из германских земель по левому берегу Рейна независимое буферное государство под протекторатом Франции.

Впрочем, напряженная борьба между Временным правительством и кабинетами Лондона и Парижа во все время Февральской революции шла не столько о самом пересмотре целей войны, сколько по его поводу. Временное правительство вовсе не собиралось ссориться с союзниками из-за шкуры еще не убитого медведя. Мы просто хотели победить! Нам нужна была боееспособная армия! А для того, чтобы сделать ее способной к бою, нужно было дать войне новые цели, понятные рядовым бойцам, с **новой**, рожденной революцией психологией. Во

всяком случае нужно было говорить другим, новым дипломатическим языком, который не напоминал бы ненавистный фронту старый «империалистический» язык царизма. Если в мирное время армия — последний аргумент дипломатии, то во время войны вся дипломатия — только служанка армии. «Говорите что хотите и как хотите, — взывал в заседаниях Временного правительства А. И. Гучков к министру иностранных дел Милюкову, — только говорите такие слова, которые поднимают боеспособность армии». Война имеет свою психологию, победа — другую, часто совсем противоположную. После революции нам нужны были на фронте такие дипломатические выступления Антанты, которые приблизили бы и Россию, и всех ее союзников к победе, а победа создала бы в сердцах людей новые настроения, наверное, совсем непохожие на настроения армии, переутомленной войной. И разве мы все не видели, как Версальский договор, в атмосфере первых месяцев победы, подписал не только Клемансо, но и Вандервельде^[133] — лидер 2-го социалистического Интернационала, теперь требующий всеобщей, в случае войны, забастовки. Кто знает, что бы подписали столь ненавистные союзникам пацифисты из Советов, если бы Россия победила... А летом 1917 года и России, и союзникам нужно было только одно: чтобы наша армия из состояния фактического перемирия, установившегося в первые два месяца после падения монархии на всем русско — германском фронте, вернулась к активным боевым действиям.

Должен с удовлетворением сказать: сэр Джордж Бьюкенен и Альбер Тома, заместитель Палеолога, отлично понимали смысл военной дипломатии Временного правительства. Они видели, что словесный «империализм» способен только укрепить влияние пораженцев на фронте, озлобить Советы против Временного правительства, разрушить столь необходимое тогда для успеха войны единство нации. Они оба понимали, что случившаяся в начале мая смена лиц на посту министра иностранных дел (вместо Милюкова — Терещенко) была не результатом «интриг» приехавших в Петербург после революции делегаций иностранных социалистов, а неизбежным актом Временного правительства на пути к восстановлению активных операций русских армий. Можно сказать, что уход Милюкова из Министерства иностранных дел совпал с моментом самых лучших отношений между союзниками и Временным правительством. Увы, тут случилось недоразумение. Оно состояло в том, что сначала в дипломатических кругах Лондона и Парижа смену лиц в Министерстве иностранных дел поняли как решение Временного правительства свою новую дипломатию ограничить односторонним отказом России от тех выгод, которые в случае победы выпали бы на ее долю. Особенно одобряли Париж и Лондон наш отказ от Константинополя. Ибо сама «военная» необходимость уступить его России весьма раздражала Париж и очень не нравилась Лондону^[134]. Новые представители революционной России казались изощренным государственным деятелям Антанты наивными дурачками, которые горели страстным желанием, совершенно бескорыстно, во имя, так сказать, революционной идеи, голыми руками выхватить из огня войны горячие каштаны для союзников. Я помню, как один из союзных дипломатов в разговоре со мной еще в самом начале революции сказал: «Ну что же, если Россия отказывается от Константинополя, тем лучше для нас; это приблизит конец войны». Но можно ли было русскому переутомленному солдату вот так просто заявить: отказавшись от всех материальных выгод победы и всех земель в Польше, впредь мы будем воевать только для того, чтобы Англия получила колонии Германии и ее флот, Франция — Эльзас — Лотарингию, «Ренанию» и огромную контрибуцию, Италия — славянскую Далмацию и т. д. Такое толкование демократической программы войны было бы явным безумием! Ни Терещенко, ни князю Львову, ни мне никогда и в голову не приходило, что в Лондоне и Париже могут так упрощенно истолковать военную политику Временного правительства. При первых же разговорах нового министра иностранных дел с иностранными дипломатами недоразумение разъяснилось. В переводе на дипломатический язык манифест

Временного правительства о новых целях войны гласил: Временное правительство предлагает союзным державам всем вместе пересмотреть цели войны и со своей стороны заранее заявляет, что для скорейшего заключения мира Россия готова отказаться от своей доли военной добычи в меру уступок в этом вопросе других, союзных с ней, великих держав. Все лето мы добивались от Лондона и Парижа скорейшего созыва междусоюзнической конференции для пересмотра целей войны. Все лето в Лондоне и Париже такой созыв всячески оттягивали. Самое согласие на конференцию было получено только после нашего наступления. Нудные и раздражавшие обе стороны переговоры тянулись месяцами. В союзных нам столицах просто не хотели понять или, скорее, признать, что революция не только акт свержения монарха, но еще и длительный процесс коренного перерождения всей психологии страны. Теперь, после вихря революций и контрреволюций по всей Европе, политики и государственные деятели лучше понимают, что такое революция. Тогда союзники относились к действиям Временного правительства так, как будто такое непомерно огромное событие, как исчезновение монарха в России, никакого влияния на международную политику России не должно было и не могло оказать. А если все-таки оказывало, то в этом вина слабой, безвольной, находящейся в плену у Советов новой государственной власти.

А между тем на наших глазах немцы забрасывали русские окопы воззваниями, созвучными с новыми настроениями ошеломленных революцией солдат. И эти непрерывные психологические атаки давали превосходные для Берлина результаты! Чтобы сохранить фронт, нам нужно было броситься сейчас же в словесную контратаку. И союзники обязаны были в этом нам помочь! Разве 14 пунктов мирной программы Вильсона не сыграли в 1918 году огромной роли в психологической подготовке капитуляции Германии?! Временное правительство предлагало союзникам провозглашением новых, демократических целей войны начать «вильсоновскую» атаку Германии на 18 месяцев раньше. И такая атака, смело и дружно проведенная, дала бы блестящие, решающие результаты.

Говорю я это, опираясь на наш собственный опыт. Один отказ Временного правительства от Константинополя по своим последствиям равнялся большему, выигранному против Турции сражению! И после русской революции настроение в правящих кругах Стамбула стало быстро и резко меняться: к осени Турция была совершенно готова к сепаратному выходу из войны. Всю подготовительную работу вел министр иностранных дел Терещенко вместе с американскими дипломатами в Константинополе. (Как известно, Соединенные Штаты не объявили войны Турции, как и Болгарии.) И мир Турция заключила бы, вероятно, в ноябре. Одновременно с Турцией созревала к выходу из войны и Болгария. Свободная Россия сразу морально разоружила также болгар. Сама австро — венгерская армия на русском фронте, под влиянием все той же Февральской революции, стала сильно разлагаться. «Австро — славянские войска в подавляющем большинстве, — пишет генерал — фельдмаршал Гинденбург, — теперь, к концу лета 1917 года, еще меньше будут сопротивляться русскому наступлению, чем в 1916 году, ибо они политически разложились одновременно с русскими войсками. Из учета этого положения, как передают перебежчики, должен был состоять и военный план Керенского, а именно: местные нападения на немцев, для того чтобы их прикрепить; главный же удар — против австро-венгерской стены. Так и случилось. Под Ригой, Двинском, Сморгонью русские атакуют немецкие позиции и отражаются. Стена в Галиции оказывается каменной лишь там, где австро — венгерские войска перемешаны с германскими. Напротив того, австро-славянская стена под Станиславовом рушится от простого соприкосновения с армией Керенского».

Совершенно очевидно, что этот моральный прорыв неприятельской армии нужно было нам вместе с нашими союзниками всемерно углублять. Нужно было действовать дипломатическими нотами и общесоюзническими заявлениями, так же как Рупрехт Баварский действовал своими

прокламациями, а Ленин — резолюциями. Военные операции только закрепили бы уже достигнутые дипломатическим путем победы.

Впрочем, свою чисто техническую, военную задачу революционная Россия и без дипломатической, моральной помощи союзников в полной мере выполнила. Сравнивая внешне благополучное состояние русского фронта в зиму перед падением монархии с быстрым падением боеспособности нашей армии в начале революции, историки и мемуаристы (среди наших бывших союзников) весьма часто приходят к совершенно ложному выводу: Февральская революция, разрушив боеспособность армии, резко нарушила стратегические планы союзных армий и затянула войну на целый лишний год. Военные авторитеты, сосредоточивая, естественно, свое внимание на совершенно недопустимых в обычное время несовершенствах в организации армии после Февральской революции, до нынешнего дня пишут о беспорядках в армии, об эксцессах солдат против офицеров, о дезертирах, о «провале безумно задуманного наступления» и т. д. Военные специалисты, естественно, судят все явления со своей профессиональной точки зрения, и было бы нелепо их за это осуждать. Самая жестокая критика состояния русской армии после падения монархии совершенно справедлива. И все-таки это еще не все, ибо оценка государственная, политическая и международно — стратегическая нашего фронта во время Февральской революции должна быть совсем другой.

Какая задача была поставлена нашей армии в боевую кампанию 1917 года? Должны ли мы были заниматься наступательными операциями для захвата Константинополя, Будапешта или Берлина? Ясно — нет. Боевые задачи, не разрешенные русской армией за все время войны до революции, не могли разрешаться теперь среди общего революционного развала в стране. Временное правительство поставило себе стратегическую задачу более скромную, но зато вполне соответствовавшую наличным силам. Мы поставили себе целью: восстанавливая насколько возможно боеспособность армии, удержать на нашем фронте до конца кампании 1917 года наибольшее количество неприятельских войск.

Для чего? Во — первых, для того, чтобы лишить генерала Людендорфа возможности свободно маневрировать на фронте наших союзников и, во — вторых, чтобы этим самым отсрочить решительное столкновение военных сил двух коалиций до весны 1918 года. Только такая отсрочка давала возможность Соединенным Штатам действительно вступить в войну и оказать в 1918 году на фронте наших союзников решительную помощь. О том, что наша стратегическая задача была правильно поставлена, видно из писаний все того же Гинденбурга.

«Бездействие, которое лично мне навязывается спокойным выжиданием, ввиду начинающегося разложения армии, очень тяжело, — пишет фельдмаршал. — Если я не могу теперь, ввиду политических причин, согласиться на наступление на Восточном фронте, то солдатское чутье толкает меня к наступлению на западе... Существует ли более последовательная мысль, чем бросить войска с востока на запад и начать там наступление. Америка еще далека! Пусть она явится, когда силы Франции будут сломлены. Тогда уже будет слишком поздно... Но Антанта также сознает угрожающую ей большую опасность, и она работает всеми средствами для того, чтобы предотвратить разруху русской армии и таким образом помешать нам значительно разгрузить наш Восточный фронт. Россия должна выдержать хотя бы до того времени, покуда вновь сформированные американские армии смогут вступить на территорию Франции».

Преодолевая невероятные трудности, — только для этого, по настоянию самого военного командования во главе с генералом Алексеевым, я в начале мая стал военным и морским министром, — Временное правительство в полной мере разрешило поставленную ему военной обстановкой стратегическую задачу. План германского командования нанести на англо — французском фронте решительный удар, пользуясь разложением русской армии, не

осуществился. Случилось даже нечто противоположное: *летом 1917 года на русском фронте было сосредоточено наибольшее количество германских войск за все время войны*. 19 сентября 1917 года от русского Верховного командования было послано союзникам особое сообщение^[135]. Это официальное сообщение, посланное союзным правительствам для воздействия на общественное мнение, которое всей официозной печатью наших союзников настраивалось против Временного правительства, не было опубликовано ни в Париже, ни в Лондоне! Тогда, в сентябре — октябре, после неудачи популярного у союзных военных миссий генерала Корнилова, поднявшего знамя восстания Временного правительства, отношение к Временному правительству в руководящих кругах Антанты стало явно враждебным.

Для меня до сих пор не до конца понятны мотивы, которые толкнули некоторых из видных штатских и военных, английских и французских государственных деятелей на активную поддержку движения генералов против Временного правительства, которое в это время выполняло на фронте операции чрезвычайной важности не только для самой России, но и для союзников. Впрочем, психология такого, например, человека, как генерал А. Нокс, мне совершенно понятна. Как теперь в палате общин, так и тогда, в России, генерал Нокс был на правом фланге в своих политических симпатиях. Россию он, по всем моим наблюдениям, искренно любил, но для него Россия, как и для его друзей в военной и светской среде Петербурга, не мыслилась вне монархии. Армия, где командный состав не в силах был командовать без помощи комиссаров военного министра, для него не была армией. Правительство, которое наполовину состояло из социалистов и не проявляло «сильной власти» по образцу доброго старого царского времени, не было для него правительством. Жесточайшие испытания, через которые во время революции прошло русское офицерство, он пережил как свои собственные. Его сочувствие и содействие, как и многих других членов союзных военных миссий, заговору генерала Корнилова я вполне понял бы, если бы он выступал по собственной инициативе, просто как brave офицер, связанный товариществом с русскими офицерами. Но действовал ли генерал Нокс только по собственной инициативе? Командер Локер — Ламсон обещал отряд своих танков в помощь генералу Корнилову по собственному ли только почину?.. Не сомневаюсь, что такие ответственные действия по своей собственной инициативе никакой член английской военной миссии не предпринял бы. Знаю я также, что в английском посольстве в Петербурге не было вовсе единодушия по отношению к Временному правительству. Бьюкенен был совершенно лоялен по отношению к Временному правительству и наше невыносимо трудное, трагическое положение понимал. Около него были люди (вроде, например, Брюса Локкарта^{[136][137]}), которые прямо безумием считали всякую против Временного правительства авантюру. Но в Лондоне, как и в Париже, победили взгляды, отражавшие настроения русских консервативных и либеральных кругов, русского военного командования.

А все эти группы откровенно стремились, после благополучного разгрома Временным правительством большевиков в июле, к свержению этого правительства и к установлению военной диктатуры. Письмо, которое в августе привез известный авантюрист, бывший член 1-й Государственной думы, трудовик Аладьин генералу Корнилову из Лондона перед самым началом мятежа, письмо от ответственного государственного деятеля, вполне одобрявшего инициативу генерала Корнилова, сыграло решающую, может быть, роль в его психологии.

Несмотря на явный и стремительный провал генерала Корнилова, руководящие английские военные круги остались верными до конца политике вмешательства в русские военные дела для поддержки там организаций против русской демократии, боровшейся в это время с союзом Ленин — Людендорф. Временное правительство представлялось консервативным и либеральным умам Запада носителем всех самых страшных зол революции.

Революцию нужно обуздать, вогнать русскую анархию в русло нормального порядка, какой

полагается в приличных буржуазных государствах. Большевизм сам по себе — пустяк! Он живет только слабостью Временного правительства, где засело так много «полубольшевиков». Нужно воссоздать «сильную» власть, а тогда справиться с развращающей темные, варварские солдатские толпы пропагандой Ленина не будет стоять большого труда. Так же думал высший командный состав, штабы и офицерство, банкиры и промышленные верхи, одним словом, вся вчера еще владеющая и господствующая Россия. Было естественно, что такого рода суждения легко находили отклик в дипломатической и правительственной среде наших союзников.

Раздражение же новой военно — международной политикой Временного правительства нашло теперь весьма солидный фундамент: сами «настоящие патриоты» России хотят только одного — свержения Временного правительства и восстановления действительно национальной сильной власти руками военного диктатора. Содействие подобным патриотам — прямой долг искренних друзей России! Содействовать победе русских «патриотов» над «полубольшевиками» — разве тут есть хотя малейшее нарушение союзных обязательств? Конечно, нет!

Об одном только не догадались ни генерал Нокс с Нулансом в России, ни в министерских кабинетах Лондона и Парижа. Не догадались, что, захватив власть, «диктаторам» не будет уже времени заниматься «империалистической» войной; все ее силы будут поглощены войной гражданской. Сами же закулисные вдохновители и руководители генерала Корнилова считали продолжение войны с Германией теперь, после «разложения революционной армии», прямым безумием. Да и вообще к осени 1917 года вожди либеральной и консервативной России, так же как и большевики, считали победу союзников «невозможным предположением» (как несколько позже, находясь уже у власти перед Брест- Литовском^[138], выразился Троцкий).

Я обещал быть в этой книге совершенно откровенным и поэтому должен сказать, что до сих пор воспоминание об одной моей личной ошибке в отношении к союзникам меня упорно мучит. Сделал я эту ошибку как раз в одном эпизоде, связанном с делом о генеральском мятеже. О самом этом мятеже я говорить здесь не собираюсь.

Поставив свою ставку на такую слабую лошадь, союзники оказались очень плохими спортсменами. Однако этот опыт ничему их не научил. Когда игра была в несколько часов проиграна, отношение к Временному правительству совершенно не изменилось. Как будто кто-то нарочно в Лондоне и Париже торопился помочь Людендорфу — Ленину поскорее взорвать русское правительство, которое в невероятно трудной внутренней обстановке продолжало поддерживать «союзников» на поле брани. И вот как! То в начале сентября месяца, вскоре после ликвидации бунта генералов, Терещенко сказал мне — достаточно хмуро, — что три союзных посла — английский, французский и итальянский — хотят сделать мне коллективное устное представление. Было назначено время, и свидание состоялось. Передавал вербальную ноту трех держав Бьюкенен, как старший. Только еще один раз, при сообщении об отказе английского правительства допустить во время войны в Англию царя и его семью, я видел английского посла таким взволнованным. Он был в двойном качестве дипломата и английского джентльмена очень выдержанным, дисциплинированным человеком. Но когда тонкие его пальцы начинали едва — едва дрожать, когда на щеках появлялся нежный, почти девичий румянец, когда голос его начинал чуть — чуть срываться и в глазах появлялся влажный блеск — это означало, что сэр Джордж взволнован до крайности. Рядом с ним сидел новый французский посол, неизвестно почему на эту должность назначенный, специалист во французском сенате по финансовым и земельным вопросам, Нуланс. Этот, наоборот, был совсем «в форме», как говорят французы, и, видимо, был очень доволен тем, что союзники решили наконец сделать «нужный окрик» в Петербурге. Да, коллективная вербальная нота была совершенно откровенна: она грозила прекратить всякую военную помощь России, если... если Временное правительство в кратчайший срок не примет решительных мер (по корниловской

программе. — **А. К.)** для возобновления порядка на фронте и в тылу. Рассуждая о событиях в России осенью 1917 года, Фердинанд Гренар^[139], французский дипломат, бывший в то время в России и хорошо ее знавший, пишет теперь в своей, недавно вышедшей, отличной книжке о русской революции: «Союзники России были ослеплены своим желанием во что бы то ни стало продлить сотрудничество России на полях сражений. Они совершенно не видели, что было возможно и невозможно в тот момент. Таким образом они только содействовали игре Ленина, отрывая председателя Временного правительства (Керенского) от народа. Они совершенно не понимали, что, стремясь к тому, чтобы Россия продолжала войну, нужно было примириться с неизбежностью внутренних беспорядков и удовлетворяться неустойчивым состоянием переходного времени. Докучая Керенскому упорными настояниями, почти требованиями возобновить нормальный порядок в государстве, они совершенно не оценивали те условия, в которых он находился, и только еще больше увеличивали беспорядок, с которым он боролся».

И действительно, мне предъявляли ультимативное требование восстановить порядок, взорванный только что безумием генерала Корнилова, и кто же этого требовал?!.. Слушая вздрагивающий, нервный голос английского посла, я пережил в душе целую бурю. Вот сейчас взять эту ноту, опубликовать ее в печати с разъяснением — **кто, где и когда и как** помогал генералу Корнилову, и сразу наступит конец «союзу»! Придется еще и к зданиям союзных посольств до отъезда послов поставить хорошую охрану... Но я сдержался. Теперь я давно уже думаю, что я сделал тогда непростительную ошибку. Я предложил послам признать сделанное ими только что коллективное заявление как бы не бывшим. Союзники не опубликовывают его за границей; Временное правительство не сообщит о нем никому в России. Мое предложение тут же у меня в кабинете послами было принято, и они ушли едва ли в очень хорошем настроении. Я убежден теперь, что такое разрешение вопроса об ультиматуме союзников Временному правительству, оказавшему только что на фронте огромную помощь Парижу, Лондону и Риму, было донкихотством...

Арест большевиков. Письмо в редакцию «общего дела»

Милостивый государь, господин редактор!

В вашей газете, в № 62 от 10 декабря, случайно оказавшемся в моем распоряжении, помещена, между прочим, не подписанная автором статья «Документ, относительно которого Керенский должен дать ответ». Статья эта состоит из сокращенного изложения официального сообщения прокурора С. — Петербургской судебной палаты, опубликованного с моего ведома около 10–12 июля 1917 года, и краткого предисловия газеты к этому документу. Предисловие это заключает в себя ряд совершенно ложных утверждений, на которые я считаю нужным ответить.

I. «Ленин поселился в Петрограде во дворце Кшесинской и оттуда стал систематически предавать Россию немцам и готовить свой государственный переворот... Многие министры Временного правительства требовали его ареста и предания суду. Керенскому были переданы все данные и документы относительно большевистского движения, но власть, во главе которой тогда стоял Керенский, почтительно молчала перед Лениным и Ко. Эта власть даже мешала бороться с большевиками...»

Так утверждает газета.

Но, во — первых, в период времени, о котором здесь говорится, «во главе власти» стоял не Керенский, а князь Львов, он же министр внутренних дел и ныне представитель Колчака и Деникина в Париже.

Во — вторых, Ленин въехал в Россию 4 апреля, а с 1 мая я был назначен военным и морским министром. С 3 мая по 6 июля, в общей сложности, наездами я провел в Петрограде около 15–20 дней. Остальное же время я находился на фронте, в тылах и во флоте, организуя наступление. В этот период я никакого участия во внутреннем управлении не принимал, в заседаниях Временного правительства почти не присутствовал, а на фронте требовал самых решительных мер борьбы с дезорганизацией и с германо — большевистскими агентами. Подавление вооруженной рукой беспорядков и восстаний на фронтах было начато по моему требованию. (Все это может быть установлено документально.)

В — третьих, в апреле месяце я был единственный «министр — социалист» среди «буржуазной» десятки Временного правительства, и если бы действительно «многие министры требовали ареста и предания суду Ленина», то они легко могли бы этого достигнуть, вопреки моему мнению, простым большинством голосов. На самом деле все Временное правительство первого состава совершенно одинаково оценивало деятельность Ленина и Ко. Но в нашем распоряжении не было еще тех данных, которые в 1917 году сделали возможным арест большевистских лидеров в судебном порядке, а для внесудебной ликвидации «дворца Кшесинской» в то время в руках правительства не было еще никакого административного аппарата. Это последнее обстоятельство явствует лучше всего из того, что и военный министр Гучков, и командующий Петербургским военным округом Корнилов, и министр внутренних дел князь Львов были совершенно пассивны по отношению к Ленину и Ко.

Насколько в этот период (апрель) еще не ясно было положение вещей — видно, например, из того, что министр иностранных дел Милюков телеграфно настаивал перед английским правительством о беспрепятственном пропуске в Россию Троцкого. Единственное министерство, которое принимало тогда некоторые меры по отношению к «дворцу Кшесинской», было Министерство юстиции, во главе которого тогда стоял Керенский, так как

аппарат этого министерства лучше сохранился, но я мог воздействовать только в судебном порядке.

В — четвертых, Временное правительство в целом и в частности министр юстиции Керенский не только не «мешали бороться с большевиками», но именно только благодаря настойчивой работе Временного правительства (в частности, министра юстиции, а затем военного министра Керенского и министра иностранных дел Терещенко) был собран тот материал, который послужил основанием к обвинению Ленина и Ко в государственной измене и отчасти заключается в «документе», опубликованном в № 62 «Общего дела».

И. «После бесплодных попыток начать преследование против большевиков министр юстиции Переверзев, воспользовавшись отсутствием Керенского из Петрограда, произвел арест видных большевиков и для его Объяснения тогда опубликовал печатающуюся ниже записку прокурора судебной палаты. Но из-за этого Переверзеву пришлось выйти в отставку, а арестованные им Нахамкес, Суминсон, Луначарский и др. были выпущены Керенским из тюрьмы».

Все это сплошной вымысел.

1) Арест большевистских лидеров в действительности состоялся при следующих обстоятельствах: 3–5 июля было поднято в Петербурге большевиками восстание. Я был в это время на Западном фронте, подготавливая там вместе с генералом Деникиным войска к наступлению, которое должно было начаться в один из ближайших дней. Получив телеграмму о событиях в Петербурге, я сейчас же выехал с фронта в Минск и потребовал от имени армии по прямому проводу от Временного правительства самых решительных в кратчайший срок мер против бунтовщиков и предателей. Затем, с согласия командования, я бросил работу на фронте и сам поехал в Петербург, куда и приехал около 7 часов вечера 6 июля. На вокзале из рапорта командующего войсками я, узнав, что мер к аресту главарей бунтовщиков никаких не принято, сделал тут же публично генералу Половцеву выговор и в этот же вечер уволил его от должности командующего войсками. Проехав с вокзала прямо в штаб войск округа, где в это время находилось Временное правительство, я заявил о необходимости произвести аресты руководителей восстания. Сейчас же, до решения этого вопроса, Временным правительством был составлен в штабе округа список лиц, подлежащих аресту, и были сделаны все подготовительные распоряжения для производства этих арестов в эту же ночь на 7 июля. Мое требование ареста Ленина, Зиновьева, Коллонтай и т. д. встретило сначала некоторые колебания, благодаря возражениям со стороны ЦИКССиРД ^[140], представители коего по этому поводу явились во Временное правительство.

В 1-м часу ночи все колебания прекратились и даже делегаты Совета сняли с очереди свои возражения. Но в это время чины штаба округа уже приступили к выполнению арестов. Между прочим, председатель ЦК Балтийского флота был арестован непосредственно чинами моего военно — морского кабинета.

Такова подлинная история ареста гг. большевиков министром юстиции Переверзевым, «воспользовавшимся моим отсутствием».

2) Теперь об освобождении мною этих арестованных.

«Освободить Луначарского и Нахамкеса ^[141]» (Стеклова) я не мог бы, если бы даже хотел, по той простой причине, что они, как не состоявшие тогда в партии большевиков и не участвовавшие в восстании, вообще не могли быть и не были арестованы.

Что же касается лиц, перечисленных в приводимом в № 62 «Общего дела» документе, — Ленина, Зиновьева, Коллонтай, Козловского, Суминсон, Гельфандта (Парвуса), Фюрстенберга (Ганецкого), Ильина (Раскольников), Семашко и Рошаля, — то ни об одном из них, кроме Коллонтай и, кажется, Семашко, не было вплоть до большевистского переворота, 25 октября (7

ноября н. с.), сделано распоряжения об их освобождении. Коллонтай была освобождена после освидетельствования врачами, по постановлению соответствующих гражданских судебных властей, действовавших в этом случае, как и во все время существования Временного правительства, совершенно независимо от министра — председателя, военного и морского и прочих министров. Из остальных только что перечисленных лиц Ленин и Зиновьев скрылись до моего приезда 6 июля, а Парвус и Ганецкий вообще в Россию не въезжали; прочие вышли из Крестов и других тюрем только после 25 октября.

3) Вот с Приездом Фюрстенберга и был связан уход из Временного правительства министра юстиции Переверзева. Ибо ему пришлось уйти не из-за арестов, которых он не производил, не из-за нападок, которые делали на него слева, а из-за столкновения с министром Терещенко и Некрасовым. Дело в том, что еще с начала мая Терещенко и отчасти Некрасов в совершенно секретном порядке собирали все данные по поводу преступной деятельности Ленина и Ко. Чрезвычайно серьезные, но, к сожалению, не судебного, а агентурного характера данные должны были получить совершенно бесспорное подтверждение с приездом в Россию Ганецкого, подлежавшего аресту на границе, и превратиться в достоверный судебный материал против большевистского штаба. Переверзев предоставил, в момент восстания 3–5 июля, часть обвинительного материала против большевиков в руки частных лиц для опубликования. Этим он достиг ближайшей поставленной им себе цели, т. е. вызвал в Петербургском гарнизоне взрыв негодования против большевиков. Но этим же своим действием, предпринятым им на собственный страх и риск, он уничтожил для Временного правительства возможность достигнуть основной его цели. Опубликование части собранного против большевиков обвинительного материала насторожило ленинский штаб. Приезд Ганецкого был отменен, а Временное правительство потеряло возможность документально подтвердить главнейшие, компрометирующие Ленина и Ко данные, что и отразилось немедленно на судебной постановке дела по обвинению некоторых вождей большевиков в сношениях с враждебным России иностранным правительством.

III. В другой статье этого же номера — «Керенский и Ленин работают рука об руку» — среди прочих измышлений опять говорится: «Когда мин. юстиции Переверзев, относившийся к большевикам так же, как и Деникин, арестовал многих видных большевиков, то Керенский настоял на их освобождении. Это было одно из крупных преступлений Керенского против России».

Как видно из вышеизложенного, это «крупное преступление» существовало и существует только в воображении автора этой статьи, Вл. Бурцева. В этой же статье автор утверждает, что «Деникин в своих исторических донесениях, поданных лично Керенскому, поименно указал на Ленина и других большевиков... и тогда еще требовал их ареста и предания суду. Получив доклад Деникина, Керенский не дал ему никакого ходу». На самом же деле никаких «исторических» донесений лично от Деникина я не получал. Я получил от Верховного главнокомандующего генерала Алексеева лично при докладе, насколько помню, в присутствии его начальника штаба Деникина (это было в начале мая) докладную записку о разоблачениях, сделанных неким офицером по фамилии, кажется, Ермоленко, принявшим на себя обязанности агента немецкого Генерального штаба по развитию украинского сепаратистского движения в русской армии. Этот офицер указал ряд связей, данных ему немецким штабом, и между прочим, но не с достаточной достоверностью указал на связь Ленина с агентурой немецкого штаба. Тогда же все меры для проверки и установления фактов по сообщению этого офицера были приняты, а именно: Ермоленко был под особым негласным надзором штаба отправлен на Украину для закрепления, а затем и разоблачения его связей. А остальной материал, им сообщенный, вошел в общую сводку тех данных, которые помогли Временному правительству

Из статьи «Легенда о г. Савинкове»

О восстании генерала Корнилова^[142]

I

Повествование о самом восстании генерала Корнилова начинается в статье Савинкова рассказом о том, как вечером 26 августа Савинков пришел в Зимний дворец защищать в заседании правительства проект о «введении смертной казни в тылу», но был вызван в рабочий кабинет Керенского. Здесь министр — председатель в присутствии С. А. Балавинского и В. В. Вырубова молча подал ему текст ультиматума, подписанный «В. Львов». В этом ультиматуме от имени генерала Корнилова предъявлялось Временному правительству требование о передаче в руки Корнилова всей полноты гражданской и военной власти. Ультиматум показался Савинкову «мистификацией». Однако Керенский тут же говорит ему, что «он проверил заявление Львова по прямому проводу и в подтверждение своих слов протянул ленту своего разговора с Верховным главнокомандующим. Текст ультиматума Львова лента не воспроизводила. Керенский кратко запрашивал генерала Корнилова, подтверждает ли он все, сказанное Львовым, а Корнилов ответил: “Подтверждаю”. Ни тогда, ни позже, рассуждает автор, я не понимал и не понимаю еще сейчас, каким образом в деле такой чрезвычайной важности Керенский мог ограничиться таким неопределенным вопросом. Но я также не понял тогда и тем более не понимаю теперь, каким образом ген. Корнилов решился подтвердить текст, содержание которого он не знал и не мог знать. Я был убежден, что в основе всего этого лежит какое-то недоразумение» (с. 402).

Ну еще бы! Прямо дети какие-то эти Корнилов и Керенский. В Петербурге В. Львов бог знает что говорит министру — председателю от имени Верховного главнокомандующего, а министр- председатель, не намекнув даже Верховному главнокомандующему на содержание своего разговора с Львовым, ограничивается одним — единственным «неопределенным вопросом»: «Генерал, вы подтверждаете слова Львова?» А на это, не задумываясь ни на секунду, сам генерал отвечает: «Подтверждаю!», хотя не знает и не может знать, что, собственно, он подтверждает. Положим, Керенский мог еще задавать вопрос и не по наивности, а с тайным расчетом поймать и подвести генерала Корнилова, но последний-то проявляет, поистине, наивность и легкомыслие прямо легендарные! И это единственный, по мнению г. Савинкова, человек, способный спасти армию и Россию! Но что может быть еще удивительней — никто вокруг Керенского не замечает всю вопиющую нелепость такого разговора. Один только Савинков сразу чувствует, что здесь «недоразумение». Однако кто же это утром 27 августа телеграфировал в Ставку комиссару Филоненко^[143]: «Вы недостаточно осведомлены. Генерал Корнилов *подтвердил сообщения своего посланника*, разговаривая с Керенским по Юзу»? Кто, ознакомившись с ультиматумом Львова и с лентой разговора по Юзу, сейчас же, вечером 26 августа, предложил мне двинуть с фронта к Ставке против Корнилова «верную» часть? Кто тут же послал телеграмму о вызове этой части? Кто? Управляющий Военным министерством — все тот же Савинков. Так в чем же дело? Да просто в том, что теперь г. Савинков не хочет говорить правды, которую знал 26 августа 1917 года и знает сейчас. Савинков отлично знает, что разговор

мой состоял не из одного «неопределенного вопроса» и лапидарного ответа на него: «Подтверждаю». Он знает, что во время этого разговора я задал генералу Корнилову несколько весьма определенных вопросов и на них получил не менее определенные ответы, действительно подтвердившие слова Львова.

Я приведу лишь один пример того, насколько лента разговора по Юзу не оставляла ни малейших сомнений в том, что Львов передал мне именно то, что сказал ему генерал Корнилов. Львов, передавая требования Корнилова, три из них, относящиеся к Временному правительству в его целом, изложил на бумаге и подписал, а четвертое, касавшееся только меня и Савинкова, передал мне устно. Это требование заключалось в том, чтобы после выхода в этот вечер в отставку Временного правительства я в ту же ночь (на 27 августа) вместе с Савинковым выехал в Ставку для вступления в кабинет министров при генерале Корнилове. Желая самым тщательным, не вызывающим никаких сомнений образом убедиться в точности передачи Львовым требований генерала Корнилова, я по поводу этого, устно переданного, требования задал от имени Львова генералу Корнилову вопрос в такой форме, что совпадение ответа генерала Корнилова со словами Львова могло быть только в том случае, если Верховный главнокомандующий действительно дал своему посланцу соответствующее поручение. Вот этот вопрос: «Я, Львов, вас спрашиваю, то определенное решение нужно исполнить, о котором вы просили меня сообщить Керенскому только *совершенно лично*; без этого подтверждения лично от вас Керенский колеблется вполне довериться?» Ну, если бы генералу Корнилову заранее не было известно содержание ультиматума Львова, разве он мог бы на этот мой загадочный вопрос ответить так просто и ясно: «*Да, подтверждаю, что я просил вас передать Керенскому мою настоящую просьбу приехать в Могилев*». Тогда я, чтобы еще несомненной сделать связь между Львовым и Корниловым, задаю вопрос о выезде в Ставку Савинкова — в такой форме, чтобы Корнилову показалось, что Львов о Савинкове забыл мне сказать. Я задаю вопрос: «Нужен ли Савинков» — и получаю от генерала ответ: «Настоятельно прошу, чтобы Савинков приехал вместе с вами. *Сказанное мной Львову в одинаковой степени относится и к Савинкову*». Что такое — «сказанное мной в одинаковой степени относится и к Савинкову»? Да, очевидно, предложение выехать в Ставку для вступления в кабинет диктатора.

Приведенных отрывков из моего разговора по Юзу с генералом Корниловым совершенно достаточно для того, чтобы убедиться в том, как далека была действительность от карикатурного ее изложения г. Савинковым. Вечером 26 августа, повторяю я, г. Савинков не только прочел текст ультиматума и ленту разговора, он прослушал еще подробный рассказ С. А. Балавинского и мой о том, что от имени Корнилова не только написал, но и сказал Львов. Поэтому ~~то~~ утром 27 августа Савинков в полном соответствии с действительностью и сказал Филоненко, что Корнилов *подтвердил* слова своего посланца.

В тот же день (27 августа) сам Корнилов в разговоре по Юзу сказал г. управляющему Военным министерством: «Вчера вечером, во время разговора с министром — председателем по аппарату, я *подтвердил* ему переданное через Львова». Спрашивается, как же Савинков может писать теперь, что он «до сих пор» не понимает, каким образом генерал Корнилов решил подтвердить текст, содержание которого он не знал и не мог знать. Ведь в этом же разговоре по прямому проводу Корнилов сказал: «Я заявил Львову, что по моему глубокому убеждению я единственным исходом считаю установление диктатуры и объявление всей страны на военном положении (соответствует п. п. 1 и 2 писанного ультиматума Львова. — А. К.)^[144]. Я просил Львова передать Керенскому и вам, что участие вас обоих в составе правительства считаю безусловно необходимым, просил передать мою окончательную просьбу приехать в Ставку для принятия окончательного решения» (соответствует устному требованию Львова. — А. К.).

Зачем же скрыл г. Савинков всю эту правду? Во — первых, для того, чтобы показать, с

какой прозорливостью он, еще не зная соответствующих фактов, почувствовал, что в истории с ультиматумом — «недоразумение», а во — вторых, для того, конечно, чтобы у читателя возник тревожный вопрос: почему же это в «деле такой чрезвычайной важности Керенский смог ограничиться столь неопределенным вопросом»?

II

Итак, г. Савинков сразу почуял, что перед его глазами происходит какое-то недоразумение, которое, однако, может вызвать тягчайшие для государства последствия. Он пытается вмешаться, убедить Керенского «сговориться» с Корниловым. Керенский, конечно, не слушает мудрого совета. Трагические события продолжают стремительно развиваться. И только «много времени спустя» Савинков узнает факты, которые подтвердили, что «дело Корнилова» началось с недоразумения и даже больше чем с недоразумения. Оказывается, «Керенский вел с Львовым разговоры, касавшиеся самых важных государственных вопросов, а Львов от имени Керенского, имея на то право или нет, предложил Верховному главнокомандующему три следующие на выбор комбинации:

- 1) Временное правительство объявляет генерала Корнилова диктатором;
- 2) Временное правительство поручает генералу Корнилову образование нового кабинета;
- 3) Провозглашается Директория, с участием в ней Керенского и генерала Корнилова.

Только много времени спустя я узнал, — рассказывает автор, — что генерал Корнилов, убежденный в правомочии Львова говорить от имени Керенского и стремясь сохранить совершенно лояльное положение, выбрал третью из предложенных комбинаций: провозглашение Директории с его в ней участием; об этом своем решении он попросил Львова довести до сведения Керенского» (с. 403). И вот это «лояльное» решение превратилось в кабинете министра — председателя в «ультиматум» Львова! В Ставку, прежде чем успел ознакомиться с текстом документа г. Савинков, летит уже телеграмма о смещении генерала Корнилова с должности. Каждый, читающий рассказ г. Савинкова, ясно видит, что источник «недоразумения» — не Ставка, а Петербург; видит, что Керенский почему-то с самого начала форсирует события или провоцирует их. Но сам-то автор, как это будет сейчас видно, пишет все это, твердо зная, что никогда ничего подобного не было. Он с осторожным, но ясным намеком говорит о львовском «от имени Керенского» предложении Корнилову трех комбинаций, хотя заведомо знает, что никогда никаких комбинаций от моего имени Львов Корнилову не предлагал и не мог предложить. Правда, 27 августа утром в разговоре с Савинковым по прямому проводу Корнилов сделал попытку изобразить Львова как человека, предлагавшего ему от моего имени диктатуру. Но, как" отлично знает г. Савинков, первоначально к этой попытке навести правительство на ложный след был пристегнут и сам г. управляющий Военным министерством. А именно 27 августа генерал Лукомский^[145] утром прислал мне телеграмму за № 6 406, где писал: «Корнилов принял окончательное решение после приезда Савинкова и Львова, сделавших предложение генералу Корнилову от Вашего имени». С этой телеграммой я немедленно поехал в Военное министерство и предложил Савинкову дать сейчас же по сему поводу разъяснения. Он тут же написал следующее, переданное мной Временному правительству, заявление: «Ознакомившись с изложенной в телеграмме ген. Лукомского № 6.406 от 27 августа ссылкой относительно меня, заявляю, что это клевета...» и т. д.

Что же касается попытки замести следы заговора ссылкой на Львова, то, как прекрасно об этом осведомлен г. Савинков, на следствии генерал Корнилов, зная, что тот разговор, который должен был вести со мной по плану заговорщиков г. Львов «наедине», был прослушан третьим

лицом^[146], от этой выдумки о «трех комбинациях» отказался и показал: «Я, очертив общее положение страны и армии, заявил Львову, что, по моему глубокому убеждению, единственным исходом из тяжелого положения является установление диктатуры и немедленное объявление страны на военном положении»... Сам Львов, крайне враждебно ко мне настроенный, ни разу, однако, как это опять-таки должен знать Савинков, не показал на следствии, что я поручал ему что-либо предлагать генералу Корнилову. Наконец, Савинков 29 августа присутствовал в моем кабинете, когда г. Филоненко при двух еще свидетелях установил, при каких именно условиях только вечером 26 августа (т. е. после отъезда Львова из Ставки) Корнилов якобы отказался от проекта объявить свою личную диктатуру.

Савинков повторяет о Львове то, что в отношении себя он не задумываясь назвал «клеветой» и что, конечно, компрометирует не Львова, а меня. Однако наш автор отлично понимает, что в любой час его могут спросить: «Как же вы, г. Савинков, зная по меньшей мере двусмысленное поведение Керенского, все время борьбы последнего с “оскорбленным и болеющим за армию Корниловым” (с. 405) были с ним, а не с Корниловым?!» Боже мой, но разве читатель не видит, что г. Савинков был тогда введен в заблуждение?! Ведь для этого только во всей этой истории о львовских, т. е. моих, «трех комбинациях» и подчеркнуто то обстоятельство, что обо всем этом Савинков, к сожалению, узнал только «много времени спустя»! Повторяю, Савинков узнал о «трех комбинациях» Львова утром 27 августа от самого Корнилова. А утром 28 августа он прочел в объявлении бывшего Верховного главнокомандующего народу: «Не я послал члена Государственной думы В. Львова к Временному правительству, а он приехал ко мне как посланец министра — председателя, и таким образом свершилась великая провокация, которая ставит на карту судьбы отечества». Прочел и... И именно в это утро 28 августа, как сам это признает (с. 405), был назначен на пост генерал — губернатора Петрограда не для чего иного, как для борьбы с восставшим на верховную власть генералом!

III

Но вернемся к правдивому рассказу... Не зная еще «компрометирующих» меня фактов, но подозревая уже «недоразумение», Савинков вечером 26-го, ознакомившись с ультиматумом и лентой разговора с Корниловым, сейчас же советует «Керенскому сговориться с генералом Корниловым» (с. 403). Керенский отвечает: «Уже поздно». И добавляет, что им уже послана телеграмма об отозвании генерала Корнилова из Ставки. «Я не могу не отметить, — со свойственной ему правдивостью и справедливостью скорбно отмечает автор, — что телеграмма эта по самому своему содержанию была незаконна, так как лишь Временное правительство в его целом, а не министр — председатель, имело право отчислить от должности Верховного главнокомандующего» (с. 403). По его рассказу, очевидно, телеграмма моя была незаконной потому, что я послал ее до заседания правительства (в этот вечер оно началось после 11 часов, а Савинков был у меня в кабинете около 910 час. веч.) *и без согласия его*. Так фантазирует автор! А на самом деле до заседания Временного правительства я никакой телеграммы не посылал. Но как только оно открылось, я доложил правительству о всех событиях этого вечера, предъявив ультиматум, подписанный Львовым, и ленту моего разговора с генералом Корниловым. Затем я предложил правительству по телеграфу приказать Корнилову сдать должность Верховного главнокомандующего начальнику его штаба и явиться в Петербург для объяснений. Временное правительство *единогласно* утвердило мое предложение. Только после этого около двух часов ночи на 27 августа соответствующая телеграмма за моей подписью была послана генералу

Корнилову. А что телеграмма моя не была послана вечером 26-го, а только к утру 27 августа подтверждается еще и следующим. Мои телеграммы в Ставку не шли никогда дольше часа. Эта телеграмма посылалась в порядке исключительной спешности. А между тем в 2 часа 30 минут утра 27 августа генерал Корнилов, посылая Савинкову телеграмму за № 6.394 по вопросу о введении военного положения в Петербурге, ничего еще не знал о своем отчислении и вообще о всем случившемся в Зимнем дворце!

IV

Кстати, о введении в Петербурге военного положения, ибо это имеет отношение к восстанию Корнилова. Автор говорит (с. 398): «В тот день (20 августа) Керенский по предложению Военного министерства дал свое согласие на объявление С. — Петербурга и его окрестностей на военном положении и на вызов с фронта в столицу кавалерийского корпуса. Этот корпус должен был содействовать действительному осуществлению военного положения, т. е. успешной борьбе с большевиками».

Новые измышления! Во — первых, мне довольно трудно было «дать согласие» самому себе, ибо, как бы ни хотелось г. Савинкову оторвать Военное министерство от военного министра, я все-таки был военным министром, и министром весьма реальным. Во — вторых, не Военное министерство предлагало ввести военное положение, а после Московского совещания и падения Риги сам генерал Корнилов стал «требовать» от Временного правительства, как всегда в ультимативной форме, немедленного введения военного положения в Петербурге с передачей всех исключительных полномочий Ставке и с подчинением ей всего Петербургского гарнизона. Для того чтобы понять все содержание этого требования, нужно вспомнить одно обстоятельство. После провала во время Московского государственного совещания первой попытки, так сказать, с наскоку объявить диктатуру заговорщики стали действовать с оглядкой, с подготовкой и, между прочим, решили «использовать» в своих целях падение Риги. Так появилось требование Ставки о передаче с. — петербургского гарнизона Ставке. Заговорщики хотели этим лишить Временное правительство всякой реальной силы, всякой возможности распоряжаться войсками в самой столице, а затем поступить с ненавистным правительством по — своему.

Рассмотрев домогательства генерала Корнилова, Временное правительство признало необходимым, ввиду изменившейся стратегической обстановки на Северном фронте, подчинить войска Петербургского военного округа Ставке, но только с *исключением* гарнизона самой столицы. Одновременно правительство единогласно признало необходимым объявить Петербург и его окрестности на военном положении, но, сосредоточив все исключительные полномочия в руках самого правительства, отнюдь — вопреки желанию Корнилова — не передавая их Ставке. В — третьих, не я «согласился» на предложение Савинкова на прибытие в Петербург конного корпуса, а «корпус был испрошен мной (Савинковым) у Верховного главнокомандующего по требованию министра- председателя». Так публично заявил сам г. Савинков 12 сентября 1917 года, и заявил в полном соответствии с истиной. Наконец, в — четвертых, я вытребовал войска с фронта во исполнение единогласного пожелания Временного правительства на время военного положения, но, однако, не только для «успешной борьбы с большевизмом». «Само собой разумеется, — писал г. Савинков в том же заявлении, — этот конный корпус, поступив в распоряжение Временного правительства, должен был бы его защищать от всяких посягательств, с чьей бы стороны эти посягательства ни шли». А в это время «посягательства» со стороны правых и, в частности, со стороны Ставки были более чем возможны. Поэтому-то я и поставил

особые условия посылки конного корпуса в Петербург. Эти условия генерал Корнилов обещал исполнить и *не исполнил, участвуя в заговоре*. К этому эпизоду я скоро перейду.

V

Сейчас же возвращаюсь к моей «незаконной телеграмме». Оказывается, она была «незаконной» не только «по ее содержанию», но и «по форме — это была телеграмма частная» (с. 403). И автор перечисляет все формальные погрешности этой несчастной телеграммы. В суматохе той ночи, может быть, и забыли действительно проставить на ней номер или я перед своей фамилией не поставил «министр — председатель». Может быть! Но это ведь не имело ни малейшего значения. Деша пришла в Ставку обычным порядком правительственных телеграмм, и ни в ком не могло возникнуть сомнений, как это и было на самом деле, что эта телеграмма не моя. И меньше всего 27 августа в этом сомневался г. Савинков, что и доказать весьма нетрудно. А именно: сам автор говорит, что, беседуя 27 августа по прямому проводу с генералом Корниловым, он «пытался его убедить в необходимости во имя интересов Родины подчиниться Временному правительству» (с. 404). В чем же убеждал Савинков генерала Корнилова? В необходимости исполнить требование Временного правительства, изложенное в моей «незаконной» телеграмме: сдать должность и выехать из армии!

VI

«Несмотря на то что на все мои убеждения, — продолжает Савинков, — генерал отвечал отказом, самый текст моих с ним переговоров с очевидностью говорил о том, что были еще возможности сговориться с генералом Корниловым и таким образом ликвидировать весь инцидент» (с. 404). И, окрыленный такими надеждами, Савинков отправляется с прямого провода в дом военного министра в Зимний дворец. Увы, встретивший его там Некрасов огорошивает его сообщением, что им (Некрасовым) «сделаны уже все распоряжения» (и это вопреки обещанию подождать конца переговоров Савинкова с Корниловым!) для обнародования сообщения о покушении или, согласно официальному тексту, об измене Корнилова. Непоправимое совершилось, и вся Россия вдруг узнала о том, что генерал Корнилов — «мятежник»! Но почему же свершилось «непоправимое»? А потому, что, считая себя после приезда Львова с его комбинациями обманутым Керенским, Корнилов, «очевидно, не мог не признать телеграмму Керенского тяжким для себя бесчестьем. Глубоко оскорбленный, болеющий за армию, убежденный, что обманут Керенским, он поднял, наконец, опираясь на заговорщиков, знамя восстания» (с. 405). Мы уже знаем, что в действительности генерал Корнилов не мог считать и не считал себя «обманутым» мной. Но, может быть, он все-таки признал мою телеграмму «тяжким оскорблением» потому, что в ней сам он назывался «мятежником», а его выступление — «изменой»? Нет, не мог! И тут г. Савинков снова говорит неправду. Прежде чем Корнилов поднял «знамя восстания», он получил только две мои телеграммы. Одну о своем смещении — к утру 27 августа; другую — в ночь на 28 августа с официальным текстом моего обращения к населению. Об этих двух телеграммах и говорит автор. Ни в одной из них нет ни слова «измена», ни слова «мятежник»; нет и никаких вообще оскорбительных выражений. Уже после того как генерал Корнилов открыто восстал, представители правительства заговорили более резким языком. Утром 29 августа в Петербурге появилось обращение к гражданам, начинавшееся следующими словами: «В грозный для

отечества час, когда противник прорвал наш фронт и пала Рига, генерал Корнилов поднял *мятеж* против Временного правительства и революции и встал в ряды их врагов». Кем же было подписано это воззвание? Под ним стояла подпись с. — петербургского генерал — губернатора... Б. Савинкова!^[147]

Вообще, могли автор статьи добросовестно заблуждаться, утверждая, что он «не сомневался в том, что генерал Корнилов не участвовал в заговоре» (с. 402) и что только после моей телеграммы генерал бросился в объятия заговорщиков (с. 405)? После какой же моей телеграммы это событие случилось? После первой или после второй? Об этом автор определенно не говорит. Возьмем более раннюю телеграмму, полученную в Ставке к утру 27 августа. Спрашивается, имел ли генерал Корнилов что-либо общее с заговорщиками до получения этой телеграммы? Автор статьи говорит: «Нет, не имел» — и говорит сознательную неправду.

Вот в чем дело. 22 августа г. Савинков поехал в Ставку, между прочим, для того, чтобы по моему поручению потребовать от генерала Корнилова откомандирования в распоряжение правительства кавалерийского корпуса, но лишь под условием, чтобы, во-первых, этим корпусом не командовал генерал Крымов (участник, по моим сведениям, заговора) и чтобы, во — вторых, в состав этого кавалерийского отряда не входила Дикая дивизия.

24 августа Корнилов окончательно «обещает» Савинкову исполнить оба этих условия и... в тот же день особым приказом подчиняет Дикую дивизию генералу Крымову. А в это время правительство по представлению Корнилова назначает генерала Крымова командующим 2-й армией на Юго — Западном фронте. Но генерал Крымов пребывает в Ставке и разрабатывает *совместно с генералом Корниловым* план военной оккупации Петербуга. 25 августа Савинков возвращается из Ставки и докладывает мне, что войска в распоряжение Временного правительства будут высланы согласно условию. И... в этот же день по приказу генерала Корнилова Дикая дивизия выступает как авангард отряда генерала Крымова в направлении к Петербургу. А ко мне посылается Львов с ультиматумом! А генерал Крымов в этот же день назначается без ведома Временного правительства самим генералом Корниловым командующим еще не существующей Петербургской армией. 26-го утром, т. е. не только до моей первой телеграммы, но и *до моего разговора с Львовым*, генерал Крымов выезжает вдогонку за Дикой дивизией с особыми инструкциями генерала Корнилова и отнюдь не в распоряжение Временного правительства, а против него.

Итак, давая 24 августа обещание Савинкову исполнить условия министра — председателя, генерал Корнилов обманул его как представителя военного министра. Савинков не только не объясняет этого, но, напротив, очень глухо говорит, что 28 августа в С. — Петербурге узнали, что «кавалерийским корпусом командует — и это вопреки прямому обещанию генерала Корнилова — Крымов и что в голове этого корпуса идет Дикая дивизия» (с. 405). Настоящая правда ловко спрятана между строками, и неосведомленный читатель легко может подумать, что «опереться на заговорщиков», т. е. на Крымова и его друзей, генерал Корнилов решился только после получения моей телеграммы утром 27 августа! А между тем нет никаких сомнений в том, что Ставка, именно во главе с генералом Корниловым, приступила к окончательному осуществлению плана заговора никак не позже 20 августа, ибо к этому времени были уже разработаны почти все детали военной операции против с. — петербургского правительства.

История похода генерала Крымова как молния освещает всю картину подготовки и выполнения корниловского заговора. Здесь я не буду приводить других доказательств той двойной игры, которую вела Ставка с Временным правительством. Я приведу только свидетельство человека, слишком близко стоявшего к заговорщикам. 12 сентября 1917 года в письме к одному из виднейших политических деятелей России генерал Алексеев писал: «Я не

знаю адреса гг. Вышнеградского ^[148], Путилова и других. Семьи заключенных (по делу Корнилова. — **А. К.**) офицеров начинают голодать... Я настойчиво прошу их прийти на помощь. Не бросят же они на произвол судьбы и голодание семьи тех, с кем они были связаны общностью идей и подготовки... Тогда (т. е. если просьба не будет немедленно исполнена. — **А. К.**) генерал Корнилов вынужден будет широко развить перед судом *всю подготовку, все переговоры с лицами и кругами, их участие*, чтобы показать русскому народу, с кем он шел и какие истинные цели он преследовал»...

Савинков считал заговор, а также и вооруженное выступление (с. 405) «политической ошибкой, даже преступлением». В этом он прав. Заговор и восстание Корнилова открыли двери большевикам! Г. Савинков прозевал только участие в этом заговоре самого Корнилова. А теперь старается, по причинам мне неизвестным, все свалить с больной головы на здоровую, т. е. ответственным за все гибельные для России последствия тяжкого преступления хочет сделать не его главного соучастника, а главу Временного правительства, от имени которого и по собственному вызову сам г. Савинков в дни восстания боролся с заговорщиками...

Отъезд Николая II В Tobольск

I

Много легенд создавалось и до сих пор создается об отношении Временного правительства к покойному бывшему императору и его семье. В свое время большевики натравливали на нас, членов Временного правительства, наиболее темные солдатские и матросские массы, изображая мягкое, человеческое отношение правительства к павшему императору как «предательство революции», «попустительство злейшим врагам народа» и т. п. Смертная казнь Николая II и отправка его семьи из Александровского дворца в Петропавловскую крепость или Кронштадт — вот яростные, иногда исступленные требования сотен всяческих делегаций, депутатий и резолюций, являвшихся и предъявлявшихся Временному правительству и, в частности, мне, как ведавшему и отвечавшему за охрану и безопасность царской семьи.

До самого Октябрьского переворота Временное правительство справлялось с принятой на себя обязанностью, ни на йоту не уступая никаким человеконенавистническим и демагогическим требованиям слева, ибо именно *в отсутствии всякого намека на мученичество царя заключалось лучшее средство обезопасить республиканскую Россию от возрождения монархической легенды*. Достаточно прочесть соответствующие места из опубликованного дневника Николая II, чтобы видеть, насколько корректна была вся линия поведения Временного правительства к самодержцу, превратившемуся в обыкновенного, слабого, покинутого вчерашними друзьями и нуждавшегося в защите человека.

Однако историческая действительность и даже мнение самого «монарха», как это всегда бывает, не имеет никакого значения для гг. монархистов. Еще с большей настойчивостью, чем большевики, они стремятся теперь цинично использовать трагическую гибель царской семьи для демагогической и откровенно клеветнической травли... большевиков?! Нет, не большевиков, а правительства Февральской революции.

С тонким расчетом подготавливая свое возвращение в Россию, гг. монархисты всячески стремятся всю ответственность за кровавую вакханалию «сильной власти» Лениных и Троцких взвалить на наши плечи.

Конечно, в числе прочих смертных грехов вся ответственность за отвратительное убийство

царской семьи целиком падает на Временное правительство, «сознательно не желавшее защищать и спасти бывших венценосцев». Так утверждает творимая монархистами легенда!

Эту легенду, с посильными дополнительными художественными измышлениями, воспроизвел недавно достаточно известный петербургский адвокат г. Карабчевский [\[149\]](#) в своей только что появившейся книжечке «Что глаза мои видели».

Эту книжку, в которой, к сожалению, слишком часто говорится о том, чего *не видел и не мог* видеть автор, г. Набоков справедливо назвал «Senilia» [\[150\]](#). Ибо только старческим одряхлением можно объяснить, каким образом некогда талантливый и умный человек решился опубликовать весь этот букет беззубого брюзжания, салонных сплетен и просто инсинуаций! Так вот, если какой-либо будущий историк захочет писать о нашем времени по свидетельским показаниям г. Карабчевского, то ему, между прочим, придется утверждать, что «в гибели Николая II и его семьи больше всего виновато Временное правительство кн. Львова и т. д., в первую голову виноват Керенский». Все мы, по компетентному заявлению Карабчевского, виноваты потому, что из-за демагогической боязни толпы не хотели спасти бывшего царя и его семью, не хотели отправить их за границу, *хотя и имели к этому полную возможность*.

Конечно, хранилище всяческой истины — «Общее дело» [\[151\]](#) не могло упустить случая лишний раз «разоблачить» меня и поторопилось в № 402 в статье, специально мне посвященной, среди прочих обычных гнусностей, разъяснить по Карабчевскому мою «вину» в убийстве царя.

«Он, сделавшись случайно кумиром, должен был и мог спасти Николая II и других членов династии — и *не посмел* сделать этого...»

Вот на этом «не посмел», на этом уклонении Временного правительства от обязанности охранить жизнь бывшей царской семьи я и остановлюсь.

Опровергать старческие бредни о том, как 2 марта — в первое мое официальное, как министра юстиции, свидание с Советом присяжных поверенных во главе с Карабчевским — я проявил желание «повесить» царя, делая даже «символический жест» у своей шеи, и отказался от своего намерения, лишь «skonфуженный» великим идеалистом и противником смертной казни Карабчевским, — опровергать всю эту чепуху я не буду. Пусть защитник Брешко — Брешковской [\[152\]](#), Созонова и их самоотверженных товарищей в революционной борьбе со спокойной совестью на склоне своих лет утешается мыслью, что лишь его могучее красноречие превратило мои кровожадные мечты в твердое решение добиться немедленной отмены в России смертной казни!

Гораздо существеннее другое измышление почтенного автора, касающееся уже не отдельного лица, а Временного правительства в его целом.

Правда ли, что мы могли и не захотели спасти жизнь царской семьи своевременной отправкой ее за границу вообще и в Англию в частности? Этот вопрос интересовал очень многих; обсуждался в иностранной печати, и я считаю своевременным теперь объяснить, почему в конце лета 1917 года Николай II и его семья оказались не в Англии, а в Тобольске.

Вопреки всем сплетням и инсинуациям, Временное правительство не только *смело*, но и решило еще в самом начале марта отправить царскую семью за границу. Я сам 7 марта (20) в заседании Московского Совета, отвечая на яростные крики «Смерть царю, казните царя», сказал: «Этого никогда не будет, пока мы у власти. Временное правительство взяло на себя ответственность за личную безопасность царя и его семьи. Это обязательство мы выполним до конца. Царь с семьей будет отправлен за границу, в Англию. Я сам доведу его до Мурманска». Это мое заявление вызвало в некоторых советских кругах обеих столиц взрыв возмущения. Не успел еще я вернуться в Петроград, как глубокой ночью вооруженная, с броневиком, как потом оказалось, самозваная советская делегация ворвалась в Царскосельский дворец и требовала

предъявления ей царя с явной целью его увоза. Сделать это ей не удалось.

Но Временное правительство после этого изъяло охрану царя из ведения Военного министерства и командующего войсками генерала Корнилова и возложило эту тягчайшую обязанность на меня — министра юстиции.

Впредь случаев, подобных описанному, не повторялось. Однако, признавая пребывание бывшей царской семьи у самой столицы и вообще в России не обеспеченным от всяких случайностей при всяких возможных политических потрясениях и переменах, Временное правительство озабочено было подготовкой выезда обитателей Александровского дворца за границу и вело соответствующие дипломатические переговоры с лондонским кабинетом.

Однако уже летом, когда оставление царской семьи в Царском Селе сделалось совершенно невозможным, мы, *Временное правительство*, получили категорическое официальное заявление о том, что до окончания войны въезд бывшего монарха и его семьи в пределы Британской империи невозможен.

Утверждаю, что если бы не было этого отказа, то Временное правительство не только «посмело», но и вывезло бы благополучно Николая II и его семью за пределы России, так же как мы вывезли его в самое тогда в России безопасное место — в Тобольск. Несомненно, что если бы Корниловский мятеж или Октябрьский переворот застал бы царя в Царском, то он бы погиб, не менее ужасно, но почти на год раньше.

II

Моя историческая справка об обстоятельствах, принудивших Временное правительство отправить Николая II и его семью не за границу, как то было решено, а в один из отдаленных городов России, вызвала очень много толков в русской и иностранной печати.

Как и следовало ожидать, в большинстве случаев авторы появившихся статей стараются или опровергнуть, или, по крайней мере, смягчить силу моего «разоблачения». Пока русские и иностранные реакционеры в течение трех лет, пользуясь трагической гибелью царской семьи, беззастенчиво лгали и клеветали на Временное правительство и отдельных его членов, никому и в голову не приходило из лиц более или менее осведомленных напомнить общественному мнению о событиях так, как они действительно происходили. Но стоило только мне, в самой краткой и корректной форме, напомнить о *действительной* причине, помешавшей Временному правительству приступить к осуществлению его решения об отправке бывшего царя за границу, как лица наиболее заинтересованные в сокрытии истины вышли из равновесия.

«Daily Telegraph», официоз английского правительства, выступил сейчас же с весьма раздраженным разъяснением, пытающимся доказать, что мое «внезапное (?) очень серьезное обвинение против правительства Великобритании» совершенно необоснованно. По мнению английского официоза, «не проблематический британский отказ, но малодушие Керенского и его коллег в их сношениях с большевиками является истинной причиной екатеринбургских убийств».

Оставляю без всякого возражения рассуждение «Daily Telegraph» о моем и моих коллег «сношениях с большевиками». Спор на этой почве нас слишком далеко бы завел, т. к. пришлось бы весьма детально рассмотреть щекотливый вопрос о том — «малодушие» ли Временного правительства или *двойная игра с ним* некоторых ответственных представителей союзных правительств привели к октябрьскому торжеству большевиков.

Сейчас мне важно только установить одно. Английский официоз *вполне подтверждает* мое заявление: «Мы, Временное правительство, получили категорическое официальное

заявление о том, что до окончания войны переезд бывшего монарха и его семьи в пределы Британской империи невозможен».

Правда, английская газета старается ныне смягчить решительность отказа. Она говорит о «желании отсрочить выезд пленников», ввиду якобы того, что «в 1917 году германские подводные лодки (у Мурманска) представляли большую опасность». Затем газета высказывает сомнение, «согласился ли бы Николай II покинуть Россию». И наконец, утверждает, что «нет никаких доказательств, что Керенский, в случае *благоприятного ответа*, оказался бы в состоянии вывезти своих пленников за границу».

Что бы случилось, если бы правительство его величества короля Английского согласилось на предложение республиканского революционного правительства и предоставило право убежища ^[153] его величеству бывшему императору Всероссийскому — это другой вопрос! Для истории важно только знать, что *такого благоприятного ответа мы*, Временное правительство, *не получили*. Текст официозного английского сообщения не оставляет в этом ни малейшего сомнения.

Кстати, не могу не напомнить здесь, что даже ближайшие родственники царской семьи не разделяли чрезмерных опасений английского правительства за безопасность морского путешествия Николая II. В архивах английского дворца, вероятно, и сейчас еще можно найти письма некоторых бывших великих князей, просивших и настаивавших на скорейшем благоприятном решении вопроса о выезде из России Николая II и его семьи.

Повторяю, окончательный отказ английского правительства последовал, насколько помню, в первой половине июня старого стиля. Таким образом, напечатанная в «*Nachrichtenblatt über Ostfragen*» мартовская «нота» английского посла Бьюкенена министру иностранных дел Милюкову о том, что «король и правительство Его Величества будут счастливы предоставить *ex* императору России убежище в Англии», — эта нота ни в каком противоречии с моим сообщением об отказе не стоит. Сам Милюков («Последние новости». № 428) признает, что еще в бытность его министром иностранных дел отношение Бьюкенена к выезду Николая II в Англию изменилось. А к июню английское предложение о предоставлении убежища превратилось в полную свою противоположность.

Г. Милюков, со свойственным ему всегда слишком индивидуалистическим подходом ко всем событиям, участником которых в числе прочих и он бывал, всячески старается отгородить себя от остальных членов Временного правительства в истории переговоров об отъезде Николая II. Он осторожно намекает, что на изменение отношения Бьюкенена к выезду бывшего императора в Англию могли повлиять какие-то другие члены Временного правительства, находившиеся под «давлением» Совета рабочих депутатов. Впрочем, г. Милюков допускает, что настроения Совета, враждебные выезду из России Николая II, могли достигнуть до английского посла и повлиять на него через «другие источники информации».

Я не знаю, повлиял ли вообще Совет рабочих депутатов на Бьюкенена, и если повлиял, то каким путем. Но я категорически утверждаю, что в вопросе о выезде Николая II из России все Временное правительство было *совершенно солидарно*. А переговоры, начатые согласно указаниям правительства министром иностранных дел Милюковым, продолжались, может быть с еще большей настойчивостью, его заместителем М. И. Терещенко.

Впрочем, все это уже мелочи. Главное и бесспорное: утверждение, что Временное правительство имело полную возможность, но не захотело вывезти Николая II и его семью за границу, ныне категорически отвергнуто.

Казалось, тут и следовало бы поставить точку.

Однако ненавистникам Временного правительства не до «передышек». Они тут же, на лету,

меняют направление атаки и новым шумом стараются прикрыть свое поражение.

Вчера еще кричали на всех перекрестках — «Временное правительство умышленно уклонялось от всех попыток иностранцев спасти жизнь бывшей царской семьи!» Вчера еще измышленный «отказ» воспользоваться предложением Англии вызывал бурные взрывы патриотического негодования.

Сегодня все эти вымыслы оказались вздором! Ну и что же? Да ничего! Как будто ничего не случилось. Оказывается, это совсем и не важно, уклонилось или не уклонилось Временное правительство от содействия иностранцев. Пусть даже не правительство уклонилось, а иностранцы отказали.

Это совсем неважно! Важно, страшно важно, совсем другое: если бы и хотело, то вывезти царя за границу Временное правительство все равно бы не могло — Советы не позволили бы. И тут начинаются ссылки на современные большевистские официозы. Начинаются рассуждения о том, что «сам А. Ф. Керенский в 1917 году, помнится, именно так и думал», т. е. думал, что «не так! Это просто было бы для Временного правительства вывезти Николая II в Англию» (см. «Руль» № 250).

Я никогда и не утверждал, что это было «так просто». Напротив, это было бы очень трудно и даже невозможно ранее середины лета, когда выезд Николая II из Царского Села стал вполне возможным. Что и было доказано на деле. Я имею основание утверждать, что технически проезд Николая II до границы осуществился бы не с большими трудностями, чем до Тобольска...

Однако это уже область предположений, куда я не последую за непримиримыми ненавистниками Временного правительства. Пусть они правы, — пусть мы не в состоянии были бы отправить бывшую царскую семью за границу. Для истории это предположение не имеет никакой цены. Для истории существует только один факт: летом 1917 года бывший император и его семья остались в пределах России по обстоятельствам, от воли Временного правительства не зависевшим.

Отчисление генерала Верховского

В № 310 от 22 мая 1921 года газеты «Общее дело» помещена статья г. Бурцева под заглавием «Господа Черемисовы^[154] и Керенские».

В этой статье идет речь о высылке генералом Черемисовым с фронта корреспондента «Общего дела», за его «разоблачения» большевистствующей деятельности генерала Черемисова, выразившейся якобы в выдаче им субсидии большевистской газете «Наш путь».

По своему обычаю лгать и клеветать на меня при всяком удобном и неудобном случае, г. Бурцев и на этот раз утверждает, что именно за разоблачение деятельности генерала Черемисова его газета «была закрыта Керенским».

Вот за какую агитацию в «Общем деле» г. Черемисов выслал моего корреспондента с фронта, а Керенский потом закрыл «Общее дело» — утверждает Бурцев, приводя ряд выдержек из протокола очной ставки между Черемисовым и корреспондентом «Общего дела» и из статей «Общего дела» по этому поводу.

«Я не раз печатно говорил, — продолжает Бурцев, — что закрытие “Общего дела” со стороны Керенского было преступление даже не пытались своевременно мобилизовать свои силы, способные в нужный момент оказать сопротивление большевистским затеям внутри самой «революционной демократии». Со своей стороны правительство готовилось к подавлению мятежа, но, не рассчитывая на окончательно деморализованный корниловским выступлением с. — петербургский гарнизон, изыскивало другие средства воздействия. По моему

приказу с фронта должны были в срочном порядке выслать в С. — Петербург войска, и первые эшелоны с Северного фронта должны были появиться в столице 24 октября.

В то же время полковник Полковников ^[155], командующий войсками С. — Петербургского военного округа, получил приказ разработать подробный план подавления мятежа, ему же было предложено своевременно взять на учет и организовать все верные долгу части гарнизона. Полковник Полковников каждое утро лично представлял мне рапорт: причем постоянно докладывал, что во вверенных ему войсках частей, которыми может располагать правительство, «вполне достаточно» для того, чтобы справиться с готовящимся восстанием. К великому сожалению, мы, члены правительства, слишком поздно узнали, что как сам Полковников, так и часть его штаба вели в эти роковые дни *двойную игру* и примыкали как раз к той части офицерства, в планы которой входило свержение Временного правительства руками гг. большевиков.

24 октября было уже совершенно очевидно, что восстание неизбежно, что оно уже началось. Около 11 часов утра я явился в заседание Совета Республики и попросил Н. Д. Авксентьева ^[156], председателя Совета, представить мне, как председателю Временного правительства, немедленное слово для срочного сообщения, которое я должен сделать Совету Республики. Получив слово, я заявил, что в моем распоряжении находятся бесспорные доказательства организации Лениным и его сотрудниками восстания против революционного правительства. Я заявил, что все возможные меры для подавления восстания приняты и принимаются Временным правительством; что оно будет до конца бороться с изменниками Родине и Революции; что оно прибегнет без всяких колебаний к военной силе, но что для успешности борьбы правительству необходимо немедленное содействие всех партий и групп, представленных в Совете Республики, всей меры доверия и содействия. Для того чтобы восстановить себе настроение того времени, достаточно вспомнить, что во время моей речи члены Совета Республики не раз стоя, с особым подъемом свидетельствовали о своей полной солидарности с Временным правительством — в его борьбе с врагами народа. В минуты этого всеобщего подъема только некоторые одиночные представители партий и группировок, тесно связанных с двумя крайними флангами русской общественности, не могли преодолеть в себе жгучей ненависти к правительству Мартовской революции: они продолжали сидеть, когда все собрание поднималось, как один человек.

Уверенный в том, что представители народа до конца сознали всю исключительную тяжесть и ответственность положения, я, не ожидая голосования Совета, вернулся в штаб к прерванной срочной работе, думая, что не пройдет и часа, как я получу сообщение о всех решениях и деловых начинаниях Совета Республики в помощь правительству.

Ничего подобного не случилось. Совет, раздираемый внутренними распрями и непримиримыми разноречиями мнений, до позднего вечера не мог вынести никакого решения. Вожди всех антибольшевистских и демократических партий, вместо того чтобы спешно организовать свои силы для трудовой борьбы с изменниками, весь этот день и весь вечер потеряли на бесконечные и бесполезные споры и ссоры.

А тем временем, уже господствуя в Смольном и готовясь к последнему удару, большевики повсюду кричали, что все утверждения о «каком-то» большевистском восстании являются измышлениями «контрреволюционера» и «врага народа» Керенского. К сожалению, хорошо зная психологию своих советских противников, большевики этим приемом превосходно достигли своих целей.

Никогда я не забуду следующей, поистине исторической сцены. Полночь на 25 октября. В моем кабинете в перерыве заседания Временного правительства происходит между мной и делегацией от социалистических групп Совета Республики достаточно бурное объяснение по поводу принятой наконец левым большинством Совета резолюции по поводу восстания,

которую я требовал утром. Резолюция, уже никому тогда не нужная, бесконечно длинная, запутанная, обыкновенным смертным малопонятная в существе своем, если прямо не отказала правительству в доверии и поддержке, то во всяком случае совершенно недвусмысленно отделяла левое большинство Совета Республики от правительства и его борьбы. Возмущенный, я заявил, что после такой резолюции правительство завтра же утром подаст в отставку; что авторы этой резолюции и голосовавшие за нее должны взять на себя всю ответственность за события, хотя, по — видимому, они о них имеют очень малое представление. На эту мою взволнованную филиппику спокойно и рассудительно ответил Дан [\[157\]](#), тогда не только лидер меньшевиков, но и исполняющий должность председателя ВЦИКа. Конечно, я не могу сейчас воспроизвести заявление Дана в его собственных выражениях, но за точность смысла передаваемого ручаюсь; прежде всего Дан заявил мне, что они осведомлены гораздо лучше меня и что я преувеличиваю события под влиянием сообщений моего «реакционного штаба». Затем он сообщил, что неприятная «для самолюбия правительства» резолюция большинства Совета Республики чрезвычайно полезна и существенна для «перелома настроения в массах», что эффект ее уже сказывается и что теперь влияние большевистской пропаганды будет «быстро падать». С другой стороны, по его словам, сами большевики в переговорах с лидерами советского большинства изъявили готовность «подчиняться воле большинства Советов», что они готовы «завтра же» предпринять все меры, чтобы потушить восстание, «вспыхнувшее» помимо их желаний, без их санкции. В заключение Дан, упомянув, что большевики «завтра же» (все завтра) распустят свой военный штаб, заявил мне, что все принятые мной меры к подавлению восстания только раздражают массы и что вообще я своим вмешательством лишь мешаю представителям большинства Советов успешно вести переговоры с большевиками о ликвидации восстания... Для полноты картины нужно добавить, что как раз в то время, как мне делалось это замечательное сообщение, вооруженные отряды Красной гвардии занимали одно за другим правительственные здания. А почти сейчас же по окончании этой беседы на Миллионной улице по пути домой с заседания Временного правительства был арестован министр исповеданий Карташев и отвезен в Смольный, куда отправились и члены бывшей у меня делегации вести мирные беседы с большевиками.

Нужно признать, большевики действовали тогда с большой энергией и не меньшим искусством.

В то время когда восстание было в полном разгаре и «красные войска» действовали по всему городу, некоторые большевистские лидеры, к тому предназначенные, не без успеха старались заставить представителей «революционной демократии» смотреть, но не видеть; слушать, но не слышать. Всю ночь напролет провели эти искусники в бесконечных спорах над различными формулами, которые якобы должны были стать фундаментом примирения и ликвидации восстания. Этим методом переговоров большевики выиграли в свою пользу огромное количество времени. А боевые силы социалистов — революционеров и меньшевиков не были вовремя мобилизованы. Что, впрочем, и требовалось доказать.

Не успел я кончить разговор с Даном и его товарищами, как ко мне явилась делегация от стоявших в С. — Петербурге казачьих полков, насколько помню, из двух — трех офицеров и стольких же строевых казаков. Прежде всего делегация эта сообщила, что казаки желают знать, какими силами я располагаю для подавления мятежа. А затем она заявила, что казачьи полки только в том случае будут защищать правительство, если лично от меня получают заверение в том, что на этот раз казачья кровь «не прольется даром, как это было в июле, когда будто бы мной не были приняты против бунтовщиков достаточно энергические меры». Наконец, делегаты особенно настаивали на том, что казаки будут драться только по особому моему личному приказу.

В ответ на все это я прежде всего указал казакам, что подобного рода заявления в их устах, как военнослужащих, недопустимы; в особенности сейчас, когда государству грозит опасность и когда каждый из нас должен до конца без всяких рассуждений исполнить свой долг. Затем я добавил: «Вы отлично знаете, что во время первого восстания большевиков с 3 по 6 июля я был на Западном фронте, где начиналось тогда наступление; вы знаете, что, бросив фронт, я 6 июля приехал в Петроград и сейчас же приказал арестовать всех большевистских вождей; вы знаете также, что тут же я уволил от должности командующего войсками генерала Половцева, именно за его нерешительность во время этого восстания». В результате этого переговора казаки категорически заявили мне, что все их полки, расположенные в Петрограде, исполняют свой долг. Я тут же подписал особый приказ казакам — немедленно поступить в распоряжение штаба округа и беспрекословно исполнять все его приказания. В этот момент, в первом часу ночи 25 октября, у меня не было ни малейших сомнений в том, что эти три казачьих донских полка не нарушат своей присяги, и я немедленно послал одного из моих адъютантов в штаб сообщить, что можно вполне рассчитывать на казаков.

Как утром, в Совете Республики, я еще раз жестоко ошибся. Я не знал, что, пока я разговаривал с делегатами от полков, Совет казачьих войск, заседавший всю ночь, решительно высказался за невмешательство казаков в борьбу Временного правительства с восставшими большевиками.

После моих бесед с Даном и с казаками я вернулся в заседание Временного правительства. Всякому легко себе представить ту напряженную нервную атмосферу, которая царила в этом ночном заседании, в особенности после известия о захвате Красной гвардией Центрального телеграфа, почтамта и некоторых других правительственных зданий. Однако ни у кого из нас не возникла даже мысль о возможности каких-либо переговоров или соглашений с засевшими в Смольном предателями. В этом отношении среди членов Временного правительства господствовало полное единодушие. Зато некоторые из членов правительства весьма сурово критиковали «нерешительность» и «пассивность» высших военных властей, совершенно не считаясь с тем, что нам приходится действовать, все время находясь между молотом правых и наковальней левых большевиков. Впрочем, эти строгие критики не проявили ни малейшего стремления принять активное участие в организации борьбы с разгоравшимся восстанием или, хотя бы, более энергично поддержать меня. Насколько помню, заседание Временного правительства окончилось в начале второго часа ночи и все министры отправились по домам. Я остался один с А. И. Коноваловым^[158], моим заместителем, министром торговли и промышленности. Мы были с ним неразлучны всю ночь. Да М. Терещенко остался еще некоторое время после ухода остальных министров в Зимнем дворце.

Между тем в городе восстание разрасталось с невероятной быстротой. Вооруженные отряды большевиков все тесней и тесней окружали здание Зимнего дворца и штаба военного округа. Солдаты лейб — гвардии Павловского полка устроили у своих казарм, в конце Миллионной улицы и Марсова поля, настоящую западню, арестовывая всех «подозрительных», шедших по направлению от дворца. Так был захвачен «в плен» Карташев, о котором я уже говорил, и управляющий делами Временного правительства А. Гальперн^[159]. Дворец охранялся лишь юнкерами и небольшим отрядом блиндированных автомобилей.

Сейчас же после окончания заседания правительства ко мне явился командующий войсками со своим начальником штаба. Они предложили мне организовать силами всех оставшихся верными Временному правительству войск, в том числе и казаков, экспедицию для захвата Смольного института — штаб — квартиры большевиков. Этот план получил сейчас же мое утверждение, и я настаивал на его немедленном осуществлении. Во время этого разговора я все с большим вниманием наблюдал за странным и двусмысленным поведением полковника

Полковникова, все с большей тщательностью следя за кричащим противоречием между его весьма оптимистическими и успокоительными сообщениями и печальной, известной мне уже действительностью. Ведь стало более чем очевидно, что все его рапорты последних 9—12 дней о настроениях в войсках, о степени готовности его собственного штаба к решительной борьбе с большевиками — все они были совершенно ни на чем не основаны.

Во время моего совещания с командующим войсками явился Роговский^[160], правительственный комиссар по градоначальству, с чрезвычайно тревожными новостями, ни в чем не совпадавшими с только что мною выслушанными сведениями полковника Полковникова. Между прочим, от Е. Ф. Роговского мы узнали, что значительное количество судов Балтийского флота в боевом порядке вошло в Неву; что некоторые из этих судов поднялись до Николаевского моста; что этот мост, в свою очередь, занят отрядами восставших, которые уже продвигаются дальше к Дворцовому мосту. Роговский обратил наше особое внимание на то обстоятельство, что большевики осуществляют весь свой план «в полном порядке», не встречая нигде никакого сопротивления со стороны правительственных войск. Мне же в отдельности Роговский передал неоднократно сделанное им наблюдение: штаб Петроградского военного округа с совершенным безразличием, не проявляя никакой деятельности, следит за происходящими событиями.

Из сопоставления рапорта полковника Полковникова с докладом Роговского выводы получились кричащие. Времени более нельзя было терять ни минуты. Нужно было все бросать и идти в штаб.

Вместе с А. И. Коноваловым в сопровождении адъютантов отправились мы в штаб, проходя по бесконечным, почти неосвещенным коридорам и нижним залам дворца, где ложились уже спать бывшие в обычном карауле юнкера... Здание штаба было переполнено офицерами всех возрастов и рангов, делегатами различных войсковых частей. Среди этой военной толпы повсюду шныряли какие-то никому не известные штатские. Поднявшись на 3-й этаж прямо в кабинет командующего войсками, я предложил полковнику Полковникову сделать сейчас же подробный доклад о положении дел. Доклад окончательно убедил нас — Коновалова и меня — в невозможности больше полагаться на полковника Полковникова и на большинство офицеров его штаба. Необходимо было в срочном порядке, хотя бы в последний час, собрать вокруг себя всех оставшихся верными долгу. Нужно было сейчас же брать в свои руки командование, но только уже не для наступательных действий против восставших, а для защиты самого правительства до прихода свежих войск с фронта и до новой организации правительственных сил в самой столице.

В самом штабе округа было несколько высших офицеров,] на которых я мог положиться с закрытыми глазами. Но этого было, очевидно, слишком мало. Я распорядился вызвать по телефону тех, чье присутствие мне казалось особенно нужным, и просить их явиться в штаб без замедления. Затем я решил привлечь партийные военные организации партии социалистов — революционеров.

Мучительно тянулись долгие часы этой ночи. Отовсюду мы ждали подкреплений, которые, однако, упорно не появлялись.

С казачьими войсками шли непрерывные переговоры по телефону. Под разными предлогами казаки упорно отсиживались в своих казармах, все время сообщая, что вот — вот, через 15–20 минут, они «все выяснят» и «начнут седлать лошадей». С другой стороны, партийные боевые силы не только не появлялись в штабе, но и в городе! Это не проявляли никакой деятельности. Этот загадочный с первого взгляда факт объяснялся крайне просто. Партийные центры, увлеченные бесконечными переговорами со Смольным, гораздо более рассчитывая на авторитет «резолюции», чем на силу штыков, не удосужились вовремя сделать соответствующие распоряжения. Вообще, нужно признать, что в то время, как большевики слева действовали с

напряженной энергией, а большевики справа всячески содействовали их скорейшему триумфу, в политических кругах, искренне преданных революции и связанных в своей судьбе с судьбой Временного правительства, господствовала какая-то непонятная уверенность, что «все образуется», что нет никаких оснований особенно тревожиться и прибегать к героическим мерам спасения.

Между тем ночные часы шли. И чем ближе было утро, тем невыносимее и напряженнее становилась атмосфера в штабе. Один из преданных и честных офицеров, вызванный мной на работу,] отдав себе отчет в том, что происходит в штабе, и в особенности] присмотревшись к действиям полковника Полковникова, пришел ко мне и с волнением заявил, что все происходящее он не может назвать иначе, как изменой. Действительно, офицерство, собравшись в значительном количестве в штабе, вело себя по отношению к правительству, а в особенности, конечно, ко мне, все: более вызывающе. Как впоследствии я узнал, между ними по почину самого полковника Полковникова шла агитация за необходимость моего ареста. Сначала об этом шептались, а к утру стали говорить громко, почти не стесняясь присутствия «посторонних». Безумная идея владела тогда многими умами: без Керенского можно будет легче и скорее справиться с большевиками; можно будет без затруднений создать наконец эту так называемую сильную власть. И не подлежит никакому сомнению, что всю эту ночь полковник Полковников и некоторые другие офицеры штаба округа находились в постоянных сношениях с противоправительственными правыми организациями, усиленно тогда действовавшими в городе, как, например, с Советом Союза казачьих войск, с Союзом георгиевских кавалеров, с с. — петербургским отделом Союза офицеров и прочими подобного же рода военными и гражданскими учреждениями.

Конечно, эта душлимая атмосфера не могла не воздействовать на настроение всех тех защитников существующей власти, которые были в общении с штабом. Уже с вечера юнкера, настроение которых с начала было превосходно, стали терять бодрость духа; позднее начала волноваться команда блиндированных автомобилей; каждая лишняя минута напрасного ожидания подкреплений все более понижала «боеспособность» и у тех, и у других.

В седьмом часу утра, переговорив еще раз по прямому проводу со Ставкой Главкосева ^[161] о всяческом ускорении высылки в СПб верных войск, так и не дождавшись казаков, которые все еще «седлали лошадей», мы с Коноваловым, разбитые впечатлениями этой ночи и переутомленные, отправились назад в Зимний дворец хоть немного вздремнуть. Помню, как по дороге нас не раз окружали группы взволнованных юнкеров; помню, как их приходилось успокаивать и разъяснять все страшные для государства последствия успеха большевиков.

Поднявшись наверх в свои комнаты, я думал сейчас же собрать всю мою переписку, документы и отправить все это на хранение в верное место. Но тут же я почувствовал, какое тягостное впечатление произведет вся эта операция на всех находящихся во дворце, и отказался от своего намерения. Таким образом, все бумаги, хранившиеся у меня лично и в некоторой своей части представлявшие значительный интерес, в следующую ночь частью попали в руки большевиков, частью просто исчезли.

Расставшись с Коноваловым, дав несколько неотложных распоряжений «на всякий случай», я остался один и лег, не раздеваясь, на стоявшую в моем кабинете оттоманку... Заснуть я не мог. Лежал с закрытыми глазами в какой-то полудреме. Не прошло и часа, как из этого состояния вывел меня фельдъегерь, вошедший в комнату с экстренным сообщением. Большевики захватили Центральную телефонную станцию, и все наши (дворцовые) телефонные сообщения с городом прерваны; Дворцовый мост (под окнами моих комнат) занят пикетами матросов — большевиков; Дворцовая площадь совершенно безлюдна и пуста; о казаках ни слуху, как и следовало, впрочем, ожидать.

Не прошло 10 минут, как мы оба — Коновалов и я с адъютантами — мчались назад в штаб округа. Здесь за два часа нашего отсутствия ничего не изменилось... Впрочем, нет, изменилось — у блиндированных автомобилей «исчезли» некоторые части, и они стали столь же полезны для обороны, как и водовозные бочки. Подходы к дворцу и штабу совершенно никем и ничем не охранялись. Никаких сведений о высланных с Северного фронта эшелонах, хотя они должны были быть уже в Гатчине, не поступало. Началась паника. Переполненное с вечера здание штаба быстро пустело. Не успел я войти в штаб, как ко мне явилась делегация от охранявших дворец юнкеров. Оказалось, им большевики прислали форменный ультиматум с требованием покинуть дворец под угрозой беспощадных репрессий. Делегаты просили указаний, заявляя при этом, что огромное большинство их товарищей готово исполнить свой долг до конца, если только есть какая-нибудь надежда на подход каких-либо подкреплений... В этих условиях было очевидно, что только действительное появление через самое короткое время подкреплений с фронта могло еще спасти положение.

Но как их получить? Оставалось одно: ехать, не теряя ни минуты, навстречу эшелонам, застрявшим где-то у Гатчины, и протолкнуть их в СПб, несмотря ни на какие препятствия. Посоветовавшись с министрами Коноваловым и Кишкиным^[162] (к этому времени подоспевшим); переговорив с некоторыми оставшимися верными присяге офицерами штаба, я решил прорваться через все большевистские заставы и лично встретить подходившие, как мы думали, войска.

Прежде всего для этого нужно было среди белого дня проехать через весь город, не возбуждая подозрения разбросанных повсюду большевистских войск и караулов Красной гвардии. Это было самым трудным... После некоторого размышления решили идти напролом: чтобы усыпить всякую неосторожность, будем действовать с открытым забралом. Я приказал подать мой превосходный открытый дорожный автомобиль. Солдат — шофер был у меня отменно мужественный и верный человек. Один из адъютантов объяснил ему задачу. Он, ни секунду не колеблясь, ее принял. Как назло, у машины не оказалось достаточного для долгого пути количества бензина и ни одной запасной шины. Предпочитаю лучше остаться без бензина и шин, чем долгими сборами обращать на себя внимание. Беру с собой в дорогу кроме двух адъютантов еще капитана Кузьмина, помощника командующего войсками, и его штаб — офицера. Каким образом, не знаю, но весть о моем отъезде дошла до союзных посольств. В момент самого выезда ко мне являются представители английского и, насколько помню, американского посольств с заявлением, что представители союзных держав желали, чтобы со мной в дорогу пошел автомобиль под американским флагом. Хотя было более чем очевидно, что американский флаг, в случае неудачи прорыва, не мог бы спасти меня и моих спутников и даже, наоборот, во время проезда по городу мог бы усилить к нам ненужное совсем внимание, я все-таки с благодарностью принял это предложение как доказательство внимания союзников к русскому правительству и солидарности с ним.

Пожав в последний раз руку Кишкину, взявшему на себя на время моего отсутствия руководство обороной столицы, я с самым беззаботным видом сошел вместе со своими спутниками во двор штаба. Сели в автомобиль. Тут оказалась кстати американская машина; одному из офицеров не хватило у меня места, и он поехал отдельно, но с условием держаться от нас в городе со своим американским флагом на «почтительном» расстоянии. Наконец мы пустились в путешествие. Вся привычная внешность моих ежедневных выездов была соблюдена до мелочей. Сел я, как всегда, на свое место — на правой стороне заднего сиденья в своем полувоенном костюме, к которому так привыкло население и войска. В самом начале Морской, у телефонной станции, мы поехали мимо первого большевистского караула. Потом у «Астории», у Мариинского дворца — повсюду стояли патрули и отряды красных. Нечего и говорить, что вся

улица — и прохожие, и солдаты — сейчас же узнала меня. Военные вытягивались, как будто и впрямь ничего не случилось. Я отдавал честь, как всегда. Наверное, секунду спустя моего проезда ни один из них не мог себе объяснить, как это случилось, что он не только пропустил этого «контрреволюционера», «врага народа», но и отдал ему честь.

Благополучно проехав через центральные части города, мы, въезжая в рабочие кварталы и приближаясь к Московской заставе, стали развивать скорость и наконец помчались с головокружительной быстротой. Помню, как на самом выезде из города стоявшие в охране красногвардейцы, завидя наш автомобиль, начали с разных сторон сбегаться к шоссе, но мы уже промчались мимо, а они не только попытки остановить не сделали, они и распознать- то нас не успели.

В Гатчине мы въехали прямо под ворота дворца к подъезду коменданта. Продрогли во время этой бешеной гонки до мозга костей. Узнав, к нашему величайшему удивлению, о том, что никаких эшелонов с фронта в Гатчине нет и никто тут об них ничего не слышал, решаем сейчас же ехать к Луге, а если понадобится, то и до Пскова. Пускаться в такой далекий путь по осенней дороге без запасных шин и бензина немыслимо, поэтому решаем на полчаса войти в квартиру коменданта, обогреться и выпить по стакану чая, пока наши машины сходят за всем нужным в гараж автомобильной команды. Однако с первого шага на квартире коменданта мне его поведение показалось крайне странным. Он старался говорить как можно громче. Держался больше у открытых дверей в соседнюю комнату, откуда нас внимательно рассматривали какие-то солдаты. Как будто повинуюсь какому внутреннему голосу, я вдруг приказал задержать мой автомобиль и предложил моим спутникам без всякого чая немедленно отправиться в путь. Только автомобиль под американским флагом с одним из офицеров отправился в гараж за всем необходимым...

Мы уехали вовремя. Через пять минут после нашего отъезда во двор дворца влетел разукрашенный красными флагами автомобиль: это члены местного Военно — революционного комитета примчались меня арестовывать. Оказывается, что в СПб, в штабе, нашлись предатели, которые успели известить Смольный о моем выезде в Гатчину. Из Смольного последовало сюда распоряжение о немедленном нашем задержании. Однако наш автомобиль успел благополучно вырваться из города. Зато вторая наша машина попала в серьезную переделку. Более часа колесила она по улицам Гатчины. Ей удалось благополучно, хотя под выстрелами, проскочить две засады, но у третьей — одна пуля пробила шину, другая ранила шофера в руку. Мой же офицер, бросив машину вместе с американским флагом, должен был бегом спасаться в лес. Впрочем, об этой истории мы узнали лишь на другой день, вернувшись в Гатчину с фронта.

Тогда же, выезжая из Гатчины, мы ни о чем не думали; только считали минуты и вздрагивали от каждого толчка, трепеща за шины, которые нам нечем было заменить. Не стоит описывать нашу безумную погоню за неуловимыми эшелонами с фронта, которых мы так нигде и не нашли, вплоть до самого Пскова. Въезжая в этот город, насколько помню — в девятом часу вечера, мы ничего не знали о том, что здесь происходит; известны ли здесь уже спб. события, и если известны, то как они здесь отразились, поэтому решили действовать с величайшей осмотрительностью и поехали не прямо в Ставку главнокомандующего Северным фронтом генерала Черемисова, а на частную квартиру, к его генерал — квартирмейстеру Барановскому, бывшему начальнику моего военного кабинета. Тут я узнал, что все сведения из СПб самые мрачные, что в самом Пскове уже действует большевистский Военно — революционный комитет; что в руках у этого комитета подписанная прапорщиком Крыленко ^[163] и матросом Дыбенко телеграмма о моем аресте в случае появления в Пскове. Сверх всего этого я узнал и еще худшее, а именно: что сам Черемисов делает всяческие авансы Революционному комитету и что он не примет никаких мер к посылке войск в Петербург, так как считает подобную экспедицию

бесцельной и вредной.

Вскоре, по моему вызову, явился сам главнокомандующий. Произошло весьма тяжелое объяснение. Генерал не скрывал, что в его намерения вовсе не входит в чем-нибудь связывать свое будущее с судьбой «обреченного» правительства. Кроме того, он пытался доказать, что в его распоряжении нет никаких войск, которые он бы мог выслать с фронта, и заявил, что не может ручаться за мою личную безопасность в Пскове. Тут же Черемисов сообщил, что он уже отменил свой приказ, ранее данный в соответствии с моим требованием из СПб о посылке войск, в том числе и 3-го конного корпуса.

— Вы видели генерала Краснова^[164], он разделяет ваше мнение? — спросил я его.

— Генерал Краснов с минуты на минуту приедет ко мне из Острова.

— В таком случае, генерал, немедленно направьте его ко мне.

— Слушаюсь.

Генерал ушел, сказав, что идет прямо на заседание Военно — революционного комитета; там окончательно выяснит настроение местных войск и вернется ко мне доложить. Отвратительное впечатление осталось у меня от свидания с этим умным, способным, очень честолюбивым, но совершенно забывшим о своем долге человеком. Значительно позже я узнал, что по выходе от меня генерал не только пошел в заседание Военно — революционного комитета. Он пытался еще по прямому проводу уговорить командующего Западным фронтом генерала Балуюева не оказывать помощи правительству...

Отсутствие Черемисова тянулось бесконечно долго. А между тем каждая минута была дорога, ибо всякое опоздание могло вызвать в СПб событие непоправимое. Было одиннадцатый час ночи. Разве мы в Пскове могли знать тогда, что в это самое время Зимний дворец, где заседало Временное правительство, выдерживал бомбардировку и последние атаки большевиков. Только в первом часу ночи явился наконец генерал Черемисов, чтобы заявить, что никакой помощи он правительству оказать не может. А если, продолжал генерал, я остаюсь при убеждении необходимости сопротивления, то мне нужно немедленно ехать в Могилев, так как здесь, в Пскове, мой арест неизбежен. Говоря о Могилеве, генерал Черемисов, однако, не доложил мне, что начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Духонин^[165] дважды добивался непосредственного разговора со мной и что дважды он ему в этом отказал, не спрашивая меня.

— А Краснов? — спросил я.

— Он был и уже уехал назад в Остров.

— Но позвольте, генерал, я же просил вас прислать Краснова ко мне.

Насколько помню, на это восклицание ответа не последовало. Во всяком случае, я его не помню. Да и не все ли мне равно, что ответил генерал. Его преступное уклонение от исполнения своего долга было очевидно, и я торопился от него отделаться. У меня не было никаких колебаний. Я должен вернуться в СПб, хотя бы с одним полком. Обсудив вместе с генералом Барановским^[166] и моими молодыми спутниками создавшееся положение, я решил немедленно ехать в штаб — квартиру 3-го конного казачьего корпуса в Остров, а если там ничего не выйдет, продолжать путь в Ставку в Могилев. В ожидании автомобиля я прилег отдохнуть. В ночной тишине, казалось, слышен был стремительный бег секунд, и сознание, что каждый потерянный миг толкал все в пропасть, было прямо невыносимо. Никогда еще так не ненавидел я этот бессмысленный бег времени все вперед, все вперед... Вдруг звонок у парадной двери. Краснов со своим начальником штаба. Желает сейчас же меня видеть. В зале меня дожидались оба офицера. Оказывается, получив от генерала Черемисова моим именем приказ, отменявший начатое движение на СПб, генерал Краснов в подлинности этого приказа усомнился и вместо

отъезда в Остров стал тут же ночью разыскивать меня. «А я, генерал, только что должен был уехать к вам в Остров, рассчитывая на ваш корпус и предполагая, несмотря ни на какие препятствия, идти на СПб».

Было решено, что мы сейчас вместе выезжаем в Остров, с тем чтобы в то же утро с наличными силами двинуться к столице. Здесь, чтобы легче понять все последующие роковые события, нужно на минуту остановиться и вспомнить прошлое 3-го конного корпуса, с которым судьбе угодно было связать последнюю попытку Временного правительства спасти государство от большевистского разгрома. 3-й конный корпус был тот самый знаменитый корпус, который во главе с Дикой дивизией под командой генерала Крымова был брошен генералом Корниловым 25 августа против Временного правительства. После «неудачи» деморализованные части этого корпуса были разбросаны по всему Северному фронту. Вот почему вместо «корпуса» я нашел в Острове лишь несколько полков. С другой стороны, самое участие в Корниловском походе сильно понизило дух корпуса, разрушило в значительной степени воинскую дисциплину и поселило глубокое недоверие к офицерству в строевом казачестве. Офицеры же, в свою очередь, никак не могли примириться с крахом корниловского начинания и ненавидели всех его противников, в особенности, конечно, меня... Сам генерал Краснов держал себя в сношении со мной с большой, но корректной сдержанностью. Он был, вообще, все время очень, как говорится, себе на уме. Однако у меня сразу создалось впечатление, что он лично готов все сделать для подавления большевистского мятежа.

Поздней ночью мы выехали в Остров. На рассвете были там. Данный по корпусу приказ об отмене похода, в свою очередь, был отменен. Поход на Петербург — объявлен. Мы не знали тогда, что правительство, на помощь которому мы спешили, уже во власти большевиков, а сами министры сидят в Петропавловской крепости. Но мы воочию наблюдали, с какой стремительной быстротой петербургские события отзывались на фронте, разрушая дисциплину и едва налаженный после Корнилова порядок. Не успели мы въехать в Остров, как стали уже кругом поговаривать о том, что местный гарнизон решил прибегнуть к силе, дабы не выпустить казаков из города. Действительно, присутствуя утром по просьбе генерала Краснова на собрании гарнизонных и казачьих делегатов, я сам мог убедиться, что каждый лишний час промедления в городе делал самое выступление корпуса из Острова все более гадательным. Постепенно вокруг самого здания штаба 3-го корпуса скапливалась, все разрастаясь, солдатская толпа, возбужденная и частью вооруженная.

Наконец около десяти часов утра с вокзала сообщили, что воинские поезда готовы к погрузке. Наши автомобили пошли к станции, конвоируемые казаками, напутствуемые ревом и угрозами разнузданной солдатчины. На вокзале новые серьезнейшие затруднения. Псков под разными предлогами, чтобы парализовать наше начинание, не давал пути нашим поездам. Только мое личное присутствие среди войск в конце концов помогло устранить препятствие. С большим опозданием поезда, груженные эшелонами 3-го конного корпуса, двинулись в путь. Вся «боевая мощь» корпуса сводилась к 500–600 казакам и к нескольким пушкам. С этими «силами» мы решились, однако, во что бы то ни стало пробить себе дорогу к СПб, не ожидая никаких подкреплений и нигде не останавливаясь. Теперь я думаю, что это была ошибка непоправимая. Если бы в то утро, 26 октября, я уже знал о захвате 1 большевиками Временного правительства, я, наверное, не остановился бы на этом слишком рискованном плане. Основной его недостаток заключался в том, что, пробивая себе с казаками путь 1 через все препятствия, мы оставляли за собой все опасные пункты в руках враждебных правительству сил и теряли всякую связь с тылом, откуда нужно было подтягивать подкрепления. Только к вечеру этого дня в поезде под Лугой мы получили первое известие о захвате Зимнего дворца. Специальный курьер привез мне эту новость от генерала Барановского, который, в свою очередь, получил

сообщение по прямому проводу с телеграфной станции Зимнего дворца от одного из офицеров военного кабинета. Казалось бы, известие о катастрофе пришло из безукоризненного источника... Но, как это в жизни часто встречается, самое достоверное показалось невероятным, а сам гонец из Пскова — подозрительным.

Ведь у нас в поезде офицер, покинувший Петербург утром 26 октября. По его словам, в это время правительство еще оборонялось во дворце, а в городе силы сопротивления против большевиков увеличивались. Сопоставляя это показание «очевидца» с содержанием привезенной из Пскова телеграммы, невольно напрашивалась мысль, что трагическое известие было сфабриковано большевистским агентом для того, чтобы вызвать смятение и деморализацию в рядах правительственных сил. И как бы ни было трудно, почти безнадежно положение СПб., еще утром 25-го, в час нашего отъезда, нам все-таки представлялось невероятным, что большевики к двум часам утра на 26-е могли уже сделаться хозяевами дворца и штаба.

27-го на рассвете наш отряд приблизился к Гатчине, которая к этому времени была уже официально во власти большевиков, во власти местного Военно — революционного комитета. Город был переполнен различными большевистскими войсками: местной пехотой, артиллерией, матросами из Кронштадта, блиндированными автомобилями из Петербурга и т. д. Несмотря на подавляющее численное превосходство «врага», было решено город занять немедленно. Войска были выгружены, и военные операции начались. Эти операции быстро и блестяще закончились. Почти без выстрела и, насколько помню, без всяких жертв Гатчина была занята правительственными «войсками». «Революционные» же войска удирали во все стороны или сдавались со всеми своими ружьями, пулеметами, ручными гранатами и т. п. При поспешном отступлении даже один блиндированный автомобиль оказался просто брошенным своей командой... Около 4 часов дня я снова вместе со всеми своими спутниками входил в квартиру коменданта, которую менее двух суток тому назад так вовремя и так счастливо покинул.

Приготавливая дальнейшие военные операции, я, конечно, не взял на себя военно — технического руководства и назначил генерала Краснова командующим всеми вооруженными силами С. — Петербургского района. В этой области, полагал я, на мне будет лежать обязанность всемерно поддерживать генерала Краснова, особенно в тех случаях, где его личного авторитета будет недостаточно. Первым неременным условием дальнейшего успеха нашего отряда было срочное появление с фронта подкреплений, в частности пехоты. С первой минуты появления в Гатчине я стал посылать во все стороны телеграмму за телеграммой с требованием высылки войск. Отовсюду отвечали, что войска уже высланы или высылаются. По нашим расчетам, основанным на официальных данных, первый эшелон пехоты, во всяком случае, должен был быть в Гатчине к вечеру 27-го. Особенно настоятельная потребность в пехоте была у нас не только потому, что было весьма затруднительно развивать операции с одной только кавалерией и артиллерией. Строевые казаки 3-го корпуса, вспоминая горький опыт Корниловского похода, настойчиво добивались, чтобы рядом с ними сражались не только чужие офицеры, но и солдаты. Дело в том, что наше появление в Гатчине привлекло сюда значительное количество офицеров. Это придавало нашему лагерю довольно своеобразный вид и весьма настораживало казачью массу; настораживало тем более, что им приходилось слышать в этой офицерской толпе разговоры и выражения, действительно достаточно «старорежимные». Я думаю, что именно это выявлявшееся нервное и недоверчивое к офицерству настроение линейных казаков и заставило Краснова с его штабом вести себя с побежденными с гораздо большей снисходительностью, чем, по правде сказать, это следовало. Впрочем, генерал Краснов и в Гатчине, и позже в Царском Селе предпочитал, как правило, прибегать не к силе оружия, а к переговорам, речам и увещаниям. Кроме того, не принималось никаких мер к очищению

занятых городов от большевистских элементов. Пользуясь этим, большевистские агенты всюду проникали, всюду путали, мешали, саботировали; постоянно распускали панические слухи, наконец, проникли в казачьи ряды, где вели ловкую пропаганду против офицерства, выставя и меня «реакционером», «вторым Корниловым» и т. д. За все это положение вещей, конечно, ответственен я сам, но у меня было правило: не вмешиваться в распоряжение лиц, которым я поручил исполнение той или иной задачи.

Как ни были ничтожны наши силы, мы решили в ожидании подкрепления с фронта не останавливать нашего марша на СПб. Прежде всего, мы были убеждены, что первые эшелоны, как я уже говорил, будут в Гатчине вечером 27-го или в крайнем случае на рассвете 28 октября. А затем нужно было использовать до конца то деморализующее впечатление, которое произвело на восставших быстрое появление войск с фронта и захват Гатчины. Ведь никто еще не знал действительного количества штыков и орудий, бывших в нашем распоряжении.

Весь Петербург, дружественный и враждебный, был убежден, что количество «войск Керенского» исчисляется тысячами. Наконец, тактика «быстроты и натиска» диктовалась повелительно общим состоянием страны, и в особенности фронта. Главным козырем большевистской игры был мир, мир немедленный. Захватив в ночь на 26-е здание главного телеграфа СПб и самую в России могущественную Царскосельскую радиостанцию, гг. большевики стали немедленно рассылать по всему фронту свои воззвания о мире, провоцируя утомленных солдат, толкая их на стихийную демобилизацию и бегство домой, на братание и постыдное «замирение» поротно и повзводно. Необходимо было бы попытаться разорвать все связи между с. — петербургскими большевиками и фронтом, остановить поток отравленной пропаганды, растекавшийся повсюду по проводам и приемникам правительственного телеграфа и радио. Через 8—10 дней было бы уже поздно: фронт был бы сорван, и страну затопила бы стихия сорвавшейся с фронта солдатчины. Выхода не было. Надо было безумно рисковать, но действовать.

Кстати, я должен сказать, что установившаяся легенда, что Временное правительство — правительство Февральской Великой революции — исчезло с лица земли среди всеобщего равнодушия, не вполне соответствует истине. В действительности в дни нашего похода на СПб были днями, когда гражданская война вспыхнула и разгорелась по всей стране и на фронте. Героическое восстание юнкеров 29-го в СПб, уличные бои в Москве, Саратове, Харькове и т. д., сражения между верными правительству и восставшими войсковыми частями на фронте — все это достаточно свидетельствует, что мы были не совсем одиноки в нашей последней борьбе за честь, достоинство и самое существование нашей родины.

Упадок духа и малодушие, овладевшее верхами революционных кругов, полное всеобщее почти непонимание рокового смысла развивающихся событий; отсутствие у одних сознания неразрывной связи судьбы самой Февральской революции с судьбой в ее недрах рожденной власти; тайные опасения у других, как бы слишком скорый провал большевиков не послужил к торжеству «реакции», надежды у третьих руками большевиков покончить с ненавистной демократией; наконец, целый вихрь личных интриг и вожделений — все эти процессы разложения на верхах революционной общественности свели на нет все тогдашние попытки предотвратить крах, который, впрочем, быть может, был неизбежен.

II

Итак, обосновавшись с утра 27-го в Гатчине, мы, подсчитав все наши наличные силы и возможные подкрепления, решили на рассвете 28-го начать движение на Царское Село с

расчетом захватить его к полудню этого же дня. Сам генерал Краснов был полон уверенности и бодрости, считал, что подкрепление ему понадобится главным образом лишь после овладения Царским для петербургской операции в тесном смысле этого слова. Настроение казаков в этот день 27-го было тоже вполне удовлетворительно. К рассве — ту 28-го казаки стали выступать из Гатчины, и скоро их полки в полном порядке вытянулись вдоль царскосельского шоссе. В это же утро пришло первое подкрепление: превосходно блиндированный поезд, обильно снабженный пулеметами и скорострельными легкими пушками. Но уже в это утро нас стала сильно беспокоить и волновать та медлительность, с которой продвигались к нам с фронта эшелоны. Эта медлительность становилась прямо странной и загадочной. Позднее мы получили объяснение этой загадочности: с одной стороны, нас «саботировали» некоторые штабы, например, тот же Черемисов; с другой — большевики, железнодорожники и телеграфисты применяли к воинским поездом, шедшим в направлении на Гатчину, итальянскую забастовку. Часа через три после выступления отряда я выехал к нему вдогонку; Я нашел казаков совсем не там, где рассчитывал. К сожалению, отряд продвигался совсем не с той быстротой, с какой предполагалось, и скоро выяснилось окончательно, что казаки ни в каком случае к полудню в Царское Село не успеют...

Следуя раз навсегда принятому правилу не вмешиваться в чисто военные операции, я остановился приблизительно на полдороге между Гатчиной и Царским Селом, у здания метеорологической обсерватории, с вышки которой в бинокль все «поле военных] действий» было как на ладони. Здесь, а может быть, несколько раньше в пути я узнал, что большевики будто бы успели организо! вать под Царским Селом кое — какое сопротивление и что генерал Краснов только после некоторого артиллерийского обстрела атакует город.

Действительно, спустя некоторое время по приезде нашем на обсерваторию мы слышали короткую канонаду. Затем все стихл! Время шло. Тишина нигде не нарушалась. От генерала Краснова никаких известий не поступало. Наконец мне надоело ждать и ничего не делать: я сам поехал к месту сосредоточения правительсп венных войск. Генерал Краснов доложил, что задержка объясняется лучшей, чем он думал, организацией обороны Царского Селя а также слишком ничтожной численностью нашего отряда. В продолжение этого разговора генерал Краснов как!то по — новому держал себя со мной и, между прочим, просил меня не оставаться на поле сражения, как!то не особенно раздельно объясняя мне, что мое присутствие не то мешает операциям, не то волнует офицеров, что!то в этом роде. Все это мне казалось очень странным, не совсем понятным, пока... Пока я не заметил в его окружении несколько слишком хорошо известных мне фигур из Совета Сою!за казачьих войск. Оказалось, что Совет прислал генералу Краснову особую делегацию. Тогда новый тон и новая манера генерала мне стали слишком понятны, еще было в памяти поведение казачьих полков в Петрограде, в ночь на 26-е, их подозрительный нейтралитет — результат агитации этого самого Совета. Появление политиканов и интриганов из Союза казачьих войск в моем отряде сразу почувствовалось и не предвещало ничего хорошего. Мое внимание еще больше насторожилось, когда в обсерватории, куда я вернулся после беседы с генералом Красновым, меня нагнал Савинков.

Савинков — в моем отряде как делегат Совета Союза казачьих войск? Это появление тогда и потом долгое время спустя оставалось для меня совершенной загадкой. Какими путями и средствами Савинков — по его собственному домогательству назначенный мной начальником Петрограда против войск Корнилова, — Савинков, первый в своем воззвании назвавший восставшего генерала изменником, — каким образом он заручился доверием Совета казачьих войск — организации, до конца преданной Корнилову? Ведь все эти Дутовы, Анисимовы и прочие казачьи политиканы^[167] были злейшими врагами Временного правительства, и в особенности моими.

В ту минуту появление в моей маленькой комнатке обсерватории, где я сидел, этого своеобразного «казака» сразу, быстротой молнии осветило мне все новое положение в отряде: я не столько понял, сколько почувствовал, что появление этой «делегации» не пройдет даром для успеха всего предприятия. Я уже не помню всех деталей этого короткого свидания с Савинковым. Помню только, что этот «казак» старался говорить с особо загадочным и трагическим видом; что он особо предостерегающим тоном вопрошал меня, намерен ли я предоставить ему какое-либо официальное при себе положение. Я уклонился от всякого с ним по существу разговора. Мы расстались...

А время шло. Солнце уже склонилось к западу. Я успел еще раз по разным срочным делам съездить в Гатчину, но о решительном «натиске» на Царское Село так и не было ничего слышно. Тогда я снова поехал в отряд, на этот раз с твердым решением вмешаться в самые военные действия. Я уже более не сомневался, что внезапный «паралич», охвативший все части 3-го конного корпуса, происхождения не военно — технического, а чисто политического. Я нашел отряд Краснова уже в самом предместье города, но не заметил ни малейшего намека на военные действия. Напротив, между «осаждавшими» и «осажденными» шли какие-то бесконечные переговоры о добровольном подчинении, о сдаче оружия и т. д. Выяснив на месте положение, я послал генералу Краснову! одно или два (не помню) письменных требования немедленно начать Я военные действия против Царского Села, открыв артиллерийский огонь. Генерал отвечал, что недостаточное количество войск, а так-; же колеблющееся и крайне возбужденное настроение казаков заставляют его избегать всяких решительных мер. Было очевидно что Краснов не торопился. До сих пор я остаюсь в глубочайшем 1 убеждении, что при доброй воле командования, при отсутствии интриг мы заняли бы Царское Село еще утром, на 12 часов раньше, чем это случилось. А это, в свою очередь, дало бы нам возможность! начать следующую операцию на 24 часа раньше, т. е. до разгрома восстания юнкеров. Как будет видно дальше, это сознательное! промедление под Царским Селом было последним роковым ударом для всего нашего похода.

Уже совсем вечером генерал Краснов, так и не начиная бомбардировки, доложил мне, что намерен несколько оттянуть войска назад, отложить занятие Царского Села на завтра. Это было уже слишком. Я ни при каких условиях не мог дать на это свое согласие. Во — первых, я не видел никаких препятствий к немедленному овладению Царским Селом; во — вторых, я считал недопустимым чем-нибудь в наших действиях создать впечатление нашей слабости и неуверенности. Как раз в это время приехавший из СПб комиссар Северного фронта Станкевич^[168] сильно помог мне в моем разногласии с генералом Красновым. Станкевич, сообщая! о положении в столице и, в частности, о состоянии там готовых нас поддержать боевых силах, всячески настаивал на ускорении нашего продвижения к Петербургу. В конце концов было решено немедленно занять Царское Село. Около полуночи, как и следовало ожидать, без всяких затруднений, что называется — «без выстрела» наш отряд вступил в город. С таким же успехом это можно было ожидать ровно на 12 часов раньше.

Поехал я на ночевку в Гатчину с самыми мрачными мыслями. Опыт этого дня не оставлял больше сомнений, что высшее командование отрядом уже во власти всяческих интриг, что мысль о благе государства померкла в умах многих. Скорейшее окружение ядра казачьих войск армейской пехотой, артиллерией и проч. — вот, казалось мне, единственный выход из тупика. Я надеялся твердо в Гатчине найти свежие войска, которые я мог бы сейчас же направить в Царское. В Гатчине я нашел только... телеграммы. Между тем за день нашего отсутствия настроение здесь в низах сильно ухудшилось; особенно под влиянием обнаружившегося на правом фланге (в направлении на Ораниенбаум и Красное Село) и развивавшегося движения большевистских сил; действовали здесь главным образом матросские отряды.

Неопределенность положения, отсутствие точных сведений, масса нелепых слухов создавали в городе, особенно к ночи, крайнюю нервность, готовую в любую минуту превратиться в панику. Как раз в эту ночь на 29-е и в утро следующего дня в СПб разыгралось трагическое кровавое недоразумение. В то время в с. — петербургском гарнизоне, как в полках, так и в специальных войсках, было еще достаточно организованных антибольшевистских элементов, готовых при первом удобном случае с оружием в руках выступить против большевиков. Если к этому добавить военные училища, которые почти все тогда готовились к восстанию, да три казачьих полка, то в СПб оказался бы весьма серьезный антибольшевистский «кулак», который в нужное время мог бы нанести решительный удар в тыл большевистским войскам, занимавшим у Пулкова позиции фронтом к моему отряду. Сверх того, в это время все партийные боевые организации, в особенности партия социалистов — революционеров, были тоже мобилизованы... Однако по случайным, еще недостаточно выясненным обстоятельствам, а также по злой воле предателей, провокаторов все готовые к бою антибольшевистские силы были пущены в действие раньше, чем мы могли их поддержать или, по крайней мере, воспользоваться восстанием в Петербурге для атаки на большевистские войска у Пулкова.

Конечно, если бы мы были вовремя осведомлены о событиях в столице, мы немедленно бросились бы на помощь, как бы врасплох ни застало нас известие о восстании. Весь ужас положения заключался в том, что не только спровоцированное восстание вспыхнуло преждевременно, но о нем мы в Царском Селе весь день ничего не знали. Только около 4 часов дня, когда все уже было кончено, меня вызвали по телефону из Михайловского замка и сообщили о разгроме и о том, что оставшиеся в живых повстанцы умоляют о помощи... Но что я мог теперь сделать? Как мог СПб восставать без всякой связи с нами? Этот вопрос приводил меня в отчаяние.

Поздно вечером в Гатчину приехали из СПб некоторые из моих политических друзей и привезли с собой страшный ответ на этот мучивший меня вопрос. Оказывается, по плану заговорщиков восстание должно было вспыхнуть в нужный момент в полном соответствии с ходом военных действий нашего отряда. В заседании военного совета, происходившем вечером 28 октября, никакой резолюции о немедленном восстании принято не было. Я Это произошло позже, когда заседание кончилось и большая! часть участников его разошлась. В этот момент в помещении заседания совета явилось несколько военных с крайне тревожным;! но едва ли верным известием. Большевики, узнав о готовящихся событиях, решили с утра 29-го приступить к разоружению всех военных училищ; больше поэтому медлить нельзя, завтра же нужно рисковать... И действительно, утром началась канонада, происхождение и смысл которой сначала оставались совершенно непонятными большинству гражданских и военных руководителей антибольшевистского движения в СПб. Провокация вполне достигла своей цели. Антибольшевистские боевые силы были вовремя! и наголову разбиты в столице. Наш отряд не мог больше ни на что! рассчитывать в СПб. Зато большевистские войска, стоявшие прот тив нас, сильно ободрились.

Не могу не подчеркнуть поведение во время этого несчастного восстания 29-го тех казачьих полков, которые, дав лично мне торжественное обещание исполнить свой долг, так всю ночь на 26 октября и «седлали своих коней». Эти полки остались верны себе! Несмотря на предварительные переговоры, несмотря на все ужасы, творившиеся на улицах СПб, когда юнкера и штатские расстреливались и топились сотнями, несмотря на все это, казаки остались «нейтральными». Старик Н. В. Чайковский^[169] вместе с Авксентьевым ездили в казармы умолять казаков о помощи. Все было тщетно. По рассказам участников восстания, полковник Полков» ников и ему подобные остались верны своей тактике: руками большевиков разбить Временное правительство и ненавистную демократию, а затем создать сильную диктаторскую

власть.

Но вернемся к Царскому. Весь день 29-го прошел здесь в подготовке к бою, который должен был начаться на рассвете 30-я в понедельник. Фронт большевиков проходил по высотам Пулкова. На правом фланге у них было Красное Село; отсюда они могли предпринять обходное движение на Гатчину. По донесениям рая ведчиков, против нас было сосредоточено не менее 12–15 тыся! войск всякого рода оружия. Пулковские высоты были зашпй кронштадтскими матросами, как оказалось, прекрасно вышколенными германскими инструкторами. Но мы располагали не+ сколькими сотнями (600–700) казаков, превосходной, но мало численной артиллерией, одним блиндированным поездом с полком пехоты, подоспевшим из Луги. Немного. Правда, мы имели еще целые груды телеграмм, извещавших нас о приближении эшелонов. Около 50 воинских поездов, преодолевая всякие препятствия, пробивались к Гатчине с разных фронтов. Но ждать и медлить было уже невозможно. Большевистское командование лихорадочно накапливало силы и вот — вот могло перейти в наступление... Ранним утром 30 октября началось сражение под Пулковом. В общем, оно развивалось для нас благоприятно. Большая часть большевистских войск (с. — петербургского гарнизона) бросала свои позиции и как только начинался обстрел нашей артиллерии, и при малейшем натиске казаков. Но правый фланг большевиков держался крепко. Здесь дрались кронштадтские матросы с германскими инструкторами. В рапорте, поданном мне вечером этого дня генералом Красновым, прямо говорилось, что матросы сражались по всем правилам немецкой тактики и что среди них взяты были в плен люди, не говорившие ни слова по — русски или говорившие с немецким акцентом. Бой под Пулковом закончился к вечеру для нас успешно. Но этот успех нельзя было ни использовать (преследованием), ни закрепить благодаря ничтожности наших сил. Генерал Краснов «в полном порядке» отошел к Гатчине; около 8 часов вечера Краснов со штабом и в сопровождении своих утомленных и возбужденных полков въезжал в ворота Гатчинского дворца.

Вероятно, с точки зрения военной этот маневр был вполне объясним и резонен. Но в напряженной, колеблющейся политической обстановке того времени отход вызвал полное разложение в рядах правительственного отряда. Это было началом конца.

Прежде чем описывать эти последние 36 часов нашей агонии, вернусь к настроениям в отряде, пока он был в Царском Селе. Тогда понятнее будет психология последних гатчинских событий. К несчастью, все отрицательные стороны нашего гатчинского быта в Царском развернулись пышным цветом. С одной стороны, горсть наших казаков прямо растаяла в местной гарнизонной массе. Никаких мер охраны, изоляции, хотя бы внешнего порядка принято не было. Всюду — в аллеях парка, на улицах, у ворот казарм — шли митинги, собирались кучки, шныряли агитаторы, «обрабатывавшие» наших «станичников». Как и раньше, «гвоздем» пропаганды было сравнение моего похода с корниловским. «Опять, товарищи, вас, как при царе и при Корнилове, хотят заставить избивать крестьян и рабочих, чтобы вернуть всю власть помещикам, буржуям и генералам». Строевые казаки не оставались равнодушными к этой демагогии и смотрели в сторону свое — го начальства все сумрачнее. А в это время само начальство — от! самых верхов штаба до последнего хорунжего, все почти без исключения, забыв о своих прямых обязанностях, все определеннее! отдались политиканству. Приезжие и местные «непримиримые! корниловцы» стали совсем открыто «работать» среди офицерства, 1 сея смуту, разжигая ненависть к Временному правительству, требуя! расправы со мной. Сам Краснов стал все решительнее сбрасыватьмаску своей «лояльности». Так, когда в ответ на протянутую (по моему обычаю здороваться со всеми одинаково) руку молоденький «адъютант», сопровождавший Савинкова, ответил мне, что не может здороваться с «предателем Корнилова», то генерал Краснов покрыл «геройский поступок» этого юнца, дав ему возможность!

немедленно скрыться из-под ареста. Одним словом, в атмосфере! интриги ясно чувствовались признаки измены... Мое присутствие в отряде почиталось в штабе вредным для «успеха боя» и т. д. Мешать успеху я отнюдь не желал; отказаться от борьбы с большевиками не мог, не имел права. Бездействовать в Гатчине тоже было не 1 особенно привлекательно, а главное — бесполезно. Так думал я, подводя итоги своего пребывания в Царском Селе в ночь на 30 октября, и решил: немедленно выехать навстречу приближавшимся эшелонам. Я надеялся личным присутствием также протолкнуть! их к Царскому, как я протолкнул мимо Пскова казачий корпус, и доставить Краснову пехоту еще не слишком поздно. Насколько 5 помню, рано утром 30 октября я послал записку о своем отъезде в Царское генералу Краснову. Велико было мое удивление, когда немного погодя ко мне явилась делегация Совета казачьих войск, в том числе и г Савинков. Явившиеся заявили мне от имени всего отряда, что мой отъезд крайне нежелателен, что он может плохо отозваться на психологии линейных казаков и, следовательно, отразиться на исходе боя; что, наконец, казаки пришли сюда со мной § и судьба наша теперь должна быть одинаковой. В ответ я объяснил V гг. делегатам цель моей поездки и особенно подчеркнул, что считал поездку возможной только потому, что вчерашнее поведение Краснова и его штаба создали во мне убеждение, что я здесь сейчас! совершенно лишний. Если же это не так, заявил я, если мой отъезд! может отозваться на успехе борьбы, то я, конечно, остаюсь, но зато надеюсь, что казаки со своей стороны до конца останутся вместе с Временным правительством. Свидание кончилось. Я остался в Гатчине, а вечером, как я уже писал, вернулся сюда весь отряд, В самой Гатчине еще задолго до появления казаков сведения об «отступлении войск Керенского» распространились с быстротой молнии, вызвав панику у одних, удвоив энергию и дерзость у других. Вечером, перед возвращением Краснова, ко мне из СПб явилась депутация от так называемого «Викжеля» (Всероссийский исполнительный комитет союза железнодорожных служащих) с наглым ультиматумом: вступить с большевиками в мирные переговоры под угрозой железнодорожной забастовки. Был поставлен срок для ответа в несколько часов, какой — точно не помню. Произошла бурная сцена. Особенно возмутительно было участие в этой кампании умереннейшего и аккуратнейшего петербургского адвоката Виктора де Плансона. Это предательство «Викжеля» делало наше положение прямо трагическим, ибо железнодорожная забастовка, ничем не отражаясь на состоянии вооруженных сил большевиков (уже сосредоточившихся в СПб с резервом на Балтику), отрезала бы нас от всех фронтов и от всех идущих подкреплений.

Как бы там ни было, но времени больше терять было нельзя. Надо было спешно организовать охрану Гатчины на случай возможного теперь внезапного удара со стороны Красного Села и Ораниенбаума. Сделать это, однако, было почти невозможно, несмотря на сосредоточение в городе огромного количества офицеров: все они предпочитали проводить время во дворце, в помещениях штаба, обсуждая положение, споря, а главное — все и всех критикуя. Местный комендант совсем растерялся, и каждый кругом делал, что и как хотел. Когда генерал Краснов пришел ко мне, я в разговоре сообщил ему об ультиматуме «Викжеля»; предупредил, что эта история еще будет иметь продолжение, и спросил его мнение. По словам генерала выходило, что при настоящих условиях для выигрыша времени лучше, пожалуй, начать переговоры о перемирии; это несколько успокоит казаков, все с большей настороженностью посматривающих на свое начальство, и даст возможность дожидаться подкреплений.

Эти подкрепления, эта пехота сделались для казаков просто какой-то «притчей во языцех». Напрасно им показывали груды телеграмм о продвижении эшелонов, напрасно доказывали, что это продвижение действительно происходит и что ждать остается уже недолго. Напрасно. Казаки все внимательнее прислушивались к речам агитаторов, все меньше доверяли нашим словам и бумагам, все более и более проявляли ожесточения и недоверия к офицерству.

В этот же вечер 30 октября, воспользовавшись новым приездом ко мне моих друзей из СПб, я на «всякий случай» передал им письмо на имя Авксентьева, которым я вручал председателю Совета Республики права и обязанности министра — председателя и предлагал немедленно пополнить состав Временного правительства.

Я считал необходимым написать это письмо, чтобы сохранить формально бесспорной преемственность верховной власти, полученной Временным правительством из рук последнего законного представителя павшей династии. Не успел я покончить с этим делом, как пришли сообщить, что собрание офицеров, находящихся в Гатчине, желает настоятельно, чтобы бывший управляющий Военным министерством Савинков был назначен начальником обороны города; что они ему доверяют и сейчас же приступят к организации защиты. Савинков был мной назначен, что вызвало, конечно, «взрыв негодования» против меня слева и было в эту же ночь использовано большевиками как новое доказательство моей «контрреволюционности».

Только поздней ночью я наконец остался один в компании с моими двумя юными адъютантами, верными мне до конца. Теперь можно было подумать о своей собственной судьбе, которая не представлялась нам особенно загадочной. Один из моих адъютантов недавно стал отцом семейства. После больших трудов мне удалось убедить его покинуть меня при первом удобном случае, который скоро и представился. Зато другой — девятнадцатилетний юнец, не расстававшийся со мной с первого дня революции, — не поддался никаким увещаниям; с ним мы заключили братский союз идти вместе навстречу всем случайностям. В это время мы уже чувствовали, что идем быстро к неизбежному...

Утром 31 октября я созвал военный совет. Присутствовали: генерал Краснов, его начальник штаба полковник Попов, помощник командующего войсками С. — Петербургского военного округа# капитан Кузьмин^[170], начальник обороны Гатчины Савинков, комиссар Северного фронта Станкевич и кто-то еще из корпусного штаба. Открыв заседание, я дал краткий политический обзор событий, насколько, конечно, они были мне известны; затем предложил начальнику штаба осветить военное положение и сообщить о передвижениях войск. После этого я поставил совету вопрос, следует ли принять предложение о переговорах о перемирии или категорически отвергнуть и продолжать борьбу. Мнения были поданы по старшинству, начиная с младшего. Только два мнения Савинкова и мое — были поданы за безусловный отказ от переговоров. Все военные без исключения были единодушны: для выигрыша времени нужно сейчас же начать переговоры, иначе нельзя ручаться за спокойствие казаков. Итак, мнение большинства — ясно и очевидно. Как ни было мне это отвратительно и трудно, — другого выхода не было, нужно было выиграть время переговорами. Кроме того, невозможно было допустить, чтобы Краснов и его штаб могли сказать казакам: мы были за мир, но Керенский приказал драться. Я утвердил мнение большинства, и военный совет приступил к обсуждению самой техники переговоров. Было решено, что Станкевич объездом поедет в СПб, чтобы там передать «Комитету спасения Родины и Революции» мои условия перемирия. К сожалению, я не могу вспомнить текст этого документа, копии которого у меня не могло сохраниться; во всяком случае, эти условия не были приемлемы для большевиков, которые после нашего отхода из Царского Села, вероятно, мало сомневались в своей победе... Два из моих условий я не забыл: во — первых, большевики должны были немедленно сложить оружие и подчиниться обновленному Всенародному Временному правительству; во- вторых, состав и программа этого правительства должны были быть установлены по соглашению существующего Временного правительства с представителями всех политических партий и «Комитетом спасения Родины и Революции».

Около четырех часов дня комиссар Станкевич выехал в СПб, а генерал Краснов к этому же времени соорганизовал делегацию для командирования ее в Красное Село с целью заключения

немедленного перемирия на фронте впредь до выяснения результатов поручения Станкевича. Парламентеры уезжали в штаб — квартиру большевистских войск лишь вечером; это были исключительно казаки, так как помощник командующего войсками С. — Петербургского военного округа капитан Кузьмин, несмотря на настояние генерала Краснова, категорически отказался войти в состав мирной делегации.

Еще раньше, в середине дня, вскоре после окончания военного совета, ко мне явился Савинков с бумагой в руках. Я думал, его приход связан с каким-нибудь срочным вопросом по обороне Гатчины. Я ошибся. В бумаге значилось, что предьявитель сего Борис Савинков командирован министром — председателем и Верховным главнокомандующим Керенским в его Ставку для ускорения высылки подкреплений к Гатчине. «Подпишите эту бумагу, Александр Федорович, я хочу ехать». «Хотите ехать? Поезжайте», — ответил я, отдавая подписанную мной бумагу, хотя поездка его в Ставку была совершенно бессмысленна, хотя здесь он бросал огромной ответственности поручение, которое только что принял и ничего еще не сделал. Смысл его отъезда был ясен нам обоим, и какие-либо объяснения по этому поводу излишни. Мудрая предусмотрительность Савинкова лишь подчеркивала атмосферу, которой я был окружен. Только чудо могло спасти положение. Но даже неминуемая грозная опасность не объединяла, не возбуждала энергии и инициативы; напротив, она как-то окончательно раалагала, отравляла все кругом. На первый план в сознании огромного большинства выступал вопрос о личном самосохранении. Казаки все с большим ожесточением посматривали на своих начальников, видя в них виновников своей гибели; офицеры, чувствуя себя все более неудобно под враждебными взглядами большевистской солдатни и своих собственных станичников, — офицеры все чаще задумывались над вопросом, какой ценой они, в случае падения Гатчины, могли бы купить у большевиков жизнь. Казаки, так и не видя обещанной пехоты с фронта, искренно считали себя обманутыми. Офицеры не считали более нужным скрывать свою ненависть ко мне, чувствуя, что я уже не смогу защитить их от ярости толпы.

Так началась ночь на 1 ноября. Никаких сведений от парламентариев «с фронта». Никаких известий из СПб. В полутемных и мрачных бесконечных коридорах старого Павловского дворца толпятся настороженные, обозленные люди. В отравленном страхом воздухе носятся самые невероятные, чудовищные слухи. Начинается повсюду шепот: если казаки выдадут добровольно Керенского, они свободно вернутся к себе домой, на тихий Дон... Соблазн слишком велик. Мысль о предательстве овладевает умами и незаметно превращается в действительность. Долгая осенняя ночь никогда не кончится. Минуты кажутся часами. А крысы бегут с тонущего корабля. В моих комнатах, вчера еще переполненных, ни души. Тишина и покой смерти царствует вокруг. Мы одни. Нас очень немного, неразлучных эти месяцы, связанных общим жребием. Ничто не мешает нам теперь в тишине и покое подумать о грядущем... Уже было светло, когда, уничтожив все бумаги и письма, которые нельзя было оставить в «чужих руках», я прилег на постель и задремал с единственной мыслью: придут ли утром эшелоны?

Около 10 часов утра меня внезапно будят. Совершенно неожиданное известие: казаки — парламентарии вернулись с матросской делегацией во главе с Дыбенко. Основное условие матросов — безусловная выдача Керенского в распоряжение большевистских властей. Казаки готовы принять это условие.

Сообщение было достаточно неожиданное. До последней минуты, несмотря на все подозрительные симптомы и мрачные предчувствия, мы не допускали такой низости. Но факт был налицо.

Оставалось одно: вывести на свежую воду самого Краснова и его штаб. Оставалось выяснить: замешаны ли они сами в предательстве? Посылаю тотчас же за генералом. Приходит — корректный, слишком спокойный. Я спрашиваю: известно ли ему, что происходит сейчас

внизу? Прошу объяснить: как он мог допустить присутствие матросов в самом дворце? Как он мог даже не предупредить, не осведомить меня об этом? Краснов с чрезвычайной длительностью стал разъяснять, что это совещание с матросами никакой особой важности не имеет; что он пристально следит через верных людей за всем там происходящим; что он считает даже эти переговоры событием чрезвычайно для нас благоприятным. Пусть их там говорят, рассуждал он, день пройдет в разговорах, вопросах, а к вечеру положение разъяснится; придет пехота, и мы переменим тон. А что касается моей выдачи, то ничего подобного он никогда не примет. Я могу быть совершенно спокойным. Но ему кажется, что, может, было бы полезно, если бы я сам лично, конечно, с хорошим эскортом — он его даст — поехал в Петроград непосредственно договориться с партиями и даже со Смольным. Да, это предприятие очень рискованное, но не следует ли на него решиться во имя спасения государства... Так рассуждал в моем присутствии генерал Краснов. Это было мое последнее свидание с генералом. Нервность, сменившая наружное спокойствие первых минут, бегающие глаза, странная улыбка — все это не оставляло никаких сомнений. Торг о цене моей головы, происходящий внизу, не был вовсе так безобиден, как мне только что старались его изобразить.

Генерал ушел. Я рассказал всю правду тем, кто еще оставался со мной. Как быть? Все мои отношения с 3-м конным корпусом порваны самими казаками. Было бы просто безрассудным считать себя связанным с теми, кто уже изменил. Но выхода не было. Никаких мер личной охраны я не принимал. Никаких подготовительных действий на случай выезда из Гатчины не делал. Для вооруженной борьбы нас было слишком мало — меньше десятка. Уйти из дворца невозможно — построенное Павлом I^[171] в виде замкнутого прямоугольника здание имело только один выход, уже занятый смешанным караулом из казаков и матросов. Пока мы рассуждали, как выйти из этого тупика, как выскочить из этой ловушки, явился один из высших служащих дворца с предложением помощи. По своим служебным обязанностям он знает тайный, никому не известный подземный ход, который выходит в парк за стенами этого дворца — крепости, но, чтобы пройти к этому тайнику, нужно ждать сумерек. Что же? Если до того времени ничего не случится, мы уйдем из западни этим таинственным путем. Ну а если... Я прошу моих спутников не терять времени и спастись поодиночке сейчас же, кто как может.

Что же касается меня лично и моего юного адъютанта, который и в этот час решительно отказался покинуть меня, то свою судьбу мы разрешили очень просто. Мы остаемся здесь в этих: комнатах, но живыми предателям не сдадимся.

Вот и все. Пока ворвавшаяся банда матросов с казаками будет искать нас в первых комнатах, мы успеем покончить свои расчеты с жизнью, запершись в самой дальней. Тогда, утром 1 ноября 1917 года, это решение казалось таким простым, логичным и неизбежным.. Время шло. Мы ждали. Внизу торговались. Вдруг в третьем часу дня вбегает тот самый солдат, который утром принес нам весть о Дыбенко. На нем лица не было. Торг состоялся, объявил он. Казаки купили свою свободу и право с оружием в руках вернуться домой всего только за одну человеческую голову. Для исполнения принятого решения, т. е. для моего ареста и выдачи большевикам, вчерашние враги по — дружески выбрали смешанную комиссию. Каждую минуту матросы и казаки могли ворваться....

Какова была роль в этом деле самого Краснова?

В архиве Ставки Верховного главнокомандующего должен храниться краткий и красноречивый ответ на этот вопрос. 1 ноября генерал Духонин получил от Краснова телеграмму: «Приказал арестовать главковерха; он успел скрыться»^[172]. Те, кто видел тогда генерала Духонина, рассказывают, что он, получив эту телеграмму, был уверен в том, что приказ об аресте был вызван моим намерением сговориться с большевиками...

Соглашение казаков с матросами, казалось, решало вопрос окончательно и делало мое

положение безвыходным. Но... случилось поистине чудо.

Я не считаю еще себя вправе подробно рассказать мой уход из Гатчинского дворца. Большевики еще у власти — люди еще живы...

Я ушел из дворца за 10 минут до того, как предатели ворвались в мои комнаты. Я ушел, не зная еще за минуту, что пойду. Пошел нелепо переодетый под носом у врагов и предателей. Я еще шел по улицам Гатчины, когда началось преследование. Шел вместе с теми, кто меня спас, но кого я никогда раньше не знал и видел в первый раз в жизни. В эти минуты они проявили выдержку, смелость и самоотвержение незабываемые.

Мои спутники, оставшиеся во дворце, все спаслись. Одни просто в суматохе, другие вечером потайным ходом — все ушли благополучно из слишком гостеприимного дворца...

Когда на автомобиле я мчался по шоссе к Луге, оттуда к Гатчине подходили поезда с долгожданной нами пехотой... Судьба умеет иногда хорошо шутить.

Так блестяще была выполнена первая часть хитро задуманного стратегического плана «патриотической» реакции. Руками большевиков Временное правительство свергнуто и ненавистный человек больше не у власти. Оставалось осуществить вторую, главную часть — в три недели справиться с большевиками и установить в России здоровую, национальную, а главное — сильную власть... Эти три недели тянутся слишком долго.

Февраль и Октябрь

Как¹то в газете «Воля России»^[173], одним из редакторов которой я состоял, в «порядке дискуссии», т. е. для свободного обсуждения, появился ряд статей, сначала Моисеева — «Об экономической политике демократической России», а потом В. Чернова — «Проект экономической программы» с соответствующими объяснениями. Работы обоих авторов ставили перед читателем ряд самых сложных и спорных вопросов, связанных с разрешением основной для всего будущего России и труднейшей задачи — экономического возрождения страны после падения большевиков. По поводу этих очерков В. В. Руднев поместил в № 5 «Современных записок» особую статью^[174], где, подробно останавливаясь на доводах обоих названных авторов, изложил ряд своих суждений на ту же тему, суждений, не всегда совпадающих, а иногда и совсем расходящихся с мнениями как Моисеева, так и В. Чернова.

В ответ на эту статью в № 12–13 центрального органа партии социалистов — революционеров «Революционной России» появилась статья редактора этого журнала В. М. Чернова «Стихия революции и политические трезвенники». Возражая В. Рудневу, автор выходит далеко за пределы первоначального спора, переходя от экономики к политике и делая некоторые весьма интересные исторические замечания. Тройная, если можно так выразиться, официальность этой статьи — во — первых, помещенной в официальном органе партии, во — вторых, написанной его редактором и, в — третьих, написанной не только редактором, но лицом, в то же время состоящим одним из представителей ЦК партии социалистов — революционеров за границей, — придает ей особую значимость и значительность. Все суждения, исторические справки и политические выводы этой статьи должны быть, по — видимому, восприняты читателем не как весьма интересные, но частные суждения автора, а как официальные мнения целой партии. Так, по крайней мере, думает сам автор, который в заключение своей острой полемики с группой «Современных записок» прямо пишет следующее: «Мы — варвары друг для друга. Мы давно уже подозревали это. Группа “Современных записок», взяв на себя инициативу открытия полемического огня по нашим позициям, справедливость этих подозрений подтвердила. Напрасно только полагает т. Руднев, что разделяющая нас

пропасть показывает лишь, “насколько широки расхождения отдельных эсэров внутри партии”. Он не замедлит убедиться, что партия наша гораздо менее пестра и винегретна и, при всех частных нюансах, гораздо более идейно сплочена и едина, чем ему кажется. У партии есть, у партии давно выработался единый общий язык, с которым он и его группа никак не могут освоиться. И то, что ему кажется общим правилом, “широким расхождением между отдельными эсерами”, — на деле является исключением, опасным по своей широте расхождением группы Авксентьева, Руднева и др. со всем основным ядром действующей в России партии социалистов — революционеров. К чему это расхождение приведет — покажет будущее». Я извиняюсь за слишком длинную выдержку, но в ней характерно и показательно каждое слово. Несомненно, по крайней мере, что для самого автора критика его «проекта», хотя бы и опубликованного для свободного обсуждения, является не чем иным, как опасным почином «принятия на себя инициативы открытия полемического огня по нашим позициям», т. е. по позициям всей партии социалистов — революционеров. Несомненно также, что свои «позиции» В. Чернов считает неприступными, а в критике своих мнений видит не расхождение двух формально равноценных суждений, а «опасное исключение», о всех не весьма приятных последствиях которого он довольно недвусмысленно намекает.

Так, благодаря неосторожности В. Руднева, осмелившегося критиковать, как обыкновенную статью, неприкосновенный «проект», вся «группа» его ближайших единомышленников, т. е. все члены редакции «Современных записок», попала в весьма щекотливое и даже опасное положение. Но в своей легкомысленной неосторожности Руднев повинен не один. Повинна в ней и редакция газеты «Воля России», которая, помещая «проект экономической программы», не предпослала ему редакционной оговорки — «критиковать воспрещается». Как бывший редактор «Воли России», я чувствую себя соучастником преступления В. Руднева, чувствую себя как бы невольным его подстрекателем и хочу поэтому солидаризироваться с ним в грядущей ответственности. Вот почему по поводу статьи «Революционной России» «Стихия революции и политические трезвенники» мне бы хотелось кое-что сказать именно на страницах «Современных записок», хотя к редакционной группе «Современных записок» не принадлежу и до сих пор сотрудником этого журнала не числился.

Я бы мог, конечно, сделать попытку послать свои замечания по поводу статьи, меня интересующей, в тот самый орган, где она была напечатана, — в «Революционную Россию». Но, по правде сказать, журнал, где за ласковой игривостью полемики официального автора чувствуется карающая десница всемогущего начальства, меня не привлекает.

Будем лучше говорить не на «общем» с начальством языке, а на своем собственном, не задумываясь над последствиями такой дерзости. Пусть будут последствия! Ибо иначе мы оглянуться не успеем, как во всех еще свободных от большевистского воздействия уголках русской общественности воцарится самый отвратительный из всех когда-либо существовавших и существующих видов террора — террора над свободной мыслью человеческой!

Возрожденный большевиками старый аракеевский клич ^[175] власти — ограниченным разумом подданных мыслить воспрещается — стал и так уже все глубже проникать во всю толщу русской общественности, стал превращаться в «бытовое явление» нашего политического обихода... В условиях советского или эмигрантского быта, одинаково до крайности затрудняющих всякое общение, русские люди — одни лишенные непосредственных впечатлений родной страны, другие отрезанные от всего зарубежного мира, — русские люди, как будто боясь потонуть в хаосе со всех сторон настигающего их великого Неизвестного, с особой настойчивостью цепляются за все давно знакомое, обиходное в данном кругу, а чаще даже в данном кругу «своих людей». В этих болезненных условиях большевистский цензурный террор производит на общественную психику особенно разрушительное воздействие. В ответ на все

жуткие в своей иступленной жестокости и бессмыслице меры современных Магницких в распыленном, заstraшенном и физическим террором, и бесстыдной демагогией обществ, нарастает другое зло — боязнь новой мысли, нового слова. Как дореволюционное «сектантство» русской интеллигенции усиливалось и слабо вместе с ростом или падением строгостей старой царской цензуры, так ныне это сектантство готово превратиться в изуверное самоистребление по мере того, как цензура, при николаевском режиме лишь кастрировавшая мысль, превращается у большевиков в систематическое уничтожение всякой мысли.

Мыслить воспрещается в коммунистическом государстве! Право на свободное независимое слово объявляется «буржуазным предрассудком». А каждая мысль, высказанная не на жаргоне большевистской казенной прессы, сейчас же демагогически извращается и, снабженная всеми атрибутами «контрреволюционности», швыряется в массу для вящего торжества «коммунистической государственности» и для посрамления эсеровской, меньшевистской и прочей «белогвардейщины».

Вот эта террористическая, сказал бы я, демагогия в особенности и настораживает невольных контрреволюционеров. Загнанные в подполье, лишённые прессы и свободного слова, бессильные бороться с большевистской демагогией тем же орудием, т. е. открытой пропагандой, они невольно ищут спасения в особой отточенности, в особой «стойкости и выдержанности» своих позиций. Количество большевистской лжи они хотят победить безукоризненностью своей правды, безукоризненной белизной своих одежд! Создается особая психология чрезмерной настороженности ко всякому высказыванию, ко всякому выявлению вонне своих настроений, ко всякому громко сказанному слову.

Как бы эта не вовремя и неловко высказанная мысль не сделалась орудием для новой травли, для нового науськивания темной массы на тех, кто во имя спасения этой же массы ведет неравную борьбу с захватчиками государственной власти. Так понемногу растет в антибольшевистской революционной среде взаимная отчужденность между вчера еще близкими, «своими». Так зарождается особая подозрительность, потом враждебность к инакомыслящим в своей же среде; к инакомыслящим, нарушающим своими «личными выступлениями» эту столь необходимую «выдержанность позиций». Бессильные против террористической демагогии ленинских литературных чрезычаек, хранители стихии революции сами невольно начинают пугать, почти терроризировать, *тех* из своей среды, в ком они видят вольных или невольных, но опасных потрясателей партийных основ... И раздается, наконец, грозное предостережение — мы варвары друг для друга!

Варвары друг для друга! Это очень, очень серьезно, почти безнадежно. Тут уже не только отсутствие «общего языка». Друг друга могут не понимать, друг с другом могут не сговориться и люди одного культурного уровня, одной общественной среды. Они просто так разное смотрят на все вокруг происходящее, так различно все оценивают, так по — разному предвидят открывающиеся возможности, что уже больше не спорят, а расходятся по разным дорогам, «иным путем, но все к тому же стремясь». Ну а с «варварами» по разным дорогам безобидно не разойдешься! С ними обязательно повстречаешься на своих путях и перепутьях. Варвары несут с собой угрозу нашим культурным ценностям. Они стремятся разрушить наши храмы и вместо них воздвигнуть свои капища. Варваров не убеждают, с ними не спорят. Им грозят, пока еще не поздно; от них защищаются, если они успевают захватить нас врасплох; отбив нападение, победив, их гонят прочь... Да, варвары — друг для друга — это действительно больно и очень серьезно!

За какие же прегрешения группа «Современных записок» стала варварами для официального журнала той партии, к которой все же члены этой группы принадлежат? Неужели только за то, что один из них осмелился открыть «полемиический огонь по нашим позициям»,

как бы ни были неприступны они сами, как бы ни были неприкосновенны стратеги, их обороняющие?!

Конечно, нет. «Полемический огонь» явился лишь последней каплей, переполнившей чашу терпения. Так и сказано: «Мы давно уже подозревали это» (т. е. что мы варвары). Полемическая инициатива группы лишь «справедливость этих подозрений подтвердила». Действительно, при внимательном чтении всей интересующей нас статьи не трудно не только убедиться в том, что «группа Руднева» давно уже была взята на подозрение, но и легко можно установить, что давность этих подозрений по нынешним временам весьма почтенная: в конце концов, она восходит к 1917 году.

Оказывается, это, еще тогда, в эпоху Февральской революции, 1 «группа лиц, от имени которых может говорить т. Руднев, не раз! занимала связанное с ответственностью положение на политической арене». Оказывается, что тогда уже эта группа проявила недопустимую медлительность («кунктаторство»), чрезмерную «политическую трезвенность, то бишь государственность». Оказывается, это они! То «мудрые кунктаторы» — подтолкнули «вышедшую из; терпения стихию во все тяжкие Октябрьской революции».

Итак, на группу «Современных записок» возлагаются грехи всего народа, т. е. всех нас, кто действовал в дни Великой революции, кто связан с Февралем, от него не отрекается и за него несет всю меру исторической ответственности. К этим, с Февралем связанным, отношусь и я, может быть, даже в большей степени, чем некоторые из группы «Современных записок», и, во всяком случае, несу за события Февральской революции большую, чем они, ответственность. Я не хочу и не могу подражать большинству политических деятелей той незабываемой эпохи. Я не хочу и не могу оставаться в стороне, когда других призывают к ответу за то, в чем я с ними солидарен и чего, по моему мнению, было, к сожалению, проявлено слишком мало в 1917 году.

Да, я говорю об этой самой «то бишь государственности». Говорю о трагической борьбе этой революционной государственности с реакционной большевистской охлократией. Об этой борьбе, которая в 1917 году закончилась видимым торжеством красной реакции, но которая далеко еще не завершилась.

Не завершилась! А поэтому необходимо с крайней осторожностью судить о всех уже заключенных стадиях этой борьбы, ибо поспешно высказанные суждения о прошлом могут подтолкнуть на неправильный путь в настоящем, могут подсказать ошибочные планы на будущее. Во всяком случае в этом вопросе совершенно исключительной важности — о факторах и о лицах, содействовавших или препятствовавших краху Февральской революции, — в этом вопросе не может быть сейчас никакой догмы, никакой общеобязательной, хотя бы в пределах одной партии, точки зрения.

Может быть, лучше было бы во имя неотложных потребностей и задач сегодняшнего дня этого колючего вопроса вовсе не подымать! Но раз он уже поставлен и даже не столько поставлен, сколько уже предрешен и определенная точка зрения предложена к руководству в официальном органе партии, — то, каковы бы ни были последствия расхождения «с единым общим языком», молчать нельзя.

Нужно говорить «напрямик, без изгиба», как хочет того и сама «Революционная Россия»^[177]. Ибо только из открытого и честного столкновения независимых суждений родится та единственная правда, которая поможет нам всем выбраться из болотных топей безвременья на широкую столбовую дорогу новых дерзаний и нового творчества!

Итак, в чем, по мнению «Революционной России», смертный грех «группы лиц, от имени которой может говорить т. Руднев, не раз занимавший связанное с ответственностью на политической арене положение». Прежде всего — «в течение всего периода от марта до октября 1917 г. она выступала сторонницей коалиции “во что бы то ни стало”. Когда отпочкование от

партии левых эсеров (какое мягкое выражение для тройных предателей — Родины, революции и партии!) временно нарушило партийное равновесие... эта группа — уже после корниловской авантюры и демократического совещания — заставила партию еще раз пойти на капитуляцию перед требованиями конституционных демократов и “принять” все те перетасовки во Временном правительстве и его программе»...

Тут все, поистине, творимая легенда! Во — первых, нужно устранить всякое недоразумение с «этой группой». Никакой такой группы, от имени которой, как целого, имел бы право говорить Руднев или какой-либо другой член редакции «Современных записок» и которая непрерывно существовала бы от времен мартовской революции до нынешних дней, — такой группы в природе никогда не было. В нынешней, так называемой, на партийном условном языке, «правой» группе «Современных записок» сошлись и сидят рядом люди, не всегда так близко друг к другу сидевшие в 1917 году. Достаточно напомнить, что здесь рядом с М. В. Вишняком^[178], постоянным сотрудником и одно время редактором «Дела народа», сидит А. И. Гуковский^[179], принадлежавший к редакционной группе «Воли народа», почти никогда и ни в чем не сходившейся с партийным центром. Остальные же члены редакции «Современных записок», хотя, правда, и принадлежали в общем и целом к одному и тому же уклону партийного центра, но все-таки никогда не действовали в 1917 году как данная, доньше сохранившая свое индивидуальное существование группа. Можно было бы, пожалуй, назвать кое-какие имена членов партии социалистов — революционеров, ныне сидящих в Бутырках и причисляемых, несомненно, к современному «основному ядру» партии, но которые в 1917 году, может быть, в большей степени, чем некоторые члены «группы т. Руднева», повинны в том, в чем обвиняется «эта группа».

Одним словом, чтобы найти ответчиков за «ошибки» 1917 года, ошибки если не всей партии, то, во всяком случае, законного ее большинства, и задним числом придать этому большинству 1917 года образ и подобие партийного «сплоченного ядра» образца 1921 года, центральному органу партии пришлось создать фикцию. Если же эту фикцию устранить, то окажется, как это и было на самом деле, что в 1917 году со времени вступления представителей Совета во Временное правительство (конец апреля) и до корниловского заговора совершенно законное и значительное большинство партии социалистов — революционеров одобряло участие своих членов в правительственной коалиции, и не потому, что «во что бы то ни стало» жаждало коалиции, а просто потому, что, совершенно правильно оценивая положение страны, не считало возможным возложить всю ответственность за управление государством и за ведение войны исключительно на одни лишь советские и социалистические элементы.

Я отлично помню, как на июньском Всероссийском съезде Советов на мой прямой вопрос — готовы ли присутствующие в этом собрании представители революционной демократии взять на себя всю ответственность? — зал ответил гробовым молчанием. Только кто-то из большевиков, сидевший рядом с Лениным, при молчаливом одобрении последнего явственно сказал: «Мы возьмем». И я помню, что слышавшие эту фразу отнеслись к ней как к не особенно остроумной шутке со стороны «безответственной оппозиции».

Но я помню еще другое и гораздо более важное! Помню то, что совершенно опровергает утверждение «Революционной России», что «именно эта группа заставила партию еще раз пойти на капитуляцию перед требованиями конституционных демократов», т. е. еще раз заставила послать своих представителей в коалиционный, на этот раз последний, состав Временного правительства. Это последнее изменение в составе Временного правительства происходило во время Демократического совещания после подавления Корниловского восстания. Здесь не время и не место говорить по существу об этой несчастной затее. Достаточно лишь напомнить, что неизбежным следствием этого восстания генералов против

верховой власти было разложение армии, возвращение фронта к анархии апрельских дней и полное исчезновение доверия к правительственной власти в широких народных массах. Прикосновенность почти всего высшего командного состава и виднейших представителей буржуазии к корниловскому заговору делала положение еще более безвыходным.

Отдав себе во всем этом отчет и убедившись к тому же на Демократическом совещании в весьма неопределенном и неустойчивом состоянии вождей советского большинства, я явился в заседание Бюро этого совещания, происходившее с участием ответственных представителей всех соответствующих групп и партий до большевиков включительно, и сделал здесь после изложения внутреннего, международного и военного положения страны приблизительно следующее заявление: «Если окажутся лица, которые возьмут на себя образование однородного правительства, я ручаюсь, что со стороны Временного правительства никаких препятствий не последует. Предупредите меня о решении своевременно, и власть будет передана новому составу правительства без всяких потрясений во имя спасения страны от новых внутренних столкновений, которых она больше не выдержит». После этого заявления я тотчас уехал. В тот же день мне сообщили, что в составе присутствовавших в заседании Бюро не оказалось ни партий, ни групп, ни лиц, которые согласились бы взять на себя ответственность за формирование однородного правительства.

Вся история участия социалистических партий в правительстве Февральской революции вкратце может быть изложена так: сначала (до сентября) социалисты не хотели или не считали себя вправе одни без буржуазных элементов взять на себя всю формальную ответственность за судьбу государства; потом многие из них захотели, но это оказалось невозможным, ибо, отрываясь от радикальной буржуазии, советские и социалистические группы и партии не могли рассчитывать на коалицию с контрреволюцией слева — с большевиками. Об этом отказе большевиков еще в сентябре участвовать вместе с социалистами в «едином революционном фронте», в «однородном социалистическом правительстве», об этом капитальном факте, оказавшем решающее влияние на колеблющихся участников Демократического совещания, «Революционная Россия» и забывает сказать, возлагая всю ответственность за последнюю якобы капитуляцию эсеров на фиктивную, не существовавшую тогда группу товарища Руднева.

Оторвавшись от тех слоев буржуазии и несоветской демократии, которые так или иначе шли с революцией и ее правительством, имея вне своего единого фронта возродившихся после Корнилова большевиков, — какую силу представляли бы в стране эсеровские и меньшевистские элементы? Весьма малую! В чем они и убедились впоследствии и что тогда, в сентябре, они если не сознавали, то, во всяком случае, уже чувствовали. Хорошо чувствовали, что, подталкивая их к разрыву с традицией революционной власти — с ее всенародностью, — большевики стремились только к ослаблению, к распылению революционных организованных сил, так же как к этому стремились, с другой стороны, все военные и невоенные заговорщики, добиваясь еще с июля месяца выхода кадетов из Временного правительства. Задача большевиков-стратегов была слишком ясна — облегчить себе захват власти, на который они уже решились, распыляя революционные силы, пользуясь однородным социалистическим правительством как трамплином.

Ошибка сентябрьской тактики вождей советской демократии, а в том числе и членов партии социалистов — революционеров, заключалась, по — моему, не в воображаемой капитуляции перед кадетами, ибо таковой не могло быть уже по одному только тому, что представители либеральной буржуазии по своим тактическим соображениям вовсе не стремились препятствовать формированию однородного социалистического правительства. Повторяю, ошибка была не в капитуляции. Ошибка, если можно так назвать неизбежность, заключалась в том, что, поддавшись, под влиянием корниловского заговора, новому припадку

навязчивой идеи о грядущей контрреволюции справа, вожди советской демократии, заключив в сентябре фактическое перемирие с большевиками, открыли свой тыл опаснейшим и злейшим своим врагам. Сбылось еще майское наше с Церетели предсказание: «Контрреволюция в России придет через левые двери!»

Да, в заключение Демократического совещания большинство социалистов — революционеров голосовало за сохранение своей связи с правительством революции, за дальнейшее участие в управлении государством. Но что же иное могло оно сделать в той обстановке — умыть руки?! Отойти в сторону и безучастно наблюдать за дальнейшим развитием трагедии? Нет, такого Пилатова выхода партии не дано! Она всегда действует, всегда говорит!

Таким образом, самые беглые воспоминания об участии партии социалистов — революционеров в правительственной коалиции 1917 года с несомненностью показывают, что эту политику партия вела не по капризу, не по злой воле отдельных лиц или групп, а потому, что в ту эпоху так складывались взаимоотношения революционных и реакционных сил, что ответственное большинство партии иначе, как поступало, поступить не могло. Более того. Углубленный анализ обстоятельств, заставивших партию социалистов — революционеров, как и меньшевиков, остаться после Корниловского восстания в составе Временного правительства, непременно привел бы нас к весьма и сейчас злободневным размышлениям — не таится ли источник многих пережитых нами великих испытаний и несчастий в чрезмерной нашей терпимости ко всему, что носит левое обличье? Было бы величайшим для России несчастием, если опять, как в 1917 году, мы вовремя не опознаем под личиной революционной левизны самое обычное реакционное нутро!..

Но возвращаясь к теме. Сурово осудив в лице изобретенной ad hoc группы коалиционную политику всей партии социалистов-революционеров в 1917 году, возложив на эту же группу ответственность опять-таки за общее грехопадение — интервенцию (к сожалению, я не могу на этом эпизоде останавливаться), «Революционная Россия» выдвигает против группы еще одно и, по — моему, самое тяжкое обвинение. «О мудрые кунктаторы! Не так ли кунктаторствовали вы в России от февраля по октябрь 1917 года, не так ли топтались вы и вокруг реорганизации армии и вокруг мирной политики и вокруг земельного вопроса, безнадежно “зацепившись за пень” коалиции с кадетами, пока не налетала на вас, не “отцепила” и не “набила потылицу” вышедшая из терпения стихия, ударившаяся — не без вашей вины — во все тяжкие Октябрьской революции».

Это уже настоящий, правда, весьма краткий, но и весьма содержательный обвинительный акт всей государственной политики Февральской революции. Даже больше — это, конечно, невольное, но оправдание — да, да, оправдание — «революции Октябрьской». Что было с марта до октября? Вместо революционного дерзания — безнадежное топтание на поводу у кадетов, т. е., на жаргоне советской России, — у самой подлинной реакции. Ну а если это верно, если это ныне вынужден признать официальный орган, тогда одной из правительственных партий, то совершенно естественно было возмущение подлинной революционной стихии, и тогда октябрьский контрреволюционный переворот превращается в подлинную народную революцию!

На секунду допустим, что обвинение в топтании на месте — в кунктаторстве — справедливо. Допустим; но кто же такие кунктаторы? Кто эти «вы», к которым с такой горечью обращается автор только что приведенной цитаты? Несомненно, что пятеро членов редакции «Современных записок» застопорить всю правительственную машину не могли, если бы даже хотели. Очевидно, что здесь имеется в виду кто-то другой или, точнее сказать, еще кто-то другой. Но кто же? Топтались везде: и в армии, и в аграрном вопросе, и в вопросе о войне и мире. Можно сказать, все государство топталось на месте, зацепившись за кадетский пень. Саботировать революцию, выражаясь на модном ныне языке, в таком грандиозном масштабе не

под силу было, конечно, не только отдельным группам, но даже и отдельным партиям, в особенности при коалиции. Такой саботаж под силу был только правительству. У него в партиях могли быть сообщники, подстрекатели, укрыватели, но самую процедуру топтания могла исполнить со всем соответствующим ритуалом только Власть. «Вы — о, мудрые кунктаторы» — это Временное правительство. Другого адресата быть не может!

Правительство несет ответственность за свое топтание и те лица, кто в него входил, если необходимо искать личной ответственности. Кто же в этом смысле «ответственен» из членов группы «Современных записок»? Просматривая их список, вижу одного только Н. Д. Авксентьева. Да и тот был министром внутренних дел всего менее двух месяцев! Но зато сам! То обвинитель В. М. Чернов был членом Временного правительства целых четыре месяца, т. е. половину всего времени его существования. И я смею свидетельствовать, что за все время своего пребывания в правительстве министр земледелия ни разу по всем общим и принципиальным вопросам не оставался при особом мнении, ни разу не расходился с его большинством. А следовательно, за преступное топтание Временного правительства на месте В. М. Чернов несет в рядах партии социалистов — революционеров наибольшую после меня, пробывшего в составе Временного правительства все восемь месяцев, ответственность.

Итак, «вы» — это мы! В особенности мы — ибо у одного была в руках армия, у другого земля. И оба требовали от фронта «активных действий во имя мира», т. е. наступления.

Но остановимся подробнее на трех смертных грехах нашего топтания — армии, земле, мире.

«Не так ли топтались вы (мы?) вокруг реорганизации армии?». Т. е. в каком смысле нужно понимать эту реорганизацию армии? Если в смысле ее «революционного раскрепощения», то разве редакторам «Революционной России» неизвестно то, что признал в своей книге даже генерал Деникин? Разве им неизвестно, что русская армия была без остатка «раскрепощена», т. е. дезорганизована, еще в управление Гучкова при благожелательном содействии генерала Поливанова^[180] и прочих «старорежимников»?

Конечно, не такую, с позволения сказать, реорганизацию имеет в виду «Революционная Россия», обвиняя нас в медлительности. Дело идет, очевидно, о той медлительности, которую нам действительно приходилось проявлять в сизифовой работе укрепления дисциплины в армии и восстановления в ней нормальных отношений между начальниками и подчиненными. Я помню, с какой энергией высказывались все члены Временного правительства, а в том числе и министр земледелия, против «революционных эксцессов» в армии. Я помню, с какой горечью в душе, но единогласно голосовало *все* Временное правительство за закон о восстановлении смертной казни на фронте после прорыва у Тарнополя! Я все это помню и поэтому вполне понимаю, что медлительность Военного министерства в работе его по освобождению армии от гучковского раскрепощения до сих пор вызывает у В. Чернова, как вообще у всех русских патриотов, законное раздражение и огорчение.

В этой медленности восстановления дисциплины в армии Военное министерство повинно, но для смягчения нашей ответственности не вспомнит ли строгий обвинитель, какие препоны приходилось преодолевать нам при этой реорганизации. Не вспомнит ли он, с какой нечеловеческой энергией и самоотвержением приходилось комиссарам военного министра (почти исключительно эсерам и меньшевикам) на фронте и в тылу вырывать армию из! под гипноза большевистской и неприятельской демагогии? Не вспомнит ли он, что даже в своей собственной среде мы иногда были бессильны против отражения этой демагогии?

«Не так ли топтались вы (мы?) вокруг земельного вопроса?» — ставится «политическим трезвенникам, то бишь государственным», второе обвинение. Вот здесь мое положение, нужно сознаться, довольно щекотливое: приходится защищать земельную политику Министерства

земледелия от упреков, высказанных по его адресу самым долгосрочным из всех министров земледелия эпохи Февральской революции... Не касаясь пока конкретной деятельности отдельных, сменявших друг друга министров земледелия и их роли в ускорении или замедлении подготовки величайшей земельной реформы, поставленной в очередь дня Временным правительством в самые первые дни революции, — не касаясь пока всего этого, я лучше приведу здесь один мой разговор с Е. К. Брешко — Брешковской, как раз об этой самой земельной политике Временного правительства. Разговор этот происходил еще весной 1918 года в Москве. Бабушка была очень мной недовольна; недовольна тем, что я сам не «давил» на ускорение работ по земельной реформе, что «подчинялся» партиям в выборе руководителей этого сложнейшего дела, почему в эти руководители иногда попадали люди недостаточно подготовленные к административной и практической работе. «Вот взял бы вовремя, — говорила она, — знающих, дельных людей, хоть бы того же Х. Он бы за шесть то месяцев много наделал. С такими людьми успел бы вовремя землю поделить. Все крестьянство успокоилось бы и за правительство бы горой стояло. Смелее надо было действовать...» «Ну, помилуйте, бабушка, — отвечал я, — какое значение имели все эти крупные промахи и всяческие технические недочеты — неумение составить деловой законопроект, незнание местных условий и т. д.?! Все это ведь были частности! Грандиозная земельная реформа, небывалая еще в истории человечества и подлежащая осуществлению на всем безграничном просторе Российского государства, не могла быть осуществлена не только в шесть месяцев, но и в шесть лет. Всякая поспешность, всякое нервничанье под давлением разожженных демагогией appetitов привели бы лишь к такому земельному хаосу, в котором потом десятки лет нельзя было бы разобраться».

Большевики красноречиво подтвердили своей земельной политикой достаточную обоснованность моих опасений. Как их «перемирия поротно» превратились в бесконечную цепь внешних и гражданских войн, так и их «стихийная социализация» земли превратилась в подлинную земельную анархию, из которой все увереннее выглядывает теперь крепкий столыпинский мужичок- кулачок. Я не спорю, много было ненужных промедлений в текущей деятельности Временного правительства при осуществлении земельной реформы, но «топтания» все-таки не было, ибо коренной земельный переворот был предрешен Временным правительством и к осуществлению его мы приближались неуклонно.

«Не так ли топтались вы (мы?) и вокруг мирной политики?» — предъявляется нам следующий вопрос. Да, топтались в том смысле, что на сепаратный мир не шли! А вот большевики пошли — что же, из этого вышел мир? В чем же, собственно, выразилось наше топтание? Ну, допустим, что Временное правительство действительно топталось, потому что находилось безнадежно в руках «западных капиталистов, империалистов» и пр. и пр.... А Советы? Разве от знаменитого воззвания «К народам всего мира» от 14 марта они не пришли в мае через испытание Стохода^[181] к сознанию, что только в усилении боеспособности страны, что только в активных действиях на фронте ключ к скорейшему достижению всеобщего мира? Разве из встреч с приезжавшими тогда в Петербург иностранными социалистами лидеры русской демократии не убедились в том, что не в «буржуазных правительствах» только найдут они упорных противников своей слишком стремительной, слишком отвлеченной, слишком идеалистической для практичного Запада мирной политики? Ведь тогда, в эпоху 1916–1917 годов, не только бессовестный перевертень Кашен^[182], вернувшись из Италии, где добивался от социалистов участия в войне, требовал у Бриана^[183] с трибуны парламента отрицательного ответа на знаменитое воззвание «о мире без победителей» Вильсона, а затем поехал в Россию выплакивать на наших жилетах продолжение войны до «победоносного конца». Нет, тогда (да и потом до самого конца) самые непримиримые и честные социалисты — пацифисты твердо

стояли на позиции национальной обороны. «Во время войны никто еще не подымал голоса против национальной обороны, — пишет безупречный левый, член Венского объединения Прессман. — Все представители меньшинства были в этом согласны. Подтверждение их верности принципу национальной обороны вы найдете во всех их статьях, речах и резолюциях конгрессов. Даже те, кого звали тогда киевлянами, не расходились в этом вопросе с остальными. Все — от Бризона, который в Циммервальде боролся с точкой зрения большевиков, до Рафэн — Дюженя, который публично заявлял, что он подал бы свой голос, если бы только этого голоса не хватало для проведения в палате военных кредитов. То же самое я установил соответствующими фактами по отношению к Суварину^[184], и, конечно, все согласится со мной, что это еще легче было бы сделать по отношению к Фроссару^[185], нынешнему Генеральному секретарю французской коммунистической партии»^[186]. К этому списку я бы от себя мог добавить Жана Лонге, которого наблюдал на сентябрьской междусоюзнической социалистической конференции 1918 года, когда он обращался к знаменитому своей «реакционностью» Гомперсу со словами, далеко не соответствовавшими белоснежности «интернационалистических» одежд, в которые он облекся после перемирия.

Так было тогда, во время войны, во Франции. Так было в Англии, Германии, Италии, не говоря уже о растерзанной Бельгии. Надо смотреть правде прямо в глаза. Тех, кого в России принимали тогда за выразителей истинных мнений международного революционного пролетариата, в действительности представляли мнения ничтожнейших меньшинств среди меньшинства социалистической оппозиции Запада. Война в Европе была не войной правительств, а борьбой народов, борьбой не на живот, а на смерть. Там пролетарские массы чувствовали, а их вожди сознавали, что «международная солидарность рабочих в защите их общих интересов против капитализма, как пишет тот же Прессман, не исключает, однако, чувства солидарности между людьми одной и той же нации, когда их общие интересы и права подвергаются опасности извне»^[187].

Во всей Европе среди великих государств не было страны, право которой на оборону не было бы более оправданно, чем России, ибо, как еще в 1915 году доказал будущий сотрудник большевиков Н. Н. Суханов^[188], наша Родина не имела никаких агрессивных капиталистических целей в мировой войне. Мы не могли бросить ружья, не предавая Родины, не изменяя революции!

И, несмотря на Тарнопольский прорыв, несмотря на июльское большевистское восстание, несмотря на корниловский заговор, на весь развал тыла, Февральская революция победила бы своих противников в вопросе о мире, а следовательно, победила бы во всем остальном! Австрия не выдержала — она должна была во что бы то ни стало выйти из боя. За ней последовала бы Болгария. К октябрю Австрия решила вступить с нами в переговоры о мире. Мы были у якоря спасения!.. Но решение Вены стало известно Берлину. И пока австрийское предложение шло к Временному правительству, во имя «мира» в спешном порядке вспыхнула так называемая Октябрьская революция. Началось восстание, сорвавшее «мирную политику» мартовской революции накануне ее торжества! Началось восстание, бросившее растерзанную Россию в хаос кровавых смут и внешних войн. Началось восстание, продлившее мировую бойню еще на долгие месяцы...

Да, армия, земля, мир — это были поистине три нечеловеческие задачи, которые должна была разрешить Февральская революция, но она должна была их разрешить, обороняя страну от жесточайших ударов закованного в броню всей современной техники врага и защищая едва родившуюся свободу от безумного натиска внутренней анархии, шкурничества и измен!

Да, эта тройная задача — восстановление в три дня распавшегося государственного

аппарата, революционного преобразования всего политического и социального уклада страны и борьба за внешнюю независимость Родины — эта задача оказалась свыше сил едва освободившегося и переутомленного трехлетней войной народа. Но разве эту жуткую трагедию целой нации можно объяснить, можно понять, слагая всю ответственность на горсть «кунктаторов» и сводя все к какому-то анекдоту о чудаках, «зацепившихся за пень» столь ненавистной ныне коалиции?

Повторяю, бесконечно много было всевозможных ошибок, промахов в деятельности всех тех, кого судьба толкнула тогда в самую гущу революции. Этих ошибок и не могло не быть. Они всегда бывают в начале всякой революции, в начале всякого нового периода государственной жизни, ибо новым людям в неожиданных условиях приходится, создавая свое новое, расплачиваться за столетия чужих грехов, платить за чужие протори и убытки!

Но ведь нужно же, наконец, на расстоянии пятилетия, отделяющего нас от величайшего мига русской истории, нужно же, наконец, из-за деревьев всех этих переходящих мелочей увидеть самый-то лес — самую суть исторической драмы, закончившейся временной победой демагогической реакции над революцией — единственной, ибо никакой новой революции в октябре не было. Нужно же, наконец, понять, что не в медлительности «политических трезвенников», т. е. революционных государственников, нужно искать причину того, что «вышедшая из терпения стихия» ударилась во все тяжкие Октябрьской революции. Я утверждаю, пока этого не доказывая (впрочем, так же утверждает, не доказывая свои положения, «Революционная Россия»), — я утверждаю, что Февральская революция не только не медлила в своем стремлении удовлетворить революционное нетерпение масс, но что она в этом своем стремлении подошла к самому краю пропасти. В той исторической обстановке, в условиях военного времени, больше дать государство, хотя бы сто раз революционное, никаким массам не могло. Мы были на пределе, за чертой которого был уже хаос, закруживший в огненной пляске Россию после Октября. Ту стихию, которая кинулась во все тяжкие большевистской реакции, не могли удовлетворить никакие другие уступки, кроме тех щедрых даров, которыми влекли их за собой ленинские демагоги — агитаторы: похабный мир, бесстыдный грабеж и безграничный произвол над жизнью и смертью всякого, кого угодно будет темной толпе назвать «буржуем».

Неужели же теперь, когда сама трезвеющая стихия все больше и больше сознает, как обманули ее, надругались над ней большевики, разбудив в ней зверя; неужели и теперь, когда в самых темных низах все чаще вспоминают о 1917 году и к Февралю возвращаются разум и совесть народная, — неужели теперь мы сами начнем повторять эти, навсегда ушедшие в небытие, ударные лозунги из большевистских листов лет 1917 года: а почему землю не делят, почему мира не заключают, зачем вместо свободы «декларацию солдатского бесправия» объявляют и т. п.

Еще раз, трагедия 1917 года не в государственности революции, а в том, что в урагане военного лихолетья в один мутный поток смешались две стихии — стихия революции, которой мы служили, и стихия разложения и шкурничества, на которой играли большевики вместе с неприятельскими агентами. Величайшее несчастье заключалось в том, что, издавна привыкнув с первого взгляда опознавать обычную реакцию в «мундире», генерала на «белом коне», многие вожди революции и сама их армия не смогли вовремя распознать своего самого опасного, упорного и безжалостного врага — контрреволюцию, перерядившуюся в рабочую блузу, в солдатскую шинель, в матросскую куртку. Привыкли ненавидеть представителей «старого мира», но не сумели со всей страстью революционеров вовремя возненавидеть гнуснейших разрушителей государства, бессовестных поработителей трудящихся! Привыкнув долгие десятилетия видеть государство олицетворенным в царском жандарме, стыдились, под напором анархической демагогии, своей революционной государственности, стыдились поддерживать

авторитет своей Власти, пока не оказались в государственных тюрьмах под высокой рукой воскресших жандармов — чрезвычайщиков!

И вот теперь, когда с совершенной ясностью вскрылся весь дьявольский обман большевистской «революционности» и ленинской «коммунистической» государственности, когда вместо дымящихся головешек октябрьской реакции нужно снова зажигать маяки свободы и права, труда и социальной справедливости, жертвенной любви к Родине и государственности; когда пришло время звать народ к этим маякам Февраля, — теперь эти маяки хотят загасить в братоубийственной распре, возлагая на измышленных «кунктаторов» все «ошибки» целой эпохи и оправдывая невольно их медленностью большевистских «скачек в неизвестное».

Опять берут слово «государственности» в иронические кавычки, забывая, что уже и так горькую чашу невыносимых страданий и испытаний выпила Россия за эти проклятые кавычки!

Зачем же все это делается? Зачем понадобилось искать козлов отпущения за собственные прегрешения, за ошибки всей революции? Оказывается, это нужно потому, что старые грехи 1917 года мешают сейчас «созданию единого революционного фронта». Не надо забывать, говорит «Революционная Россия», что тяжелой гирей на центристских элементах социализма доселе висят их ошибки в прошлом, их кунктаторство, их топтание на одном месте, вынужденное связью с правым крылом — связью, которой трудно было избежать ввиду бешеного натиска безумных элементов слева. Эти ошибки нужно еще загладить.

Прежде всего, о каких «центристских элементах социализма» идет здесь речь? Очевидно, только о русских, ибо небезызвестно, что «центристские элементы» Запада медленно, но верно отходят от своих недавних большевистских увлечений, стремятся сбросить с себя «тяжелую гирю» именно этих «ошибок» и все смелее выходят к линии английской «Labour Party».

Перед кем же русские «центристские элементы социализма» должны загладить свои ошибки в прошлом? Перед всей страной за недостаточную энергию в отстаивании в прошлом новой государственности от натиска «варваров» слева? Нет, ибо тогда не было бы обвинения в трезвости, в кунктаторстве. Перед крестьянством, которое лютою ненавистью ненавидит все и вся, что напоминает коммуниста? Нет, ибо, во — первых, все эти ошибки центристских элементов для него темная вода «во облацах небесных», а во — вторых, «по отношению к распыленной, рассеянной, атомистически- бессвязной деревенской Руси» руководящую роль будет «по — прежнему играть город». А в городе, конечно, пролетариат «самый сплоченный и отзывчивый элемент населения».

Задача и заключается в том, чтобы «загладить ошибки», очистившись от всех этих «правых элементов», от всех политических трезвенников, то бишь государственников, — «вести самую упорную идейную борьбу с большевиками за сердца и умы»... всех рабочих, скажете вы? Нет! Сама пролетарская масса «дезорганизована», но зато в ней есть небольшой процент «упрямых энтузиастов». Эти энтузиасты — «самые энергичные волевые, действенные элементы, задающие тон всем остальным». Эти энтузиасты «не дрогнули... они неизменно становятся в первых рядах красных бойцов за существующий режим». И пока это так, «сплошь и ря — дом не будет подниматься рука на этот режим у многих таких элементов массы, которые всем своим существом и всей логикой положения влекутся на борьбу против него».

Вот этих-то «красных бойцов» необходимо во что бы то ни стало увлечь прочь от большевиков в стане очистившихся от всякой скверны «центристских элементов социализма». Для них нужно зажечь «новые маяки яркие и ослепительные, а не дымящиеся головешки» старых наших лозунгов. Но какие новые маяки ослепительнее большевистских призывов осени 1917 года можно изобрести? Что можно еще обещать «несбыточнее», «огненнее», «революционнее»? Ничего.

Поистине, такая цель — овладеть умами этих верных Ленину «красных бойцов» —

бессмысленные мечтания! Есть две категории этих бойцов. Одни — бескорыстные идейные коммунисты, настоящие фанатики пролетарской диктатуры в ее нынешнем виде, верящие в новое социалистическое Царствие Божие, уже осуществленное Лениным на земле. Эти — погибли на боевых постах, сгорят на кострах, но «от писания» не откажутся. В этих обреченных последняя ставка московских диктаторов, с которыми они и погибли, если, конечно, вовремя не предадут. Никакие чужие маяки, хотя бы яркие, как звезды небесные, таких «бойцов» никуда не увлекут.

Есть еще другие — просто властолюбивые, честолюбивые, первобытные классовики, Марковы — Валяй наизнанку. Им плевать на все социализмы, вместе взятые, но им нравится быть «господами жизни». Им нравится, когда «за пролетарское происхождение» их выпускают на волю за то, за что «бывших буржуев» и простых крестьян расстреливают. Это они комиссарствуют в Красной армии и гонят во славу пролетарской диктатуры на убой мобилизованную «святую скотинку», согнанную с разных концов «распыленной деревенской Руси». Это они вместе с фанатиками коммунистами неистовствуют в чрезвычайках, но только те бескорыстно, а эти и себя не забывают. Это они так же, как в 4-й Государственной думе Замысловские^[189] и Марковы^[190], гогочут при рассказах о пытках и истязаниях в ленинских застенках. Этим тоже никакими новыми маяками не проймешь! Эти первобытные «классовики» такое же зло, такая же проказа для государства, для нации, как и отошедшие в вечность доблестные представители «объединенного дворянства»!

Строить новые маяки для красных бойцов — фанатиков бессмысленно, для Валяй — Марковых от пролетариата — постыдно! А если, как утверждает «Революционная Россия», существование преданных большевистской диктатуре рабочих «держит в сфере притяжения коммунизма многих идейных людей из интеллигенции, в частности из молодежи, которая не может жить без потрясающих утопий...» — то этим идейным интеллигентам и молодым утопистам нужно наконец разъяснить, что следует служить идеям, а не создавать идолов, хотя бы они и назывались «рабочими и работницами»; что нужно быть не с теми рабочими, которые расстреливают и сажают в тюрьмы, а с теми, которые этим операциям подвергаются. Пора этих юношей, гоняющихся за «потрясающими утопиями», вернуть к не менее потрясающей действительности — захлебывающейся в крови, гибнущей среди голода и нищеты, брошенной под палу хищника иностранца страны, которая и для этих юношей все-таки... Родина.

Неужели спасение и освобождение России невозможно, пока не превратятся в эсеров или меньшевиков последние «красные бойцы» Ленина, пока не выйдут вместе с ними «из сферы притяжения коммунизма» последние бородатые и безбородые утописты? Неужели для уловления этих последних могикан обреченного режима нужно перед кем-то заглаживать свои ошибки, приносить в жертву свое единство?! Неужели для них нужно отшвырнуть от себя свое прошлое, всю традицию Великой революции, как дымящиеся головешки, и возжечь новые маяки из перепевов большевистской демагогии?!

Нет, пусть назовут меня «варваром» и трижды предадут отлучению, я останусь у старых маяков, к которым еще вернется Россия.

Побег из Гатчины

31 октября 1917 года генерал Краснов послал казачью делегацию в Красное Село под Петроградом, чтобы они вступили там в переговоры о перемирии с большевиками. Ранним утром 1 ноября делегация казаков вернулась в сопровождении большевистской делегации, которую возглавлял матрос П. Дыбенко. (В 1937 г. Дыбенко был расстрелян одновременно с Тухачевским^[191].) Переговоры казаков с большевиками происходили в нижнем этаже Гатчинского дворца в присутствии генерала Краснова и его начальника штаба полковника Попова.

Я ждал конца этих переговоров в моей квартире на верхнем этаже, как вдруг внезапно ко мне вошли несколько друзей, сообщивших тревожные вести: переговоры почти закончены, казаки согласились выдать меня Дыбенке в обмен на обещание выпустить казаков домой, на Дон, с лошадьми и оружием.

Гатчинский дворец был почти пуст. Оставалась только небольшая группа преданных людей, которые были посредниками и информировали меня о ходе переговоров. Мы знали о полной деморализации казаков и о тайной работе, происходившей вокруг нас. Но нам казалось невероятным, чтобы генерал Краснов или командиры казачьего корпуса унизились до простого предательства.

Около 11 часов утра ко мне пришел генерал Краснов. Если до сих пор у меня были основания подозревать его, то во время разговора с ним эти подозрения превратились в уверенность. Краснов старался уговорить меня поехать в Петроград для переговоров с Лениным. Он убеждал меня, что под охраной казаков я буду в полной безопасности. Он считал, что это единственный выход из создавшегося положения. Я не буду передавать подробностей нашей беседы. Вспоминая теперь прошлое, я понимаю, как трудна была миссия генерала, который, конечно, по природе не был предателем. Около полудня мои «наблюдатели» пришли наверх и сообщили о конечных результатах переговоров. Было решено выдать меня Дыбенке, а казаков пропустить на Дон.

Шум и крики, доносившиеся снизу, усиливались. Я настаивал, чтобы все, кроме моего личного адъютанта Н. В. Виннера, покинули дворец. Виннер и я решили живыми не сдаваться. Мы решили застрелиться в задних комнатах дворца, в то время как казаки и матросы искали бы нас в передних комнатах. Тогда — утром 14 ноября 1917 года — это наше решение было вполне логичным и единственно правильным. Но вот в то время, как уходившие люди попрощались со мной, дверь отворилась и на пороге появились двое мужчин. Одного из них, в штатском, я знал раньше, другой был матрос, которого я никогда не видел. «Поторопитесь, — сказали они, — не дольше чем через полчаса разъяренная толпа будет штурмовать вашу квартиру. Снимайте свою походную форму — скорее!» Через несколько секунд я превратился в матроса довольно нелепого вида: рукава куртки были слишком коротки, а мои коричневые башмаки совсем не гармонировали с обмотками, матросская шапка была слишком мала и торчала на макушке. Маскировка заканчивалась выпуклыми автомобильными очками. Я обнял своего адъютанта, и он вышел через соседнюю комнату.

Гатчинский дворец был построен полубезумным императором Павлом в виде средневекового замка и представлял собой род ловушки. Он был окружен рвами. Единственный выход был через подъемный мост. Одной надеждой на спасение было пройти через вооруженную толпу к автомобилю, который должен был нас ждать на переднем дворе. Матрос и

я пошли к единственной лестнице в коридоре. Мы шли машинально, как бы не сознавая грозившей нам опасности. Наконец, беспрепятственно мы дошли до переднего двора, но автомобиля там не было. В отчаянии мы повернули назад, не говоря друг другу ни слова. Мы выглядели, наверно, очень странно. Люди, толпившиеся у ворот, смотрели на нас с любопытством, но, к счастью, некоторые были на нашей стороне. Один из них подошел к нам и шепнул: «Не теряйте времени! Автомобиль ждет у Китайских ворот». Он предупредил нас вовремя, так как толпа уже двигалась в нашу сторону и мы начали испытывать сильное беспокойство. Но как раз в этот момент молодой офицер с перевязанной раной внезапно «лишился чувств», чем привлек к себе внимание толпы и вызвал смятение. Мы поспешили воспользоваться этим и выбежали со двора на улицу. Там мы пошли прямо к Китайским воротам, выходящим на дорогу к Луге. Здесь мы пошли медленно, громко разговаривая, чтобы не навлечь на себя подозрений.

Мой побег был обнаружен минут тридцать спустя толпой казаков и матросов, ворвавшихся в мою квартиру на верхнем этаже. За нами немедленно во всех направлениях были посланы автомобили, но нам опять повезло. Мы увидели извозчичью пролетку, медленно приближавшуюся к нам вдоль пустынной улицы. Мы позвали извозчика и предложили ему за хорошую плату отвезти нас к Китайским воротам. От изумления он раскрыл рот, когда под конец поездки получил 100 рублей от двух матросов. Здесь нас ждал автомобиль. Я вскочил в машину и занял место рядом с офицером, сидевшим за рулем. Матрос сел на заднее сиденье с четырьмя или пятью солдатами, вооруженными ручными гранатами.

Шоссе на Лугу было великолепное, но мы ежеминутно оглядывались назад, ожидая появления преследователей. В случае погони мы решили использовать все ручные гранаты, лежавшие на заднем сиденье. Несмотря на сильное волнение, шофер казался вполне спокойным, а по временам даже насвистывал веселый мотив Вертинского^[192].

Удача нам сопутствовала и дальше, благодаря чему наши преследователи нас не нагнали. Мой личный шофер, оставшийся в Гатчинском дворце, был предан мне. Он знал, что мы уехали в Лугу, но когда мое исчезновение было обнаружено, он попросил дать ему самый скорый автомобиль, и он догонит «негодяя». Зная, что ему действительно было нетрудно нас догнать, он инсценировал по дороге «аварию».

Наконец мы доехали до леса, заскрипели тормоза. «Выходите, Александр Федорович», — сказал офицер. Мой матрос, которого звали Ваня, пошел со мной. Мы вошли в глубину лесной чащи — вокруг ничего, кроме деревьев. Я недоумевал: что все это значит? «До свидания, Ваня вам все объяснит, а мы должны уезжать». Автомобиль тронулся и быстро исчез. «Видите ли, у моего дяди здесь в лесу есть домик, — пояснил Ваня, — это место спокойное, я сам не был здесь уже года два. Но у них нет никакой прислуги, и все здесь будет хорошо. Давайте рискнем, Александр Федорович».

Мы пошли по заросшей тропинке, ведущей в глубь леса. Мы шли все глубже, окруженные мертвым молчанием, не задумываясь над тем, что нас ждет, когда мы дойдем до домика. Я чувствовал безграничное доверие к тем незнакомым мне людям, которые так легко рисковали своей жизнью, чтобы спасти меня. Иногда Ваня останавливался, чтобы рассмотреть дорогу. Я совершенно потерял счет времени, и наша прогулка начала казаться мне бесконечной. Внезапно мой спутник сказал: «Мы почти дошли». Мы вышли на полянку и увидели перед собой небольшой домик. «Вы пока посидите минутку, а я пойду узнаю, что там делается». Ваня вошел в дом, но быстро вышел обратно и сказал: «Прислуги нет, горничная вчера ушла. Мои дядя и тетя рады вас принять. Пойдемте».

Это было началом моей жизни в лесном убежище, где я провел 40 дней. Болотовы, пожилые супруги, сердечно меня приняли. «Не беспокойтесь! Все будет хорошо!» — утешали они меня. Это убежище под крышей их дома они предложили от чистого сердца и столь великодушно, что никогда даже и намеком не говорили о том, чем они рискуют из-за меня. Конечно, они вполне отдавали себе отчет в той опасности, которой подвергались. 27 октября газета «Известия» опубликовала сообщение под заглавием «Арест бывших министров»: «Коновалов, Кишкин, Терещенко, Малянтович^[193], Никитин^[194] и другие арестованы Революционным комитетом. Керенский скрылся. Все военные организации прилагают все усилия, чтобы в кратчайший срок разыскать его, арестовать и привезти в Петроград. Всякая помощь или поддержка, оказанные Керенскому, будут наказуемы, как государственная измена».

Мои преследователи искали меня повсюду. Но им не приходило в голову, что я скрывался не где-то на Дону или в Сибири, а жил, можно сказать, почти у них под носом, между Гатчиной и Лугой.

Пока что мне не оставалось ничего другого, как лежать и заниматься изменением своей внешности. Я отрастил себе бороду и усы. Борода, к сожалению, мало изменяла мое лицо, так как она отросла аккуратной каймой, оставляя подбородок и всю нижнюю часть лица совершенно открытыми. Все же к концу сорока дней, благодаря очкам и отросшей шапке густых нечесанных волос, мне удалось принять вид студента — нигилиста 60-х годов.

Я никогда не забуду тех долгих ноябрьских ночей. Мы были все время настороже, Ваня совершенно не отходил от меня. У нас было несколько фанат, и мы были готовы использовать их в случае надобности. Днем было все спокойно, и при солнечном освещении прошлое казалось отдаленным и нереальным. Но ночью я снова переживал все случившееся и весь ужас этой пляски дьявола, начавшейся в нашей стране. Все время меня мучил страх, но не так за мою собственную судьбу, как за безопасность моих гостеприимных хозяев. Как только ночной воздух оглашался лаем собак в соседней деревне, мы вскакивали с постелей и выходили на крыльцо, где стояли с ручными гранатами наготове. Иногда, в первые дни моего пребывания в этом гостеприимном домике, среди ночи меня охватывали приступы отчаяния, и я хотел, чтобы мои преследователи пришли и арестовали меня. Тогда я был бы по крайней мере свободен от своих мыслей и тяжелых переживаний.

Постепенно я начал думать, что большевики, по — видимому, потеряли мой след и что близкая опасность миновала. Через Ваню мне удалось установить связь с Петроградом. Я стал получать новости из столицы. Иногда доверенный посланец приходил проведать меня. Я знал, что мой долг бороться и дальше, служа России до конца. В свое время я объездил всю нашу обширную страну и знал, что наш народ, без различия классов, не пойдет добровольно под ярмо диктатуры. Я знал, что ядовитое влияние бесстыдной большевистской пропаганды быстро прекратится в столице, как только Ленин и его сообщники сбросят свою маску демократизма и патриотизма.

Против захвата Лениным власти первыми подняли голос протеста лидеры Совета крестьянских депутатов. Уже 26 октября они выпустили свое воззвание, объявляя революцию в опасности. Этот исторический документ появился в газете социалистов — революционеров «Дело народа», в номере от 28 октября 1917 года.

8 и 9 ноября два верных друга принесли мне петроградские газеты, в том числе «Новую жизнь» Максима Горького от 7 ноября, где Горький резко выступил против Ленина и Троцкого.

Такая же резкая статья была и в «Деле народа». Эти статьи побудили меня написать

открытое письмо от 8 ноября, которое мои верные друзья отвезли в Петроград. Оно было напечатано в газете «Дело народа» в номере от 22 ноября 1917 года.

В эти дни жизнь мне казалась невыносимой. Я предвидел, что в близком будущем Россия испытает самые тяжелые удары.

Капитуляция

18 декабря Крыленко доложил Совету Народных Комиссаров, что русская армия не способна больше сражаться. Германское Верховное командование было, конечно, об этом осведомлено. Между тем в Берлине военная партия непримиримых империалистов, ослепленных идеей мирового господства, выдвинулась на первое место. Умеренный министр иностранных дел фон Кюльман, глава германской делегации на переговорах в Брест — Литовске, открывшихся 9 декабря, был вскоре заменен генералом Максом фон Гофманом.

Когда 2 января 1918 года конференция вновь открылась после продолжительного перерыва, германская делегация настаивала на праве оставить свои войска в Польше, Литве, Белоруссии и Латвии «по стратегическим соображениям».

Общественное мнение в России было ошеломлено. Многие из самых лютых врагов Ленина соглашались сражаться бок о бок с ненавистными им большевиками, когда дело зашло о защите родины. Условия, предложенные немцами, угрожали вызвать раскол даже в рядах компартии. В партийных комитетах больших городов и в Балтийском флоте все громче раздавались протесты и требования прекратить переговоры с немецкими империалистами. Шли толки о возможности революционной войны. Было совершенно ясно, что подобная война приведет к падению Ленина, а с ним и его мечты о превращении России в базу для будущей пролетарской революции на Западе. Ленин понимал, что эти патриотические чувства, возникающие внезапно и охватывающие даже партийных лидеров, должны быть искоренены любой ценой.

Возвращение в Петроград

Под конец моего сидения в лесном домике я был занят одной мыслью: пробраться в Петроград и приехать туда до открытия Учредительного собрания. Я считал, что это моя последняя возможность сказать стране и народу то, что я думаю о положении.

В начале декабря двое саней подъехали к нашему домику. Несколько солдат в меховых шапках вылезли из саней, вооруженные винтовками и ручными гранатами. Это были наши смелые верные друзья, приехавшие, чтобы отвезти нас в потайное лесное место по дороге в Новгород.

Это лесное имение принадлежало З. Беленькому, богатому торговцу лесом. В зимнее время оно было совершенно изолировано от остального мира, и полуразрушенная усадьба была почти погребена под снегом. Сын Беленького служил в гарнизоне в Луге. Он и был организатором моего побега из Гатчины. Теперь он приехал, чтобы забрать меня, как обещал. Мои дорогие хозяева были очень испуганы его большевистским видом, пока он не объяснил им цель своего приезда.

Я переоделся так, чтобы стать похожим на своих спутников. Когда я прощался, моя дорогая хозяйка заплакала и дала мне маленькую иконку, чтоб носить на груди. Эта иконка — моя единственная собственность, которую я вывез из России. Это прощание мне было очень тяжело. Мне нечем было отблагодарить моих хозяев за их доброту. Денег они бы не взяли, а я не был даже в состоянии защитить их от возможных последствий этой их доброты и гостеприимства.

Сын Беленького, я и три или четыре матроса сели в первые сани и двинулись в путь. На вторых, следовавших за нами, ехали еще пять солдат. Никто из встречных не обращал на нас внимания, так как везде тогда было много солдат, дезертировавших с фронта. Мы добрались до нашего места назначения поздно ночью. Была светлая зимняя холодная ночь. Несмотря на угрозы советского правительства всякому, кто окажет мне помощь, эти люди были и очень добры, и даже весело настроены. Своим вниманием ко мне они как бы старались ободрить меня. После недели моей жизни в этой усадьбе Беленький поехал на несколько дней в Петроград и вернулся с предложением нам переехать поближе к столице. Опять мы двинулись на наших санях, вооруженные винтовками и ручными гранатами, распевая солдатские песни, шутя и смеясь.

Но несколько позже вам пришлось пережить неприятное приключение. Когда мы были уже на окраине Новгорода, оказалось, что Беленькому был дан неверный адрес. И дом, к которому мы подъехали, был занят Главным управлением местного Совета. Мы поспешно отъехали, но следующий дом, куда мы приехали, оказался домом для умалишенных. Мы въехали на их территорию и очутились около женского отделения госпиталя. Там же была и квартира директора. Беленький и я вошли туда. Директор, который был предупрежден о моем приезде, принял нас радушно и предложил нам обоим остаться у него. Но Беленький, спешивший вернуться к своим товарищам, вышел, и мы остались с доктором вдвоем. Доктор сразу просил меня быть совершенно спокойным. Когда я спросил его, есть ли какие-нибудь основания для беспокойства, он ответил: «Видите ли, я почти никогда не бываю здесь днем, а дверь на замок никогда не заперта. Иногда сестры или служащие госпиталя входят сюда. Но в вашем нынешнем виде вас никто не узнает. Кроме того, никто из персонала госпиталя не сочувствует большевикам. Это все хорошие люди».

Я оставался в госпитале дней шесть и не испытал никакого беспокойства. У директора была хорошая библиотека, и я получал все газеты. Днем я читал, а по вечерам беседовал с директором. Вскоре мои друзья появились опять и столь же неожиданно, как и в первый раз, чтобы отвезти меня на следующий этап нашего путешествия. Директора не было дома, когда Беленький пришел ко мне, коротко сказав: «Надо ехать. Сани ждут».

— Куда мы теперь едем? — спросил я.

Он засмеялся:

— Мы едем ближе к столице. Вы можете пробыть некоторое время в имении вблизи Бологого.

Было солнечное зимнее утро. Лошади весело бежали рысцей, и сани мягко скользили по крепко укатанному снегу. В полдень мы решили сделать небольшую остановку в каком-нибудь спокойном, уединенном месте. Мы заметили постоялый двор, стоявший на окраине села.

Пожилая женщина провела нас в свою лучшую комнату. Там было тепло и уютно, а над старым диваном, на стене висел мой литографированный портрет. Положение было столь комично, что мы не удержались от смеха. Женщина смотрела на нас с изумлением и явно не имела никакого понятия о моей личности. Когда мы перестали смеяться, она спросила: с какого мы фронта? Она нас превосходно накормила. Но, вернувшись к нашим саням, мы опять начали невольно смеяться. Кто-то сказал:

— Подумайте только, стало быть, она ничего не знает, что происходит. Она же вас не узнала, хотя у вас совсем небольшая борода.

Довезя меня до имения возле Бологого, мои друзья в тот же день уехали. И на обратном пути опять остановились на том же постоялом дворе. Старуха была очень рада им и одного из них шепотом спросила:

— Ну, что, он в безопасности?

— Да, бабушка, — ответил он.

Она перекрестилась.

Имение было очень большое. Дом был окружен густым лесом. Мы остановились перед охотничьим домиком, на полянке, откуда виднелась только крыша главного здания. Домик был из двух маленьких комнат, в одной стояла железная печка и в углу лежала вязанка дров. Кроватей не было, но было много соломы. Мы были благодарны за такую квартиру, как бы примитивна она ни была, вскипятили воду в огромном чайнике и заварили чай. Потом мы постарались устроиться поудобней на куче соломы. На следующий день Беленький пошел в большой дом, чтобы повидать владельцев, которые рассыпались в извинениях. Они ждали нас несколькими днями позже, и потому помещение не было готово. А в большой дом они боялись нас пригласить из-за прислуги и большого числа гостей, приглашенных ими к Рождеству. Но нас окружили заботой и любовью, и мы чувствовали себя совсем как дома. Мне дали пару лыж, и я исходил на них много верст по лесным дорогам. Дни были очень холодные, но кристально чистые и солнечные.

В сочельник, к ужину, наши хозяева прислали нам много всякой еды. А в канун Нового года — мой последний в России — они пригласили нас наконец к себе, устроив так, что вся прислуга в этот день была отпущена.

На следующее утро я должен был ехать в столицу. Беленький сказал, что мы должны прибыть в столицу без всякой задержки. Он также рассказал мне, что вооруженная демонстрация в день открытия Учредительного собрания запрещена Центральными комитетами антибольшевистских социалистических партий и они решили организовать только мирные манифестации поддержки Учредительного собрания.

Положение создалось совершенно нелепое. Лозунг «Вся власть Учредительному собранию» теперь был бессмыслен. Было совершенно ясно, что правильно избранное Учредительное собрание не могло бы сосуществовать рядом с диктатурой, которая отрицала самую идею суверенности народа. Учредительное собрание имело бы смысл только тогда, если бы оно пользовалось поддержкой правительства, которое бы согласилось признать его высшей политической властью. Но уже к концу 1917 года в России не было такого правительства. И лозунг «Вся власть Учредительному собранию» теперь имел только смысл как объединяющий призыв для всех, кто готов был продолжать борьбу с узурпаторами.

По некоторым причинам, которых я в то время не знал, Союз защиты Учредительного собрания не мог вести действенной борьбы. Но даже если это и так, говорил я сам себе, если Учредительному собранию суждено погибнуть, пусть оно выполнит свой долг по отношению к народу и стране, погибнув с достоинством и так, чтобы сохранить живым дух свободы.

План был таков. Я должен был попасть на московский ночной поезд, который останавливался в Бологом в 11 часов ночи. Поезда тогда были переполнены и в большинстве шли без света, особенно вагоны третьего класса. Мне был дан номер вагона, в котором ехали мои сторонники, и я должен был сесть где-нибудь в углу, чтобы быть насколько возможно незаметным. Мы приехали на станцию вовремя и в ожидании поезда, который опоздал, ходили взад и вперед по платформе. У меня все еще была охрана из людей, вооруженных ручными гранатами, но мы уже настолько привыкли к этому странному образу жизни, что почти не принимали никаких предосторожностей и громко говорили между собой. Но вот внезапно один из моей охраны подошел и сказал: «Будьте осторожны, некоторые из железнодорожников с другой стороны наблюдают за вами. Смотрите, они идут к нам». Мы смолкли. Группа железнодорожных рабочих перешла с московской платформы на нашу сторону и шла прямо к нам. Мы были уверены, что все пропало. Но они, почтительно поклонившись, сказали: «Александр Федорович, мы узнали вас по вашему голосу. Не беспокойтесь, мы вас не выдадим».

Таким образом, моя охрана стала двойной. После этого случая все шло гладко. Поезд пришел, и нас втолкнули в предназначенный для нас вагон, где было очень темно. Так, без инцидентов мы приехали в Петроград, где извозчик развез нас по заранее подготовленным адресам.

Учредительное собрание должно было открыться 5 января 1918 года, и казалось, что мой план выполнялся очень хорошо. В течение ближайших трех дней я предполагал побывать в Таврическом дворце, где должно было собраться Учредительное собрание.

2 января Зензинов^[195], член фракции социалистов — революционеров в Учредительном собрании, пришел со мной повидаться. Но наш, сперва очень дружеский, разговор превратился в бурный спор. Я сказал ему, что считаю своим долгом присутствовать на открытии Учредительного собрания. У меня не было входного билета в Таврический дворец, но я надеялся, что с моей измененной внешностью я легко могу пройти по билету какого — ни- будь неизвестного провинциального депутата. Мне нужна была только помощь получить такой билет, и я думал, что мои друзья в Учредительном собрании об этом позаботятся. Но они наотрез отказались от этого. Зензинов сказал, что для меня слишком опасно появляться на открытии сессии и что я не имею права подвергать себя подобному риску. Он указал, что я ведь — главный враг большевиков. Я возражал, что своей жизнью я вправе распоряжаться сам и он не отговорит меня от появления в Учредительном собрании, — я убежден в правильности своего решения. Если бы я был заключен в Петропавловскую крепость, мне было бы действительно физически невозможно присутствовать на собрании, но, поскольку я на свободе, я считаю своим долгом прийти туда. Я напомнил Зензинову о статье, которая появилась в газете социалистов — революционеров «Дело народа» 22 ноября 1917 года под заглавием: «Судьба Керенского». В ней говорилось, что бывший глава Российской Республики и лидер революции вынужден был скрываться, что по приказу тех, кто узурпировали государственную власть, самое имя его стало запретным, но что Керенский вернется к политической жизни при открытии Учредительного собрания и даст народу отчет о своей политической деятельности за те 8 месяцев, когда он был министром, а потом премьер — министром революционного Временного правительства. И тогда пусть судит сам народ, как о положительных, так и об отрицательных сторонах его работы. Я сказал Зензинову, что я приехал именно для того, чтобы дать отчет о своей разносторонней деятельности. Зензинов подумал минуту и затем сказал, что положение в Петрограде радикально изменилось. «Если ты появишься в собрании, всем нам будет конец». «Нет, не будет, — возразил я. — Я приехал, чтобы спасти вас, я знаю, что я буду мишенью всех бешеных атак, а вы останетесь в стороне». Но я тут же почувствовал, что этот аргумент бестактен, и потому рассказал ему о том, что я действительно хочу сделать, но с условием, чтобы он никому об этом не говорил до моей смерти. Думаю, что он, вероятно, решил, что мой план «совершенно безумный», но он был тронут до слез и, пожав мою руку, сказал: «Я обсужу с остальными»^[196].

Но это был только дружеский жест с его стороны. Когда на следующее утро он пришел, мы опять говорили, но уже гораздо спокойнее, и я больше не спорил, когда окончательный ответ был «нет». Я сказал ему, как я был огорчен, узнав, что военная демонстрация отменена, сказал и о том, какое значение я придаю тому, чтобы Учредительное собрание не сдалось без боя. Человек, связанный партийной дисциплиной, но человек глубоко честный, Зензинов чистосердечно согласился со мной и сказал, что таково же мнение партийной фракции Учредительного собрания.

Я спросил его, кто назначен в председатели Учредительного собрания, и был смущен, когда услышал, что в председатели назначен Виктор Чернов. Все, кто знали этого одаренного и преданного лидера партии, должны признать, что он был неподходящ как представитель всей России. Я упрашивал Зензинова употребить все усилия, чтобы не допустить выбора Чернова на этот в высшей степени ответственный пост. Я умолял его найти кандидата, который, может

быть, будет менее талантлив и менее известен, но у которого будет больше силы воли и больше глубокого сознания той трагедии, которую мы переживаем, который лучше выразит те стремления и идеи свободы русских людей, за которые они боролись и отдавали свои жизни. Я говорил об этом много раз тем немногим людям, которые навещали меня в эти два дня до открытия Учредительного собрания.

Трагедия Учредительного Собрания

В роковой день 5 января столица была похожа на осажденный город. Так называемый Чрезвычайный штаб был создан большевиками за несколько дней до этого, и весь район вокруг Смольного подчинен распоряжениям ленинского соратника Бонч — Бруевича ^[197]. А весь район вокруг Таврического дворца находился под бдительным надзором большевистского коменданта Благонравова ^[198]. Сам дворец был окружен до зубов вооруженными войсками, кронштадтскими матросами, латышскими стрелками. Часть этих отрядов заняла позиции внутри здания. Все улицы, ведущие к дворцу, были отрезаны кордонами этих войск.

Мне нет надобности описывать это первое и единственное заседание Учредительного собрания. Невозможное обращение ленинских вооруженных бандитов с «избранными представителями народа» было много раз описано теми, кто пережили эти ужасные часы 5–6 января. Рано утром 6 января Учредительное собрание было разогнано грубой силой и двери Таврического дворца заперты на замок. А мирные толпы, собиравшиеся, чтобы выразить свою поддержку Учредительному собранию, были рассеяны пулеметным огнем.

После легко удавшейся большевикам победы над Учредительным собранием почти немедленно произошло убийство Шингарева и Кокошкина, бывших министров Временного правительства. Они не присутствовали на открытии Учредительного собрания, ибо находились под арестом в Петропавловской крепости. Поздно вечером 6 января их перевели в Мариинскую больницу, где они были помещены в отдельную палату, охраняемую солдатами. Ночью 7 января банда большевистских солдат и матросов вошла в палату под предлогом смены караула, и оба кадетских депутата, которые отдали всю свою жизнь служению свободе и демократии, были заколоты штыками в кроватях.

9 января в «Новой жизни» Максим Горький опубликовал замечательную статью о разгоне Учредительного собрания.

Открытие Учредительного собрания закончилось как трагический фарс. И ничего не произошло, что могло бы придать этому событию характер памятного решительного боя за свободу.

Лучшую и самую смелую речь произнес Церетели, лидер меньшевиков. Но эта речь не была в стиле того революционера Церетели, который во 2-й Думе разоблачал Столыпина ^[199]. Она была критическая и произнесена была с чувством, и тем не менее эта речь была только выражением лояльной оппозиции. Она напомнила мне стиль речей «либеральной оппозиции Его Императорскому Величеству» (кадеты) в мирные дни 4-й Думы. Было совершенно очевидно, что еще в начале ноября меньшевики отказались от революционной борьбы с большевистским «правительством рабочих и крестьян».

Что касается речи председателя Учредительного собрания Виктора Чернова, то я приведу о ней отзыв Марка Вишняка, секретаря Учредительного собрания и товарища Чернова по партии:

«Речь Чернова была выдержана в интернационалистических и социалистических тонах, порою не чуждых демагогии. Точно оратор умышленно искал общего языка с большевиками, в чем он хотел их заверить или переубедить, а не возможно резче отмежеваться и

противопоставить им себя, как символ всероссийского народовластия. *Это что не то.* Не то, что хоть сколько-нибудь могло импонировать, задать тон, удовлетворить хотя бы в скромной мере требованиям и ожиданиям исторического момента. То была одна из многих, будничных и ординарно — шаблонных речей, далеко не лучшая даже для Чернова».

Трудно обвинять Чернова в срыве Учредительного собрания. Он был мужественный человек и подобно многим другим людям того времени не был запуган направленными на них винтовками пьяных, обезумевших от ненависти солдат и матросов Ленина. Я думаю, что явный паралич воли, который так много способствовал катастрофе 5 января, имел глубокие психологические причины, которые действовали даже и на самых стойких демократов того времени. Во — первых, был широко распространен страх вызвать гражданскую войну, которая легко могла превратиться в контрреволюционную войну против демократии вообще. Затем не надо забывать, что большевики все еще рассматривались не больше чем крайне левое крыло социал — демократов. Идея, что «слева нет врагов», глубоко вкоренилась в сознание большинства революционной демократии. Большинству левого крыла казалось недопустимым, чтобы свобода могла быть растоптана теми, кто называл себя представителями пролетариата. Только «буржуазию» считали способной на это. И этим людям наибольшей опасностью казались не большевики, «окопавшиеся» в Смольном, а контрреволюционеры, теперь объединившиеся вокруг атамана Каледина на Дону на Юге России.

Если бы лидеры социалистов — меньшевиков знали правду о связи большевиков с Германией, они, без сомнения, действовали бы иначе. Но они не могли поверить этой «клевете» на «вождей русского рабочего класса».

Другим важным фактором в пользу Ленина была мистическая вера многих социал — демократов, и отчасти идеалистов христианского и кантовского толка, в то, что новая эра возникнет из безграничного страдания и кровавой «империалистической» войны и что человек «переродится». Многие считали, что в этом духовном перерождении Ленин сыграет главную роль. Я встречал многих просвещенных и гуманных людей, как, например, Иванова — Разумника^[200], выдающегося социалиста — революционера, которые искренне в это верили.

В Финляндии

После разгона Учредительного собрания атмосфера в Петрограде стала невыносимой, и для меня было бесцельно здесь оставаться. Поэтому было решено, чтобы я уехал в Финляндию, пока положение несколько прояснится. Финляндия была тогда на пороге открытой гражданской войны. Власть была в руках финской социал- демократической партии, которую поддерживали большевистские солдаты и матросы Балтийского флота. Я был в контакте с группой в Хельсинки, которая всегда была в дружеских отношениях с социалистами — революционерами. Но чтобы попасть в Финляндию, нужно было получить разрешение от советских властей. Мы получили разрешение без особых затруднений для двух пассажиров, но проверка на вокзале железной дороги была очень строгая.

Мы решили сначала, что мне, пожалуй, было бы хорошо загримироваться, но, к счастью, передумали, представив себе, каково будет мое лицо после поездки на сильном морозе, а потом в натопленном вагоне. Решили рискнуть и ехать без грима.

В. Фабрикант^[201], смелый и опытный конспиратор, предложил проводить меня в Хельсинки. Отсутствие грима спасло нам жизнь, потому что вагоны поезда были, действительно, так натоплены, что мое лицо стало бы похоже на картину художника — пуантилиста. Все шло хорошо, и, как во многих случаях раньше, мы не подозревали опасности в

самые опасные моменты. Мы прошли пункт «красной проверки» без всяких неприятностей. И скоро приехали в маленькую уютную квартиру, принадлежавшую молодому шведу, где мы и должны были остаться жить. Тут было мирно и спокойно, но это спокойствие продолжалось недолго. Отвечая на призыв генерала Маннергейма^[202], многие молодые люди, независимо от их политической принадлежности, бросали свою службу и присоединялись к антибольшевистским силам в северной части Финляндии. Я вспомнил беспомощность и пассивность всего образованного петербургского общества, а также и революционно — демократических кругов. И на меня производило глубокое впечатление свойственное финской интеллигенции национальное сознание. Мой хозяин объяснил нам политическое положение в этой казавшейся мирной столице. «Я скоро уеду на север, и тогда здесь, вероятно, никого не останется. Но мы сделали все необходимое для вас. Наши друзья будут ждать вас в окрестностях Або неподалеку от Ботнического залива». Это была моя следующая остановка.

Там я жил комфортабельно и все время был информирован обо всем происходившем в России и в Европе, так как мой хозяин, владелец молочной фермы, часто ездил в Хельсинки и привозил все новости. У меня было такое чувство, что он человек политически активный, и это предположение скоро подтвердилось довольно необычным образом.

Както в конце февраля, за несколько недель до того, как германские войска пришли на помощь Маннергейму, ко мне, когда я был один, подошел мой хозяин и сказал: «Давайте поговорим по душам, хорошо?» — «Конечно». — «Вы знаете, что мы вели переговоры с Берлином о присылке войск. Часть германского высшего командования приедет сюда заранее и останется здесь. Это будет не так скоро, но мы должны были сообщить в Берлин, что вы здесь. Пожалуйста, не беспокойтесь, мне разрешено сказать вам, что ваша безопасность гарантирована и никто беспокоить вас не будет». — «Я глубоко благодарен вам за ваше гостеприимство, — сказал я, — но я остаться не могу. Мне невозможно было бы пользоваться германским покровительством. Пожалуйста, попросите г — жу Ю.^[203] прийти ко мне немедленно. Я попрошу ее поехать в Петроград и устроить там все для моего возвращения в Россию».

Мой хозяин был, несомненно, в контакте со штабом Маннергейма, но он высказал полное понимание моей просьбы. «Я не согласен с вами, но я немедленно пошлю телеграмму г — же Ю.».

Когда г — жа Ю. пришла ко мне, я рассказал ей о своем положении. Через несколько дней она поехала в Петроград и вернулась со следующим сообщением:

— Ваши друзья просили меня отговорить вас от возвращения. Оно сейчас было бы бесцельно.

— Хорошо, — ответил я, — тогда я поеду самостоятельно. Пожалуйста, попросите ваших людей устроить мне поездку и сообщите, когда я могу ехать. Времени еще достаточно. Здесь остаться я не могу. Вы должны понять это, как понял мой хозяин.

Она сделала все, что я ее просил. Я был убежден, что каждый на моем месте поступил бы точно так же.

Последнее время в Петрогряде

9 марта 1918 года я сел в поезд. На этот раз это не было купе второго класса, а вагон третьего класса, набитый пьяными, горластыми солдатами. На Финляндском вокзале в Петрограде снег лежал огромными кучами на платформе, его не вывозили. Когда я выходил из вагона с чемоданом в руке, я поскользнулся и упал прямо лицом вниз. Солдат и матрос подбежали, чтобы помочь мне встать. Со смехом и шутками они вернули мне мою шапку и

чемодан.

— Ступай, братец, да поосторожней.

Мы пожали друг другу руки.

Носильщиков не было. Перед вокзалом такси не было. Трамваи не ходили. Идя один, со своим тяжелым чемоданом, я скоро оказался в толпе пассажиров с мешками, узлами, корзинами, чемоданами. В те смутные времена пешеход, нагруженный узлами, не представлял собой ничего особенного. Это был наилучший способ, чтобы пройти незамеченным. Никто из милиционеров или полицейских агентов не заметил бы бородатого «врага народа № 1», скромно бредущего по Литейному проспекту с тяжелым чемоданом.

Не составив себе никакого плана, куда идти, я шел вдоль Литейного, ‘свернул в Бассейную и вышел на 9-ю Рождественскую. Я даже не представлял себе, какое огромное расстояние я прошел, пока дошел до квартиры моей тещи. К счастью, улица была пуста и прислуги не было дома. Но все-таки было бы слишком рискованно оставаться так близко к улице, где раньше помещалась моя фракция в Думе и где меня хорошо знали. И я пошел ночевать первую ночь в один дом на Васильевском острове.

Там я прожил довольно долго в квартире женщины — врача, муж которой, тоже врач, находился в армии. Она без колебаний предложила мне свою квартиру, хотя и знала, какая опасность была с этим связана. И точно так же, как старые Болотовы в лесном домике, она с большой радушностью обо мне заботилась, никогда не выражая малейшего беспокойства, связанного с риском, которому она себя подвергала. Она всегда уезжала из дому рано утром, а я оставался один в пустой квартире до позднего вечера.

Я не помню обстоятельств, при которых я получил копию моих показаний в Чрезвычайной комиссии по делу Корнилова. Эта неожиданная возможность написать правду об этом деле меня очень обрадовала. Теперь правда была признана самими участниками, но в это время истинные факты были неизвестны и в широкой публике, и в политических кругах. Перечитывая свои собственные показания, я снова переживал все дело, был в состоянии восстановить его в памяти и лучше освежить отдельные его подробности. Моя книга «Дело Корнилова» вышла в свет летом 1918 года в Москве.

Целью моей было не только отмежеваться от Корнилова, но и обезвредить наиболее сильное оружие большевистской пропаганды, расколовшее единство демократических сил.

Однажды, когда я работал над моим манускриптом, стараясь восстановить в памяти атмосферу России прошлого лета, когда новая и лучшая жизнь казалась еще возможной, в это время снаружи вдруг донеслись звуки военного оркестра. Подойдя к окну, я услышал какие-то крики и увидел жалкое зрелище. Разрозненная, мрачного вида толпа двигалась по улице: это было «празднование» 1 Мая. Рабочие несли знамена, но демонстрация совсем не казалась праздничной. Ничто не говорило о радости пролетарской победы. Мне вспомнился день 18 апреля (мая 1-го) 1917 года. Тогда «капиталистическое» правительство объявило 1 мая национальным праздником. Все заводы, фабрики, государственные учреждения, магазины — все было закрыто. Тысячи рабочих, солдат, матросов, служащих и людей различных профессий маршировали с флагами и оркестрами, распевая русскую «Марсельезу». Тысячи митингов происходили тогда во всех частях города: это был радостный праздничный день.

Незадолго до моего возвращения из Финляндии Совет Народных Комиссаров переехал в Кремль (9 марта 1918 г.). Все Центральные политические комитеты, руководства Союзов, управления крестьянских организаций и т. д. последовали за правительством в Москву. Петроград стал пустым и политически мертвым городом.

После того как я отправил по почте свой манускрипт моим друзьям в Москву, не было больше смысла оставаться в опустевшем Петрограде. Тем более что скрывающийся человек

никогда не должен слишком долго засиживаться на одном месте.

В то время как я спокойно жил в Петрограде, в России бушевала жестокая гражданская война. Зимой 1917/18 года начались бои между донскими казаками и Добровольческой армией с одной стороны и Красной армией с другой. Согласно условиям Брест — Литовского мирного договора, германские войска заняли прибалтийские государства и Украину. Большевистская власть не распространялась на Сибирь. Крестьянские восстания шли по всей России. Члены распущенного Учредительного собрания собрались тайно в Самаре, чтоб организовать свержение местных органов большевистского правительства и образовав Комуч (Комитет Учредительного собрания), открыли военные действия против узурпаторов. Я решил поехать в Москву и установить контакт с друзьями, в надежде двинуться потом в восточном направлении, пересечь большевистскую линию и выйти в район Волги или Сибири. Свой отъезд в Москву мне удалось быстро организовать.

Москва

Нас было трое на Николаевском вокзале. Мы ждали ночного поезда на Москву. Меня сопровождал мой друг В. Фабрикант и один из высших чиновников Министерства земледелия, которого я до тех пор не встречал. Нам было обещано отдельное купе. Но когда мы вошли в это купе, там сидел почтенного вида человек. Мы сели, начали разговаривать. Незнакомец не принимал участия в нашем разговоре. Он вскоре влез на верхнее спальное место и захрапел. Мы трое оставались сидеть на одном из нижних мест. Обсуждали события, говорили о том, что происходило в Министерстве земледелия этим летом и осенью. Забывшись, в разговоре мы нечаянно повысили голоса. Была уже поздняя ночь, когда мы вдруг вспомнили, что с нами в купе — четвертый пассажир. С верхней койки не слышалось ни звука. Успокоившись, мы устроились на остаток ночи и заснули.

Когда мы проснулись, в окно шел яркий дневной свет. Мы приближались к Москве. Верхняя койка была пуста. Мы были очень встревожены, хоть наши подозрения могли оказаться и неверными. Но чтобы по возможности обеспечить себя, Фабрикант и я решили выпрыгнуть из поезда, когда он замедлит ход в предместьях города, а третий наш спутник доедет до главного вокзала с нашим багажом. Дорога от предместья до центра Москвы заняла у нас много времени. После пустых петербургских улиц улицы Москвы казались оживленными и многолюдными. Было почти невероятно, что за нами никто не следил. Если наше предположение было верно и четвертый спутник действительно выдал нас, то нас должны были бы ждать на вокзале.

Мы шли по улице, придавая себе вид праздно гуляющих, чтобы не навлечь подозрений. Один раз мы даже присоединились к небольшой кучке людей, читавших очень интересное объявление о первом выпуске «новой интересной политической газеты — “Возрождение”», который должен был появиться 1 июня. Список редакционной коллегии и сотрудников состоял из знакомых нам имен. Большинство были социалисты — революционеры и принадлежали к так называемому правому крылу. Объявлялось также, что в «Возрождении» будут помещены «Мемуары А. Ф. Керенского». Я с удовлетворением убедился, что моя рукопись вовремя получена.

Не знаю, потому ли, что мои короткие прогулки в Петрограде происходили всегда ночью, а теперь было чудное весеннее утро, или потому, что воздух был особенно живителен, но в это прекрасное утро мое постоянное чувство душевного гнета исчезло. Мною овладело чувство успокоения и даже оптимизма.

Наконец мы дошли до места нашего назначения, до квартиры Е. А. Нелидовой ^[204], где то в

районе Арбата, вблизи Смоленского рынка. Нелидова приняла нас как старых друзей, хотя мы никогда раньше с ней не встречались.

После завтрака Нелидова и Фабрикант выработали для меня расписание. Они назначили для меня «дни визитов» и выразили готовность установить необходимые контакты. Несмотря на серьезность нашего дела, наши переговоры были так свободны, как будто мы говорили о каких-то общественных развлечениях. Но я не мог не задать вопроса Нелидовой: не боится ли она риска, которому подвергается? Ее ответ дал объяснение и перемене моего собственного настроения. Оказывается, жизнь в Москве была совершенно необыкновенная. Советское правительство только что переехало в Кремль, и органы власти находились еще в стадии становления. Известная тюрьма на Лубянке еще не стала неотъемлемой частью системы, и там действовали пока добровольцы. Хотя аресты, облавы и смертные казни были уже довольно обычным явлением, но все это еще как следует не организовалось и выполнялось беспорядочно.

Этому общему беспорядку много способствовали и немцы. Чека Дзержинского ^[205] существовала наряду с некоторыми германскими учреждениями, и они поддерживали между собой тесный контакт. Ленин занимал Кремль, а германский посол фон Мирбах ^[206] занял большой особняк в Денежном переулке, день и ночь охраняемый отрядом германских солдат. Обыватели были убеждены, что Мирбах действительно может влиять на пролетарский режим. Ему подавались жалобы на Кремль, а монархисты всех оттенков добивались протекции Мирбаха. Берлинское правительство проводило ловкую политику: кремлевские правители получали от него финансовую помощь, и в то же время немцы делали авансы по отношению к крайним монархистам, на случай если большевики окажутся непрочны. Монархистов также поощряли и в Киеве, где бывший генерал Скоропадский ^[207] сделался гетманом независимой Украины по милости германского императора. Под защитой германского верховного комиссара Скоропадский при каждом удобном случае ярко демонстрировал свои монархические симпатии. Общей путанице содействовали также Центральные комитеты самых влиятельных антибольшевистских и антигерманских партий: социалистических, либеральных и консервативных, проводивших свою работу под самым носом кремлевских правителей.

Руководители всех этих организаций устраивали собрания с различными представителями союзников России, причем ранг каждого дипломата зависел от значения, которое придавалось «союзниками» данной организации. Само собой разумеется, что все эти организации работали конспиративно и это было относительно легко осуществимо, так как система Чека была еще слабо организована. Даже лица, разыскиваемые большевиками, включая меня, могли конспиративно встречаться. Вполне понятно, что многие авантюристы и агенты разведок просачивались в бесчисленные комитеты и «миссии». Этот политический хаос пришел к печальному концу с восстанием левых эсэров, когда был убит фон Мирбах; когда было произведено неудачное покушение на Ленина, из-за чего были бесчеловечно убиты тысячи заложников. Но это все произошло позже.

В мое время гораздо легче было заниматься конспиративной деятельностью в Москве, чем в Петрограде. Здесь без труда можно было устраивать и встречи на квартире Нелидовой, и мои посещения тайных собраний. Теперь мне кажется совершенно невероятным, что так называемая «бабушка русской революции» Екатерина Брежковская, заклятый враг большевиков, могла свободно посещать меня. Однажды вечером, когда я провожал ее домой, мы даже прошли мимо дома фон Мирбаха.

Я сказал Брежко — Брежковской, что привело меня в Москву, и объяснил ей мой план пробраться дальше в район Волги. Но она спокойно возразила: «Они не пропустят вас». Под словом «они» она подразумевала членов Центрального комитета партии социалистов —

революционеров, с которыми она порвала из-за меня. Она была хорошо осведомлена о настроении в левых кругах и рассказывала мне очень подробно о внутренних расхождениях в партии, о неуверенности и общем хаотическом состоянии.

Я не помню точно дату этого разговора, но знаю, что он происходил после того, как я встретил Бориса Флеккеля, моего очень молодого приятеля, рабочего из Петрограда, прекрасного и очень преданного мне человека. Он тоже собирался проехать в Волжский район и очень рад был бы сопровождать меня. Он взялся за необходимые переговоры. Но через несколько дней пришел ко мне печальный и молчаливый. Единственно, что он мне сказал: «Затруднения». Ясно, что некоторые лидеры партии относились ко мне недоброжелательно. Вскоре я узнал, почему они не одобряли идеи моей поездки на Волгу. В то время «Союз возрождения России»^[208] был занят важной политической работой. Я еще в Петербурге узнал о существовании этой организации, но имел только смутное понятие о ее работе и целях. После Октябрьской революции и Брест — Литовского договора все крупные политические партии раскололись на множество фракций, часто враждебных друг другу. «Союз возрождения России» не был обычной коалицией социалистических и демократических партий: он представлял собой своеобразную организацию. Некоторые его члены принадлежали к народно — социалистической партии, другие к социал — революционерам, к кадетам, к плехановской группе «Единство»^[209], к «Кооператорам»^[210].

Все они были объединены общим подходом к основной цели и сознанием необходимости согласованных действий. Они были убеждены, что национальное правительство должно быть создано на демократических принципах в самом широком смысле этого понятия и что фронт против Германии должен быть восстановлен с помощью западных союзников России. Восстановление фронта получило сильную поддержку не только политических сторонников «Союза», но и тех партий, к которым члены «Союза» принадлежали. Того же направления держался и «Национальный центр»^[211], организация, включавшая кадетов и другие умеренные и даже консервативные группы, которые не признавали Брест — Литовского договора. «Национальный центр» был тесно связан с Добровольческой армией генералов Алексеева и Деникина. Я был горячим сторонником приемлемого национального правительства, а также активного военного союза с союзными державами. Я считал работу «Союза возрождения России» жизненно важной для нации.

Я решил не препятствовать деятельности «Союза» и не способствовать росту разногласий между этими двумя патриотическими организациями, у которых и без того было много собственных идеологических трудностей. Я верил, что в конце концов они преодолеют свои трудности и предрассудки и объединятся в своей любви к народу и в исполнении своего долга перед государством. Я полагал, что люди типа генерала Алексеева, Чайковского (народный социалист), Астрова^[212] (кадет), Авксентьева (социалист — революционер) восстановят подлинную государственную власть, основанную на принципах духовной и политической свободы, равенства и социальной справедливости, заложенных Февральской революцией.

Поэтому я принял предложение «Союза возрождения России» отправиться за границу, чтобы вести там переговоры с союзниками на условиях, выработанных «Союзом возрождения».

Перед моим отъездом были приняты все меры, обеспечивающие мне возможность поддержания связи с Москвой. Мой отъезд был назначен на конец мая через Мурманск, где стояли британские и французские войска, охранявшие большие склады военного снаряжения и всякого другого снабжения. На этот раз я поехал в так называемом экстерриториальном поезде для сербских офицеров, которые репатриировались. Глава репатриационной комиссии полковник Комненович (серб) распоряжался этими специальными поездами и по просьбе моих

друзей охотно выдал мне документы на имя сербского капитана. Британская виза была выдана на мое имя Робертом Брюсом Локкартом, британским генеральным консулом в Москве, который после отъезда всех союзных послов оставался там в качестве специального эmissара. Локкарт выдал мне визу, не обращаясь телеграфно в Лондон за официальным разрешением. Гораздо позже он сказал мне, что должен был поступить так, потому что Министерство иностранных дел отклонило бы мою просьбу о визе.

Пока происходила подготовка к моему отъезду, я проводил последние совещания с друзьями и товарищами в Москве.

Отъезд в Лондон

В день отъезда Фабрикант и я приехали на вокзал еще до наступления сумерек. Мы без труда узнали двух сербских офицеров в форме, они любезно проводили нас на нужную нам платформу, где мы смешались с толпой пассажиров. Поезд был полон до отказа, но нам были предоставлены места в вагоне 2-го класса, предназначенном, очевидно, для офицеров. Было совершенно ясно, что некоторые из них знали, кто я. Путешествие казалось бесконечным. Одноколейная Мурманская дорога имела бесчисленное множество запасных путей. Без всякой видимой причины наш поезд часами стоял на разъездах. Нам казалось, что поезд почти не двигался. Но мы не жаловались. Нам, собственно, некуда было и торопиться, а кругом стояла опьяняющая северная весна. Мы наслаждались долгими ночными остановками, когда поезд стоял на какой — ни- будь поляне в густом лесу. Я вспоминал белые ночи Петрограда. Но здесь природа более таинственна, северная тишь и бледный ночной свет отличались особой прелестью. Вчерашний день как будто не существовал. Не хотелось ни разговаривать, ни думать о будущем. Мы чувствовали себя в полной гармонии с окружающей нас природой, как бы сливаясь с таинственным лесом.

Я не могу точно вспомнить, сколько времени это продолжалось, но, вероятно, поездка продолжалась дней десять. Наконец мы приехали в Мурманск, бывший в то время скучным, заброшенным городом. Все пассажиры пошли прямо в порт, занятый союзниками, хотя сам город подчинялся советской власти и мы должны были пройти через ее контроль. Но советские солдаты едва взглянули на наши документы. Потом мы пошли в очередь к офицеру союзников, который по списку проверял наши имена. Мой спутник и я были встречены двумя французскими морскими офицерами, которые взяли нас на свой крейсер «Адмирал Об». На борту сербский офицер предъявил капитану наши настоящие документы. В продолжение всей нашей поездки до Мурманска эти бумаги хранились у начальника «экстерриториального» поезда. Когда я покидал мою родную землю, мне не приходило в голову, что никогда больше не ступит на нее моя нога. Все мысли были обращены к будущему.

Французские морские офицеры приняли нас очень радушно. Это было совершенно новое ощущение полного покоя. Больше не надо быть все время настороже.

«Вы, наверное, хотели бы отдохнуть, не так ли?» — спросил один из офицеров. «Нет, спасибо. Я хотел бы пойти к парикмахеру». — «Зачем?» — «Меня утомила и мне надоела моя маскировка. Я хочу быть опять самим собой». Последовал взрыв смеха. Несколько минут спустя я оказался в опытных руках, и моя длинная борода и длинные волосы валялись на полу.

На море мы провели три приятных дня. Фабрикант долгое время жил в эмиграции. Он только недавно вернулся в Россию из Парижа, где теперь ждала его семья. Он прекрасно говорил по — французски и был очень занимательным рассказчиком; офицеры с большим удовольствием слушали его рассказы о наших приключениях и о событиях в России.

Через два дня на пароход явился британский офицер и попросил нас зайти в каюту

капитана. Там мы узнали, что для нашей высадки в Англии мы должны на следующее утро перейти на небольшой тральщик.

На следующее утро тральщик пришвартовался к нашему крейсеру. Он казался игрушкой, и мы гадали, как пройдет наше плавание по Ледовитому океану.

Капитан тральщика представил нас своей команде из 15 человек, которые все с любопытством смотрели на таинственных чужестранцев.

Воды Ледовитого океана кишели германскими подводными лодками: маленькое орудие было установлено на палубе для защиты судна в случае атаки. Капитан занимал единственную маленькую каюту, находившуюся под мостиком, но теперь он предложил ее мне. Он и Фабрикант устроились на баке.

Мы приятно провели время на этом маленьком суденышке и, несмотря на незнание английского языка, были в наилучших отношениях с капитаном и командой. Погода была ясная и мягкая. Нас удивляло, что Ледовитый океан мог быть так спокоен. Прозрачные осенние ночи как-то странно действовали на нас, мы не спали и проводили долгие часы на палубе, любуясь небом и океаном.

Раз после полудня Фабрикант сказал, что барометр падает. Это значит — будет буря. Действительно, буря была и бушевала 48 часов. Хотя ничего необычного не произошло, она оказала на меня какое-то успокоительное действие.

Во время бессонной полярной ночи, приблизительно за неделю до шторма, мои мысли унеслись назад к 1916 году. Тогда я возвращался на волжском пароходе в Петроград после прочтения публичного доклада о политическом положении в стране. В Саратове я участвовал во множестве политических митингов. Был ясный, свежий осенний день. Я ходил по палубе взад и вперед, с наслаждением вдыхая свежий воздух. Я забыл тогда все свои политические беспокойства и отдался тем чувствам, которые Волга всегда пробуждала во мне. В памяти встало мое счастливое детство в Симбирске. Почти неодолимо было искушение бросить все и опять пойти лазить по склонам горы Венец, на вершине которой у меня захватывало дыхание. Я был совершенно поглощен этими воспоминаниями, когда внезапно меня ударило зловещее предчувствие, что я больше никогда не увижу мою родную Волгу. С трудом я подавил тогда этот необъяснимый страх, который в то время был, казалось, совершенно необоснованным.

В бессонную ночь на палубе английского корабля я пережил те же воспоминания и опять испытал чувство зловещего страха, что никогда больше моя нога не ступит на русскую землю.

Эта мысль была невыносима. Но она так крепко овладела мной, что я впал в продолжительное отчаяние. Чтобы освободиться от этого кошмара, чтобы отбросить эти мрачные мысли и прийти в нормальное состояние, мне и нужен был толчок, который дала мне эта буря на океане. Чем свирепей бушевали волны вокруг нас, чем громче был рев стихии, тем мне легче было забыть слово «навсегда» и убедить себя, что я просто еду со специальной миссией, которая окончится после капитуляции Германии.

Когда сознание моих обязанностей опять вернулось ко мне, я пренебрег бурей и стал внутренне готовиться к встрече с представителями Англии и Франции. Я, конечно, был хорошо осведомлен об их отношении к Временному правительству и ко мне лично, но это меня нисколько не смущало. Я был делегирован той частью России, которая отказалась признать сепаратный мир с Германией. Моя задача заключалась в том, чтобы добиться немедленной военной помощи союзников для того, чтобы восстановить русский фронт и тем обеспечить России место в будущих мирных переговорах.

Мой врожденный оптимизм вернулся ко мне. Я решил, что надо подготовиться к последнему решительному бою с врагом, учитывая и нараставшую неприязнь к России со стороны западных союзников.

Через два дня буря постепенно улеглась. Мы были измучены, но настроение было отличное. Через несколько дней мы увидели вдали Оркнейские острова, одну из главных баз Британского флота, и вскоре мы вышли на берег в Турзо. Тут я впервые в моей жизни ступил на нерусскую землю. Мы переночевали в этом мирном городе, которого война, по — видимому, не коснулась. На следующий вечер мы сели в поезд, и утром 20 или 21 июня 1918 года я прибыл в Лондон.

В моей жизни началась новая полоса, которая, как я думал, должна была скоро кончиться, но которая все еще остается незаконченной.

О революции 1917 года

В конце прошлого, 1946 года в Москве вышел третий том «Сочинений И. В. Сталина», посвященный, как выражается «Правда», «подготовке Великой Октябрьской Социальной революции», т. е. пораженческой работе Ленина, Сталина и прочих, после падения монархии, во время демократической и всенародной Февральской революции.

Именно теперь, когда сознанием измученного страшной войной и замученного нестерпимым бесправием народа владеет мечта о раскрепощении, о свободе, о возможности жить по своему праву, — именно теперь «третий том» Сталина снова и снова вбивает в головы советских людей нелепые басни о Феврале.

Уже тридцать лет прошло с начала Февраля, а *правда* о нем все лежит под спудом казенной лжи и будет лежать, пока в России существует террористическая диктатура, созданная во имя «пролетарского интернационализма». Ибо нынешняя, ищущая свободы советская молодежь, нынешнее, истосковавшееся по земле колхозное крестьянство — не должны знать, что и Земля и Воля были уже в руках у самоправного народа в тот короткий февральский миг, который Сталиным же назван был «величайшим переломом в русской истории».

Аршином времени значение исторических событий не измеряется. Можно даже сказать: чем решительнее последствия события в истории, тем меньше оно занимает места во времени. А в самом слове «перелом» уже слышится — неожиданность, стремительность, мгновенность.

И действительно, величайший в истории России перелом произошел ровно в 72 часа! Между началом — совершенно неожиданным — восстания Волынского полка на заре 27 февраля и отречением императора 2 марта прошло ровно три дня. В эти три дня — вне человеческой воли и помимо человеческого сознания — совершилось настоящее социальное чудо: не только погибла монархия, не только был взорван весь административный аппарат империи, но исчезли также — политическая власть и социальная мощь вчера еще господствовавших классов и сословий!

*

...Какая сила могла удержать расплавленное тело России от окончательного распада? Какие силы могли предупредить, остановить анархию? Как могла пережить Россия первые недели хаоса, когда революция еще только рождалась, когда еще только загоралось в сознании народа чувство новой государственности?

Никакой ученый теоретик, историк, социолог, психолог не мог предсказать, не мог даже представить себе глубину психологического потрясения, которое пережила Россия в минуту падения монархии. *Ощущение неограниченной свободы*, освобождение от всех, самых обязательных во всяком человеческом общежитии ограничений овладело населением империи в 170 с лишком миллионов. А тут же каждый вдруг почувствовал страшную усталость, переутомление от трехлетнего напряжения войны. Наступил какой-то паралич воли. Россия перестала — на фабриках работать, на фронте — сражаться. Население как будто утратило способность повиноваться. Начальство — приказывать и командовать. На мгновение судьбы России, война были забыты. Кое — где в деревне крестьяне начали самотеком разрешать земельный вопрос, т. е. делить земли помещиков и инвентарь. На заводах рабочие перестали работать; начали вмешиваться в управление, вывозить на тачках особенно нелюбимых директоров и инженеров. На фронте началась стихийная демобилизация. Начавшееся в зиму

1916 года дезертирство стало настоящим бедствием! Солдаты с утра до вечера митинговали, а весь офицерский корпус внезапно оказался под подозрением в «контрреволюционности». Еще 28 февраля в Кронштадте матросы жестоко расправились с офицерством; зверски убили командира Балтийского флота адмирала Вирена^[213] и с ним многих офицеров, других арестовали и держали в тюрьме в совершенно издевательских условиях.

Через день вспыхнули беспорядки во флоте в Гельсингфорсе. Новый командующий флотом адмирал Непенин был из-за угла убит немецким агентом. На фронте тоже были жестокие эксцессы против офицерства, но нигде не достигали балтийских размеров. В городах бывали самосуды, грабежи, всякого рода самоуправства.

Профессор Джемс Мавор, один из немногих среди исследователей нашей революции, признает, что после краха монархии вся машина местной администрации перестала функционировать, но подчеркивает: в России такое исчезновение всякой власти, всякого административного принуждения должно было неизбежно сопровождаться эксцессами населения. Почему же, собственно, только в России? Разве *после* Первой мировой войны, во время бесчисленных революций и гражданских войн большого и малого калибра, Западная Европа не видела эксцессов? А Россия была единственная страна, где и взрыв старого государства, и выросшая на развалинах революция — оба этих процесса происходили не до или после войны, а в самый ее разгар, во время самого тяжелого кризиса на фронте. И нужно удивляться не тому, что были эксцессы, а тому, что они носили только спорадический характер, что анархический развал был все-таки остановлен, был восстановлен авторитет власти и административный аппарат управления. Ожил фронт, Россия начала снова работать, и был заложен фундамент демократического государства на основе глубоких социальных реформ.

*

Почему это случилось? Это случилось потому, что кроме хаоса была еще... революция! Впрочем, после большевизма, фашизма, гитлеризма в этом слове слышатся только ужас, кровь, насилие, издевательство над свободой, презрение к человеку. Если называть тоталитарные перевороты, как теперь принято, революцией, то наше время было не — революцией. Все, чем сильны и чем гордятся тоталитарные режимы, мы отрицали и ненавидели, ибо без свободы политической «социальное освобождение» превращается в невыносимое рабство!

После падения царского режима были краткие месяцы, когда, казалось, восторжествовали наконец все идеи, которыми была пронизана русская духовная и политическая культура, во имя которых сто с лишком лет шла борьба. От Радищева через декабристов, Герцена, «Народную волю», великих русских писателей, безымянные тысячи культурной молодежи, уходившей на каторгу во имя освобождения народа, через 1905 год и Государственную думу — прямая дорога вела к весенним дням 1917 года.

Теперь о них забыли! Они залиты кровью и ужасом последующих долгих лет русской Голгофы. Однако, повторяю, значение исторических событий не измеряется их длительностью во времени, а их внутренним содержанием. Гитлер и Муссолини гордились тем, что они порвали все связи с идеями свободы и демократии.

Александр Керенский

Симбирск. Родина Керенского и Ленина

Саша Керенский на руках у матери Надежды Александровны. 1882

Илья Николаевич Ульянов, директор народных училищ в Симбирской губернии

Федор Михайлович Керенский, директор Симбирской классической гимназии, где учился будущий вождь мирового пролетариата

Гимназист Александр Керенский

Гимназист Владимир Ульянов

Выборы в Государственную думу, учрежденную царским манифестом от 17 октября 1905

года. Агитаторы предлагают партийные программы

Успешный адвокат А. Ф. Керенский — депутат Государственной думы

Группа трудовиков в 4-й Государственной думе. Второй справа сидит Керенский

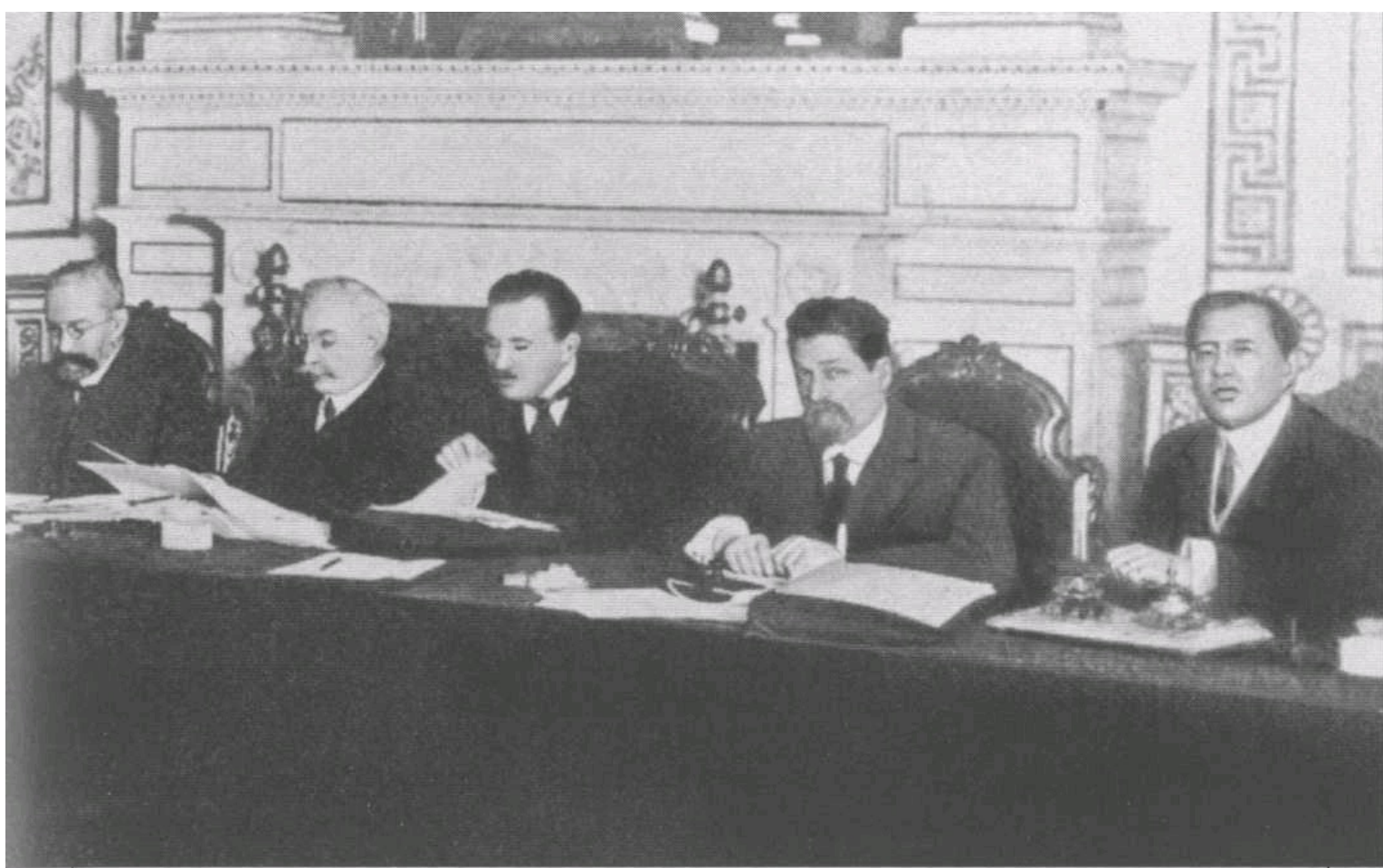

Русские солдаты в окопах

Николай II за несколько дней до отречения от престола

Заседание Временного правительства в Мариинском дворце. В центре — министр юстиции А. Ф. Керенский, председатель Совета министров и министр внутренних дел Г. Е. Львов, министр иностранных дел П. Н. Милюков
Те же персонажи на шарже Кукрыниксов

КЕРЕНСКИЙ СТАЛ ОЛИЦЕТВОРЕНИЕМ РОМАНТИЧЕСКИХ НАДЕЖД РЕВОЛЮЦИИ. НО ОН ЖЕ ВЫДВИНУЛ ЛОЗУНГ: «ВОЙНА ДО ПОБЕДНОЮ КОНЦА»

Приезд Керенского в Москву. 1917

В. Г. Плеханов (в центре, над портретом Керенского) на демонстрации, требующей начать наступление на фронте. 18 июня 1917

Военный министр Временного правительства Керенский с генералом М. В. Алексеевым по прибытии в Ставку. 1917

Керенский приветствует части, побывавшие в бою

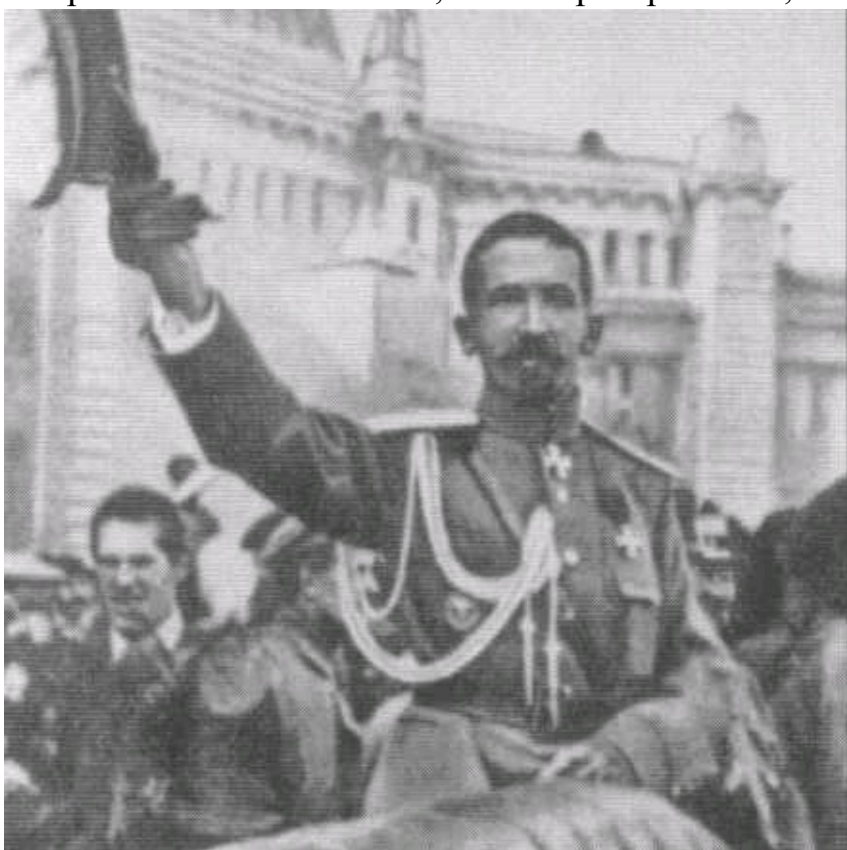
На отдыхе во фронтовой землянке

В АВГУСТЕ 1917 ГОДА ГЕНЕРАЛ КОРНИЛОВ ХОТЕЛ ВВЕСТИ В ПЕТРОГРАД ВОЙСКА, ЧТОБЫ УБЕРЕЧЬ ГОРОД ОТ «БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ЗАРАЗЫ»

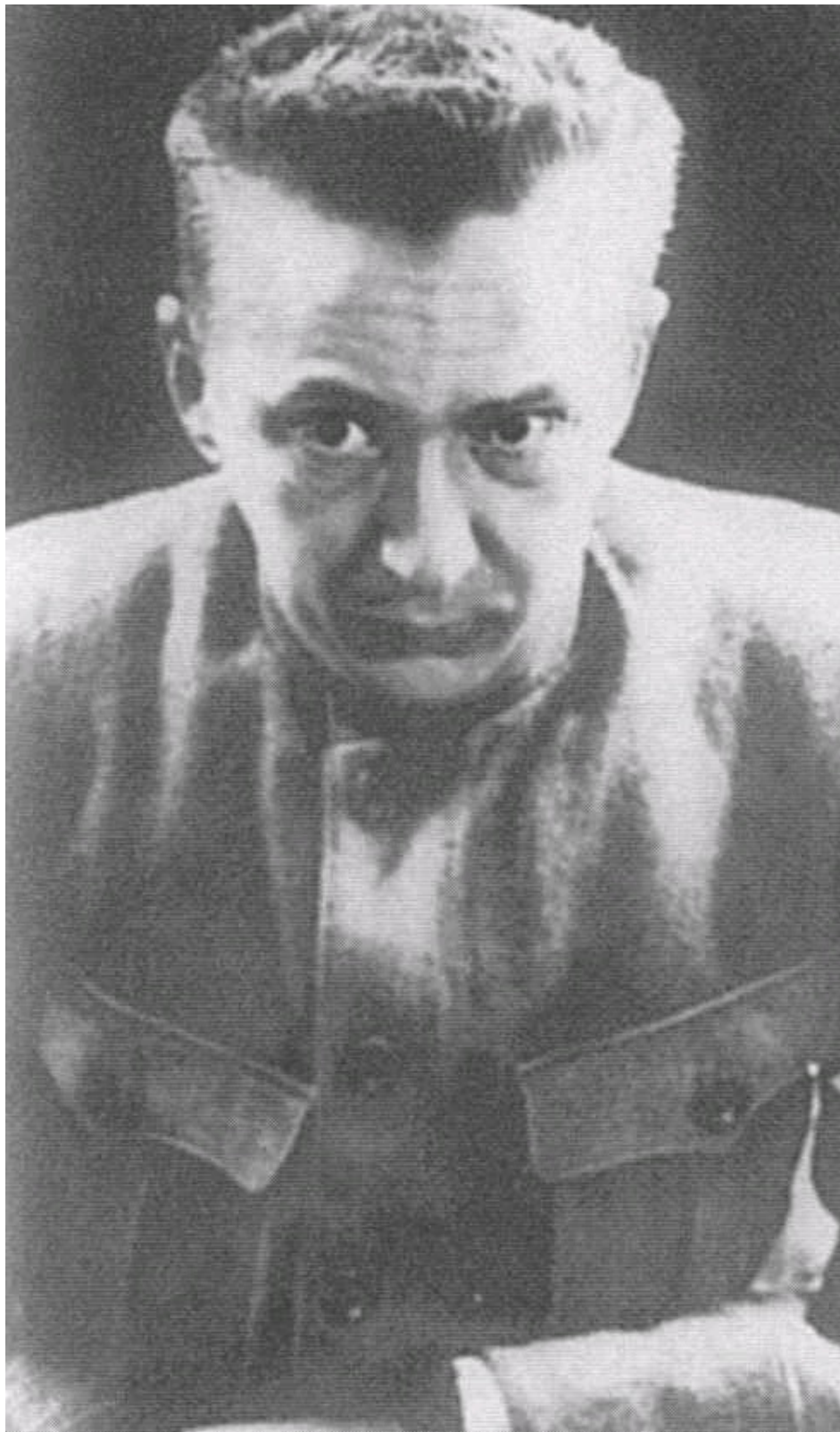
Военное министерство Временного правительства. Слева направо: начальник кабинета министра полковник Барановский, товарищ министра генерал — майор Якубович, управляющий министерством Б. В. Савинков, министр Керенский, товарищ министра полковник Туманов

Генерал Л. Г. Корнилов. Август 1917

Разоружение корниловцев

А. Ф. Керенский. 1917

И КОРНИЛОВ, И ЛЕНИН БЫЛИ ДЛЯ КЕРЕНСКОГО ОЛИЦЕТВОРЕНИЕМ ДИКТАТУРЫ.
ПОЭТОМУ ЕГО СОЮЗ С НИМИ БЫЛ НЕВОЗМОЖЕН

В. И. Ленин. 1917

Штурм Зимнего дворца в ночь с 25 на 26 октября 1917 года

И. Е. Репин. Портрет Керенского. 1917

Кукрыниксы. «Последний выход Керенского». На долгие годы бегство премьера, якобы переодетого в женское платье, станет в СССР предметом грубых насмешек

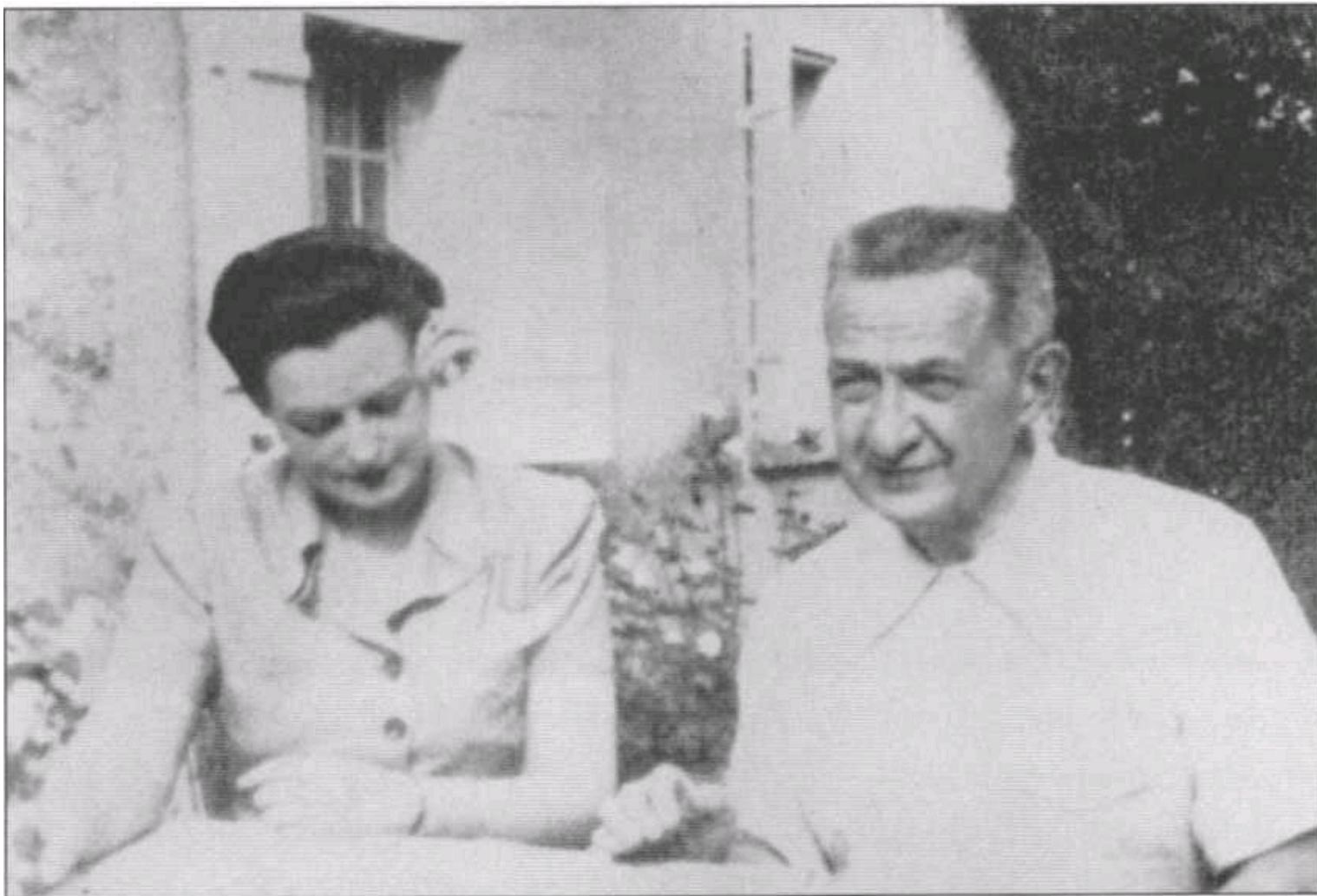

Вожди эмиграции— А. Ф. Керенский (справа) и П. Н. Милуков

Первая жена Керенского Ольга Львовна с сыновьями Олегом и Глебом

Керенский со своей второй женой Терезой Лидией Триттин (Нелл). Лонгшен, 1939. Пережив ее на четверть века, он умер глубоко одиноким человеком

«Вся биография этого удивительного человека вмещается в несколько месяцев 1917 года... Он вызывал восхищение одних и столь же безмерную ненависть других. Ни того, ни другого, по совести говоря, он не заслужил», — напишут о нем в некрологе

Где они теперь?!.. У нас тоталитарный режим задавил свободу и демократию, спрятавшись под маску «совершенной демократии» с ее — на бумаге — «самой демократической в мире конституцией». Но ведь в этой конституции в искаженном виде обещано на бумаге все то, что Россия имела уже в своих руках в 1917 году. И к тому, что она имела, — Россия вернется! Февраль был черновым наброском — грядущей в новом освобождении народной России!

*

Сначала, после распада старой России, у новой власти — и вообще ни у кого в России — не было в руках никакой физической силы принуждения. И пока восстанавливался административный аппарат, сдерживающей и организующей силой было — **Слово**. Верой в творческую силу свободы, в разум народа преодолели мы все вместе, вся Россия, от первого председателя Временного правительства, князя Львова, до рядового кооператора и сельского учителя, — первые страшные недели, когда часто отчаяние заползало в душу самых сильных среди нас. Сотни тысяч энтузиастов — добровольцев заменяли административную машину, пока она заново строилась. С первого дня хаоса во всех деревнях, уездных и губернских городах создавались разного рода комитеты, Советы, которые всякими, иногда наивными, способами восстанавливали порядок; убеждением и словом останавливали насилие; создавали примитивные формы администрации. Они связывались с земствами, с кооперативами, с городскими самоуправлениями. Разорванные социальные связи постепенно опять срастались.

В этот период революции, когда силы сцепления еще не поспевали за силами распада, Петербургский и местные Советы сыграли огромную и положительную роль. Большевики — пораженцы там были в меньшинстве. Советы политически были в руках оборонческой, социалистической и демократической интеллигенции (меньшевики, социалисты — революционеры, трудовики, национальные социалистические партии и т. д.). Советы были популярны в низах. Их вожди, чувствуя за собой силу масс, часто преувеличивали свою роль; вызывали против себя страшное раздражение у людей, привыкших жить в нормальных условиях государственного порядка. Петербургский Совет причинял много затруднений Временному правительству и часто своей бестактностью давал повод для легенды о «двоевластии». Но я могу со спокойной совестью защищать положительную роль Советов, потому что у меня самого с руководителями Петербургского Совета были довольно острые отношения. Я считал, что представители Советов и социалистические партии, которые поддерживали Временное правительство, должны от удобной позиции «благожелательной оппозиции» отказаться и взять на себя прямую ответственность за управление государством. Они это и сделали с опозданием на два месяца! Играв же в оппозицию, не зная всей трагической трудности положения страны, вожди и ораторы советские часто своей безответственной критикой правительства играли в руку демагогам; давали пищу для разнузданной в низах агитации против правительства «капиталистов».

*

А между тем это правительство «капиталистов» было настоящим демократическим, народным правительством свободной страны и революции. Нас было одиннадцать: «десять министров-капиталистов» и один «заложник демократии». Перед нами стояла тройная задача совершенно нечеловеческой трудности. Мы должны были: 1) восстановить весь аппарат управления государством сверху донизу; 2) продолжать во что бы то ни стало войну и 3) в срочном порядке провести ряд коренных политических и социальных реформ, которых требовала революция.

Революция, война и восстановление государства сплелись в один узел, который нельзя было разрубить, а надо было распутать. Ни одно правительство во время войны не несло такого тройного груза и такой тройной ответственности. Мы отлично видели всю логическую несовместимость войны и революции. До краха монархии мы делали все, чтобы избежать революции во время войны. Теперь мы стояли перед фактом: революция случилась во время войны. Оставалось — или дезертировать, спрятаться в угол, или, рискуя всем, спасти то, что еще можно было спасти. Пойти на такую работу без энтузиазма, без веры в творческие силы России, в разум народа было невозможно. И мы, почти все из нас, в это верили. Первые два месяца во Временном правительстве — одно из самых светлых воспоминаний в моей жизни. Ибо я видел своими глазами, с каким самоотречением от своего вчерашнего дня, от всех своих «классовых интересов» и политических программ могут работать люди, для которых спасение родины стоит выше всего. Потом подъем прошел. Отцвели цветы и догорели огни революции. Некоторые из нас стали стыдиться своего бывшего энтузиазма; отказываться от своего собственного прошлого. Но это прошлое *было*. Оно навсегда записано на страницах русской истории.

Нам казалось, что падение старого режима со всем его тяжким прошлым освободит Россию от крови и насилия; предаст забвению старые счеты и старые распри. «Верьте в силу русской свободы», — повторял часто князь Г. Е. Львов. Символом примирения были всеобщая политическая амнистия, вернувшая в Россию всех политических эмигрантов, освободившая всех политических заключенных, и отмена смертной казни. Потом эту отмену жестоко осуждали, но тогда, в марте 1917 года, она вызвала подлинный восторг во всех общественных кругах и во всей без исключения печати. Протестовать приходили только некоторые крайние левые — поклонники «якобинского террора». Им тогда уже хотелось крови, а этой крови правительство ни за что не хотело допустить — какой угодно ценой! В этой России бушующих страстей первая кровь «революционного трибунала» вызвала бы ее потоки по всей России. Мы этого не хотели. Мы с нетерпением ждали спасительного перелома в психологии потрясенного событиями народа. Верили в этот перелом и его дождались.

А в ожидании, работая день и ночь, Временное правительство подвело под Россию новый политический и социальный фундамент.

Зачем вспоминать сейчас об этой огромной работе? Что от нее осталось? Ничего. Но, не зная, какой была Россия перед Октябрем, можно действительно поверить, как верят многие в СССР, что большевики свергли «контрреволюционное правительство империалистов», которое не давало рабочим и крестьянам всей свободы, служило англо — французским банкирам и поддерживало помещиков против крестьян в деревне.

*

«Третий том» Сталина ураганным огнем обстреливает земельную политику Февраля. Временное правительство, — видите ли, — всячески оттягивало решение аграрного вопроса, в

надежде выиграть время, чтобы совсем снять его с повестки дня. В крайнем случае «буржуазия» надеялась отделаться подачками — отдать крестьянам земли Романовых или монастырей, но сохранить помещичью собственность. «Правительство фабрикантов и помещиков и не может иначе относиться к крестьянам, — негодует крестьянолюбец Сталин. — Что им крестьяне, здравствовали бы помещики!»

Но ведь это — демагогическая сказка, сознательно выдуманная «творцами Октября». Но ведь на самом деле потому Февраль и был величайшим переломом в истории России, что *он обрек уничтожению помещичье и капиталистическое землевладение и спешно готовился к передаче всей земли в пользование на ней трудящихся.*

1 апреля, т. е. всего через месяц после взрыва монархии, был опубликован декрет о коренной земельной реформе, подписанный всем правительством «фабрикантов и помещиков» и выработанный первым министром земледелия революции А. И. Шингаревым. Он был членом кадетской партии и накануне открытия Учредительного собрания, в январе 1918 года, был убит на больничной койке как «враг народа»!

Никто, вообще, не мог снять земельную реформу с порядка дня. Ибо Временное правительство ее осуществление с самого начала передало в руки самого населения. Был учрежден Центральный земельный комитет и открыты местные комитеты во всех губерниях, уездах и волостях. Во всех этих комитетах решающее большинство принадлежало членам, свободно выбранным населением. Местные же комитеты, кроме подготовки нового земельного строя, ведали в переходное время земельными отношениями в своей округе.

4 мая Центральный земельный комитет опубликовал руководящее постановление об «общем направлении, в котором будет вестись подготовка земельной реформы». «В соответствии, — говорилось там, — с новыми потребностями нашего народного хозяйства, с неоднократно выражавшимися пожеланиями крестьянства и в согласии с программами всех демократических партий страны в основу будущей земельной реформы должен быть положен принцип, что *все земли сельскохозяйственного назначения должны перейти в пользование трудового земледельческого населения*».

Вековая тяжба между помещиком и мужиком была решена в пользу деревни. Это вызывало против Февраля страшное озлобление среди крупных аграриев. Земельный переворот, санкционированный народно — революционной властью, был одним из источников попытки свергнуть Временное правительство. Большевики же воспользовались переходным временем в деревне для разжигания там анархии и гражданской войны. «Развернутая во всю ширь программа аграрной революции» большевиков летом и осенью 1917 года состояла в том, что по инструкции Ленина его единомышленники натравливали самые темные низы деревни с помощью деморализованных дезертиров на разгром усадеб и расхищение урожая. Естественно, Временное правительство, поддержанное всеми демократическими и социалистическими партиями, боролось, прибегая иногда к вооруженной силе, против срыва величайшей в истории Европы земельной реформы. Правда, и среди этих партий были влиятельные люди, которые потом писали, что со своей земельной реформой Временное правительство «слишком медлило». Но как можно было в разгар страшной войны, в разгар сельскохозяйственных работ, от которых зависел осенний урожай, т. е. судьба фронта и страны в зиму 1917/18 года, осуществить великий земельный переворот на пространстве около 250 миллионов десятин? Этого никто и никогда не объяснит! И нужно еще вспомнить, что в волостях, уездах, губерниях — всюду в земельных комитетах шла напряженная, кипучая работа. Осенью, ко времени созыва Учредительного собрания, работа была бы закончена и правительство явилось бы туда с готовым земельным проектом. С весны 1918 года вся земля оказалась бы в пользовании на ней работающих, и крестьяне не превратились бы, как теперь, в голодных крепостных государства- помещика.

Рядом с земельной реформой стояло рабочее законодательство Временного правительства. Несмотря на войну, министр торговли А. И. Коновалов сразу ввел на всех казенных заводах 8-часовой рабочий день — тогда об этом во всех странах рабочие еще только мечтали! По почину правительства 8-часовой рабочий день стал правилом во всей частной промышленности. Были введены примирительные камеры, фабрично — заводские комитеты, а профсоюзы получили право на самое широкое самоуправление, утраченное ими целиком в СССР. Во всей своей деятельности Временное правительство исходило из убеждения, что организованный труд должен быть признан как самостоятельная сила в хозяйственной жизни страны. Великая французская революция 1789 года вывела на авансцену третье сословие — буржуазию. Во время величайшего социального переворота в России родилось как самостоятельная политическая и социальная сила четвертое сословие — сословие Труда.

Благодаря особенностям исторического развития России случилось то, что должно было случиться: установление в России политической демократии означало одновременно и торжество демократии социальной. Сам Ленин дважды — при въезде своем в Россию 4 апреля 1917 года и накануне большевистского переворота в октябре — решительно заявлял, что «Россия ныне самая свободная страна в Европе», где «отсутствует насилие над массами».

Это одно утверждение Ленина упраздняет всю ложь, которая под видом «истории» распространялась о русской демократической революции, о Временном правительстве, о социалистических партиях, о русской демократии большевиками в течение 30 лет.

*

Пока расплавленная Россия медленно остывала и вливалась в новую форму своего социального бытия, весь государственный строй России был перестроен на основах демократии. Нужно исписать много страниц, чтобы описать всю огромную работу, которая была проделана для этого среди бури и грозы войны и революции. Строй свободы, равенства и социальной справедливости, который стремились осуществить поколения за поколениями русских людей, *становился фактом.*

Само собой разумеется, что все гражданские и политические права человека и гражданина были фундаментом новой демократии. Была установлена полная независимость суда и несменяемость судей; все особые суды были уничтожены, и все уголовные и политические преступления были переданы в ведение суда присяжных. Все религиозные, национальные и сословные ограничения были отменены. Была объявлена полная свобода совести. Была установлена независимость православной церкви, и в августе был созван Собор для восстановления патриаршества. Все прочие церкви, секты и религии получили полную свободу пропаганды. Женщины получили все политические и гражданские права. Был выработан с участием представителей всех партий, общественных и национальных организаций избирательный закон для выборов в Учредительное собрание на основах всеобщего, прямого, равного и тайного — и пропорционального — представительства. На таких же основах было преобразовано во всей России городское и земское самоуправление. Был издан закон о кооперативах, который предоставил кооперативному движению огромные права в хозяйственной жизни. Законы о профессиональных рабочих союзах, об органах местного самоуправления, о кооперативах были выработаны самими их представителями. Вообще, Временное правительство хотело привлечь как можно скорее всю страну к государственному строительству, приучить население к чувству ответственности за судьбу страны.

Свободная демократическая Россия не могла быть централистическим государством.

Временное правительство провозгласило независимость Польши и восстановило полную автономию Финляндии, отложив только формальное провозглашение независимости до Учредительного собрания. Представители местных национальностей были привлечены к управлению Кавказом и Туркестаном. Была учреждена комиссия, которая должна была подготовить законы для переустройства России на федеральных началах. Летом получила автономию Украина.

Я категорически утверждаю, что Временное правительство, опираясь на все здоровые и демократические силы государства, целиком выполнило свой долг: после падения монархии в кратчайший срок весь государственный, административный и хозяйственный аппарат государства был перестроен на твердых началах политической и социальной демократии. Никакая дальнейшая демократизация была невозможна — она бы вела к абсурду; через абсурд — к диктатуре...

*

Строительство демократической России кончилось страшно... Отсюда русской реакцией и западным общественным мнением был сделан решительный вывод: русский народ не созрел для демократии и предпочел вернуться к «старому царизму» в новом красном мундире. Этот вывод так крепко засел в головах, что и после Муссолини и Гитлера и «кризиса» всей западной демократии ни у кого не возникло вопроса: «А может быть, мы ошиблись, может быть, тоталитарный режим вовсе и не вытекает из прирожденной неспособности русского народа к свободе?»

Возьмем для примера Германию. «Проклятого царизма» там никогда не существовало. Она была равноправным членом семьи культурных народов, в отличие от «варварской» России. Она потерпела в 1918 году жестокое поражение, но ведь и Россия тогда была признана на Западе «побежденной» страной. Хозяйственный строй Германии был подорван блокадой, но ведь в России блокада в первую войну была еще суровей. В Германии были прусские юнкера и реакционные капиталисты, которые помогли Гитлеру захватить власть. Но и в России были реакционеры, которые помогали Ленину в его борьбе за власть. А когда пришел к власти Гитлер? В разгаре войны? Сейчас же после изгнания Вильгельма II [\[214\]](#), когда Германия — так же как годом раньше и Россия, — из монархии перестраивалась в республику? Захватил ли он власть, выйдя из рядов германской «революционной демократии», разыгрывая роль защитника неограниченной свободы? Ничего подобного! Между воцарением Гитлера и концом войны прошло почти 15 лет. В Германии были сильные организованные политические партии. Административная машина, полиция и войска действовали безукоризненно. Немецкая демократия и социалисты были твердо уверены, что никакая тоталитарная диктатура, по большевистским образцам, у них в Германии совершенно невозможна. Невозможное оказалось фактом... Немецкие демократы и социалисты вместе с нами оказались в изгнании во Франции. Тогда французы, в свою очередь, стали утверждать, что случившееся в России и в Германии у них произойти не может: Франция — олицетворение демократии и носительница духа свободы. В 1940 году Третья республика под первыми ударами гитлеровского тарана рассыпалась, как картонный домик. А между тем Франция в ту войну поражения не испытала; 20 лет была гегемоном Европы, и Третья республика погибла не на девятом месяце, как республика российская, а на семидесятом году своего существования. А какой станет «четвертая» — еще никто не знает!

Нет, послетого, что случилось в Европе после первой и, в особенности, второй войны,

русской демократии не нужно себя защищать и ей не в чем оправдываться. Получив в свои руки разрушенное «диктатурой безумия» государство, преодолевая внутренний хаос страшным напряжением всех творческих сил страны, Россия вышла на путь демократического строительства и восстановила аппарат государственного управления.

*

К концу весны распад был остановлен.

Россия и в тылу и на фронте стала возвращаться к более устойчивым и более нормальным условиям жизни и работы. А центробежные, антидемократические силы с этого времени сосредотачиваются на двух полюсах: вокруг Ленина и вокруг неизвестного еще по имени военного диктатора, которого еще нет, но которого усиленно ищут на фронте.

В описаниях демократической революции в России 1917 года в «исторической» — русской и иностранной — литературе установился трафарет: со дня падения монархии Россия изображается катящейся по наклонной плоскости к хаосу и анархии прямо в объятия Ленина. Уничтожить этот трафарет сейчас едва ли возможно. Но, может быть, наступит когда-нибудь время, когда и мое свидетельство будет принято во внимание.

С первого дня падения монархии и до последнего дня краткого существования свободной, демократической России я был в самом центре развивавшейся трагедии. Малейшее изменение положения в России отражалось во мне и на мне. Я видел, чувствовал, осязал, как оглушенная взрывом монархии Россия быстро приходила в себя; как стремительно крепла она; как росли в ней творческие силы; как страна начала снова работать, снова воевать, снова приказывать и подчиняться приказу.

В том, что я пишу, нет никакой розовой воды. Целый отдельный мир, шестая часть суши с 170 с лишком миллионами населения, только что выдержал жестокое социальное землетрясение и вылезал из-под развалин. Как разрушенный город, Россия жила на бивуаках. Но она уже жила. Она уже строила. Иногда там и здесь почва содрогалась. Происходили обвалы и крушения. Но строительство нового порядка продвигалось вперед все быстрее и быстрее. Самоуправства в деревнях уменьшались. Дезертирство на фронте было остановлено. В Советах влияние большевиков после «восстания 3 июля» свелось к нулю. Анархия на заводах прекратилась, и промышленность работала снова, хотя уже, конечно, не с напряжением первых лет войны. Выбитое из колеи революцией, население возвращалось к органической работе в земельных комитетах, в кооперативах, в профессиональных союзах. По всей стране шла огромная просветительная работа. К концу лета, на основе нового, демократического избирательного закона, было восстановлено городское и земское самоуправление. Советы, отслужив свою нужную во время «взрыва» службу, сходили со сцены.

Одним словом, государственный организм настолько выздоровел и административный аппарат настолько окреп, что у небольшой группы сторонников «военной диктатуры» пропал страх перед «эксцессами революции» и они решили убрать со своей дороги к власти отслужившее свою службу в борьбе с левым хаосом «слабое и безвольное Временное правительство»!

*

Аграрные реставраторы пытались найти себе опору в далеком от всяких «классовых

вожделений», но жестоко нравственно на фронте пострадавшем, — офицерстве во главе с генералом Корниловым, как большевики нашли себе опору в самых темных, переутомленных войной низах армии.

Диктатура во имя социальной реставрации не могла победить и на один день, ибо вместе с монархией в короткие дни «величайшего перелома» исчезла и вся мощь имущих классов. Зато, потерпев неудачу, вожди «национальной» диктатуры *широко открыли двери* диктатуре «пролетарской». Сталинский «третий том» это еще раз подтверждает!^[215]

Дело в том, что после провала генеральского восстания правые ненавистники Февраля отнюдь не отказались от своих планов. Они пошли «к той же цели — другими средствами». Они, упорно клевета на Временное правительство, старались подорвать *доверие* растревоженных народных масс к революционной власти. Их не пугал начинавшийся уже новый развал на фронте и в тылу. Напротив. Они были в восторге. Совершенно серьезно «национальные» политические стратеги — военные и штатские — поставили ставку на Ленина. Пусть только он покончит с Временным правительством, а там «мы с ним справимся в три недели». Ленин охотно воспользовался любезно ему предоставленным трамплином. Только «три недели» почему-то затянулись на тридцать лет...

Ленин после июльского своего разгрома скрывался в Финляндии, почитая свое дело проигранным, и писал очередную книжку. И вдруг все переменялось!

«Генерал Корнилов открыл перед нами совершенно *неожиданные и невероятные* возможности», — пишет он своему ЦК в Петербурге через две недели после корниловской неудачи.

Невероятными возможностями Ленин отлично воспользовался для того, чтобы убить в России народную свободу!

Но на штурм Февраля он шел *под прикрытием* Февраля же!

Нужно свергнуть правительство «корниловца Керенского... в интересах именно *данной* (т. е. февральской. — *А. К.*) революции, ибо ни демократического мира, ни земли крестьянам, ни полной свободы, вполне демократической республики — получить иначе народу нельзя»...

И народ — получил! Получил вместо полной свободы и вполне демократической республики Февраля — самую полную и вполне тоталитарную диктатуру Октября^[216].

А теперь, через тридцать лет ленинизма — сталинизма, *что* стало — «с основными политическими требованиями русского народа, во имя которых шли на героическую борьбу лучшие его представители»?..

Но никакие ужасы диктатуры «не могут остановить развития России... Она все же идет вперед, и с каждым шагом развития все настоятельнее становятся требования политической свободы. Без политической свободы *не может жить Россия*, как и ни одна страна в XX веке.

“Да здравствует новая борьба за улучшение жизни рабочих, которые не хотят оставаться рабами на каторге фабрик и заводов!”

“Крестьяне!.. Терпеть ли последышей крепостников, сносить ли молча издевательства и надругательства чиновников?” Идите “на борьбу за политическую свободу, за переход всех земель к крестьянам. Подачками не излечить крестьянской нищеты, не избавить крестьян от голода. Не милостыни требуют крестьяне, а той земли, которую веками поливали они своим потом и кровью. Не попечение начальства нужно крестьянам, а свобода от чиновников, свобода самим устроить свои дела”»...

Никто бы не усомнился, если бы я тут написал: все приведенное в кавычках я взял из «воззвания», ныне накануне нового страшного голода распространяемого в «Стране Советов».

Да, это воззвание нужно там распространять, но написал его... Ленин тридцать пять лет

тому назад!

В нем торжествующий Октябрь услышит голос *грядущего* Февраля, грядущего освобождения: без политической свободы *нет жизни* русскому народу!..

После Брест — Литовского сепаратного мира Гражданская война в России стала осложняться интервенцией союзников.

Война на Западном фронте продолжалась. Три тысячи орудий, семьдесят германских дивизий были переброшены с русского на франко — англо — американский фронт. В Мурманске, в Архангельске, во Владивостоке оставались огромные склады снаряжения, присланные союзниками в помощь России. Все это снаряжение могло попасть в руки немцев. Союзники хотели спасти свои склады и даже, если удастся, снова оттянуть часть германских сил с Западного фронта на восток. Смешанные отряды союзников под руководством и при главном участии англичан должны были оккупировать Мурманск и Архангельск, а из Владивостока японцы должны были продвигаться в глубь Сибири для того, чтобы образовать новый Восточный фронт на Урале. Японцы готовы были послать целую армию, но ставили условия.

Эти условия превратили бы русские владения на восток от Байкала вместе с «разоруженным Владивостоком» в протекторат Японии и, отрезав Россию совершенно от доступа к Тихому океану, обеспечили бы азиатский тыл Японии для будущих операций в направлении на Филиппины. Против такой интервенции «против Германии» японцев президент Вильсон резко протестовал. При этом он указывал Парижу и Лондону, что японская оккупация Сибири «вызовет в России сильное негодование». Он был совершенно прав.

Весной 1918 года большевики еще не успели уничтожить независимую печать. Вся она — социалистическая и либеральная — самым резким образом протестовала против японского плана, целиком в этом случае поддерживая протесты большевиков, несмотря на самую острую с ними борьбу. С этого времени и вплоть до сегодняшнего дня русские демократы всегда и неуклонно поддерживают «советскую» власть, когда эта власть защищает государственные и национальные интересы России. Вся небольшевистская Россия, продолжавшая, несмотря на сепаратный мир, борьбу с Германией, конечно, считала себя равноправной стороной в антигерманской коалиции, а не кающейся грешницей, которая искупает какой-то свой «позор» и «грех» перед своими союзниками.

А между тем с самого начала переговоров о продолжении совместной борьбы поведение союзников не переставало вызывать недоумение у русских участников этих переговоров. Впоследствии, подводя итог союзной интервенции в России, П. Н. Милюков, близкий свидетель всей этой эпопеи, пришел к заключению: «До заключения Брестского мира союзники пробовали использовать даже и большевиков против Германии. После Бреста эта надежда отпала. Тогда на очередь встал — в апреле и в мае — новый план союзников для достижения той же цели, т. е. для удержания возможно большего количества германских солдат на Восточном фронте. Это был план воссоздания нового Восточного фронта где-нибудь внутри России. Конечно, Россия при этом являлась не целью, а лишь средством, и притом средством временным, даже кратковременным. Этим объясняется внутренняя несерьезность, почти авантюризм союзнических планов, явная невыполнимость дававшихся ими обещаний, легкость нарушения этих обещаний и вообще пренебрежительное отношение к недавнему союзнику, переставшему быть полезным».

В своем определении отношения к России наших союзников после Бреста П. Н. Милюков был прав.

Продолжая войну с Германией, союзники пытались произвести на русской территории стратегическую диверсию, пользуясь услугами местного населения, не считая уже никакую Россию своей равномерной союзницей. Проф. сэр Бернард Пэрэ [\[217\]](#), лично бывший в России во

время Гражданской войны и интервенции, в своей книге «Россия», изданной в 1940 году, дает очень точное определение смысла союзной интервенции.

«Большое число русских офицеров, воспринявших брест-литовскую капитуляцию как позор, предлагали свои мечи союзникам, как, например, адмирал Колчак... Должны ли были союзники примириться с падением России или приветствовать такую помощь — об этом современный читатель может судить по таким современным примерам, как попытки захвата или уничтожения французского флота (после падения Франции. — *АЖ*) и та поддержка, которая с радостью была оказана генералу де Голлю ^[218]. Большевики, несомненно с германской помощью, совершили переворот и разогнали Учредительное собрание. Брест — Литовск разрушил восточную стену окружавшей Германию блокады, и союзники приветствовали всякое усилие, направленное к восстановлению Восточного фронта. Вот почему тогда шли в ногу гражданская война и интервенция, и вот почему нельзя судить об этих событиях с точки зрения психологии послевоенного периода».

То же самое, другими словами, пишет об интервенции Ллойд Джордж в своих мемуарах о мирной конференции.

Выходит так просто! Отдельные военачальники, группы офицеров, стыдясь капитуляции в Брест — Литовске, предлагали свои мечи союзникам. Союзники этими мечами пользовались, пока было нужно. По словам Ллойд Джорджа, в палате общин эти мечи «много содействовали триумфу союзников». Но так как триумфу союзников после Бреста содействовали белые армии, созданные по инициативе самих союзников (at our instigation), то Россия здесь была ни при чем! Триумфальная для наших союзников мирная конференция в Версале началась и кончилась без всякого участия России, и об одеждах ее бросали жребий, как о стране побежденной.

Все это построение об участии России в борьбе с Германией после Бреста было очень удобной для Запада легендой, — но все-таки только легендой.

Были, конечно, отдельные офицеры, предлагавшие свои мечи, — одни союзникам, другие немцам. Эти готовы были служить ландскнехтами у кого угодно. Но это были отдельные ничтожные люди. Не они создавали на «союзные средства» русские армии после Бреста. Вожди белой армии на Юге России — генералы Алексеев, Корнилов, Деникин — были моими непримиримыми врагами. Тем легче мне сказать о них правду, их обеляющую от обвинения в службе иностранным интересам. В самые первые недели после захвата власти Лениным они бежали на Дон и на Кубань. Тут к ним стала стекаться офицерская и студенческая молодежь для борьбы «за родину и честь России». Из небольших отрядов выросла армия без всякой иностранной денежной помощи. Она создавалась русскими силами и русскими средствами. Впоследствии руководство Добровольческой армией попало в руки реакционных политиков и она стала, по словам П. Н. Милюкова, по своим целям классовой армией, защищающей помещичьи интересы. Но и став контрреволюционной, она — даже после того, как она стала получать техническую помощь от союзников, — не была все же армией иностранных наемников. Содействуя триумфу союзников, Добровольческая армия глубоко верила, что этим она приближает час восстановления единой России. Армия адмирала Колчака также не была вызвана к жизни волей Лондона и Парижа. Колчак действительно был ввезен в Сибирь союзниками. Но и он ландскнехтом не был. К тому же, когда он приехал, вооруженная борьба с германами — большевиками на Восточном фронте, за Волгой и на Урале, в Сибири, была уже в полном разгаре.

Ленин правильно сказал: Гражданская война — триумф советской власти! После разгона Учредительного собрания и в особенности после Брест — Литовска неорганизованное сопротивление захватчикам власти быстро стало превращаться в широкое, активное движение народных масс.

Летом 1918 года не только без всякой помощи союзников, но еще и до их прихода диктатура Ленина была свергнута почти во всей Сибири, на Урале, в областях Уральского и Оренбургского казачьих войск, в Заволжье и на Средней Волге с городами Самарой, Симбирском и Казанью.

Обычно это движение отождествляют с вооруженным столкновением с большевиками чешских войск, созданных в России после падения монархии. Чехи, мол, освободили Поволжье и Сибирь» а затем появился адмирал Колчак, «предложивший свой меч союзникам» завершать их дело. Настоящая история борьбы на Волге, на Урале и в Сибири совсем другая.

Ко времени заключения сепаратного мира на русском фронте было около 40 тысяч автономного чешского войска. Это войско никакого участия во внутренней борьбе России принимать решительно не хотело. Чехи стремились уйти как можно скорее из России на французский фронт продолжать борьбу за создание независимой Чехии. Председатель их Национального совета Т. Масарик ^[219] вступил в соглашение с советским правительством о беспрепятственном пропуске чешских войск с оружием во Владивосток. Согласие было дано. Начался исход. И началась двойная игра большевиков с чехами. Уже прорываясь с фронта через Украину, чехам пришлось сдать часть оружия большевистским властям. В мае чешские войска отдельными небольшими эшелонами были разбросаны по всей железнодорожной магистрали от Пензы в центре России до Владивостока. Представители союзников в Москве настаивали на скорейшем пропуске чехов. Германский посол граф Мирбах требовал их разоружения и задержки в России. Придравшись к мелким недоразумениям между чехами и местными большевистскими властями, Троцкий, как комиссар по военным делам, издал приказ об остановке чешских эшелонов и об их разоружении. Мирный исход на родину превратился в вооруженную борьбу за право прорваться на родину.

Чехи были отлично дисциплинированы, показали себя на русском фронте превосходными солдатами, были проникнуты глубоким патриотизмом. Однако при всех этих качествах 40 тысяч солдат, разбросанных небольшими пачками по железнодорожной линии в несколько тысяч миль длиной, не могли бы ни освободить две трети России, ни спастись сами, если бы не встретили помощи и поддержки от местного населения.

И эта помощь была оказана, так как восстание чехов послужило лишь сигналом к открытому выступлению — даже несколько преждевременному — всех местных русских организаций. Внутри России и в Сибири уже несколько месяцев готовились к вооруженной борьбе с большевиками — за свободу и с немцами — за Россию.

Всюду — в Западной Сибири, на Урале, на Волге — антибольшевистское движение опиралось на демократические слои населения — крестьян, рабочих, казаков. Этим движением руководили члены новых, по всеобщему избирательному праву выбранных, городских и земских органов самоуправления, кооператоры, члены социалистических и демократических партий. Огромную роль в этот период сыграла партия социалистов — революционеров. Она имела большинство во всех новых демократических учреждениях и в Учредительном собрании. Для начала движения внутри России была выбрана Самара. Туда с весны стали съезжаться члены Учредительного собрания. Под его знаменем должно было начаться движение. Самара и завязала связи с чехами в Пензе.

После Бреста различные представители союзников начали усиленно вести переговоры с Центральными комитетами социалистических, демократических и умеренных партий о возобновлении «восточного фронта».

В Москве было заключено «соглашение» между «Союзом возрождения» (т. е. группой членов партии социалистов — революционеров, народных социалистов и кадетов) и французским послом в Москве, который, по его словам, представлял всех союзников.

Предполагалось, что в начале движения в одном из освобожденных городов России соберутся наличные члены Учредительного собрания и установят всероссийское демократическое правительство. Это новое правительство вместе с западными союзниками России возобновит войну с Германией. А союзники будут продолжать оказывать России всю возможную помощь вооружением и войсками.

Для успеха намеченного плана борьбы за восстановление России в условиях войны необходима была ясность отношений между антибольшевистской Россией и союзниками, точность и срочность в выполнении плана обеими сторонами.

В конце концов мои друзья предложили мне поехать за границу — 1) осведомить о положении в России непосредственно руководителей союзных правительств; 2) добиваться ускорения помощи и 3) выяснить, вообще, действительное отношение союзных правительств к событиям в России.

В начале мая 1918 года я приехал в Москву. Работа ГПУ (тогда оно называлось Чекой) еще только налаживалась, аппарат террора действовал с большими перебоями, в Москве были еще независимые газеты, в ней заседали Центральные комитеты антибольшевистских партий и всякого рода конспиративные комитеты. Обросший длинными волосами, с усами и бородой, я довольно часто, в особенности в сумерки, выходил из своего тайного убежища. Раза два — три бывал на конспиративных собраниях. Ко мне часто приходили ближайшие политические друзья и держали меня в курсе всего происходящего. Но все-таки жить в Москве значило ходить по краю пропасти: замкнутый круг людей, знавших о моем присутствии в Москве, неизбежно расширялся... Устроить мой проезд до Мурманска, где в это время стояли французская и английская эскадры, было довольно сложным предприятием. Выход нашел представитель сербского правительства по эвакуации военнопленных сербов и хорватов, полковник Комненович. Эвакуировались пленные через Мурманск, и он предложил снарядить вне очереди «экстерриториальный» сербский поезд для меня. Английский представитель Брюс Локкарт быстро выполнил все паспортные формальности. Наконец, вдвоем с верным другом и спутником, Владимиром Фабрикантом, я подходил пешком, в качестве эвакуируемого сербского солдата, к вокзалу, чтобы в первый раз — и может быть, навсегда, — уехать из России. В последнюю минуту на вокзале едва не случилась большая неприятность. Один из сербских офицеров узнал меня, несмотря на весь грим, и своим поведением обратил на меня внимание большевистской стражи... С большой находчивостью Комненович отвлек от меня внимание. Мы вошли в поезд, и он сейчас же тронулся.

Две с лишком недели черепашным шагом поезд шел до Мурманска. Там был последний барьер: проверка документов представителями местного Совета. Наконец, я на иностранной территории — гость капитана Пти, командира французского крейсера «Адмирал Об». Семь месяцев конспиративная жизнь в вечном напряжении казалась нормальной. Только теперь, на палубе чужого корабля, я почувствовал неимоверную усталость и почему-то отвращение к своим длинным волосам, усам и бороде. Прежде всего я попросил парикмахера...

Дня через два нас пересадили на маленькое английское каботажное судно с 12 человеками команды и с игрушечной пушкой на палубе против немецких подлодок, которые энергично действовали тогда на путях из Мурманска в Норвегию. Семь дней Ледовитого океана с двумя отличными штормами, когда волны перехлестывали через борта и заливали сверху, с люка, маленькую каютку, уступленную мне капитаном, — и мы пришли на крайнем севере Англии в стоянку большого британского флота. На катере меня провезли всей бесконечной линией стоявших на рейде кораблей. Глядя на эту несокрушимую морскую мощь Британской империи, еще острее вспоминалось все, что осталось позади...

18 июня я приехал в Лондон. Началась новая жизнь и новая борьба.

Я приехал на Запад в самый критический месяц перед переломом войны. Германия готовилась к новому наступлению, которое должно было стать и стало решающим. Англия и Франция уже вместе с Соединенными Штатами в последнем напряжении готовились к бою. Но в Лондоне жизнь была ключом. Вспоминая условия жизни в Петербурге в последние месяцы войны, трудно было ощущать войну в Лондоне — так все было крепко, устойчиво. Уверенность в непобедимости германской военной машины, которая владела большевиками и частью правых, антибольшевистских кругов внутри России, здесь, в Лондоне, казалась нелепостью. Твердая воля и императорской, и демократической России продолжать войну с Германией до конца никогда не казалась мне столь оправданной, как в эти первые недели моей жизни за границей. Вера, которой после Бреста жила вся демократическая Россия, в то, что победа союзников будет часом освобождения и восстановления свободной России, превратилась у меня в уверенность. Об этом при первом удобном случае я послал сообщение моим политическим друзьям, оставшимся в России и продолжавшим борьбу на местах.

Свидание с Ллойд Джорджем укрепило меня в моем оптимизме. В это время уже были получены сведения об успешном русско — чешском движении на Волге, о начавшемся освобождении от большевиков Сибири. Моя задача облегчалась. Я говорил Ллойд Джорджу не о том, что должно случиться, а о том, что уже началось. Мне оставалось только разве объяснить внутренний смысл и внутреннюю связь отдельных эпизодов борьбы, показать, какие силы в этой борьбе участвуют, подчеркнуть, что движение начато демократическими силами, что в нем участвуют левые и социалистические партии — в частности, в движении на Волге принимал участие будущий советский посол в Лондоне Иван Майский^[220], — крестьяне, рабочие, интеллигенция, что кооперативы снабжают новые армии средствами и т. д. Задача союзников — ускорить военную помощь, согласовать свои действия с настроениями в России и не разбивать там действиями своих представителей на местах единство всенародного движения. У меня осталось впечатление — может быть, и ошибочное, — что мой рассказ раскрыл перед Ллойд Джорджем такую действительность России, которой он не знал. Он попросил меня сейчас же повидать военного министра лорда Милнера и поехать в Париж, куда он сам ехал на военный совет союзников в Версале. В ближайшем своем выступлении в палате Ллойд Джордж сообщил о хороших сведениях, только что полученных из России.

Свидание с лордом Милнером имело для меня совершенно определенный смысл. Много лет спустя при случайном свидании с Ллойд Джорджем мы заговорили о прошлом. В конце разговора я спросил Ллойд Джорджа, почему в начале революции (в 1917–1918 гг.) союзники упорно содействовали военным заговорам, направленным на установление диктатуры. «Я об этом ничего не знал. Во время войны военное министерство вело у нас свою собственную международную политику», — ответил бывший британский премьер. Направляя меня к лорду Милнеру, он, может быть, хотел косвенно воздействовать на направление этой автономной военной дипломатии. Во всяком случае, отправляясь на свидание с лордом Милнером, я знал, куда я еду: плоды военной дипломатии союзников Россия пожала еще во время Корниловского восстания. Но это было печальное прошлое, о котором я не хотел и не имел права вспоминать в критический момент. Лорд Милнер весьма любезно меня принял и внимательно выслушал все мои сообщения, ни в чем не выдавая своего к ним отношения.

Почти сейчас же после свидания с лордом Милнером я, вслед за Ллойд Джорджем, как он мне посоветовал, поехал в Париж. Но, приехав в Париж, Ллойд Джордж потерял желание меня

видеть. Я же отнюдь не потерял желаний довести до конца ту задачу, которую я на себя взял. На Волге, на Урале, в Сибири антибольшевистское и антигерманское движение продолжало развиваться успешно. В Москве и «Союз возрождения», и центральные органы партии социалистов-революционеров и кадетов получили определенные обещания от французского посла Нуланса^[221] о том, что союзники и материально и морально поддержат их борьбу и то новое всероссийское правительство, которое должно было образоваться на освобожденных территориях. На Волге, в Самаре, где уже было местное правительство Комитета членов Учредительного собрания, и в Сибири представители союзников, в особенности французы, всячески поддерживали антибольшевистские силы. Я знал, что, несмотря на закрадывающиеся сомнения, руководители движения были уверены, что данные им обещания исходят из Парижа и Лондона. В Париже легче, чем в Лондоне, можно было выяснить действительное отношение наших союзников к тому, что происходит в России: Париж более разговорчив и менее сдержан. Тогда в особенности здесь был узловым пункт всех международных течений и настроений. Мой оптимизм здесь стал бледнеть. Клемансо его рассеял окончательно. Пока не было перелома на театре военных действий, Тигр готов был идти на все, чтобы задержать на русском фронте наибольшее количество германских войск. Поэтому вновь вспыхнувшая борьба на Восточном фронте его интересовала и радовала. При первом же свидании с ним выяснилось, что ни о каких обещаниях, данных в Москве, он не знает. Это подтвердил и сидевший почтительно рядом, на кончике стула, министр иностранных дел Пишон^[222]. Клемансо тогда наводил панику на своих ближайших друзей и сотрудников. Однако Клемансо сказал, что этому «недоразумению» не нужно придавать значения: французское правительство окажет всяческую помощь борющимся в России патриотам. Было условлено, что мои сообщения будут министром иностранных дел пересылаться в Москву французскому представителю шифром для соответствующей передачи.

Мои свидания с Клемансо внезапно оборвались... 14 июля, в день Французского национального праздника, у Триумфальной арки должен был состояться традиционный парад французских войск с участием отрядов всех союзников и в присутствии дипломатического корпуса. Накануне парада были отобраны пригласительные билеты у русского поверенного в делах Севастопуло и военного агента графа Игнатьева^[223]. Чиновник, приезжавший за этими билетами, объяснил, что они были посланы по недоразумению. Командующий русскими экспедиционными частями во Франции также не получил распоряжения выслать на парад русскую часть. Военный агент поехал объясняться к начальнику штаба. Тот сказал графу Игнатьеву, что билеты отобраны, так как Россия теперь страна нейтральная, которая заключила мир с врагами Франции. Военный агент приехал ко мне в крайне возбужденном состоянии, негодовал, что русские дипломаты оставили это оскорбление без ответа. Он просил меня, как бывшего военного министра и главнокомандующего, защитить честь русской армии и России. Мне не нужно было просьбы графа Игнатьева, чтобы выполнить свой долг.

В ночь с 14 на 15 июля началось последнее германское наступление, провал которого оказался началом германского разгрома. 15 июля было назначено мое свидание с Клемансо и Пишоном. Они должны были одобрить проект сообщения в Москву. Но его содержание теряло смысл, если Россия антибольшевистская и антигерманская, на территории которой вместе с русскими войсками в это время дрались войска союзников, стала «нейтральной» страной, исключенной из Антанты. Войдя в кабинет Клемансо, я в первый раз увидел его улыбающимся. Он уже видел перед собой победу. «Ну, давайте вашу бумагу!» — весело сказал Тигр. «Господин президент, позвольте сначала задать вам один вопрос». Я был взволнован. Клемансо это почувствовал и нахмурился. «Пожалуйста». — «Ваш начальник штаба сказал русскому военному агенту, что русские войска и он не приглашены были на парад 14 июля, потому что Россия —

страна нейтральная и заключила мир с врагами Франции. Я надеюсь, что это недоразумение не соответствует вашему мнению». Клемансо побагровел, откинулся на спинку своего кресла. Пишон замер и, казалось, готов был свалиться с кончика своего стула. В наступившей тишине я услышал резкий голос Клемансо: «Oui, Monsieur, la Russie est un pays neutre et c'est un pays qui a conclu la paix separbe avec nos ennemis»^[224]. Сдерживая себя, я встал, захлопнул портфель и сказал: «В таком случае, господин президент, мне в вашем кабинете совершенно нечего делать». Поклонился, повернулся и ушел.

На другой день ко мне приехал председатель палаты депутатов Дешанель. От имени президента республики Пуанкаре^[225] и своего собственного он говорил очень долго и красноречиво о неразрывных узах, которые связывают Францию с национальной Россией, о верности Франции союзнице, которая с великим самоотвержением боролась за общее дело, и т. д. Он объяснил поступок Клемансо переутомлением от его сверхчеловеческой работы. Через несколько дней я был приглашен к Пуанкаре, который в своей бесстрастной, ледяной форме кратко повторил сказанное Дешанелем.

Слова Пуанкаре и Дешанеля остались словами. Формула Клемансо о «нейтральной России, изменившей союзникам» превратилась в политику «санитарного кордона» из малых и средних государств, которые выкраивались из живого тела «бывшей империи» после победы над Германией.

Через месяц после приезда за границу мне казалось, что я уже стал нащупывать направление русской политики Англии и Франции, которое мало соответствовало тем надеждам, с которыми демократическая и патриотическая Россия связывала обещание союзников разорвать в клочки после победы Брест — Литовский договор. Во всяком случае, уже в августе для меня стало несомненным, что интервенция союзников происходила в России по их собственному плану, никакого отношения к происходившим в Москве переговорам и ожиданиям русской демократии не имеющему. Окончательно открыл мне глаза один ошеломивший меня факт. Из русской военной среды я получил совершенно точные сведения, что в Лондоне находится один из главных организаторов и руководителей заговора генерала Корнилова, финансист Завойко, что он проживает с ведома английского военного министерства по паспорту «полк. Курбатова» и набирает офицеров для отправки через Америку в Сибирь. Эти офицеры должны были содействовать приходу к власти адмирала Колчака. С генералом же Пулем, который руководил операциями смешанного союзного экспедиционного корпуса в Архангельске, отправился под фамилией английского офицера Томсона русский капитан второго ранга Чаплин. Чаплин должен был установить военную диктатуру на севере России.

III

Между тем, опираясь на «обещание», данное от имени союзников французским послом Нулансом, из Москвы в помощь местным демократическим организациям поехали в Архангельск Н. В. Чайковский и несколько его политических друзей. Эти люди вместе с местными крестьянскими, кооперативными и земскими деятелями, опираясь на поддержку подавляющего большинства местного населения, подготовили переворот. Ничего не ведая, они назначили этого самого капитана Чаплина начальником местных русских войск. Приблизительно через три недели после восстановления на севере России демократического правительства в одну прекрасную ночь были все арестованы по соглашению Чаплина с генералом Пулем и отправлены на Соловецкий остров в монастырь. Под давлением начавшихся забастовок, разложения русских войск и фронта и протеста находившихся тогда в Архангельске

союзных дипломатов члены правительства были возвращены с Соловков. Формально правительство Чайковского было восстановлено, но состав его был изменен. Сам Чайковский уехал в Париж. На его место явился генерал Миллер (впоследствии похищенный большевиками в Париже). Большевикам оставалось только снять жатву, посеянную для них генералом Пулем и капитаном Чаплиным. Операция в Архангельске была только репетицией переворота в Омске, который приблизительно два месяца спустя сделал адмирала Колчака диктатором, открыв и здесь легкий путь для большевиков в Сибирь.

Еще в конце августа, находясь в Лондоне, я знал о неизбежности диктаторских переворотов в Сибири и на севере России с помощью иностранцев. Не имея возможности письменно вовремя предупредить моих политических друзей, которые слишком доверчиво относились к «обещаниям» союзников, я решил немедленно вернуться в Россию, для того чтобы лично обо всем рассказать. Мне больше нечего было делать в Европе: миссия моя кончилась крахом. Во время войны проехать из Англии в Россию без согласия английских властей было невозможно. Я написал письмо Ллойд Джорджу с просьбой помочь мне вернуться в Россию. Очаровательный секретарь Ллойд Джорджа — Филипп Карр (впоследствии лорд Лотиан, скончавшийся послом в Вашингтоне), с которым мне тогда приходилось иногда видаться по делам, ответил мне любезным письмом. Ллойд Джордж понимает мое желание вернуться на родину, но, к сожалению, не может этому помочь, т. к. это противоречило бы «решению английского правительства не вмешиваться во внутреннюю политику России».

Эти слова были написаны как раз во время переворота в Архангельске, сделанного капитаном первого ранга Чаплиным^[226] под покровительством английского генерала Пуля.

Деятельность генерала Пуля отнюдь не была каким-то исключением или случайным эпизодом. Напротив, генерал Пуль^[227] выполнял в Архангельске общий план интервенции. Я это заявляю совершенно категорически, с полным сознанием ответственности за это. Находясь тогда то в Лондоне, то в Париже, я пристально следил за закулисной подготовкой и выполнением интервенции. Мои наблюдения были совершенно точны. После того как я был лишен возможности вернуться в Россию, я в сентябре месяце написал в Архангельск Н. Чайковскому, как готовился в Лондоне переворот на севере России, и добавлял: «Эпизод, который случился с вами в Архангельске, при первом удобном случае повторится с Директорией в Сибири». Директорией называлось тогда только что образованное в Уфе на совещании всех антибольшевистских партий и организаций новое коалиционное всероссийское правительство. Напоминаю еще раз, что весной 1918 года французский посол Нуланс от имени союзников обещал поддержку этому правительству. В России никто не знал то, что я уже узнал, а именно: что обещания Нуланса не признаются ни в Лондоне, ни в Париже. 25 октября 1918 года (переворот Колчака был 18 ноября того же года) я послал с верным человеком письмо Н. Д. Авксентьеву, где писал между прочим следующее: «С июля здесь, в Лондоне и Париже, работал Завойко со своими друзьями. Он имел исключительное положение у лорда Мильнера^[228] и теперь едет к вам, чтобы в широких размерах повторить переворот в Архангельске, который был совершен с ведома и по взаимному соглашению с английскими властями. Я настаиваю на том, чтобы вами были приняты меры к выяснению всех заговорщиков в России, так как новое повторение попытки генерала Корнилова может окончательно разрушить и добить Россию. Будьте особенно внимательны к деятельности генерала Нокса».

Г. Завойко не успел доехать вовремя до Сибири — он был в Соединенных Штатах, когда «правителем России» стал адмирал Колчак, которого, по словам военного министра Уинстона Черчилля^[229] (6 июня 1916 г. в палате общин), «мы вызвали к жизни».

Генерал А. Нокс поддерживал тесную связь с участниками заговора Корнилова против

Временного правительства, а затем появился в Сибири, чтобы там закончить с Колчаком сделать то, что не удалось сделать с Корниловым. Своеобразная роль генерала Нокса в России была хорошо известна союзным правительствам.

5 ноября 1919 года в английской либеральной газете «Манчестер Гардиан» были опубликованы протоколы заседаний мирной конференции по русскому вопросу. В протоколе от 15 января 1919 года излагается речь Ллойд Джорджа и между прочим приводятся следующие его слова: «Кто же может сбросить большевиков? Называют имена Деникина, Колчака, Нокса. Если союзники рассчитывают на одного из этих лиц, то они стоят на зыбучем песке»...

Как впоследствии в Германии, в России в 1917 и 1918 годах антидемократическое движение не было единым. Демократия была атакована сторонниками диктатуры с двух сторон, и слева и справа. Борьба демократии с реакцией сразу на два фронта была во всей Европе своеобразным последствием Первой мировой войны. Поэтому за реакционное движение справа, возникшее в России после установления там демократической республики, западные демократии никакой ответственности, конечно, не несут. Но их правительства того времени несомненно несут долю ответственности за катастрофу России и окончательное торжество тоталитарной диктатуры большевиков. Они ответственны за это потому, что упорно поддерживали силы правой реакции против русской демократии, верившей — может быть, и наивно — в демократическую фразеологию своих западных союзников.

М. Вишняк, наблюдавший за деятельностью представителей Антанты в России в начале Гражданской войны, отмечает в своей книге «Всероссийское Учредительное собрание» факт, удививший тогда русское общественное мнение. «Республиканцы и демократы у себя дома, — пишет он, — представители французской, английской и даже американской миссий становились за немногими исключениями проводниками реакционных влияний в России». Почему? М. Вишняк указывает на две причины — непонимание происшедшего и окружающего, второе — высокомерное убеждение, что Россия, «не знавшая в течение веков иной власти, кроме деспотической», более приспособлена к авторитарному строю, чем к демократическому строю. Конечно, обе эти причины сыграли свою роль в разрыве бывших союзников с Россией. Ллойд Джордж, например, на мирной конференции говорил, что Россия — это джунгли, в которых нельзя разобраться. Но главная причина трагического недоразумения, которое произошло в конце войны между востоком и западом Европы, была в том, что никто из союзников — кроме Соединенных Штатов — не был заинтересован в восстановлении здоровой сильной России в ее старых границах и даже этого не хотел. В 1918 году я видел собственными глазами, как мысль о расчленении России становилась тем популярнее в правящих кругах Антанты, чем несомненное становился разгром Германии.

Последние недели перед капитуляцией Германии и перемирием до меня доходили из верных источников сведения о том, что в правящих кругах Антанты начинаются разговоры о «разделе сфер влияния» в бывшей Российской империи. Передо мной возникал жуткий призрак нового для России Брест — Литовска. До заключения перемирия я молчал. После 11 ноября нужно было сказать правду. Сидя в английской деревне, я написал статью и послал ее в Париж моему другу Альберу Тома. После напряженной борьбы с цензурой Клемансо Тома удалось опубликовать ее в два приема в «L'Information» (14 ноября и 7 декабря 1919 г.). Я приведу из этой статьи большие выдержки, ибо эта статья передает воздух эпохи и переживания русских людей того времени.

«Россия — это такая огромная задача, без справедливого решения которой ничто и никогда окончательно не будет решено. Война кончена. Представители держав — победительниц уже съехались выработать и продиктовать Германии условия мира. К этому обсуждению привлечены, что совершенно справедливо, представители будущих правительств, будущих

государств... Но где же Россия? Почему не слышно ее голоса? Почему никто не представляет ее интереса на совещании союзных правительств? Почему в числе союзных наций даже не упоминается ее имя? Русский флаг, так обильно обагренный кровью павших за нашу и вашу свободу, не развевается рядом с союзным флагом. Почему? Россия — страна нейтральная и страна, которая заключила мир с нашими врагами, — сказал мне Клемансо 15 июля 1918 года (эту мою фразу цензура исключила из статьи...). Неужели эта формула остается до сих пор руководящей в отношении союзников к России? Она заключила мир с врагом и теперь должна испытывать все последствия этого, включительно до... права держав — победительниц распоряжаться ее территориями без ее на то согласия.

Трагическое недоразумение между Россией и ее союзниками продолжается! Оно глубоко волнует всех русских. Оно может тяжело отразиться на всем будущем положении Европы; на прочности самого «мира мира». Многим кажется, что России больше не существует! Не существует России, с которой стоит считаться, как с силой! Нет, Россия была, есть, а главное — будет! Если у русского народа нет сейчас силы, то у него есть зато глубокое сознание и знание, куда ушла его сила. Он знает, что она ушла вся целиком на борьбу за право и правду. Россия знает, что без ее вчерашней жертвы не было бы сегодняшней победы. Совесть, разум русского народа знает, что долг его в этой войне исполнен до конца!»

Дав краткую сводку вклада России в общую победу, я писал дальше: «Поведение каждого правительства, когда перед ним стоит вопрос — или рискнуть сепаратным миром во имя интересов своей страны, или продолжать борьбу во имя интересов всего союза, диктуется степенью *доверия* данного правительства к своим союзникам. Я позволю себе сделать довольно грубое, но более понятное для умов, привыкших слишком реально мыслить, сравнение: в коммерческой жизни, когда какой-нибудь синдикат решает уничтожить своих конкурентов, некоторым из его участников приходится выбрасывать на рынок товар по цене иногда далеко ниже себестоимости. Конечно, эти члены синдиката несут убытки и даже могут совершенно разориться. На такой акт самопожертвования каждая отдельная фирма идет только в том случае, если она совершенно уверена, что синдикат возместит все ее убытки и учтет все значение такого образа действий своего сочлена в общих интересах. Что бы сказал торговый мир, если бы узнал, что такой-то синдикат вышвырнул из своего состава фирму, которая содействовала, может быть, в большей степени, чем все остальные, победе над конкурентами и которая растратила весь свой капитал на эту операцию? Сравнение не изящное, но, увы, не бесполезное... С великой патриотической тревогой, в глубоком смущении всматриваемся мы, русские, в ближайшее будущее, нас ожидающее. В самый разгар большевистского предательства — в момент подписания Брест — Литовского договора, когда, как уверяли немцы, навсегда исчезала с карты Европы Россия и возрождалась Московия, место которой в Азии, — мы, русские, были спокойнее, чем сейчас. Мы верили, что война с участием Соединенных Штатов будет доведена до победоносного конца. И нам казалось, что этот час победы будет часом возрождения России... Еще не поздно. Россия напряженно ждет, и совесть народа говорит ему, что он имеет право, *как равный среди равных*, решать свою судьбу в совете держав на мирной конференции. В упоении своей силы нельзя забывать о чужом праве.

Нужно, наконец, согласовать отношение к России не с формулой Клемансо, а с обещанием союзников «не признавать Брест-Литовский договор». Неизбежным следствием этого непризнания является продолжение союзных отношений с Россией. Для этого Российское Временное правительство, восстановленное 23 сентября 1918 года на Государственном совещании всех антибольшевистских сил, должно быть признано. Представители русского правительства должны быть приглашены на общих со всеми союзниками основаниях к обсуждению вопросов, связанных с окончанием войны.

В частности, никакие вопросы о территории России не должны обсуждаться без ведома и участия России. Иначе — в чем же будет разница между непризнанием и признанием Брест — Литовского договора?»

Господин Молотов ^[230] в тридцатую годовщину Октября произнес очень существенную и откровенную речь.

Ведь это он несколько лет тому назад по поводу постоянных рассуждений иностранцев о «таинственной загадочности политики Советов» сказал: никаких загадок в нашей политике нет; каждый, кто умеет читать, может ее легко понять.

И действительно, молотовская речь в московском Большом театре 6 ноября 1947 года доказывает, что в политике Кремля **все ясно** и доступно пониманию всякого мало — мальски грамотного в политике человека; если он, конечно, хочет читать то, что написано, а не то, что ему хочется, чтобы было написано.

Конечно, утверждая, что ленинско — сталинская политическая азбука проста и честна, как букварь, Молотов отнюдь не хотел сказать, что коммунисты всегда честно относятся к слову. Совсем нет! Это было бы кощунственным отрицанием заветов Ильича. Ибо ложь, как средство завоевания несознательных масс и разложения капиталистического враждебного мира, является одним из самых могущественных средств коммунистической тактики.

Молотов, отрицая с негодованием загадочность коммунистической политики, сказал только одно: мы не скрываем и никогда не скрывали нашего учения, наших целей, средств их достижения, отношения к так называемой общечеловеческой морали; все это черным по белому напечатано на всех языках культурного мира; мы, коммунисты, не скрываем, **кто** мы и **куда** мы идем, но часто по разным тактическим надобностям надеваем, то здесь, то там, разные маски — то демократические, то миролюбивые, то патриотические, — и не было еще случая, чтобы наш очередной маскарад не давал нужных нам результатов; не наша воображаемая загадочность, а чужая... наивность давала нам все эти тридцать лет небывалую еще в истории партий и политических движений свободу маневрирования...

А когда успешным маневрированием очередная стратегическая цель достигнута, Коминтерн во главе с Кремлем открыто, на глазах у всего мира, указывает новую стратегическую цель и круто меняет свою тактику. Обыкновенно о новом этапе объявляется не сразу, а после нужной внутренней перестройки. А затем уже, так сказать, на ходу ставится **веха** на новом пути.

*

Такой вехой была речь Молотова 6 ноября. Ее смысл: после Второй мировой войны началась решительная во всем мире борьба между гибнущим капитализмом и восходящим к власти коммунизмом. Победа обеспечена, конечно, восходящей силе, ибо «мы вступили в эру, — поясняет директивную речь Молотова “Правда”, — когда все пути ведут к коммунизму. Коммунистические идеи восприняты широкими массами за границей и вдохновляют эти массы к самоотверженной борьбе с капиталистическим рабством».

При таком настроении народных масс во всем мире победа должна бы была прийти мирным, так сказать, демократическим путем. Но обреченный «империализм» (капитализм) не хочет сдаваться. «Беспокойство и тревога нарастают в рядах империалистов, — свидетельствует Молотов, — ибо каждый видит, как уходит у них почва из-под ног в то время, как силы демократии и социализма изо дня в день крепнут и спланиваются». Ничего народам, кроме сугубого угнетения и возрождения ненавистного фашизма, последыши капитализма дать не

могут. А посему они неизбежно начинают искать спасения «в новых империалистических авантюрах» («в новой войне» — уточняет дипломатический язык Молотова «Правда»).

Однако, предостерегает Молотов империалистов, трезвая оценка положения свидетельствует, что в наше время империалистические авантюры для судеб капитализма — **опасная игра** (которая ведет, опять поясняет «Правда», «к быстрому краху всей капиталистической системы»). Тут уже явное повторение своими словами знаменитого откровения Ленина (1915 г.) о «гигантской пользе» современной войны для развития «мировой пролетарской революции».

Тогда, в Первую мировую войну, «гигантская польза» выразилась только в разгроме России, «самой свободной страны среди воюющих, где отсутствует насилие над массами» (Ленин, «Правда», 7 апреля 1917 г.). Но зато Октябрь был «первым шагом к мировой революции»; зато на слезах и крови замученного террором народа была построена «могущественная база для дальнейшего развития» этой революции (слова в кавычках принадлежат Сталину в «Проблемах ленинизма»).

*

Тридцать лет разноплеменные коммунисты, под восторженный гул не менее разноплеменных попутчиков, наивных демократов и социалистов, строили базу для второго шага мировой революции. А когда решительное время пришло, то «база» — то в России как будто и ушла из-под ног! Превратилась из опорного пункта наступления в ненадежный тыл. И об этом свидетельствует та же юбилейная речь Молотова в части, посвященной внутренней политике СССР.

Когда после капитуляции Германии состоялась встреча зарубежных русских с русскими советскими, нам, давним изгнанникам, открылась **правда** и о жизни, и о настроениях подавляющего большинства подсоветского населения. И то, о чем мы только догадывались, оказалось действительностью. Оказалось, нельзя перековать народной души насилием, ни перевоспитать ее ложью. Сотни тысяч освобожденных из германских лагерей советских людей, сотни тысяч новой российской молодежи, не знавшей добольшевистской России, принесли с собой на Запад только одно: **страстный зов к свободе и жгучую ненависть к тоталитарному насилию**, беспощадно калечащему жизнь народа!

Под маской казенного благополучия речь официального представителя Политбюро полна мучительного беспокойства и напряженной тревоги. Обреченный капитализм в панике хватается за атбомбу; повсюду вне России широкие массы вдохновляются коммунизмом и готовятся к последнему бою. А в Стране Советов, стране, от социализма уже «уверенным шагом приближающейся к коммунизму»... «никто не может отрицать того, — восклицает Молотов, — что пережитки капитализма чрезвычайно крепко засели в сознании народа».

Все способы пресечения и предупреждения пущены в ход. Но домашних средств уже недостаточно. И Кремль ищет помощи вне России. «Никто не будет отрицать и того, — продолжает Молотов, — что теперь мы имеем огромные возможности довести борьбу с этими пережитками до благополучного конца». Как? Очень просто: Советский Союз имеет за границей во всех странах «многочисленных друзей... проникнутых горячей симпатией и верой в наше дело».

В чем политический смысл этого сентиментального рассуждения о заграничных друзьях? В том, что теперь, после второй войны, уже *нельзя преодолеть сопротивления тоталитарному коммунизму внутри России без победы этого коммунизма вне России*. Ибо «любопытно

отметить, что идеологический авторитет советской власти наиболее силен в наши дни в местностях за пределами России, в странах за линией ее полицейской власти».

Это верное наблюдение одного из ближайших сотрудников Государственного секретаря США («Foreign affairs», июль 1947 г.) не только служит отличным комментарием к речи сталинского министра иностранных дел. Оно должно еще разрушить в сознании людей воображаемую идеологическую стену между «Востоком» и «Западом», наглядно доказывая, что западная душа, например, во Франции может воспринимать коммунистические идеи во всяком случае не хуже пресловутой славянской души России.

Однако, призвав на помощь «друзей», Молотов никак не может успокоиться. Нарисовав в самых радужных красках единение Сталина с народом, он опять к концу речи возвращается к неугомонным «пережиткам». Наемные писаки буржуазии за время войны уверяли, что советские люди, насмотревшись на западные порядки, захотят их завести у себя. Вздор, вздор! — уговаривает себя Молотов. Советские люди из плена вернулись еще большими энтузиастами тоталитарной диктатуры, чем были до войны... И вдруг тут же взрыв ярости: «Не весь наш народ освободился от пресмыкательства и раболепства перед Западом, перед капиталистической культурой!» Горе этому народу, ибо, «не освободившись от таких пережитков, никто не может быть настоящим советским гражданином». Что сей окрик на юбилейном торжестве означает — тут мне объяснять не надо.

Раболепствующие перед капиталистической культурой — *а на самом деле преклоняющиеся перед человеческой свободой* — должны быть беспощадно истреблены. Ибо наступает эра коммунизма. Ибо «большевистская партия, созданная Лениным и Сталиным и являющаяся высочайшим выражением морально — политического единства нашего народа, — ныне под водительством великого Сталина указывает прочим народам путь к всеобщему миру, к освобождению от кровавых войн и от капиталистического рабства».

*

Так, конец директивной речи представителя Политбюро и Коминтерна возвращает нас к ее коренному положению: после второй войны началась долгожданная решительная борьба между гибнущим капитализмом и восходящим к власти коммунизмом во всех странах.

Начался второй круг борьбы — не на живот, а на смерть!

Первый круг борьбы кончился, едва начавшись, временным отступлением «мировой революции» — нэпом, социализмом в одной стране, народными фронтами и кутузовским мундиром Сталина. Он кончился отступлением потому, что первая война недостаточно еще разрушила старый мир; потому, что сама база пролетарской мировой революции, захваченной Лениным в России, была еще кустарно организована; потому, что коммунистические силы вне России были еще не собраны как следует, не имели еще настоящего единства командования; потому, что само «капиталистическое общество» недостаточно еще было деморализовано собственным циническим оппортунизмом, а умелая психологическая подрывная работа Коминтерна еще недостаточно была развернута.

Опасно закрывать глаза на действительность: к началу второго тура все изменилось в благоприятную для коммунистической агрессии сторону. За краткий промежуток перемирия между войной «на истощение» и войной «на истребление» (1918–1939) все недостатки в механизме «мировой революции» были исправлены. А «гниющий капитализм» породил двух новых тоталитарных чудищ — фашизм и нацизм. Оставалось только готовиться к неизбежному — ко второй войне. На этой подготовке сосредоточить все свои силы; ей подчинить, как

ближайшей стратегической цели, всю тактику Коминтерна и ждать, пока вторая волна войн создаст вторую волну революций.

*

Ждать пришлось совсем недолго, «гигантская польза», которой, после первой войны, не дождался Ленин, оказалась действительно гигантской после второй войны: почти весь свободный мир очутился на самом краю пропасти, у того «конца с ужасом», который был обещан всему буржуазному миру еще тридцать с лишком лет тому назад.

После второй, тоталитарной войны коммунизм уже с поднятым забралом вернулся на свою родину, на Запад, и вышел на мировую арену как первоклассная политическая сила, претендующая на власть — идеологическую и политическую — над всеми народами.

И судьбы тоталитарной диктатуры в России зависят от того, победит ли коммунизм вне России — на Западе, в Европе и на всем евразийском материке. Отсюда новый послевоенный курс кремлевской международной политики. Она в речи Молотова весьма своеобразно выражена... фигурой умолчания. О том, о чем без умолку говорилось во время войны, в особенности до Сталинграда, о государственных и национальных интересах «вечной России», — теперь ни слова!

Тот же ближайший сотрудник генерала Маршалла [\[231\]](#), автор статьи в «Foreign affairs», заметил новый кремлевский курс. Теперь, пишет он, *«вся политика Москвы по преимуществу определяется интернациональным коммунистическим движением»*.

Да, Политбюро вместе с Коминтерном поставили, совершенно по — «ленински», судьбу нашей родины на карту мировой революции!

Ленин, будучи еще в Швейцарии в июле 1915 года, писал: «Кто пишет против государственной измены, против распада России... тот стоит на буржуазной, а не на пролетарской точке зрения. Пролетарий не может ни нанести классового удара своему правительству, ни протянуть на деле руку своему брату пролетарию чужой, воюющей с нами, страны, *не совершая государственной измены*» («Соц. — Демократ», № 43, 1915 г.).

Что Ленин протянул руку не «своему брату» пролетарию, а при посредничестве Парвуса и графа Брокдорф — Ранцау [\[232\]](#) германскому канцлеру Бетман — Гольвегу и генералу Людендорфу — факт исторический, установленный и неопровержимый.

Пораженческое сотрудничество с германским правительством во время Февральской революции не могло иметь целью ни «низвержения» уже низвергнутой монархии, ни «освобождения» уже освобожденного пролетариата. «Такой свободы, как у нас, — восклицал Сталин на VI съезде большевистской партии в августе 1917 года, — нигде не существует, нигде у пролетариата не было и нет таких широких организаций».

Средством к какой же цели была государственная измена? Только одним из средств, облегчивших захват власти. Захват же власти понадобился большевикам не для того, чтобы «передать всю власть Учредительному собранию, хозяину земли русской», как клялись они народу перед Октябрем, а для того, чтобы этого хозяина в первый же день выгнать и в порядке гражданской войны установить диктатуру пролетариата. (Это признал сейчас же после переворота Бухарин [\[233\]](#).) А сущность диктатуры Сталин вслед за Лениным определил совершенно ясно и точно: «Это есть неограниченная власть, опирающаяся на насилие, а не на закон» («Проблемы ленинизма»).

Зачем понадобилось предательством государства, разгромом России и обманом народа

Ленину — вводить диктатуру, а Сталину — за нее упорно и цепко держаться?

Почему Ленин, едва почувствовав, по его словам, в «буржуазной» Февральской революции социалистические мотивы, стал «твердо и решительно» стремиться к диктатуре пролетариата? Ответ на этот вопрос имеет сейчас отнюдь не историческое, а архисовременное значение! В этом ответе ключ к политике Сталина после второй войны.

Стремясь к завоеванию власти пролетариатом, Ленин сначала, сидя еще в Швейцарии, в начале первой войны, не думал, что «самая отсталая» в Европе крестьянская страна, Россия, созрела к социальному пролетарскому перевороту, к торжеству марксистского социализма. Все его мысли были на западе Европы — там, в передовых индустриальных странах с мощным, организованным, как класс, пролетариатом, начнется неизбежная, подготовляемая грабительской войной международных империалистов война классов, гражданская война внутри каждой страны. А эти войны превратятся, в свою очередь, в мировую социальную революцию...

И вдруг совершенно неожиданная, народная, «буржуазная» революция в России перевернула все вверх дном и определила российский пролетариат к тоже неожиданной для него роли: быть — правда, «ненадолго» — застрельщиком европейской и мировой классовой пролетарской революции!

Больше неправдами, чем правдами устраивается пролетарский Октябрь в глубоко крестьянской стране. И среди гроз и бурь Гражданской войны, которую сам Ленин называл «триумфом советской власти», растерзанная Россия превращается в плацдарм для сосредоточения революционных интернациональных сил. Эти силы не сегодня завтра развернутся на Западе и дадут обреченному капитализму решительный бой в подлинно пролетарских странах.

«Наша задача, — говорил Ленин представителю лондонской газеты «Дейли Ньюс» 22 марта 1918 года, — продержаться до тех пор, пока взаимное истощение воюющих групп европейского капитала не вызовет революцию во всех странах».

Конечно, Ленин преувеличил степень истощения старого мира в войну 1914 года. Он от нетерпения просчитался в сроках. Но он не ошибся в общей оценке последствий современных войн для культурного мира. Вместо нескольких месяцев, как он утверждал в упоении октябрьской победы, пришлось «продержаться» почти 30 лет, жертвуя во имя грядущего всем, чем угодно, кроме... диктатуры.

В 1922 году, когда «от России ничего не осталось, кроме Великороссии», Ленин, не смущаясь, заявил: «Мы утверждаем, что интересы мирового социализма выше интересов национальных, выше интересов государства»...

*

Так, после Ленина остались *две заповеди* — во — первых, держаться во что бы то ни стало, пока не проявятся революционные следствия военного истощения капиталистических стран; во — вторых, жертвовать благом государства, если и когда этого потребуют интересы мирового коммунизма.

Разгадка всей «тайны» кремлевской политики заключается в том, что Сталин понял то, чего никак не мог понять Троцкий. Он понял, что нельзя сразу гнаться за двумя зайцами: крепко держаться на базе до новой войны и в то же время заниматься «мировой революцией», бесплодно растрачивая революционные силы. Он понял, что две заповеди Ленина есть в то же время два разных последовательных этапа в развитии мировой революции.

А понять это было не трудно, так как еще в декабре 1916 года в статье под знаменательным

— особенно теперь, в 1947 году — заглавием «Военная программа пролетарской революции» Ленин писал: «Социализм не может победить одновременно во всех странах. *Он победит первоначально в одной или нескольких странах...* Это должно вызвать не только трения, но и прямое стремление буржуазии других стран к разгрому победоносного пролетариата социалистического государства... Социальные попы и оппортунисты всегда готовы мечтать о будущем мирном социализме, но они как раз тем и отличаются от революционных социал — демократов, что не хотят думать и помышлять об ожесточенной классовой борьбе и классовых войнах для осуществления этого прекрасного будущего... Только после того, как мы низвергнем, окончательно победим, экспроприруем буржуазию во всем мире, а не только в одной стране, войны станут невозможными».

Вывод: вся деятельность 3-го Интернационала со всеми его местными «путчами» и стачками оказалась после конца первой войны, в *мирное время* бесплодной потому, что первая война недостаточно еще расшатала старый мир. Для того чтобы завершить мировую пролетарскую революцию, нужна новая мировая война.

В конце 20-х годов только совсем слепые могли не видеть приближающегося мирового кризиса. А у Сталина острое политическое зрение.

29 июня 1930 года на XVI съезде компартии он заявил: «Элементы глубокого кризиса капитализма нарастают и будут нарастать. Характеризуя нынешнее время в нескольких словах, мы должны сказать: начался перелом... Империалистическая война и ее следствие усилили гниение капитализма и разрушили равновесие капиталистической системы. ***Мы живем сейчас в эпоху войн и революций***».

С этого времени и до начала второй войны вся внутренняя и внешняя политика Коминтерна во всех странах укладывается в очень краткую формулу: держаться до Второй мировой войны какими угодно средствами и к ней готовиться.

И продержались, и приготовились! Десять лет готовились на глазах всего свободного демократического мира, и никто из западных государственных вождей и политических лидеров этого не заметил. Не хотел замечать, ибо «тьмы горьких истин нам дороже» нас успокаивающий самообман.

О, с каким облегчением вздохнул правящий Запад, когда Сталин «предал» идеи и идеалы «пролетарского Октября Ленина и Троцкого»; провозгласил социализм в одной стране; расправился с левыми и правыми фанатиками; занялся индустриальными достижениями; ввел в СССР самую демократическую в мире конституцию; образовал вне СССР народный фронт всех демократических сил против реакционного фашизма; выслал Литвинова^[234] в Лигу Наций устраивать коллективный мир; заговорил языком зрелого государственного деятеля и исконного русского патриота!

Правда, западное демократическое сознание несколько прояснилось, когда этот самый «русский патриотизм» Кремля превратился в «узкий национальный эгоизм» и загнал без ее ведома Страну Советов в лагерь Гитлера. Началась как будто переоценка ценностей. Режим в России вдруг оказался таким же жестоким и отвратительным, как и в прочих тоталитарных странах.

Однако, как только Гитлер ворвался в Россию, сознание опять замутилось, и кремлевские тоталитарщики торжественно вступили в совет вождей мировой демократии.

Сталин же и прочие коммунистические стратеги и в компании с Гитлером, и в компании с Рузвельтом продолжали методически «осуществлять военную программу пролетарской революции».

Для них все эти социализмы в одной стране, народные фронты, национальные интересы, патриотические и демократические цели войны, роспуск Коминтерна, партизанские

организации — все это было лишь различными камуфляжами, дымовыми завесами, защитными масками!

Ими по надобности места и времени удачно пользовались, пока не случилось того, чего не дождался в 1917–1919 годах Ленин!

*

Новая всеобщая война уже не «на истощение», а «на истребление» вызвала, взаправду, революции во всех странах или, точнее, превратила огромную часть мира — в особенности Европу — в хаос разрушения, разложения, ненависти и последнего человеческого отчаяния!

Наконец! То пламя классовых гражданских войн забушевало по всей земле! Чего же еще ждать? Мы уже вступили в эру победоносного коммунизма.

Наступила третья решительная стадия в диалектике развития мировой революции.

Он пришел, второй, мировой Октябрь!!

Пришло время «окончательного низвержения буржуазии во всем мире». Теперь каждый настоящий коммунист должен вспомнить вторую заповедь Ленина и **доказать на деле**, что для него «интересы мирового социализма выше интересов национальных, выше интересов государства».

Именно это своеобразие коммунистического «патриотизма» и создало **нелепую** — но очень распространенную на Западе — легенду о том, что все несоветские, нероссийские коммунистические лидеры являются просто — напросто «агентами русского империализма».

Странные коммунистические «агенты» странного «иностранным империалистическим правительства», политика которого «направляется по преимуществу целями коммунистического движения».

Ведь это значит, что французские, итальянские и прочие коммунисты в такой же степени являются агентами коммунистов советских, в какой — последние являются агентами первых. Другими словами, коммунисты разных наций и государств не агенты друг для друга, а дружные соучастники в общем деле, в общем заговоре, в общем преступлении.

Они все вместе борются за свои общие цели одинаковыми средствами и одинаково не щадят, если нужно, своих собственных отечеств.

Для кремлевских, в частности, коммунистов настало теперь время довести «дело Ленина» до конца, т. е. *поставить на карту* мировой революции *самое существование СССР*.

Россию ждет — разгром, торжество всех ненавистей и сепаратизмов, расчленение. Новый, еще более сокрушительный, чем был ленинский, *сталинский Брест — Литовск*.

В лучшем случае Россия окажется опять, как после первого Октября, в пределах Великороссии с Сибирью и, «может быть», с Белоруссией.

О такой жуткой России я прочел в статье Г. П. Федотова [\[235\]](#) «Судьба империй» («Новый журнал», кн. 16). Но Г. П. Федотов до сих пор еще верит в легенду о перерождении коммуниста Сталина в крайнего русского националиста и империалиста. Поэтому он сам себя обманывает. Развивающуюся по всему миру коммунистическую агрессию принимает за несуществующую «русскую экспансию» и думает, что у свободолюбивых народов нет другого выхода, кроме разгрома великорусского империалистического хищника. «Большевизм умрет, — пишет он, — как умер национал — социализм. Но кто знает, какие новые формы примет русский фашизм или национализм для новой русской экспансии. Если бы не было никаких сепаратистов в России, их создали бы искусственно. Раздел России все равно был бы предрешен».

Да, это было бы так, если бы иностранцы продолжали верить существованию единомыслия

и духовного единства между угнетателями и угнетенными. Но, к счастью, легенда эта начинается как будто рассеиваться ^[236]. Так, Джэмс Бернам, сам бывший коммунист, в своей нашумевшей в С. Ш. книге «Борьба за мировое господство» (Burnham J. The Struggle for the World) пишет: *«Машинальное отождествление в наши дни России с коммунистическим там режимом только помогает коммунистической власти укреплять свое господство над русским народом, убеждая его в необходимости вместе с властью защищаться против мировой буржуазии. Народ должен знать о том, что мир осуждает не его, а его угнетателей».*

Дж. Бернам считает, как сейчас очень многие, «третью войну» неизбежной, даже уже начавшейся. Однако он целью ей ставит не разгром России, а «ее освобождение, победу русского народа над его тоталитарными поработителями».

«Русский народ, — продолжает иностранный автор, — был *первой жертвой* советского режима. *Он может оказаться непосредственным орудием его падения*». Посему программа преодоления воинствующего коммунизма в мире должна своим содержанием «привлекать к себе... прежде всего русский народ».

*

Чем же можно привлечь советских людей? О чем они сейчас грезят?.. О новых завоеваниях? О мировом господстве по германскому образцу?

Нет! Они не хотят только другого разгрома на какой-нибудь другой образец. А рвется «советский народ» только к одному — *к восстановлению человеческой свободы!*

Молотов ровно никого в России не обманул, наклеив в тридцатую годовщину первого «Октября» ярлык капиталиста на каждого советского человека, который хочет вернуть народу свободу!

Самому Сталину, спасаясь от Гитлера, пришлось надеть маску отнюдь не «капиталиста», а «защитника свободы и демократии».

Обман еще раз оказался удачным! Во время войны «в широких слоях наших народов теплилась глухая надежда на то, что после войны Сталин станет на путь демократических реформ и идейной свободы. Но все надежды оказались тщетными».

После победы «началось новое открытое наступление для осуществления коммунистической мировой революции... Терпение свободных народов Запада истощается!.. Единственная возможность спасти Россию и ее народы от ужасов надвигающейся катастрофы третьей войны... *взять судьбу России в руки самого народа*».

Новое «переходное правительство» должно «сейчас же» — 1) уничтожить всю тоталитарную террористическую систему, 2) обеспечить всем гражданам России неприкосновенность права личности и свободу совести, слова, собраний, политических партий и 3) созвать Всероссийское Учредительное собрание... Надо делать ставку «НЕ на иностранную интервенцию, а на внутренние силы самих народов СССР. Но если преступная политика кремлевского диктатора и его приспешников с ее ставкой на мировую коммунистическую революцию приведет к третьей мировой войне», надо будет стать «на национальную точку зрения — *обороны* национально — государственных интересов России и *борьбы* со сталинским режимом».

Я привел все эти выписки из одного документа, составленного совместно российскими советскими людьми разных народностей и состояний потому, что мысли и чаяния, в ней высказанные, в разных формах повторяются почти во всех писаниях и высказываниях тысяч и тысяч представителей «советской», не знавшей добольшевистской России молодежи, оказавшейся ныне в лагерях Д. П. или в разных углах нашего рассеяния.

Эту молодежь уже нельзя никак обвинить в «эмигрантской старомодности,

реакционности».

Она, вместе с юбилейным Молотовым, свидетельствует: там, ***внутри России, — все ясно!***
Никаких секретов, никаких тайн!

Среди надвигающегося шторма второго Октября вне России советские люди рвутся к той самой человеческой свободе, которую обманно отнял у российских людей первый Октябрь, случившийся тридцать лет тому назад в самой России!

Кто имеет уши, чтобы слышать, услышит!

18 ноября 1947

«Новая Россия» — не только заглавие журнала, но и общее знамя в нем пишущих. За девятнадцать лет, протекших с начального дня революции, сменились поколения, перевернулась структура страны, исчезли бесследно целые классы населения.

Вечная сущность России, преодолевая все над ней производимые идеологические опыты, *ищет новых форм своего бытия*. В этом есть смысл ныне происходящих событий в СССР.

Из ленинского «плацдарма мировой революции», пройдя Голгофой сталинской пятилетки, Россия превращается в народное государство. Эти два слова сказаны Сталиным.

Но народное государство — есть *отрицание* диктатуры.

Народное государство может быть только государством *свободным*.

Освобождение человека и раскрепощение существующего в стране хозяйства — вот что неотложно требует новая, пережившая революцию Россия.

Освобождение и раскрепощение — вот стяг, за которым идут все здесь пишущие.

Требуя вместе с народом раскрепощения хозяйства, уничтожения нового крепостничества во всех его видах, мы, однако же, отнюдь не хотим восстановления старых хозяйственных отношений и не будем ни в какой мере этому содействовать.

Весь мир ныне отрекается от старых классических форм капиталистического хозяйства. Весь мир мучается в поисках новых хозяйственных путей, ищет гармонического сочетания личной свободы, социальной справедливости и общего блага. Только на этих путях, ведущих вперед и закрывающих дорогу в хозяйственное прошлое, может новая Россия победить крепостное хозяйство коммунистической диктатуры.

Охрана исторического достояния России, освобождение человека, раскрепощение его труда — вот три задачи, связывающие всех нас, пишущих в «Новой России».

Во всем остальном — мы свободны и независимы. Каждый из нас верит по — своему. Каждый на общий путь выходит по собственной тропинке. Христианин и безбожник, эллин и иудей, народник и марксист, социалист и демократ — все мы, во многом разные, в одном — едины: в борьбе за раскрепощение России, за освобождение человека, за создание нового очеловеченного социального строя.

Новая Россия. 1936. № 1

Это началось довольно давно — вслед за разгромом деревни принудительной коллективизацией, физическим уничтожением миллионов хозяйственных крестьян, жесточайшим голодом на Украине.

Как известно, эта вторая по счету попытка коммунизации СССР в порядке «пролетарской диктатуры» закончилась не только жесточайшими внутренними бедствиями, но и небывалым падением обороноспособности государства, необходимостью срочно искать помощи в «синдикате международных грабителей» — Лиге Наций и в Париже.

Вместе с переменой внешней политики начались и «внутренние реформы». Наступило время какого-то бытового нэпа. Всем приказано было жить веселой и счастливой жизнью. В армии появились капитаны и полковники (до генералов еще не дошли). Мужикам разрешили иметь собственных свиней и коров, но без лошади. На заводах и в колхозах началось массовое производство орденосцев, появились «новые люди», стахановцы. Создавалось как бы новое сословие «трудовой знати». Для бесправной служилой интеллигенции был открыт путь к власти в порядке «беспартийных большевиков».

Пересмотр школьных программ. Восстановление дисциплины. Борьба за укрепление семьи. Новая программа комсомола. Смягчение религиозных преследований, ныне дошедшее до возобновления колокольного звона. Возрождение казачества. Наконец, развертывание плана, так называемых конституционных реформ. Все это свидетельствовало, что за внешними бытовыми послаблениями власти населению скрывается *какой-то общий план, какая-то новая генеральная линия*. Чувствовалось, что вместе с ростом личного самовластия, самодержавия Сталина созревает в недрах Кремля какая-то государственная идеология.

Именно для этой новой идеологии понадобилось «*бесклассовое* общество». «Новое» общество, которое можно положить в основание «*всенародного* государства трудящихся».

Совершенно ясно, что, выдвигая беспартийных большевиков и «знатных людей» на одну линию с партийной аристократией, Сталин создает новый правящий слой, совершенно *чуждый старой классовой* психологии довоенных и октябрьских большевиков. Для новой знати, часто выходящей в люди из самых низов, пролетарское звание совсем уже не прельстительно, а скорее неудобно и стеснительно. «Трудящийся» звучит как-то иначе, шире, ничего не напоминает в прошлом и, главное, ставит знак равенства между всеми участниками «социалистического строительства».

Расширить базу диктатуры, смягчить остроту междуклассовой борьбы, засилие господствующего в революции класса над всеми прочими можно в порядке Муссолини: провозглашением солидарности и сотрудничества классов, одинаково находящихся на службе Государства — Нации. Такой путь расширения фундамента для диктатуры Сталину не был дан: он ведь получил в наследство именно классовую пролетарскую диктатуру, по самой основной идее своей отрицавшую какую-либо возможность междуклассового сотрудничества. Для того чтобы выйти из заколдованного круга пролетарской диктатуры, в самом корне своем несовместимой с идеей всенародного государства, пришлось прибегнуть к героическому средству: объявить в СССР все классы больше не существующими.

Для чего же это понадобилось? По какому плану шли все бытовые уступки и реформы сталинской генеральной линии последних двух — трех лет? Какую задачу поставил себе Кремль, все смелее разрушая идеологические основы своей собственной диктатуры? Ответ на эти вопросы дает передовая в «Правде» (22 мая) под заглавием «Любить свою родину; знать ее историю».

Суть этой передовой совсем не в разрешении или даже в требовании любить свою родину, не в признании патриотизма, не в восхвалении национальных качеств русского и прочих населяющих Российскую империю народов. «Глубоко ошибались и лгали все буржуазные историки и публицисты, когда объявляли исторической национальной чертой русского народа пассивность, фатализм, веру в авось и небось». Под именем «буржуазных историков» здесь сталинский передовик *жестoko расправился с... Лениным*. Ибо именно Ленин все только что перечисленные обломовские качества почитал природными свойствами русского народа, почему и полагал необходимым править им методами германской военщины (см. ниже статью П. А. Берлина).

Но это мелочь. Главное, главнейшее в том, что передовая «Правды» от 22 мая дает новое сталинское построение государства, в корне отрицающее отношение к национальному государству Ленина, несовместимое совершенно с самой программой ВКП.

Для Ленина государство было только одной из форм классовой борьбы. Государственная власть — могущественнейшее в руках господствующего класса средство подавления классов, ему враждебных. Вместе с уничтожением классов — исчезает и государство, растворяясь в системе свободных хозяйственных союзов. Признак национальный тоже явление вторичное, ибо классовая солидарность сильнее национальной, а рабочий класс и вообще не имеет национальной родины. Его отечество — это классовый пролетарский интернационал. Совершенно последовательно поэтому Троцкий ныне издевается над лозунгом Сталина «защита рубежей СССР». Для пролетарской революции нет национально — государственных рубежей, которые она защищает. Во имя интересов международной пролетарской революции должно, если понадобится, еще раз повторить Брест — Литовск. А если понадобится, следует бросить Красную армию на помощь восставшему пролетариату в любой стране, хотя бы это и было чрезвычайно вредно национально — государственным интересам СССР.

С этим трагическим для судеб России после революции «пролетарским патриотизмом» Сталин *покончил*. Жирным шрифтом «Правда» публикует «классическое определение нации, данное тов. Сталиным»:

«Нация — это исторически сложившаяся устойчивая общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры. При этом само собой понятно, что нация, как и всякое историческое явление, подлежит закону изменения, имеет свою историю, начало и конец».

Конечно, по московскому обычаю разного рода схоластики и толкователи будут еще долго талдычить о том, что сталинское «классическое определение нации» совершенно, тождественно с ленинским не менее «классическим» определением государства.

Но такое идеологическое замечание следов отнюдь ни в чем не изменит совершившегося. Ленинская классовая база диктатуры заменена ныне в Кремле муссолиниевской национальной.

Общее прошлое, общая территория, единство психологического склада, хозяйственная связанность — это и есть «творимая история» нации, где и все друг за другом следующие поколения, и все друг с другом сосуществующие классы являются только элементами сверхличного, надклассового живого организма Нации — Государства.

Мне уже не раз приходилось говорить и писать о том, что диктатура, построенная на классовой основе (так же как и на расовой), является диктатурой, обязательно разрушающей государство, ибо она противоречит самой *природе* государства, содействует распаду всех его социальных тканей и таким образом ведет к его разложению. За то, что я считал и считаю диктатуру, опирающуюся на идею всенародного государства, на идею надклассовой нации, менее разрушительной для государства, меня пытались зачислить в «фашисты». Однако абиссинские собраты нынешний переход Сталина от Ленина к Муссолини подтвердили мою

оценку «классовой» и «национальной» диктатуры.

Классовая диктатура — это непрестанная гражданская война, это совершенная невозможность организовать защиту государства, ибо, как сказано было недавно в той же «Правде» (20 мая), «сопротивление страны внешнему нападению будет тем эффективнее, чем выше будет состояние качества вооруженных сил и крепче тыл». Тут возникает вопрос: будет ли крепче тыл у Красной армии? Ведь отныне вместо пролетарской диктатуры существует диктатура «Нации», олицетворенной в образе национального гениального вождя — Сталина?

Не слишком ли поздно Сталин официально высказался в пользу Муссолини? И вообще — можно ли повторить в других условиях, на другой национальной почве это уникальное историческое явление, весьма индивидуальное и в особенности неповторимое?

В действительности весь поток сталинских малых и больших реформ направлен к окончательному укреплению единой внепартийной диктатуры «вождя», но вся эта перестройка происходит под малиновый звон обещаний воплощения демократизаций. Случайно ли это? Или власть сегодня делает, что хочет и чего добивается подвластное диктатуре правительство?

Конечно, настроения страны в Кремле известны, но все также знают, что одной видимостью новых порядков вместе со страной теперь уже добиться нельзя.

Рассматривая все реформы Сталина, сделанные до опубликования проекта новой конституции, «самой демократической в мире», я писал, что «ленинская классовая база диктатуры заменена ныне в Кремле муссолиниевской национальной» и что «весь поток сталинских малых и больших реформ направлен к окончательному укреплению личной диктатуры вождя».

Опубликованный теперь проект конституции с несомненностью устанавливает, что под прикрытием всех сверхдемократических установлений Сталин свою личную диктатуру устанавливает на тех же китах, что Муссолини и за ним Гитлер.

Целевая свобода — т. е. право выражать мнения, соответствующие задачам тоталитарного государства.

Сосредоточение всей политической деятельности в единой и единственной партии, которая, как это имеется в Италии и в Германии, является уже не партией, а правительственным аппаратом управления.

Всеобщее тайное и прямое голосование, но, как в Италии и Германии, с запретом всех, кроме казенной, политических партий.

Как это правильно заметил в своем докладе Ст. Иванович^[237], по новой конституции диктатура будет сама себя контролировать в порядке народного представительства, являющегося на самом деле собранием чинов, отобранных для этой функции самим же диктатором.

В проекте новой конституции есть много нововведений положительного характера (см. ниже доклад проф. Н. Н. Алексеева), но пока все эти улучшения остаются в рамках авторитарного или самодержавного или, как теперь модно выражаться, тоталитарного государства.

По — видимому, московские государствоведы весьма презрительно относятся к уровню политического развития культурного западного мира, утверждая («Известия», 23 июня), что именно своей совершенной демократичностью проект сталинской конституции произвел на Западе «впечатление внезапного грома с ясного неба» и что «в истории конституционного права этот проект займет особое и капитальное место».

Оказывается, особенно потрясающее впечатление в ряде «европейских государств, где шел и все усиливался антидемократический поток», проект конституции производит: во — первых, тем, что «вместо единоличного президента, как во Франции и Соединенных Штатах, у нас предусматривается коллектив — Президиум Верховного Совета из 37 человек»; во — вторых, тем, что «по проекту советской конституции правительство не только ответственно перед народными представителями, но непосредственно ими образуется»; и, в — третьих, наконец, тем, что «проектом конституции выдвинут принцип независимости судебных властей и подчинения судей исключительно закону».

Прямо стыдно и перед европейским, и перед советским даже общественным мнением — ибо и в России ведь «Известия» читают не только сталинские дурачки, но и люди большой и настоящей культуры — доказывать, что и ответственность правительства перед народным представительством, и назначение правительства самим парламентом, и независимость суда, подчиненного только закону, и несменяемость судей являются давно пройденной азбукой государственной жизни во всех самых «капиталистических» странах.

Этих основ демократического строя *нет больше только в Италии, Германии* после их фашизации, их *не будет еще* и в фашизированном СССР, ибо тоталитарное государство эти коренные основы народовластия решительно отрицает, видя в них «прививку гнилостной

заразительной болезни, называемой демократизмом».

Как бы ни задвинут был теперь на задний план «гениальный Ильич», «Известиям» не полагается дерзко над ним издеваться, ибо это Ленин сказал первый и *научил Муссолини и Гитлера*: «Демократия — одна из форм буржуазного строя, которую защищают все предатели истинного социализма».

Действительно, в проекте муссолиниевской конституции Сталина есть одно замечательное нововведение: коллективный президент. Такового нет ни в одной великой демократии, нигде вообще, и в правильно построенном демократическом государстве такого многоголового президента и быть не может по причинам, которые ясны и на которых не стоит останавливаться.

Как же возможно отсутствие единоличного президента в СССР, где вся полнота власти верховной, правительственной и законодательной сосредоточена в руках советского дуче, единого вождя, отца народов, гениальнейшего из всех когда-либо существовавших в мире людей? Крайнее раболепие, неслыханное в России ни в какую эпоху ее истории, совершенно необъяснимое в условиях демократической нынешней эры, раболепие *казенной официальной* России отлично изображено в докладе Н. Д. Авксентьева (см. ниже).

Когда поименно известные нам люди, которых мы знали и знаем, что они люди большой, настоящей, гражданской культуры, когда эти люди излагают свои перед Сталиным восторги языком барских приспешников, мы видим: тоталитарный террор еще в силе, еще стальной плитой лежит на народном сознании.

Именно потому и выдумали в Москве сверхдемократического коллективного президента, что этот коллектив всепослушных чиновников будет прикрывать своим «авторитетом» всемогущую волю диктатора, который, может быть, внемля мольбам верноподданного народа, *примет место первого среди равных* в сверхдемократическом коллективе.

Пусть не думают, однако, что в фашизации сталинской диктатуры, в превращении ее из классово — пролетарской в «народную», плебисцитарно — цезаристскую, я не вижу ничего положительного.

Наоборот. Признание нации, народа, государства как единства, связанного общим прошлым, общей территорией, единством психологического склада, обязало, во имя укрепления своей личной диктатуры, Сталина *перестроить весь каркас государства сверху донизу на новых общенародных началах.*

Кроме раболепствующей казенной России существует еще и другая — та самая, которая и оттеснила диктатуру на вновь занятые ею оборонительные позиции и к вере в которую так горячо призывал в своем докладе П. Н. Переверзев.

Эта Россия в новой конституции — пока в теории — получает технический аппарат для построения действительно свободного демократического государства.

Сейчас шелест избирательных бюллетеней не взорвет еще диктатуры, как в 1932 году — испанскую монархию. Но даже в этих простынях — «Известиях» и «Правде», — где печатается бесконечный ряд восторженных отзывов по поводу опубликования проекта новой конституции, даже во время этого казенного референдума прорываются осторожные голоса, по которым можно судить, что *про себя думает* народ и *чего он хочет.*

Казенная печать заглушает голоса жизни, цинично препарирует общественное мнение, превращая, по старому архиерейскому анекдоту, «пороса в караса».

Я привел во вступительном слове на собрании «Новой России» выдержки из письма о крестьянских настроениях. Не подлежит никакому сомнению, что при новой конституции, после длительной правительственной кампании, которая восстановила идею демократии во всех ее правах, население с большим упорством, с чувством бесспорного права будет добиваться

осуществления в жизни прекрасных слов сталинского проекта, и таким образом против воли и намерений власти политическое развитие страны пойдет только в одну сторону — в сторону действительного освобождения и раскрепощения.

Если диктатор, упираясь, будет все-таки уступать, тогда и получится знаменитый «спуск на тормозах», о котором так много мечталось, предсказывалось и писалось.

Если же диктатор будет только упираться, выход будет катастрофический, но для судеб диктатуры тоже несомненный.

Опытom первой пятилетки сама власть доказала, что нельзя создать «зажиточной и счастливой» жизни стопроцентным коммунизмом, совершенным крепостным правом в деревне. Опыт же новой демократической конституции, если она окажется только филькиной грамотой, покажет народу, что возрождение страны, и возможное только на путях свободы, — ***что своим проектом новой конституции открыто перед страной и всем миром признал Сталин*** — невозможно при сохранении власти в руках советского Муссолини, гениальнейшего из гениальных «вождя».

В возникшем по инициативе проф. В. Чернавина и Е. Д. Кусковой (см. ниже) остром споре о расхождениях в оценке русской действительности и российских проблем между давними эмигрантами и вновь прибывающими, споре, к которому еще придется вернуться, есть один вопрос, для выяснения которого имеется как раз сейчас новый материал. Я имею в виду так называемую международную опасность сталинизма.

Хочет ли Москва зажечь мировой пожар? Может ли она ныне и могла ли когда-нибудь это сделать? Является ли Россия только картой в революционной игре вождей «мирового пролетариата»? Или сам Коминтерн со всей его армией наивных энтузиастов и платных агентов является только новым лишним департаментом наркоминдела, который продолжает вести «империалистическую политику царизма»?

Непосредственно с этими вопросами переплетаются темы уже внутреннерусские: об оборончестве, пораженчестве, «клочках земли русской» и т. д. И все эти вопросы и темы сводятся, если отбросить в сторону симпатии и антипатии, темпераментность оценок, напряженность личных переживаний, к одному основному вопросу: о международной политике сталинизма, об отношении Европы к сталинизму, об *отражении* всего этого на судьбах России.

Несомненно, что вся международная политика СССР как государства подчинялась всегда собственным интересам и целям диктаторствующей партии. Несомненно также, что, преследуя эти цели и интересы, Ленин, а теперь Сталин иногда резко отходили от политики, нужной России, иногда как-то приближались к ней. Когда В. Чернавин говорит, что сталинизм мечтает о завоеваниях, а Е. Д. Кускова утверждает, что ныне весь смысл советской дипломатии сводится к обороне рубежей от наседающего врага; когда одни утверждают, что большевизм ни на йоту не отступает от своей главной цели «разложения старого мира», а другие дока — зывают, что мировая революция — одно воспоминание и ныне сталинизм ограничил себя исключительно национально — государственными задачами, — то и те и другие *в равной степени утверждают истину и в равной степени ошибаются*. Ибо, по нужде, в определенных условиях ведя «национальную» международную политику, сталинизм не отказывается от своих революционных «мировых» задач, и там, где возможно, он на всякий случай подготавливает «крах капитализма», прикрываясь фразеологией государственной дипломатии.

Поэтому нужно отказаться от поисков начала начал международной политики сталинизма. Тут спорить можно без конца, и всегда обе стороны будут правы. Ибо в дипломатии сталинизма, как в сочинениях Ленина, можно найти подходящее обоснование для любого утверждения.

Всматриваясь несколько глубже в историю взаимоотношений между кремлевской диктатурой и внешним миром, мы неизбежно придем к заключению, что характер и значение для России этих отношений зависел в конце концов вовсе не от личных, субъективных намерений Ленина или Сталина в тот или другой период, а от самой *природы* большевистской диктатуры, которая роковым образом препятствует сочетанию в международной политике государственнонациональных российских и партийно — диктаторских, ленинских или сталинских, целей.

Примером тому как раз и служит новейший этап сталинско- литвиновской дипломатии. Еще совсем недавно почти все российские демократы — оборонцы радовались новому курсу международной политики Кремля. Говорили даже, что любой министр иностранных дел национальной России вел бы ту же политику, что и коммунист Литвинов. Разрыв с Германией, переход из группы держав, «не насыщенных войной», в группу удовлетворенных победой,

защита неприкосновенности Версальского и прочих мирных договоров, вступление в Лигу Наций и тесное сотрудничество с Францией и Чехословакией. Обмен отвлеченной претензии на Бессарабию на реальную дружбу с Румынией, сближение с Англией, «мудрая» уступчивость на Дальнем Востоке, ловко замаскированная поддержка Италии во время абиссинской войны и т. д. Россия вернулась в Европу, писали в медовый месяц французской дружбы правые газеты в Париже, и заняла место в ряду консервативных великих держав, охраняющих мир.

Но, не ограничиваясь блестящими успехами в кругу официальных дипломатов, Кремль и *через Коминтерн* повел новую — уже не революционную, а демократическую политику. Подготовка «самой демократической в мире» конституции для России как бы только еще убедительнее подтверждала твердую волю Сталина — Димитрова идти в ногу со Сталиным — Литвиновым и всюду «защищать демократию и свободу От натиска фашизма» единым с демократами и социалистами фронтом.

Высшей точкой достижений, апофеозом этой национально- государственной дипломатии, *поставившей и Коминтерн на службу обороне России*, была, казалось, победа французского Народного фронта на парламентских весенних выборах этого года.

Однако этот кажущийся апофеоз на наших глазах начинает превращаться в нечто другое; пожалуй, совсем противоположное.

На последней сессии Лиги Наций черный кот пробежал между Литвиновым и Дельбосом, французским министром иностранных дел. В целом ряде вопросов Литвинов пытался идти наперекор Англии и Франции, явно стремясь усложнить международную обстановку в Европе. В самой Франции, единственной стране, где социалисты и радикальные демократы пошли на сотрудничество во внутренней политике с коммунистами, эти последние под самыми демократическими и объединительными лозунгами все определеннее втыкают палки в колеса правительства Леона Блюма. И в правительственных, и в политических кругах, наиболее расположенных к дружбе с Москвой, начало нарастать раздражение. Кампания же, поднятая французскими коммунистами и теперь поддержанная Литвиновым, за отказ от нейтралитета в испанском междоусобии, зародила не только уже раздражение, но и *серьезное подозрение*: сталинцы стараются вызвать войну на Западе.

Зачем? Одни говорят: Сталин хочет оттянуть силы немцев от границ СССР к нам. Другие на этом не останавливаются и добавляют: вся политика и Литвинова, и Коминтерна стремится спровоцировать войну, которая должна превратиться во всей Европе в социальную революцию.

Пока не буду касаться вопроса, которое из этих предположений вернее или же оба они не соответствуют действительности. Одно несомненно: в последние недели комбинированная политика наркоминдела и Коминтерна вызывает все большее раздражение *сразу в обеих* группировках европейских держав — и в демократической, и в фашистской. А очень осведомленный и весьма влиятельный французский публицист Владимир д'Ормессон, еще недавно сравнительно защищавший политику сближения с Москвой, ныне написал ряд тревожных статей, утверждая, что тесное сближение со сталинцами *ослабляет* международный авторитет Франции, *отталкивает* от нее самых верных друзей, например Бельгию.

Вот теперь и будьте добры ответить на вопрос: почему отношения Сталина и Европы, *всей* Европы, вступают в новую, весьма критическую и весьма *опасную* для России эпоху? Какую связь имеет этот литвиновский курс *налево* с расправой в Москве с *левыми* троцкистами? Как могут помочь обороне России эмигрантские «оборонцы» и не играет ли Литвинов на руку внутренним «пораженцам»? И, осложняя отношения с Европой, приносит ли Сталин Россию снова в жертву Коминтерну, или Коминтерн, еще недостаточно сломленный, путает карты национально — государственной дипломатии?

Попытаюсь дать свое объяснение. Исхожу из весьма вероятного, почти достоверного предположения, что вся версальская, опирающаяся на Францию международная политика Сталийа последних двух лет была вызвана смертельным страхом попасть в клещи между Германией, Польшей и Японией. Сближение с великими демократиями Запада продиктовало и политику единого фронта, и новую конституцию в самом СССР. Ведь вокруг Гитлера с Муссолини кольцо «обороны» можно было сковать только из демократических государств, где нужно на своей стороне иметь не только власть, но и общество.

И еще. Антигитлеровский блок должен быть не только прочным, но и способным к действию. В особенности свободен в своих действиях должен быть главный партнер — Франция. Отсюда мягкое, «лавалевское» отношение [\[238\]](#) к фашистской Италии во время захвата Абиссинии. Муссолини дружен с Москвой — должен остаться в дружбе и с Францией.

Но что же делать, если Муссолини после победы продолжает играть в дружбу с Берлином? Что делать, если при участии Берлина и Рима за испанской границей Франции возникает еще одна фашистская держава? Ведь, как пишет Остин Чемберлен [\[239\]](#), после победы генерала Франко на континентальной Европе останутся только *островки* демократии.

Для Сталина дело, конечно, не в ущербе народовластию в Европе, а в том, что карта его, поставленная на вооруженную помощь демократии, *может быть бита*.

Надо мобилизовать все силы на помощь Мадриду, нужно идти на риск даже вооруженного столкновения, пока еще не совсем поздно и пока еще последние друзья сталинцев в Европе от них не отвернулись, сменив восточную ориентацию на западную.

Думаю, что это объяснение последнего поворота в отношении Сталина к Европе весьма близко к действительности: Сталин действует здесь не по революционной линии Коминтерна, а по инстинкту самосохранения.

Действовать по инстинкту законно и часто — это бывает полезно. Но, действуя по инстинкту, нужно еще стараться и рассуждать, искать причину, вызвавшую несчастье. А трудное положение, в которое попала сейчас Москва, является результатом *не случайной* дипломатической обстановки, а вытекает закономерно из самой природы ленинизма — сталинизма.

Сейчас уже и сам Димитров, глава Коминтерна, признал, что гитлеризм в Германии порожден был коммунизмом. Он только в выводах своих не дошел до логического конца. Гитлеризм был порожден не тактикой немецких коммунистов, а антидемократической, реакционной природой самого московского коммунизма.

Международная опасность сталинизма несомненно существует, но она заключается не в красном империализме, не в коммунизации Европы, *а в ее фашизации*. Ибо, по самой социальной природе Западной Европы с ее могущественным средним классом, почти не существовавшим в России, режим, отрицающий свободу, выливается здесь в диктатуру не «пролетарскую», а «национальную».

В панике перед собственным порождением — фашизмом — большевизм бросается в объятия демократии. Но сотрудничество сталинизма с народовластием — сотрудничество противоестественное, построенное на *лжи*, нравственно нестерпимой. И как бы ни старались искусственные политики закрывать глаза на непримиримое противоречие между демократическими лозунгами большевиков в Европе и фашистскими их делами в России, это противоречие неуклонно разрушает в общественном сознании всякое *доверие* ко всему, что исходит из правящей Москвы.

Таким путем сталинизм, несмотря на все свои временные блестящие дипломатические успехи, оказывается все в большем *одиночестве* в концерте европейских и мировых держав.

В конце концов, международная политика есть всегда производное от соотношения внутренних сил страны. И российская международная политика будет успешной и действительно блестящей только тогда, когда власть будет опираться на единодушное общественное мнение страны и когда *лозунги ее внешней политики будут строго соответствовать содержанию ее политики внутренней.*

На пороге 1937 года

Только что закончился один из самых интересных, насыщенных событиями годов послевоенной истории. Пожалуй, 1936 год был за этот период годом самым трагическим и критическим. Абиссинская война, очевидный крах Лиги Наций и прекраснотушной идеологии всеобщего разоружения, жестокая судорога гражданской войны в Испании, где на спине испанского народа пытаются свести свои счета большевизм с гитлеризмом, бурное полугодие во Франции, во время которого многие уже предчувствовали новый крах демократии в четвертой по счету великой державе... Казалось многим, что вся Европа насыщена каким-то предвоенным динамизмом, что не нынче завтра вспыхнет новая, еще более, чем в 1914 году, беспощадная человеческая бойня. В особенности в последние месяцы ожидание войны стало какой-то навязчивой идеей у так называемой большой публики и излюбленной темой для писаний распространенных газет. Люди впали в какое-то привычно катастрофическое настроение — пусть будет что будет, все равно война неизбежна.

Признаю, что многие *внешние* явления в международной жизни, в психологии отдельных ответственных государственных деятелей давали поводы, иногда весьма серьезные, к таким предвоенным настроениям. Но по существу общее направление мировых событий ни в какой мере не приближало нас к новой мировой катастрофе.

Собственно говоря, для новой большой войны в 1936 году или даже в 1935 году было в сто раз больше внешних поводов, чем в 1914 году. И тогда большая публика была так же мало психологически подготовлена к неожиданно для нее вспыхнувшей войне, как теперь эта же обывательская масса совершенно готова принять войну (конечно, ее ненавидя), которая не вспыхнет. Я не говорю здесь о случайных малых войнах, как бы эпохальных, о войнах, которые являются рубежами целых периодов в истории. Вре — мена для такой войны еще далеко после 1914–1918 годов *не созрели*. Поэтому в психологии народов господствует сейчас воля к миру, не всегда осознанная, но от этого не менее сильная. Можно утверждать, что объективно современная эпоха целеустремлена к миру, к социальному и культурному новому строительству.

Правда, в некоторых диктаториальных тоталитарных государствах, как в СССР, пострадавшее и отчаявшееся население часто мечтает о внешней войне как источнике освобождения от ненавистной власти. Но такая психология русского крестьянина или германского рабочего не может изменить общее направление событий нашего времени. И именно сознание своего одиночества внутри страны толкнуло Сталина на путь внешней мирной политики, заставило его цепляться за наиболее идеологически ненавистные ему правительства, но правительства сейчас наиболее сильные — *правительства великих демократий*.

Вопреки весьма распространенному сейчас не только в обывательской среде мнению, все хозяйственные, социальные и политические испытания, пережитые за последнее время, не ослабили, а усилили удельный вес в международных отношениях именно демократии.

Если мы взглянем на политическую карту мира, то сейчас же увидим огромную разницу в уровнях жизни великих держав демократических и тоталитарных. Возьмем, с одной стороны, Англию и Соединенные Штаты, с другой — Россию и Германию. Тут голодный уровень мучительной рабьей жизни — там преодоленный глубочайший хозяйственный кризис и небывалый экономический подъем.

На пороге 1937 года нужно прежде всего крепко запомнить факт чрезвычайного значения; недавний хозяйственный мировой кризис закончился, и ныне начался новый экономический подъем. Этот хозяйственный подъем прежде всего дает свои результаты в странах демократических, в странах свободного народного хозяйства. Если уже в самые мрачные годы

кризиса советский квалифицированный рабочий достигал как максимума уровня жизни английского безработного, живущего на государственной пенсии, то теперь, при хозяйственном мировом подъеме, разница уровней свободных и крепостных хозяйств будет еще более разительной, и *зависимость* тоталитарных государств от государств демократических еще более очевидной.

Конечно, формально не существует двух международных группировок держав — демократических и диктаториальных. Наобо — рот, представители обеих группировок постоянно подчеркивают, что в международных отношениях внутренний строй того или другого государства не имеет значения. И на практике мы видим, например, демократический Париж в тесном международном сотрудничестве с тоталитарной Москвой. Мы читали недавно заявление Лондона (по поводу японо — германского соглашения о борьбе с коммунизмом), что британское правительство решительно отрицает идеологические группировки держав. Однако жизнь сильнее дипломатических принципов, и мы видим, как сейчас на наших глазах все теснее сближаются между собой Англия с Францией, опираясь, как на резервную базу, на Америку Рузвельта.

Что их сближает? *Общий демократический язык* и общая всем демократиям цель: укрепление международного мира во имя охраны внутренней свободы.

Недавно в своем новогоднем обращении к стране Леон Блюм отлично выразил основное направление англо — франко — американской политики мира. «То, что мы хотим для Европы и всего человечества, есть мир... Упорная, уверенная в себе, мужественная воля к миру есть вернейшая гарантия мира».

Нужно сказать, что ни одно французское правительство не пользовалось в Англии таким всеобщим сочувствием и авторитетом, как нынешнее правительство Народного фронта. Почему? Прежде всего потому, что ни одно французское правительство до сих пор не шло, по мнению англичан, так смело и прямо по пути *действительного замирения* Европы. Крах же Лиги Наций и необходимость чрезвычайных вооружений ни на йоту не ослабили воли всего английского народа к прочному в Европе миру.

И если, преодолевая шумиху злободневных газетных сообщений, мы начнем поглубже всматриваться в международные события, мы скоро заметим, как нынешнее англо — французское сотрудничество, привлекая на свою сторону сочувствие и помощь всех без исключения европейских и заморских демократических государств, начинает смягчать остроту внутриевропейских противоречий и нащупывает новые основы для восстановления прочного мира. Возобновление франко — польской дружбы и заключение как раз на пороге 1937 года англо — итальянского соглашения (значение коего нельзя переоценить) является тому убедительным свидетельством.

«Кто не орет о правде, которую знает, тот становится соучастником лгунов и фальсификаторов» — этими словами знаменитого, погибшего во время войны поэта Пэги заканчивает свой чрезвычайно интересный очерк о большевистской диктатуре не так давно уехавший из СССР русско — французский троцкист Виктор Серж (Кибальнич), письмо которого к Андре Жиду^[240] было уже напечатано в «Новой России» (№ 8).

Весь очерк о своем советском опыте в «Крапуйо» (январь 1937 г.) Виктор Серж написал со всей свойственной ему несомненной правдивостью, часто не думая или не догадываясь о том, что его правильное разоблачение сталинской *реакции в революции* обнажает на самом деле не сталинские ошибки, преступления и злодеяния, а коренные основы всей системы большевистской диктатуры, опирающейся на своих духовных истоках на откровенный и беспредельный ленинский аморализм.

Писания Виктора Сержа представляют для нас совершенно особый интерес именно тем, что он, *совершенно совпадающий* с нами во всех его жестоких разоблачениях сталинской «тоталитарной» фашизированной диктатуры, *разрывает* связь между ленинизмом- троцкизмом, с одной стороны, и сталинизмом — с другой.

Сталин для Виктора Сержа — злой дух контрреволюции, который своими кознями, аморализмом, необузданным властолюбием разрушил прекрасную пролетарскую революцию Ленина — Троцкого, революцию, которая *создала уже* в России совершенную пролетарскую демократию и вся была изнутри освещена безупречной моральной чистотой и честностью своих творцов. Творя легенду об октябрьском рае, разрушенном Сталиным, Виктор Серж до того увлекается прекрасными вымыслами, что о своем идоле Троцком утверждает: «Ни одна капля пролитой крови не брызнула на него». Написать такую фразу о человеке, с головы до ног залитом кровью, беспощаднейшем из организаторов красного террора, убийце заведомо невинного адмирала Щастного^[241], расстрелом которого было положено начало террора, о человеке, сказавшем: «Россию нужно выгладить раскаленным утюгом террора», — написать такую фразу мог, конечно, только совершеннейший фанатик. Впрочем, сам же Виктор Серж сурово осуждает два из 1 классических подвигов своего кумира — чудовищный и бессмысленный расстрел десятков тысяч в Крыму после ухода оттуда барона Врангеля, сваливая ответственность за него на ближайшего сотрудника — Бела Куна^[242], и не менее страшную расправу с кронштадтскими матросами, осуществленную непосредственно Троцким, о чем, 1 конечно, Виктор Серж умалчивает.

Для понимания его психологического подхода к событиям Октябрьской революции нужно отметить, что Виктор Серж, во — первых, до своего отъезда в Россию и до вступления там в коммунистическую партию был всю свою сознательную жизнь убежденным и весьма деятельным анархистом, что 1917 год застал его в Барселоне, где он участвовал в «первой попытке» анархо — социальной революции, и что в Россию он впервые попал только в 1919 году, в самый разгар Гражданской войны, когда центральный бюрократический аппарат ленинской диктатуры далеко еще не совладал со! всеми живыми силами революции. *Отсюда и основное заблуждение* Виктора Сержа. Ему кажется, что Ленин и Троцкий признавали совершенную демократию внутри революции, т. е. для той части пролетариата и интеллигенции, которая создавала или приняла Октябрь. На самом деле в 1919—м или даже в 1923 году до расправы с «внутрипартийной демократией» руки Политбюро еще не дотянулись только потому, что не были добиты еще внепартийные [революционные и оппозиционные силы в пролетариате, крестьянстве и интеллигенции].

В том-то и дело, что *от Ленина к Сталину идет совершенно прямая линия*, а за всю жуть сплошной коллективизации (в оценке и описании которой Виктор Серж целиком подтверждает все написанное в русской эмигрантской социалистической и демократической части) прежде всего отвечают именно Троцкий и троцкисты, которые во времена нэпа повели бешеную кампанию против Бухарина, Рыкова, Сталина и прочих правящих большевиков за их стремление примириться с сытой деревней и дать возможность стране обогащаться и хозяйственно «обрастать жирком».

С подкупающей искренностью не ведающего, что творит, Виктор Серж в главах «Нэп и оппозиция», «Разногласия в Центральном Комитете» добросовестнейшим образом устанавливает ответственность левой оппозиции за срыв нэпа и за новый курс на истребление крестьянства как класса.

«Наступили кошмарные годы. Голод воцаряется на Украине, в черноземных областях, в Сибири, во всех районах, бывших житницами России. Тысячи крестьян бегут в Польшу, Румынию, в Персию, в Китай. Они уходят, тем хуже для них, если на границах часть из них убивают, остальные все-таки уйдут. Смертная казнь несет бессменную службу в городах и деревнях. За один похищенный колос колхозного хлеба — казнь... Населению обещали благополучие за все напряжение и жертвы пятилетки. Пятый год плана начинается в царстве голода». Таков итог противокрестьянского пятилетнего плана, задуманного левой оппозицией, в особенности троцкистами, и осуществленного бюрократической машиной сталинской диктатуры.

И опять здесь о сталинской бюрократии Виктор Серж пишет золотые слова: «Этот режим, очевидно, могут защищать либо люди, делающие это по приказу, либо люди, доведшие страну до нынешнего состояния и знающие, что, потеряв власть, они неизбежно будут стерты с лица земли. Тяжесть ответственности за совершенное делает бюрократию беспощадной и непреклонной. Она защищается. Вся ее политика с момента овладения властью направлена на самосохранение и продиктована паническим страхом. Сталинская бюрократия больше не ведет политики рабочего класса, а свою собственную. Таково основное объяснение всему совершившемуся».

Совершенно верно. Виктор Серж повторяет всем нам давно известную формулу: в СССР нет диктатуры пролетариата, а есть диктатура *над* пролетариатом. Но при чем же тут, собственно говоря, *сталинская* бюрократия?

Вернемся же к начальной эпохе нэпа, когда жив был еще Ленин, когда царствовал около него Троцкий, когда налицо была вся старая, ныне расстрелянная или изгнанная, ленинская гвардия. Что же, тогда не существовало бюрократии?

Нет, оказывается, существовала; существовала, по признанию того же Виктора Сержа. Оказывается, уже перед Кронштадтским восстанием в партии росла оппозиция «недовольных централизованным самовластием партийной верхушки». Именно на этой почве восстали кронштадтские матросы. И «опасность» потерять власть делала тогдашний Центральный Комитет, как и теперешнее Политбюро, неспособным ни на какие уступки.

Так было в 1921 году, при еще здоровом Ленине. Наступает 1923 год. «Больной, с поврежденным мозгом, Ленин тратит свои последние силы, отыскивая средства борьбы с наихудшим и ближайшим злом: с *бюрократическим загрязнением партии*. Уже чиновники встали на место партии; *рабочий, рядовой член партии, потерял право голоса*. Уже чувствовался приход всемогущей бюрократии. Некоторые, как, например, Борис Суварин, уже объявляли, что диктатура пролетариата замещена диктатурой секретариата». И вот перед самой смертью Ленин, как напоминает Виктор Серж, «выносит Советскому государству суровый приговор: это старый буржуазно — царистский механизм, едва — едва покрытый легким лаком

советизма».

Изменилось ли бы что-нибудь в бюрократическом существе однопартийной диктатуры, если бы сейчас на месте Сталина с его поддужными сидел Троцкий со своим окружением? Конечно, ничего. Знаменитым, неопубликованным официально «завещанием» Ленина внутрипартийная оппозиция весьма успешно пользуется как орудием борьбы против Сталина. Курьезно, что сталинцы не замечают, что в этом завещании вовсе не Сталин, а именно Троцкий объявлялся Лениным *наиболее склонным к бюрократизму* сановником. «Троцкий, — писал Ленин в своем политическом завещании, — конечно, наиболее способный из членов Центрального Комитета, но он слишком самоуверен и *свыше меры увлекается чисто административной стороной всякого дела*».

Эта прирожденная склонность быть самовластным администратором в полной мере укладывалась у Троцкого в ленинскую конструкцию антидемократической революции, где деятельное революционное меньшинство должно господствовать над пассивной народной рабочей массой, направляя ее в нужном для диктатуры направлении.

От Ленина к Сталину через Троцкого идет совершенно прямая линия. И тут всем Викторам Сергам, всем поклонникам досталинского идеализированного Октября *ничего не поделать*. Ходил легенда, что перед смертью Ленин понял, что завел, отрицая общую свободу, всю революцию в тупик. Может быть, и понял, но об этом ничего громко не сказал. А все оставленное им писы менное наследство времен войны и революции не дает возможности его наследникам вырваться из бюрократического тупика из реакции в революции, из контрреволюционных форм тоталитарного фашистского государства. Нужно усиленно посоветовать! Виктору Сержу, Андре Жиду и им подобным разоблачителям ста линизма перечитать и поглубже вчитаться в переписку Ленин; с Центральным Комитетом большевистской партии осень» 1917 года, когда Ильич скрывался в Финляндии. Там, в этих письмах, Ленин *без демократической маски* и откровенно поучает слишком «наивных» Каменевых^[243] и Бухариных, что свобода, демократия, Учредительное собрание, сами «свободные» Советы — все это лишь демагогическое средство к захвату власти партией для установления партийной диктатуры над всей страной. Ни о какой советской демократии Ленин никогда не думал, ибо, как поучает он, Советы — хорошее средство для захвата власти, но никуда не годны для управления страной.

Нельзя со сталинизмом бороться ни политически, ни морально, опираясь, как на идеал, на троцко — ленинизм или ленино — троцкизм.

Первородный грех ленинизма — сталинизма еще в 1918 году установила перед лицом самого Ленина левейшая, но и честнейшая Роза Люксембург^[244]: свобода только для себя не может быть; свобода существует для всех, или все ее теряют. Вне свободы для всех не может б ы т ь *никакого государственного строя, обеспечивающего интересы материальные, политические и моральные народных, трудовых масс*.

И не может быть никакая здоровая народная государственная система построена на лжи, на обмане и на насилии. А именно эти три средства борьбы и господства включены самим Лениным в железный инвентарь Октябрьской революции.

Все, что так трагически мучает Виктора Сержа в сталинской действительности, уходит глубокими корнями в самую сущность ленинизма, в его принципиальный аморализм, в основную заповедь ленинской политической морали:

Цель оправдывает средства.

«Неправда, *стократ неправда*, что цель оправдывает средства. Из кривды не рождается правда. Нельзя преобразовать человечество, заковывая его в кандалы, пуская в ход

громкоговорители, распространяющие ложь, организуя хорошо поставленные агентства пропаганды, где хорошо оплаченные интеллигенты занимаются оболваниванием толпы. Каждая цель требует соответствующих ей средств. Социальная революция, если даже в минуту опасности должна защищаться старым оружием, доставшимся ей в наследство от буржуазного общества, имеет свои собственные методы строительства. Она не может развиваться, не улучшая материальных и моральных условий жизни масс. Больше довольства, больше свободы, меньше лжи, больше человеческого достоинства и уважения к человеческой личности. Социализм, который действует другими средствами, капитулирует перед некоей внутренней контрреволюцией, уничтожает к себе доверие и идет к самоубийству».

Это суровое осуждение всей сталинской морально — политической системы Виктор Серж и ему подобные искренние энтузиасты социальной революции должны распространить и на весь ленинизм, и на свой собственный троцкизм.

Совершенно верно, что «придет день, когда трудящиеся советских республик оглянутся на сталинский кошмар с чувством удивления, смешанного с некоторым отвращением... Неужели можно вообразить, что бюрократия бесконечно будет держать в смиренной рубашке молодой народ, 170 миллионов душ, народ, у которого в прошлом годы героической борьбы за свободу и потребность завоевать себе человеческое существование?». Совершенно верно также, что «мы не имеем права ни молчать, ни закрывать глаза. **Моральная интервенция** становится для нас обязательной».

Все это давно, в самый разгар ленинско — троцкистского террора и разгрома революционной демократии, было сказано; и долгие годы к моральному вмешательству во имя международной солидарности всех трудящихся призывали европейских социалистов и демократов такие люди, как Карл Каутский и Павел Аксельрод ^[245]. Они вместе с нами указывали, что судьбы русской революции неразрывно связаны с судьбами европейской демократии. Теперь и Виктор Серж на примере того, как **по приказу из Москвы** немецкие коммунисты содействовали приходу к власти Гитлера, доказывает, что российская реакция в революции взрастила всю нынешнюю европейскую фашистскую контрреволюцию.

Верно! Никакая действительная борьба с этим большевизмом наизнанку невозможна, если европейская демократия и такие люди, как Виктор Серж, не поймут до конца неразрывного органического единства между воспеваемым ими легендарным, якобы насыщенным «истинным демократизмом» ленинизмом и ненавидимым ими, откровенно самовластным, цинично — насильническим сталинизмом.

От Ленина к Сталину идет прямая линия.

Пишу сейчас о Феврале вовсе не для того, чтобы справлять юбилей. Двадцать лет вообще не юбилейный срок, а для Февраля его еще и быть не может, ибо он России был задан, но еще никогда не выполнен.

Есть историческая дата — 27 февраля (12 марта) 1917 года. Что случилось в этот день? Один из моментов распада империи, ускоривший явление «подлинной» революции Октября? Эпилог одного самовластия — пролог другого?

На этой точке зрения стоят официальные большевистские историки. На ту же, по существу, точку зрения встала и группа эмигрантских историков, включая февральский период в завершение царствования императора Николая II и открывая главу о революции большевистским переворотом.

Если расценивать исторические события по их длительности, да еще сроками жизни одного человека или одного поколения, то историки в Москве и в Париже совершенно правы. Что значат какие-то коротенькие восемь месяцев какой-то странной суматохи, вечных кризисов, боевых напряжений на фронте, все учащающихся судорог Гражданской войны, затиснутые между крушением вековой монархии и установлением нового, нигде и никогда еще не виданного строя «пролетарской диктатуры»?

Однако значение исторических событий определяется не их длительностью во времени, а *глубиной тех изменений*, которые они производят в социальных отношениях и государственной структуре.

Вспомним хоть немного о том, *что случилось* 27 февраля двадцать лет тому назад. Тогда мы увидим, что коренные переломы в истории измеряются не годами и десятилетиями, а краткими мгновениями, *мигами*, когда вдруг проваливаются в небытие целые пласты истории, вчера еще казавшиеся незыблемыми основами жизни.

В самый канун революции крепость монархического строя казалась незыблемой. Когда в самый разгар уже происходившего, но не осознанного человеческим сознанием переворота, 26 февраля, один из высших сановников, помощник обер — прокурора Синода, в величайшей тревоге по телефону спросил министра внутренних дел А. Д. Протопопова, что происходит в Петербурге и не грозит ли бунт великими потрясениями, Протопопов ответил: «Не беспокойтесь; если в России и случится революция, то не раньше как через пятьдесят лет!»

И в тот же день, о чем я не раз уже рассказывал, вечером, на моей собственной квартире, представители большевиков Юренев (нынешний полпред в Токио) и, кажется, Шляпников ^[246], а также левый эсер, будущий участник убийства барона Мирбаха, Александровский ^[247], утверждали, что *никакой революции не происходит*, что движение в казармах идет на убыль и реакция усиливается. Тому свидетель В. М. Зензинов, стоявший, как и я, на другой точке зрения. Какой разительный пример беспомощности человеческого сознания перед «духом истории!», как говорил Гегель. И замечательно, что именно завтрашние непримиримые диалектики перманентной революции, смело приписавшие после событий всю «заслугу» свержения монархии пролетариату, тогда в своем *ощущении* истории совпадали с... Протопоповым.

Не прошло суток от этих приснопамятных разговоров. И случилось единственное, неповторимое, Божье или дьяволово — вопрос оценки — *чудо*: исчезла монархия, весь административноправительственный аппарат превратился в призрак и, что самое удивительное, вместе с исчезновением монархии *потеряли свою мощь все имущие классы*. Тут опять человеческое сознание не могло сразу понять смысл свершившегося глубочайшего социального переворота. И лидеры думского прогрессивного блока, и марксистствующие левейшие «вожди»

едва нарождавшейся советской демократии единодушно признали, что Россия, как это и полагалось по классическим западным образцам, вступает в эпоху буржуазно — капиталистического либерализма. Отсюда формула: буржуазное правительство, поддерживаемое советской демократией *постольку, поскольку* это правительство не покушается на завоеванные в революции права пролетариата.

На самом деле глубочайший исторический смысл Февраля в том и заключался, что он не был только актом *политического раскрепощения России*, но и *социальной революцией*, отдавшей первое место в государстве трудовым классам.

Было ли это благом или злом для России — не нам судить. И даже рассуждать об этом бесполезно. Случилась революция, жесточайшее в истории новой Европы социальное землетрясение. На месте разрушенного блистательного здания империи нужно было строить новое, пореволюционное государство, создавать новую систему народного хозяйства, пользуясь тем материалом человеческим, который был под рукой, направляя его к новому идеалу государственности, открывшемуся в миг революции.

Нам было *задано* новое государство, которое должно было воплотить в жизнь всю государственную, общественную и социальную сущность подлинной русской и российской культуры.

Если мы оглянемся и взглянемся в самый пафос всего нашего освободительного движения, вдумаемся в смысл всей нашей классической литературы, для нас не будет сомнений в том, что Февраль, разрушая раз навсегда всю старую государственную и социальную структуру России, был насыщен *волею к свободе*, был пронизан *жаждой социальной справедливости*, утверждал новую государственность на преклонении перед неприкосновенной святостью всякой человеческой личности, исходил не из чувства классовой избранности, а из сознания всенародного единства.

Да иначе и быть не могло, ибо, повторяю, вчерашние владеющие и господствующие классы не были способны к сопротивлению, а в первые минуты революции и *не хотели* сопротивляться.

Когда по неизбежному, может быть, закону всех революций Февраль вскрыл весь гной, скопившийся веками в народном теле, когда силы распада стали преодолевать силы сцепления и рост новых социальных связей не поспевал за распадом старых, многие, очень многие из захваченных первым порывом Февраля стали стыдиться своего вчерашнего «прекраснодушия», стали пытаться беспомощно и жалко повернуть историю вспять.

Если французские революции реакция сразила от жизнеспособных еще остатков феодальной аристократии, то в России *после* Февраля реакция могла прорваться только через *левые двери*, о чем постоянно напоминал советской демократии Ираклий Церетели, о чем так превосходно написал в апрельском обращении Временного правительства к народу зверски замученный потом большевиками Ф. Ф. Кокошкин.

И действительно, все попытки через правые двери ворваться в революцию и на место народовластия насадить «белую мечту» разбились о непроницаемую стену крестьянства» которому революция дала не только *волю*, но еще и *землю*.

Возродить старый, взорванный Февралем мир социальных отношений было невозможно. И это доказал Октябрь.

Октябрь нашел себе опору в новом, рожденном Февралем социальном мире. Внутри страны большевизм в борьбе своей за власть опирался исключительно на *выходцев из революции*.

А. Н. Потресов^[248] на страницах «Дней» справедливо писал об «Октябрьской революции»: «*Диктатура не революция; она узурпатор революции*», захватчик прав, полученных народом

от революции.

Поэтому Октябрь не начало новой эпохи, как был Февраль, а только этап в развитии революционного процесса, который еще не заключен, ибо не осуществлен еще Февраль заданный.

Не выходцы «враждебных классов», не саботажники и агенты иностранных контрразведок, не «охвостье деревенского кулачества» разрушают все великолепные планы «социалистического строительства в одной стране». Минирует, расшатывает и постепенно разрушает сталинизм, или, по определению Спаака^[249], «пролетарский фашизм», — *воля страны к свободе*, воля страны вернуть себе свободу творчества.

Еще недавно было время, когда внешние успехи пятилетки внушали маловерам мысль, что можно и в наше время в крепостном порядке создать стройную производительную систему обобществленного хозяйства.

Но ведь самое понятие обобществленного хозяйства — социализма — требует наличия общества. А общество невозможно без свободной самостоятельности его членов. Теперь от «энтузиазма» пятилетки ничего не осталось. Омертвление и трупное разложение всего организма диктатуры становится все ощутительнее, все явственнее для наблюдателя советской действительности. Как мне приходилось уже говорить и писать и ныне (см. ниже) убедительнейшими фактами подтверждает практически хорошо изучивший сталинское хозяйство Д. М. Дмитриев, основной и грозный смысл процессов Зиновьева — Каменева и Пятакова — Радека^[250] заключается в том, что они доказали всей России, что система диктаторского крепостного хозяйства есть система *хозяйства вредительского*, система, уничтожающая народное богатство.

Какой отсюда выход? Упорная пропаганда сталинцев старается убедить народ, что СССР «самая демократическая страна в мире».

Что это значит? Это значит, что страна понимает, *где источник* всех катастроф, несчастий и безысходных страданий: в отсутствии свободы.

В отсутствии того, чем Октябрь прежде всего и отличается от февраля.

Все освободительное движение России всегда стремилось к *социальному раскрепощению*. Русская культурная традиция никогда не соблазнялась идеалом западного мещанского благополучия, но никогда она *не отрекалась от свободы*, от свободного человека. *Соблазном социального блага без свободы* Ленину удалось помрачить народное сознание и задушить народовластие мозолистыми пролетарскими и крестьянскими руками. Но 20 лет прошли не бесплодно. Я думаю, во всем мире нет сейчас такой упорной воли к свободе, как в русской народной толще. Ибо в опыте страшной коллективизации русский крестьянин понял, что, теряя волю сегодня, он завтра неизбежно потеряет и землю.

Конечно, весь аппарат управления и террора в руках диктатуры. Конечно, сопротивление узурпаторов, захватчиков революции может еще продолжаться какое-то количество времени, но за эти 20 лет были испробованы все средства террора, все способы принудительного хозяйства. *Ничего не вышло.*

А главное, не осталось таких, по ленинскому выражению, дурачков, которых можно было бы еще в сотый раз оболванить. Вместе с ростом новых поколений нарастает *духовная потребность* освободиться от всей этой принудительной казенной словесности, потребность видеть жизнь своими глазами, говорить своими, хоть и «эзоповскими», словами.

Телесный голод и духовную жажду творчества — тоталитарная диктатура, совершенная *Несвобода*, утолить не может. В этом приговор Октябрю, в этом — утверждение Февраля.

От несвободы к свободе — вот predetermined путь русской революции, русской

истории на завтра.

*И если сожмется над нами в кольцо
Свирепая вражья порода,
Мы встанем как армия смелых бойцов
И в бой поведет нас Ягода.*

Так еще только в 1936 году обращались к «дорогому Генриху Григорьевичу» члены Болшевской имени Ягоды ^[251] трудкоммуны НКВД (ГПУ); обращались «семь тысяч коммунаров», переделанных первым после Дзержинского «инженером душ» (слова Максима Горького) из беспризорников и всякого рода уголовников.

Теперь, по — видимому, придется в срочном порядке уничтожать прекрасно изданный том «Болшевцы», где и в прозе, и в иллюстрациях восхваляется вернейший ученик и исполнитель намерений и планов Сталина, ныне брошенный сам в чекистскую камеру, жесточайший палач Ягода.

Серьезнейшие иностранные газеты — «Тан», «Таймс», «Дэйли Телеграф» и т. д. придают аресту и преданию суду человека, который сначала фактически, а потом и формально в течение 15 лет стоял во главе всей жандармско — сыскной и пытательной деятельности Сталина, чрезвычайное значение и в особенности подчеркивают тот нескрываемый восторг, с которым Москва и вся страна встретили весть о готовящейся расправе с самым ненавистным всем слоям населения человеком во всем СССР.

Был ли Ягода самой ненавистной фигурой среди диктаторщиков — это еще вопрос спорный. Нельзя же думать, что крестьяне, рабочие, интеллигенты, священники, «бывшие люди», партийные оппозиционеры, «охвостья эсеров и меньшевиков» — вся Россия, десятилетиями неустанно подвергаемая самым жестоким опытам большевицкого террора, до сих пор не догадалась, что источник ее страданий не в «злоупотреблениях и преступлениях» Ягод и Аграновых, а во всей системе диктатуры, за которую во всяком случае наиболее ответственен человек, ее возглавляющий.

Как раз, предавая суду Ягоду, Сталин в своей столь нашумевшей в последнее время речи на пленуме ЦК ВКП (3 и 5 марта) очень резко **подчеркнул незыблемость террора**, как основы самой демократической конституции в мире, требуя неукоснительного применения методов «выкорчевывания и разгрома».

Поэтому арест Ягоды и будущая расправа с вчерашним временщиком из красных жандармов **не дает никаких оснований** к надеждам на действительное смягчение сталинского режима, на возможность некоей новой политической весны, вроде случившейся в 1904 году после убийства В. К. Плеве. Все осталось по — старому. И даже стало еще хуже.

Все осталось по — старому не в стране, конечно, где происходят огромные сдвиги, увлекающие за собой инертную и ослепшую, пережившую себя диктатуру. Все осталось по — старому **в мозгах** у диктаторщиков. Их сознание бьется, как муха в тенетах, в узком переплете глубоко отсталых реакционных идей ленинизма — сталинизма. Последнее руководящее и почти на месяц скрытое от публики выступление Сталина свидетельствует об этом с большой наглядностью.

На длинных, каких-то безнадежно нудных столбцах «Известий» и «Правды» Сталин, не связывая концов с началами, иногда просто теряя нить рассуждений, иногда своими рассуждениями напоминая человека в бредовом состоянии, перечисляет тысячу и одну причину, по которым впадают в ересь, в уклоны, в преступления, в злодеяния, в предательство один за

другим все ленинские сотоварищи и его собственные, сталинские, ближайшие соратники. В двенадцати невразумительных пунктах «единственный гениальный» объясняет, чему нужно «учить» партийную бюрократию — недаром для секретарей всех рангов открываются курсы для перековки мозгов — и какие «гнилые теории» (целых шесть!) должны немедленно даже до перековки выбросить из своих голов все партчиновники. Но он, по — видимому, вовсе и не догадывается, что вся эта внутрипартийная схоластика никакого отношения не имеет к тому единственному коренному вопросу, который всеми «троцкистскими процессами», всеми сенсационными падениями и казнями поставлен не перед «партийными работниками», а перед страной, перед Россией, перед всем независимым общественным именем и за пределами СССР.

Ниже в очень интересном письме об отношении колхозников к делу Пятакова — Радека рассказывается, как у крестьян, которые, конечно, с удовольствием вылавливают под кличкой троцкистов в особенности ненавистных им партийных бюрократов, — как у этих крестьян, после официальных разоблачений всяческих преступлений сановных «бешеных собак», сам собой возникает опаснейший для диктатуры вопрос: **так кто же нами правит**, в чьих руках находится страна, если вчерашний всемогущий министр ныне оказывается злостным иностранным агентом, злоумышленным разрушителем благосостояния государства?

Этот действительно **роковой** для сталинизма вопрос, который рано или поздно не может не получить точного ответа, с особой остротой ставит ныне арест и предание суду Ягоды, ибо этот ныне повергнутый во прах сановник три пятилетки подряд занимал главенствующий пост в учреждении, которое является **основным двигателем** всей машины диктатуры и без которого вся эта хитрая механика «пролетарской диктатуры» не просуществовала бы ни одного часа.

За что попал Ягода на Лубянку уже не хозяином, а дорогим гостем и как раскрылись его преступления? Об этом ходит много рассказов. Впрочем, человек, который отправил к стенке уже несколько десятков своих «партийных товарищей», не мог, я думаю, сомневаться, что при первом удобном случае один из смертников купит себе отсрочку более или менее правдоподобным оговором ненавистного обер — пытателя. По — видимому, так и поступил К. Радек, если верить достаточно близкому к московским «сферам» корреспонденту «Тан» и еще более близкому к ним знатному москвичу, путешествующему ныне по заграницам. Во всяком случае Радек с прочими сановными тюремными сидельцами, несомненно, сейчас так же радуется беде Ягоды, как и десятки миллионов российских граждан, у каждого из которых кто-нибудь и как-нибудь в семье от агентов Ягоды пострадал.

За что же попал Ягода в камеру на Лубянку на самом деле? Об этом пока ничего не известно. Глухое сообщение, подписанное Калининым, ничего не говорит; все можно предполагать, и все предполагают: одни — участие в военном заговоре; другие — тайные связи не то с правой, не то с левой оппозицией; третьи — не без основания утверждают, что открылись большие злоупотребления на Беломорском канале, выстроенном на костях ссыльных рабов ГПУ. Политическая полиция слишком важное в диктаторских странах учреждение. Арестом Ягоды интересуются поэтому и в заграничных прави — тельственных кругах, которые в своей международной политике связаны с Москвой. Если заговорщики оказываются так высоко и на местах, от которых зависит благополучие самих диктаторов, то у заграничных «друзей» Кремля появляется естественная тревога. Ее нужно успокоить. Из Москвы пускается официальное сообщение: Ягода просто высокого полета «гангстер»; крал казенные деньги, окружал себя темным сбродом, безобразно кутил. И с армией ни у Сталина, ни у ГПУ никаких недоразумений нет. Допустим. Примем это успокаивающее официальное кремлевское разъяснение.

Но ведь оно, пожалуй, страшнее всех! Убийственнее всего для всей системы сталинской диктатуры! Бандит, вор и пьяный безобразник 15 лет держал в своих руках жизнь и смерть каждого, кто имел несчастье находиться на территории СССР, включительно до самых

сто процентных хранителей всех традиций и заветов самого Ильича.

На всех торжествах Ягода шел следом за Сталиным. Его дружбой хвастались знаменитейшие советские писатели и специалисты. Сам «отец народов» захаживал в квартиру нынешнего «гангстера» на товарищеские пирушки. Академики и профессора, вместе с рабочими и красноармейцами требуя голов очередных «бешеных псов буржуазии», воспевали хвалы «недреманному оку революции», «карающему мечу пролетариата», человеку, «перековывающему и спасающему души».

Где же спасал души недреманный Ягода? *В образцовых концлагерях.* Еще совсем недавно по всей Европе рассылался роскошно изданный том, где в прозе и в стихах, под водительством Максима Горького, целая плеяда советских писателей — карьеристов воспевала «гуманитарную» работу Ягоды и его сподручных на стройке Беломорско — Балтийского канала, где, как известно, в страшных, нечеловеческих условиях рабского труда погибли многие десятки тысяч ни в чем не повинных российских людей.

Профессор В. В. Чернавин^[252] дал исчерпывающее описание всей системы рабовладельческого в буквальном смысле слова чекистского государства концлагерей, которое, владея многими миллионами арестантов, самостоятельно от сталинского государства хозяйствовало на лесных и рыбных промыслах, брало от государства с подряда исполнение «гигантских» строек — последнее достижение Волжско — Московский канал, сдавало государственным предприятиям по хозрасчету свою рабочую рабскую силу внаем, причем вся заработная плата почти целиком поступала на нужды чекистских учреждений Ягоды.

Может быть, как передает осведомленный корреспондент «Дэйли Телеграф» из официозных источников, Ягода и «свистнул» из кассы Комиссариата почт и телеграфов миллион, но ведь это капля в море сравнительно с разлитым морем хищений и грабежей в обиходе всего крепостного хозяйства концлагерей, где даже штрафные чекисты, попадая на начальственные должности куда-нибудь в Колымский, Амурский или Мурманский концлагерь, жили настоящими сатрапами. И что же, год тому назад *политическая беспечность* Сталина (которую он так беспощадно ныне разоблачает у своих подчиненных) у него самого шла так далеко, что он не знал о хозяйственных порядках в концлагерях? Не знал, как на стройке Амурской дороги тысячи людей — рабов ГПУ — вымораживались жесточайшими морозами и с какой дьявольской неукоснительностью хозяйская убыль Ягоды сейчас же пополнялась свежей человечиной? Не знал, что бывали случаи, когда *увеличивалось количество арестуемых* на предмет пополнения рабсилы в тех или других ягодинских концлагерях?

Все это Сталин *отлично знал*, как знает, что и сейчас Ежов^[253] *продолжает начатое Ягодой* и что как раз сейчас идут усиленные аресты не только интеллигенции, но и рабочих, идет усиленное пополнение всех крепостных концлагерей, которые являются *обязательной частью* всей системы диктатуры, как обязательно существование и самого ГПУ (ныне НКВД), как основного органа диктатуры, в самой основе своей *отрицающей всякий закон, всякое право и всякую справедливость.*

Разоблачая «политическую беспечность» своего партаппарата и злокозненность подпольной оппозиции, Сталин изобличает своих внутренних врагов в том, что они не «пропагандируют свои взгляды открыто и честно на глазах у рабочего класса». Но разве это возможно в стране, где после Дзержинского честью и свободой граждан бесконтрольно распоряжается «гангстер» Ягода или нынешний Ежов, оба *получающие инструкции непосредственно* от разоблачителя политической беспечности Сталина? И разве появление на месте всероссийского обер — чекиста Ягоды Ежова не означает, что вся розыскная и пытательная деятельность диктатуры еще теснее отныне связывается с именем самого вождя?

Как же может заставить Сталин свою собственную «правлящую» партию проявлять

настоящую «революционную бдительность», когда со времен убийства Кирова и с каждым днем все в большей степени, партийцы уравниваются перед всевластием политической полиции в бесправии со всеми прочими советскими, всех человеческих, гражданских и политических прав лишенными, гражданами?

А во что превращает людей чекистское всевластие или, выражаясь условно, советский правопорядок — об этом в последнем номере своего «Бюллетеня оппозиции» (март 1937 г.) вовремя напомнил *на основании собственного опыта* Л. Троцкий. Сделаем оговорку, прежде чем передавать *точное* и *правдивое* описание большевистской полицейско — судебной процедуры, сделанное одним из «творцов Октября». Троцкий, ныне оказавшись эмигрантом, понял — или, лучше сказать, снова вспомнил — то, что знал до «Октября», а именно он вспомнил, что «социализм немыслим без самостоятельности и расцвета человеческой личности». Он забыл, что только «сталинизм попирает и то и другое» ныне, но что тем же самым попиранием занимался он сам под водительством Ленина за все время, пока был у власти после Октября. Теперь он отлично говорит, что «страх перед критикой есть страх перед массой; бюрократия боится народа... Ее вожди вынуждены скрывать действительность, обманывать массы, маскировать себя, называть черное белым». Он лишь не может добавить, систематически обманывая народ и террором прикрываясь от истинных народных чувств к себе, сталинизм только слепо следует примеру ленинизма. Он не может сказать, что нынешние «московские процессы *бесчестия*» не сталинизм, «бесчестье совести», а весь тот политический режим безответственной диктатуры вооруженного меньшинства над разоруженным и ограбленным большинством, в установлении которого, выполняя большую волю Ленина, Троцкий так много потрудился.

И, конечно, Троцкий не имеет права говорить, что «московские процессы не бесчестят старого поколения большевиков». Старые большевики — Пятаков, Зиновьев, Бухарин, сам Троцкий, хотя он никогда «старым» большевиком не был, а к ним присоседился в минуту успеха, — старые большевики все до одного приложили свою руку к прежним московским процессам (адмирала Щастного, московского центра, эсеров — смертников, шахтинцев, меньшевиков, кооператоров и т. д. без конца). И все эти процессы, которые шли и идут по всей России, ничем не отличаются от зиновьевского, пятаковского или будущего дела Ягоды.

«Процессы ГПУ имеют насквозь инквизиционный характер», — твердо и прямо заявляет Троцкий и дальше опять таки совершенно правильно утверждает, что «вся политическая атмосфера Советского Союза проникнута духом инквизиции... Через посредство ГПУ Сталин может загнать в такую пучину беспросветного ужаса, унижения, бесчестья, когда взвалить на себя самое чудовищное преступление с перспективой неминуемой смерти или со слабым лучом надежды впереди остается единственным выходом... Не забывайте, что в тюрьме ГПУ и самоубийство оказывается нередко недостижимой роскошью». Установив, что, ввергая обвиняемого в состояние «беспросветного ужаса», большевистское правосудие, как в старину инквизиция, исторгает у обвиняемых любые показания, Троцкий почувствовал наконец ценность свободного государства и с энтузиазмом новообращенного открывает Америку: «Демократическое уголовное право потому и отказалось от средневековых методов, что они вели не к установлению истины, а к простому подтверждению обвинений, продиктованных следствием».

Пытки развязывают языки. «Может быть, на свете есть много очень героев, которые способны вынести всякие пытки физические и нравственные, над ними самими, над их женами, над их детьми. Не знаю... Мои личные наблюдения говорят мне, — свидетельствует Л. Троцкий, — что емкость человеческих нервов ограничена».

На какие личные наблюдения ссылается человек, который, вместе с Лениным и Дзержинским, был родоначальником террора, инквизиции и пыток в революционной России? Неужели он говорит только о своих наблюдениях над «емкостью нервов» самых близких ему людей, подвергшихся вместе с ним сталинским преследованиям? Нет, конечно. Исчерпывающее представление о емкости человеческих нервов Троцкий получил в ту незабвенную для него эпоху, когда с таким восторгом он проявлял «революционную бдительность» и усердно выглаживал Россию раскаленным докрасна утюгом террора.

И теперь Сталин, с такой яростью преследуя троцкистов, *неуклонно продолжает*, постоянно требуя «выкорчевывания и разгрома» троцкистско — ленинскую политику террора.

Прежде в обработку к Дзержинскому и Ягоде поступали десятки и сотни тысяч, миллионы беспартийных; потом машина террора захватила уже и партийную оппозицию; теперь емкость человеческих нервов испытывается у самых ближайших к Сталину сановников, у самих «великих инквизиторов» пролетарской диктатуры.

Вся страна задыхается в мертвящих все живое объятиях безграничного произвола и звериной жестокости.

Все, что угодно, пусть будет с нами, только не то, что есть, — так на днях передавали нам настроение всей не только беспартийной, но и низовой партийной России люди юные, старой России не знавшие и только что из СССР приехавшие.

Нынешняя новая Россия бессильна пока найти выход, найти путь к освобождению, но сознательно или бессознательно вся она, во всей своей толще, отлично и раз навсегда поняла то, что не может или *не смеет* понять сам диктатор.

Он хочет успокоить, утихомирить ненавидящую его народную массу «министерской чехардой», выдачей на позор, поток и разграбление самых приближенных к себе бюрократов. Но даже расправа с Ягодой ничего не даст Сталину, пока в неприкосновенности останется сама система власти, при которой каждый обыватель чувствует себя затравленным зайцем и любой сановник может завтра оказаться с простреленным затылком.

Справка о «пломбированном вагоне»

Доказывая, «как дважды два четыре, что буржуазные государства засылают друг другу в тыл своих шпионов, вредителей, диверсантов, а иногда и убийц», Сталин не ограничивается настоящим, но и объясняет пленуму ЦК своей партии, как «обстояло дело и в прошлом. Взять, например, государство в Европе времен Наполеона I. Франция кишела тогда шпионами и диверсантами из лагеря русских, немцев, австрийцев, англичан. И наоборот, Англия, немецкие государства, Австрия, Россия имели тогда в своем тылу не меньшее количество шпионов и диверсантов из французского лагеря». Сталин, не ограничиваясь ссылкой на участие английских агентов в восстании Вандеи^[255] против революционного Парижа, мог бы рассказать о попытках французских агентов поднять русских крепостных крестьян против их помещиков. И все-таки ничего нового никому своими историческими справками Сталин бы не сказал.

А он бы мог рассказать о «диверсионной работе» в тылах армии в пользу иностранной воюющей державы нечто весьма интересное и гораздо более современное.

Впрочем, скромность исторических воспоминаний Сталина в некоторой степени возместил официальный орган ЦК ВКП «Большевик» (15 марта 1937 г.) в юбилейной статье «Февральская буржуазно — демократическая революция».

В этой статье устанавливаются три исторических бесспорных факта.

По свидетельству «Большевика», в начале 1917 года начался развал русского фронта. «Не видя конца войне, солдаты дезертировали. Среди солдат усиливались пораженческие настроения. Целые полки отказывались наступать и, покидая свои позиции, отходили в сторону тыла... Развивалось братание». Все это шло бессознательно, стихийно. Стремясь к своей гегемонии в Европе, Германия искала возможности сепаратного мира с Россией.

С своей стороны «царское правительство стремилось предупредить революцию». Оно (т. е. кружок Распутина — Протопопова. — **А. К.**) намеревалось заключить сепаратный мир с Германией. Факт первый.

Факт второй. «Буржуазия видела, что правительство Николая II, насквозь прогнившее, сделавшее проходимца Распутина вершителем судеб государства, неспособно к тому, чтобы победоносно окончить войну». «Буржуазия» решилась на дворцовый переворот, но вспыхнула народная революция. Все партии, уже не только буржуазные, но и социалистические и даже часть большевиков, после свержения монархии решительно отвергли всякую возможность сепаратного мира, всякую возможность содействовать усилению мощи в Европе императорской Германии, прямой предшественницы нынешней гитлеровской империи.

Факт третий. Приехал Ленин из-за границы в запломбированном вагоне, предоставленном ему германским императорским правительством, и сейчас же начал кампанию за скорейшее прекращение империалистической войны, в своих «Апрельских тезисах» стал призывать солдат на фронте к братанию и таким образом вернулся к распутинско — протопоповской политике *подготовки сепаратного мира*.

Последствия этой политики всем хорошо известны. Ныне зашельмованный сталинцами историк Покровский в своих писаниях откровенно оправдывал *пораженческую* политику Ленина в демократической России. И сам Ленин сознательно жертвовал всеми национальными интересами России во имя скорейшего торжества «социальной мировой революции». Ибо с достойной Сталина политической близорукостью Ленин в январе 1917 года писал: «Революционная ситуация в Европе налицо». Налицо ситуация для «пролетарской социальной революции», как утверждали Ленин с Зиновьевым сейчас же после Октябрьского переворота, предсказывая победу германского пролетариата к концу 1918 года. Вопреки утверждению

«Большевика» Ленин перед отъездом в Россию в 1917 году не только не предвидел там «социальной революции», но утверждал, что крестьянская Россия, страна хозяйственно самая отсталая в Европе, вступает в период буржуазно — демократической революции и только *после* победы пролетариата в созревших к социализму наиболее индустриальных странах в будущем последует их примеру.

Принося живую рабоче — крестьянскую только что освободившуюся Россию в жертву своим интернациональным изуверским революционно — бредовым идеям, Ленин фактически в страшной, не на живот, а на смерть, борьбе между Россией и Германией сыграл роль диверсанта, содействовавшего в тылу победе — временной, к счастью, — генерала Людендорфа.

Так было. Все с тех пор в России переменилось. Сами наследники Ленина вынуждены ныне призывать российский пролетариат к «патриотизму», вынуждены восстанавливать русскую историческую традицию, смывать с нашего исторического прошлого всю гнусную мазню гг. Покровских. Так не лучше ли не напоминать как нечто героическое диверсантскую антинациональную работу родоначальников «Октября», работу, которая ныне может послужить для новых поколений великим и страшным соблазном?

В прошлом номере «Новой России» я подчеркнул, в статье о «пломбированном вагоне», что Сталин в своей последней нашумевшей речи перед пленумом ЦК собственной партии, говоря о случаях засылки во время войн буржуазными правительствами своих агентов — «диверсантов» — во вражеский тыл и в особенности останавливаясь на практике Наполеона, вовсе не упомянул о самом знаменитом случае в истории диверсанта́нской работы — о приезде Ленина в начале Февральской революции 1917 года в Россию по соглашению с германским правительством императора Вильгельма II. Можно было наивно предполагать, что Сталин, прославляя ныне безоговорочно патриотизм, славя историю России и ставая «превыше всего оборону родины», *сознательно* старается не напоминать новой пореволюционной России о *позорнейшей*, цинично пораженческой странице в истории большевизма и в биографии Лёнина.

Увы, действительность такого предположения не оправдала. Официальные сталинские газеты от 16/3 апреля (юбилей въезда Ленина в Петербург) наполнены прославлением проезда Ленина, Зиновьева и компании через воевавшую с Россией Германию по соглашению с канцлером Бетман — Гольвегом и генералом Людендорфом. Оказывается, это «диверсионное», откровенно пораженческое соглашение является, как оповещают «Известия», «*славными страницами в истории большевизма*».

Публикуя в «Правде» знаменитые «Апрельские тезисы» Ленина, которые он огласил на другой день после своего приезда в Петербургском Совете, Сталин объявляет борьбу против «революционного оборончества», поражения своего собственного отечества и братания величайшим достижением «гения пролетарской революции». Причем, как видно из ленинских тезисов, большевики по приказу Ленина должны были содействовать поражению бронированным кулаком германского империализма революционной России, которая «сейчас самая свободная страна в мире из всех воюющих стран» с «максимумом» легальности и отсутствием насилия над массами.

Восхваляя Ленина через 20 лет после *начатого им разгрома России* за то, что Ильич оборону революционной России от натиска германской империи в союзе с Францией и Англией объявлял! «и при новом правительстве Львова и компании безусловно грабительской империалистической войной», Сталин, сам обороняя Россию от натиска «германо — японского империализма» в союзе с той же «капиталистической» Францией, в полной мере *оправдывает* троцкистский тезис «Четвертого интернационала»: «*Во время 1 войны, как и во время мира, партии Четвертого интернационала]* сохраняют *полную свободу... борьбы* против ее (правительственной советской касты) сделок с империализмом за счет интересов СССР и международной революции».

Какое же право имеет Сталин требовать от всех граждан СССР безоговорочного патриотизма и расстреливать ближайших соратников Ленина за еще не доказанные их переговоры с гитлеровцами и японцами, когда *доказанное* соглашение Ленина с Германией не накануне, а уже во время самой войны ставится в пример всем верным ученикам ленинизма — сталинизма как образец «революционного» подвига. Конечно, «Известия» и «Правда», рассказывая ныне о поездке Ленина в «экстерриториальном вагоне» через Германию после переговоров с немецким посланником в Швейцарии, очень многое утаивают и совершенно извращают историю, всяче-; ски подчеркивая, что вся эта поездка была устроена швейцарским «социалистом — интернационалистом» Платтенем, и *только им одним*. На самом деле Платтен принимал участие в переговорах с германским посланником в Берне Рамбергом. Но сам Рамберг был; только исполнителем указаний из Берлина от самого канцлера; Бетман — Гольвега и

барона Мальцана. А «товарищем» Платтенom Ленин *прикрывал* только настоящие переговоры, которые шли *не*] в Швейцарии, между Ганецким, как представителем Ленина,] и Парвусом, являвшимся во время войны виднейшим агентом берлинского правительства по контрразведке и организации шпионажа — в частности и в особенности в России. Для этой цели в Копенгагене Парвус организовал под видом научного института по исследованию причин войны (или что-то в этом роде) центр германской разведки и пропаганды. А весной 1915 года в Берне при Ленине была (с его помощью) создана особая «комиссия интеллектуальной помощи русским военнопленным», находящимся в концентрационных лагерях Австрии и Германии. Русским пленным посылались целые тюки книг, брошюр и прочей пораженческой литературы. Русские, английские, французские «империалисты» разоблачались там беспощадно. Зато австрийские, германские и даже турецкие порядки и их «империалистические» планы в этой литературе вовсе замалчивались или упоминались только вскользь, для приличия. Германские и австрийские власти очень усердно распространяли по лагерям эту «революционную» литературу. В начале 1917 года в Копенгагене же, Генеральном штабе Парвуса, был посланником граф Брокдорф — Ранцау, долгие годы впоследствии бывший германским послом при Ленине и Сталине.

Именно Брокдорф — Ранцау и Парвусу, который находился в *постоянных тесных и денежных* сношениях с Ганецким, ближайшим сотрудником Ленина во время войны за границей, и принадлежит честь, так сказать, изобретения «пломбированного вагона». Они с этим изобретением явились в Берлин и нашли себе поддержку в министерстве иностранных дел у барона фон Мальцана и у знаменитого католического депутата, впоследствии убитого правыми террористами, Эрцбергера, который стоял во главе всей военной германской пропаганды. Все вместе они обратились к самому канцлеру Бетман — Гольвегу и убедили его в целесообразности посылки Ленина в Россию. Канцлер предложил Ставке осуществить этот «гениальный» маневр. После некоторых колебаний Ставка Гинденбурга — Людендорфа предложение канцлера приняла. Характерно, что во время бутафорских переговоров Платтена с Рамбергом в Берне Ленин на всякий случай просил Платтена сказать германскому посланнику, что... «в партии эмигрантов едут Ленин и Зиновьев».

Как известно, в своих воспоминаниях Людендорф пишет, что столь своеобразное «революционное» путешествие Ленина в Петербург «оправдалось с военной точки зрения»: *нужно было, чтобы Россия пала*. В другом месте, в статье в военном журнале «Милитер Вохенблатт», подтверждая, что инициатива «пломбированного вагона» принадлежала канцлеру, Людендорф пишет: «Посылая Ленина, канцлер обещал нам более скорое развитие русской революции и усиление жажды мира, которая уже тогда проявлялась в русской армии и во флоте. Штаб же исходил из взгляда, что таким образом сопротивление врага будет ослаблено. Кто дал идею канцлеру отправить Ленина — никто не знал у нас в штабе. Впрочем, сам канцлер едва знал самое имя Ленина, но, как бы там ни было, события оправдали принятие нами предложения канцлера».

Связь Ленина с германским правительством через Парвуса и Ганецкого была установлена с совершенной точностью летом 1917 года Временным правительством. О переговорах же между Бетман — Гольвегом, Мальцаном, Брокдорф — Ранцау и Парвусом мне также известно со слов известного немецкого социал — демократа Эдуарда Бернштейна. В Стокгольме связь с Ганецким держал тамошний германский посланник Люциус. *Но лучшее подтверждение всей этой позорнейшей истории дал сам Ленин, бесстыдно отрицая летом 1917 года свою связь и сотрудничество с Ганецким*.

Когда после июльского большевистского восстания Ленин, подлежащий аресту за государственную измену, успел бежать и скрывался в Финляндии, в Петербурге был

опубликован обвинительный материал по делу о восстании, и там между прочим говорилось о связи Ленина через Ганецкого с Парвусом. Тогда 26 и 27 июля 1917 года за своей собственной подписью Ленин в большевистской газете «Рабочий и солдат» (№ 3 и 4) опубликовал пространный ответ на «клеветнические обвинения» в предательстве. В бесконечном потоке слов есть одна маленькая фраза, где Ленин *переиграл* и, переиграв, себя *выдал*. «Прокурор, — пишет он, — играет на том, что Парвус связан с Ганецким, а Ганецкий связан с Лениным. Но это прямо мошеннический прием, ибо *все знают*, что у Ганецкого были денежные дела с Парвусом, а у нас с Ганецким никаких».

Значит, Ленин безоговорочно признает денежную связь Ганецкого с Парвусом и так же категорически отрицает какие-либо деловые связи между Ганецким, большевиками и самим собой. Прокурор объявлен «мошенником» за то, что он через Парвуса связал Ленина с чуждым ему Ганецким.

Обратимся теперь к XIII тому полного официального собрания сочинений В. Ленина. Там имеется письмо от 17 (30) марта 1917 года, где идет речь о доставке важных документов большевистскому комитету в Петербург, и Ленин пишет: «Ради Бога, постарайтесь доставить все это в Питер, и в “Правду”, и Муралову^[256], и Каменеву, и другим. Ради Бога, приложите все усилия, чтобы с надежным человеком послать это (из Стокгольма в Петербург. — **А. К.**). Лучше всего было бы, если бы поехал надежный, умный парень вроде Кобы»... Кто же такой Коба? Имя звучит по — кавказски — может быть, Сталин? Но Сталин ехал тогда из сибирской ссылки в Петербург. Кто же такой Коба? Смотрю примечание 323 к XIII тому о Кобе, и оказывается: «Коба (Куба) — *Ганецкий*», и тут же ссылка на примечание 171. Смотрю и его: «Ганецкий (Я. С. Фюрстенберг) — один из старейших членов с. — д. Польши и Литвы и член ее ЦК... *После февральской революции в 1917 году жил в Стокгольме, поддерживая связь между русскими большевиками и заграничными революционными социал — демократами. В настоящее время член РКП*»^[257].

Итак, устанавливая связь Ганецкого с Лениным, прокурор прибег к «мошенническому» приему... Теперь можно поставить вопрос: кто же, собственно, мошенник? Ленин публично солгал, цинично отрицая свою долгую и тесную связь с Ганецким, по совершенной безвыходности, ибо, как он сам признает, отрицать **денежное** сотрудничество Ганецкого с Парвусом было невозможно. А через Ганецкого летом 1917 года шли огромные денежные средства в Петербург в распоряжение большевиков.

Тесную связь Ленина с Ганецким перед отъездом первого в «пломбированном вагоне» в Петербург и лживость утверждения Ленина «у нас с Ганецким никаких» дел подтверждает еще раз в «Известиях» от 16 апреля 1937 года сестра Ленина, М. Ульянова. Она приводит письмо из Швейцарии Ленина к Ганецкому в Стокгольм от 30 марта 1917 года, где речь как раз об отыскании способа проезда в Россию. Проехав через Германию, Ленин был встречен в Швеции... Ганецким. Тут же около Ганецкого оказался в Швеции и Парвус. Правда, Ленин отказался публично видаться в Стокгольме с Парвусом и писал даже о «социал — шовинизме» этого агента германского правительства весьма грубые фразы. Но все это было лишь обычным способом Ленина заранее устанавливать свое... алиби.

Именно своим публичным и постыдным отречением от Ганецкого летом 1917 года Ленин навсегда сковал себя с Парвусом и Людендорфом. Руководивший военными операциями на русском фронте летом 1917 года немецкий генерал Макс Гофман, оправдывая посылку канцлером Ленина в Россию, приравнял Лени — на к снаряду, начиненному удушливыми газами. «В войне с Россией мы, немцы, имели бесспорное право стараться всячески увеличить смуту, порожденную революцией в стране и в армии; так же, как я забрасываю вражеские окопы

снарядами, так же, как я отравляю противника газами, я в качестве врага имею право употреблять против его войск оружие пропаганды».

Генерал Гофман, Людендорф, Бетман — Гольвег рассуждали как германские *патриоты*. Но в каком же качестве — пусть спросят себя красные маршалы и просто красноармейцы — ныне, через 20 лет после *предательства* интересов только что освобожденной и «самой свободной» среди прочих держав родины, учиненного Лениным во имя торжества «интернациональной пролетарской революции на Западе», Сталин разрешает «Известиям» и «Правде» вспомнить эту «славную страницу в истории большевизма»?

Конечно, Ленин не был вульгарным немецким агентом, платным диверсантом, каковым ныне объявляет Сталин Пятакова, Сокольников или Каменева. Но, *отрицая* «социализм в одной стране» и считая Россию *совершенно не созревшей* к пролетарской революции, Ленин сознательно жертвовал ею, ее свободой, ее историческим будущим во имя скорейшего пришествия социальной революции на Западе. «Правда» и «Известия» ссылаются на прощальное письмо швейцарским рабочим, опубликованное Лениным перед посадкой в «пломбированный вагон» в швейцарской газете «Фольксрехт», но не смеют напомнить его *существо*. А вопреки всем утверждениям, что Ленин предвидел пролетарскую революцию в России и исповедовал сталинский «социализм в одной стране», Ленин писал своим «швейцарским товарищам»: «Русскому пролетариату выпала на долю великая честь начать ряд революций, с объективной неизбежностью порожденных империалистической войной. Но *нам абсолютно нужна* мысль, — подчеркивает Ленин, — *считать русский пролетариат избранным революционным пролетариатом*. Мы прекрасно знаем, что пролетариат России менее организован, подготовлен и сознателен, чем рабочие других стран. Не особые качества, а лишь особо сложившиеся исторические условия сделали пролетариат России на известное, быть может, очень *короткое время* (курсив здесь и везде Ленина. — А. К.) застрельщиком революционного пролетариата всего мира». А дальше и еще более откровенно: 1 «Россия — крестьянская страна, одна из самых отсталых европейских стран. *Непосредственно* в ней не может победить социализм. Но крестьянский характер страны, при громадном сохранившемся земельном фонде дворян и помещиков, на основе опыта 1905 года, *может придать громадный размах буржуазно-десократической революции в России* и сделать из нашей революции пролог всемирной социалистической революции, ступеньку к ней... Объективные условия империалистической войны служат порукой в том, что революция не ограничится первым этапом, что революция не ограничится Россией. Немецкий пролетариат — вернейший, надежный союзник русской и всемирнопролетарской революции».

Начало всемирно — пролетарской революции в Германии Ленин с Зиновьевым ожидали ко второй половине 1918 года. В ожидании этого неминуемого, мирового пожара в Брест — Литовске Ленин отдал германской империи и ее союзникам все *стратегически нужные* для обороны границы России. А «ступенька» к всемирной революции оказалась ступенькой к гитлеризму и к «социализму в одной стране», который сам стал, по словам недавно вернувшегося из России чешского видного и разочаровавшегося коммуниста, — «красным фашизмом».

Как перед великой войной 1914 года, Россия от германского натиска ищет помощи у западных демократий. Однако никакие союзы с «народными фронтами» на Западе не предотвратят новой катастрофы, если внутри самой России не будет раз навсегда порвана связь с *пережитками изуверческого ленинского интернационализма*. Правительственная власть СССР должна порвать со всякого рода полуленинизмом и полутроцкизмом и всю свою деятельность подчинить исключительно государственным интересам Российской Федеративной Республики.

Арест сталинского обер — палача Ягоды до сих пор волнует общественное мнение и вызывает ряд слухов, предположений и объяснений. И это естественно, так как поле самоуправной и смертоубийственной ГПУ было воистину беспредельным. Когда раскроются уста, ныне запечатанные страхом смерти, и когда в руки порядочных людей попадут документальные свидетельства о деятельности большевистской опричнины, мир воистину содрогнется.

Но был в ведении Ягоды и его присных один род полицейской деятельности, который в нынешних условиях всякого рода предвоенных страхов имел особо важное значение. Я говорю о деятельности по наблюдению за пребывающими в России секретными агентами иностранных держав. Деятельность этих агентов весьма разнообразна — от простого наблюдения за состоянием транспорта, продовольствия, военной промышленности, настроения населения до активного вмешательства во внутриправительственную борьбу, в особенности в области международной политики. По процессу Пятакова — Раде ка мы уже знаем, что Кремль убежден — правильно или неправильно — это уже другой вопрос — в том, что иностранные секретные агенты за небольшую сравнительно мзду скупают оптом и в розницу и мелкую административную сошку, и крупнейших «пролетарских» советских сановников. Повторяю, что уже писал: Сталин обязан более или менее вразумительно объяснить стране и заграничному общественному мнению, почему только в Советском «социалистическом» государстве с самой совершенной в мире конституцией вся правительственная и хозяйственная жизнь государства является *игрушкой* в руках более или менее тайных иностранных контрразведок. И больше того: иностранные контрразведки, выполняя задачи, интересующие их правительства, ведут вокруг Кремля и в Кремле напряженную между собой борьбу, о которой *не знает*, однако, ничего сама советская власть, несмотря на всю свою «революционную бдительность».

Дело дошло до того, что, по свидетельству иностранного весьма осведомленного и сочувствующего Сталину корреспондента, российский диктатор был осведомлен о широчайшей сети германского шпионажа, наброшенной на весь правительственнопартийный аппарат, не от ГПУ, а от «чинов контрразведки одной дружественной СССР державы», которая вела самостоятельные наблюдения за всем советским аппаратом и проникла *без ведома ГПУ* во все тайны «кремлевского двора». Но если одной иностранной шпионской организации оказалось выгодным выдать другую иностранную контрразведку Кремлю, то могут ведь «работать» еще многие другие иностранные организации, которым в данный момент вовсе не выгодно что-либо перед Сталиным разоблачать.

Или еще легче можно представить себе другой случай, когда высшие сановники и военачальники в СССР будут слетать со своих постов и попадать в подвалы ГПУ, потому что какой-нибудь иностранной державе понадобится на место, скажем, Ворошилова или Молотова провести *своего*, нужного, удобного человека.

И сейчас уже во многих иностранных кругах острая борьба в среде кремлевских сановников толкуется как внешнее выражение борьбы за влияние на Сталина *двух исключających друга друга международных ориентаций*.

За последнее время в иностранной печати также можно было читать о «давлении», которое все в более резкой форме оказывает на Кремль общественное мнение комсостава Красной армии, или, как некоторые говорят, «группы» маршалов. Никаких точных сведений по этому поводу в нашем распоряжении нет, и нам, русским людям, руководствоваться разного рода сведениями из иностранных источников следует с большой осторожностью, ибо наше

отношение к внутрирусским событиям никак не может совпадать с мнением иностранцев.

Однако дыма без огня не бывает. И для меня *несомненно*, что жуткая картина морального разложения кремлевских кругов, отвратительные подробности деятельности руководящих чекистов, нарастающий развал транспорта и военной промышленности, наконец, угрожающее положение земледелия — все это должно было в каких-то не только обывательских, но и правительственных кругах вызвать глубокую патриотическую тревогу. Вполне естественно также допустить, что именно в армии, которая по самому назначению своему связана с идеей государства и родины, эта тревога за ближайшее будущее родной страны в особенности обострилась.

Международная обстановка сейчас, к счастью, достаточно благоприятна и дает России некоторый, правда недолгий, срок для *коренной перестройки* всего правительственного аппарата и хозяйства, такой коренной перестройки, которая сделала бы Россию действительно страной обороноспособной.

В «Правде» (14 апреля 1937 г.) весьма своевременно напечатана статья «Тыл современной армии». Статья эта весьма убедительно показывает, что при нынешнем материальном, техническом и психологическом состоянии ближайшего и глубокого тыла будущей действующей армии *никакая длительная успешная война для СССР невозможна*.

Как правильно заключает эта статья, современная война требует не только технически совершенного тыла, чего в СССР нет, но еще и людей самостоятельных и способных принимать на свою ответственность важные решения. Такие кадры не воспитываются и не могут воспитаться в условиях крепостного государства, где нет места чувству свободного гражданина.

Восстановление в России элементарного правопорядка есть предварительное условие, без выполнения которого обороноспособность СССР не может быть обеспечена.

Если «красные маршалы» вместе со Сталиным — или против него — добиваются сейчас восстановления в России закона и правопорядка, они могут быть твердо уверены, что девять десятых населения их поддержит.

В вышедшем на днях очередном номере «Современных записок» (№ 63) напечатаны еще несколько «Писем оттуда»; писем весьма культурного и зоркого наблюдателя новых настроений в России, и в особенности настроений молодежи.

Возражая на несколько ироническое, по — видимому, отношение к российской «эволюции» своего зарубежного собеседника, Х. пишет оттуда, из России: «Мне приятна была твоя лукавая улыбка по поводу родины — сначала рождественская елка, потом вежливость, прославление многочадия, Пушкин — открытие следует за открытием, вызывая очередной восторг. До вас доходит только газетная трещотка, и вы, конечно, воспринимаете это анекдотично (совсем нет. — **А. К.**). Я же вижу совсем другое — как по чьему-то изволению молодая человеческая поросль получает именно те питательные соки, те соли, которых ей не доставало и которые поэтому мгновенно всасываются. Будто присутствуешь в гигантской природной лаборатории, наводящей на размышление: есть ли тут сознательный, мудрый **план** или, что вернее, таинственное созвучие между потребностью и откликом на нее? Думаю, что в этом процессе обе стороны учатся, обе растут».

Наблюдение это чрезвычайно интересно. Во — первых, потому, что эти строки «оттуда» еще раз подтверждают нам, что «молодая человеческая поросль», новая Россия преодолела в своем организме ядовитые соки ленинизма и возвращается к живому источнику общечеловеческой и национальной культуры. Во — вторых, потому — и это сейчас для меня главное, — что в новых уступках власти настроениям страны культурный человек, безвыездно проживший все эти годы в России, подозревает иногда чье-то сознательное «изволение», какой-то «мудрый план».

И действительно, как бы низко ни расценивать способность кремлевских сидельцев к «эволюций», к умению их или к желанию идти навстречу народным настроениям и государственным интересам, нельзя все-таки начисто отрицать всякую разумную планомерность и нынешней «реформаторской» деятельности «гениального отца народов» (кстати, нужно отметить, что после выступлений Сталина против вельможного чванства, зазнайства, «идиотской беспечности» казенная московская печать стала сдержаннее, менее раболепно восхвалять и воспевать его самого).

Всматриваясь внимательно во все действия Кремля за этот последний год, вдумываясь в неожиданно откровенные и страннопутанные речи Сталина и Молотова, обязательно приходишь к выводу, что, параллельно с процессами духовного оздоровления и национального возрождения в стране, в правительственных кругах происходит острая борьба наследников ленинской октябрьской антинациональной и антигосударственной традиции с какими-то новыми, более связанными с психологией народа, и в особенности его «молодой порослью», настроениями и **планами**. Кстати, нужно отметить, что в последних номерах «Известий» около слова «всесоюзный» в скобках появляется пояснение — «**национальный**».

Верно это или не верно, но народная молва в России и общественное мнение за границей такие новые в правящих кругах настроения связывают с Красной армией, с так называемой группой маршалов.

Трудно предположить, чтобы такая маршальская организованная группа, да еще во главе с Ворошиловым, могла существовать как сила явно оппозиционная генеральной линии Сталина. Но совершенно несомненно, что по самому положению армии в стране ее командный состав, видя разрушительные для обороноспособности государства последствия всей системы большевистской диктатуры, должен сочувствовать всякому «мудрому плану», который ставил бы

себе целью укрепление обычной, нормальной государственности и правопорядка в СССР.

Восстановление в России элементарного правопорядка, писал я в последнем номере «Новой России», есть предварительное условие, без выполнения которого обороноспособность СССР не может быть обеспечена.

Почему не может быть обеспечена? На этот вопрос, можно сказать, исчерпывающий ответ дает доклад Молотова на мартовском пленуме ЦК ВКП, опубликованный, как и речь там же Сталина, в № 8 «Большевика» с чрезвычайным опозданием.

Доклад Молотова гораздо более, чем речь Сталина, наполнен фактами и откровенными выводами. Из этого доклада мы прежде всего узнаем, что кроме показательно — вредительского процесса Пятакова — Радека за эту зиму в России в непубличном порядке судились и осуждены за вредительство целый ряд крупнейших партийных и беспартийных руководителей тяжелой промышленности. И в результате — *«мы еще не знаем всех актов, относящихся к диверсионной деятельности троцкистов и других агентов в тяжелой промышленности и других частях нашего аппарата».*

«В других частях нашего аппарата»! Где это? Прежде всего — *нефть и уголь*. Молотов беспощадно критикует постановку угольной промышленности и развал Донецкого бассейна. Тут же он делает общий вывод: вся казенная статистика головокружительных промышленных достижений ничего не стоит. Оказывается, Кремль местные начальства постоянно и планомерно *обманывали*, давая в отчетах никогда не существовавшие цифровые итоги добычи. После этого последовал грозный указ из Кремля об устранении всех «неполадков» в угольной промышленности. Опять партийные и советские чиновники призываются пещись об интересах рабочих, поддерживать авторитет добросовестных беспартийных директоров и инженеров.

Но такие грозные указы уже и раньше бывали. И не раз мы уже читали, как после такой сталинской расчистки авгиевых конюшен партийной бюрократии промышленность начинала процветать, чтобы через некоторое время снова впасть в полное разложение.

В чем тут дело? Почему *в одном только СССР* целые промышленные отрасли оказываются в руках или наглых очковтирателей, или злостных вредителей? Почему только в СССР министры, при всей видимости своего могущества, проявляют крайнее бездействие масти и совершенно не знают, что делается у них в ведомстве под самым носом? «Для чего ^{то}нибудь же сидят руководители в своих организациях? — с комическим отчаянием вопрошает Молотов. — Получают же они сигналы от своего аппарата, должны же они иногда почувствовать опасность со стороны врага, когда враг ведет подкопы?» Этот риторический вопрос Молотова подводит нас к ответу на вопрос: *где же* настоящий, коренной источник безобразного состояния российской промышленности и земледелия?

Ответ очень простой: хозяйство советское не может быть производительным, потому что никто в нем *не заинтересован* и никто за него *не отвечает*. Все «тянут волынку», стараясь только об одном — спихнуть на другого всю ответственность, дабы самому не попасть в список вредителей или саботажников. И чем больше свирепствует карательная машина, тем глубже разлагается весь хозяйственный аппарат.

Почему, спрашивает Молотов, наркомы и их заместители — даже такие «фигуры», как Каганович или вовремя умерший Орджоникидзе, — сами не занимаются «чисткой своего аппарата»? «Для чего же они там сидят?» Сидят, действительно, неизвестно для чего, ибо совершенно непонятно, почему за страшное расстройство транспорта не под судом Каганович и почему вместо Орджоникидзе расстреляли все ^{таки} более осведомленного техника Пятакова. Но почему они не занимаются «чисткой своего аппарата», т. е. вообще управлением своим ведомством и контролем над деятельностью своих подчиненных, об этом известно весьма хорошо всем в России вообще и Молотову в частности.

Бесхозяйственность и хаос в управлении являются результатом совершенной *безответственности* всего административного аппарата, а эта безответственность, в свою очередь, есть непосредственное следствие полного произвола не подлежащих никакому контролю, никакому суду и никакой критике инстанций, которые фактически распоряжаются повсюду и безнаказанно вмешиваются во все области и хозяйственного, и государственного управления.

Сам Молотов это в своем докладе весьма явственно проговорил: наркомы и прочее начальство потому ничем не управляют и ни за что не отвечают, что они, с одной стороны, являются игрушками в руках ГПУ, а с другой — обязаны без возражений принимать под свое начало бюрократов, присылаемых *партией*.

Мы знаем, что именно «красные маршалы» первые не выдержали невыносимого и губительного вмешательства агентов Ягоды в самые деликатные области управления армией. И мы знаем также, что в минуты просветления сам Сталин старается беспартийных чиновников и техников поддержать своим «властным и сочувствующим» словом.

Однако само слово всевластного диктатора переменчиво. Сегодня Ягода герой — завтра он гангстер. Сегодня Пашуканис — лучший теоретик «пролетарского права», завтра он становится величайшим вредителем, развратителем пролетарского правосознания. Сегодня Авербах бесконтрольно командует русской литературой, завтра оказывается организатором шайки писателей — расхитителей народного достояния. Вчера — все на службу стахановцам, сегодня — стахановцы под контроль опытных инженеров — техников. Вчера — разнузданная демагогия самокритики, сегодня — новая судорога уважения к законным правам компетентного начальства.

А в результате, как напечатано в «Социалистическом земледелии» (12 апреля), так уже повелось с самого начала ленинско — сталинского царства, что «для многих жизнь потеряла ценность, *и никто не чувствовал уверенности в завтрашнем дне*. Чтобы подыскать аналогию из русской истории *в смысле воздействия на психику*; приходится вспомнить о пожаре Москвы в 1812 году, о чуме в Москве, о наводнении в Петербурге при Петре. Но ни одно из этих событий не охватывало столь широких масс населения, и все были кратковременны. А мало ли между нами таких, которые *близки к сумасшествию?*». Конечно, за такие писания, в полной мере отвечающие действительности, автор оказался в местах весьма отдаленных, но пример странного «сумасшествия» приводит сам Молотов. Судился вчера еще влиятельнейший партиец, начальник Уралвагонстроя Марьясин за самое свирепое диверсионно — троцкистское вредительство. Конечно, во всем «признался» и сам на себя наговорил. Марьясин со товарищи был по всей строгости законов осужден, а на место, на Урал, поехала особая комиссия восстанавливать порядок. Приехала и *...не* установила ни одного факта вредительства на стройке.

Молотов недоумевает: выходит — иронизирует он, очевидно, подозревая уже в кознях и комиссию, — что Марьясин «вместе с другими вредителями» сами на себя наклеветали.

Нужно сказать Молотову: товарищ предсовнаркома, точно так же, как Марьясин, наклеветали на себя и все уже расстрелянные Пятаковы и Лившицы, ибо «вредительство» есть только *псевдоним*, под которым скрываются все органические неотъемлемые качества крепостного хозяйства в несвободной политической стране.

Родина, русская история, рождественские елки, куличи и пасхи, возврат к здоровой семье и многочадию, Пушкин, Ломоносов и Суворов, переименованная в «Ивана Сусанина» «Жизнь за царя» Глинка — все это превосходно, как превосходна на бумаге и новая «самая демократическая» конституция. Молодая российская человеческая поросль всасывает жадно все эти живые соки. Ну а дальше? Какая *правовая* обстановка создается в СССР уже не Для

обывательского проживания, а *государственного действия* российской молодежи?

Предполагается ли по «мудрому плану», который иногда чувствуется в деятельности Кремля, дать и российской молодежи, и вообще всему российскому населению главную основу для кульн турного развития, хозяйственного роста и национального возрождения — *твердую уверенность в завтрашнем дне?*

Судя по выступлениям Сталина и Молотова, по руководящим статьям в «Известиях» и в «Правде», у ответственных диктаторщиц ков, связанных всем своим прошлым с ленинской идеологией, нет еще сознания, что никакая самая совершенная или самая пролетарская демократия не *возможна* без закона для всех одинакового, без суда для всех равного и независимого, без общественного! мнения хотя бы и не по — английски свободного, но во всяком слу — чае имеющего право критики существующих в государстве общественных и правительственных порядков.

И если, действительно, в Кремле идет сейчас борьба между защитниками антинационального октября и поборниками восстановления государственно — национального бытия России, то в программ последних, в *программу красных маршалов*, должно войти прежде всего требование восстановления:

строгой закономерности в управлении,
равного для всех и независимого суда,
независимой, хотя бы и подцензурной, как до 1905 года, печати.

Моя воображаемая «программа красных маршалов» одним покажется общим местом — ну, стоит ли повторять общие места, другие обвинят меня в «свертывании знамен», в отказе от вчерашнего дня и т. д.

Мне скажут: в России никто ни в какие права и законы, исходящие из Кремля, не поверит. Там ненависть слишком сильна для какого бы то ни было примирения или соглашения. Там народ ждет только «заворушки», т. е. взрыва, срыва, катастрофы, внешней или внутренней — все равно, лишь бы только сорвать с себя стальную плиту невыносимого террора и бесправия.

Меньше, чем кто-либо в эмиграции, я сомневаюсь в наличии таких революционно — безнадежных настроений, и я также знаю, что каждый лишний день существования сталинской диктатуры приближает Россию, как пишет ниже М. В. Вишняк, к какой-то новой неизбежной катастрофе.

Нужно ли поэтому *желать* скорейшей катастрофы, скорейшей революции? Нет, отвечает М. В. Вишняк, никоим образом. После опыта страшных лет России ни один человек, бывший в гуще революционной борьбы, не может, не в состоянии больше мечтать об этой, по слову Жореса, «варварской форме прогресса». Но если не желать революции, тогда нужно содействовать мирной эволюции существующего строя? Бессмысленное занятие, ибо «не по силам ни Ленину, ни Сталину стабилизировать государственную власть и нормализировать русскую жизнь». Революция «нежеланная, но неизбежная» — все-таки будет.

Если все-таки будет, тогда нужно ей содействовать, нужно создавать условия, при которых переворот произошел бы в самых благоприятных для страны условиях, нужно звать страну, молодежь, крестьянство, рабочих к организации, нужно вырабатывать соответствующие объединяющие страну лозунги? Опять нельзя, ибо, по Герцену, предпочитать эволюции революцию — «молодо и незрело»! А в России, тем более сейчас, все общественные силы так разбиты, общественное мнение так распылено, что ни на чем объединить страну для революционного действия невозможно.

Получается какой-то для политика, для активного человека; безвыходный и невыносимый тупик. Вы видите всю опасность для страны новой катастрофы, вы знаете, что при сохранении существующих нынешних порядков она неизбежна, но делать ничего не имеете права. Содействовать революции преступно, помогать эволюции — бессмысленно и глупо, ибо безнадежно: власти все пути разума заказаны. Нужно сидеть у моря и ждать погоды. Но ведь такое неделание не всякому дано. Если представить себя живущим не в эмиграции, а в родной стране, то выбор обязатель — но придется сделать — выбор не между эволюцией и революцией между деланием и неделанием, участием в политической борьбе и безучастным со стороны наблюдением.

А в жизни, участвуя в политической борьбе, никакого выбора между эволюцией и революцией делать *не приходится*. Ибо даже партии, особенно именующие себя «пореволюционными», вне революционной обстановки занимаются просто политической деятельностью, и революционный взрыв зависит не от воли, отдельных партий или партийных комитетов, а от общего сложения сил в стране и главным образом от деятельности правительства.

Возвращаясь памятью к 1905 года и останавливаясь на моей критике либеральных партий того времени, М. В. Вишняк полагает, что «новые документы о психологическом состоянии власти» того времени показали, что она не хотела и не могла пойти ни на какой компромисс и поэтому революция была совершенно неизбежна. Но ведь в момент деятельности

политических партий будущие «новые документы» еще никому не известны. Они впоследствии дают возможность глубже понять эпоху, но руководить политической тактикой и стратегией людей той эпохи они никак не могли. И совершенно неизвестно, как сложилась бы русская история, если бы, скажем, после манифеста 1905 года взаимоотношения между графом Витте и представителями либеральных партий сложились по — иному; если бы люди либеральной общественности не входили в кабинет Витте с готовым уже убеждением, что никакого соглашения с ним быть не может, что власть должна только как можно скорее уступить свое место новым общественным силам. Моя оценка 1905 года является не результатом «увлечения бесспорным талантом В. А. Маклакова^[258]», книжку которого я разбирал в «Современных записках», а собственными наблюдениями и давнишними выводами.

Моя точка зрения такова. В своей политической работе человек не должен исходить из теоретических рассуждений о революциях и эволюциях. Он должен в каждую минуту своей работы стараться сделать то, что он считает нужным. И если он считает революцию «варварской формой прогресса», он должен в самых даже к тому неблагоприятных условиях стараться ее предотвратить.

Пусть благодаря упрямству власти революция все-таки станет неизбежна. В жизни нашей мы очень многое, в конце концов, предотвратить не можем, но важно для нас, для нашего внутреннего сознания, для нашей ответственности перед будущими поколениями, сделали ли мы все от нас зависящее, дабы избежать катастрофы. О революции рассуждали не только Герцен и Жорес, о ней как-то говорил и Бисмарк. Это был не публицист, а государственный человек. Он знал, что в конце концов за судьбы государства отвечает власть. И он указал *путь, по которому приходит революция*. Революции случаются и государства разрушаются не по воле революционеров, а потому, что традиционная государственная власть вовремя не делала нужных реформ, не делала народу самых неотложных и сравнительно ничтожных уступок.

Пусть при Сталине революция окажется столь же неизбежной, как и при Николае II. Пока она еще не случилась и тем более пока еще не опубликованы «новые документы», объясняющие, почему эта революция не могла не случиться, нужно делать все, чтобы ее предотвратить.

Как можно предотвратить революцию? Только *своевременными уступками правительства*. И если мы хотим, чтобы правительство уступало, мы не можем предлагать ему такие действия, которые станут для него самоубийством. Одно из двух: или неизбежная революция мне желанна — тогда я иду на нее. Или этой революции нужно попытаться избежать, тогда во имя высшего блага страны мы должны готовиться к уступкам, если хотим, чтобы нам уступали.

Мне скажут: все это пустая игра воображения — ни Николай II, ни Сталин ни к каким разумным уступкам не способны. *Тем хуже для них*. Конечно, политических чудес не бывает, автократ не может преодолеть своей природы и должен не склониться перед волей народа, а сломиться во время стихийного политического урагана.

Но ведь кроме обреченной на гибель правительственной системы есть еще страна, есть народ, который в конце концов и будет платить за разбитые сталинские горшки.

И поэтому, как бы над моей неисправимой «маниловщиной» ни измывались, я буду стоять на своем: если хочешь избежать революции, делай все, чтобы облегчить власти возможность уступок.

Не уступит — ее воля.

Наша совесть будет спокойна.

В прошлом номере «Новой России» я по поводу напечатанных в «Известиях» и «Правде» воспоминаний ленинских соратников о его приезде в plombированном вагоне в Петербург 4 апреля 1917 года установил историю этого вагона и связь между Лениным и германским императорским правительством через посредство Парвуса и Ганецкого. Я привел там выписку из статьи Ленина в газете «Рабочий и солдат» от 26–27 июля 1917 года, где он, отказываясь от всякой связи с Ганецким, головой себя выдал.

Напомню здесь эту фразу Ленина. «Прокурор играет на том, что Парвус связан с Ганецким, а Ганецкий связан с Лениным. Но это прямо мошеннический прием, ибо все знают, что у Ганецкого были денежные дела с Парвусом, *а у нас с Ганецким никаких*».

Тут же я привел документальные данные из большевистских источников о неразрывной связи Ленина с Ганецким.

Временное правительство точно установило, что «денежные дела», всем известные, по словам Ленина, Ганецкого с Парвусом имели свое продолжение в Петербурге в Сибирском банке, где на имя родственницы Ганецкого, некоей Суменсон, а также небезызвестного Козловского хранились очень большие денежные суммы, которые через Ниа — банк [\[259\]](#) в Стокгольме переправлялись из Берлина при посредстве все того же Ганецкого. Именно из-за этих денежных дел Ленин с такой дерзостью отчаяния отрицал, скрываясь в Финляндии и обвиняемый в сношениях с неприятельскими агентами всякую связь с Ганецким. А между тем за последнее время перед арестом Суменсон сняла со своего текущего счета 750 000 рублей и в момент ареста у нее еще оставалось 180 000 рублей.

Ныне, через 20 лет, «величайшая в истории клевета» — слова Л. Троцкого — подтверждена самим Я. Ганецким 15 апреля 1937 года в «Вечерней Москве». Здесь, давно забыв, что Ленин отрекся от него публично летом 1917 года, Ганецкий с гордостью рассказывает, как вплоть до самого июльского восстания он, сидя в Стокгольме, нес службу связи Ленина с границей.

«Я пользовался самой настоящей дипломатической почтой, — рассказывает Ганецкий. — Старый царский посланник, желая доказать свою преданность революции, стал либеральничать и выражать свои симпатии эмигрантам... Я воспользовался этим и посылал через посольство запечатанные мною пакеты по адресу Совета рабочих депутатов. Я убеждал посла, что Совет рабочих и солдатских депутатов пользуется такой же властью, как и Временное правительство. Посол вынужден был согласиться. А я всякий раз телеграфировал в Питер, чтобы заблаговременно приходили в Министерство иностранных дел и проверяли сохранность моей печати».

Итак, сам Ганецкий признает, что был в постоянной связи с ленинским штабом в Петербурге. В это время нашим дипломатическим представителем в Стокгольме был недавно скончавшийся умнейший Гулькевич [\[260\]](#), который был весьма осведомлен в общем политическом положении. И он пересылал пакеты Ганецкого вовсе не потому, что «вынужден был согласиться» с доводами ленинско — парвусовского агента. А потому, что действовал *согласно инструкциям* из Петербурга. Уже за несколько месяцев до июльского восстания Временное правительство (о чем в другом месте я писал подробно) все точные данные о берлиностокгольмских связях Ленина имело. В Стокгольме, кроме наезжавшего туда Парвуса, Ганецкий виделся с немецким посланником Люциусом. Нужно сказать, что вся эта работа велась очень осторожно и только в конце июня сложилась обстановка, при которой в очень скором времени в наше распоряжение должны были попасть бесспорные документальные данные. Ганецкий в своих нынешних воспоминаниях забыл, по вполне понятным причинам,

рассказать о том, как в это время он получил разрешение из Петербурга на въезд в Россию и как преждевременное разглашение во время петербургского восстания части обвинительного материала против Ленина, Зиновьева и компании остановило его поездку в Россию, где на финляндской границе ждали наши соответствующие чиновники для ареста и весьма неприятного обыска.

Весь материал этого номера посвящен (за исключением статьи М. А. Алданова ^[261]) расстрелу красных генералов 11 июня. Это событие огромной важности, открывающее новую главу в истории борьбы страны с выродившейся октябрьской диктатурой, мы пытаемся осветить с разных сторон. И среди даваемого нами материала статья казненного маршала Тухачевского едва не глубже всего — несмотря на свою специальную и, казалось бы, интересующую только «военспецов» тему — вскрывает *непримиримое* до конца противоречие между жизненнейшими интересами армии России и существующей еще формой правления.

Вчитываясь в сухие и как будто бесстрастные строки статьи Тухачевского, мы чувствуем, какая *борьба* велась в Кремле во имя создания в СССР технически совершенной *современной* армии, которая для своего существования требует самой совершенной организации промышленности, транспорта, продовольствия и, главное, не может быть армией без *современного* рядового бойца, т. е. любящего свою родину, сознательного, политически воспитанного и способного на личную инициативу гражданина.

Каковы бы ни были международная ориентация и политические взгляды убитого Тухачевского, он вместе с целым рядом других еще не расстрелянных военачальников, вынесших на своих плечах борьбу за новую армию с невежественными мечтателями теории «шапками закидаем» из героев Гражданской войны, выполнил свой долг перед родиной, и его статья о новом полевом уставе является бесспорным и решающим свидетельством всей гнусности возведенных на вождей армии обвинений.

Мы помещаем статью Тухачевского и для того, чтобы для подавляющего большинства русских людей, и в особенности молодежи — и в особенности в эмиграции пребывающей, — большинства, безоговорочно приемлющего *долг обороны* государства, стало до конца ясно, что современная организация механизированной армии и тактика современного боя требуют от страны определенного технического, гражданского и *нравственного* уровня, который *не существует* в нынешнем СССР и не может там существовать, пока Россия тем или иным путем не вырвется из нынешнего своего сумасшедшего состояния.

Именно *техника обороны* ставит перед общественным мнением и руководителями армии *политическую* проблему, вопрос о *целесообразной* организации верховной и правительственной власти в СССР.

Причем вопрос этот в конце концов сводится к задаче как будто очень простой, совсем простецкой: как организовать центральную власть, которая во всей своей деятельности руководствовалась бы только *государственными и народными интересами*, и как создать в России *честную* и способную управлять администрацию.

Совершенно несомненно, что сам Сталин безуспешно бьется именно над этой самой простой, давно во всем культурном мире разрешенной задачей и не может ее разрешить. А между тем никакая государственная работа, никакое хозяйственное руководство, никакие прочные достижения немыслимы, если весь аппарат управления государством и хозяйством находится в совершенном *разложении*, равного примера которому нельзя найти даже в абдул — гамидовской Турции.

Я не буду повторять здесь примеров, которые имеются в моем докладе «Заговор Тухачевского». Если бы они не были взяты из официальных источников — поверить им было бы невозможно. Но вот в стремлении как-то успокоить деревню — опереться на низы в борьбе своей с верхами советской пирамиды — Сталин поставил на Юге России, в Одессе, показательный процесс против администраторов — *крестьянских насильников*.

Зная не только по казенным газетам быт деревни и на Волге, и на Украине, и в Сибири, и в Туркестане, можно совершенно твердо сказать, что одесский процесс действительно показателен, ибо он показывает нам на примере общие приемы большевистского администрирования — и не только в деревне, но и на *фабрике*.

Так вот в Одессе на скамье подсудимых оказалась целая группа партийцев и в то же время «руководящих работников». Тут вся администрация — и секретарь районного партийного комитета, и председатель райисполкома, и заведующий районным финансовым отделом, и заведующий райземотделом, и председатели сельсоветов, и райпрокурор. Дело слушалось при открытых дверях, в присутствии сотен колхозников. И оказывается, вся эта администрация годами управляла огромным, когда-то богатейшим деревенским районом, как управляли башибузуки, ворвавшись в мирные турецкие деревни. Они, эти администраторы, грабили по ночам колхозников, создав особую «ударную бригаду по мобилизации средств». Применялись самочинные обыски, реквизиция имущества, рукоприкладство. «Бригада» работала днем и ночью. По каждому поводу, а чаще без всякого повода они забирали у колхозников имущество и продавали его без торгов, ценные же вещи присваивали. В одном случае один из администраторов «присвоил себе крышу» дома колхозника и вообще в порядке грабежа «систематически занимался самоснабжением». «Когда заведующая маслозаводом отказалась давать Карпову продукты, он стал ее преследовать и довел до такого состояния, что она пыталась покончить самоубийством». А вот деятельность председателя григорьевского сельсовета, «как две капли воды схожая с преступлениями, которые творились» в соседнем сельсовете. Тут председатель, «разъезжая верхом по населенным пунктам, *наводил ужас на колхозников*». Особенно он издевался над семьями красноармейцев... Сельская школа была превращена этим Ежовым в миниатюру в «учреждение для отбывания принудительных работ. Злостные, по его мнению, неплательщики присылались в школу для разных работ, а причитавшиеся им деньги удерживались на покрытие задолженности» («Известия», 17 июня).

За напряженную работу по организации современной армии и за борьбу против порядков, делающих существование такой армии невозможным, генералы получили пулю в затылок. За примерное большевистское администрирование — одесские герои отделались несколькими годами тюрьмы.

Таковы нынешние масштабы кремлевской государственной мудрости.

Безудержный произвол наверху совершенно естественно рождает таковой же на самых низах административной машины, пронизывает всю толщу государственного аппарата.

Совершенно бессмысленны рассуждения о том, что население России с каким-то особым восточным самоотречением *не противится злу* и чуть ли не лобызает со слезами умиления «гениальную длань», ее неустанно годами и беспощадно карающую.

Именно сорвавшийся заговор генералов свидетельствует о нараставшей за все эти годы *сопротивляемости* народа, и никогда еще так современно не звучали слова иностранного наблюдателя, видевшего Россию в самые беспросветные годы Николая I: «России я — кипящий котел с туго завинченной крышкой». Тогда неизбежный взрыв был предотвращен в начале нового царствования *реформами сверху*; не разговорами, как сейчас, о реформах, а самым настоящим и коренным преобразованием всех устоев хозяйственного и гражданского быта.

Крестьянское освобождение.

Гласный и независимый суд.

Земское самоуправление.

Независимая печать.

Сейчас ни в самой России, ни в эмиграции нет безумцев, за исключением нескольких древних старцев, которые мечтали бы о восстановлении господства «помещиков и

капиталистов» (лживые слова маршала Ворошилова о маршале Тухачевском, Уборевиче, Якире, Корке и других^[262]).

Но *раскрепощение народного труда*, установление твердой законности и всех гражданских прав населения, восстановление свободного на местах самоуправления и свободного контроля независимой печатью всей «советской системы» сверху донизу — эта воистину всенародная национальная программа должна быть выполнена заместителями казенных генералов — военными или штатскими, все равно — как можно скорее.

Ход событий в России дает нам право надеяться, что час осуществления народных чаяний приближается.

Только что подведенные мной итоги сталинской подлинно вредительской работы еще раз вполне объясняют и оправдывают неудачную попытку группы «красных маршалов» избавить Россию от современной своеобразной распутии.

Как я уже писал в предыдущем номере, программа внутренней политики заговора была продиктована *неотложными потребностями обороны*, оставалась в рамках существующего социального пореволюционного строя, не была связана ни с какой политической доктриной и должна была произвести самые неотложные перестройки — разрыв с Коминтерном, раскрепощение крестьянства, частичное восстановление частной инициативы в хозяйстве (о восстановлении частной торговли имеется проект в самом Кремле) и замену сталинской принудительной «социализации» национальным трудовым сотрудничеством, т. е. некоторым не только хозяйственным, но и политическим раскрепощением населения.

Как бы эта программа ни была далека от наших чаяний и предположений, она, несомненно, была бы в современных российских условиях шагом вперед хотя бы уже тем, что создала бы в СССР правительство, которое на первое место в своей деятельности поставило бы интересы национального целого, интересы государства.

Так как здоровая национальная политика не только нужна данному государству, но и полезна всему международному целому, попытка прекратить двойственную международную деятельность Кремля, казалось бы, не должна была нигде вызывать тревогу и опасения.

На самом деле сталинцы — и официально служащие, и неофициально служащие — воспользовались очень острыми отношениями между великими державами Западной Европы, чтобы заранее скомпрометировать военное движение, как движение германофильское.

Для надобностей внутренней пропаганды, для оболванивания заграничных «левых дурачков» сначала бахнули во все колокола: высшее командование Красной армии — шпионская организация в распоряжении гестапо. Эффект получился неожиданный: дружественные дипломатические и военные канцелярии шарахнулись в сторону.

Тогда в нужных местах разъяснили, что шпионство Тухачевских нужно понимать, так сказать, в высшем смысле, т. е. что военные заговорщики хотели международную политику СССР вернуть в русло Рапалло, в русло союзных, дружеских отношений с Германией.

В такой постановке уже нет *никакого обвинения*. Конечно, в тех или иных иностранных дипломатических канцеляриях международная ориентация Тухачевского или Корка могла вызывать весьма сильное недовольство, если они хотели снова коренным образом ломать иностранную политику России. Но вот недавно в «Тан» были напечатаны очень интересные заметки о Тухачевском его товарища по германскому плену Ж. Фервака. Старые друзья виделись еще в прошлом году в Париже, когда сюда приезжал Тухачевский. *Рассказывая о напряженном патриотизме Тухачевского, Фервак подчеркивает его положительное отношение к франко — советскому сближению.*

Но разве франко — советское сближение исключает на веки веков германо — советские дружественные отношения? *Не вечен Сталин, но и Гитлер не бессмертен.* Совершенная ненормальность отношений между Германией и СССР питает сталинскую шпиономию, которая принимает уже явно патологические формы и лучше всякой войны изнутри разрушает Россию. Нужно, закрыв глаза, идти на неизбежную внешнюю катастрофу или искать каких-то мирных путей для предотвращения новой большой войны, которую Европа уже не выдержит.

«Если допустить, — пишет Троцкий, — что Тухачевский действительно придерживался до

последних дней прогерманской ориентации (а в этом я не уверен), то во всяком случае не как агент Гитлера, а как советский патриот, по стратегическим и экономическим соображениям, разделявшимся недавно и Сталиным».

Вилли Шламм напоминает интересные факты из отношений между Сталиным и гитлеровской Германией. И при оппортунистической поворотливости Сталина у него вчерашний день легко может завтра повториться. Для этого нужно только, чтобы сложилась обстановка, при которой возможна стала бы перестраховка в Рапалло сталинского самовластия еще на какой-то промежуток времени. Если же допустить, что как «патриот» Тухачевский полагал необходимым искать сближения с Германией, то тогда интересно было бы разгадать, с *какой* Германией.

16 июля один из известнейших и авторитетнейших английских публицистов У. Стид напечатал в «Спектаторе» исключительно интересную статью, оставшуюся незамеченной, о международной или, точнее сказать, германской ориентации некоторой части командования Красной армии. Конечно, все сообщаемое остается целиком на ответственности автора, но я хотел бы здесь обратить внимание на несколько строк в конце этой статьи. Немецкое командование, по сведениям Стида, действовало *помимо* Гитлера. «Переговоры представителей рейхсвера достигли такого успеха на этом пути, что высшее германское командование решило предоставить Гитлеру и его партийным единомышленникам сравнительно свободные руки, как во внутренних делах, так и в дипломатической сфере. Оно исходило из предположения, что наци, вероятно, наделают бед и в том и в другом направлении. *А как только в России установится военная диктатура, рейхсвер заберет Гитлера в свои руки*».

Я заинтересовался статьей Стида больше всего из-за самой последней, мною подчеркнутой фразы. Она странно напоминает мне другое сообщение. В одном очень серьезном месте за границей очень серьезные люди, утверждая, что, по их мнениям, связь части заговорщиков с германским командованием *несомненна*, говорили, что в случае успеха заговора *Гитлер подлежал вовсе устранению от власти в Германии*.

Уж если пользоваться толками о «германофильстве» убитых советских генералов, то нужно брать эту легенду в полном и *совершенно развернутом виде*.

А в таком виде «германофильство» Тухачевского превращается в попытку освободить сразу Европу от двух самых опасных и вредных «новых царей».

В крови, слезах и трауре встречает голодная и замученная Россия двадцатую годовщину воцарившейся там 25 октября (7 ноября) 1917 года жесточайшей в истории диктатуры, кощунственно наименованной ее творцами «диктатурой пролетариата и беднейшего крестьянства».

Именно пролетариат и крестьянство как социальные классы никакого ответственного участия в осуществлении диктатуры не принимали.

Даже наиболее ярые поклонники «революционно — пролетарского» величия ленинского Октября этот факт признают. Так, Л. Троцкий («Бюллетень оппозиции» № 59) пишет, что «пролетариат не может прийти к власти иначе, как в лице своего авангарда». Советы — «только организационная форма связи авангарда с классом. Революционное содержание этой форме может дать *только партия*». Или, как откровеннее писал в свое время Ленин, Советы «реальны лишь как орган восстания, лишь как орган революционной власти. Вне этой задачи Советы — пустая игрушка». Если бы Ленину не удалось *обмануть* взбудораженных революцией рабочих и солдат призраком «самой свободной советской демократии», то «пролетарская революция была бы в России *делом безнадежным*» (В Ленин), т. е. большевикам не удалось бы в России утопить едва рождающуюся свободу в крови и установить там жесточайший деспотизм партийной олигархии.

Ф. И. Дан («Социалистический вестник», 30 октября 1937 г.) прямо признает, что «большевицкая диктатура не возникла как зрелый плод социально — политического творчества и самодеятельности трудящихся масс... Эта диктатура родилась как некая сторонняя сила, которой трудящиеся массы, целиком поглощенные стихийно — революционным разрешением наиболее близких им частных и местных задач, *передоверили* именно в силу своей социально — политической зрелости разрешение задач общегосударственного и мирового значения».

Что такое значит «передоверили»? Где и когда в условиях «самой свободной страны в мире», каковой после Февральской революции считал Россию сам Ленин, крестьянские и рабочие массы открыто и свободно *выразили доверие* ленинской или сталинской диктатуре? Как известно, Ленин не хотел ждать для захвата власти ни созыва Учредительного собрания, которое было назначено на 28 ноября, ни даже выборов этого «хозяина земли русской» (13 ноября); не хотел ждать именно потому, что знал: «большинство Учредительного собрания будет против нас». Как известно, «пустой игрушке», Советам, Ленин также *не доверял* и начал вооруженное восстание накануне открытия II съезда Советов. А затем, с этих пор, где и когда на расстоянии двадцати лет население России, в особенности «диктаторствующий» рабочий класс и крестьянство, могли хотя бы раз высказать свободно свое отношение к диктатуре и громко заявить свои требования? А что этим свободным народным волеизъявлением *не будет* разыгрываемая ныне в Москве комедия всенародного плебисцита Сталина, в этом никто не сомневается.

Но — наперегонки возражают неисправимые поклонники ленинского Октября — между большевизмом и сталинизмом *нет ничего общего*. «Выводить сталинизм из большевизма или из марксизма, — пишет Л. Троцкий, — совершенно то же, что в более широком смысле выводить контрреволюцию из революции». Значит, *сталинизм есть контрреволюция*.

На этот раз г. Троцкий сказал *совершенную истину*. Более законченной и страшной контрреволюции, действительно, представить себе невозможно.

Однако нельзя только ограничиться одним определением режима Сталина —

«контрреволюция». Нужно еще установить *историческую дату ее рождения*. В статье «Сталинизм и большевизм», посвященной апологии Ленина и самого себя, Троцкий и пытается это сделать. Из этой попытки ничего не выходит. Выходит только одно убедительное для самого Троцкого (и больше ни для кого) положение: большевистская диктатура *была* революцией, пока в ее аппарате находился г. Троцкий, и *стала* контрреволюцией, как только в этом аппарате Троцкого не стало. Террор, полное уничтожение всех свобод, ограбление крестьян, запрещение всех партий, кроме одной, запрещение даже в этой одной всякой оппозиции, управление огромным государством в порядке совершенно безответственной бюрократии — все это существовало и в ленинский, и в сталинский период диктатуры. Троцкий этого не оспаривает. Только оказывается, что при Троцком весь этот террористический и деспотический строй направлялся революционным «пролетарским авангардом», а при Сталине аппарат диктатуры стал орудием управления в руках реакционной «бюрократии».

Впрочем, цель оправдывает средства. Поэтому нужно понимать, что при Ленине и Троцком террор был прогрессивный, революционный, ибо большевистская революция «означала переворот социальных отношений в интересах масс, тогда как термидорианский переворот Сталина сопутствует перестройке советского общества в интересах привилегированного большинства». Следовательно, сталинский террор стал террором реакционным, контрреволюционным. Насчет «привилегированного социального меньшинства» — явный на Сталина поклев, ибо самая удавшаяся ставка на зажиточных и социально избранное меньшинство была сделана *нэпом Ленина*, а Сталин как раз под давлением левацкого уклона Троцкого взорвал нэп, учинил новый страшнейший погром крестьянства во имя на этот раз уже «окончательного» социального поравнения.

Всматриваясь во все зигзаги большевистской диктатуры за все 20 лет — *никакой разницы* качественной, идейной, принципиальной нельзя найти между «революцией большевизма» и «контрреволюцией сталинизма». Разница между началом и концом есть существенная только в одном: тогда, осенью 1917 года, оболванивая истомленную войной солдатчину посулами неограниченной свободы и черного передела, Ленин отдал на позор Германии Российское государство и цинично растоптал русскую свободу во имя немедленно, сейчас, «через шесть месяцев», грядущей пролетарской социальной революции в западных капиталистических, созревших к тому странах. Для него не только Советы были пустой игрушкой, но и вся Россия была лишь случайным трамплином для прыжка в жуткую неизвестность мировой социальной революции.

Революция не случилась. Западный «зрелый» пролетариат обманул все расчеты Ленина с Зиновьевым и Троцким. И все трое тогда почувствовали, что, просчитавшись, оставшись в «капиталистическом окружении», *они погибли*. К 1921 году и внутри России первый опыт стопроцентного коммунизма провалился в бездну крестьянских, матросских бунтов и черного голода.

Собственно говоря, тогда и кончился раз навсегда *заданный Октябрь*, Октябрь как блистательный пролог к мировому пролетарскому торжеству. Начались трудные, жестокие, залитые кровью и слезами народа будни полицейской диктатуры «в одной стране». У Ленина перед смертью теплилась еще мысль: не удался интернациональный коммунизм, нужно вернуться к *национальной демократии*, вернуться на пути той самой Февральской революции, которая Октябрем была взорвана. Ленин отдавал себе отчет, что в октябре 1917 года ему удалось прорваться к диктатуре только потому, что в России уже *совершилась революция*, что в России уже сломлено сопротивление еще накануне господствовавших классов. В 1923 году он писал, что переворот совершить помогла не только война, но еще и «наличность глубокого буржуазно —

демократического революционного движения в крестьянстве».

Вот тогда, в начале нэпа, перед вождями тоталитарной диктатуры партии стоял выбор, идти ли дальше по путям октябрьской *не — свободы* или, признав ошибку в своем расчете на международный пролетариат, вернуться к свободе, вернуть народу, и в особенности крестьянам и рабочим, подавляющему большинству населения, те самые права *полного самоуправления*, которые обещал им Ленин в дни Октябрьского переворота.

Выбор был сделан другой. Выбор был сделан *один и тот же* всеми наследниками Ленина, во главе с еще царствующим Сталиным и уже свергнутым Троцким. Через 20 лет после начала диктатуры все декорации рушились и все парадные одежды изнашивались. Нет ни мировой революции, ни пролетарского авангарда, ни тем более нового человека на новой земле. Диктатура насилия и лжи, режим совершенной не — свободы и презрения к человеку совершенно последовательно и закономерно дошли до своего завершения: Сталина.

Диктатура олигархии превратилась в диктатуру олигарха. Контрреволюция, начавшаяся в Петербурге 25 октября 1917 года, ныне *распространилась на пол — Европы*.

Недаром Ленин писал: **«Большевизм есть образец тактики для всех».**

Для всех, кто волю народа хочет подчинить своему своеволию.

Совершенная неслучайность, что вместо чаемой Лениным пролетарской диктатуры в Европе при Сталине появились Муссолини, Гитлер и прочие малые диктаторы. Именно в европейских тоталитарных режимах, как в зеркале, отразилось подлинное, глубоко реакционное лицо ленинского Октября.

Когда я уезжал в Америку, мои друзья меня спрашивали, почему я намереваюсь выступать в защиту демократии, а не в защиту русского народа.

Ибо я русский и должен всегда думать и говорить только о нестерпимых страданиях моего народа в тисках сталинской диктатуры.

Вы тоже могли бы спросить меня об этом; вы даже могли бы объяснить мне, что Америка с самого начала ее существования была глубоко демократической страной. К тому же никто не покушается на американскую демократию и на американскую свободу и, вероятно, никогда не покусится.

Совершенно верно. Я тоже убежден, что ничто не угрожает нашей демократии. Но принцип изоляции, популярный во многих американских кругах, — иллюзия, опасная иллюзия.

Страны и государства разделены естественными границами, как острова и материки разделены морями и океанами. Но в нашем современном мире идеи и доктрины не знают физических преград. Благодаря нашим методам культурного общения — печать, радио, кинематограф — человечество духовно едино, и великая идеологическая борьба происходит одновременно повсюду.

Недостаточно быть уверенным в силе *вашей* демократии. Необходимо еще участвовать в борьбе в защиту мировой демократии. Ибо в наши дни гражданин не исполняет своего долга по отношению к своей собственной стране, если он закрывает глаза на события, развертывающиеся в других частях света.

*

Я не пророк. Но мы, русские, которые в 1917 году были свидетелями рождения первой европейской диктатуры — диктатуры Ленина, — предвидели много лет тому назад нынешнее трагическое положение демократии.

В 1923 году я был в Берлине. Я пытался объяснить немецким демократам, что большевизм не есть местное русское явление, а *мировая* проблема.

Я пытался объяснить, что уничтожение свободы в России и создание жесточайшей диктатуры в этой стране — только начало великой борьбы между демократией и диктатурой в наших цивилизованных странах.

Мои немецкие друзья сочувствовали страданиям моего народа, но утверждали, что в такой высококультурной стране, как Германия, никакая диктаторская или реакционная система не может быть введена и что немецкая демократия никогда не потеряет политической власти.

Вы знаете, что немецкая демократическая республика была свергнута Гитлером. Узнав на деле ужасы гестапо (которое является копией большевистского ГПУ), немецкие эмигранты поняли, что диктатура угрожает свободной культуре и всем нашим гуманитарным традициям.

В своей книге «Предостережение Европе» знаменитый немецкий писатель Томас Манн дает живое описание духовного разложения молодых немецких поколений и их возврата к самым грубым варварским формам. На этот раз катастрофа случилась не в «отсталой, азиатской» России, а в цивилизованном западном государстве. И Томас Манн в заключение восклицает:

«Европа уже, может быть, погибла».

*

В 1927 году я посетил Соединенные Штаты. Это был кульминационный пункт

американского «prosperity» и самый цветущий период деятельности Лиги Наций в Европе. Все спешили разоружаться и мечтали о вечном мире. Первая экономическая конференция в Женеве намеревалась уничтожить все преграды для свободной международной торговли. Советский дипломат Сокольников (ныне осужденный сталинским судом как «немецкий агент и японский шпион») говорил о возможности мирного сосуществования диктатуры и демократий, и все ему верили.

Но никто не верил моим предостережениям, когда я говорил, что невозможно восстановить общий мир и общее благосостояние, разрушенные великой войной, — покуда мир разделен на два враждебных лагеря: демократия и диктатура; тоталитарные государства и государства свободы.

Взгляните на карту Европы. Испанию пожирает огонь гражданской войны. Северная Африка медленно минирована. Средиземное море превращено в осиное гнездо. Фашисты и коммунисты пользуются малой гражданской войной в Палестине, чтобы разжигать националистические страсти в мусульманских странах. Балканы постепенно отрываются от Лиги Наций, дабы следовать за Германией.

Повернитесь на Дальний Восток, и вы увидите, что японская империя широко использовала разделение европейского мира на два враждебных лагеря. Япония смело наложила руки на Китай, чего бы она никогда не посмела сделать, если бы в ее тылу существовала сильная Россия.

Таким образом, приближается великое столкновение в Тихом океане.

Вместо всеобщего разоружения — пламя войны все разрастается, и все ярче загорается его злое зарево. Почему?

Потому что все три великие диктатуры — большевистская, национал — социалистическая и фашистская — рождены войной, живут войной и стремятся достигнуть своих целей через войну; или через психологическое отступление свободной культуры перед тоталитарными законами жизни, т. е. перед абсолютным рабством и вечным насилием.

Общественное мнение в Соединенных Штатах и в Европе до сих пор еще проводит линию разграничения между воинственными намерениями Гитлера и Муссолини и так называемым искренним миролюбием Сталина. Европейская демократия далее включила коммунистов в общий фронт для защиты мира, свободы и демократии. Это очевидная ошибка. Я настаиваю и буду впредь еще не раз настаивать на абсолютном тождестве сущности всех трех ныне существующих тоталитарных диктатур.

Янус, древний бог войны, имел два лица. Современный бог смерти и разрушения имеет три лица.

И все же многие этого не понимают и, повинаясь личным симпатиям, считают одни диктатуры хорошими, а другие — плохими. Они стремятся помочь хорошим и бороться против плохих. С какими результатами?

Диктаторские силы наступают на демократию со всех сторон, между тем как демократические силы парализованы. Вместо того чтобы укрепляться и начать общее наступление против трехликой диктатуры, демократия поглощена внутренними распрями. Каждый демократ подозревает своего соседа в фашистских или коммунистических симпатиях. Это извращение здравого смысла и демократической логики порой походит на массовую патологию.

Я не могу понять тех искренних демократов, которые во имя защиты свободы ищут союза с большевиками. Ибо последние такие же враги свободы, как и фашисты, которых они хотят уничтожить. А в это же время другие, запуганные коммунизмом, бросаются в объятия Гитлера, хотя трагические последствия гитлеризма не менее очевидны.

Именно этим развалом демократических сил и пользуются тоталитарные государства. Ибо

эта слабость облегчает цели диктаторщиков в их борьбе против демократии.

*

Во имя свободы, которую он уничтожил у себя, Сталин проповедует за границей создание общего демократического фронта против фашизма, в то время как Муссолини и Гитлер объясняют свои агрессивные планы необходимостью оградить европейскую культуру от коммунистического варварства. Между тем их привязанность к гуманитарной культуре во всяком случае не более велика, чем привязанность к этой культуре коммунистов.

Мировая демократия, ослабленная внутренними распрями, окопалась, как в осажденной крепости, в пределах уже немногих сохранивших свободу государств.

Но даже здесь демократии грозит конечное поражение, покуда она включает в свои ряды людей, готовых открыть двери своей крепости национал — социализму или коммунизму.

Вспомните, что Димитров, генеральный секретарь Коминтерна, совершенно открыто писал о проникновении коммунистов в ряды демократии и сравнивал эту тактику с троянским конем, введенным во вражеский стан.

Сталин писал, что политическое соглашение с социалистическими партиями и профсоюзами необходимо для того, чтобы «проникнуть в рабочие массы и разъяснить им реакционный характер политических и профсоюзных вождей...».

Вы видите, что все диктатуры, порожденные войной, одинаково ненавидят свободу и одинаково стремятся к ее уничтожению. Демократы, которые не борются против всех диктатур, на деле не борются ни против одной из них. Ибо тот, кто не защищает свободу повсюду, не защищает ее нигде.

Ныне никто уже не сомневается в тождестве гитлеризма и фашизма. Относительно этого сходства в Берлине недавно рассказывали характерный анекдот.

Вы помните, что осенью прошлого года Муссолини посетил Берлин и был торжественно принят Гитлером. Когда итальянский дуче высадился из вагона, германский фюрер приветствовал его по — фашистски, воскликнув:

— Viva Imperator!

И Муссолини, с полным сознанием своего величия, иронически ответил:

— Viva Imitator!

Однако сам гордый дуче... лишь блестящий ученик — ученик Ленина, этого отца всех современных диктатур и учителя всех диктаторов.

*

Мне не трудно доказать вам правильность этого утверждения. Несмотря на все различия, существующие между фашизмом и коммунизмом, они совершенно сходятся в одном основном пункте: в их отношении к демократии, к гражданским правам человека и к свободе духовного творчества. В глазах всех диктаторов человек не есть субъект гражданских, политических и духовных прав, ему принадлежащих... Человеческие существа суть лишь строительный материал для создания тоталитарного общества. И никто не превзошел Сталина в искусстве систематически уничтожать человеческую жизнь.

Достаточно напомнить вам, что во время насильственной коллективизации миллионы людей были раздавлены, как кирпичи, превращенные в прах, когда взрываются старые здания.

Насилие во имя осуществления целей диктатуры есть основной закон, применяемый всеми тоталитарными государствами. Все они провозглашают, что неограниченная деспотия правящего меньшинства — это единственный закон человеческого общества.

До сих пор есть люди, которые осуждают фашизм, в то же время оправдывая насилие Сталина. Они утверждают, что это насилие неизбежно ввиду варварской природы русского народа, с которым невозможно обращаться иначе.

До Гитлера эти нелепые доводы могли еще казаться приемлемыми. Ибо все в Европе и Америке помнили о преступлениях царского режима. А высокая культура русского общества едва ли была кому-либо известна за границей.

Но восхождение Муссолини в утонченной Италии и торжество Гитлера в глубоко цивилизованной Германии окончательно снимают с русского народа несправедливое обвинение и разрушают легенду об его «азиатском варварстве».

Я могу решительно утверждать, что, несмотря на эксцессы царского антисемитизма, «арийская политика», ныне проводимая Гитлером в Германии, была бы совершенно невозможна в дореволюционной России.

Как же случилось, что Сталин и Гитлер стали возможны?

*

Ясно, что появление одного и того же типа деспотизма в разных странах, чья культура и экономическая структура глубоко различны, объясняется не только местной, но и общей причиной. И эта общая причина — великая война, с ее социальными, экономическими и психологическими последствиями.

Мы стоим перед одним из самых жутких исторических парадоксов. Война 1914 года должна была быть, как вы знаете, «последней войной». Она должна была разрушить последние пережитки деспотизма. И именно эта война сделалась источником новых гигантских вооружений и новых страшных конфликтов. И именно после этой войны больше чем три четверти Европы подпали под тоталитарное иго.

*

Это напоминание о великой войне через двадцать лет после перемирия может показаться вам несколько устарелым, старомодным. И все же я должен намеренно к ней вернуться. Ибо, рассуждая о гибели русской демократии, о происхождении диктатур и о причинах экономического и политического кризиса, люди постоянно забывают, что великая война не была обыкновенным вооруженным конфликтом.

Это было глубочайшее потрясение, которое разрушило старую экономическую систему, старую социальную структуру и старую психологию человечества.

Величайшим несчастьем мира в послевоенный период было то, что ни правительства, ни международное общественное мнение не поняли этого глубокого переворота. Они оказались неспособными справиться с новыми фактами. Государственные деятели продолжали думать, управлять и творить согласно старым формам и в темпах, утвержденных долголетней рутинной.

А между тем война разрушила традиционную европейскую экономику; она расшатала самую основу социальной жизни и нанесла особенно тяжкий удар средним классам. Целые слои европейского населения были взорваны и деклассированы.

Но психологические последствия войны были еще более трагичны. Катастрофа уничтожила гуманитарную демократическую европейскую культуру, такую старую, что она казалась вечной. Массы потеряли веру в прочность существующего порядка и в возможное благополучие грядущего дня. И вместе с этой тревогой в человеке — и особенно в молодом человеке — пробудилась потребность в вожде и в коллективной, стадной жизни.

Отказавшись от собственного «я» и от личной ответственности перед жизнью, человек ощущает уверенность в себе лишь тогда, когда он шагает нога в ногу с другими под предводительством вождя. Он шагает с энтузиазмом. Он находится в постоянном движении. Он «динамичен», как охарактеризовал Муссолини фашистскую молодежь.

В Москве, в Берлине, в Риме мы видим те же грандиозные демонстрации, те же военные парады, те же ослепительные праздники и шествия. Все диктаторы предоставляют этой деклассированной и фанатизированной молодежи мнимую самодеятельность, иллюзию

свободного всенародного творчества. Они скрывают свой деспотизм под видимостью новой, массовой сверхдемократии.

*

Я должен напомнить вам о другой черте послевоенных поколений: они не понимают свободу. Они политически реакционны... Конечно, эта реакция не имеет ничего общего со старой, довоенной реакцией аристократических или плутократических кругов. Это — своеобразный реакционный дух средних и особенно низших слоев, вырванных с корнем и выброшенных за борт.

Эта ненависть к свободе, на которую я только что указал, связана с ненавистью к капитализму. Ибо эти несчастные толпы инстинктивно чувствуют, что дореволюционные поколения несут ответственность за войну и за ее последствия. Они не хотят возврата к прошлому. Они боятся реставрации старой экономической и социальной системы.

Вот почему все современные тоталитарные диктатуры, основанные на деклассированных массах, антикапиталистичны. Нелепо утверждать, что фашизм — оплот капиталистического мира.

Все те, которые близко изучили итальянскую и германскую экономическую жизнь, знают, что Гитлер и Муссолини создали систему государственного капитализма, в которой нет свободы, как нет ее в советской России.

Правда, некоторые капиталистические правящие круги пришли на помощь Гитлеру и Муссолини в их борьбе за власть так же, как генерал Людендорф пришел на помощь Ленину. Но последствия оказались достаточно плачевными. В фашистских странах капиталисты и банкиры больше не пользуются свободой. Они находятся под постоянным контролем и террором партийных ячеек совершенно так же, как рабочие в России.

Антикапитализм и псевдодемократия лежат в основе всех тоталитарных деспотий. Начиная с Ленина все тоталитарные диктаторы фанатически верят, что голое физическое насилие и моральный террор — вернейшие, наилучшие средства для управления человечеством или, вернее, — человеческим стадом.

Насилие есть единственная правда в мире — таков лозунг Рима, Москвы и Берлина. Для того чтобы добиться общего благополучия, можно убивать бесчисленное количество людей, подвергать их постоянному террору, заставлять их думать и работать только согласно официальным директивам.

Современные поколения должны безропотно погибнуть; они должны быть принесены в жертву воле вождей, во имя грядущих поколений. Каждая диктатура провозглашает свой идеал счастья... Идеалы могут быть разные, но методы повсюду одинаковы: насилие и мучительство, примененные к большинству населения вооруженным меньшинством.

Ваш соотечественник, Юджин Лайонс^[263], который был еще недавно пламенным защитником большевизма, выпустил книгу, замечательную по искренности тона и по жуткому реализму описываемых картин. В этой книге («Assignment in Utopia») автор пишет, что человек, который убил бы своих близких и родных во имя своего еще не рожденного потомства, был бы посажен на электрический стул. А между тем тысячи великодушных и как будто здравомыслящих людей открыто выражают свое восхищение перед сумасшедшими преступниками, которые погубили миллионы и миллионы невинных граждан во имя будущего благополучия.

Конечно, столь извращенное психологическое сознание было бы невозможно в культурном мире до войны.

Вполне понятно, что четыре года постоянного убийства на фронте разрушили самое понятие о ценности человеческой жизни. Если во имя интересов империалистических

государств можно было уничтожить пятнадцать миллионов граждан, то во имя грядущего счастья человечества не только можно, но должно уничтожить еще сто миллионов жизней.

Так думал Ленин со своими соратниками под конец войны и писал об этом в своих брошюрах. Если империалистические вожди считали, что конечная победа оправдывает все преступления и все жертвы, — то же самое должно было относиться и к войне классовой. И если борьба между великими державами простиралась на весь мир, то борьба пролетариата также должна была быть развернута в интернациональном, мировом масштабе.

В образец своего интернационального, классового, пролетарского империализма Ленин взял самый совершенный аппарат войны буржуазного империализма — германский.

В эпоху Наполеона знаменитый стратег, генерал Клаузевиц, написал классический труд о целях и способах войны. Ленин прилежно изучил эту книгу и нашел в сочинении этого прусского юнкера, по его собственным словам, «мысли настоящего марксиста».

И, уже находясь у власти, Ленин откровенно признавал, что он хочет в России осуществить государственный капитализм *по образцу Германии военного времени*.

«В Германии, — писал он, — мы имеем последнее слово крупно — капиталистической техники и планомерной организации, подчиненной юнкерски — буржуазному капитализму... поставьте на место государства военного, юнкерского, буржуазного, империалистического — государство пролетарское, и вы получите ту сумму условий, которая дает социализм». И, добавляет он, не нужно жалеть диктаторских приемов для того, чтобы поскорее научиться государственному капитализму у немцев.

*

Геринг, знаменитый национал — социалистический вождь, недавно объявил: «У нас нет масла, но есть пушки».

Демократы в Европе и Америке пришли в негодование. Напрасно! Ведь Геринг в краткой форме выразил все содержание и советского, и фашистского тоталитарного планового хозяйства.

Сталинские пятилетние планы, как и четырехлетний план Геринга, есть попытка руководить хозяйством в целях войны.

По мнению Москвы, новое мировое столкновение капиталистических держав назревает в Западной Европе, на Дальнем Востоке и в Тихом океане. И эта новая война народов обязательно должна превратиться в мировую войну классов.

Сталин верит в это превращение так же твердо, как верил Ленин и верит Троцкий. Источник смертельной ненависти Сталина и Троцкого друг к другу не в различии идей и принципов, а только в различии тактики и стратегии.

Троцкий хочет взрывать демократию *сейчас же*, в мирное время, в порядке стачек и восстаний. Сталин, узнав на опыте крепость западных демократий в мирное время, видит дальше и глубже. Он ведет тактику единства с западными демократиями, дабы обеспечить себя от преждевременной для его целей войны.

Антикоммунистический блок тоталитарных государств, Германия — Италия в союзе с Японией, своим военным динамизмом приближая новую большую войну, работает на пользу Сталина, не как диктатора России, а как будущего руководителя мировой коммунистической революции.

Муссолини громко объявляет: «Вся Европа будет фашистской».

Сталин думает: «Пусть скорее попробует: атака фашизма на демократию закончится нашей победой».

*

Сталин отказался от основного взгляда Ленина на то, что совершенный им в 1917 году 7

ноября переворот был началом международной коммунистической революции. Ленин знал, что Россия, где 90 процентов крестьян, не созрела для пролетарской революции. Но верил, что через несколько месяцев после его собственной победы настоящая пролетарская революция вспыхнет в Германии, в Англии и в других сверхиндустриализированных странах. Длительное существование пролетарской диктатуры в одной стране он считал невозможным. «Мы живем не только в государстве, но и в системе государств, — писал Ленин, — и существование советской республики рядом с империалистическими государствами продолжительное время немыслимо. В конце концов одно или другое победит».

Пролетарская революция не вспыхнула в Европе. Проходили годы. Сталин заменил Ленина. Новый диктатор, как будто вопреки мнению Ленина, объявил возможным социализм в одной стране. Но это была тактика с целью ускорить коммунистическое движение на Западе. По учению Сталина, коммунистические достижения в одной стране должны служить примером «для пробуждения революции во всех странах».

Вот почему коммунисты так настойчиво распространяют сейчас легенды о блаженстве рабочих в СССР и объявляют — как это сделал недавно Димитров — всех честных людей, осмеливающихся говорить правду о муках рабочих и крестьян под диктатурой Сталина, предателями демократии и слугами фашизма.

14 февраля 1938 года в сенсационном открытом письме, опубликованном в «Правде», Сталин дал новые директивы относительно большевистских принципов и большевицкой политики, поскольку дело касается капиталистического мира.

«Если бы наша страна, — пишет Сталин, — была островом или если бы она не была окружена капиталистическими державами, мы могли бы утверждать, что эта победа является окончательной...» Однако, многозначительно добавляет Сталин, «мы живем не на острове, а среди держав, значительная часть которых, враждебно настроенная в отношении социалистического государства, создает опасность интервенции и восстановления капитализма. Поэтому мы открыто и честно говорим, что победа социализма в нашей стране еще не окончательная».

И Сталин подчеркивает, что «необходимо упрочить узы, связывающие рабочий класс СССР с рабочим классом буржуазных стран... необходимо всеми средствами усилить и упрочить нашу Красную армию, наш Красный флот, нашу Красную авиацию и Осовиахим. Надо держать весь наш народ в мобилизованном состоянии...».

*

До 1935 года никаких серьезных перспектив на возможность большой мировой войны не было. Нужно было свою тактику приспособлять к мирной обстановке. Говорить языком Бриана о замирении Европы и языком Рузвельта об укреплении демократии. Но вот в 1935 году вспыхнула война в Абиссинии. В 1936 году загорелась Испания. В 1937 году началось наступление японцев в Китае, последствия которого сейчас трудно учесть. В Центральной Европе медленно расползается фашистская зараза. Почти каждый месяц все великие державы умножают свои кредиты на вооружения. Возможность новой мировой войны из области мечтаний переходит в область реальной политики.

Расчет на новую войну между великими державами в Тихом океане с ее неизбежным отражением в Европе, несомненно, имеется в Москве.

Многих дипломатов и государственных деятелей удивляет странная непоследовательность международной политики Москвы. Сталин одновременно крайне терпелив и уступчив на Дальнем Востоке и крайне раздражен терпением и уступчивостью западных демократий по отношению к агрессорам из Берлина и Рима.

Никакой непоследовательности тут нет: Сталин не хочет ввязываться в войну слишком

рано, но очень хочет втянуть в войну других и действовать лишь тогда, когда силы фашистских и демократических, одинаково ненавистных ему государств, будут истощены.

Я подробно остановился на военных планах Сталина, потому что доказывать демократам воинственно — агрессивные настроения фашизма нет надобности. Я только считал своим долгом напомнить вам, что среди диктатур нет исключения, что все они, как я уже говорил, рождены войной, живут войной и в войне ищут осуществления своих конкретных целей.

Сейчас человечество переживает настоящую трагедию. Подумайте: ведь сегодня четвертая часть населения мира дерется или избивается, участвует в разных войнах против своей собственной воли; ибо, как недавно говорил ваш президент, все народы одинаково хотят мира, а новые благодетели человечества заставляют их славить войну — классовую, расовую или просто, как в Риме, империалистическую.

Народы хотят хлеба и благосостояния, а диктаторы дают им пушки, нищету и страдание.

— Позвольте, — скажут мне неисправимые поклонники московской диктатуры, — а советские блистательные достижения?..

На это я могу только ответить одно: сооружение гигантской пирамиды военной промышленности среди бесплодной Сахары народной нищеты — есть достижение совсем особое.

Ведь эта пирамида построена на костях живых людей. Разве вы забыли, как ваш бывший президент Хувер организовал в 1921–1922 годах продовольственную помощь для спасения миллионов людей от голодной смерти? Ведь тот первый ленинский голод стоил России 5,2 миллиона жизней (на миллион больше, чем великая война). А сталинский голод 1933 года после принудительной коллективизации, по самым минимальным расчетам, вычеркнул из списка живых еще 4 миллиона.

А гибель сотен тысяч в концлагерях, на каторжных работах, в тундрах Сибири, в дремучих лесах северной России, в жгучих песках Азии? А бесконечные казни в порядке бессмысленных чисток?

Если рай на земле покупается такой ценой, я не хочу рая.

Нужно же, наконец, понять, что нельзя создать никакой жизнеспособной хозяйственной системы *без индивидуальной свободы*.

Современное сверхиндустриализированное и планированное хозяйство, как и нынешняя механизированная армия, требует от каждого рабочего и солдата гораздо больше инициативы и личной ответственности, чем довоенный капитализм. *А эти качества развиваются только в свободном человеке.*

Неужели можно одновременно верить в планированное хозяйство, как в высшую форму организации производства и распределения, и спокойно допускать, что эта система будет развиваться в политической обстановке, возвращающей нас к далеким временам феодального хозяйства?

Я не боюсь предсказать, что всякое принудительное, диктаторское хозяйство — коммунистическое или фашистское — обречено на провал.

Ибо хозяйственная жизнь не может развиваться вне свободы и мира, а никакая диктатура не может допустить мира и свободы.

Почему не может допустить?

Потому что при малейшей свободе все здание диктатуры будет разрушено. Потому что все творцы той или иной диктатуры силой и обманом оборвали органическое развитие жизни народа и навязали ему законы жизни, не соответствующие его потребностям.

Ко всем диктатурам можно применить отличные слова, которые Троцкий написал о Ленине:

«Все здание Ленина построено на лжи и фальсификации и несет в себе ядовитое начало собственного разложения».

Троцкий написал эти слова в 1913 году, когда вел атаку против Ленина как против вождя большевистской партии. Однако в 1917 году Троцкий сам сделался сотрудником Ленина, когда последний создавал на лжи и фальсификации так называемую диктатуру пролетариата.

*

Теперь, через 20 лет после прихода к власти Ленина, все забыли, что не Ленин сверг монархию и уничтожил старый, довоенный, дореволюционный хозяйственный строй России.

Ленин прибыл в Россию, когда революция уже свершилась.

17 апреля 1917 года на собрании Петербургского Совета он заявил: «Россия теперь является самой свободной страной в Европе, и никто здесь не смеет покуситься на права рабочих».

Все забыли, что *до Ленина* было уничтожено частное землепользование и в руки самих крестьян передана подготовка реформы земельного строя. В России при Временном правительстве не было никаких препятствий для свободной борьбы партий и для осуществления любых, самых радикальных политических и социальных реформ, соответствующих решению большинства населения.

*

Защитники большевиков у вас и в Европе говорят теперь, что тирания большевистской диктатуры является результатом привычки русского народа к кнуту. А между тем Ленин мог захватить власть только потому, что надел на себя маску самого последовательного демократа и верного исполнителя воли большинства народа.

Ленин скрывался в Финляндии, обвиняемый в измене. Он призывал матросов и солдат свергнуть Временное правительство.

Он лгал, утверждая, что Учредительное собрание не было созвано по нашей вине. А между тем в тайных инструкциях своему ЦК требовал устройства восстания за три недели *до выборов* в Учредительное собрание. Почему?

«Потому что — писал Ленин, — большинство там будет против нас». Так и случилось, и Ленин при помощи вооруженной силы разогнал это собрание, которое состояло почти исключительно из представителей крестьян и рабочих.

Вы знаете, что лозунгом своей контрреволюции против Временного правительства Ленин выставил требование: **«Вся власть Советам»**. А в то же время объяснял в тайных письмах ЦК: **«Советы солдатских и рабочих депутатов реальны лишь как орган восстания, как орган революционной власти. Вне этой задачи Советы пустая игрушка»**.

Ленин увлек за собой самые темные, измученные войной толпы рабочих, солдат и матросов; он руками людей, влюбленных в только что завоеванную свободу, установил в России самую страшную в истории диктатуру: эта диктатура породила все остальные диктатуры, и каждая из них по — своему фальсифицирует правду и насилует народную волю.

Все, что я говорил до сих пор, имело целью показать вам, что все диктатуры порождены моральным, духовным и хозяйственным распадом великой войны. Весь путь истории — путь от рабства к свободе, и демократический строй есть единственное средство духовного и социального раскрепощения человечества.

Но для того чтобы исполнить свою историческую задачу, демократия должна быть динамична, она должна преобразовывать свои внешние формы в соответствии с духом времени, с новыми потребностями новых, вырастающих в политическую силу классов населения.

К началу XIX века пришла к власти буржуазия; ее приход был новым шагом вперед и в хозяйстве, и в свободе. Теперь сознали себя политической силой рабочие массы.

Старые демократии должны это понять и найти в себе силу смелыми социальными и политическими реформами пойти навстречу новой эре.

Основным законом демократического государства должно быть не только политическое равенство, но и социальная справедливость.

Свободный человек должен остаться неприкосновенной ценностью для государства, но каждому человеку нужно дать социальные условия, в которых он действительно чувствовал бы себя свободным и равным со всеми гражданином.

*

Успех наступающих на демократию тоталитарных идей не в их силе, а в слабостях, недостатках и уродствах современных демократий.

Время не терпит. Мир уже загорается снова. И новая тоталитарная, т. е. мировая, война будет, может быть, последней катастрофой веками возвращенной гуманитарной, человеколюбивой культуры.

Говоря о смертельной для культуры угрозе войны, я вовсе не проповедаю политики пассивного отступления перед натиском тоталитарных вождей.

Демократия должна почувствовать свою силу, должна поверить в свою неоконченную историческую миссию и должна перейти в контратаку.

Фронту фанатиков насилия должен быть противопоставлен фронт фанатиков свободы везде и всегда.

И на фронте свободы не должно быть места «рабам лукавым» — людям, которые явно или тайно сочувствуют — одни коммунистическим, другие — фашистским достижениям.

Демократическому общественному мнению нечего гоняться за сочувствием диктаторов. У демократии в странах диктатуры есть другие верные друзья — измученные насилием народы.

И чем сильнее будет сопротивление в свободных странах насильникам, тем скорее в странах насилия победит свобода.

А победа свободы в странах диктатуры не безразлична для нашего благополучия. Только уничтожение всюду режимов, живущих войной, приведет все человечество к настоящему, крепкому и длительному миру.

*

Я сказал, что демократия должна перейти в контратаку.

Дело не в военном, а в психологическом перевооружении. Мы должны воспитать новые поколения. Мы должны развить в них убеждение, что новое плановое хозяйство нуждается в новом человеке, менее эгоистичном, более общественно настроенном. И основная черта этого нового, общественно настроенного человека — не ненависть, а любовь, не вождение к насилию, а страсть к свободе.

Свидание двух демократических премьеров и двух тоталитарных диктаторов в Мюнхене было поворотным пунктом в истории послевоенной Европы^[264].

Негодование по поводу *невыносимых* морально, но *неизбежных* практически уступок, сделанных Гитлеру, законно и понятно, но никакого отношения к Мюнхену не имеет. Уступки были сделаны раньше, были окончательными, и никто их брать назад не собирался.

Гитлер собирался учинить «карательную экспедицию» в Чехословакию и тем вызвать общеевропейскую войну *в условиях, им, диктатором, а не демократиями выбранных*. Это нужно крепко запомнить, ибо эти условия в данный момент для демократий были далеко не так блестящи, как думают. К сожалению, углубляться в существо этих условий еще нельзя. Мюнхен *должен был остановить войну* (которая, увы, не была «блефом»), и он ее *остановил*.

Невыразимая радость, охватившая 99 процентов населения не только Франции и Англии, но и Германии и Италии, свидетельствует о том, что за эти жуткие дни — перед Мюнхеном — народы в своей совести и в своем сознании до конца продумали и прочувствовали смысл и следствия современной войны. «Народы Европы, — сказал де Валера в Женеве, — заглянули в пропасть войны и в ужасе отшатнулись». Отшатнулись и, почувствовав под своими ногами твердь мира, возликовали.

Я убежден, что, пока живо поколение, сохранившее память о 1914–1918 годах, подвинуть на новую большую войну народы Европы почти невозможно. И ведь эта психология вскрылась не только там, где война считается варварством, но и там, где — в Германии, в Италии — новые владыки строили ей алтари и пели гимны. Кстати, мирный энтузиазм народных толп в Германии еще раз показал, что нельзя всему народу приписывать грехи и преступления «правлящего отбора». Это так же верно для Германии, как и для России.

Да, конечно, страны свободы пришли к Мюнхену не победным путем. Но по счетам ошибок никогда не платят вовремя и добровольно. Целой эпохе в истории европейской демократии пришел безрадостный и весьма печальный конец. Пришел конец — и точка. Жизни смотреть нужно вперед. Отвращение к войне, воля к миру — сила огромная, с которой нечего делать Сталиным и Гитлерам, но опираясь на которую демократии могут сделать огромное дело. Опыт войны 1914–1918 годов показал, что война не есть средство укрепления в мире демократии, что в хаосе и разрушении современной тоталитарной войны выигрывают наиболее грубые и примитивные силы и что самый мир, завершающий войну, даже если он написан демократами, является источником новых насилий и войн.

Предотвратить войну, **которая входила в планы диктатора, вообще не значит проявить «малодушие и слабость»**. Это значит **вырвать инициативу из рук противника**.

Новое усиление вооружений Англии и Франции ясно показывает, что *великие демократии не хотят «сдаваться»* и имеют свой план борьбы за установление европейского равновесия, длительного мира и здоровых хозяйственных отношений.

Вооруженная демократия, ставящая себе конструктивные международные задачи и решившая, следуя своему *плану*, не уступать насилию, сила огромная. Она сейчас создается в Европе — создается в очень трудных социальных, международных и психологических условиях.

Сейчас нужны страшная жертвенность, самоограничение всех партийных программ, суровая самодисциплина свободного общественного мнения. Нужно чувствовать себя в мирной обстановке как на войне. Ибо враг силен, беспощаден и знает слабости демократии лучше, чем она сама сознает их.

Мюнхен дал странам свободы огромный шанс возродиться и возродить мир. Ибо духовные

силы и материальные средства борьбы, которые находятся в распоряжении свободных стран, почти неограниченны.

План и выдержка — вот что нужно для победы.

На борту «Нормандии», 9 октября 1938 г.

Несомненно, что после Мюнхена началась совсем новая глава европейской истории. Несомненно также, что эту главу начнут писать *без России*.

В памятных речах, произнесенных Чемберленом и Даладье в их парламентах после свидания в Мюнхене, вопрос о СССР тщательно, по существу, обходили, отделяясь вежливыми фразами вроде: новые дружеские отношения не могут помешать сохранению старых. Но все подобные фразы никого не обманывают.

В самом начале ленинизма бывшие союзники окружили советскую Россию, по почину Клемансо, «санитарным кордоном». Но это было еще время острой Гражданской войны, когда бывшие союзники России были с белыми генералами, а сами большевики с германским Генеральным штабом. Будучи в союзе с Германией, большевистское правительство далеко не было, несмотря на «кордон», изолировано. А со времен Генуи ^[265] (да уже и раньше) торговые и дипломатические связи (иногда только «явочные») стали завязываться и с бывшими союзниками России.

С 1924 года (*признание* Италией, Англией и Францией) советское правительство стало совсем на большую дипломатическую дорогу. Через 10 лет Сталин и Литвинов были на вершине своих дипломатических достижений. К Сталину в Кремль едет сначала из Франции Лаваль, потом из Англии Иден. В Лиге Наций, которая тогда еще не была только фикцией, Литвинов занимает место постоянного члена Совета, как полагается представителю великой державы.

Сейчас полезно вспомнить этот несомненный исторический факт: великие демократические державы не только не «бойкотировали» «первое в мире пролетарское правительство», но *усиленно вводили его в свой круг*, упорно закрывая глаза на всю работу Сталина по экспорту Коминтерна и совершенно не замечая непочтительного с ними обращения Москвы. И чем сильнее нарастала германо — итальянская опасность, тем дружественнее становились к Москве не только Париж, но и Лондон. Былой покровитель «белой мечты» Уинстон Черчилль стал посетителем салонов Майского. Герцогиня Атольская стала выступать на собраниях с советскими представителями. «Мы остаемся противниками внутренних большевистских порядков, но в международной области, в пределах Лиги Наций, большевики наши союзники: они за мир и коллективную безопасность».

К счастью для Англии, английское рабочее движение, сотрудничая с большевиками (как и консерваторы) во внешней политике, никогда не поддавалось соблазну «единого фронта». Во Франции тактика троянского коня (по откровенному определению Димитрова) вполне удалась, и большевики стали, через французских коммунистов, весьма серьезным фактором всей внутренней политики «единого фронта».

Но меня сейчас интересует не Франция, а Россия в образе СССР. Ее положение было совершенно блестящее. Распределение международных сил было таково, что не было никаких оснований опасаться перемены отношения к СССР ни во Франции, ни в Англии.

Почему же все-таки буквально в несколько дней все изменилось и Кремль оказался в таком одиночестве, в котором никогда не бывала большевистская диктатура с самого своего появления? Ответ на этот вопрос совершенно ясен и бесспорен: дипломатическая катастрофа Москвы создана исключительно и всецело *руками* Сталина и его помощников.

И тут возникает новый весьма серьезный вопрос: внутренняя и внешняя политика Сталина, *объективно совпадающая с интересами гитлеровской Германии*, ведется в этом направлении *сознательно* некими гитлеровцами, расположившимися в Кремле, или является только неизбежным следствием установки диктатуры на провокацию новой мировой войны? На этот

вопрос нет еще ответа. Но самый вопрос настолько законен, что его задают сейчас себе не только русские, но и ответственные иностранцы. Недавно один из них так прямо и спросил меня: чем я объясняю себе тот факт, что в России сейчас уничтожают всех людей, способных организовать армию, промышленность, земледелие или транспорт, уничтожают тем стремительнее, чем становится возможнее столкновение с Японией или с Германией? Сознаюсь, убедительного для иностранца ответа я дать не мог, хотя сам ощущаю Сталина не как сотрудника Гитлера, а как фанатика «мировой революции».

Впрочем, для нас личные мотивы преступной политики Сталина совершенно безразличны. Для нас достаточен один бесспорный факт: Сталин сознательно, руководствуясь теми или иными мотивами, уничтожил обороноспособность России и лишил ее всяких дружеских международных связей.

Те же из нас, которые, несмотря на избиение несметного количества военкомов и незаменимых специалистов, продолжают верить в сталинские достижения на государственном — патриотическом фронте, должны вдуматься в следующий факт: когда великие державы, готовясь ко всяким возможностям в развитии чешско — германского кризиса и не желая действовать наугад, решили произвести расследование военных возможностей СССР, то плоды этого расследования оказались самыми печальными — даже в области авиации.

*

Писал я это на пароходе по дороге в Нью — Йорк. Вчера (10 октября) с пристани, пока огромный пароход готовился к выгрузке своих 1500 пассажиров, принесли вечерние газеты. Сенсация: Москва, обзывая Линдберга лжецом и глупцом, доказывает, что его суровые заключения о состоянии советской авиации — реакционный вздор. О неблагоприятном мнении Линдберга я знал еще в Европе. Но один проболыевистский литографированный листок («The Week») напечатал сенсационный разговор с Линдбергом явно только для того, чтобы дать Москве повод вступить в полемику с заключением *не одного* Линдберга. Трудно в самом деле предположить, что западные правительства, обладающие превосходными средствами наблюдения, в столь исключительно серьезном вопросе опирались на мнение одного человека, если бы оно шло вразрез со всем остальным накопленным материалом. Нет, нападение на Линдберга произвели для того, чтобы попытаться восстановить веру в военную мощь Сталина и создать новую легенду: капиталистические правительства «предпочитают Гитлера Сталину, от могущественной помощи последнего уклоняются и предают демократию фашистам». «Разоблачение» Линдберга, выставляющее английское правительство в смешном и подозрительном виде, превосходно служит этим идеям.

Я остановился на случае с Линдбергом потому, что он срывает с совершенной бесспорностью новую международную тактику Москвы, попавшей в военно — дипломатическое одиночество.

Старая тактика состояла в провоцировании и ускорении военного столкновения на Западе. Однако западные демократии не «вползли незаметно» («Правда») в новую мировую войну. Теперь Москва переходит к попытке воспользоваться тяжкими психологическими последствиями политики уступок для обострения внутренней борьбы в демократических государствах. Для этого в оборот пускаются два соблазнительных вымысла.

Первый, усиливающий озлобление кругов, враждебных политике уступок, состоит в утверждении: СССР был в военном отношении совершенно готов вступить в коалиционную войну с Германией, но его помощь была отвергнута Англией и Францией, ибо консервативное английское правительство втайне сочувствует Гитлеру. Советская власть оказывается единственной в мире непреклонной и честной защитницей свободы и «нерушимости международных договоров».

Второй вымысел, запугивающий западные демократии, в особенности Францию: могущественный СССР бросает своих вчерашних трусливых друзей на произвол судьбы; в случае, если Германия потеряет голову и сунется в Россию, Гитлер погибнет там скорее, чем Наполеон, ибо он встретит там не только наполеоновских главных врагов — зиму, тиф и непролазную грязь, но еще и такую техническую организацию страны, которой не было до большевиков. После этой бравады идет существенное: «Но остается еще возможность, которая не дает спокойно спать нынешним вершителям судеб Франции и Англии, а именно возможность русско — германского сближения, сотрудничества вместо войны. Русско — германское сотрудничество защищал всегда Бисмарк. Теперь на пути к нему гитлеровская ярость против “иудео — большевизма”». Но диктаторы тоже смертны, и у них направление мыслей тоже меняется. А что, если Гитлер, не желая из-за донецкого угля повторять судьбу Наполеона, предпочтет железо и уголь в Эльзасе и Лотарингии? Нет никаких оснований думать, что Россия в таком случае откажется от сотрудничества с Германией или будет проливать слезы над судьбой Франции и Британской империи.

Откуда я взял все это? Из сегодняшней (11 октября) корреспонденции известного «дружественного» американского журналиста Дуранти, который давно является полуофициальным выразителем мнений и настроений Кремля и который сейчас все это телеграфирует в Нью — Йорк из Парижа, т. е. из советского посольства в Париже.

Не освещает ли эта корреспонденция новым страшным светом ту войну на истребление всего живого, которую Сталин так упорно ведет с русским народом, особенно усердно в последние годы?

Эта новая тактика — тактика бахвальства и шантажа страхом — есть только выражение крайней растерянности и бессильной ярости. Должен сказать, что попытка Сталина предложить свои услуги Гитлеру и прицепиться к колеснице «победителей» — сплошное безумие. Ибо есть весьма серьезное основание утверждать, что в бисмарковский план современного сверх — Бисмарка сотрудничество со Сталиным едва ли входит. Но этот шантаж Франции и Англии угрозой содействовать разгрому Запада Гитлером *может обойтись России страшной ценой.*

Я могу категорически утверждать, что расчленение России не входит до сих пор в план англо — французской политики. Все слухи, распространяемые о каком-то сговоре Чемберлена с Гитлером — «бери Россию, оставь только нас в покое», — совершенно не соответствуют действительности. Однако все может измениться, если, скажем для примера, перед Францией действительно встанет вопрос, что отдавать Германии: Донецкий бассейн или «железо и уголь Эльзаса»?

Воистину, безумие и ужас! Замученная, обескровленная, отрезанная от всей Европы, отчаянно бьющаяся за свое национальное возрождение Россия ныне бросается обезумевшим Кремлем на растерзание врагов и друзей.

ДОКЛАД, ПРОЧИТАННЫЙ В ФИЛАДЕЛЬФИИ 17 ОКТЯБРЯ 1938 ГОДА

Весной этого года я был среди вас. Я ездил из города в город, призывая всех к общей борьбе за свободу человека, без которой не может существовать и, наверное, погибнет вся наша гуманитарная культура.

Мои речи не были академическими рассуждениями, а призывом к духовной мобилизации, к действию, к борьбе. Ибо, живя в Европе, я видел как слабеют там силы демократии под напором динамических идей и наступательных действий трех тоталитарных диктатур — гитлеризма, фашизма и сталинизма.

Я особенно подчеркивал, что нужна беспощадная идейная борьба не только с коричневым, но и с красным фашизмом, ибо именно большевизм породил все остальные диктатуры в Европе. Я говорил, что без восстановления сильной демократической России нельзя остановить все новые и новые триумфы Берлина и Рима.

Я говорил так вовсе не потому, что я русский, не из-за национального самомнения. Достаточно взглянуть на карту Европы, достаточно подсчитать силы в обоих лагерях, для того чтобы увидеть трагическую для демократии картину.

Теперь я возвращаюсь к вам для того, чтобы говорить о том же с еще большей настойчивостью. Ибо я возвращаюсь из Европы, которая с трудом удержалась на самом краю новой военной катастрофы. И за этот условный мир европейским демократиям пришлось расплатиться дорогой ценой.

Я знаю, что эта чрезмерная, как говорят, унижительная уступчивость демократии вожделениям тоталитарных диктаторов вызывает у многих из вас раздражение, усиливает в вашей стране стремление отойти в сторону, замкнуться в «блестящем уединении», как в конце XIX века пыталась замкнуться Англия.

Но логика истории непреложна: страдая и падая, человечество все-таки идет от разобщенности к единству. Оно уже сейчас духовно едино. Борьба идей не знает теперь ни географических, ни национальных границ. Один из ваших президентов уже переплывал океан в поисках общего справедливого мира, и можно почти с уверенностью сказать, что рано или поздно придется плыть и одному из его преемников.

Между свободой и насилием борьба сейчас разгорается во всем мире. Свобода победит везде или нигде. Самая могущественная крепость демократии будет в конце концов взята, если окажется окруженной со всех сторон врагами. «Изоляция, — сказал Кордель Холл, — не есть средство для безопасности, но плодovitый источник опасности».

Впрочем, я отнюдь не зову вас к дипломатическим или военным союзам. Человечеству, прежде всего, сейчас нужно **духовное единство** всех верящих в свободу как в основной закон человеческого общежития. Прежде всего необходимо духовное возрождение, **моральное перевооружение**. В старые формы государства нужно влить новый дух, дух веры, правды, честности и любви. «Без этого самое могущественное оружие, самые совершенные договоры только замедлят выплату по счетам». Так сказано в обращении группы крупнейших английских государственных деятелей к съезду так называемой «Оксфордской группы».

И прежде всего, нужно быть правдивым перед самим собой. А говоря правду самим себе, вы, граждане Соединенных Штатов, и мы, русские, должны признать свою вину и долю ответственности в нынешнем тяжком положении Европы, потому что европейская демократия — или, скорее, то, что от нее осталось, — не в силах без помощи Соединенных Штатов и в отсутствии сильной и свободной России внушать свою волю диктаторам. Она в силах только

обороняться, отступая часто на совсем не приготовленные заранее позиции.

Вспомните, что Соединенные Штаты помогли в 1918 году победить, но не захотели участвовать до конца в построении новой Европы, нового мира.

С другой стороны, Россия вынесла на своих плечах всю тяжесть войны на фронте во много тысяч миль в Восточной Европе и Азии, но в устройстве нового равновесия в Европе она не участвовала, оказавшись на многие годы опорной базой милитаристической и националистической реакции в Германии.

Именно тогда, в эпоху Версальского мира и установления первой в Европе диктатуры — диктатуры Ленина, — был заложен в Германии фундамент торжества гитлеризма. «Этот мирный договор, писал в своей книге “The Peace Negotiations” Лансинг, Государственный секретарь при Вильсоне, — *будет источником новой войны*; это так же верно, как то, что день возвращается после ночи».

Но Версальский мир не был бы миром, рождающим войну, если бы на мирной конференции в Версале присутствовала только что свергнувшая монархию демократическая Россия. Это я могу сказать с полной уверенностью, потому что цели войны, провозглашенные Россией после революции, совпадали с теми идеями, которые президент Вильсон высказал *потом* в своих знаменитых 14 пунктах программы мира. А Россия не была на мирной конференции потому, что Ленин, стремясь к своей диктатуре, стал орудием германского штаба для взрыва демократической России.

Предая русскую демократическую революцию, Ленин и большевики предали в то же время и всю европейскую демократию, так как подготовили нынешнюю трагедию Европы.

Вы не верите?.. Я сейчас вам это докажу свидетельским показанием г. Троцкого. Ибо 5 марта 1938 года в «Нью — Йорк Таймс» Троцкий, который сам был военным комиссаром, разоблачил совместную работу советского правительства и германского штаба.

Но это еще не все. Недавно бывший коммунист Волленберг, долго работавший на ответственных местах в Красной армии, опубликовал исключительно интересную книгу, в которой он целиком подтверждает показания Троцкого и добавляет, что сотрудничество большевиков с немецким штабом продолжалось еще и при Гитлере в течение свыше двух лет и прекратилось лишь в 1935 году по инициативе Германии^[266].

С этого срока прошло лишь три года, и нельзя сомневаться в том, что после многолетнего сотрудничества немецкий штаб отлично знает техническое и психологическое состояние Красной армии; знает, может быть, гораздо лучше, чем некоторые из демократических союзников Сталина в Европе.

И разве у этих союзников, когда пришлось решать роковой вопрос о войне, не встали перед глазами образы казненных маршалов, адмиралов, генералов, сотен офицеров? Разве не закрадывалось в них сомнение в боеспособности армии, где весь командный состав, еще не расстрелянный и не сосланный, отдан под строгий надзор агентов политической полиции?.. В одном из номеров лондонского «Таймс» в острые дни чехословацкого кризиса корреспонденция из Москвы была напечатана под таким ироническим заглавием: «Москва тоже готовится к войне. Сто офицеров расстреляно».

Судьбы европейской и даже мировой демократии были роковым образом связаны до чехословацкого кризиса с советской армией. Вы должны узнать, по каким причинам Сталин так усердно и беспощадно «чистит» ее командный состав.

Волленберг, о котором я только что говорил, дает на это исчерпывающий ответ, точность которого я могу подтвердить, ибо часть этих данных была в моем распоряжении задолго до опубликования его книги.

Описывая всю историю заговора маршала Тухачевского, о котором вы, конечно, слышали,

Волленберг доказывает, что *высшее командование армии решилось на военный переворот во имя укрепления боеспособности страны*.

С военными были связаны наиболее либеральные большевистские сановники вроде Рыкова, Бухарина, Пятакова. Более или менее близкое участие в заговоре принимали также «две трети правительства СССР, пять шестых правительства Белоруссии и Украины и девять десятых правительства Туркестана». Все эти люди поняли, что политическое рабство и крепостное хозяйство не только вызывают в населении почти поголовное озлобление, но и разрушают всю хозяйственную машину государства. Они поняли, что в таких условиях армия в случае внешней опасности едва ли может выполнить свой долг обороны. Поэтому, говорит Волленберг, во всех вопросах внутренней политики Тухачевский и его единомышленники выдвигали требование *демократизации страны*. В осуществлении демократизации они видели единственное средство для создания условий, при которых только и возможно наиболее полное использование сил населения в интересах обороноспособности страны.

Перед нами дикий парадокс: Красная армия должна защищать демократический строй в чужих государствах, но у себя дома она остается на службе у одного из тоталитарных диктаторов.

Спрашивается, почему же Сталин, заявляя себя защитником демократии за границей и готовый воевать в одном ряду с демократическими армиями, так упорно — рискуя жестоким поражением — калечит командный состав своей армии и беспощадно расстреливает всех сторонников демократии в армии, как и во всей России?

Ответ на этот вопрос имеется. Он страшный, но совершенно ясный. Его можно найти в официальных писаниях и выступлениях самого Сталина. Со времени абиссинской войны московский диктатор твердо верит, что новый военный конфликт между всеми капиталистическими державами неизбежен. Будет новая мировая война, предсказывает последние годы Сталин. Она уже есть, пишет «Правда» 19 сентября. «Втихомолку, как то незаметно, народы *вползли во вторую империалистическую войну*». А эта капиталистическая война народов неизбежно превратится в революционную войну классов в мировом масштабе, в социальную пролетарскую революцию.

Мне не раз приходилось указывать на то, что Сталин верит в это превращение так же глубоко, как верил Ленин и до сих пор еще верит Троцкий, и что причина смертельной ненависти, которая разделяет Сталина и Троцкого, вовсе не в различии идей и принципов, а лишь в различии тактики и стратегии.

Мне также не раз приходилось утверждать и настаивать на том, что как бы ни были различны в своих конечных целях Сталин, Гитлер и Муссолини, между ними существует глубокое, органическое сходство. Ибо все диктатуры рождены войной, живут войной — классовой, расовой или империалистической — и стремятся к осуществлению своих конечных целей через войну или угрозу войны.

Существует еще и иное сходство, которое необходимо постоянно подчеркивать: все три диктатуры — большевистская, гитлеровская и фашистская — насыщены одной и той же органической ненавистью, ненавистью к демократии, ненавистью к свободе. Для них всех одинаково человек не субъект гражданских, политических и духовных прав, неотъемлемо принадлежащих ему. Человеческое существо есть только строительный материал для создания тоталитарного общества.

Насилие для достижения диктаторских целей есть основной метод управления во всех тоталитарных государствах. Все диктаторы — и в Москве, и в Берлине, и в Риме — во всей своей деятельности исходят из правила, что неограниченный деспотизм правящего меньшинства есть единственный закон человеческого общежития.

В начале большевистской власти общественное мнение Запада было убеждено, что этот режим был специфически русским явлением. Теперь положение коренным образом изменилось. Система абсолютного духовного рабства, в форме тоталитарных идеократических диктатур фашистского или гитлеровского типа, ныне насаждена в самом сердце Западной Европы.

Конечно, государственные деятели и дипломаты утверждают, что международные отношения не могут зависеть от внутренней политики той или иной страны. Официальные дипломаты великих демократических держав решительно отвергают принцип разделения мира на «идеологические блоки». Но общественное мнение свободных стран не может и не хочет следовать за официальной дипломатией. Отныне не только социалистические и либеральные партии, но даже некоторые влиятельные консервативные круги тесно связывают защиту международного мира с защитой индивидуальных свобод и демократии против натиска тоталитарных диктатур.

И все же, как это ни странно, общественное мнение западных стран исключает большевицкую диктатуру из списка этих режимов насилия, которые грозят демократии. Это — глубокая и роковая ошибка, ибо большевизм есть несомненно духовный отец и вдохновитель всех современных диктатур.

Муссолини сам объявил в начале своего торжества: «Наши учителя в Москве». И отвратительная расовая политика Гитлера, Геббельса и Геринга есть лишь верная копия так называемой классовой политики Ленина, Троцкого и Сталина. Ныне, по сообщению бежавшего из России итальянского коммуниста, в концлагерях СССР находится на каторжных работах количество людей, в 14 раз превышающее все еврейское население Германии.

Внутреннее тождество всех трех тоталитарных диктатур совершенно очевидно. Это их тождество и роковую связанность их судьбы отлично чувствует изнывающее под игмом Сталина население России. Там теперь ходит такой анекдот. Один спрашивает: «Когда наступит конец диктатуре Сталина?» Другой отвечает: «Сталин умрет от разрыва сердца, узнав, что Муссолини застрелился на могиле Гитлера».

Итак, все диктатуры похожи друг на друга и несут с собой угрозу мирового конфликта. Рискую войной, Гитлер вынуждает демократические страны к отступлению. Провоцируя войну, Сталин рискует судьбами России и надеется насадить повсюду — не только в фашистских, но и в демократических странах — тоталитарную диктатуру коммунистического меньшинства.

Через двадцать лет после войны, которая должна была всюду установить демократию, Европа впала в страшный, может быть, смертельный кризис: фанатики войны — классовой или расовой, не все ли равно, действуя по — разному, одни атакуя с фронта, другие заходя в тыл, упорно хотят взорвать все вековое здание демократической гуманитарной культуры в Европе, а затем и во всем мире.

Конечно, в своих расчетах на последствия войны Сталин наполовину прав. В хаосе разрушения новой мировой войны, в которую, как пишут большевики, «вползает» капиталистический мир, нынешняя Европа прекратит свое существование. Но кто воцарится на развалинах ее блестящей культуры? Коммунистический тоталитарный террор, думает Сталин. А вот бывший коммунист, крупный работник Коминтерна, многие годы проживший в Москве, Ф. Боркенау, опубликовал книгу «The Communist International». В этой книге, на основании своего долгого опыта, он убедительно доказывает европейским рабочим и демократам, что идея «национального единства, воплощенного в едином человеке», оказалась для народной массы гораздо притягательнее, сильнее идеи классовой пролетарской диктатуры.

И действительно, все попытки насадить в Европе большевистскую диктатуру до сих пор кончались неизменным торжеством разного рода фашистских диктатур, которые на место идеи класса ставили идею нации или расы. И чем дальше продолжается подрывная работа сталинских

почитателей и агентов в мировом масштабе, тем грознее становятся силы фашистских вождей, тем труднее становится борьба за свободу человека, эту основу всей человеческой культуры.

И так будет продолжаться до тех пор, пока идейный фронт борцов за демократию будет изнутри разлагаться и обессиливаться коммунистами. Так будет продолжаться до тех пор, пока в борьбе с фашизмом демократические и рабочие организации будут идти рядом в тесном союзе с коммунистами.

Никогда еще история не видела столь противоестественного и морально отвратительного политического союза, как союз западных демократов и социалистов во имя защиты мира, свободы и демократии с самыми страшными ненавистниками и гражданского мира, и индивидуальной свободы, и социальной демократии.

Повторяю то, что сказал в начале: прежде всего нужно духовное единство и моральное перевооружение, ибо защищать свободу можно только чистыми руками.

Я не говорю здесь, конечно, о дипломатических, торговых и прочих отношениях иностранных держав с Москвой. Эти отношения неизбежны, как неизбежны они и с фашистскими правительствами. Я говорю о свободном общественном мнении, об идейной борьбе демократии с силами насилия и ненависти.

В этой борьбе не может быть гнилых компромиссов, никаких замалчиваний, никакой лжи. А между тем во имя борьбы с фашизмом слишком многие демократы в Европе и в вашей стране не хотят слышать криков отчаяния, доносящихся из СССР, и стыдливо и даже с раздражением против жертв отворачиваются от эксцессов самого жестокого террора в России.

Если бы врачи во время чумной эпидемии, изолируя одних больных, других по своему вкусу оставляли среди здоровых, их бы предали суду как преступников, ибо под видом борьбы с чумой они занимались бы распространением страшной болезни. Увы, слишком часто сейчас демократы уподобляются таким врачам, не подвергая моральной и политической изоляции носителей большевистской бациллы.

Сам Гитлер хорошо понимает полезную для него роль коммунистов в рядах демократий: **их присутствие среди защитников свободы и гуманитарной культуры ослабляет моральную силу этой защиты.**

В своей знаменитой речи в Нюрнберге 12 сентября он говорил: «Какая кровавая ирония в истории человечества — плечом к плечу с демократами мы видим представителей самой кровавой тирании, которая когда-либо существовала».

Сам Гитлер несомненно достойный ученик Ленина и Сталина. Его путь тоже омыт кровью и слезами человеческими. Но правда все-таки остается правдой. И сказанная устами Гитлера, она от этого не становится ложью.

Правда же в словах Гитлера состоит в том, что демократия Запада, борясь за свое существование в союзе с представителями действительно самой кровавой в истории человечества тирании, готовит себе не победу, а поражение.

Нужно отдать справедливость и Сталину. Он, предлагая социалистам, демократам и рабочим на западе Европы и в Америке образовать единый фронт для борьбы с фашизмом, ***никогда не скрывал*** основной цели этого маневра: взорвать демократию изнутри. Вы помните, что еще в 1934 году ближайший сотрудник Сталина, генеральный секретарь Коминтерна Димитров, весьма красноречиво сравнивал этот маневр с «троянским конем, введенным в самый центр демократической крепости».

Собственно говоря, Сталин — как мне не раз приходилось на то указывать — старался повторить в Западной Европе и Америке тот самый демократический блеф, благодаря которому Ленин захватил власть в 1917 году в России.

В те дни Ленин пытался построить диктатуру, в то же время прикидываясь убежденным

демократом и обещая непосредственно передать всю власть солдатам, рабочим и крестьянам.

Ленину удалось обмануть часть русского народа. Ибо в октябре 1917 года еще никто не мог предвидеть, чем большевизм окажется на практике.

*

Но каким образом вожди западной демократии могли так легко поверить в демократическую добродетель коммунистов? Как могли они так легкомысленно включить худших врагов свободы в авангард ее защитников? Каким образом, после двадцати лет большевистской власти, опытные западные политические деятели оказались еще более наивными, чем русские солдаты и матросы в 1917 году?

Я не думаю, чтоб они были так слепы... Я убежден, что демократические и социалистические партии отлично знали и знают правду.

Привожу слова Леона Блюма, вождя французской социалистической партии и бывшего премьера, который писал в 1934 году:

«Коммунизм не только извращает основные идеи социализма, он также извращает его моральные устремления. Мы (социалисты) пытаемся вызывать к самым благородным требованиям разума и к самым чистым чувствам человеческой души, тогда как коммунизм эксплуатирует самые низкие инстинкты; мы пытаемся возвысить, он пытается унижить; мы пытаемся облагораживать, он пытается опошлять. Его методы: ложь, двойная игра, клевета. Он вскармливает такие страсти, как зависть, насилие, жестокость. Мы сможем говорить о едином фронте, когда социалисты перестанут быть париями в глазах русской тирании, когда демократические свободы и всеобщее избирательное право будут восстановлены в России».

Аргументация Блюма основана на строжайшей логике. Коммунисты могут быть включены в ряды защитников свободы *только* тогда, когда они докажут *на деле* свою преданность идеалам свободы, т. е. тогда, когда они откажутся от тоталитарной диктатуры в России.

Но каким образом сам Леон Блюм и все левое европейское общественное мнение знали, каков правильный путь, на который нужно вступить, и в то же время этого пути не избрали?

Как это случилось?

Случилось это потому, что соотношение международных сил в Европе и Азии требовало, чтобы Красная армия находилась на стороне великих демократических держав, противящихся оси Берлин — Рим — Токио.

Еще не так давно авторитетный французский консервативный политический деятель говорил о том, что Россия представляет «огромные массы людей и сырья» и потому является необходимым фактором мира и международного равновесия.

Так замыкается круг. Мы возвращаемся к началу моего доклада. Потребность опереться в борьбе с наступающими тоталитарными диктатурами на неисчерпаемый источник живой силы и естественных богатств России совершенно понятна.

Но для этого, как я уже говорил, необходимо прежде всего существование самой России, *свободной* и *сильной*, не связанной с безумными задачами Коминтерна.

*

Недели за две до отъезда в Соединенные Штаты я случайно присутствовал при разговоре чистокровного немца, социалиста- эмигранта из Германии, с французом. Шла речь о войне, которая тогда еще считалась некоторыми неизбежной. Немецкий эмигрант рисовал обнадеживающую для демократии картину войны: подумайте, говорил он, ведь в Германии живут миллионы рабочих, которые ненавидят диктатуру Гитлера, которые ждут только возможности восстановить в Германии свободу. Мобилизация и война даст им штыки и пулеметы, которые они обратят против власти. И тут же он стал говорить о помощи, которую окажет западной демократии советская Россия.

Но почему же пойдут драться за чужую свободу мобилизованные русские рабочие и крестьяне, когда они сами мечтают о штыках и пулеметах для своего собственного освобождения? Ведь на каторге, в концлагерях население в России колеблется между пятью и семью миллионами. Ведь, по словам казненного Бухарина, все русское крестьянство эксплуатируется феодальным способом и вместе с рабочими находится в крепостном состоянии.

Что будут делать во время войны русские крестьяне и немецкие рабочие, мы не можем знать, а можем только предчувствовать. Но мы все вместе должны понять, что страдают люди везде одинаково, что все страдающие должны создать единое братство духовной солидарности и сотрудничества в борьбе.

Если бы европейская и американская демократия с самого начала существования тоталитарной диктатуры в России подвергла ее такому же духовному бойкоту, как теперь гитлеризм, с таким же энтузиазмом разоблачала отвратительный террор Сталина,] как разоблачает преступления тайной полиции Гитлера, — то сейчас демократия в Европе не переживала бы такого трагического времени. За непонимание этой простой истины, за долгое пренебрежение к судьбам народов России, изнывающих под игом тоталитарной диктатуры, западная демократия сейчас жестоко расплатилась.

Поэтому я говорю вам с удвоенной стой то, что говорил вам шесть месяцев тому назад: неустанно боритесь с тоталитарной идеологией гитлеризма и фашизма, разлагающими демократию, но не увлекайтесь иллюзиями — не принимайте диктатуру Сталина за Россию. Организуйте международное общественное мнение для давления на Кремль, во имя установления в России свободной демократии. Не прикрывайтесь лицемерными фразами: «Мы не можем вмешиваться во внутренние дела СССР, ибо советское правительство состоит в союзе с западной демократией».

Царская Россия тоже была в союзе с республиканской Францией, но это совершенно не мешало свободному общественному] мнению у вас и в Европе разоблачать преступления царизма и настойчиво требовать демократизации России.

*

Общественному мнению свободных стран не нужно ни дружить с диктаторами, ни бояться их. Повсюду пробуждается воля положить конец нынешнему невозможному положению мира, 1 когда вся энергия государств и правительств поглощена производством неисчислимого количества пушек, танков, дредноутов, 1 газов или истреблением себе подобных.

И эта пробудившаяся твердая воля человечества уже совершила чудо: она остановила Европу на самом краю военного безумия.

Невилл Чемберлен и Даладье своей политикой терпеливого сговора и уступок спасли самое существование демократии в Европе. Только слепой может не видеть, что они в этой грандиозной борьбе опираются на подавляющее большинство в своих странах.

Спокойное мужество, с которым уходили сотни тысяч людей в армию и во флот, доказывает, что, поддерживая борьбу за мир, люди не руководствовались шкурными интересами. А чем же?

Глубоким, инстинктивным сознанием, что даже победоносная война разрушит самые устои существования свободных народов.

В своем знаменитом и замечательном обращении 28 сентября к Гитлеру ваш президент совершенно точно передал отношение к войне всякого честного человека.

Я видел сам, с какой глубокой человеческой радостью и как *единодушно* пережили люди весть: войны не будет. Я понял: мир устал жить в ненависти, насилии и крови.

Освободить от этого кошмара может его только демократия.

Подумайте, в каком безумии войны уже находился бы мир, если бы всюду царствовали

Гитлеры и Сталины.

Демократия должна наконец поверить в свою великую историческую миссию. Только свободные у себя дома люди могут создать прочный мир.

Демократия должна, как я сказал, морально перевооружиться; она должна проникнуться динамизмом, творить новые формы социальной и государственной жизни. Она должна всегда и везде ненависти расовой или классовой противопоставлять любовь к человеку, побеждать личные и групповые эгоизмы смелым социальным творчеством на общее благо.

В борьбе демократии с диктатурами победа свободы неизбежна. Наш долг, во имя любви к человеку, приблизить сроки этой победы.

ДОКЛАД, ПРОЧИТАННЫЙ В ЧИКАГО 29 НОЯБРЯ 1938 ГОДА

Я попал в очень трудное положение. Хотел говорить о внутреннем положении России, но после соглашения в Мюнхене все общественное внимание в Соединенных Штатах направлено на международное положение в Западной Европе.

Трагическая судьба Чехословакии, печальное отступление Лондона и Парижа, страшные погромы в Германии вызвали везде сильное негодование. Слово «Мюнхен» стало синонимом малодушия, трусости и даже предательства. За мою попытку объяснить, что все уступки были сделаны до Мюнхена, что в Мюнхене была только остановлена война, которая началась бы в крайне неблагоприятной для демократии обстановке, я оказался в глазах многих — страшно сказать — защитником Чемберлена, а коммунисты поспешили, конечно, объявить меня «предателем демократии».

Но никакие нападки и обвинения не могут заставить меня не говорить того, что я думаю.

А я думаю, что сейчас мой долг — говорить о той роли, которую сыграл СССР Сталина в европейской катастрофе этой осенью. Точнее: я должен говорить о том, какое роковое значение имеет для судеб всей демократии, для мира всего мира полное *отсутствие* сейчас среди концерта великих держав сильной, во — первых, и свободной, во — вторых, России.

Слабость демократий

Ровно девять месяцев тому назад я имел честь говорить с этой же кафедры — в защиту демократии.

Что я говорил тогда? Что, живя в Европе, я вижу, как из месяца в месяц, изо дня в день слабеют там силы демократии под напором диктаторов; что *при отсутствии сильной России и помощи Соединенных Штатов* европейская демократия слишком слаба и не может диктовать свою волю тоталитарным государствам, а должна уступать им. И я особенно предостерегал от опасной иллюзии видеть в разрушающей Россию диктатуре большевиков силу, способную защитить западную демократию.

Прошло с тех пор меньше года, и все мои слова *оправдались; оправдались* скорее и в большей мере, чем я сам ожидал.

Версальская Европа бесславно закончила свое существование. От Лиги Наций осталась только печальная тень. Германия стала господствующей державой в Центральной Европе и возобновила свой «Дранг нах Остен». СССР фактически совершенно изолирован. И соглашение остальных четырех великих европейских держав — заветная мечта Муссолини — становится на очередь дня.

Конечно, этот коренной переворот в международных отношениях в Европе созрел годами. Но произошел он стремительно во время чехословацкого кризиса. Ошеломляющая картина трагического раздела Чехии парализовала разум и до крайности возбудила чувства. «Блеф» Гитлера удался потому, что с ним играли в поддавки. Играли в поддавки с коричневым фашизмом, с Берлином, потому что боялись больше фашизма красного, Москвы.

Европа и Соединенные Штаты

Гнев и раздражение — плохие советчики! Они ослепляют и толкают нас на ложную дорогу. Гнев и раздражение толкают сейчас общественное мнение Соединенных Штатов прочь от Европы; усиливают в вашей стране стремление к изоляции. Жестокая ошибка! Или, скорее, безнадежная попытка повернуть вспять ход истории.

Стремление благополучной и географически хорошо защищенной страны быть в стороне от чужих неприятностей — вполне понятно и даже законно. Ведь еще сравнительно недавно Англия вела политику «блестящей изоляции», ибо была защищена каналом. Прогресс техники заставил Англию перенести ее границу на Рейн. Пройдет не очень много лет, и технический прогресс океаны превратит в каналы. Кроме того, не следует забывать еще одного. Долгие десятилетия Соединенные Штаты имели две сильные оборонительные передовые линии: английский флот в океанах и русскую армию на Дальнем Востоке. Две европейские империи обеспечивали вашу изоляцию и освобождали вас от тяжелого бремени военных бюджетов. Разве не ясно, что нынешний гигантский рост этого бюджета в Соединенных Штатах является прямым последствием перераспределения сил в Европе и на Тихом океане?

И наоборот. Соотношение между борющимися силами в Европе зависит все в большей мере от политики Соединенных Штатов. В самом конце войны 1914–1918 годов Соединенные Штаты заменили вышедшую из строя Россию. Без этой замены тоталитарная победа Англии, Франции и Италии над Германией была бы невозможна. Все здание Версальской Европы было построено на таком соотношении сил, которое существовало во время войны и в момент перемирия, но которого уже не было, когда мир был подписан. Ибо на долгие годы Россия была поставлена Лениным, Троцким и Сталиным на службу германской милитаристической и националистической реакции, а Соединенные Штаты дезавуировали президента Вильсона еще во время конференции и на долгие годы ушли из Европы.

Мир, продолжающий войну

Что же получилось? Получился мир, продолжающий войну. Не кто иной, как Лансинг, государственный секретарь при президенте Вильсоне, написал обо всех мирных договорах 1919 года: «Мирные договоры станут источником новой войны». И Лансинг был не одинок в оценке работы Конференции мира, в понимании полного несоответствия между бумажными условиями мирных договоров и реальной возможностью провести их в жизнь. Сейчас следует вспомнить меморандум, врученный 15 июня 1919 года первым канцлером Австрийской Республики известным социал — демократом Реннером председателю Мирной конференции Клемансо. В этом меморандуме Реннер с удивительным ясновидением предсказал трагедию Чехословакии и Европы в 1938 году. Протестуя от имени австрийской демократии против включения судетских немцев в пределы образуемой тогда Чехии, Реннер, между прочим, писал: «Включая судетских немцев против их воли в границы Чехословакии, великие державы создают в самом центре Европы очаг гражданской войны, который станет для благополучия и спокойствия Европы более опасным, чем были находившиеся в вечном брожении Балканы».

Бывший премьер Британской империи лорд Болдуин говорил в палате лордов накануне соглашения в Мюнхене. Он правильно сказал, что Версальский мир 1919 года не дал Европе того, что ей дал Венский конгресс 1815 года (после наполеоновских войн): не дал длительного мира. Лорд Болдуин объяснил это тем, что в 1919 году среди государственных деятелей и дипломатов не было людей такого масштаба, такой государственной проницательности, как герцог Веллингтон^[267] и Талейран. Характерно, что английский премьер забыл о Меттернихе и императоре Александре I, которые сыграли на Венском конгрессе огромную роль. Другими

словами, он забыл о том, что Версаль, где не были представлены интересы России и Германии, не мог установить длительного мира потому, что не мог установить нового равновесия в Европе на месте разрушенного старого, созданного в Вене. В этом неустойчивом равновесии, в котором жила Европа с 1919 года, и лежит основной источник сентябрьского кризиса, положившего конец существованию Версальской Европы.

Без сильной России нет мирового равновесия

Теперь происходят попытки установить длительный мир в Европе в порядке соглашения *только* «четырех великих» — Англии, Германии, Франции, Италии. О стабилизации Европы *без* России думал Бриан и в эту сторону вел политику Франции. После Бриана той же идеей живет Муссолини. Идея, может быть, и заманчивая для Западной Европы, но *неосуществимая*. Ибо нельзя восстановить прочного мирового равновесия — а следовательно, и длительного мира — *без* участия *сильной* России, организованной как *национальное* государство.

Именно сейчас восстановление России, которая способна была бы снова играть в Европе и Азии ту роль, которую она играла до воцарения Ленина, является огромной *мировой проблемой*. И удивительно, что в Западной Европе, заинтересованной в этом кровно и непосредственно, почти никто этого не понимает.

Проблема России в представлении огромного большинства современных государственных и политических деятелей на Западе сводится к очень упрощенному вопросу: как можно воспользоваться неисчерпаемыми запасами человеческой силы и сырья в России? При этом Европа была убеждена, что самые элементарные запросы государственного и человеческого общежития для России при большевиках стали *необязательны*. Например: все думали, что СССР в международных отношениях может заменить, как сила, Россию, хотя Сталин упорно разрушает ее оборону, хозяйство, транспорт.

За свое освобождение мы не будем платить чужой свободой

Удивительно, что даже очень большие европейцы, пережившие у себя дома, в Германии или Италии, все ужасы черного или коричневого фашизма, верят, ставши эмигрантами, что Сталин поможет им вернуть демократию, отнятую Гитлером или Муссолини. Всякий слышал или читал превосходные разоблачения фашизма или гитлеризма виднейшими германскими или итальянскими эмигрантами. Но никто не слышал от них разоблачений большевизма — отца и вдохновителя всех тоталитарных диктатур. Они все почти без исключения пропагандируют единый фронт с красным фашизмом против фашизмов других цветов. Своим примером они как бы говорят нам, русским демократам: мы в борьбе с поработителями *нашего* народа идем вместе с поработителем *вашего* народа: со Сталиным против Гитлера; идите же и вы в борьбе с поработителем вашего народа вместе с поработителем народа *нашего*: с Гитлером против Сталина.

Соблазнительный пример, но мы ему никогда не последуем. Мы останемся навсегда верными коренной традиции русской культуры, русского освободительного движения: никогда за свое освобождение мы не будем платить чужой свободой. Может быть, мы на взгляд западного человека и «варвары», но мы органически не можем понять и принять установление иерархии среди страдающих племен и народов. Для нас не существует высших рас, для которых

гитлеризм или фашизм — катастрофа и падение, и рас низших, для которых ленинизм и сталинизм — величайшее достижение, новая эра прогресса.

Расплата за пренебрежение к судьбе России

Если бы западная демократия с самого начала существования в России красного фашизма подвергла его такому же бойкоту, как гитлеризм, европейской демократии не пришлось бы теперь пережить такой тяжкий кризис. Именно потому, что двадцать один год западная демократия пренебрегала судьбой России и не хотела слышать стонов миллионов мучимых там людей, она теперь расплачивается ценой унижительных уступок Берлину.

Почему? Во — первых, потому, что двадцать лет существования политического рабства и крепостного хозяйства разрушили внешнюю мощь России; а без сильной России, как я уже говорил, невозможно устойчивое состояние Европы. Во — вторых, потому, что отсутствие сильной России в концерте мировых держав *полезно* сейчас антидемократической оси Берлин — Токио — Рим. И в — третьих, наконец, потому, что красный фашизм — с первого дня своего существования при Ленине и до последнего дня при Сталине — является из-за своей *ненависти* к демократии главной опорой германского национализма и гитлеризма.

Рассмотрим эти три причины по очереди. У меня нет времени для того, чтобы восстановить перед вами огромную дипломатическую и военную роль Российской империи в истории Европы. Коротко останавлиюсь только на последнем периоде, закончившемся войной 1914 года и начавшемся после победы Мольтке под Седаном в 1870 году [\[268\]](#). Тогда, на развалинах империи Наполеона III, Бисмарк воздвиг империю Германскую. Тогда же Франция поняла, что единоборство с объединенной Германией ей не под силу. Она поняла, что на континенте Европы ей нужен сильный союзник. Союзником этим на многие годы скоро стала Россия. Англия еще оставалась, как ныне Соединенные Штаты, в блестящем одиночестве в Европе, и это было естественно, так как центры ее имперских интересов были вне Европы, в океанах. Освободившись от Бисмарка, в эти океаны устремился Вильгельм II. Под лозунгом «Будущее Германии на морях» он с адмиралом Тирпицем стал строить германский большой флот. Германская угроза на имперских путях, в океанах, приблизила Англию к континентальной Европе. Парализовать новое морское могущество Германии можно было, только связав ее в Европе. Отсюда весь переворот британской международной политики при короле Эдуарде VII и лорде Грее. Вместо изоляции — союз. Сначала происходит сближение с «наследственным врагом» — Францией. Потом *примирение* с Россией. Англо — русское соглашение 1907 года (о Персии) ставит точку в вековой борьбе Англии с Россией. Обе империи обеспечивают друг другу мир в Азии и на берегах Тихого океана. Россия примиряется с Японией и вслед за Англией возвращается в Европу. Тут обе империи сталкиваются с Германией в Константинополе: Россия на путях своих из Черного моря, Англия — на линии Стамбул — Багдад. Вильгельм II отказывается от дружественной России и мудрой политики Бисмарка и поддерживает антирусские, агрессивные планы Австро — Венгрии на Балканах. Так рождение и рост могущества Германской империи привели полуконституционную Россию в лагерь западных великих демократий. И, как вы видите, без России парализовать имперский динамизм Германии было бы невозможно.

Больше того: несомненная по сравнению с Германией слабость Запада сделала Россию на континенте Европы решающей силой. Победа Германии в войне 1914 года была бы обеспечена, если бы царское правительство перед войной, подчиняясь некоторым весьма сильным влияниям, выбрало путь не на Лондон, а на Берлин. Победа англо — французской коалиции в 1918 году тоже не осуществилась бы, если бы Россия — монархическая и республиканская — не несла три года страшное бремя войны, приковывая к своему европейско — азиатскому фронту почти половину всех сил германской коалиции. И как только на востоке Европы усилиями большевистской диктатуры исчезла сильная, организованная как национальное государство Россия — все блестящее построение Версальской Европы повисло в воздухе и ныне исчезло, как сонное мечтание.

Сейчас, когда все новые триумфы Гитлера вызывают такое смущение в демократических кругах, следует вспомнить о следующем историческом факте.

Переворот Ленина 7 ноября 1917 года произошел тогда, когда в руках министра иностранных дел Временного правительства была официальная телеграмма австрийского министра иностранных дел графа Чернина с предложением немедленно вступить, без согласия Германии, в переговоры о мире. Как раз 8 ноября делегация Временного правительства должна была выехать в Лодзь — место встречи с делегацией австрийской. Несомненно, Берлин через своих агентов знал о намерениях молодого императора Австрийского и должен был сделать все, чтобы сепаратных мирных переговоров Австрии не допустить. Переворот, спешно устроенный Лениным в Петрограде, был большим, решающим сражением, выигранным Людендорфом. Именно тогда было положено начало нынешней гегемонии тоталитарной Германии на огромном пространстве Европы.

Большевики сделали Россию плацдармом для германской реакции

Ленин никогда не был вульгарным немецким агентом. Он разрушал Русское государство по убеждению больного фанатика. Он во время войны, еще в эмиграции, в Швейцарии, объявил: первый долг истинного социалиста — интернационалиста во время войны состоит в содействии поражению собственного отечества. Никаких интересов «буржуазного отечества» он не признавал. Интернационалист не защищает никаких национальных границ и интересов. Пусть военный разгром демократической, революционной России содействует победе монархической, реакционной Германии! Победа эта *ненадолго!* Пролетарский авангард установит диктатуру в России, и через два — три месяца после этого — в это Ленин твердо верил, по крайней мере на словах, — социальная революция обязательно вспыхнет в Германии, затем во всей капиталистической Европе. Никакой пролетарской революции в Германии не случилось ни через три месяца, ни через три года. Но распятая на кресте Россия оказалась на многие годы в руках людей, которые не могли порвать своих связей с германским штабом. По плану Ленина Россия должна была стать плацдармом для мировой революции, а на практике она стала плацдармом для подготовки милитаристической и националистической реакции в Германии.

Весной этого года никто не обратил внимания на чрезвычайно важное признание Троцкого о долгом и секретном сотрудничестве его самого, Ленина и Сталина с германским штабом. Это признание целиком подтверждает только что мной сказанное^[269].

Содействуя восстановлению военной мощи Германии, Москва помогала, как могла, росту в Германии отвращения к демократии и националистической, гитлеровской ярости. Особенно страстно большевики разоблачали «гнусность» Версальского договора. Язык и содержание статей, например, К. Радека ничем не отличались от статей крайнего националиста гр.

Ревентлова^[270] или Геббельса. В официальном органе германских коммунистов «Роте Фане» восхвалялись «национальные подвиги» гитлеровской молодежи. В самые острые минуты борьбы социал — демократов с гитлеровцами на местных выборах и выборах в рейхстаг Москва давала приказ содействовать провалу демократов. Большой знаток Европы, побывавший и в Москве и в Берлине, заведующий иностранным отделом в «Manchester Guardian» Войгт написал не так давно очень интересную книгу «Unto Caesar». Устанавливая внутреннее тождество гитлеризма и сталинизма, он отлично резюмирует роль Москвы в республиканской Германии: «Коммунисты были опасностью для республики, но опасностью контрреволюционной. Революционной опасности они никогда не представляли».

Для Гитлера их поддержка имела решающее значение. Они боролись против республики, а не против Гитлера. Они никогда не скрывали своих намерений уничтожить республику».

Но разве Германия исключение? Во всех без исключения странах, где Москва пыталась водворить фашизм красный, в действительности воцарялся фашизм черный или коричневый.

Москва и демократии

Но тут мне возразят: так было до триумфа Гитлера в Германии; теперь Москва хочет помогать демократическим странам, но капиталистические правительства **боятся** этой помощи и предпочитают укреплять гитлеризм. Очень широкие круги в вашей стране разделяют мнение Молотова, номинального премьер — министра советского правительства. Он недавно, в годовщину Октябрьского переворота, сказал: «Реакционная английская и французская буржуазия отдала канцлеру Гитлеру чрезвычайно выгодную стратегическую позицию».

Не будем читать в сердцах Чемберлена и Даладье, а посмотрим на факты. Вспомним, что еще недавно представители «реакционной буржуазии» — Лаваль и Иден — ездили на поклон не к Гитлеру, а к Сталину. Консервативнейший Барту ввел Литвинова в Лигу Наций. Группа Черчилля в Англии и Поля Рейно во Франции — весьма далекая от всякой левизны — являлась самой яркой сторонницей дипломатического и военного сотрудничества со Сталиным для борьбы с Гитлером.

Еще только полтора года тому назад дипломатическое положение СССР в концерте великих держав и в Лиге Наций было совершенно блестящим. Казалось, Сталин и его ближайшие сотрудники поняли критическое положение России и решили спасти ее от нового Брест — Литовска и круто переменить не только внешнюю, но и внутреннюю политику. Вспомните, как весной 1936 года Сталин в беседе с Роем Ховардом объявил, что вводит в России «самую демократическую конституцию в мире». И как весь культурный мир этому с радостью поверил.

Казалось, все поведение Сталина была так логично: СССР вступает в союз с западными демократиями; Сталин возвращает России свободу. На место политики, направленной к мировой революции, — политика национальной эволюции, направленной к восстановлению хозяйственного благополучия и военной мощи России. Потребность поскорее видеть **сильную** Россию на ее старом месте в Европе заставляла самых консервативных деятелей в Лондоне и Париже верить в «новый курс» Сталина.

Разыгрывалась настоящая пастораль. Литвинов — правая рука Сталина за границей — триумфально объезжал одну столицу за другой — Вашингтон, Лондон, Париж, Рим, Варшаву и т. д. Литвинов разъезжал глашатаем мира, неделимого мира, и всюду, где мог, заключал договоры о взаимном ненападении. Создавал ось Париж — Прага — Москва. В это же время Димитров — левая рука Сталина за границей — проводит гениальный маневр: образует единый фронт борьбы с фашизмом.

Отныне руки у Сталина внутри развязаны, *как никогда*.

Бывший коммунист Волленберг, автор очень интересной книги «Red Army», пишет, между прочим, что Сталин презирает западных демократов.

И я его понимаю. Ибо никогда еще мир не видал более аморального и отвратительного союза, как союз свободных людей, во имя защиты свободы, с злейшими ее ненавистниками. Ибо западные либералы и демократы, социалисты и рабочие, участники единого фронта с коммунистами, не могут не знать и *знают*, что в России «самая демократическая конституция» осталась на бумаге, а в жизни царит самый страшный тоталитарный террор.

Звериная расовая ненависть отвратительна, и нынешние варварские погромы евреев в Германии потрясают совесть каждого порядочного человека. Но как же можно в борьбе с коричневыми погромщиками в Германии идти единым фронтом с погромщиками красными? И кто протестовал, когда погромщики Сталина уничтожили один миллион семей русских крестьян? В Америке и Европе коммунисты, действуя по инструкциям из Москвы, являются пламенными защитниками свободы религий и свободы совести. Но как же настоящие демократы могут верить этому, когда в СССР епископы расстреливаются, священники всех христианских церквей, раввины ссылаются сотнями в концентрационные лагеря? А официальный орган Красной армии, «Красная звезда», пишет, что нужно искоренить христианство, ибо оно прививает антисоциальные чувства — любви к ближнему, прощения и равенства всех людей перед Богом, что несовместимо с классовой моралью. *Поставьте слово «раса» вместо слова «класс», и вы получите вместо сталинизма гитлеризм.*

Сентябрьская катастрофа

Но оставим моральные соображения в стороне. Станем на очень распространенную точку зрения, что в политике нет морали. Но в таком случае она должна быть, по крайней мере, реальна, хорошо рассчитана и целесообразна, как учил учитель Муссолини — Макиавелли.

В чем была коренная цель сближения западных демократий с Москвой Сталина — цель правительств и общественного мнения? Правительства хотели иметь на востоке Европы *сильную* Россию, способную быть противовесом Германии и Японии. Общественное мнение хотело иметь *сильного* союзника в борьбе с фашизмом и гитлеризмом.

Все это было как будто достигнуто. Единый фронт борьбы с фашизмом процветал. Дипломатическое и военное сотрудничество с Москвой восстановило в новой форме франко — русский союз, связанный с Англией. Всякая попытка оси Берлин — Рим навязать Европе свою волю признавалась в демократических странах блефом. И вдруг осенью 1938 года случилась настоящая катастрофа!

Почему? Не будем подражать Сталину, не будем свои ошибки сваливать на каких-то предателей демократии. Стремительное отступление демократических государств на заранее *не* подготовленные позиции произошло вот почему: демократические правительства довольствовались *словами* Москвы, закрывая упорно глаза на разрушающие Россию дела Сталина; а Берлин — Токио — Рим пристально изучали дела Кремля, реальное состояние России, вовсе не обращая внимания на то, что Сталин и его агенты говорили в Европе.

Реальная политика, основанная на *знании*, оказалась, естественно, целесообразной. Политика же морального оппортунизма, основанная на иллюзиях, оказалась жестоким самообманом.

Многих из вас возмущает факт, что и Англия и, в особенности, Франция усиленно хотят

установить прочный мир с Третьим рейхом, конечно, уплачивая за это очень большую цену. Я вам напомнил расстановку международных сил перед войной 1914 года именно для того, чтобы вы поняли, какую **незаменимую** роль играла сильная Россия в мировом балансе и что **без нее** западные демократии должны обязательно искать компромисса с Германией и ее союзниками. Тут негодованием ничего не сделаешь, ничему не поможешь. Один из лидеров социалистической правящей шведской партии очень хорошо сказал: «Если мы не готовы к самозащите, то нечего нам требовать от других, чтобы они нас защищали».

Просчитавшись на СССР, Англия и Франция с великой надеждой взирают на вашу страну. Какой же ответ они получили? Вы хорошо знаете — *какой*.

Почему расчет на помощь СССР оказался иллюзией?

Почему же расчет на действительное сотрудничество (помощь) СССР оказался непростительной иллюзией?

Потому что Сталин, во — первых, объективно не мог воевать; во- вторых, субъективно *не собирался* воевать и, в — третьих, *не хотел* воевать или, точнее, хотел, чтобы воевали *другие*.

Рассмотрим эти три пункта по очереди.

Сталин *не мог* воевать потому, что он систематически, два последних года, разрушает государственный организм России — хозяйство, транспорт, военную мощь и даже дипломатический корпус. Может быть, вы уже забыли знаменитые процессы в Москве и бесчисленные чистки; казнь лучших генералов, адмиралов, творцов авиации? И уж конечно, вы забыли, что «коллективизация» была на самом деле настоящим *погромом* русского крестьянства и разгромом сельского хозяйства. Результат — в эту осень около четверти урожая не было собрано с полей вовремя. Продовольствие страны резко ухудшилось. Тяжелая промышленность выпускает отвратительную продукцию. Министр путей сообщения Каганович недавно заявил, что в Сибири на участке в 800 километров железнодорожного пути за первое полугодие 1938 года произошло 900 случаев поломки рельсов. Представьте себе такой транспорт во время войны! Вообще, официальные данные и заявления свидетельствуют, что продукция всей промышленности идет вниз и вместо плана царствует хаос. И это понятно. Чистка тысячи директоров фабрик и колхозов, инженеров, техников убивает у их заместителей инициативу и желание что-либо делать. Рабочие, как и крестьяне, находятся в рабстве и нищете. Десять лет назад их положение было все-таки лучше. А сейчас средний рабочий на свой заработок может купить половину того, что он покупал *до войны*. Военная промышленность в лучших условиях, но и она не в состоянии удовлетворить потребности обороны во время войны. Вот почему в 1937 году вожди Вооруженных сил СССР хотели вооруженной рукой сбросить диктатуру Сталина.

Я очень советую прочесть книгу Волленберга «Red Army». Он долго служил на верхах армии и подтверждает то, что я говорил в Соединенных Штатах этой весной. Тухачевский и его единомышленники, которых было очень много и в армии, и в правительственных учреждениях, поняли, что в условиях политического рабства и крепостного хозяйства Россия не боеспособна. И, как пишет Волленберг, программа заговорщиков требовала *раскрепощения* хозяйства и *демократизации* страны.

Сталин отлично знает внутреннее положение СССР; знает и ненависть к режиму замученного населения. Поэтому он в сентябре этого года и *не собирался* воевать вопреки всем заявлениям Литвинова. Доказать мне это очень легко: нужно только сравнить то, что говорил Литвинов за границей, с тем, что писалось тогда в самой Москве в официальной печати. Во — первых, советская печать очень долгое время, помещая информации о чехословацком кризисе, совершенно не печатала статей о том, как к этому кризису относится правительство Сталина и какое значение этот кризис имеет для будущих судеб СССР. Во — вторых, когда эти статьи появились, то оказалось («Правда», 21 сентября), что «Советский Союз спокойно относится к

вопросу о том, какой империалистический хищник распоряжается в той или иной колонии, в том или ином зависимом государстве, ибо он не видит разницы между немецким или английским хищником».

Здесь, в Соединенных Штатах, далеко от России, все говорят, что победа Гитлера в чехословацком вопросе открыла ему путь в СССР. А в России правительство ни слова не говорит об этом народу. И, наоборот, уверяет в своих газетах, что опасность теперь грозит прежде всего Англии и Франции. Что все это значит?

Сталин *не* готовил страну к возможности войны потому, что вовсе воевать *не собирался*. Иначе весь страшный аппарат правительственной пропаганды был бы направлен на возбуждение в народе воинственных чувств против Германии. Москва сама не собиралась воевать, но настойчиво требовала, чтобы другие воевали. Зачем? Ведь для коммунистов *безразлично*, какой империалистический хищник распоряжается в зависимом государстве — демократический или фашистский. Совершенно верно. Но борьба между двумя хищниками приближает торжество — *третьего*. По учению сталинизма нет качественной разницы между буржуазной демократией и гитлеризмом и фашизмом. Это две стадии в развитии капитализма. Причем фашизм является последней формой умирающего капитализма. И если эта последняя форма еще не воцарилась, скажем, в Англии или во Франции, то можно немного подтолкнуть историю и объявить правительства в этих странах фашистскими. А дальше уже по Ленину: «Пусть буржуазия беснуется; пусть убивает тысячи рабочих... Победа мировой коммунистической революции обеспечена».

В смертельной схватке двух хищников, двух конкурирующих империализмов, *погибнет* их породивший капитализм. Путь для нового мира, в образе тоталитарно — «пролетарской» диктатуры, будет открыт!

Жуткий бред! Но эта идея руководит всей внутренней и внешней политикой Москвы. И если бы не было этой идеи, Сталин — человек очень умный — не разрушал бы систематически Россию, не привел бы ее к дверям нового Брест — Литовска, не расстрелял бы лучших генералов за их патриотизм, за желание разумной политикой вернуть России внутреннюю силу и военную мощь.

*

Проблема России сейчас — мировая проблема. *Без сильной, организованной как национальное государство России восстановить мировое равновесие невозможно*. Сильная Россия — значит, свободная, федеративная, демократическая Россия.

Если вы, граждане Соединенных Штатов, хотите избежать новой мировой войны, в которой обязательно будете участвовать, то вернитесь по отношению к России на ту позицию, которую вы занимали до войны. Будьте с русским народом!

Помогите ему морально в борьбе за освобождение, за восстановление демократии. Не замалчивайте в печати преступлений Кремля.

Поставьте, наконец, знак равенства между Сталиным и Гитлером.

Триумф Сталина

Не нужно бояться слов. Сталин в своей дипломатической борьбе с так называемыми западными демократиями — Англией и Францией — получил триумф, с технической точки зрения вполне заслуженный. Призрак сильной России оказался в ловких руках ее разрушителей тараном, бьющим без промаха.

Будем искренни сами с собой: после всего пережитого в России с 1914 года в общении с внешним миром зрелище вызывающей к Сталину Европы как-то удовлетворяет наше национальное самолюбие, утишает душевную боль.

Мы твердо знаем и никогда не забываем, *что значит сталинизм внутри России*, и все-таки мы не можем — сужу, по крайней мере, по себе — преодолеть в себе соблазн хоть на минуту забыть о жутком и проклятом и видеть, подсознательно обманывая себя, в смелых дипломатических актах диктатора — Россию, себя снова утверждающую в первых рядах мировых держав.

Национальная стихия опьяняет, и, что греха таить, если бы кроме нынешних дипломатических триумфов у Сталина в активе оказались какие-нибудь действительно великодержавные достижения, какие-нибудь «Судеты» или «аншлуссы» на русский образец, московский диктатор стал бы взаправду национальным героем для всех тех, для кого не внутренняя свобода и процветание страны, а только внешнее величие, зубодробительная мощь на страх внешним врагам являются лучшим и даже единственным достойным подлинной империи проявлением народного гения.

Но пока всего этого еще нет, пока российская «великодержавность» Сталина только еще в теории, в предвидении и в писаниях младоросской «Бодрости» (11 июня), есть еще у нас время понять действительную причину дипломатического триумфа Сталина, разобраться в том, правы ли «Последние новости»^[271] (6 июня), утверждающие отказ Сталина от «революционной дипломатии» и его «переход на чисто русские позиции», и посмотреть, в каких условиях наша мечта о сильной, великодержавной, но миротворческой политике России может осуществиться.

Прежде всего, о дипломатическом триумфе Сталина, его происхождении.

Что, собственно, произошло? Почему из недавнего дипломатического, можно сказать, небытия Москва стала настоящей Меккой для западных дипломатических паломников и вот уже два месяца Сталин с Молотовым диктуют и передиктовывают условия, на которых готовы снизойти к немощам так называемых демократий?

Может быть, за последнюю зиму произошли какие-то коренные перемены, *глубокие реформы* внутри России, вызвавшие невероятный рост внутреннего благосостояния, военного могущества, политического сознания? Может быть, за это время воцарилось единение Сталина с народом, исчезли многомиллионные концлагеря, военное командование освободилось от шпионского мехлисова надзора? Одним словом, ушла в небытие вся тоталитарная террористическая диктатура, которая, по единодушному мнению всех лидеров западных демократий, готовит неизбежное поражение Гитлеру и Муссолини, только подражающим в их обхождении с народами неподражаемому и никем не превзойденному Сталину?

Нет, ничего подобного не произошло — *все осталось по — старому* и становится хуже, ибо начинается новый *погром крестьянства* и сила коммунистических политруков все разрастается.

Ближайший сотрудник Ф. И. Дана в «Социалистическом вестнике» (№ 9), И. Греков, весьма точно определяет внутреннее ни в чем не изменившееся состояние России: «...Более тоталитарного диктатора, чем Сталин, нет и быть не может: равноценная с фашистской в политическом, полицейском и культурном отношении, его тоталитарность значительно

превосходит фашистскую в отношении экономическом и бытовом... Оглушаемый непрерывными овациями и славословиями, он не слышит того глухого ропота, который поднимается из народных низин и сгущается в жгучую ненависть...» Как жутко на фоне этой подлинной картины нынешней России читать писания иностранных и эмигрантских публицистов, захлебывающихся от восторга перед новыми «строителями империи» и «защитниками западной культуры»!

Таким образом, внезапный взлет Молотова на вершину международного дипломатического Олимпа *никак* не связан с какими бы то ни было внутренними явлениями и событиями государства Российского, которые могли бы, действительно, нас радовать и внушать веру в коренную перемену в судьбах России. Тогда в чем же дело?

Дело в том, о чем «Новая Россия» неоднократно уже писала: западные демократические империи тяжким опытом последних лет пришли к суровому для них выводу о том, что сильная Россия есть необходимая составная часть международного равновесия и что *без такой России* им почти не под силу остановить динамический натиск Германской оси.

По совершенно естественным национально — эгоистическим соображениям западные империи, взяв на себя чрезвычайной тяжести гарантии государственной независимости Румынии и Польши, захотели опереть свой «фронт мира» на благожелательный и в меру сил содействующий этому фронту СССР. Исходя из достаточно обоснованного предположения о том, что конечная цель германского динамизма есть проникновение в пределы самой России по линии Украина — Черное море — Кавказ, Париж и Лондон не сомневались в том, что Москва *сразу* ухватится за сделанное ей предложение и ограничит себя ролью тылового охранителя Польши с Румынией.

Но Сталин рассчитал совсем иначе. Он понял — во — первых, что Германия надолго застряла в Центральной Европе и на Балканах и, во — вторых, что ссора Германии с Польшей отсрочивает всякого рода походы в украинские степи на весьма долгий срок.

Вероятно, «provокаторы войны» — как вслед за Сталиным назвал английское и французское правительства Молотов в своей знаменитой речи («Правда», 1 июня) — не были никогда во время ответственных дипломатических переговоров в таком беспомощном положении. Ибо загипнотизированное идеями о «мощи Красной армии» западное общественное мнение требует немедленного союза с Москвой на каких угодно условиях.

«В едином фронте миролюбивых государств, действительно противостоящих агрессии, — говорил Молотов, — Советскому Союзу не может не принадлежать места в первых рядах», и это место *ему будет представлено*.

Англо — французская политика мира станет политикой мира англо — франко — большевистской. Воздействие триумфатора Сталина на ближайшие судьбы Европы и всего мира станет гораздо *непосредственнее*, и тогда во всей своей величине и, может быть, трагичности встанет вопрос: отказался ли Сталин от «революционной» политики и действительно переходит ли он на «чисто русские позиции»?

Международная позиция Сталина

Кто же может сомневаться в том, что «переход на чисто русские позиции» Сталина в международной политике был бы в то же время и началом великого *внутреннего освобождения* России? Ибо отказ от ставки на «вторую империалистическую войну», долженствующую превратиться в мировую войну классов до ее победного коммунистического конца, — этот отказ сделал бы бессмысленным и существование «пролетарской» террористической диктатуры внутри страны.

Однако если не выдавать свои желания за действительность, то во всей международной внутренней деятельности Кремля нельзя найти никаких признаков чаемой коренной перемены курса.

В то время как Запад все нервнее торопился «заделать дыру» на Востоке в своей оборонительной системе, Москва все медленнее поспешала брать на себя какие-либо обязательства, все *повышая* вместе с тем *цену* своего сотрудничества.

Не останавливаясь пока на вопросе, какие цели — «революционные» или «чисто русские» — преследует Сталин в своей игре с Западом, мне кажется, нужно признать, что самая партия в дипломатический покер разыгрывается им отлично.

Впрочем, нужно бы было быть совсем неумным человеком, чтобы не воспользоваться теми козырями, которые сама Европа, неизвестно даже почему, подбросила в руки московского диктатора.

Собственно говоря, даже и игры никакой не было, а просто с самого начала дипломатических переговоров между Лондоном, Парижем и Москвой Запад признал себя проигравшим, ибо и в Лондоне и в Париже было громко заявлено самыми авторитетными государственными деятелями и публицистами: без участия и помощи России весь наш «фронт мира» на востоке Европы ничего не стоит. Это утверждение стало навязчивой идеей у всякого среднего англичанина или француза. Всякая малейшая затяжка переговоров вызывала страшное раздражение, а каждый жест недовольства Москвы создавал почти панику. Достаточно напомнить хотя бы впечатление от отставки Литвинова или от посылки в Лигу Наций Майского на место Потемкина.

За два месяца, прошедших от начала англо — советских переговоров, вся инициатива перешла в руки Сталина, и сейчас от первоначальных англо — французских предложений ровно ничего не осталось, а Москва диктует Парижу и Лондону.

Конечно, в стране нарастает новое национальное, если хотите, чисто русское сознание; конечно, как писал недавно в «Новой России» Н. Бассехес, настроение широких народных слоев заставляет власть *играть* в демократию, в особенности употреблять как можно чаще демократическую фразеологию; но по существу Сталин с его окружением остаются на старых сектантских партийных позициях, готовясь не к демократизации своей диктатуры внутри СССР, а к своеобразной сталинской пролетаризации западного мира, созревающего к войне. Тот же Н. Бассехес в июньской книжке редактируемых П. Н. Милюковым «Русских записок» весьма определенно подчеркивает: «Было бы совершенно ошибочно предполагать, что советское государство сейчас в меньшей степени проникнуто тенденциями к мировой революции, чем это было в прежние времена. Ни изменение тактики, ни некоторые чисто внешние перемены не должны вводить нас в заблуждение... мировая революция была и остается основной государственной идеей Советского Союза».

Конечно, тут дело не в Советском Союзе, т. е. не в России, стране глубоко мирной, демократической, да еще к тому же и христианской, а только в террористической диктатуре, ее

поработившей. И недавние страшные разоблачения целого ряда очевидцев о том, что творили в республиканской Испании сталинские агенты, показывают, с каким упрямством готов повторить Сталин «русский опыт» при первом удобном случае уже вне России, никого не щадя и ни с кем не считаясь. *«Интервенция Москвы нас погубила»*, — сказал недавно лично мне один из ближайших людей к бывшему президенту Испанской республики Азанье.

Конечно, можно оспаривать утверждение, что Сталин остается на позиции «мировой революции», но оспорить это, доказать устарелость такой точки зрения можно не голословными утверждениями, не ссылками на двусмысленные дипломатические речи советских министров иностранных дел, а *фактами* — бесспорными и убедительными.

В течение многих лет Сталин упорно повторяет свою революционную, с позволения сказать, философию современности. Гниющий капитализм разлагается, так называемая демократия, т. е. страны капиталистической буржуазии, находится в первой стадии разложения. Вторая стадия — это фашизм. Фашизация так называемых демократий есть явление для коммунистов положительное, ибо фашизм, искореняя все демократические силы, подготавливает народы к переходу к коммунистическому строю. Но между двумя отрядами гниющего капитализма — демократией и фашизмом — идет борьба за рынки сырья, за мировые пространства. Эта борьба должна кончиться новой мировой войной. «Незаметно капиталистический мир вползает в новую империалистическую войну», — говорили в Кремле в 1937 году. *Война эта началась* в 1938 году, объявляли публично Сталин и Ворошилов на мартовском XVIII съезде коммунистической партии. Мануильский прославил гениальную прозорливость вождя, предсказавшего наступающую катастрофу капиталистического мира и к ней упорно готовившего авангард мирового пролетариата, крепко засевший в Кремле в ожидании лучших времен после провала ленинского «мирового пожара». Ну что же, правильно наметили «тенденцию мирового развития» — только ошиблись в сроках, считали на месяцы, а нужно было на пятилетки.

О том, что Сталин отказался от революционной политики и перешел на «чисто русские позиции», пишут в зарубежье эмигранты, но *Россия этого не знает* и никак догадаться об этом не может. Ибо речь Сталина на XVIII коммунистическом съезде, где вся международная позиция Кремля весьма откровенно изложена, является *обязательной* догмой для всех партийцев, партийных пропагандистов, агитаторов, а также и партийных сановников, в том числе и сидящих в военных и иностранном ведомствах.

В том-то и горе, что вся, по видимости, «чисто русская» международная политика Молотова, якобы отменившая «революционную» и «железную» политику Литвинова, совершенно легко и логично вкладывается как один из маневров сталинской *предвоенной*, а следовательно, в мировом масштабе тактики. Она сводится к знаменитой директиве, данной Сталиным организаторам интервенции в Испании — *«подальше от артиллерийского огня»*, пока огонь этот не разгорелся в бурное пламя, пока не истощились еще силы в двух конкурирующих «секторах» гниющего капитализма.

И неужели люди, которые во имя своей философии современности истребили миллионы российских крестьян и прочих «буржуев», перебили тысячи своих собственных последователей и ближайших сотрудников, держали десятилетиями всю огромную империю в нищете, голоде и холоде, беспощадно обезглавили армию, — неужели такие люди в самый канун чаемой ими «второй империалистической» так вот сразу возжаждут спасти ненавистную им так называемую демократию и, сжигая свое прошлое, бросятся на «чисто русские позиции» здорового, миролюбивого, преображенного революцией, народного Российского государства? Можно верить в чудо, можно молить о чуде, но нельзя прославлять чудо, еще не явленного.

О войне, о кремле и о патриотизме

Недавно один иностранец, уже перестрадавший у себя на родине один из эпизодов нынешней все разгорающейся тоталитарной войны, сказал мне: ведь это же всеевропейская *гражданская война*; люди начинают драться не за общее отечество, а за общие убеждения.

И действительно, в 1914 году пораженческий лозунг Ленина — «Прежде всего нужно добиваться поражения своего собственного отечества» — вместе с его plombированным вагоном вызывал лишь всеобщее отвращение и ужас, а теперь...

Французское телеграфное агентство совсем недавно сообщило о том, что бывший генеральный секретарь коммунистической партии, кумир митинговых толп, ярый, в якобинском стиле, «французский патриот» и враг гитлеризма, ныне находится в Германии и там работает вместе с Гитлером и Сталиным против Франции. Пусть это известие о Торезе будет опровергнуто, от этого ничего не изменится. Мы знаем, какая борьба сейчас идет внутри Франции с «пятой колонной» коммунистов, которых Поль Фор, генеральный секретарь французской социалистической партии, в своем знаменитом обращении к представителям английской рабочей партии назвал агентами иностранной державы, работающими за ее счет и по ее инструкциям. И в этой же Франции находятся тысячи немецких и австрийских граждан, которые в рядах чужой армии стремятся уничтожить внутреннего врага в своем собственном отечестве.

Вообще все эти Куусинены и Кислинги — ведь это не просто платные, вульгарные агенты неприятеля. Это явление гораздо более глубокое, прежде в Европе неслыханное. Они только симптом, выражение этой самой всеевропейской гражданской войны.

*

Но эта гражданская война совсем не та «всемирная пролетарская революция», о которой мечтал Ленин и которую по наследству хочет осуществить Сталин. Это гражданская война *не классов, а идей: идей свободы и рабства!*

Жить ли миру в свободе или рабстве — вот вопрос, который стоит перед всеми нами, людьми свободы и духа, безразлично, в каких государственных границах нас эта война застанет. А внутри государственных границ всюду теперь, повторяю, водораздел проходит не по линии материальных интересов, а по линии духовных ценностей.

Оказалось — это уже проявлялось в войну 1914 года, но потом было забыто, ибо сама война была признана нелепой случайностью, — оказалось, что есть в каждом государственном общегитии некие, материальным аршином не измеряемые, ценности, объединяющие людей не по осязуемым классовым, социальным и прочим признакам. Для одних такой ценностью является Свобода — для других Насилие. Сталин и Гитлер всюду сейчас внутри еще не захваченных ими государств действуют *вместе*. Вместе же идут против них все люди без различия партий и классов, для которых представление о государстве нераздельно с понятием свободы человека.

«В нашем представлении социализм неразрывно связан с демократией», — пишет один из известнейших представителей и теоретиков германской социал — демократии («Социалистический вестник», 25 апреля). И далее Гильфердинг с исчерпывающей убедительностью ставит знак равенства между всеми видами тоталитарных диктатур. Он решительно рвет с благочестивой легендой — одинаково любезной сердцам и социалистических и либеральных и даже «белогвардейских» поклонников так называемой эволюции Сталина от ленинизма к национализму. «Ленин и Троцкий, — пишет Гильфердинг, — с группой отборных сторонников, которая никогда не была способной к самостоятельным решениям партией, а

всегда была лишь инструментом в руках вождей, как позднее фашистские и национал — социалистические “партии”, овладели государственной властью в момент развала старого государственного аппарата. Они преобразовали ее соответственно потребностям своего господства, устранили демократию и установили собственную диктатуру, которую они в собственной идеологии, но отнюдь не на практике, отождествили с “диктатурой пролетариата”. Они создали таким образом первое *тоталитарное государство*, прежде чем это название было изобретено. *Сталин продолжил это дело, устранил своих соперников и сделал неограниченной свою личную диктатуру*».

В том же номере «Социалистического вестника» Р. А. Абрамович пишет, что русские социалисты поставлены «перед необходимостью сделать выбор между сталинским тоталитаризмом, сохраняющим “социалистическую экономику”, и более свободным политическим режимом, с некоторыми возможностями для самостоятельности рабочего класса, но с уступками капитализму». Такой выбор должны сейчас сделать не только российские социалисты. Этот выбор должны сделать *все и везде*, выбор между тоталитарным (рабским) режимом и свободным общежитием. Его уже сделали или делают все западные рабочие и западные... капиталисты.

*

В этом отношении поразительна судьба (и на нее особо должны обратить внимание наши российские демократические и либерально — консервативные поклонники «национальных достижений» Сталина) Фрица Тиссена, знаменитейшего германского реакционера, миллиардера и политического крестного отца Гитлера. Его письмо к Гитлеру от 28 декабря 1939 года (опубликовано в «Пари — Суар», 30 марта) — документ исключительного психологического значения.

Дабы вернуть Германию к ее историческим традициям, уничтожить ненавистную веймарскую демократию и обуздать распущенный пролетариат, Ф. Тиссен, вместе с фон Папеном и Гутенбергом, привел Гитлера к власти. Гитлер дал Германии небывалое, почти невыносимое военное могущество. Фюрер распространил вокруг себя тоталитарное пространство в таком размахе, о каком Сталину, плетущемуся в обозе его славы, и не мечтать. Формальный, я бы сказал, *мертвый* имперский патриотизм Тиссена мог бы насытиться в полной мере. Но Тиссен оказался не мертвецом. Почти в самом начале смертоносного марша Гитлера какое-то глубокое подлинное патриотическое чувство проснулось в душе сталиного магната.

В длинном письме, объясняющем его разрыв с Гитлером, Тиссен пишет: «Ваша новая политика, господин Гитлер, влечет Германию в пропасть; она — гибель германского народа. Сделайте крутой поворот, пока это еще возможно. Ваша политика, если она все осуществит, будет концом Германии (*finis Germaniae*). Вспомните вашу клятву в Потсдаме. *Дайте рейху свободный парламент, верните немецкому народу свободу слова и совести*, создайте и гарантируйте условия, при которых закон и право снова обрели бы смысл; при которых можно было бы снова заключать соглашения и договоры на основе доверия. Только тогда, если можно еще избежать новых бедствий и напрасных кровопролитий, Германии, может быть, удастся получить почетный мир, сохраняющий ее единство».

Знаменательный и для многих из нас поучительный документ. Тиссен — консервативный монархист и сверхкапиталист — почувствовал, что тоталитарное государство, лишенное свободного народного представительства, обречено на слом; что государственная власть, террором превращающая народ в бессловесное стадо, *не* государственная власть и не сила, творящая величие и мощь страны, *а ее беспощадный, смертельный и самый страшный враг*. Конечно, Тиссен и немецкие социал — демократы — два полюса германского политического

мира — знают до конца, что их страна ведет смертельную борьбу. Они «не хотели давать оружие в руки врагов Германии», но безумие Гитлера не дает им выбора. Во имя Германии они идут «в стан врага», идут против того, кто под оглушительные вопли о «могуществе нового рейха», о «величии вечной Германии» подготавливает ее великое падение.

Почему они так себя ведут? Разве военные несомненные успехи Гитлера для них не соблазнительны? Разве не лучше отстоять рейх, его место под солнцем, вместе с Гитлером претерпев фюрера во имя любви к Отечеству? Разве Германия не вечна, а Гитлер не преходящ? Нет, этого сделать нельзя. Ибо, несмотря на все военные победы, несмотря на все новое расширение жизненного пространства, — Трехий рейх Гитлера обречен.

Именно потому обречен, что, еще раз повторяю, нынешняя война не только обычная война государств, но и гражданская война двух непримиримых построений всей человеческой жизни — Свободы и Рабства. «В этой борьбе, — как пишет Г. П. Федотов (в только что вышедшей книжке «Современных записок»), — по существу *не может быть нейтральных....* По существу же не может быть и половинчатого исхода. Слишком велико противостояние духовных миров, которые стоят за линиями фронта.... Миллионы человеческих волей вступили в борьбу — не друг с другом, а против враждебного образа мира. В такой войне, при всем значении техники и числа, лишь *духовно сильнейшему принадлежит победа*».

*

В этой борьбе, всеевропейской гражданской войне, где лишь духовно сильнейшему будет принадлежать победа, *не может быть нейтральных*.

Где же в этой борьбе *наше место*? Где место русских и российских людей, кровью с Россией связанных, но от нее оторванных, к воссоединению с нею стремящихся? Мы не «граждане мира» с неограниченным выбором путей, мы российские граждане, и пути наши очень ограничены. *Мы не можем выбирать путей вне России*. А там, как и во всей Европе, — или, правильнее сказать, теперь во всей Европе, как в России, — идет гражданская война. Там, как нигде, «мы» и «они», народ и власть, разделены непреходимой пропастью. Там — еще решительнее, чем в Германии, — в своем патриотическом чувстве *никак нельзя* воедино связать интересы власти тоталитарного рабства и интересы страны, из концлагеря этого рабства рвущейся на свободу.

Надо сделать выбор. И, сделавши выбор, нужно идти до конца.

Какой же здесь выбор? — возразят мне. В политической эмиграции, в особенности демократической, выбор давно сделан: *никогда со Сталиным, всегда с народом*.

Да, это верно, но иногда сила иллюзий так сильна, что людей собственные мечтания принимают за намерения Кремля и тем *создают благоприятное для него, помимо своей воли, общественное мнение*.

Например, среди социалистов есть такие утописты, которые до сих пор еще верят в «социалистический строй», царящий якобы в России, и думают, что всякая перемена во внутреннем строе России будет обязательно какой-то «реакцией». Отсюда вытекают неизбежные последствия. Пропаганда таких социалистов, справедливо пишет «Социалистический вестник», «направлена на то, чтобы вызвать самое острое недоверие к тем, которые придут на смену Сталина; чтобы заранее опорочить и объявить контрреволюционными все те неизбежные социальные экономические уступки, которые придется сделать после крушения нынешнего советского строя; вся эта пропаганда объективно направлена на то, чтобы отбить у масс охоту свергать Сталина, чтобы ослабить напор против него, другими словами, чтобы укрепить его положение».

Но ведь другие круги, пекущиеся паче всего не о сохранении «социальных завоеваний Октября», а об охране имперских границ Российского государства, объективно так же

укрепляют положение Сталина пропагандой, построенной на бессмысленном мечтании о национальных задачах политики Сталина, об его неопатриотизме имперской России, об его тайной вражде к гитлеризму и т. д.

Вот с этими иллюзиями прежде всего нужно покончить! Утопистов среди социалистов почти уже не осталось, зато пышным цветом распускается миф о Сталине — собирателе земли русской, о Сталине — продолжателе дела Петрова. Какое кошунство! Разве можно ставить знак равенства между строителем и разрушителем империи? В этом, только в этом, весь спор между *неонационалистами* сталинского стиля и патриотами *стиля имперского*.

Недавно в «Последних новостях» была, как раз вовремя, приведена выдержка из вольтеровского описания Полтавского боя. «Что всего важнее в этой битве — это то, что из всех битв, когда-либо обагривших землю кровью, она была единственной, которая вместо того, чтобы произвести только разрушения, послужила к счастью человечества, так как дала царю возможность свободно просвещать столь большую часть света».

Ну а кто же из современных Вольтеров, даже продажных, осмелится написать про сражение на Карельском перешейке что-либо подобное? Ведь можно написать только одно: эта битва дала Сталину свободу коммунистически просвещать мгновенно опустевшие финские города и деревни, так как при одной угрозе появления современного «просветителя» все население *поголовно* ушло.

Страшный для будущей России и небывалый никогда еще в истории факт.

*

Недавно в «Последних новостях» П. Н. Милюков, полемизируя с мнениями, высказываемыми в «Новой России», написал очень интересный фельетон. Я не буду полемизировать. Скажу по существу: П. Н. Милюков, несомненный и горячий русский патриот, ошибается глубоко, когда зачисляет всех не приемлющих его оценки государственной деятельности Сталина в «пораженцы» и в разряд «граждан вселенной», т. е. в разряд людей, которые вовсе равнодушны к вопросам о наследии русской истории, о российских границах, о выходах в Финский и прочие заливы и моря и т. д.

Глубочайшее заблуждение! Я знаю ту среду, о которой пишет П. Н. Милюков. В этом круге, весьма разнообразном по своему партийному, социальному и национальному составу, *нет ни одного человека*, для которого судьбы российского целого были бы безразличны; который хотел бы распада органически в истории создавшегося стратегического и экономического единства, огромного тела Российского государства.

П. Н. Милюков, осуждая, конечно, средства «великодержавной» политики Сталина, находит историческое оправдание для результата. Он забывает, что, вопреки весьма распространенному предрассудку, не цели в политике оправдывают средства, а, как недавно напомнил Н. А. Бердяев, именно *средства оправдывают цели*. А средства достигают цели только в том случае, если они соответствуют духу времени и психологии людей данной эпохи. Поэтому политически совершенно неприемлемо утверждение П. Н. Милюкова: «Для меня пораженцы все еще пораженцы, повторяющиеся не только с Японской, но, пожалуй, и с Крымской войны».

Конечно, П. Н. Милюков, говоря о Крымской войне, вспомнил не события времен очаковских и покорения Крыма, а Севастополь. Что же? В оценке роли Севастополя в судьбах России, в судьбах великих реформ Александра II суждения Кавелиных и Хомяковых, западников и славянофилов, история не оправдала? И Севастополь не был благотельным переломом психологии властвующей России?

Но это только мимоходом. Главное же в том, что не только тамерлановские, но даже и паскевичские или муравьевские методы укрепления мощи Российского государства ныне являются настоящим, чреватом величайшими несчастьями для России, *антигосударственным*

пораженчеством. 29 июня прошлого года, накануне тоталитарной войны, лорд Галифакс, британский статс — секретарь по иностранным делам, произнес в знаменитом Чаттэм — Хаус программную речь об иностранной политике Британской империи. И там, между прочим, описывая новое строение Британской империи как союза свободных наций (common wealth), он сказал: «Долгие годы мы пытались, как говорят, силой держать Ирландию. Пытались в ошибочном убеждении — ссылаясь на которое ныне оправдывают порабощение Чехословакии, — что Ирландия была совершенно необходима для нашей государственной безопасности. Но теперь мы убедились в том, что наша безопасность не уменьшилась, а, наоборот, бесконечно усилилась благодаря существованию свободной, но дружественной нам Ирландии».

Для меня несомненно: современный русский патриот должен в своей имперской политике идти в ногу с Галифаксом, а не со Сталиным и его... «оборонцами».

Во всем мире вся работа всех ненавистников России сейчас основывается, вообще, на большевистском периоде русской истории и, в частности, на «патриотических подвигах» Сталина в месяцы тоталитарной войны. Все, которые клеветают на нас, великороссов, подбрасывают нам большевизм, столь же великорусский, сколь и грузинский, украинский, еврейский, армянский, латышский, польский и т. д.

Именно нам русским — не нужно захлебываться от восторга, узнавая о призрачных и варварских «успехах» Сталина. А наоборот, мы должны взять на себя трудный *почин* переустройства российского многонационального и многоплеменного стратегического и экономического единства *в новый имперский союз свободных государств (наций)*.

Много крови утекло не только со времен Крымской, Японской, но и первой всеевропейской войны. За эти 20 с лишком лет *все изменились*, многое пережили, передумали, созрели. Формула «самоопределения вплоть до отделения» уже потеряла свою новизну. И, мне кажется, теперь возможен *сговор* и сближение и во имя общего освобождения, и во имя общего мирного сожительства и сотрудничества. *Сближение по сговору равных для управления общему единым, неделимым Союзом.*

*

Конечно, отбросив в сторону все соображения нравственного, политического и международного характера, можно теоретически встать и на такую точку зрения: история так сложилась, что только способом тоталитарного насилия, *«с согласия Германии*, можно было возвратить России территории, потерянные ею после последней войны». Диктаторы уйдут — *территории в России останутся.*

Останутся ли? Ведь все территориальные завоевания *условны*, пока продолжается война; пока не случилось победы; пока не подписан мир.

Что будет, если в этой войне, где духовно сильнейшему будет принадлежать победа, Германия будет разбита и Сталин окажется с глазу на глаз с победителями?

Какое трагическое для русского патриота и соблазнительное создается положение! Ведь придется принять неизбежный вывод: территории, полученные с согласия Германии, нужно закрепить победой Германии. Победой Германии Гитлера, т. е. конечным торжеством тоталитарного рабства, из которого рвется на волю народ, с которым мы связаны кровно и неразрывно. Ибо без заслона *Германии Сталин не может отстоять своих территориальных завоеваний.*

Почему? Потому что у него на это почти не будет сил. Слишком многие из нас, захваченные «патриотическими достижениями» Сталина и его сокрушительными «победами» за гитлеровский счет, *забыли* о жизни в России, не всматриваются в ее ужасы, не вслушиваются в стоны, оттуда доносящиеся.

Ниже напечатаны четыре жутких свидетельства о том, *как* живет Россия и *что* выдвывают там носители тоталитарной власти.

Предел ужаса жизни измеряется совершенно противоестественным фактом: евреи, бегущие от Гитлера в блаженное «социалистическое царство», *бегут оттуда назад*. И не потому, что их преследуют как евреев, а потому, что никакому человеку там жизнь невтерпёж.

Впрочем, на минуту забудем о людях. Наденем на себя броню «государственных интересов». Все эти свидетельства, кроме вопля о муках человеческих, дают еще картину последнего обнищания, последнего развала всей материальной жизни страны. Разве на таком материальном фундаменте может осуществляться органический рост Великого Государства?

Если Тиссен пишет Гитлеру, что его политика ведет Германию в пропасть, то что же можно сказать о политике Сталина, который наследственно, как правильно указал Гильфердинг, от Ленина и Троцкого ведет разрушающую, разъедающую все органические ткани страны подрывную работу?!

И разве можно в это время *молчать* и убаюкивать себя миражем возвращенных территорий, восстановленных границ?

Только раскрепощение, освобождение, возвращение народу свободы может спасти Россию от новых ужасных бедствий.

Вовсе не нужно иметь особых полномочий, скрепленных печатью, для того, чтобы говорить где угодно за русский народ. Выражать его требования. Передавать его страдания. Для этого нужны не полномочия, а человеческое сердце, чувство России, не иссякшее в двадцатилетних скитаниях по душевно — бесплодным для нас иностранным перепутьям.

Вот эти тюрьмы, лесозаготовки, концлагеря — все эти тысячи тысяч убиенных, замученных, запытаных, искалеченных, о чем они свидетельствуют?

О чудовищном, неслыханном в Европе сопротивлении крестьян, рабочих, интеллигенции, духовенства, офицерства, даже партийцев режиму рабства, отвратительнее которого *нет, не было и не будет*.

*

В той борьбе, которая разделила духовно всю Европу на два непримиримых лагеря гражданской войны, нейтральных быть не может. Их нет в Европе — их нет в России. И россияне, с народом связанные и за рубежом, *вместе с народом* в его борьбе за свободу — духовную, политическую и социальную.

Сталин тоже *не* нейтрален. В сверхгосударстве Свободы и Рабства, он, как продолжатель Ленина, *естественно и законно* в стане ненавидящих свободу, свободного человека, свободное государство.

Мне нет здесь места доказывать, что все изо дня в день распускаемые в Европе слухи и «достоверные сведения» о перемене московских позиций в пользу врагов Гитлера иногда *заблуждение*, чаще *обман*. Но это не наше дело.

Нам нужно только твердо знать, что *притаившаяся* Россия и сталинский Кремль — *по разные стороны* всеевропейской гражданской войны.

Но своего *немого* союзника европейская демократия не хочет знать, не знает и, может быть, не узнает до самой последней, может быть, скорбной, решающей минуты.

И тогда неведомая, вовремя не узнанная, *сама освободившая* Россия принесет в помощь миру великую — в нечеловеческих страданиях, в крови и слезах рожденную — *свою свободу*.

5 мая 1940

На рассвете 7 декабря неожиданным ударом, как 38 лет тому назад в Порт — Артуре, Япония на Гавайях бросилась в бой с Соединенными Штатами и Британской империей.

На другой день последовало необычайное в истории войн заявление Берлина: на зимнее время германское командование приостанавливает активные операции на Восточном фронте и брать Москву до весны не собирается.

Фактически отступление германской армии — отступление, которое дало возможность маршалам Тимошенко и Шапошникову одержать весьма значительные тактические успехи, — началось на две недели раньше уходом из Ростова. Этот уход во времени почти совпал с началом сосредоточения японских воздушных и морских сил вокруг Гавайев.

Таким образом, внезапная — почти фантастическая — перемена на русско — германском фронте не случайна, не вызвана местной обстановкой, а является прямым следствием открытия Тихоокеанского фронта.

Новая и последняя ступень в развитии нынешней войны — превращение ее из европейско — африканской в подлинно мировую, океанскую неизбежно продиктовало державам Оси новый стратегический план, новое распределение сил и новое направление боевых действий. Уводя войска «на зимние квартиры» в России, германское командование, по — видимому, освобождает значительную часть своих армий для операций на каком-то новом направлении — конечно, по соглашению с Японией.

Вся нынешняя война — война фантастики и парадоксов. Одним из таких парадоксов является несомненный факт: вступление Японии в войну и открытие нового океанского фронта дает полуразрушенной России неожиданную чудесную *передышку*.

Передышка эта может превратиться в путь к спасению, в путь к действительной победе, но только при одном условии: если Россия, не теряя ни минуты, начнет внутреннюю восстановительную и преобразовательную работу.

Никогда еще наш долг свободных русских людей говорить правду о положении нашей родины не был так обязателен, как именно теперь, когда на нашем фронте забрезжил какой-то свет. Ибо положение страны остается невыразимо тяжким, и для внутреннего военно — хозяйственного и психологического переоборудования России сроки даны краткие.

В любую минуту может вспыхнуть пожар на нашем Дальнем Востоке. И маневр германского командования, которое очищает опустошенные российские пространства, отнюдь не отменяет целей гитлеровского вторжения в Россию — ее расчленения.

Значит, борьба будет продолжаться до конца. Будет продолжаться, может быть, в условиях еще более тяжких, чем раньше: на двух фронтах вместо одного.

В начале вторжения Гитлера я верил, что не три года, как это было в ту войну, а хотя бы три месяца выдержит Красная армия германский натиск на оборонительных рубежах, оградит промышленные центры, морские базы и столичные города от разгрома.

В это, по — видимому, верил и Сталин. В начале сентября, в интимном разговоре с личным представителем президента Рузвельта и Черчилля, Гарри Хопкинсом, он твердо сказал: «Боевой фронт останется на западе от Москвы». И г. Хопкинс, вернувшись в Лондон, не менее категорически заявил, что потеря Украины не разрушит обороноспособности Красной армии, так как в распоряжении СССР останется Донецкий бассейн, московский промышленный район и т. д.

Однако к концу третьего месяца все оборонительные рубежи были прорваны, и Красная армия как наступательная сила была сломлена. По существу цель, поставленная походу в СССР

германским командованием, была достигнута: германский штаб вернул себе свободу рук для любых стратегических операций.

Этот факт откровенно признал Уинстон Черчилль в своей речи 30 сентября в палате общин. «Мы не знаем, — говорил он, — что теперь будет делать Гитлер, — пойдет ли он дальше в глубь России или удовлетворится захватом там громадных богатейших пространств, закрепится на достигнутых рубежах, повернется опять на запад? И здесь мы не знаем, направит ли он свои войска на Ближний Восток, на Суэц, в Северную Африку или, наконец, решит сосредоточить все свои силы для вторжения в Англию».

Бывший ближайший сотрудник и даже друг Гитлера Герман Раушнинг («Нью — Йорк Таймс» от 30 сентября), так же как Черчилль, прежде всего признает, что Гитлер создал себе в России «свободный тыл» для любых новых операций, ибо «наступательная сила русской армии сломлена». Но этого Гитлеру недостаточно, и никакого сепаратного мира он Иосифу Сталину предлагать не будет, ибо «пространства советской России, по плану Гитлера, являются основой для германской евроазиатской континентальной империи». Вот почему, продолжает Раушнинг, Гитлеру «совершенно необходимо было не только разрушить наступательную ударную силу русских, но гораздо больше — ему нужно уничтожить всякую сопротивляемость России и совершенно устранить со своего пути большевистский режим... *Он во что бы то ни стало должен разломать Россию на ее отдельные этнографические и географические составные части*, прежде чем заключать мир в отдельности с каждым из этих обломков России».

Цель Германии — расчленение. Цель Японии по существу та же самая. Ее самое «скромное» требование: *демилитаризация* русского Дальнего Востока, т. е. переход Приморья и Забайкалья под протекторат империи Микадо. Дело идет об уничтожении самой России, как имперского и сверхнационального единства.

Со времен монгольского ига никогда над существованием русского народа не висела такая страшная угроза, и никогда еще со Смутного времени Российское государство не находилось в такой внутренней слабости.

Мы здесь за китайской стеной всяческих цензур и почти ничего не знаем о России. Но все, что можно узнать из верных источников, дает жуткую картину разрухи и страданий.

Тысячи тысяч наших братьев в самой России, в смертельной тревоге за страну, мучительно день и ночь думают над вопросом: *что* же дальше; *где* выход; *как* спасти то, что еще можно спасти?..

У нас, эмигрантов, есть только одно преимущество перед теми, кто остался по ту сторону советской границы: мы можем не только думать, мы можем еще свободно говорить и писать. И мы не можем, не смеем молчать, как бы ни пытались нас убедить в том, что всякое слово критики сейчас вредно и что нужно только кричать «ура» и утверждать «победу».

Пусть, как это было до сих пор, нашего голоса никто не услышит. Он должен быть слышен. Каждый должен взять сейчас на себя открыто всю ответственность перед Россией. Во имя успешной защиты ее, во имя сохранения наследия наших предков мы все — и властвующие, и от власти страдающие — должны поставить крест над вчерашним днем и соединить свои силы в борьбе, ибо, как бы ни кончилась мировая война, *Россия будет другой*.

Повторяем: борьба за сохранение самого физического бытия России не может прекратиться, а ждать в нынешних условиях помощи извне — нельзя. *Новые силы и новые средства спаслись Россия может найти только внутри самой себя*.

А чтобы найти новые пути, нужно прежде всего разобраться, *где* источник случившегося? Но источник этот мы найдем только в том случае, если посмотрим на то, что произошло и происходит, русскими глазами, не надевая на них никаких иностранных очков.

Для западных врагов Гитлера и Германии оценка событий в СССР проста и ясна. По настоянию германского Генерального штаба Гитлер внезапно сделал западным демократам замечательный подарок: повернулся к ним тылом, послал свои панцирные дивизии в Россию и тем принудительно вернул Сталина в лагерь врагов Оси.

Того самого, чего перед началом войны 1939 года не могли добиться сами западные державы, добился для них Гитлер: открылся Восточный фронт, «второй фронт», которого хотела избежать Германия; фронт, на котором выступила самая многочисленная и, по словам Ллойд Джорджа, более могущественная, чем старая русская, новая Красная армия.

В ожидании русской победы Западу оставалось только — подсчитывать количество избиваемых немцев, уничтожаемых танков и самолетов, убыль германских запасов нефти и ждать, когда дело «великого воина Сталина» доделает не менее знаменитый русский «генерал Мороз».

Впрочем, такое настроение продолжалось не особенно долго, так как вскоре Москва послала свой SOS в Лондон. Пришлось все больше и больше задумываться над вопросом, как скорее и лучше прийти на помощь России.

Совершенно естественно, что помогать России означает для иностранцев помогать в борьбе существующей там власти, какова бы она ни была. Но чем ярче проявляет эта власть волю к борьбе, тем легче в сознании иностранца Россия сливается с ее правительством, восторг перед героизмом русской армии и народа неизбежно превращается в апофеоз «их вождя». Вот почему из уст самых ответственных руководителей западного общественного мнения мы слышим все чаще возгласы: да здравствует Сталин, «гигантская воля которого вдохновляет русских на осуществление самой беспощадной политики опустошения страны, какую только видел мир» (Гарвин в «Обсервер»).

Мы отлично понимаем, почему такие слова пишутся и говорят. Но все-таки... но все-таки для русского человека они звучат кощунственно. Не Сталин внушил русскому человеку способность к безграничному самопожертвованию во имя родины — ею насыщена вся русская история, ею создана великая империя.

По правде сказать, иностранные оценки событий и людей в России меня мало волнуют. Тревожно другое. Тревожно, что мы сами, в эмиграции, привыкаем мерить Россию иностранным аршином и бродим по земле какими-то Иванами, своей собственной истории не помнящими. Одни утешают себя тем, что Гитлер в пять месяцев не дошел до Москвы, другие вспоминают, что немцы уже были в Крыму и в Ростове, третьи ищут утешительных сравнений в эпоху 1812 года, а от напоминания о войне 1914 года отмахиваются словами: «Тогда у немцев было два фронта!»

Попробуем вспомнить «1812-й» и «1914-й». Тогда, может быть, год 1941-й откроется нам в своем истинном и трагическом образе.

*

Почему в первые месяцы вторжения Гитлера его жребий в России представлялся наполеоновским? Это малопонятно. Как мы увидим дальше, в 1941 году германский штаб взял в основание своих операций план Гинденбурга — Людендорфа, а совсем не Бонапарта — Бертье. Вероятнее всего, легенда о 1812-м была подброшена общественному мнению потому, что Гитлер начал свой поход почти в тот же день, что и Наполеон. Он так же устремился (правда, в числе прочих направлений) на Смоленскую дорогу. А известно, куда в конце концов эта дорога привела Наполеона. И тут сразу был пущен в ход весь железный инвентарь атмосферических, так сказать, объяснений гибели «Гитлера XIX века».

Легенда о роли русских морозов, бездорожья, грязи и скифских качествах русских варваров, которые побеждают врага самоуничтожением, создалась главным образом во Франции в то

время, когда культ Наполеона владел всей прогрессивной Европой. Нужно было чем угодно объяснить решившее судьбу Наполеона поражение его в России. Нельзя было признать только одного: *военную неудачу* Наполеона, т. е. умную стратегию русского командования и высокое искусство маневрирования русской армии, насыщенной еще традициями Суворова.

Ни грязь, ни бездорожье, ни сожжение Москвы, ни партизаны, ни даже исключительная доблесть русского воина не могли бы уничтожить военной мощи Наполеона, если бы его армия не была обескровлена и фактически разбита 26 августа (7 сентября) на Бородинском поле.

В Москву, по верному слову Толстого, ворвался 2(14) сентября еще живой и с виду страшный, но уже «смертельно раненный зверь». Партизанщина, которая развилась главным образом после Бородина, и неожиданно ранние морозы только добивали уже обессиленного и разбитого врага. Надо вспомнить, что наполеоновская армия выбралась из Москвы до морозов 7(19) октября и к 14–17 (26–29) ноября уже добежала до Березины, теряя в арьергардных боях последние силы.

Отход же русских армий в начале кампании на Смоленск—Вязьму был продиктован не выдуманными скифскими качествами русского народа, а весьма разумной, обязательной для всякого образованного стратега тактикой — не принимать боя с превосходными силами врага и сохранять умелым маневрированием боеспособность армии, истощая в то же время врага, растягивая его коммуникации и тем достигая большего равенства сил. Нужно вспомнить, что в начале кампании против 600-тысячной армии вторжения русское командование имело в своем распоряжении только 200 000. И еще раз: от 10–12 июня до 7 октября, когда началась и закончилась по существу военная эпопея Наполеона в России, там стояли жаркое лето и чудесная осень!

*

Теперь перейдем к эпопее 1914 года. Этой эпопее в советской и иностранной печати не повезло — о ней ни слова, никаких сравнений. Что молчит Москва, это неудивительно, так как современному правящему Кремлю невозможно — по причинам всем понятным — напоминать о прошлой войне. Удивительно, что на поводу у Москвы оказалась вся свободная западная печать. А между тем сравнение 1914-го с 1941-м неизбежно напрашивается, даже делается обязательным, потому что нынешний план кампании в СССР Браухича — Кейтеля является, несомненно, повторением в усовершенствованном и расширенном виде плана кампании Гинденбурга — Людендорфа.

Для нас же, русских, сравнение 1914 и 1941 годов совершенно обязательно, если мы хотим не только восторгаться беспредельной жертвенностью российского воинства, но и понять причину беспримерного русского бедствия и в опыте прошлой войны зацепиться хотя бы за соломинку спасения.

Спрашивается: почему то же самое, теми же приемами проводимое, одновременное наступление на петербургском, московском, киевском, черноморском направлениях, которое в пятимесячный срок было выполнено в 1941 году, к зиме 1915 года было *остановлено* перед Ригой, Двинском, Минском, Сарнами, Ровно, Кременцом, Тарнополем, Каменец — Подольском и *до самого большевистского переворота не могло продвинуться за эту линию* (за исключением Риги)?

На этот вопрос я слышал уже негодующее возражение: вы забываете, что у Германии было тогда «два фронта» и русский считался «второстепенным»!

О второстепенное — потом. А два фронта у Германии в Первую мировую войну — факт совершенно бесспорный. Но это совершенно не снимает моего вопроса по очень простой причине: наша подготовка к войне была рассчитана на существование второго французского фронта, а главное — только весной 1914 года была принята Государственной думой и

Государственным советом большая военная программа и раньше, чем она начала осуществляться, Россия врасплох была захвачена войной. Весь же аппарат боя в СССР технически готовился и, по официальным заявлениям, был готов к единоборству с германской армией. И затем советское правительство продолжало в течение двух первых лет Второй мировой войны накапливать боевую силу, в то время как Германия все же ее тратила.

А теперь вспомним войну 1914 года. Действия русской армии еще раз показали тогда, из какой тяжелой трагической обстановки может выходить даже почти безоружная армия, когда войска, умеющие умирать за свою родину, находятся в руках командования, способного разрешать стратегические и тактические задачи.

Война 1914 года началась стремительным натиском на Францию. Германский штаб, рассчитывая на медленность сроков русской мобилизации, торопился нанести сокрушительный удар по Парижу и — разгромив Францию, где еще не было серьезной вспомогательной британской силы, — обрушиться на Восточный фронт. «Я буду завтракать в Париже и обедать в Петербурге», — мечтал об успехах своей молниеносной войны Вильгельм II. Марна. Немцы у ворот Парижа. Мольбы Жоффра к великому князю Николаю Николаевичу. Не дождавшись конца мобилизации, имея только еще 60 процентов боевого состава войск, русское Верховное командование, нарушая свой стратегический план, ведет наступление в Восточной Пруссии. Триумф Гинденбурга у Танненберга, самоубийство генерала Самсонова и 170 000 потерь у русских — но Франция спасена.

В Галиции, в Буковине идет стремительное русское наступление. В Польше германцы идут на Варшаву, прорываются на Вислу. Положение критическое. Мы несем страшные потери. Через всю Россию к Варшаве мчатся сибирские стрелки. Полки 3-го сибирского корпуса идут в бой, прямо выскакивая с поездов. Варшава спасена. Германское наступление отбито.

Но тут начинается драма. В 1914 году русская армия технически, в противоположность армии 1941-го, была во много раз слабее германской. У нас была безнадежная нехватка в тяжелой артиллерии. Германские дивизии имели по 12 легких батарей и по две тяжелых каждая; мы — две легких. На пушку приходилось недостаточное против германского огня количество снарядов — запасов не было. Не было достаточно винтовок. Авиация была в зачаточном состоянии. К концу кампании 1914 года русская армия осталась почти без снабжения. Под германским огнем полки таяли, особенно сильная убыль была в офицерском составе. Например, в 18-й дивизии, сообщает военный английский агент, тогда полковник Нокс, из 370 офицеров осталось 40. В батареях, под угрозой предания суду, было запрещено делать больше трех залпов в день. В своих мемуарах, отдавая должное русскому командованию, генерал Людендорф отмечает в войсках «совершенное презрение к смерти».

Наступает 1915 год, год великого, страшного и славного русского отступления. 2 мая 1915 года начала свое движение на левом галицийском фланге знаменитая ударная колонна Макензена. Русские окопы и русские войска в точном смысле слова заливались морем огня. От дивизии, которая первой попала под германский огонь, из 16 000 осталось... 500 человек; из 40 000 3-го кавказского корпуса — 8000. Вся 3-я армия генерала Радко — Дмитриева, упорно отбиваясь, отступала, истекая кровью. Не было снарядов, не было винтовок. Солдаты ждали очередного убитого или раненого, чтобы стрелять из его винтовки. В Польше в августе пала Варшава и все крепости. Польша была потеряна. За время великого отступления русская армия потеряла около 4 миллионов. За год, писал в это время в своих воспоминаниях А. А. Брусилов, «вся кадровая армия растаяла».

Пользуясь затишьем на Западном фронте, германское командование, зная о безоружном состоянии нашей армии, хотело во что бы то ни стало добиться окончательного решения на Восточном фронте. Пустив в ход всю мощь своей боевой машины, оно стремилось разрезать на

куски русский фронт, отрезать армии от тылов, загнать в мешки и раздавить. Но русская армия имела тогда не только офицеров и солдат, умевших героически гибнуть. Она еще имела, как в 1812 году, командование, среди которого были замечательные стратеги и блестящие тактики. Изнемогая в борьбе, отбиваясь от наступающего врага и нанося ему жестокие удары, русская армия к зиме 1915 года закончила блестяще стратегическое отступление и закрепились на новой линии фронта, который прорвать не могли немцы вплоть до Октябрьского переворота.

*

Больше того, весной 1916 года русские армии оказались заново вооруженными и Брусилов снова своим наступлением в Галиции сорвал осаду Вердена и спас Италию. Как же это случилось? Кто перевооружил русскую армию? Конечно, пришла некоторая помощь из Соединенных Штатов и от союзников, но главная причина была в другом. Катастрофа в Галиции, взятие Варшавы, гибель кадровой армии — все это ошеломило и разбудило Россию. Вихрем патриотического негодования из правительства были выброшены генерал Сухомлинов, Маклаков, Щегловитов. Пришли новые люди, развязавшие творческие силы независимой общественности. Земский и Городской союзы, все кооперативные организации, военно — промышленные комитеты — десятки тысяч людей с головой ушли в организацию военной промышленности, снабжения армии, улучшения продовольственного, топливного и транспортного положения. В итоге Россия стала выделять 100 000 ружей в месяц, каждый полк был снабжен пулеметами; каждая дивизия имела теперь 36 полевых пушек с достаточным количеством снарядов. В период боев 1916 года Людендорф с удивлением отмечает у русских «настоящий артиллерийский огонь».

По поводу того, что случилось в России в зиму 1915/16 года, князь Г. Е. Львов во введении к книге о деятельности земских организаций во время войны, изданной в Америке, писал: «Вероятно, ни одно из государств в мировую войну не стояло перед разрешением задачи такой трудности, как Россия. Она не только должна была драться с врагом, бесконечно превосходившим ее в вооружении и общей подготовленности к войне, но еще должна была создать новые могущественные организации, работающие на оборону, о которых до этого времени Россия не имела никакого представления. И эта организация была создана вопреки правительству и опиралась на те силы, творческие возможности которых в это время были почти никому не известны. *Только природная одаренность и врожденная способность к организации русского народа на основе самодеятельности спасли тогда положение*».

*

Если бы после отступления 1915 года русские люди вынуждены были так же безмолствовать, как теперь, после разгрома 1941 года, — Сухомлиновы продолжали бы парализовать все живые силы страны, как это сейчас делают в Кремле и в Самаре, и Россия никогда бы не сыграла в Первой мировой войне той *совершенно первостепенной роли*, о которой очень скоро и совершенно забыли наши союзники, но до сих пор отлично помнят немцы.

В «Правде» от 2 марта 1941 года напечатано сообщение «представителя германского военного министерства о войне на два фронта». Почему понадобилось сделать это сообщение и напечатать его в «Правде», когда вторжение в СССР было уже решено в Берлине, — не совсем понятно. Но содержание этого сообщения дает такое яркое и удовлетворяющее чувство нашей национальной гордости описание, что я, нарушая пропорции статьи, привожу из него все существенное.

Представитель германского военного министерства г. Баше сказал:

«Я хочу привести лишь несколько примеров, доказывающих, какой гнет должна была вынести такая страна, как тогдашняя Германия, воюя на два фронта. 1914 год. Битва на Марне. Вам известно, что перед этой битвой, когда обстоятельства складывались в пользу германской

армии, с одного чрезвычайно важного участка были сняты и переброшены на Восточный фронт два сильных армейских корпуса, так как надо было затормозить наступление русских в Восточной Пруссии. Следовательно, в 1914 году русская армия, действуя в тылу у германской армии Западного фронта, имела решающее влияние на успех англичан и французов... Наивысшее напряжение у Вердена. С обеих сторон действительно убийственная бойня. В разгаре этого боя на русском фронте, именно тогда, когда предполагалось, что русские настолько ослаблены, что не могут собрать свои силы, — на этом Восточном фронте произошло нечто новое. *В военной истории русских сильно недооценивали. Никогда в полном объеме не было признано то, что сделал русский солдат, русская миллионная армия для Англии и Франции.* В 1916 году это было показано в момент, когда Брусилов своим наступлением создал для нас смертельную опасность на Восточном фронте. Осада Вердена была прервана, полки и дивизии должны были быть переброшены от Вердена на Восточный фронт, так как там образовался прорыв в 300 километров... И в 1917 году, когда силы России были совсем исчерпаны и революция еще набросила свою тень, все еще оставалась угроза войны на два фронта. И это при таком положении, когда Германии улыбалось военное счастье и война на Западном фронте могла быть закончена удачным ударом. Это было тогда, когда французское наступление генерала Нивеля против всяких ожиданий было сломлено при замешательстве и необычайных потерях на стороне французов, а французский солдат после этого разочарования начал бунтовать... И при таких условиях те незначительные германские резервы, которые тогда вообще можно было собрать, *снова были брошены на Восточный фронт*, чтобы покончить с так называемым наступлением Керенского в Галиции, а затем с рижским наступлением и окончательно освободить тыл Западного фронта. В 1917 году *с точки зрения солдата был настоящей трагедией* тот факт, что германская армия на Западном фронте только тогда могла перейти в наступление против действительно заклятого врага, против англичан, когда уже не было достаточно сил, чтобы пробиться через Амьен и Абервиль к морю».

Без России в ту войну победа западной демократии была бы невозможна. Но из русских рук победа была вырвана не в честном бою, а предательским ударом в спину ленинских пятиколонников.

*

Теперь наследники Людендорфа и наследники Ленина дерутся друг против друга на одном фронте, совместно освободившись сначала от второго фронта во Франции.

Германцы все время стремительно наступали, осуществляя в чудовищном размахе исправленный и дополненный план Людендорфа. Другая сторона до самого последнего момента «по — скифски» отступала, теряя территорию, армии, промышленность, морские базы.

Как это случилось?

Для того чтобы понять это, нужно прежде всего выбраться из тумана всяческой пропаганды на прямую дорогу логики и ответить на два вопроса. Советский план войны предусматривал наступательную или оборонительную стратегию? Готовилась ли Красная армия к войне против Германии без союзников на другом фронте или нет?

Ответ на первый вопрос не вызывает никакого сомнения. Красная армия готовилась — *«бить врага на его собственной территории»*. Наступление, наступление и наступление! — этим пронизан весь новый Устав полевой службы. Об этом непрерывно последние годы твердили и сановники, и военные специалисты, и советские пропагандисты за границей.

Передо мной опубликованная в Нью — Йорке на английском языке в начале вторжения Гитлера в СССР официальная коммунистическая «Правда о Красной армии» (специальный выпуск журнала «Фрайдэй»). Здесь изложена вся стратегическая доктрина сталинского штаба. Красная армия подготовлена к стремительной, уничтожающей врага войне. Оружие

современной войны — оружие наступательное. Красная стратегия разрабатывала принципы механизированной войны задолго до наци. Начавшаяся война почти исключительно война движения, непрерывного наступления, ударов и контрударов. Это молниеносная война с обеих сторон. Красная армия вооружена так, чтобы защищать свою страну, перенося войну на неприятельскую территорию. Еще в 1932 году руководящий германский военный журнал «Военный еженедельник» «почтительно и не без страха определял советскую стратегию как стратегию моторизованного Чингисхана».

Макс Вернер, одобренный коммунистами специалист по Красной армии, в своей книжке «Борьба за мир» пишет: «Существует предрассудок, который признает, что Красная армия обладает могущественным вооружением и огромными резервами живой силы, но настаивает, что стратегия ее пассивна, рассчитана только на успешную оборону. Это утверждение неверно. Красная армия воспитана для наступательной стратегии. Советская военная доктрина столь же современна и агрессивна, как и германская. Впрочем, в своих основных линиях она была развернута до германской».

Итак, стратегия Красной армии наступательная.

Однако армия, воспитанная для стремительного наступления, для наступательного маневрирования, на практике проявила совершенно невероятную стратегическую пассивность, оставляя всю инициативу на своей собственной земле в руках противника.

Теперь второй вопрос: была ли Красная армия армией, подготовленной к единоборству с Германией, к войне без второго фронта?

Тут опять нет никаких сомнений. *Была подготовлена.* На основании тех официальных, начиная с Ворошилова, заявлений и официальных и официозных писаний получается следующая картина Красной армии как боевой силы.

Общее положение: в 1939 году, перед вторжением Гитлера в Польшу, Советский Союз был «наиболее мощно вооруженная страна в Европе».

Пехота. Согласно официальному заявлению Ворошилова, сила огня советского армейского корпуса на 25 процентов больше таковой же — германского. Но если даже допустить равенство в вооружении германской и советской кадровой пехоты, «за Красной армией всегда останется количественное превосходство, так как она всегда будет иметь большее количество корпусов, чем Германия».

Танки. Здесь превосходство Красной армии над армией германской совершенно бесспорно, по мнению советских источников, которые при этом ссылаются на мнение ряда военных иностранных специалистов, в том числе и немецких. Еще по заявлению Макса Вернера, в 1936 году количество танков в Красной армии превосходило то количество танков, которое германская армия имела в 1940 году. А с 1936 года производство танков в Советском Союзе все время и прогрессивно увеличивалось.

Самолеты. Тут опять Ворошилов. На коммунистическом съезде в марте 1939 года он решительно заявил, что советские бомбовозы могут одновременно сбросить двойное против германской авиации количество взрывчатых веществ. В общем советский воздушный флот имел несомненно «огромное преимущество над германским флотом в 1939 году», а за прошедшие с тех пор два года мощь его еще возрасла. Для 1941 года — 30 000 машин признается в советских источниках во всяком случае количеством непреувеличенным.

*

Итак, воспитанная на правилах наступательной стратегии и тактики, Красная армия, самая большая по количеству в Европе, была и технически подготовлена к единоборству с Германией.

Этот факт должен совершенно устранить весьма распространенное теперь объяснение страшного отступления примером военной катастрофы во Франции. «Франция, — признает

неосторожно все тот же Макс Вернер, — была стремительно и наголову разбита из-за недостатка оружия — в особенности современного наступательного вооружения, из-за недостатка резервов и старомодного военного мышления. Красная армия, напротив, обладает в избытке как раз тем, чего не хватало французской армии, — вооружением, резервами и войсками, воспитанными для современной войны. Война на Западе кончилась бы совсем иначе, если бы Франция обладала таким же количеством людей и вооружения, которое находится в распоряжении Советского Союза».

*

Теперь, когда мы знаем, *какова* была Красная армия, вступая в бой с Германией, мы поймем весь жуткий смысл слов Сталина в речи 6 ноября по поводу 24-й годовщины Октябрьского переворота. Он признал, что советскому командованию *не хватает...* «кадров», что «мы имеем во много раз меньше *танков*, чем Германия», и что «мы имеем меньше *самолетов*».

Одно из двух! Или всего того оборудования Красной армии, которое признавалось и рекламировалось всеми советскими авторитетами, никогда не существовало. Или все это существовало, но было стремительными ударами германской армии уничтожено.

Признать, что все технические «достижения» Красной армии были бумажным блефом, нельзя. Многие годы страна погромом крестьянства, миллионами умерших с голоду, всеобщей нищетой расплачивалась за сотни миллиардов, истраченных за последнее десятилетие на военную промышленность. И сам Сталин, несомненно, для своих целей, о которых здесь не буду говорить, усиленно готовился к войне.

Значит, при современном и достаточном вооружении у Красной армии были все возможности продержаться хотя бы три месяца на той линии обороны, на которой два года стояла хуже вооруженная в ту войну русская армия; к тому же у нас тогда был и второй, тяжкий фронт — турецкий.

Но этого не случилось! Миллионы солдат, тысячи танков и самолетов были захвачены и уничтожены в порядке той самой стремительной наступательной стратегии, которой хотел и не сумел воспользоваться штаб Сталина. Теперь, когда перед нами ясна вся картина бедствия, посмотрим, где же его *причина*?

*

Причина прежде всего та, что у Кремля были все части, из которых составляется боеспособная армия, но не было командования. Почему?

Незадолго перед казнью красных маршалов и расправой со всем командованием в армии, в воздушном и морском флотах в «Правде» (14 апреля 1937 г.) была напечатана статья, защищавшая точку зрения казненных, — «Тыл современных армий». Статья эта весьма убедительно показывает, что при том материальном, техническом и психологическом состоянии ближайшего и глубокого тыла будущей действующей армии никакая длительная успешная война для СССР невозможна. Современная война, заключает эта статья, требует не только технически совершенного тыла, чего в СССР нет, но еще и людей самостоятельных и способных принимать на свою ответственность важные решения.

Тухачевский, Корк, Якир, Уборевич, Блюхер и их единомышленники требовали внутренних реформ именно для образования прочного, дееспособного во время войны тыла и добивались создания командного состава, самостоятельного в своих действиях и способного принимать на свою ответственность важные решения.

Именно за это, за твердую волю покончить с режимом единоличного всевластия, парализующего творческие силы страны и убивающего в кадрах, руководящих армией, военной промышленностью и всей хозяйственной жизнью, чувства ответственности и инициативы, — именно за эту попытку вовремя предотвратить нынешнюю катастрофу они и сотни их

единомышленников погибли, а тысячи были разосланы по тюрьмам и концлагерям^[272].

Годами Корк, Тухачевский, Блюхер, Якир, Уборевич, Егоров и их многочисленные единомышленники работали над воссозданием боеспособной современной армии. Появилась новая школа образованных офицеров Генерального штаба. Преодолевая тупую оппозицию «героев Гражданской войны», вроде Буденного и Ворошилова, они механизировали армию и модернизировали ее стратегию и тактику. Им же принадлежал почин новой системы оборонительных линий, за которыми обезглавленная армия удержаться потом не сумела.

Живой творческий дух в армии был сломлен. Командный состав безнадежно запутался в наброшенной на него сети полицейского сыска и террора политруков. В «ПМ», весьма снисходительной к большевикам нью — йоркской вечерней газете, недавно печатались полуправдивые очерки об СССР во время войны ее редактора Ингерсола. Он описывает, между прочим, свои разговоры с военным начальством. И отмечает, что это начальство всегда было в двойственном виде, всегда рядом с командиром сидел или стоял некто в сером. И никогда командир не давал ответа, не взглянув на своего двойника и не получив от него молчаливого одобрения.

Можете ли вы себе представить действующую армию, в бою с организованным и мощным противником, у которой воля, инициатива и ответственность раздвоены? Войска без настоящего командования «теряют сердце», как любил говорить А. А. Брусилов. И вот 20 июля на месте боя рядовой красноармеец записывает: «Остались без пехоты. Надежды на успех мало. Кухня работает чертово — воевать приходится голодному. Командование действовало безголово. Плохая маневренность, а наступление напролом. Связь частей отсутствовала. Снаряды летели куда попало... Все это привело к отступлению» («Новое русское слово», 22 ноября).

Могут сказать: «Дневник красного артиллериста», из которого взята эта выписка, прошел германскую цензуру и был напечатан в Берлине, вероятно, в фальсифицированном виде... Тогда нужно признать, что подделка эта сделана изумительно. Ибо я читал частное письмо о настроениях и мнениях рядовых бойцов Красной армии, попавших ранеными в сибирские лазареты, — они думают и чувствуют так же, как и «красный артиллерист».

В армии есть и воля к жертве, и острое национальное чувство. Армия снабжена всем необходимым для современного ударного боя. У нее есть, наконец, командный состав, который мог бы быть не хуже германского. Но все это парализовано страшной системой обездушенного террористического бюрократизма.

И только ценой неслыханного горя и испытаний армия освободилась наконец от Буденных и Ворошиловых.

*

И та же причина парализует тылы, промышленности, транспорт, создавая всюду не оправданную результатами трату сил и национальных богатств, неувязку и хаос.

Сейчас же, как только были получены сведения о жизни генералов, Г. П. Федотов в «Новой России» (13 июня 1937 г.) написал вещие слова: надо покончить, пока еще не поздно, со сталинским единовластием, *«иначе вопрос о власти в России будет решаться Гитлером»*.

Сроки были пропущены, террористическое единовластие осталось — Гитлер пришел решать вопрос уже не о власти в России, а о самой России.

Сталина вовремя не устранили, но война *политически* его уничтожила; уничтожила централизованную гигантскую машину планового террора. Можно обо всем спорить, даже сомневаться в исходе войны, но одно ясно: *тоталитарная большевистская диктатура уже в прошлом*.

После войны, где бы ни началась Россия — у Вислы, на Днепре, в Заволжье, — она будет *другая, совсем другая*.

Поставим все вместе над вчерашним днем крест.

Гитлер пришел, потому что Сталин остался. Но приход Гитлера перевернул в России все вверх дном.

«Во время переправы не меняют лошадей» — правильно, но и лошади должны выгребать против течения и искать броду, а не лезть в омут. В ту войну мы тоже не хотели менять лошадей, но они сами пошли по течению своих страстей и предрассудков и попали в омут, затянув туда и Россию.

Сейчас вопрос не в лицах, а в целесообразном плане действий. Нужна ясная программа защиты и спасения России. Кто бы ее ни взялся выполнять, мы все должны пойти к ним на помощь и на службу. «Гитлер имеет наглость, — говорил Сталин 6 ноября, — призывать к истреблению великого русского народа».

Значит, он понимает, что сейчас идет борьба, как я писал уже в начале, *о самом бытии России*, ее самостоятельного национального существования.

Не будем спорить, плохо это было или хорошо, что в течение четверти века русская жизнь коверкалась и ломалась во имя коммунистических интернациональных целей, — сейчас мировая революция все равно не может быть мерилom внутренней политики России. Больше того. Никакой политический идеал, никакая политическая доктрина не могут сейчас главенствовать над единственной задачей сегодняшнего дня русской истории. Эта задача: *целесообразная организация* правительственного аппарата, промышленности, земледелия, транспорта и, что главное, *духа страны*.

Совершенно очевидно, что командование должно быть решительно *освобождено* от мертвящего надзора политических сыщиков.

Совершенно очевидно, что без тракторов, без нефти, без всей системы, планируемой из одного центра, колхозной барщины, Россия в 1942 году останется совсем без хлеба, *если не вернется крестьянин к свободному труду на своем клочке земли, со своей собственной лошадыю*.

Совершенно очевидно, что для восстановления в некоторой части разрушенной тяжелой промышленности нужно *призвать на помощь свободные профессиональные рабочие союзы и самую реконструкцию передать в руки компетентных специалистов* без всякого вмешательства партийных «генеральных линий».

Также очевидно, что для легкой промышленности ширпотреба нужно призвать частную инициативу, кустарные свободные артели и восстановить независимую кооперацию.

Кооперативным организациям и частной инициативе нужно также поручить организовать торговую сеть, ибо нелепая казенная торговля взорвана войной.

Нужно, чтобы все в России зашевелилось, собирало по крохам разрушенное, крепило и строило, *не думая о концлагере и не оглядываясь, не стоит ли сзади агент из ГПУ*.

Сейчас, когда Россия горит, никакие коренные политические преобразования невозможны, но нужно *содружество власти с народом, доверие народа к власти*. Вера, что на вчерашнем действительно поставлен крест. Как этого добиться? *Возвращением на работу из мест «не столь отдаленных»* всех, кто способен к работе, и в особенности тех, чья вина была в предвидении, куда заведет страну «Единственный». В войне печать, конечно, не может быть свободной от всякого надзора, но к обсуждению новых планов, к критике нецелесообразных предприятий должны быть допущены все, кто хочет служить делу спасения.

В той же речи 6 ноября Сталин справедливо сказал — величайшее преступление Гитлера в том, что он *порабощает народы* (в том числе «советскую Балтику и советскую Украину»), *лишая их самых основных демократических свобод, отнимая у них право самим решать свою судьбу, отбирая их хлеб, их продовольствие и сырье*.

Какая огромная помощь Красной армии будет оказана, когда в поработанных Гитлером странах узнают, что в России снова загорелся свет свободы, что там все *совсем по — другому*, чем у «фашистских варваров».

Этот набросок программы Восстановления — только мысли вслух о путях, по которым должна пойти власть, чтобы остановить беду России и собрать вокруг себя весь русский народ.

Какая бы власть ни пошла по этому пути, мы все — там и здесь — должны ей служить честно и по совести.

Не пойдут нынешние правители — *обязательно* придут другие.

Ибо путь русского Спасения от ига внешнего будет совершен и завершен в радости внутреннего Воскресения.

Иначе России не быть.

А она будет.

14 декабря 1941

*Пускай заманит и обманет,
Не пропадешь, не сгинешь ты.
Александр Блок*

Перелом войны произошел: победа обеспечена. Из Тегерана президент Рузвельт, Уинстон Черчилль и маршал Сталин разъехались, по их словам, «друзьями в действиях, в духе и в целях».

Но предстоят еще жестокие бои на европейском Западе. Еще не началось долгожданное вторжение. Еще не видно, когда обозначится начало конца войны в Тихом океане. Еще льет с расточительной щедростью кровь и слезы несчетных миллионов Россия, спасая не только себя...

Одним словом, еще идет апокалиптический бой; еще не пришло время, когда считать мы станем раны, товарищей считать, т. е. подводить итог под красной чертой крови и итог нынешней вселенской катастрофе. А между тем стратеги «в креслах» уже говорят «о третьей мировой войне»! С кем? По какому поводу?

Ответы на эти вопросы можно отыскать во многих статьях и речах. Наиболее полно они даны в недавно вышедшей на английском языке книге Д. Ю. Далина «Россия и Европа после войны».

Оказывается, что третья мировая война будет плодом ненасытного русского империализма. Покойный Масарик еще в 1915 году сказал: «Следующей войной, вероятно, будет война Англии и Германии с Россией. Если бы императорская Россия не свалилась в пропасть (добывая честно победу для себя и для всех союзников, добавляю я), то союзники после победы обратили бы неизбежно против нее свое оружие». В подтверждение этого приводится карта земельных и прочих вожделений России в ту войну, на которые по военной необходимости должны были соглашаться западные союзники.

Но автор не напечатал рядом и карты с соответствующими «империалистическими» планами Англии, Франции и Италии. Исчезновение императорской России никак на этих планах не отразилось. После революции демократическое Временное правительство наткнулось на упорный и раздраженный отказ, когда предложило пересмотреть всем союзникам сообща цели войны, само приняв вильсоновскую программу мира до Вильсона. А после капитуляции Германии саму Россию победители стали делить на сферы влияния. «И об одеждах ее метали жребий» Жорж Клемансо и лорд Милнер в декабре 1917 года...

Тоталитарная Москва, по мнению Далина, идет сейчас по пути императорского С. — Петербурга. Возврат на берега Балтийского моря, на линию Керзона только начало.

По крылатой фразе другого публициста, Г. П. Федотова, скоро «топот татарских коней... евразийской кнуто — монгольской империи» раздастся за Вислой, на Балканах, на берегах Средиземного моря, и тогда встанет на очередь третья война!

«Она не вспыхнет обязательно сейчас же после победы (над Германией), — пишет Д. Ю. Далин. — Советское правительство не пожалеет никаких усилий для того, чтобы избежать серьезного и решительного столкновения с англо — американским союзом... Но напряжение будет все нарастать, и Советский Союз очутится перед величайшей с самого дня своего основания опасностью. Москва назовет это наступлением капиталистического мира на страну социализма. На самом деле это будет естественной реакцией Европы на натиск с Востока; на натиск тем более страшный, что русское продвижение на этот раз будет чревато угрозой экономических экспроприаций и своеобразных политических репрессий».

Избежать третьей мировой катастрофы можно, по мнению автора, только одним путем.

«Возможно, — пишет он, — что захватническая политика (Москвы) вызовет не немедленную войну, а создание в Европе могущественных государств, способных играть роль противовеса. Если Германия будет лежать в развалинах, примут особые меры для того, чтобы вернуть ее к жизни. Из обломков Австро — Венгрии спаяют значительное государство. Франция станет снова первоклассной военной державой».

В цепи этого нового санитарного кордона (по автору — «окружения») может оказаться «англо — германский союз, самое опасное сочетание, с каким только может столкнуться Россия».

Я привел эту длинную выдержку из книги «Россия и Европа после войны», потому что она характерна для настроения некоторых русских и иностранных кругов.

Так, Фридрих Штампфер, один из самых благородных и свободолюбивых представителей своего народа в изгнании, смело идет навстречу начавшейся на Западе переоценке роли послегитлеровской Германии в Европе («Нью Лидер», 15 января 1944 г.). Он демократ и социалист, но прежде всего он германский патриот. Он беспощаден к нацизму, но прикрывает перед чужеземным взором наготу своей матери Германии. Ибо он знает, что нацизм, как сказал недавно сам Гитлер, рожден Первой мировой войной («Не так ли и большевизм?» — спрошу я). Он уверен, что после второй войны гитлеровская язва исчезнет. И тогда Германия примет на себя высокую миссию защиты Запада от топота татарских коней.

Конечно, Штампфер так откровенно о России не пишет. Он осторожен: до капитуляции Гитлера «союз с Россией неизбежен и необходим». Он отлучает Россию от Европы элегантным приемом: противопоставлением России — «нациям Европы, которые от Польши до Португалии — не исключая чехов — принадлежат к западной культуре и демократии». Все эти высококультурные нации и должны сделаться «противовесом», новым кордоном...

*

Довольно! Я не «ванзитартист»: призывы к растерзанию целого народа за злодеяния, совершенные какой-то, пусть огромной его частью, считаю не только великим грехом, но и тяжелой политической ошибкой. Однако всему есть мера, а глубина падения Германии — и с ней не всей ли «Европы»? — с высот культурного первородства так безмерна, что от легенды о *качественном* превосходстве культуры «от Польши до Португалии» над культурой от Буга до Тихого океана ничего не осталось. Духовные рубежи стерты. Всякий тоталитаризм, отрицающий свободу и святость человеческой личности, находит всюду несметные толпы поклонников, и на Западе их не меньше, чем на Востоке.

Тоталитарный нацизм в болезненно — извращенном виде раскрыл издавна таившуюся в сознании германского народа (по наследству от Римской империи) мечту о мировом господстве. Тоталитарный большевизм в болезненно — извращенном виде раскрыл издавна таившуюся в сознании русского народа (по наследству от христианства) мечту о вселенском братстве людей. В Берлине Третий рейх был Третьим Римом мечи. В Москве 3-й Интернационал был Третьим Римом духа.

Последнее звучит кощунственно, но это так. На Западе московский соблазн переживет соблазн берлинский только потому, что в нем звучат обертоны русской духовной культуры. Нужно помнить, что русский народ никогда не страдал расовым самообожанием, в нем никогда не было похоти к мировому владычеству, но вечная тоска по Граду Китежу, граду невидимому, к правде и истине преображенного мира.

Воля к свободному преображению мира враждебна воле к преодолению мира мечом. Поэтому будет невозможно во имя каких-либо мировых насильственных целей превратить изумительную оборону России в новый гитлеровский погром Европы, пропахать Европу русским танком.

Конечно, это вовсе не значит, что правящая Москва не имеет никаких мировых целей по партийной линии. Имеет и никакого секрета из этого не делает. Она логично рассуждает, что иностранцы, помогая, например, т. Тито, знают, кому помогают.

Но вот вопрос: можно ли в т. Тито видеть авангард казачьей конницы и на этом основании разоблачать планы русского империализма? Думаю, что нет. Во всяком случае, нам, русским, не след помогать кому бы то ни было взваливать тяжкую коммунистическую поклажу на русские плечи, которые и так гнутся под непосильным бременем истребительной войны.

*

Мы, считающие оборонительную войну России, по слову Г. П. Федотова («За Свободу», декабрь 1943 г.), праведной, а партийные цели Кремля — несправедливыми, мы должны оставаться с Россией не только на поле брани, но и поддерживать ее интересы в *дипломатической* борьбе. А для того, чтобы нести сторожевую службу на этом поприще, мы должны дать самим себе отчет, в чем заключаются в этой войне цели России, которые мы должны защищать, и где начинается партийная «мировая политика», России чуждая и вредная, против которой надо бороться.

Оставим в стороне все отвлеченные идеалистические цели войны. Эта музыка будущего вдохновляет многих политиков, как в старину возбуждал боевой марш шедший на приступ полк. Теперь штурмуют без музыки. Посмотрим же, тоже без музыки, на то, что происходит не в идеальном, а в реальном мире.

Четыре года войны не прошли даром. Начавшись с малой, европейской, она после вторжения Гитлера в Россию и Жемчужной Гавани превратилась в предсказанную многими еще двадцать лет назад вторую мировую катастрофу. С самого начала второй войны провозглашались очередные ее идеальные цели. С каждой новой стадией ее идеальные цели бледнели, зато практические задачи становились все более земными и неограниченными. Теперь, на последней ступени, уже не перед демократиями, а перед четырьмя великими «опекунами мира» — Соединенными Штатами, СССР, Британской империей и Китаем — поставлена небывалая задача: переделать и переделить весь земной шар! Исход этого передела предрешил судьба уже не только малых, а великих государств на целые века. Вокруг него идет сейчас напряженная борьба, только отголоски которой проскальзывают на страницы печати.

Борьба эта понятна: огромное наследство трех уничтожаемых империй остается выморочным. Ему надо найти новых хозяев. Борьба эта понятна потому, что побеждающие великие державы, опекуны этого наследства, прежде всего обязаны блюсти государственные интересы своих собственных стран и обеспечить свои границы от возможных новых международных столкновений, от той самой третьей войны, о которой теперь так легко и неосторожно многие рассуждают.

Мне кажется, что г. Самнер Уэллс, недавний помощник министра иностранных дел Соединенных Штатов, которого никак нельзя заподозрить в старомодном империализме, точно определил на примере своей родины коренную цель каждой из великих держав в этой войне.

В своей речи 16 октября 1943 года он настаивал на немедленном соглашении или «временном союзе четырех наиболее могущественных в военном отношении держав среди объединенных наций» — Соединенных Штатов, Британии, СССР и Китая — на все переходное время от войны до будущей постоянной организации мира. Однако оратор для участия Соединенных Штатов в этом «временном союзе» поставил некоторые условия, среди которых главным было: *обеспечение жизненных интересов Соединенных Штатов*. «Каковы, пользуясь словами Пальмерстона, вечные и неизменные интересы Соединенных Штатов? — спрашивает оратор и отвечает: — Соединенные Штаты должны быть ограждены от всякой угрозы новых удачных нападений какой-либо державы или какого-либо сочетания держав».

Вечный и неизменный интерес России совершенно тот же самый: после бесчисленного количества нападений и вторжений в течение ее долгой и трагической истории Россия должна быть наконец обеспечена от угрозы нового нападения со стороны коалиции каких бы то ни было держав.

В этом праведная, справедливая цель России в этой войне.

Эта цель оборонительная и *восстановительная*. «В этой войне Россия имеет свои особые интересы, — пишет в своей последней статье покойный П. Н. Милюков. — Они связаны с вопросом о территориях прежней Российской империи на ее западных границах — тех территорий, которые были потеряны в тот момент, когда большевики овладели властью» («Новый журнал», кн. VI).

После опыта гитлеровского вторжения, которое так остро поставило перед русским сознанием государственные и национальные вопросы, нельзя убедить ни одного солдата и офицера, рабочего или инженера, крестьянина или интеллигента внутри России в том, что восстановление здоровых стратегических границ есть акт империализма.

*

Против восстановительных целей, которые в этой войне история поставила перед Россией, и в иностранной среде, и в русской эмиграции слышатся горячие и раздраженные возражения.

Первое — самое веское — возражение морального характера: если бы Россия была свободной демократической страной, никто бы не протестовал против новых границ СССР. Но «мы не можем примириться с тем, что несколько миллионов людей, привыкших к свободе, окажутся в бессрочном распоряжении коммунистической власти». Кто же с этим может примириться?! Только наша непримиримость никакого отношения к границам СССР не имеет. Формальная независимость, скажем, Эстонии никак бы не предохранила ее от так называемой советизации. Для этой цели Сталину было бы даже выгоднее, помогая местным коммунистам, не портить своих отношений с Западом, вызывая призрак «русского империализма». Вообще, не нужно забывать, что по партийной линии Кремль и в Европе работает с местными людьми. И не вина России, что этих местных людей слишком много. Из-за этой болезни всей современной культуры Россия не может жертвовать своими неизменными интересами.

Второе возражение опирается на авторитет Ленина времен его брест — литовского падения: не стоит вспоминать, с какой беззаботностью тогда он, стремясь разжечь как можно скорее мировую революцию, разбрасывал направо и налево куски русских земель, раздавал врагам России все стратегические границы от Выборга и моонзундских позиций до Карса. Ведь не из-за социальных реформ, хотя бы самых крайних, рвали тогда с большевиками левейшие представители «революционной демократии», а именно из-за этого разбазаривания России. А теперь говорят о «формальном и безвозвратном отказе советского правительства от своих исторических прав по отношению ко всем бывшим российским территориям». Но какое же право имело ленинское правительство отказываться от чужих прав? Россия!то ведь не была собственностью большевистской партии, и никакие отказы случайных диктаторов исторических прав государства не отменяют. И потом, разве Франция не отказалась в 1870 году формально и безвозвратно от Эльзаса и Лотарингии? А ведь отказ Франции был не только формальный, но и утвержденный свободно выбранным народным представительством. Вероятно, я совершенно безнадежный «империалист», ибо не могу понять, как можно так легко и скоро забыть то, что незабываемо!

Третье возражение, так сказать, поучительного и несколько деликатного характера. Приходится писать в чужой, хотя и гостеприимной стране. А именно, эта страна, вместе с Англией, ставится в укор России, как «мальчику без штанов» — благовоспитанные юноши из благородных семейств. И действительно, там, в России, захват территории, империализм, а

здесь, в Великобритании и Соединенных Штатах, никто не хочет земельных расширений и захватов. Но ведь здесь никто и не потерял ничего в первую войну, а Великобритания даже приобрела все, что могла. А потом, куда же денется выморочное огромное наследство на материках и в океанах, в особенности пункты стратегически важные? Люди, привыкшие смотреть на землю, отлично это знают. Вот, например, выдержка из официального «Журнала Армии и Флота» (10 января 1944 г.): «Наши официальные круги (Вашингтон) не сомневаются в необходимости приобрести иностранные базы для защиты нашего полушария. Австралия предполагает создать особый пояс защиты на юго — западе Тихого океана. Трудно допустить, что Британия пропустит случай усилить свою стратегическую безопасность»...

Четвертое возражение против новых границ России основано на полном отрицании права СССР заботиться о целесообразной стратегической защите страны и о приобретении баз для этой защиты. Со всех сторон говорят: никакого значения стратегические границы не имеют, развитие воздушного флота делает всякие границы бессмысленными. А против кого же собирается Россия защищаться, когда Гитлер будет разбит и Германия разоружена до последнего ружья?

Может быть, такие рассуждения и правильны. Но зачем же их применять только к России, которая в эту войну пострадала так, как ни одна еще из союзных великих держав? В печати достаточно опубликовано сведений о том, какой мощный аппарат стратегической обороны Соединенных Штатов и всего Западного полушария с новыми базами в Атлантическом и Тихом океанах готовит Вашингтон. Такой же аппарат, но только победнее, готовит Англия. Зачем? Ведь Германия и Япония будут разоружены не только для одного СССР! А качество воздушного флота не меняется от того, в каком направлении этот флот летит.

Ответ на этот вопрос до тавтологии прост: правительство ни одной из великих держав не откажется ни от каких своих стратегических границ, морских и воздушных баз, пока не будет создана в довольно отдаленном будущем, после сложной переделки и трудного передела мира, новая, обещанная на конференциях в Москве и Тегеране, международная центральная организация, которая будет править миром на новых началах права и справедливости. А воздушный флот совсем не устраняет вопроса о стратегической защите. Он только заставляет великие державы *расширять* контролируемую «сферу безопасности» далеко за естественные границы государств.

Так, к началу 30-х годов стратегическая граница Англии в Европе оказалась «на Рейне». Так, в круг стратегической обороны Соединенных Штатов, отмечает Волтер Липпманн («Иностранная политика США»), входит «огромная часть поверхности земного шара по линиям — от Гренландии до Бразилии, от Аляски до Лузоны (Филиппины), от Канады до Аргентины». Упразднение Японской империи в Тихом океане и необходимость для нужд обороны (по официальному сообщению от 6 февраля 1944 г.) приступить к эксплуатации огромных нефтяных полей в Южной Аравии с нефтепроводом к берегам Средиземного моря через Малую Азию — все это вынудит, несомненно, еще расширить круг стратегической обороны Соединенных Штатов.

*

Народное представительство западных стран единодушно поддерживает оборонительно — стратегические планы своих правительств. У нас нет народного свободно избранного представительства. Власть находится в безответственных перед страной руках. Но из этого еще не следует, что с нас снят долг защиты интересов России. Мы не можем укреплять в сознании иностранцев соблазнительное представление о том, что Россия является какой-то империалистической обжорой среди строгих демократических постников. Нужно, признавая жестокую необходимость стратегических мероприятий Запада, объяснять иностранцам, почему

там, где той или другой западной державе нужны морские или авиационные базы и «мандатные» территории, России нужно восстановление старых стратегических границ с изменениями, связанными с новым распределением сил в Европе.

Ведь очевидно, что одинаковыми средствами нельзя обеспечить от новых атак и вторжений Англию, Соединенные Штаты и Россию. Нельзя потому, что эти три мировые державы живут и развиваются совершенно в различных геополитических условиях.

К геополитике в демократических кругах создалось раздраженно — ироническое отношение. Она вызывает в памяти образ знаменитого гитлеровского геополитика генерала Хаусхофера. На самом деле в «подозрительных» по свержению империализма геополитических рассуждениях ничего нового нет. Еще в гимназии, читая Бокля, мы узнавали о влиянии климата и географии на характер разных стран.

Возьмем простой пример для школьников: влияние геополитических условий на историю Соединенных Штатов и России. Обе страны развивались на безграничных пространствах плодородных, вначале пустующих, лишенных внутренних непреодолимых географических преград материков. Оба народа продвигались по этим материкам — с востока на запад в Америке и с запада на восток в Евразии — главным образом энергией колонизаторов и «землепроходцев». Почему же за свою короткую жизнь Соединенные Штаты достигли такого высокого уровня политического и технического развития, а Россия, на много веков старшая по возрасту, оказалась такой отсталой страной? Ответ на этот вопрос дает геополитика. Пилигримы в Северной Америке, приехавшие со всем запасом тогдашней европейской культуры, оказались на новом материке в немыслимых в старом мире условиях внешней безопасности. С востока и с запада их ограждали вернейшие союзники — океаны. Эти водные пространства стали для Соединенных Штатов первой линией защиты. Второй линией стал английский флот. С севера и с юга Соединенные Штаты имеют после Войны за независимость или очень миролюбивых, или очень слабых соседей. Россия — этот огромный «мир в самом себе» — не имела океанов и со всех сторон долгие столетия своей тяжелой истории была окружена могущественными, вечно на нее наседавшими врагами. В своей собственной стране русский народ жил как в осажденной крепости, и все силы его вместо внутреннего строительства уходили на самозащиту. А по опыту нынешней войны западные демократии сами узнали, как трагично тоталитарная борьба за самое существование нации отражается на внутренней политике. Именно геополитика нас учит, что для восстановления и укрепления свободных политических установлений в России ей нужна не «третья война», а прочная гарантия для мирной жизни на долгие десятилетия.

И эта наука нас учит, что средства стратегической защиты трех империй, главы которых недавно съезжались в Тегеране, не могут быть одинаковы потому, что различна их география. Британия — чисто морская империя. Соединенные Штаты — уединенная, одновременно морская и континентальная держава. Россия — государство чисто континентальное, приковывающее к себе взоры всех очередных кандидатов в мировые владыки, в течение веков лишенное свободного и обеспеченного выхода в океаны и моря.

В течение последних двух столетий Европа, и в особенности Англия, — признает в своих воспоминаниях («Двадцать пять лет») знаменитый английский министр иностранных дел начала XX века лорд Грей, — заграждала России все выходы в океаны и теплые моря. «А между тем, — пишет лорд Грей, — океан — это столбовая дорога для торговых связей между нациями. За немногими исключениями каждое государство, малое или большое, имеет свои порты для выхода на этот великий международный путь. Россия, с ее великими пространствами и огромным населением, такого выхода не имела, не имела даже незамерзающей гавани для своего флота...» (В Черном море русский флот был заперт Дарданеллами.)

Наконец (пятое возражение), против новых границ СССР выставляется тяжелая политическая артиллерия: самовольным выходом за пределы старых границ Советского Союза Кремль в корне нарушил подписанную им Атлантическую хартию, и в особенности ее пункт первый, который, как известно, гласит, что подписавшие эту хартию правительства «не преследуют территориальных или каких-либо иных расширений» в этой войне. Нарушение Атлантической хартии является фокусом нарастающего на Западе раздражения против Москвы. Посмотрим, в чем тут дело, и прежде всего восстановим хронологию.

Атлантическая хартия была провозглашена президентом Рузвельтом и Уинстоном Черчиллем 14 августа 1941 года. Представитель московского правительства, г. Литвинов, подписал эту хартию 1 января 1942 года. Воссоединение балтийских провинций, Западной Белоруссии и Бессарабии и присоединение Восточной Галиции и Буковины к СССР имели место в 1939 году и первой половине 1940 года, т. е. *за год* до объявления Атлантической хартии. Актов присоединения и воссоединения Кремль отнюдь не скрывал, а наоборот, сделал все возможное, чтобы эти акты стали общеизвестными. 26 мая 1942 года британский министр иностранных дел А. Иден и наркоминдел В. Молотов подписали англосоветское соглашение, фактически союз, на 20 лет. В этом договоре представители обеих держав повторили (пункт пятый, часть вторая) территориальные обязательства Атлантической хартии. *Никаких оговорок* в этом договоре об отношении Англии к новым границам СССР не имеется, как и в протоколе присоединения всех правительств «Объединенных Наций» к англо — американской Атлантической хартии. Между тем по общему правилу международных отношений обязательства, принимаемые на себя тем или иным государством, вступают в силу со дня подписания данного обязательства, если об обратной силе данного договора для одной из сторон не имеется особой оговорки, особой и ясно изложенной статьи.

За отсутствием такой особой статьи в обоих вышеуказанных договорах приходится признать, что формально пункт первый, а также третий Атлантической хартии связывают правительство СССР лишь с 1 января 1942 года.

Очевидно, Кремль по вопросу Атлантической хартии и занял эту весьма сильную формальную позицию. Вот что 17 января 1944 года протелеграфировал в «Нью — Йорк Таймс» очень осведомленный г. Джэмс Рестон: «С уверенностью в своей правоте Россия может сказать, что она подписала Атлантическую хартию, Московскую и Тегеранскую декларации много времени спустя после того, как разрешила вопросы в Балтике, в Западной Украине и в Западной Белоруссии». Больше того, г. Рестон подчеркивает, что во время конференций в Москве и Тегеране никто из представителей западных союзников СССР не поднял вопроса о новых границах, и «это молчание, — подчеркивает осторожно автор корреспонденции, — было принято в некоторых кругах как знак согласия». Кремль мог добросовестно укрепиться в сознании правильности своего толкования молчания союзников, так как сейчас же после московской конференции была опубликована за подписями президента Рузвельта, Уинстона Черчилля и Сталина декларация о порядке наказания виновников германских зверств, в которой не оказалось в перечислении европейских государств трех — Эстонии, Латвии и Литвы, как нет их и среди «Объединенных Наций», подписавших протокол о присоединении к Атлантической хартии 1 января 1942 года.

Много времени спустя после появления подписей гг. Литвинова и Молотова под Атлантической хартией и англо — советским договором английский министр информации Брендан Бракен в беседе с представителями американской печати 27 августа 1943 года сказал: «Россия никогда не нарушала своего слова после установления советской системы». Заявление это, весьма двусмысленное и некорректное по адресу добольшевистской России, звучит,

несомненно, некоторым... преувеличением по отношению к «советской системе». Однако в случае с Атлантической хартией правительство СССР смело может сказать, что оно «не нарушило своего слова».

Вывод: можно по тем или иным соображениям резко протестовать против новых границ СССР, можно добиваться от Кремля исправления или пересмотра этих границ; должно настаивать на более человеческой внутренней политике в этих окраинных и прочих республиках СССР, но нельзя обвинять правительство СССР в самовольном нарушении Атлантической хартии. Это необоснованное обвинение вызывает только озлобление, ведет к весьма серьезным осложнениям в межсоюзных отношениях и тем играет в руку врагов и России, и ее западных союзников.

На случай дальнейшего обострения споров и раздоров вокруг вопроса о границах России между западными демократиями и кремлевской диктатурой нужно помнить, что в развитии событий «существенную роль, — как пишет Н. С. Тимашев в последней книжке «Нового журнала», — сыграет тот факт, что по вопросу о целях войны народы России твердо и единодушно стоят за правительством».

*

Если без гнева и пристрастия всмотреться в развертывающиеся события внутри антигерманской коалиции, то можно найти и истинный источник нынешнего международно — политического кризиса нервов. Он не в восстановительно — оборонительных целях войны СССР, не в боязни *алчного* российского империализма, не в возрождении русофобства времен Крымской или Русско- японской войны. Если бы Россия была сейчас даже не демократическим, а просто нормальным, правовым федеральным государством или союзом государств, руководящим только своими национальными экономическими и политическими интересами, — то западное демократическое общественное мнение относилось бы к политике военного времени СССР совершенно иначе. Настоящим источником кризиса является инстинктивное, не многими еще осознанное, отвращение среднего обывателя свободных стран к внутренним порядкам большевистской тоталитарной диктатуры. Никакое пение сирен о «новых формах демократии в счастливой Стране Советов» не может до конца заморозить ум и совесть не искушенных в высокой политике людей, читающих некоторые известия с востока Европы.

Государственные люди, которые не могут руководиться зовами сердца, холодно и спокойно делят тело полуживой Европы на части, которые после капитуляции Германии отойдут под «временный надзор» разных союзных армий — английской, американской, Красной. Но совесть людей, не связанных государственным долгом и верящих в войну за «восстановление свободы», не примиряется не с тем, что появятся на Западе хотя и красные, но российские войска, а с тем, что будет следовать в обозе этих войск, — с возможностью появления новых гаулейтеров, с такой же свитой, в другой только форме.

Получается безвыходный тупик: Россия нужна для победы, изумительным жертвенным героизмом ее народов она вернулась на свое место под солнцем, и с ее могуществом надо считаться, но жестокий тоталитарный режим, под которым она живет, — непримиримый враг всякой свободы, всего политического уклада демократического общества.

Какой же найти выход, если не верить во внутреннее перерождение самого СССР под тяжкими ударами военной грозы? Выход напрашивается сам собой, выход механический: отгородиться, устроить по образцу 20-х годов «окружение», припугнуть на случай строптивости «третьей войной».

Легко о третьей войне могут говорить только люди, чья мысль слишком сосредоточена на Западной Европе и чьи глаза не видят, что эта Европа стала только крупной подробностью событий, которые развертываются в мировых просторах вдали от местожительства этой, по

пророчеству графа С. Ю. Витте, «одряхлевшей красавицы». Третья мировая война будет — если она будет — разворачиваться совсем по другим планам, и для игры в этой войне у Сталина в руках достаточно хороших козырей.

«Окружение» уже было испытано в начале 20-х годов. Теперь другие времена, другие песни. И во всяком случае ни при каких условиях западное славянство, в его целом, ни в каких хорах и ни под каким дирижерством распевать русофобские гимны не станет, кто бы в Москве ни сидел.

Да и в 20-х годах механика окружения динамику напора большевистских идей на Запад не сломила. Не кто иной, как Уинстон Черчилль в своих «Итогах» написал: «Политика разделения и расчленения России, временная удача которой возможна, не может дать устойчивых результатов, а только вызовет бесконечную вереницу войн». А ведь нынешний британский премьер сам вначале верил в «санитарный кордон».

Что же остается в арсенале исправительных и карательных мер? Отказ в экономической помощи для восстановления разрушенной России после войны, о чем тоже поговаривают. От экономической блокады после Первой мировой войны жестоко пострадало российское население, но не власть. За время пятилеток население приучено голодать и холодать, ходить босиком и в отрепьях, а сама производственная машина государства привыкла к замкнутому хозяйству. Кроме того, в Москве накоплено изрядное количество золота и платины, а в Америке будет достаточно свободных рабочих рук и «капиталистических appetitov». Новая экономическая блокада, если бы по неразумению к ней прибегли, принесла бы только новые страдания уже пострадавшему до какого-то подвижничества народу и усилила бы еще власть диктатуры.

Так или иначе, все карательные меры против СССР обязательно упрутся в новую войну. А война между вчерашними союзниками еще больше усилит власть тоталитарных идей над людьми. Почему?

Потому, говорил Сталин на XVIII съезде компартии 10 марта 1939 года, что «буржуазные политики знают, что Первая империалистическая мировая война привела к победе революции в одной из обширнейших стран. Они боятся, что Вторая мировая война может привести к победе революции в какой-либо другой стране или группе стран».

Да, война не пахнет фиалками и розами, а кровью и ужасом! «В ядовитой послевоенной атмосфере (ненависти и злобы) размножаются фашистские микробы, первоначально ничтожные и незаметные». Так пишет в своей острой статье «Как бороться с фашизмом» Г. П. Федотов. Для него «фашизм» — термин, которым он обозначает и сталинский коммунизм, и гитлеровский нацизм. Каждый из них, правильно говорит он, «рождается из глубоких внутренних недугов нашей цивилизации».

Недуги эти так разъели тело и душу европейско — христианской культуры, что «фашизм оказался сильнее демократии» и «чистая» война за демократию превратилась в «войну за существование». Началась борьба между великими империями не только за существование, но и за неизбежный после победы передел мира.

«Не одни демократии будут строить будущий мир», — осторожно пишет Г. П. Федотов. Да, «недемократы» будут участвовать в новой мировой стройке, но строить будут по собственному плану. На что и получили, как увидим сейчас, согласие... демократов.

Дело в том, что идеальная цель у противогерманской коалиции в этой войне очень скромная по сравнению с таковой же целью в первую войну. Тогда дрались за «уничтожение всех остатков абсолютизма». Теперь — задача уничтожить только определенные фашизмы, но не эту систему вообще.

Существует легенда, что эта война идейно идет за «четыре свободы» и что Кремль,

подписывая Атлантическую хартию, дал клятву на верность этим свободам — свободе слова и веры, свободе от страха и от нужды.

Эти четыре свободы действительно были провозглашены как цели войны президентом Рузвельтом в январе 1941 года. Однако в Атлантической хартии, опубликованной после вторжения Гитлера в Россию, остались только две: от страха и от нужды (п. 6). Свобода веры, вернее, богослужения потом как-то вынырнула в протоколе присоединения «Объединенных Наций» к Атлантической хартии. Но свобода слова так и исчезла навсегда. Зато Атлантическая хартия обязывает (п. 3) ее подписавших уважать право каждого народа на выбор любой формы правления, но народ может «выбрать», не имея свободы слова, т. е. без политической, хоть какой-нибудь, свободы; другими словами — может выбрать без выборов.

Так, Атлантическая хартия задним числом как бы узаконила «плебисцит» в присоединенных к СССР областях. Так, народы на Балканах могут «выбрать» форму правления, которую им «предложит» т. Тито. Так, коммунисты — не русские, а вполне местные — имеют формальное право добиваться в Западной Европе, чтобы освобождаемые страны «выбирали» форму правления в московском стиле. Ведь в Москве, по компетентному мнению некоторых авторитетнейших государственных и политических деятелей Запада, сейчас существует новая — не высшая ли? — форма демократии, «демократия социальная»!..

Если коммунизм, как и нацизм, порожден глубоким недугом всей современной культуры; если в ядовитом воздухе войны растет количество тоталитарных микробов; если весь Запад насыщен этой отравой вплоть до Соединенных Штатов (недавние речи вице — президента Уоллеса и рабочего вождя Мэтью Уолла) — если все это так, то становится очевидным: возвращение к русофобской («антибольшевистской») политике первых лет версальской эпохи невозможно.

Россия стала слишком сильна — Европа, даже подпертая Соединенными Штатами, слишком слаба, чтобы держать караул. Что же? Надо падать ниц?!

Отнюдь нет! Не надо только жить легендой о двух полярных мирах. Надо понять, что судьбы Запада и России едины и нераздельны, как в войне и мире, так и в свободе и «фашизме».

Вся духовная почва Европы взорвана. Той Европы, которую мы знали, больше нет. Сами европейцы, к которым некоторые среди нас еще зывают, больше ее уже не идеализируют, а тоже ищут Град Китеж, прислушиваются — после двух веков крайнего скепсиса — к звонам колоколов нездешних! Прочтите, например, последние книги Артура Кестлера — талантливого, глубокого и типичного представителя самой юной предгрозовой Европы.

Но разве народы в СССР живут в какой-то вечной духовной неподвижности, пассивности? Разве после германской канонады под Москвой не забили внутри народа могучие источники духовной силы? Прочтите, например, потрясающее предсмертное письмо офицера в «Последних днях Севастополя».

Пусть по перехваченным иностранным правительством («Нью Лидер», 5 февраля 1943 г.) документам Кремль собирается устроить себе «гегемонию по треугольнику Москва — Мадрид — Багдад». Если документы эти и не апокриф, то самый план — фантастичен. Непозволительно превращать его в «план России».

Ибо Россия никаких мировых гегемоний никогда не хотела и не хочет, о «треугольнике» ничего не знает и за Кремлем в эту авантюру не пойдет.

Но весь народ опять пойдет за тем же Кремлем, если под предлогом борьбы с мировой опасностью русского, только покрасневшего империализма начнут опять загонять Россию в вечно памятные брест — литовские и версальские границы...

В нас есть суровая свобода:

На слезы обрекая мать,

Бессмертье своего народа Своею смертью покупать.

Таких стихов не писалось во время Гражданской войны! Тогда красноармеец не чувствовал, как чувствует теперь, свою кровную, почти мистическую связь с этим бессмертным народом. Ему не чудилось, — как теперь, когда он проходит в строю с полком на бой мимо сельских кладбищ, — что «крестом своих рук ограждая живых, всем миром сойдясь, наши прадеды молятся за Бога не верящих внуков своих».

Сам в Бога не верящий внук неисчислимых, крепко веровавших поколений уже никогда, вероятно, не научится молиться. Но мистерия праведной войны за жизнь страны, за «вечную Россию» открыла уже ему «навсегда» тайну «святости» всякого человеческого существа!

Не нужно совсем иностранцам пугаться «роста русского национализма». Русская «любовь к отечеству» выражалась всегда не только в беззаветной и упорной способности к жертве, но еще и в воле к свободе. Тому порукой вся русская большая литература, которой сейчас в России зачитываются новые поколения и на фронте, и в тылу.

Путь к свободе долог и тернист, но он идет через возвращение к народным истокам духовного творчества.

Пусть никто не мешает этому возвращению: не загоняет национальное сознание народа под охрану современного Кремля.

Так уже случилось, что все будущее свободы в Европе гораздо больше зависит от развития событий внутри СССР, чем от всех политических решений Запада.

Об этом надо крепко помнить.

8 февраля 1944

Небольшой белый дом с плакучей ивой в палисаднике. Кругом сжатые поля, серая земля под паром, зеленеющие луга, лес на горизонте. Если бы со стороны большой дороги не виднелись крестьянские и мещанские домики вида непривычного нашему глазу, казалось бы нам 15 сентября 1934 года, что на русском хуторе, где-нибудь в Средней России, кончила свою чудесную жизнь Екатерина Константиновна Брешковская...

Писать сейчас о ней невыносимо трудно, но нужно. Когда умирают родители по крови — дети должны молчать, предоставляя слово другим. Когда же теряем мы ближайших водителей по духу, мы говорить обязаны.

О Брешковской рассказывать будут многие и многое. Хронология ее жизни — хронология России от Николая до Сталина. Ее общественная биография — история революционного движения почти за три четверти века. Политические мысли ее нужно изучать в связи с развитием народнических идей вплоть до тех, на основе которых создавалась партия социалистов — революционеров. Обо всем этом потом будут писать подробно, но не в этом единственное, неповторимое значение жизни Екатерины Константиновны.

Оно в гениальном раскрытии последнего сокровенного смысла человеческой жизни.

Толстой написал рассказ «Чем люди живы»; Брешковская своей жизнью доказала, что люди живы любовью к человеку, служением своему Богу в правде и истине. Она не оставила многотомных сочинений, не вписала своего имени в список знаменитых государственных деятелей, не обессмертила себя каким-либо героическим жестом, приковывающим внимание толпы. При желании можно написать политическую историю России, не упоминая о Брешковской, но без нее не может уже обойтись сама история, ибо без Бабушки духовно ущербленной оказалась бы современная Россия.

Пусть не думают, что я хочу стилизовать Брешковскую под мои личные настроения или под «упадочные» религиозные тенденции постреволюционных поколений. Нет. Напомню здесь написанное несколько лет тому назад самой Брешковской — в этих строках ключ к пониманию Бабушки. На вопрос друзей своих, в чем ее вера, она ответила так:

«Мое влечение ко всему страдающему человечеству росло вместе со мною, а учение Христа служило мне опорой и утешением...

Постоянно слышанное суждение, что люди не в силах идти по стопам Христа, меня не трогало. Он учил. Значит, признавал нас способными следовать Его учению. Таким сознанием было полно мое мировоззрение, когда я еще не читала ни одной социалистической книжки. С ними я впервые познакомилась в тюрьмах, когда моя деятельность уже бесповоротно определилась. В работе моей учение Христа всегда занимало центральное место...

Посильное служение Правде стало для меня образом религии. Во всех трудных минутах я мысленно обращалась за помощью к той Силе, коей все существующее обязано своим поступательным ходом. В ней, в этой Силе, бесконечно мудрой и бесконечно предвидящей, я не перестаю черпать сознание целесообразности усилий человека в достижении высшего порядка чувств и мыслей. Я ей молюсь, я ее призываю. Без ощущения присутствия этой Творческой Силы — Господа Бога нашего — мне было бы темно и бедно...

Поэтому социалистические теории (и старые и новые) не являлись для меня полным откровением жизненной правды. Я относилась к ним лишь как к попыткам выработки форм общежития, наиболее отвечающих запросам данного времени, и притом как к формам далеко не совершенным. Для меня все это — кодексы хозяйственного устройства народов на более справедливых началах, а не идеалы человеческой личности с высшими запросами ее духовной

жизни. И говорю откровенно — не социализм как “теория” руководил моим отношением к людям и дал мне возможность привлекать и молодых и старых к работе на поднятие достоинства человека...

Таким образом, учение христианское ставлю несравненно выше социалистического. Последнее имеет глубокое значение лишь тогда, когда оно озарено светом слов Христа: люби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, всей душою твоей, всем разумом, всей силой. Люби ближнего своего, как самого себя. Без такого напряжения души нашей социализм остается теорией, а не учением жизни».

Служение правде через любовь к человеку было религией Брешковской всю жизнь, от ранней юности и до последнего смертного часа. Менялись рассудочные формулы ее веры, но суть оставалась неизменной. Она была народницей уже в крепостной усадьбе своих аристократических родителей, когда слушала жития святых, которые ей читала мать, когда умилялась перед подвигом святой Варвары Великомученицы. Она оставалась подражательницей Христу, когда бродила убогой странницей из села в село, из города в город, все достояние свое имея заброшенным за спину в маленьком узелке.

Уйдя на утре зрелой жизни из богатого дома, из любимой семьи, она уже всю жизнь не имела ни своего постоянного крова, ни имущества, ни даже одежды. А если ей навязывали лишнее платье или запасную рубашку, она сейчас же отдавала «лишнее» тем, кто был еще ее беднее.

Она входила во дворцы и в тюрьмы одинаково спокойно, свободно и гордо, ибо и тюрьма для нее была простым продолжением жизни, посвященной любви к человеку. «Не то страшно, — говорила она, — чего люди боятся: бедность, преследования, тюрьма, а то, что их не пугает, — обывательщина, жизнь для себя».

Со всеми людьми обращалась она одинаково любовно — с партийным товарищем и со стражником, гнавшим ее на этап. «Он негодный человек, — говорила она про кого-нибудь, — а ты обращай с ним как с порядочным, может быть, и он почувствует в себе человека».

Профессионально политикой она не занималась, но ее религиозное отношение к праву человека на социальную справедливость превратило ее жизнь в упорную политическую борьбу, не знавшую пощады ни себе, ни другим. Спекулянтов в политике она отвергала без всяких колебаний, ибо для нее политика была не «грязным делом», а делом жизни, служением правде.

О Брешковской легче написать житие по стародавним образцам, чем современную биографию. И действительно, только глубокой верой, неугасимым внутренним пламенем любви может быть подвигнут современный человек на жизнь, прожитую Бабушкой. Эту жизнь можно целиком принять или отвергнуть; земно ей поклониться или отвернуться с глумлением над «диким юродством». Но нельзя найти ничего среднего, примиряющего любовь с ненавистью, правду с ложью, Христа с Антихристом.

Отсюда ее суровое отрицание большевистской Москвы. Для нее невозможна была софистика, подыскивающая оправдания злу то в наследии прошлого, то в грядущих достижениях.

Вся ее жизнь была одним бурным потоком любви, стихийно смывавшим на своем пути все плотины, выстроенные расчетливым рассудком. Брешковская была безрассудной совестью, восставшей на бессовестный рассудок.

И что удивительно и чудесно: безрассудство оказалось высшим Разумом. Ибо кто же, зрячий, может сейчас не видеть, что путь Брешковской, путь служения правде через любовь к человеку есть единственный путь, на котором могут спастись люди от захватывающего их со всех сторон цивилизованного варварства.

Целеустремленная интуиция Брешковской гениальна. Как спущенная с тетивы стрела, она

ни разу не могла уклониться от пути, ей предназначенного. И эта неуклонность в исполнении взятого на себя бремени воспринималась иногда окружающими как черствая суровость.

Но, отмечая в своей жизни все личное, разве не была она всего неумолимей к самой себе?!

Неповторимый образ Брешковской не был бы завершен, если бы не знали мы, что до последнего дня своей жизни она про себя неустанно и строго судила свою «грешную» жизнь. «Хочу, чтобы вы знали, — обратилась она перед смертью к своим ближайшим друзьям, у которых жила^[273], — что не напрасно тратили вы и ваши усилия, и вашу искреннюю любовь: вы дали мне возможность передумать и пересмотреть все мое многообразное прошлое». И пересмотр этот, знаю я, связан был с великою мукой.

Совершив удивительный подвиг самоотреченной любви, Брешковская сомневалась, был ли смысл в ее жизни, оправданны ли те страдания, которые, уходя из родного дома, причинила она своим любимейшим и ближайшим по крови. Никто на земле не мог и не смел дать ей успокоительного ответа. Да и не приняла бы Екатерина Константиновна благополучного утешения, она должна была до конца в борениях напрягать свое неумное сердце. Сильным нет покоя!

«Природа, — написала Брешковская в своем прощальном письме, — дала мне слишком много эмоций, чтобы жизнь моя могла идти ровными размерами без бурных скачков... Во всяком случае могу сказать, что жизнь была ко мне милостива... И тем, кто принял меня своим другом, я бесконечно благодарна не только здесь, но и в том будущем мире». Мы же должны благодарить бесконечно мудрую и предвидящую Силу за то, что Брешковская жила среди нас и учила нас подвигу достойной человека жизни. Мы должны быть благодарны за то, что на нашу гордость Екатерина Константиновна была создана духовным гением России...

Радостное яркое солнце заливало бесконечную вереницу людей, шедших и ехавших хоронить Бабушку. Ряды чешских легионеров, серые бескозырки чешских рабочих — дружинников, бедные наряды русских детей из эмиграции и с Карпат, крестьянские толпы на коротком пути от белого домика к сельскому тихому кладбищу, чужие боевые знамена, склонявшиеся перед прахом революционерки под звуки «Коль славен», — все это создавало единственную, неповторимую, как сама Брешковская, обстановку ее ухода на последний отдых перед последним, победным возвращением домой в Россию. Ибо путь Брешковской — путь с народом и с Россией, путь народный и национальный.

За кладбищенской стеной у могилы Е. К. Брешковской бегут поезда на восток. По этим путям отвезем мы ее домой. Она будет символом возрождения России в прощении и примирении, в любви и в правде.

В заседаниях Временного правительства первого состава мне рядом с открытой, привлекавшей к себе каждого фигурой князя Львова вспоминается всегда несколько угрюмая, одинокая и чуть — чуть загадочная фигура военного и морского министра, Гучкова.

Происходя из известной купеческой московской семьи, внук крепостного, европейски образованный, Гучков был чужд всем традициям русской интеллигенции. Более того, он в 1905–1906 годах появился на политической арене решительным противником «освободительного движения», врагом воинствующей русской интеллигенции, настоящим контрреволюционером. Он создал «Союз 17 октября», партию буржуазной реакции. Боролся с лозунгами автономии Польши, как с первым шагом к разложению России; приветствовал беспощадное усмирение московского Декабрьского восстания 1905 года; одобрял введенные Столыпиным военно — полевые суды; санкционировал разгон 1-й Государственной думы и участвовал, скорее, подсказал государственный переворот 3 июня 1907 года.

Гучков сначала выступал и в 3-й Государственной думе как лидер реакционного большинства и вел там отчаянную борьбу с кадетской оппозицией, опираясь на Столыпина и в то же время его поддерживая.

Казалось бы, что общего могло быть между Гучковым и русской революцией? Как мог попасть он, этот недавний «душитель свободы», в стан ее борцов? По его собственным словам, он сделался революционером, «убедившись, что старая власть ведет в пропасть Россию». Он стал революционером в октябре 1915 года, но еще в 3-й Государственной думе весь ужас, творившийся в армии Сухомлиновым, Мясоедовым^[274] и Ко, раскрылся перед ним и сделал ясным для него все губительное значение для обороны страны участие в управлении армией великих князей.

Тогда еще, в 1911–1912 годах, он неоднократно и весьма резко выступал против всяких безответственных влияний в армии, разоблачал сухомлиновскую шайку и сделался при дворе, несмотря на все свои «заслуги» по контрреволюции, лицом, ненавистным царице, «младотурком», в высшей степени подозрительным царю. Гучков тоже больше царю не верил.

Я представляю себе, что пережили они оба, когда 1 марта 1917 года Гучков приехал в Псков добиваться отречения Николая II, до его приезда уже подписанного, и имел там с ним свое последнее трагическое свидание.

Еще с Русско — японской войны, в которой он участвовал как главный уполномоченный Красного Креста, у Гучкова заводятся прочные связи в армии и он считается в «штатском» политическом мире самым влиятельным, популярным человеком на верхах армии.

Без предвзятых теорий, без интеллигентских, воспринятых с ранних лет, предрассудков, без всякой оппозиционной или революционной школы, а ощупью, шаг за шагом, подгоняемый жизнью, прошел в 10 лет Гучков весь путь от борьбы с русским освободительным движением до полного слияния с ним во имя борьбы с общим врагом. Конечно, меньше, чем кто-либо, Гучков хотел *той* революции, которая разразилась 27 февраля, да и вообще он был скорее заговорщиком, чем революционером. По природе своей скептик, он не верил и не мог верить в «народ» так, как верил в него всякий русский интеллигент. Он не чувствовал «толпы». Наоборот, он презирал, мне кажется, ее. Он был бы незаменим в том дворцовом перевороте, который готовился в зиму 1916 года и все несчастно откладывался. Во всяком случае, в Гучкове было большое чутье жизни, большая политическая интуиция и способность предвидеть. Недаром же он стал революционером в то время, когда не только политические партийные друзья Гучкова, но и большинство кадетов и прогрессистов от одного слова «революция»

приходили в священный ужас. А Гучков с его жилкой практического политика еще в 1914 году понял, что при самодержавии война, наверное, кончится разгромом России и что нужно «рисковать» и спасать. И во Временном правительстве его суждения всегда были практичны и жизненны. Он быстро схватывал обстановку и никогда не жертвовал человеком для субботы.

Гучков был настоящий, большой государственный человек, но судьба его была трагична, и он не дал России того, что мог и должен был дать. Демократическая же Россия, Россия революционная слишком больно и хорошо помнила его как Савла и совсем не знала его как Павла. А кто и знал, тот все-таки не доверял.

Всем и всюду, и направо, и налево Гучков везде был чужой. Чужим он оказался для старой правящей России, чужим он пришел и остался в революции. Здесь его прошлое было ядром, прикованным к ноге каторжника. Атмосфера злобного недоверия народных низов окружала его со всех сторон и парализовала всю его работу, убивала в нем всякую инициативу, душила его. И он, чуждый толпе, холодный и скептический, не мог преодолеть этого недоверия порывом, который бы растопил этот лед, рассеял бы эту ядовитую мглу глухого недоверия, переходившего постепенно в открытую ненависть. Чужой и ненужный ходил среди солдат на фронте этот «барин» в теплом пальто с палкой или с зонтиком в руках. Среди матросов Балтийского флота он и вовсе показаться не мог. Но после его ухода из Временного правительства совершенно неожиданно оказалось, что и в офицерском командном составе армии, за исключением сравнительно небольшого крута генералов и офицеров Генерального штаба, с которыми он работал до войны, он почти никакого авторитета не имел или неожиданно его потерял. С больным сердцем, переутомленный, глубоко страдая от развала фронта, которого он не имел сил остановить, обескураженный глухой стеной безразличия и недоверия, окружавшей его, Гучков первый из нас, членов Временного правительства, пал духом и ушел, отряся от ног своих прах революции.

Он ушел из Временного правительства демонстративно, с надрывом, с вызовом даже. Но зачем? Не знаю. Может быть, он хотел как можно громче крикнуть на всю Россию: «Опомнитесь, разве вы не видите, родина на краю гибели». Так и закончил он свою мрачную, полную безнадежного пессимизма речь на собрании членов четырех Государственных дум 27 апреля 1917 года. В один и тот же день, с одной и той же кафедры, от имени одного и того же Временного правительства прозвучали трагическим пророческим диссонансом эти две речи: призывные, проникнутые глубокой верой и любовью слова князя Львова и мрачные, тоскующие, уничтожающие всякую веру в душе человека слова Гучкова.

*

Правым как будто оказался Александр Иванович.

Но чем дальше в историю уходили февральские дни, тем ярче разгоралась в Гучкове львовская, его собственная, русская вера в творческую силу бессмертной России. Он ушел в эмиграцию, сохранив до конца свою сущность — всепоглощающую и все преодолевающую, мучительную и неуголимую любовь к своей стране, к своему народу.

П. Н. Милюков^[275] умер, совершив редкий по насыщенности духовным содержанием круг жизни.

Всем своим нутром русский человек, он в своем сознании был убежденным и непреклонным западником. Почти всеобъемлющая культура П. Н. Милюкова давала ему право на одно из первых мест среди ученых и среди политических деятелей Европы. Это место, несомненно, было бы за ним признано, если бы не случилось русской катастрофы. Большой, редкий русский человек ушел почти не замеченным западным общественным мнением...

Одиночество России в мире продолжается. И чем безнадежнее это одиночество, тем дружнее мы должны сомкнуться вокруг памяти одного из тех, без кого не было бы той России, которой мы преданы и которой гордимся.

Человек неутолимой жажды жизни и знания, человек чудовищной трудоспособности до последнего дня своей жизни, глубокий аналитик и блестящий историк, П. Н. Милюков был по призванию политическим бойцом непреклонной воли, веры в свой путь, с холодной рассудочной страстью. Если бы П. Н. Милюков свою боевую натуру, свое властолюбие и честолюбие отдал на служение самому себе, его жизнь и роль в истории были бы совсем другими. Но на свои политические страсти и мечты он наложил тяжкие вериги служения *России и свободе*.

О П. Н. Милюкове — историке, о его русской культурной миссии в Европе и в Америке, о его общественной, политической и государственной работе надо писать целое исследование. Это не моя задача. Узнав о смерти П. Н. Милюкова, я почувствовал непреодолимую потребность написать эти строчки.

В годы, когда переламывалась судьба России — 4-я Государственная дума, война и 1917 год, — мы были оба в центре вихря истории, почти в непрестанной борьбе между собой. Ничего личного в этой борьбе не было, хотя внешне она и принимала иногда вид личных острых столкновений. На самом деле была борьба двух пониманий происходящего, двух разных тактик при единстве целей. Каждый из нас в равной степени считал свой путь единственно возможным в исторических условиях того времени и верил в правоту своего дела. Веря в *свою* правду, каждый из нас в работе делал неизбежные ошибки. Но отвергнуть или принять в свое сердце человека, судить о нем должно не по его ошибкам, а по его намерениям, целям, планам, направлению воли.

И вот, зная, чего хотел в переломный миг истории России П. Н. Милюков, я убежден: Россия не пережила бы своего самого страшного со времен татарского ига падения, если бы П. Н. Милюков мог довести до конца, осуществить свой план возрождения и спасения России. А не осуществил он его только потому, что объективные условия России того времени превратили этот план в несбыточную мечту.

4-я, и последняя, Государственная дума — в противовес 1-й Государственной думе бессильного народного гнева — была Думой оппозиционного, а затем революционного действия. Она открылась в ноябре 1912 года, в апогей расцвета империи.

После встряски 1905 года в короткий конституционный период хозяйственное развитие России шло стремительно в американских масштабах, как признают даже советские исследователи той эпохи. Начало XX века было блестящей эпохой русского духовного, культурного и политического расцвета. Низовая трудовая Россия и в городе, и в деревне, политически созревая, превращалась в организованную демократию. Впервые почувствовала себя политической силой промышленная и торговая Россия — Россия среднего класса.

Дворянско- октябристское большинство «реакционной» столыпинской 3-й Государственной думы вернулось в 4-ю решительной конституционной оппозицией. Накануне первой сессии 4-й Государственной думы большинство октябристской фракции приняло директиву А. И. Гучкова — борьба с безответственными влияниями вокруг трона за ответственное перед законодательными учреждениями правительство.

В этой Думе оппозиционного действия мы встретились — П. Н. Милюков лидером ответственной либеральной оппозиции, я — представителем оппозиции левой, иронически называемой тогда безответственной. О Милюкове 1905 года я тогда слышал и читал. П. Н. Милюков — радикал, вождь, настроенный, по авторитетному свидетельству ближайшего его соратника Н. В. Гессена [\[276\]](#), левее своей собственной партии, готовый к союзу с левыми демократическими революционными партиями, был в прошлом.

В 4-й Государственной думе я встретился не с радикальным политиком, а с либеральным государственным деятелем, совершенно убежденным в невозможности совместной работы с левыми, социалистическими, революционными партиями. Дело не в том, был ли П. Н. Милюков объективно прав в своей оценке государственных качеств русской левой демократии; дело в том, что субъективно, на основании своего опыта недавних лет, он был в этом решительно убежден. Он остался верен своей цели — превратить Россию в парламентскую либеральную монархию на базе широких социальных преобразований. Но теперь, когда средние классы России созрели к борьбе за власть, за народовластие, для достижения поставленной П. Н. Милюковым цели открылся более верный и более скорый путь *парламентской борьбы*, опираясь на союзников справа.

А для П. Н. Милюкова вопрос о скорости и безболезненности политического преобразования империи имел тогда огромное значение. 4-я Государственная дума начинала свою работу, когда Европа была уже под знаком войны. Зарницы приближающейся грозы все чаще вспыхивали то там, то здесь.

П. Н. Милюков был человек Империи — иначе он России не мыслил. Тут историк сливался с политиком. Он сознавал мировую роль России и ею гордился. Отрицая «особые пути» России, он глубоко чувствовал особое место государства Российского на смычке Европы с Азией с открывающимися перед ним безбрежными возможностями. Он мог бы сказать: «Восточная Европа — географический стержень истории», как в своей замечательной пророческой книге «Демократические идеалы и действительность» написал в 1919 году английский географ и мыслитель Хэлфорд Д. Макиндер. И этот стержень истории должен оказаться в руках С. — Петербурга, а не Берлина, каких бы жертв это стране ни стоило. Мировая империя требовала, как завершения здания, императора, монарха — символа единства и исторической преемственности. Именно империализм Милюкова, в положительном смысле этого слова, сделал его убежденнейшим и непреклонным, не идущим ни на какие соглашения монархистом.

Парламентарная либеральная империя, управляемая либерально — консервативным парламентским большинством, с левой демократической и социалистической оппозицией; империя мирового масштаба — так я воспринял цель деятельности П. Н. Милюкова, когда мы были с ним рядом в 4-й Государственной думе и когда он чувствовал себя готовым к власти, к управлению империей. Можно спорить о том, находился ли в соответствии милюковский план либеральной империи с исторической действительностью, с реальным соотношением социальных и политических сил в России, с самой возможностью победить диктатуру безумия Царского Села исключительно парламентскими методами борьбы.

Я думал, что это невозможно, П. Н. Милюков со всем своим упорством воли проводил свой план в жизнь, не сомневаясь в том, что он идет верным путем. Если бы случилось двойное чудо и П. Н. Милюков осуществил свой план, и осуществил его до войны, он бы вошел в историю, как

Бисмарк или Тьер.

Но все расчеты, все планы, все сроки были взорваны войной 1914 года. Сверху донизу страна нутром поняла судьбоносность этой войны. В июле 1914 года Россия была в революционном брожении. Германский посол граф Пурталес сообщил в Берлин, что обстановка в России исключительно благоприятна для удара. Ему чудилась Россия в смуте времен Японской войны 1904 года. Случилось совсем по — другому. Июльские баррикады в рабочих кварталах Петербурга мгновенно исчезли — они были разобраны самими рабочими. Мобилизация была выполнена в нужные сроки без каких бы то ни было осложнений. Вся Россия оказалась единой в своей воле к защите и победе. Это была неповторимая минута в судьбах монархии: идя навстречу народу, протянув ему руку, слившись с ним в едином патриотическом чувстве, династия могла бы укрепить себя на долгие десятилетия. Бесценный дар народного энтузиазма и воли к жертве был отдан на расхищение правительству Н. Маклакова, Щегловитова, Сухомлинова^[277], заслоненных к тому же зловещей тенью всемогущего Распутина.

26 июля должно было открыться так называемое историческое заседание Государственной думы. Естественно, думцы в своих настроениях сливались со страной. Но кроме выражения патриотических чувств, воли к борьбе и победе перед Думой стояли еще политические задачи — определить свое отношение к правительству, роль в войне народного представительства как посредника между страной и властью. В предварительных совещаниях старейшин Думы (лидеров партии) было много тревожных настроений. Некоторым из нас казалось, что мы, принимая на себя ответственность за войну, должны, не нарушая торжественного единения в публичном заседании Государственной думы, в строго секретном порядке, через председателя Государственной думы, М. В. Родзянко^[278], передать государю мнение Государственной думы, что для благополучного завершения войны великий патриотический подъем России должен быть закреплен рядом благожелательных мероприятий правительства.

П. Н. Милюков был решительным противником этой тактики. Убедительными для большинства Государственной думы доводами он доказал, что на время войны Государственная дума должна отказаться от всякой политической борьбы и, стиснув зубы, помогать воевать тому правительству, которое оказалось у власти в минуту начала войны. С этого момента П. Н. Милюков становится влиятельнейшим вождем нового либерально — октябристско — консервативного большинства. Именно война устранила психологические препятствия к объединению еще недавно непримиримых противников — конституционного демократа П. Н. Милюкова и октябриста А. И. Гучкова. Начался период политического молчания Государственной думы. Огромная техническая работа на пользу войны шла в думских комиссиях, и там только допускалась деловая критика гражданских и военных властей.

Но этот период молчания продолжался недолго. При всей доброй и напряженной воле вождей Государственной думы «не перепрыгать лошадей во время переправы», политическое перемирие с властью не удалось. Весенняя трагедия в Галиции 1915 года вызвала взрыв патриотизма в стране, сорвала замок молчания с ее уст. Первыми заговорили промышленники во главе с Рябушинским, потом — земцы, городские деятели, кооператоры. Русское общество властно потребовало своего ответственного участия в организации обороны страны, потребовало правительства, способного работать с общественными организациями, отдавшими свои силы на помощь войне.

Вместе со страной вернулось к открытой политической деятельности большинство Государственной думы. К осени 1915 года блок конституционных демократов октябристов и умеренных правых начал свое официальное существование под именем Прогрессивного блока. П. Н. Милюков стал самым влиятельным вождем этого блока. В размещении политических сил в стране Прогрессивный блок стоял на правом фланге. Правее его уже никого не было, кроме

явных и тайных распутинцев. А среди думских вождей блока самую консервативную позицию занимал П. Н. Милюков.

Задача блока была невероятной трудности: нужно было преодолеть распутиниаду, фактически взять власть в свои руки.

Вопрос о власти с каждым днем становился острее, ибо после краткого «светлого промежутка» диктатура безумия все безнадежнее загоняла страну в тупик развала и сепаратного мира. Но как вырвать руль государства из рук «сумасшедшего шофера» (слова В. А. Маклакова), не обращаясь за помощью к недумским демократическим силам, таящим в себе угрозу стихийного бунта и анархии? На этот вопрос А. И. Гучков дал ясный ответ еще в конце 1915 года — дворцовым переворотом.

Идея о дворцовом перевороте не была монополией А. И. Гучкова. Во время войны не только в либеральных и октябристских кругах, но и в левых кругах ни один ответственный политик стихийного взрыва революции снизу не хотел. Всем нам казалось, что ее можно предотвратить только скорым, смелым и решительным переворотом на самой вершине власти. Но внутри Прогрессивного блока П. Н. Милюков твердо и решительно остается защитником только парламентских методов борьбы за власть — он не хочет соблазнительно колебать самый принцип неприкосновенности монархической власти. Уже в ноябре 1916 года, когда вся Россия была в судорогах политической горячки, он произнес свою знаменитую обличительную речь, заканчивая каждое свое обвинение вопросом — «глупость или измена?». Эта речь некоторыми историками считается началом русской революции. И действительно, ее революционное влияние в тылах и в особенности на фронте среди офицерства, в особенности высшего, нельзя отрицать. Но я могу свидетельствовать по чистой совести, что П. Н. Милюков произносил свою объективно революционную речь с субъективным намерением предотвратить революцию, побудив верховную власть к сговору с Прогрессивным блоком.

Наконец, П. Н. Милюков сам убедился, что нет выхода предотвратить внутреннюю катастрофу во время войны, кроме как дворцовый переворот. Он на него согласился. Но было уже поздно...

Произошел чудовищный взрыв, переломивший всю историю России, всю историю европейского мира.

И тут, уже на развалинах монархии, П. Н. Милюков в убеждении в кровной неразрывности судеб Российской империи и монархии поднялся на высоту подлинного героя трагедии...

Поздняя ночь на 3 марта 1917 года. В одном из небольших кабинетов здания Государственной думы собрались члены только что образовавшегося Временного правительства и члены Временного комитета Государственной думы. Делегаты Временного правительства (военный министр А. И. Гучков) и Думского комитета (В. В. Шульгин) в Пскове. Эти два консерватора и монархиста должны получить от императора отречение в пользу его сына, малолетнего Алексея, при котором должен был состоять брат царя, великий князь Михаил Александрович. Идет час за часом в напряженном ожидании. Петербург горит. Псков молчит. Делегаты не возвращаются, никаких сведений от них нет. Наконец, ошеломляющее известие: государь отказался от престола за себя и за сына, вручив особым манифестом верховную власть своему брату Михаилу.

Тут случилось нечто, казавшееся тогда невероятным. Вслед за М. В. Родзянко, сказавшим: «Великий князь Михаил не может быть императором», члены Прогрессивного блока решительно высказались против возможности, передачи верховной власти в руки брата царя.

Все — кроме одного: П. Н. Милюкова.

Внешне спокойно, почти не повышая голоса, с холодной и сдержанной страстью, П. Н. Милюков упорно хотел переломить решение своих вчерашних единомышленников. Его доводы

не действовали. Он возобновлял атаки. Не участвуя в этом неравном поединке политика — историка с безжалостной логикой истории, я увидел всю глубину веры П. Н. Милюкова в свою правду и всю напряженность его воли. Один довод П. Н. Милюкова был неопровержим: вопрос о судьбе России должен быть разрешен тем человеком, которому судьба вручила верховную власть империи; великий князь Михаил имеет право и должен выслушать мнение и большинства и меньшинства, должен принять решение в своей собственной совести. Было решено: утром, на свидании с великим князем Михаилом Александровичем, предоставить П. Н. Милюкову и возвращавшимся из Пскова А. И. Гучкову и В. В. Шульгину полную и неограниченную свободу убеждать брата царя принять престол.

Утром 3 марта, после бессонной ночи, мы все собрались на Миллионной, 12, в квартире друзей великого князя, где он останавливался, приезжая из Гатчины. Князь вышел к нам, явно тоже не спавший всю ночь, нервный, возбужденный, тревожный. А. И. Гучков с В. В. Шульгиным все никак не могли доехать до Петербурга — пришлось начать официальную беседу без них. По нашему постановлению от большинства членов Временного правительства и членов Комитета Государственной думы говорили князь Г. Е. Львов и М. В. Родзянко. Они говорили недолго, смысл их обращения был в том, что, ввиду всем ясной обстановки, в предотвращение острых столкновений в стране и в армии, вопрос о принятии престола нужно отложить до Учредительного собрания. Великий князь слушал Родзянко и Львова довольно спокойно.

Но вот заговорил П. Н. Милюков. Мучительная ночь никак не отразилась на его физических и умственных силах. Не было такого исторического, политического, психологического довода, которого бы он не упомянул в своей длинной речи. Великий князь потерял свое спокойствие — он явно нервничал, мучился, делал какие-то судорожные жесты руками. Иногда казалось, что он вскочит и скажет — «довольно!». Но П. Н. Милюков с внешней мягкостью терпеливого учителя и выдержанной почтительностью мудрого царедворца, с жестокой беспощадностью доказывал князю его долг перед Россией и династией, который он должен выполнить, несмотря ни на какой риск и ни на какие жертвы.

Для всех присутствующих эта сцена становилась все более мучительной. Наконец, приехали А. И. Гучков и В. В. Шульгин, бледные, взволнованные, странно молчаливые. А. И. Гучков сказал только несколько слов о том, что он всецело присоединяется к мнению П. Н. Милюкова, а В. В. Шульгин, насколько помню, просто промолчал. После слов А. И. Гучкова наступило тяжелое молчание...

Заговорил великий князь. Он «просил разрешения» у М. В. Родзянко посоветоваться с двумя лицами из нашего состава наедине, в соседней комнате. М. В. Родзянко несколько растерялся от этого неожиданного обращения, так как накануне мы решили говорить с великим князем все вместе. Родзянко начал об этом говорить великому князю, но мне показалось совершенно невозможным хоть как-нибудь помешать свободному решению брата царя. Ведь, действительно, судьба России стояла в эту минуту на карте. Я вмешался. Князь мог выбрать двоих из нас для последнего совета. Кого он выберет? П. Н. Милюкова и А. И. Гучкова или других?

Великий князь просил выйти с ним в соседнюю комнату М. В. Родзянко и князя Г. Е. Львова. Вопрос о монархии был решен. Но П. Н. Милюков «выполнил свой долг до конца». Он уходил из дома № 12 на Миллионной последним героическим и трагическим защитником монархии, которой уже не существовало и для восстановления которой не было никаких других сил, кроме страстной воли его самого.

Прошли года... Года попыток восстановить империю по старому думскому плану. Надежды на белых генералов, на союзников, разочарование и в генералах с их «классовым окружением», и в союзниках, и в творческих силах старых буржуазных средних классов.

Краткий миг участия во Временном правительстве Февраля был только дурным сном в жизни П. Н. Милюкова. Тот Милюков, которого я знал в 4-й Думе и который таким пришел в революцию, не мог не оказаться в ней в страстной и действенной оппозиции. Все мысли его, вся воля были сосредоточены на скорейшем возвращении России на ее традиционный исторический путь. То, что было последней препоной на пути к разгрому и Ленину, ему казалось только досадной помехой на пути к восстановлению национальной, мощной, монархической России. Генералы Корнилов, Алексеев, Деникин, адмирал Колчак должны были сохранить национальное знамя на русской земле до победы союзников. Памятуя о жертвах России для этой победы, союзники придут на помощь национальной России, вернут ей расхищенное достоинство и примут в свою среду как равную.

Так думал П. Н. Милюков, выезжая с территории Добровольческой армии для переговоров с Парижем и Лондоном. И здесь его ждал жестокий удар. «Германия была побеждена, — пишет об этом времени П. Н. Милюков в «России на переломе». — Брест- Литовский договор, унижительный для России, был отменен. Можно себе представить крайнее изумление и смущение русского общественного мнения, когда оно, после напряженных ожиданий, начало понимать, что ослабление России есть цель не только наших врагов, но и наших друзей и что самоопределение национальностей в действительности превратилось в расчленение России, которое будет закреплено условиями мирного договора, а договор будет заключен в отсутствие России».

Ушел весь тот мир — и внутри и вне России, в котором жил, строил и боролся Милюков — политик три четверти своей жизни. Но за завесой большевистской диктатуры осталась Россия.

Осталась страстная любовь Милюкова к России, во всем ее величии и убожестве, во всех ее достижениях и падениях. Любовь к стране с мировым будущим, которая уже переживала в своей истории страшные катастрофические падения и вновь вставала в новом виде, в новых формах, с новой силой и с новым блеском. П. Н. Милюков последних лет был новым человеком в политическом своем образе: человеком, преодолевшим самого себя и почувствовавшим в самой глубине своего сознания, что революционный взрыв 1917 года не оказался взрывом России, что новые поколения русских людей, пришедшие с низов народа, преодолевая все соблазны коммунистической идеологии, возвращаются на пути истории, способные крепить и защищать Россию не хуже тех поколений, на смену которым они пришли.

А опыт Первой мировой войны показал П. Н. Милюкову, как и многим из нас, что в борьбе за принадлежащее ей место под солнцем Россия должна рассчитывать только на себя.

Вся тактика П. Н. Милюкова с начала этой войны была продиктована ему его горьким опытом политика и историка: Россия — географический стержень истории — должна существовать в мощи и силе, кто бы и как бы ею ни правил.

Отсюда его всем нам завещание: быть на сторожевой службе России — как бы она ни называлась — беззаветно, безропотно и до последнего вздоха.

Примечания

Впервые — Современные записки (Париж). 1928. № 37 (под названием «Из воспоминаний»). Печатается по этому изданию. Название дано составителем.

С. 31. *Гинденбург* Пауль фон (1847–1934) — генерал — фельдмаршал (1914), с августа фактический главнокомандующий германскими войсками. С 1925 г. президент Веймарской республики, передавший 30 января 1933 г. власть в руки нацистов и поручивший Гитлеру формирование правительства. Автор «Воспоминаний» (Пг., 1922).

Людендорф Эрих (1865–1937) — немецкий генерал пехоты (1914), руководивший действиями всех вооруженных сил Германии в годы 1-й мировой войны. В 1923 г. вместе с Гитлером возглавил путч в Мюнхене. Автор книги «Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг.» (Т. 1–2. М., 1923–1924).

Гофман Макс (1869–1927) — немецкий генерал — майор. В декабре 1917 — феврале 1918 г. возглавлял германскую делегацию во время мирных переговоров в Бресте. Выступал за перемирие с Россией для достижения победы на Западе. В 1919 г. предпринял попытку организовать военную интервенцию в Россию. Автор мемуарных книг, изданных на русском языке: «Война упущенных возможностей» (1925) и «Записки и дневники. 1914–1918» (1929).

...разоблачением *Эдуарда Бернштейна*. — Имеется в виду пересмотр основных положений марксизма, предпринятый одним из лидеров немецкой социал — демократии *Эдуардом Бернштейном* (1850–1932). В России его идеи были подхвачены «легальными марксистами» (П. Б. Струве), представителями русского экономизма (С. Н. Прокопович, Е. Д. Кускова) и др.

С. 32. *Алексеев* Михаил Васильевич (1857–1918) — генерал от инфантерии (1914). В марте — мае 1917 г. Верховный главнокомандующий. С 30 августа по 9 сентября 1917 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего Керенского. После Октябрьского переворота возглавил Добровольческую армию белых.

Ермоленко Д. С. (1874—?) — зауряд — прапорщик, служивший в контрразведке. Во время 1-й мировой войны попал в плен. В апреле 1917 г. оказался на фронте, где был арестован. На допросе (его протокол был переслан Керенскому и опубликован) Ермоленко рассказал, что немцы перебросили его через фронт для ведения пораженческой агитации, которую, как ему заявили в германском Генштабе, уже ведут и другие немецкие агенты, в том числе Ленин, а деньги на агитацию и инструкции им передают из Стокгольма через посредство Я. С. Ганецкого, его родственницы Е. М. Суменсон и Парвуса (АЛ. Гельфанда).

Деникин Антон Иванович (1872–1947) — генерал — лейтенант (1916), военный писатель. В 1917 г. главнокомандующий армиями Юго — Западного фронта. После Октябрьского переворота один из главных руководителей Белого движения, главнокомандующий Добровольческой армией (1918–1919) и Вооруженными силами Юга России (1919–1920), «верховный правитель Российского государства». 4 апреля 1920 г. сдал командование П. Н. Врангелю и выехал в Великобританию. Автор мемуаров «Очерки русской смуты» (Т. 1–5. Париж; Берлин, 1921–1926).

С. 33. *Львов* Георгий Евгеньевич (1861–1925) — князь, землевладелец. Депутат 1-й Государственной думы (1905). Деятель земского движения. В марте — июле 1917 г. глава Временного правительства. С октября 1918 г. в эмиграции. В 1918–1920 гг. возглавлял в Париже Русское политическое совещание.

Терещенко Михаил Иванович (1886–1956) — крупный землевладелец и сахарозаводчик. С 2 мая 1917 г. министр финансов, с 5 мая, после ухода П. Н. Милюкова, министр иностранных дел Временного правительства. В ночь на 26 октября был арестован большевиками вместе с другими

министрами. Освобожден весной 1918 г. Эмигрировал.

Некрасов Николай Виссарионович (1879–1940) — инженер — технолог, профессор Томского университета (1902–1907). В 1909–1917 гг. один из лидеров партии конституционных демократов. Депутат 3-й и 4-й Государственных дум. В 1917 г. министр путей сообщения, министр финансов, заместитель председателя Временного правительства. В 1921–1930 гг. в Центросоюзе, затем преподаватель в Московском университете и Московском институте народного хозяйства им. Плеханова. Репрессирован.

Ганецкий Яков Станиславович (наст. имя и фам. Якуб Фюрстенберг; 1879–1937) — видный деятель социал — демократии Королевства Польши и Литвы. С 1912 г. поддерживал близкие контакты с Лениным. В марте 1917 г., находясь в Стокгольме, был в числе тех, кто готовил возвращение Ленина и других большевиков в Россию через Германию. В 1918–1922 гг. участвовал во всех заседаниях Совнаркома РСФСР. С 1935 г. директор Музея революции СССР. Репрессирован.

Козловский Мечислав Юльевич (1876–1927) — член РСДРП(б) с 1900 г., с ноября 1918 г. председатель следственной комиссии Петросовета.

Суменсон Е. М. — родственница Я. С. Ганецкого, проживавшая в Петрограде. С 1917 г. вела с ним тайную коммерческую переписку. Прокуратура Временного правительства использовала эту переписку в качестве обвинительных документов против Ленина.

«*Discontogesellschaft*» — «Учетный банк» (нем.).

С. 35. *Гучков* Александр Иванович (1862–1936) — предприниматель, лидер партии октябристов. Член Государственного совета (в 1907 г. и с 1915 г.). В 1910–1911 гг. председатель 3-й Государственной думы. 2 марта 1917 г. принял отречение Николая II. Во Временном правительстве военный и морской министр (с 2 марта по 2 мая). Член Предпарламента. Участвовал в создании Добровольческой армии. В 1919 г. А. И. Деникин направил его в Париж для переговоров с французским правительством, где он остался в эмиграции.

С. 36. *Зиновьев* Григорий Евсеевич (наст. имя и фам. Евсей Аронович Радомысльский; 1883–1936) — член РСДРП(б) с 1903 г. С декабря 1917 г. председатель Петросовета. Один из организаторов «красного террора». С марта 1919 г. председатель Исполкома Коминтерна, заявивший на его 5-м конгрессе (1924): «Нам еще предстоит завоевать 5/6 земной суши, чтобы во всем мире был СССР». Репрессирован.

С. 37. *Шингарев* Андрей Иванович (1869–1918) — врач, публицист. Участник земского движения. Один из лидеров партии конституционных демократов. Депутат 2-й, 3-й и 4-й Государственных дум. В 1917 г. (до 2 июля) министр земледелия и финансов Временного правительства. Член Предпарламента. Депутат Учредительного собрания. Убит матросами — анархистами в Мариинской больнице (вместе с Ф. Ф. Кокошкиным).

Шаховской Дмитрий Иванович (1862–1939) — князь, внук декабриста Ф. П. Шаховского, внучатый племянник П. Я. Чаадаева. Один из учредителей конституционно — демократической партии (1905). В 1-м коалиционном Временном правительстве министр государственного призрения. В начале 1920-х годов отошел от политической деятельности и занялся литературой. Автор трудов о декабристах, Пушкине, Чаадаеве. Репрессирован.

Мануйлов Александр Аполлонович (1861–1929) — экономист, юрист, публицист. Профессор, в 1908–1911 гг. ректор Московского университета. Член Государственного совета (1907–1911). С 1905 г. член ЦК партии кадетов. В марте — июле 1917 г. министр народного просвещения Временного правительства. В 1920-х годах профессор Московского университета, член правления Госбанка СССР.

С. 38. *Кшесинская* Матильда (Мария) Феликсовна (1872–1971) — балерина Мариинского театра (с 1890 г.). С 1920 г. в Париже. Морганатическая жена великого князя Андрея

Владимировича. С 1929 по 1969 г. преподавала в собственной балетной студии.

Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918) — генерал от инфантерии (1917), участник русско — японской и 1-й мировой войн. 2 марта 1917 г. Николай II одновременно с отречением от престола назначил Корнилова командующим войсками Петроградского военного округа. С 18 августа 1917 г. Верховный главнокомандующий Русской армии. 25 августа 1917 г. возглавил вооруженное выступление против Временного правительства. Через два дня смещен Керенским, объявлен вне закона и после ликвидации мятежа 2 сентября арестован. 19 ноября освобожден Н. Н. Духониным, после чего выехал на Дон. В Новочеркасске вместе с М. В. Алексеевым и А. И. Деникиным возглавил формирование Добровольческой армии. Погиб перед очередным штурмом Екатеринодара (ныне Краснодар).

С. 39. *Церетели* Ираклий Георгиевич (1881–1959) — член РСДРП (меньшевик), депутат 2-й Государственной думы. После Февральской революции член исполкома Петросовета, в мае — августе 1917 г. министр почт и телеграфа Временного правительства. Член Учредительного собрания. С 1921 г. в эмиграции.

Чернов Виктор Михайлович (1873–1952) — социолог, публицист. Один из основателей и теоретиков партии эсеров. В мае — августе 1917 г. министр земледелия Временного правительства. В январе 1918 г. избран председателем Учредительного собрания. С 1920 г. в эмиграции. Основатель и редактор журнала «Революционная Россия» (Юрьев, Прага, Берлин. 1920–1931). После нападения Германии на СССР признал необходимым «стать на защиту России». Автор книг «Конструктивный социализм» (Прага, 1925), «Записки социалиста — революционера» (Берлин; М.; Пг., 1928), «Перед бурей: Воспоминания» (Нью — Йорк, 1953) и др.

Вердеревский Дмитрий Николаевич (1873–1946) — контр — адмирал. После Февральской революции начальник штаба, а с июня 1917 г. командующий Балтфлотом. Через месяц был отдан под суд за невыполнение приказа Временного правительства: во время июльского восстания большевиков адмирал отказался направить миноносцы к столице, чтобы преградить путь восставшим из Кронштадта. По требованию моряков его выпустили и 30 августа назначили морским министром. После Октябрьского переворота в эмиграции. В 1946 г. одним из первых пришел за советским паспортом в посольство СССР в Париже.

С. 40. *Дыбенко* Павел Ефимович (1889–1938) — матрос, член РСДРП(б) с 1912 г. В 1917 г. председатель Центробалта, в 1918 г. нарком по морским делам. Репрессирован.

Дудырев — Дудоров Б. П., капитан 1-го ранга, помощник морского министра Временного правительства. С июля 1917 г. военно — морской атташе в Японии.

Переверзев Павел Николаевич (1871–1944) — адвокат, член партии эсеров. Депутат 4-й Государственной думы. После Февральской революции прокурор Петроградской судебной палаты. С 24 апреля по 7 июля 1917 г. министр юстиции и генерал — прокурор Временного правительства. Вместе с Г. А. Алексинским опубликовал документы, в которых Ленин и большевики были представлены сотрудниками германского Генштаба. С 1918 г. в эмиграции.

С. 41. *Половцев* Петр Александрович (1874–1964) — генерал — лейтенант. С мая 1917 г. главнокомандующий Петроградским военным округом (сменил ушедшего на фронт Л. Г. Корнилова). С 20 октября 1917 г. военный губернатор и командующий войсками Терской области. С 1919 г. в эмиграции.

Якубович Григорий Андрианович (1880–1926) — полковник Генштаба. В 1917 г. член Военной комиссии Временного комитета Государственной думы, а в дальнейшем помощник военного министра.

С. 43. *Парвус* (наст. имя и фам. Александр Львович Гельфанд; 1869–1924) — публицист, участник социал — демократического движения в России и Германии. С 1915 г. консультант

германского правительства по революционному движению в России, предлагавший планы свержения самодержавия. В 1917 г. выступил посредником в передаче немецких денег большевикам.

Коллонтай Александра Михайловна (урожд. Домонтович; 1872–1952) — политический деятель, дипломат, публицист. В 1917–1918 гг. народный комиссар государственного призрения. С 1920 г. заведовала женским отделом ЦК ВКП(б). С 1923 г. посол в Норвегии, затем в Мексике и Швеции.

Ильин (Раскольников) — Федор Федорович *Раскольников* (наст. фам. Ильин; 1892–1939), политический и военный деятель, дипломат, литератор. В 1919–1920 гг. командующий Волжско — Каспийской флотилией. В 1920–1921 гг. командующий Балтийским флотом. С 1921 г. на дипломатической работе. Автор «Открытого письма Сталину» (1939) с обвинениями его в массовых репрессиях. Погиб в Ницце при невыясненных обстоятельствах.

Рошаль Семен Григорьевич (1896–1917) — деятель РСДРП(б). В 1917 г. участвовал в ликвидации Ставки Верховного главнокомандующего в Могилеве и аресте генерала Духонина. В октябре 1917 г. комиссар сводного отряда солдат и матросов, направленного под Петроград для то-: го, чтобы остановить продвижение к столице войск Керенского и Краснова. С ноября 1917 г. правительственный комиссар Румынского фронта. Во время переговоров арестован и расстрелян по приказу главнокомандующего Украинским фронтом Д. Г. Щербачева.

Семашко А. Я. — прапорщик, большевик. В 1917 г. командир первого пулеметного запасного полка, выступившего на стороне Ленина во время июльского выступления большевиков.

...арестованы Троцкий и Луначарский. — Лев Давидович Троцкий (наст. фам. Бронштейн; 1879–1940) и будущий нарком просвещения Анатолий Васильевич Луначарский (1875–1933) после июльского выступления большевиков были арестованы и обвинены в государственной измене и шпионаже. Троцкий, отсидев в тюрьме, в конце сентября был избран председателем Петросовета. Считал Октябрьский переворот несвоевременным, однако стал одним из его вождей. Освобожденного из тюрьмы Луначарского избрали товарищем городского головы, ведающим организацией работы учреждений культуры.

С. 44....газетки «Товарищ»... — Одно из изданий германского командования на русском языке для распространения в русских окопах. Газета печаталась в г. Вильно, занятом в 1915 г. немцами.

Впервые — Современные записки. 1928. № 38 (глава публикации «Из воспоминаний»). Печатается по этому изданию.

С. 49....*крайнюю левую, газету Горького «Новая жизнь»*... — Общественно — литературная социал — демократическая газета «Новая жизнь» выходила с 18 апреля 1917 г. по 16 июля 1918 г. в Петербурге; была основана на личные деньги М. Горького. Официальным издателем значился АН. Тихонов (Серебров). Горький опубликовал здесь цикл статей «Несвоевременные мысли», в котором выразил свое несогласие с тем, как развиваются в России революция и культура. После неоднократных предупреждений газета была закрыта.

«Новое время» (1868–1917) — официозная петербургская газета, издававшаяся с 1876 г. А. С. Сувориным и его сыновьями.

...*времена Плеве*... — Имеются в виду 1902–1904 гг., когда министром внутренних дел и шефом корпуса жандармов был Вячеслав Константинович Плеве (1846–1904), убитый эсером — террористом Е. С. Созоновым.

...*во время нового большого правительственного кризиса, открывшегося после большевистского восстания.* — Имеется в виду июльский кризис Временного правительства. 2 июля 1917 г. из правительства вышли министры — кадеты А. А. Мануйлов, Д. И. Шаховской и А. И. Шингарев. Несмотря на это, 3 июля начались демонстрации солдат и рабочих в Петрограде под лозунгами «Долой 10 министров — капиталистов!» и «Вся власть Советам!». На экстренном заседании ЦК РСДРП(б) было принято решение возглавить антиправительственные вооруженные выступления. Перед демонстрантами, собравшимися у особняка Кшесинской (здесь ночью заседали большевики), 4 июля выступил с речью Ленин. Чтобы усмирить большевистский мятеж, Временное правительство вызвало войска с фронта. Петроград был объявлен на военном положении. 6 июля Керенский подписал приказ об аресте Ленина, но большевистскому вождю удалось скрыться. 7 июля в отставку подал министр — председатель Г. Е. Львов и «правительство спасения революции» возглавил Керенский, сохранивший за собой также пост военного и морского министра.

С. 55. *Юрнев Петр Петрович* (1874–1946) — инженер — строитель, депутат 2-й Государственной думы. Под его руководством в 1907 г. был разработан первый проект московского метро. В 1917 г. министр путей сообщения во Временном правительстве. Член Предпарламента. С 1920 г. в эмиграции. Зарабатывал на жизнь стиркой белья. В 1943—1944 гг. приветствовал наступление советских войск.

Кокошкин Федор Федорович (1871–1918) — юрист, публицист, один из основателей и лидеров партии конституционных демократов. С июля 1917 г. государственный контролер во Временном правительстве. Убит в Мариинской больнице матросами — анархистами.

Впервые — Современные записки. 1928. № 38 (глава публикации «Из воспоминаний»). Печатается по этому изданию.

С. 56. *Государственное совещание* — состоялось 12–15 августа 1917 г. в Москве в Большом театре. В нем приняли участие около двух тысяч представителей партий, организаций, интеллигенции, военных, духовенства. Выступило за общее согласие, укрепление власти, упразднение Советов.

С. 58. *Чхеидзе* Николай Семенович (1864–1926) — один из лидеров меньшевиков. Депутат 3-й и 4-й Государственных дум, возглавлявший фракцию социал — демократов. С 27 февраля по 2 марта 1917 г. член Временного комитета Государственной думы. В феврале — августе председатель исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. В феврале — мае 1918 г. председатель (с правами президента) Закавказского сейма. В 1919 г. председатель Учредительного собрания Грузии — меньшевистского правительства. В 1921 г. эмигрировал во Францию, где покончил жизнь самоубийством.

С. 59. *Бубликов* Александр Александрович (1875–1941) — инженер-путеец, депутат 4-й Государственной думы. В 1917 г. комиссар Министерства путей сообщения. После Октябрьского переворота в эмиграции в США. Сотрудник газеты «Новое русское слово».

С. 60. *Ленин в бегах...* — После того как 7 июля 1917 г. Временное правительство отдало приказ арестовать Ленина, он вместе с Г. Е. Зиновьевым до 8 августа скрывался в окрестностях Петрограда, затем в шалаше у озера Разлив и в Гельсингфорсе (Финляндия).

Впервые — Современные записки. 1928. № 38 (глава публикации «Из воспоминаний»). Печатается по этому изданию.

С. 62. *Завойко В. С.* — украинский помещик, предприниматель, редактор журнала «Свобода и борьба». С весны 1917 г. советник Л. Г. Корнилова, участвовал в подготовке его выступления против Временного правительства.

Распутин Григорий Ефимович (наст. фам. Новых; 1864 или 1865 (по др. сведениям 1872)—1916) — крестьянин Тобольской губернии, занимавшийся прорицаниями и исцелениями. Завоевал доверие императрицы Александры Федоровны и Николая II тем, что ему удавалось помогать больному гемофилией цесаревичу Алексею. Убит Ф. Ф. Юсуповым — сыном, В. М. Пуришкевичем и великим князем Дмитрием Павловичем.

Путилов Алексей Иванович (1866 — не ранее 1937) — промышленник, финансист. В 1910–1917 гг. председатель правления Русско — Азиат- ского банка. Инициатор создания «Общества экономического возрождения России», которое финансировало Л. Г. Корнилова в его выступлении против Временного правительства. После октября 1917 г. в эмиграции.

С. 63. *Врангель Петр Николаевич* (1878–1928) — барон, генерал — лейте- нант (1918). Один из главных организаторов Белого движения в Гражданскую войну. В 1920 г. Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России и Русской армии. С 14 ноября 1920 г. в эмиграции. В 1924–1928 гг. организатор и председатель антисоветского Русского общевоинского союза (РОВС). Автор мемуарных «Записок» (Берлин, 1928).

Михаил Александрович (1878–1918) — великий князь, генерал — лейте- нант (1916). Брат Николая II. В начале Февральской революции был вызван с фронта в Петроград. На предложение принять завещанный ему братом престол ответил отказом. В марте 1918 г. был выслан большевиками в Пермь, в июне арестован чекистами и расстрелян.

Колчак Александр Васильевич (1874–1920) — полярный исследователь, гидролог, адмирал (1918). В 1916–1917 гг. командующий Черноморским флотом. В 1918 г. объявил себя Верховным правителем Российского государства. Возглавлял борьбу с советской властью в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке. В 1920 г. расстрелян большевиками.

Вильсон Томас Вудро (1856–1924) — президент США в 1913–1921 гг. Выступал посредником между воюющими европейскими державами. Лауреат Нобелевской премии мира (1920).

С. 65. *Брусилов Алексей Алексеевич* (1853–1926) — генерал от кавалерии (1912). В 1916 г., командуя армиями Юго — Западного фронта, провел успешное наступление (Брусиловский прорыв), приведшее к разгрому австро — венгерских войск. В мае — июле 1917 г. Верховный главнокомандующий, военный советник Временного правительства. С 1920 г. в Красной армии.

Львов 2-й Владимир Николаевич (1872–1934) — землевладелец, депутат 3-й и 4-й Государственных дум. 27 февраля 1917 г. избран членом Временного комитета Государственной думы. С 2 марта по 21 июля 1917 г. обер — прокурор Синода. Поддержал выступление Л. Г. Корнилова против Временного правительства. После Октябрьского переворота эмигрировал. В 1922 г. вернулся и работал в обновленческом Высшем церковном управлении. В 1927 г. был арестован и выслан в Томск.

Шульгин Василий Витальевич (1878–1976) — историк, публицист, прозаик, поэт. Издатель и ведущий автор газеты «Киевлянин», основанной его отцом в 1864 г. Депутат 2-й, 3-й и 4-й Государственных дум. 27 февраля 1917 г. вошел в состав Временного комитета Государственной

думы. 2 марта 1917 г. вместе с А. И. Гучковым принимал в Пскове отречение Николая II от престола. С конца 1918 г. в эмиграции. После окончания 2-й мировой войны арестован и находился в сталинском концлагере до 1956 г. Автор мемуарных книг «Дни», «1920» (обе 1921), «Три столицы. Путешествие в красную Россию» (1927).

С. 66. *Coup d'Etat* — государственный военный переворот или призыв к нему (*фр.*).

Впервые — Современные записки. 1928. № 38 (глава публикации «Из воспоминаний»). Печатается по этому изданию.

С. 68. *Самсонов* Александр Васильевич (1859–1914) — генерал от кавалерии (1910). С 1907 г. наказной атаман Войска Донского. С 1909 г. туркестанский генерал — губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа. В начале 1-й мировой войны во главе 2-й армии потерпел поражение. При выходе из окружения Самсонов погиб (вероятно, застрелился).

Ренненкампф Павел Карлович (1854–1918) — генерал от кавалерии (1910). В 1-ю мировую войну командующий армией (до октября 1915 г., когда по собственному рапорту ушел в отставку). В марте 1918 г. арестован большевиками и за отказ поступить на службу в Красную армию убит.

Николай Николаевич Младший (1856–1929) — великий князь, генерал — адъютант, генерал от кавалерии (1901). В 1905–1914 гг. главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа. В 1914–1915 гг. Верховный главнокомандующий Вооруженными силами России. С 1920 г. в эмиграции, где считался одним из претендентов на российский престол.

С. 70. *Нивель* Робер Жорж (1856–1924) — главнокомандующий французской армии в 1916–1917 гг.

Пенлеве Поль (1863–1933) — французский математик, государственный и политический деятель. В 1915–1916 гг. министр просвещения и изобретений. В 1917 г. военный министр, премьер — министр. В 1925–1929 гг. премьер — министр, военный министр, министр финансов. В 1930–1933 гг. министр авиации.

С. 71. *Балуев* Петр Семенович (1857–1923) — генерал от инфантерии, командующий Западным фронтом.

Впервые — Современные записки. 1928. № 39 (глава публикации «Из воспоминаний»). Печатается по этому изданию.

С. 76. *Клембовский* Владислав Наполеонович (1860–1923) — генерал от инфантерии. В конце августа 1917 г. приказом Керенского сменил Л. Г. Корнилова на посту Верховного главнокомандующего и командующего армиями Северного фронта. В августе — сентябре 1918 г. председатель Военно — исторической комиссии по описанию 1-й мировой войны 1914–1918 гг.

Рузский Николай Владимирович (1854–1918) — генерал от инфантерии (1909). В 1-ю мировую войну командующий Северо — Западным и Северным фронтами. С 1917 г. в отставке. Расстрелян большевиками в Пятигорске.

С. 77. *Каледин* Алексей Максимович (1861–1918) — генерал от кавалерии (1916). С 1917 г. атаман Донского казачьего войска. Организатор борьбы с большевизмом на Дону. Покончил с собой.

...бывшего крупного террориста *Савинкова*... — Борис Викторович *Савинков* (1879–1925) — политический деятель, писатель. С 1903 г. один из лидеров Боевой организации эсеров, организатор и участник убийств министра внутренних дел В. К. Плеве и московского генерал — губернатора великого князя Сергея Александровича. В 1906 г. приговорен к смертной казни. Бежал в Румынию, где занялся литературным творчеством (написал романы «Конь бледный» и «То, чего не было»). В 1917 г. управляющий Военным министерством Временного правительства, исполняющий обязанности командующего войсками Петроградского военного округа. Ушел в отставку после подавления 25 августа 1917 г. мятежа Л. Г. Корнилова. Участвовал в антибольшевистском движении. В 1919 г. выехал за границу. 7 мая 1925 г. покончил с собой в советской тюрьме (по другой версии — убит чекистами).

С. 79. *Дмитрий Павлович* (1891–1942) — великий князь. Участник убийства Г. Распутина. С 1917 г. в эмиграции.

С. 80. *Крымов* Александр Михайлович (1871–1917) — генерал — лейтенант (1917). Во время Корниловского мятежа 1917 г. был направлен Ставкой на Петроград во главе 3-го конного корпуса. После того как Керенский отдал приказ о его аресте, А. М. Крымов 31 августа покончил с собой.

Впервые — Современные записки. 1928. № 39 (глава публикации «Из воспоминаний»). Печатается по этому изданию.

С. 81. *Де Симетьер* — Леонид Павлович Дю — Симетьер, офицер лейб-гвардии Гренадерского полка. В 1917 г. полковник Генштаба, участник Корниловского мятежа.

С. 82. *Сидорин* Владимир Ильич (1882–1943) — генерал — лейтенант (1919). В 1917 г. участник Корниловского мятежа. Заместитель председателя Союза офицеров армии и флота (1917), командующий Донской армией (1919 — март 1920). С 1920 г. в эмиграции, где стал одним из руководителей Союза возрождения казачества.

С. 83. ....*восстание против императора Николая* /... — Восстание декабристов 14 (26) декабря 1825 г.

С. 84. *Дутов* Александр Ильич (1879–1921) — генерал — лейтенант (1918), атаман Оренбургского казачьего войска. С июня 1917 г. председатель Совета Всероссийского союза казачьих войск. В 1918–1919 гг. командующий Оренбургской отдельной армией, главный начальник Юж-но — Уральского края. В марте 1921 г. с остатками войск ушел в Китай, где был убит террористом.

С. 85. *Вышнеградский* Александр Иванович (1867–1925) — юрист, композитор — любитель. В 1906–1917 гг. директор — распорядитель Петербургского международного банка и подконтрольных ему акционерных компаний. В декабре 1917 г. был арестован. С 1918 г. в эмиграции.

С. 86. *Родзянко* Михаил Владимирович (1859–1924) — крупный помещик, один из основателей и лидеров партии «Союз 17 Октября» (октябристов). В марте 1911 — феврале 1917 г. председатель 3-й и 4-й Государственных дум. С 27 февраля 1917 г. возглавил Временный комитет Государственной думы. Участник переговоров с Николаем II об отречении от престола. Во время мятежа Корнилова занял позицию «сочувствия, но не содействия». Участник Белого движения на Дону и Кубани. С 1920 г. в эмиграции в Югославии. Автор мемуаров «Крушение империи» (Берлин, 1926) и «За кулисами царской власти» (М., 1926).

С. 87. *Долгоруков* Александр Николаевич (1872–1948) — князь, генерал — лейтенант.

Нокс Альфред Уильям Фортефью (1870–1964) — английский генерал. В 1911–1917 гг. военный атташе при русской армии. В 1918 г. глава британской миссии в Сибири, заместитель главнокомандующего союзными войсками в Сибири, занимавшийся снабжением войск интервентов и армии А. В. Колчака.

Аладьин Алексей Федорович (1873–1927) — публицист. Депутат 1-й Государственной думы, один из лидеров трудовой группы. С 1906 до июля 1917 г. в эмиграции. Вернувшись в Петроград, принял участие в Корниловском мятеже. Участник Белого движения, штабс — капитан Донской армии. С 1920 г. снова в эмиграции.

Впервые — Современные записки. 1928. № 39 (глава публикации «Из воспоминаний»). Печатается по этому изданию.

С. 89. *Барановский* Владимир Львович (1882–1936) — генерал — майор. В 1917 г. полковник, начальник кабинета военного министра, затем — министра — председателя Временного правительства Керенского (его родственник и доверенное лицо).

С. 92. *Винавер* Максим Максимович (1862–1926) — юрист, публицист, общественный деятель. Член ЦК партии кадетов с 1905 г. В 1906 г. депутат 1-й Государственной думы. В 1907–1918 гг. один из лидеров Еврейской народной группы. Издавал газету «Восход» (1902–1906) и журнал «Вестник гражданского права» (1913–1917). Один из учредителей Союза адвокатов и Союза российских писателей. С 1919 г. в эмиграции. Автор мемуарной книги «Недавнее: Воспоминания и характеристики» (1917).

Энигма (греч.) — загадка.

С. 93. *Ольденбург* Сергей Федорович (1863–1934) — востоковед, один из основателей индологической школы, академик. В 1904–1929 гг. непреременный секретарь АН. Член ЦК кадетской партии. В июле — августе 1917 г. министр народного просвещения Временного правительства. В 1916–1934 гг. директор Азиатского музея — Института востоковедения.

Карташев (Карташов) Антон Владимирович (1875–1960) — историк церкви, публицист. В 1906–1918 гг. преподаватель истории религии и церкви на Высших женских курсах. С 1909 г. председатель Религиознофилософского общества. С 24 июля 1917 г. обер — прокурор Синода, затем министр вероисповеданий Временного правительства. После Октябрьского переворота арестован. В январе 1919 г. бежал за границу. С 1925 по 1960 г. — один из основателей и профессор Свято — Сергиевского Богословского института в Париже.

С. 96. *Вырубов* Василий Васильевич (1879–1963) — сын предводителя дворянства Пензенского уезда, откуда родом Керенские. В 1917 г. уполномоченный Временного правительства по реформированию военных управлений (на правах помощника военного министра). После Корниловского мятежа помощник начальника штаба Верховного главнокомандующего по гражданским делам при генералах М. В. Алексееве и Н. НДухонине. Близкий друг Керенского.

С. 97....на ленте Юза... — Аппарат Юза — буквопечатающий телеграфный аппарат (1855) английского изобретателя Дэйвида Эдуарда Юза (1831–1900).

С. 99. *Балавинский* Сергей Александрович (Андреевич; 1864–1928) — адвокат, журналист. В 1917 г. помощник начальника главного управления по делам милиции, полковник. Во время мятежа Корнилова арестовал В. НЛьвова. После 1917 г. в эмиграции.

С. 100. *Кузьмин* — капитан, помощник командующего войсками Петербургского военного округа.

С. 104. *Воронович* Николай Владимирович (1886–1967) — полковник, публицист, эсер. В Гражданскую войну командовал отрядами «зеленых». С 1920 г. в эмиграции.

С. 106. *Дидерихс* — Михаил Константинович Дитерихс (1874–1937), с сентября 1917 г. генерал — квартирмейстер Ставки Верховного главнокомандующего А. Ф. Керенского, с 3 ноября начальник штаба Ставки у генерала Н. НДухонина. С декабря 1917 г. по май 1918 г. начальник штаба Чехословацкого корпуса и один из организаторов его мятежа. В 1919 г. командующий Сибирской армией, военный министр в правительстве А. В. Колчака, командующий Восточным фронтом. С 1922 г. в эмиграции в Китае.

Самоубийство генерала Крымова

Впервые — Современные записки. 1928. № 39 (глава публикации «Из воспоминаний»).
Печатается по этому изданию.

С. 107. *Шабловский* Иосиф Сигизмундович (7—1934) — главный военно — морской прокурор при Временном правительстве.

Новое разложение армии

Впервые — Современные записки. 1928. № 39 (глава публикации «Из воспоминаний»).
Печатается по этому изданию.

Впервые — Современные записки. 1932. № 50. Печатается по этому изданию.

С. 113. *Как в Англии Великая хартия...* — Великая хартия вольностей — грамота, подписанная в 1215 г. английским королем Иоанном Безземельным. Входит в число ныне действующих актов конституции Великобритании.

...как во Франции... в 1789... — Имеется в виду Великая французская революция 1789–1792 гг., проходившая под лозунгами Свободы, Равенства, Братства.

Якобинизм — следование радикальным французским революционерам, установившим в 1793 г. диктатуру, которая спустя год была свергнута.

Бонапартизм — диктатура Наполеона Бонапарта и его последователей, сочетавших демагогию с политикой подавления демократии, а также диктатура, опирающаяся на бюрократию и военщину, лавирующая между общественными группами и политическими партиями.

Реставрация — восстановление свергнутого революцией строя; во Франции — периоды вторичного правления Бурбонов в 1814–1815 и 1815–1830 гг. (1-я и 2-я Реставрации).

С. 115. *...наследников Распутина.* — Имеются в виду лица, назначенные на различные государственные посты по протекции Григория Распутина.

С. 116. *Дантон Жорж Жак (1759–1794)* — деятель Великой французской революции, один из вождей якобинцев. Казнен за примиренческую позицию по отношению к жирондистам, противодействовавшим развитию революции.

Марат Жан Поль (1743–1793) — парижский врач, ставший одним из вождей якобинцев во время Великой французской революции. Убит Шарлоттой Корде.

Термидор — 11-й месяц французского республиканского календаря (в 1793–1805 гг.), длившийся с 19/20 июля по 17/18 августа, а также контрреволюционный переворот 27–28 июля 1794 г., положивший конец Великой французской революции.

Брюмер — 2-й месяц французского республиканского календаря (в 1793–1805 гг.), длившийся с 22/23 октября по 20/21 ноября.

Переворот Каппа — Капповский путч, предпринятый 13–17 марта 1920 г. в Германии монархистами и милитаристами во главе с В. Каппом, генералами Э. Людендорфом, ВЛютвицем и др.

...«восстание» испанских генералов... — Государственный переворот, совершенный 13 сентября 1923 г. генералом Мигелем Primo де Риверой (1870–1930), установившим военную директорию.

Спартакисты — деятели организации левых социал — демократов «Спартак» (1916–1918) в Германии, основавших компартию.

С. 117. *Камбо Ф.* — испанский публицист, автор книги «Диктатуры» (1930).

С. 119. *Клемансо Жорж (1841–1929)* — премьер — министр Франции в 1906–1909, 1917–1920 гг.

С. 121. *Козьма Прутков* — коллективный псевдоним, которым в 1850–1860-е годы подписывали свои сатирические стихи, пьесы, пародии А. К. Толстой и братья Александр М., Алексей М. и В. М. Жемчужниковы.

Должны ли мы были заниматься наступательными операциями для захвата Константинополя у Будапешта или Берлина? — Имеется в виду позиция П. Н. Милюкова (см. вступ. статью).

С. 123....*разочарования Версальского мира...* — Версальский мирный договор, завершивший 1-ю мировую войну, был подписан 28 июня 1919 г. державами — победительницами США, Великобританией, Францией, Италией, Японией, Бельгией и др., с одной стороны, и Германией — с другой. России договор мира не принес: началась Гражданская война и иностранная интервенция.

С. 125. *Ллойд Джордж Дэвид* (1863–1945) — премьер — министр Великобритании в 1916–1922 гг., один из лидеров либеральной партии.

Впервые — Современные записки. 1934. № 55. Печатается по этому изданию.

С. 132. *Бьюкенен Джордж* Уильям (1854–1924) — в 1910–1918 гг. посол Великобритании в России. Поддерживал Временное правительство и А. Ф. Керенского.

Палеолог Морис (1859–1944) — французский дипломат, публицист, посол Франции в России. Автор мемуаров «Царская Россия во время мировой войны» (Т.1–2. М.; Пг., 1922–1923).

Мария Павловна (1854–1920) — великая княгиня, урожденная принцесса Мекленбург — Шверинская. С 1874 г. жена великого князя Владимира Александровича.

С. 133. *Тома Альбер* (1878–1932) — французский историк, социал — реформист. В годы 1-й мировой войны министр по делам вооружений. В 1917 г. был в России, где вел агитацию за продолжение войны.

С. 134. *Александра Федоровна* (1872–1918) — российская императрица, жена Николая II с 1894 г. Расстреляна большевиками вместе с мужем и детьми.

Бисмарк Отто Эдуард Леопольд фон Шёнхаузен (1815–1898) — рейхсканцлер Германской империи в 1871–1890 гг.

С. 136. *Карл Австрийский* — Карл (1887–1922), император Австрии и король Венгрии в 1916–1918 гг. Отрекся от престола.

...сазоновскую политику... — Сергей Дмитриевич Сазонов (1860–1927) — в 1910–1916 гг. министр иностранных дел. В 1915 г. участвовал в подготовке англо — франко — русского соглашения о передаче России Черноморских проливов. В 1918–1919 гг. член правительств Колчака и Деникина. С 1921 г. в эмиграции.

С. 138. *Вандервельде* Эмиль (1866–1938) — бельгийский социалист, в 1914–1937 гг. член правительства Бельгии. В 1922 г. приезжал в Москву на судебный процесс над партией левых эсеров в качестве их защитника.

С. 144. *Локкарт* Роберт Брюс (1887–1970) — в 1915–1917 гг. английский генеральный консул в Москве. В 1918 г. сменил Дж. Бьюкенена на посту посла Великобритании и стал одним из организаторов «заговора трех послов». Выслан из России.

С. 145. *Нуланс* Жозеф (1864–1939) — в 1917–1918 гг. посол Франции в России.

С. 146....перед Брест — Литовском... — Имеется в виду договор о перемирии, подписанный 3 марта 1918 г. в Бресте представителями Советской России и стран «четверного согласия» (Германии, Австро — Венгрии, Болгарии и Турции). По этому унижительному для России договору от нее отторгались территории Польши, Литвы, часть Белоруссии и Лифляндии (Латвии).

С. 147. *Гренар* Фердинанд — французский дипломат, участник «заговора трех послов» в 1918 г., объявленный по приговору трибунала вне закона.

«Год 1917–й» — раздел книги Керенского «Издалёка» (Париж, 1922). Очерки и статьи раздела печатаются по этому изданию. Раскрывая и объясняя жанровую особенность книги как политического дневника 1918–1921 гг., автор в предисловии пишет:

«Три с половиной года приходилось мне издалёка, прислушиваясь к России, отстаивать на страницах иностранной и зарубежной русской печати жизненнейшие интересы Родины, утверждая вместе с тем великую, непреходящую ценность достижений Февральской революции, и вскрывать перед общественным мнением глубоко реакционную сущность не только генеральского, но и большевистского самовластия.

Писать приходилось урывками, в водовороте стремительно мчавшихся событий послевоенной эпохи, не имея возможности остановиться как следует ни на одном из выдвигавшихся жизнью вопросов.

А с другой стороны, общественное сознание, отравленное насилием и кровью жестокой войны, с какой-то болезненной легкостью внимая до грубости упрощенным человеконенавистническим лозунгам двуликой, но по существу единой реакции, казалось, не могло или не хотело прислушаться к третьему голосу, вдуматься в доводы третьего мнения.

Теперь, мне кажется, эти настроения проходят. Люди все внимательнее начинают всматриваться во всю сложность окружающей действительности и все напряженнее искать выхода.

Вообще, по — моему, в ходе российских послереволюционных событий завершился еще один этап большевистской реакции.

Готовясь вступить в период нового социального и политического строительства, нужно с возможно большей определенностью и точностью представлять себе вчерашний день.

Для суждения об этом «вчера» и мои писания, может быть, послужат кое — каким материалом. Тем более что голос нас, людей, выброшенных на чужбину, только теперь начал с большей или меньшей ясностью доноситься до России.

А. К. 5.3.1922 г.».

С. 148. «*Общее дело*»(1909–1910,1917,1918–1922,1928–1933) — газета, издававшаяся известным разоблачителем агентов царской охранки, одним из организаторов и руководителей Русского национального центра в Париже Владимиром Львовичем Бурцевым (1862–1942). В эмиграции газета придерживалась антибольшевистской направленности. Ее платформа была выражена Д. С. Мережковским в статье «О белой и красной нечисти» (1921. 8 января). Держась «над схваткой», пытаясь преодолеть разобщенность в среде политиков — изгнанников, Бурцев и его сподвижники вместе с тем остро дискутировали и с А. Ф. Керенским, и с другими деятелями «белой» эмиграции — П. Н. Милюковым, П. Б. Струве.

С. 150. *Нахамкес* — Юрий Михайлович Нахамкис (псевд. Стеклов; 1873–1941), историк, публицист, политический деятель. Один из учредителей Петросовета (февраль 1917 г.). Основатель и редактор газеты «Известия» (1917–1925). Репрессирован.

ЦИКССуРД — Центральный исполнительный комитет Совета солдатских и рабочих депутатов.

С. 155. *Филоненко* Максимилиан Максимилианович (1885–1960) — адвокат, морской инженер, эсер. С 19 июля 1917 г. комиссар Временного правительства при Ставке Верховного главнокомандующего Корнилова.

Помощник генерал — губернатора Петрограда по военной части. Друг Б. В. Савинкова. С

1919 г. в эмиграции.

С. 158. *Лукомский* Александр Сергеевич (1868–1939) — генерал — лей-тенант. Участник Белого движения. С 1920 г. в эмиграции.

С. 168. *Карабчевский* Николай Платонович (1851–1925) — адвокат, общественный деятель, публицист. Известность ему принесли выступления на политических процессах. Соучредитель газеты «Право» (1898–1917). Приветствовал Февральскую революцию, но, считая Керенского «болтуном и позером», не принял его предложение занять пост сенатора. Был избран председателем Комиссии по расследованию германских зверств. Летом 1917 г. выехал в скандинавские страны для сбора материалов о положении русских военнопленных и в Россию не вернулся.

«*Senilia*» — «Старое» (лат.).

...защитник *Брешко* — *Брешковской*, *Созонова*... — Карабчевский защищал Брешко — Брешковскую в 1877–1878 гг., когда она была привлечена к суду в «процессе 193–х». Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская (1844–1934) — революционерка, политический деятель (см. в нашей книге очерк «Е. К. Брешковская»). Одна из создателей и лидеров партии эсеров и ее Боевой организации. Участница борьбы с советской властью в Поволжье и Сибири. С 1919 г. в эмиграции. Своей защитой Карабчевский спас от виселицы эсера — террориста Егора Сергеевича Созонова (1879–1910), убившего 15 июля 1904 г. министра внутренних дел В. К. Плеве. Приговоренный к вечной каторге, Созонов покончил с собой.

С. 171. *Ех* — бывший, отставной (лат.).

Впервые — Воля России. 1921. 28 мая.

С. 173. *Верховский* Александр Иванович (1886–1938) — генерал — майор (1917), военный теоретик и историк. В июле — августе 1917 г. командующий войсками Московского военного округа, в сентябре — октябре военный министр Временного правительства. Выступал за выход России из войны, за что был отправлен в отставку. Эмигрировал в Финляндию. Автор мемуаров «На трудном перевале» (М., 1959).

Черемисов Владимир Андреевич (1871—?) — генерал от инфантерии (1917), военный теоретик. С сентября 1917 г. главнокомандующий Северным фронтом. Войска фронта не поддержали выступления Керенского-Краснова против большевиков, чем способствовали приходу большевиков к власти. С 1919 г. в эмиграции.

С. 176. *Полковников* Георгий Петрович (1883–1918) — полковник. В июле — сентябре 1917 г. командир 1-го Амурского казачьего полка, входившего в 3-й конный корпус А. М. Крымова. С 16 сентября до 24 октября 1917 г. командующий войсками Петроградского военного округа.

Один из организаторов Юнкерского мятежа 1917 г. в Петрограде в поддержку наступления на столицу войск Керенского и Краснова. Юнкера Николаевского инженерного и Владимирского военных училищ в ночь на 29 октября (11 ноября) захватили несколько броневиков, овладели городской телефонной станцией, отключили Смольный, заняли гостиницу «Астория», арестовали комиссаров Военно — революционного комитета. Однако не были поддержаны гарнизоном, и в тот же день выступление было подавлено. Полковников, объявивший себя командующим «войсками спасения», бежал на Дон, где был арестован и казнен.

Авксентьев Николай Дмитриевич (1878–1943) — общественно — политический деятель, публицист, член ЦК партии эсеров. В эмиграции с 1907 г. 8 апреля 1917 г. вернулся в Россию и был избран председателем исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов. С 24 июля до начала сентября 1917 г. министр внутренних дел Временного правительства. Затем председатель Демократического совещания и Предпарламента. 28 октября 1917 г. возглавил в

Петрограде эсеровский «Комитет спасения родины и революции». В ноябре 1918 г. выслан из России. Во второй эмиграции соредактор парижского журнала «Современные записки» (1920–1940).

С. 178. *Дан* Федор Ильич (наст. фам. Гурвич; 1871–1947) — один из лидеров РСДРП (меньшевиков), возглавлявший в партии центристское течение. Входил в состав редакций партийных газет «Искра», «Голос социал — демократии», «Вперед», «Рабочий интернационал» и др. В конце января 1922 г. выслан за границу. Керенский в эмиграции вел полемику с Даном в течение ряда лет. Автор книги «Происхождение большевизма» (Нью — Йорк, 1946).

С. 180. *Коновалов* Александр Иванович (1875–1949) — фабрикант, один из основателей торгово — промышленной партии (1905). С 1912 г. член ЦК партии прогрессистов. Депутат 4-й Государственной думы. С 2 марта 1917 г. министр торговли и промышленности Временного правительства. Арестован при взятии Зимнего дворца. После освобождения эмигрировал во Францию, где руководил Русским коммерческим институтом. С 1921 г. входил в число соредакторов газеты «Последние новости».

Галыгерн Александр Яковлевич (1879–1956) — адвокат. Член РСДРП (меньшевиков). С 1912 г. масон, с 1916 г. секретарь ложи Верховного совета Великого Востока народов России. В феврале 1917 г. сменил В. Д. Набокова на посту управляющего делами Временного правительства. С 1920 г. в эмиграции.

С. 181. *Роговский* Евгений Францевич (1888–1950) — адвокат, эсер. В 1917 г. петроградский градоначальник. Эмигрировал. В 1940-х годах был директором Русского дома в курортном Жуан — ле — Пене на юге Франции.

С. 183....*со ставкой Главкосева...* — Штаб командующего Северным фронтом, которым в то время был В. А. Черемисов.

С. 184. *Кишкин* Николай Михайлович (1864–1930) — врач, основавший в Москве водолечебницу и пансион для нервнобоных. Один из лидеров партии кадетов. С 25 сентября 1917 г. министр государственного призрения Временного правительства. В день Октябрьского переворота был назначен особоуполномоченным Временного правительства и генерал — губернатором Петрограда с полномочиями по наведению порядка в столице, однако в ночь на 26 октября вместе с другими министрами арестован большевиками. В начале 1921 г. стал одним из организаторов и руководителей Всероссийского комитета помощи голодающим. После разгона Помгола арестован (в третий раз) и выслан в Вологду. Отказавшись эмигрировать, вернулся в Москву, где служил в курортном отделе Наркомздрава.

С. 187. *Крыленко* Николай Васильевич (1885–1938) — прапорщик, в 1917–1918 гг. нарком по военным и морским делам, Верховный главнокомандующий. С 1918 г. в Верховном революционном трибунале. Репрессирован.

Краснов Петр Николаевич (1869–1947) — генерал — лейтенант (1917), историк, прозаик, публицист. В октябре 1917 г. участвовал в неудачном походе на Петроград. В 1918 г. — начале 1919 г. атаман Войска Донского и командующий белоказачьей армией. В 1920–1930-е годы один из лидеров антисоветских организаций в эмиграции. Автор более трех десятков книг. В 1944 г. возглавил созданное немцами Главное казачье управление.

7 мая 1945 г. сдался в плен англичанам и передан ими советской военной администрации. Повешен в Москве.

С. 188. *Духонин* Николай Николаевич (1876–1917) — генерал — лейтенант (1917). В 1-ю мировую войну командир полка, генерал — квартирмейстер, начальник штаба Юго — Западного и Западного фронтов. С сентября 1917 г. начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего, с 3 ноября Верховный главнокомандующий. Убит солдатами и матросами.

С. 195....*Дутовы, Анисимовы и прочие казачьи политики...* — Об А. И. Дутове см. в

примеч. к очерку «Заговорщики в столицах». Николай Андреевич Анисимов (1892–1920) — большевик, участник Гражданской войны на Северном Кавказе. Комиссар Северо-Кавказского военного округа.

С. 196. *Станкевич* Владимир Бенедиктович (1884–1968) — юрист, публицист, депутат 3-й Государственной думы. Один из лидеров трудовой народно-социалистической партии. С июня 1917 г. помощник начальника кабинета военного министра, с июля комиссар при командующем войсками Северного фронта. Один из доверенных сотрудников Керенского. Во время Октябрьского переворота — в числе лидеров антибольшевистского сопротивления, инициатор создания «Комитета спасения родины и революции». С августа 1918 г. в эмиграции, профессор уголовного права Каунасского университета. Автор книги «Воспоминания: 1914–1918» (Берлин, 1920).

С. 198. *Чайковский* Николай Васильевич (1850–1926) — в 1917 г. один из лидеров трудовой народно-социалистической партии и Предпарламента. После Октябрьского переворота член «Комитета спасения родины и революции». В 1920 г. заведовал отделом пропаганды в южно-русском правительстве А. И. Деникина. В эмиграции — один из руководителей Исполнительного бюро «Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции».

С. 202. *Кузьмин* Николай Николаевич (1883–1939) — член РСДРП с 1903 г. Полковник Иванишин 23 марта 1917 г. о нем пишет: «Вместе с Керенским 22 марта прибыл в статской форме бывший прапорщик Кузьмин, отбывавший каторгу за провозглашение в 1905 г. Нерчинской республики, которого Керенский рекомендовал своим самым лучшим другом и которого просил навести порядки в крепости как законоведа — практика, испытавшего старый режим на своей шее» (Иванишин Г. А. Записная книжка № 5. 1917. Великая Русская Революция // Минувшее. № 17. М.; СПб., 1994. С. 545–546).

С. 205....*Построенное Павлом* /... — Дворец в Гатчине построен в 1766–1781 гг. итальянскими архитекторами Антонио Ринальди (ок. 1710–1794) и Виктором Бренна (1745–1820).

С. 207. «*Воля России*» (Прага; 12 сентября 1920 — май 1932) — первоначально газета, с 1922 г. «журнал политики и культуры», основанный эсерами В. М. Зензиновым, В. И. Лебедевым, О. С. Минором и Е. Е. Лазаревым (издатель). Издание финансировалось из средств, которые были выделены Керенскому чехословацким правительством Т. Масарика из русского золотого запаса, вывезенного чехословацким корпусом при эвакуации из России. В эсеровской эмиграции издание занимало левоцентристскую позицию, вело полемику и с «Днями» Керенского, и с «Современными записками».

...В. В. Руднев поместил в № 5 «Современных записок» особую статью... — Статья «Демократизация промышленности». Вадим Викторович Руднёв (1879–1940) — публицист, издатель, эсер. С 11 июля 1917 г. городской голова г. Москвы. В эмиграции с 1919 г. Соредактор газет «Родина» (1920), «Дни», «Свобода», журналов «Современные записки» и «Русские записки».

С. 208. «*Революционная Россия*» (Ревель, Берлин, Прага; 1920–1931) — журнал, основанный В. М. Черновым. С августа 1921 г. центральный орган эсеров. С этого времени финансировался из средств, которые были выделены Керенскому чехословацким правительством.

С. 209....*аракчеевский клич*... — Алексей Андреевич Аракчеев (1769–1834) — государственный и военный деятель. Дружил с императором Александром и пользовался при нем неограниченной властью. С 1810 г. председатель Военного департамента Государственного совета и фактический руководитель государства.

С. 210. *Магницкий* Михаил Леонтьевич (1778–1835) — соратник реформатора М. М. Сперанского (с ним был в ссылке), А. А. Аракчеева и обер-прокурора Синода

А. Н. Голицына. В 1819–1826 гг. попечитель Казанского учебного округа.

С. 213. *Вишняк* Марк Вениаминович (1883–1975) — публицист, юрист, деятель партии эсеров. В эмиграции один из ведущих руководителей парижских журналов «Современные записки» и «Русские записки».

Гуковский Александр Исаевич (1865–1925) — юрист, публицист, эсер. Сотрудник журнала «Современные записки» в 1920–1925 гг. Покончил с собой.

С. 219. *Поливанов* Алексей Ахеевич (1855–1920) — генерал от инфантерии. В 1906–1912 гг. помощник (с правами товарища) военных министров А. Ф. Редигера и В. А. Сухомлинова. С 1912 г. член Государственного совета. С июня 1915 г. по март 1916 г. военный министр. С февраля 1920 г. на службе в Красной армии. Скончался от тифа. Автор двухтомника «Из дневников и воспоминаний... 1906–1916 гг.» (М., 1924).

С. 221....*в мае через испытание Стохода...* — Имеется в виду крупная наступательная операция Юго — Западного фронта, проведенная А. А. Брусиловым 22 мая (4 июня) 1916 г. (Брусиловский прорыв).

...*перевертень Кашен...* — Марсель Кашен (1869–1958) до 1920 г. возглавлял французскую социалистическую партию, а затем стал лидером компартии.

Бриан Аристид (1862–1932) — в 1909–1931 гг. неоднократно премьер — министр Франции и министр иностранных дел.

Прессман А. — деятель французского рабочего движения.

Бризон Пьер — французский социалист.

Суварин Борис (наст. фам. Лифшиц; 1895–1984) — французский историк, один из основателей компартии Франции. Будучи с делегацией в Москве в 1921 г., примкнул к троцкистам, за что был исключен из компартии. Автор биографии И. В. Сталина.

Фроссар Людовик Оскар (1889–1946) — французский журналист и политический деятель; вместе с Кашеном возглавлял после 1-й мировой войны французскую социалистическую партию.

Лонге Жан (1876–1938) — адвокат, деятель французского и международного рабочего движения. Сын Женни Лонге, дочери К. Маркса.

Гомперс Сэмюэл (1850–1924) — председатель Американской федерации труда с 1882 г.

С. 222. *Суханов* Николай Николаевич (наст. фам. Гиммер; 1882–1940) — экономист, политический деятель, прошедший путь от толстовства к марксизму (меньшевизму). 27 февраля 1917 г. избран в исполком Петросовета. Организатор выпуска первого номера газеты «Известия». Назвал «Апрельские тезисы» Ленина «беспардонной анархо — бунтарской системой». Однако по иронии судьбы именно на квартире Суханова (Карповка, д. 32, кв. 31; сам он не участвовал) 10 октября 1917 г. состоялось заседание ЦК РСДРП(б), на котором большевики приняли решение о вооруженном восстании и захвате власти. В 1917–1918 гг. редактор газеты «Новая жизнь», в которой М. Горький публиковал полемические антибольшевистские статьи, составившие две его книги — «Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре» (Пг., 1918) и «Революция и культура» (Берлин, 1918). После закрытия газеты Суханов взялся писать «Записки о революции» (Кн. 1–7. Берлин: Изд. З. И. Гржебина, 1922–1923), ставшие ценнейшим мемуарным источником о России 1917 г. После неоднократных арестов, начавшихся в 1930 г., ссылок и пыток расстрелян.

С. 225. «*Labour Party*» — лейбористская партия (англ.).

С. 226. *Марков* 2-й Николай Евгеньевич (1866–1945) — один из лидеров Союза русского народа, глава фракции правых в 3-й и 4-й Государственных думах. С 1920 г. в эмиграции. В 1921–1927 гг. председатель Высшего монархического совета. Издатель газеты — журнала «Двуглавый орел».

Замысловский Георгий Георгиевич (1872–1920) — юрист, член Совета Союза русского народа и Русского Народного Союза им. Михаила Архангела, депутат 3–й и 4–й Государственных дум.

Впервые на русском языке — Новый журнал (Нью — Йорк). 1966. № 84 (в публикации сокращены тексты некоторых документов и цитаты из газет). Печатается по этому изданию. Несколько раз издававшийся очерк является главой из книги: Kerenski A. E Russia and History's Turning Point. Duell: Sloan and Pearce. N. Y., 1965; London, 1968. Самая полная мемуарная книга Керенского «Россия на историческом повороте» впервые на русском языке печаталась в «Историческом журнале» (1990. № 1—12), затем вышла отдельными изданиями — М.: Республика, 1993; М.: Терра, 1996. Рукопись на русском языке хранится с декабря 1968 г. в Центре гуманитарных исследований Техасского университета (г. Остинс, США). Как отмечает Л. А. Быкова в статье «Архив Л. Ф. Керенского в Центре гуманитарных исследований Техасского университета» (Отечественные архивы. 2001. № 3), «при сравнении авторского текста с переводными изданиями заметны значительные изменения стиля и лексики оригинала, переводчик и редактор книги М. Хейвод, по его собственному признанию, весьма свободно обращался с авторским текстом, сокращал или расширял по своему усмотрению, тем самым приспособлявая его к вкусам англосаксонского читателя, стараясь, однако, не изменять смысла». Таким образом, издания на русском языке прошли двойной перевод (с русского на английский и снова на русский), а также серьезную редакционную обработку.

С. 228. *Тухачевский* Михаил Николаевич (1893–1937) — Маршал Советского Союза (1935). С 1936 г. 1-й заместитель наркома обороны СССР. Расстрелян.

С. 230. *Вертинский* Александр Николаевич (1889–1957) — композитор, поэт, популярный эстрадный певец с изысканно — интимной исполнительской манерой. В 1919— 1943 гг. в эмиграции.

С. 231. *Малянтович* Павел Николаевич (1870–1939) — популярный защитник на политических процессах. С 25 сентября по 25 октября 1917 г. министр юстиции в 3-м коалиционном Временном правительстве. Расстрелян как участник «заговора юристов». Реабилитирован в 1992 г.

Никитин Алексей Максимович (1876–1939) — юрист, член РСДРП (меньшевиков). После Февральской революции председатель Моссовета. С 24 июля по 25 октября 1917 г. министр почт и телеграфов, со 2 сентября министр внутренних дел во 2-м и 3-м коалиционных Временных правительствах. Расстрелян.

С. 237. *Зензинов* Владимир Михайлович (1880–1953) — публицист, прозаик. Член ЦК партии эсеров. С января 1919 г. в Париже. Соредактор журналов «Современные записки» и «Воля России».

С. 239. *Бонч — Бруевич* Владимир Дмитриевич (1873–1955) — историк, литератор, политический деятель. Организатор ряда большевистских газет и издательств. В 1917–1920 гг. управделами Совнаркома.

Благонравов Г. И. — прапорщик, член РСДРП(б). В 1917 г. комиссар Петропавловской крепости.

С. 240. *Столыпин* Петр Аркадьевич (1862–1911) — с 1906 г. министр внутренних дел и председатель Совета министров. Провозгласил курс социально — политических реформ и начал его осуществление. Был смертельно ранен Д. Г. Богровым, агентом охраны, связанным с анархистами.

С. 241. *Иванов — Разумник* (наст, имя и фам. Разумник Васильевич Иванов; 1878–1946) — публицист, историк русской литературы и общественной мысли. Один из организаторов

Вольной философской ассоциации (Вольфила; 1919–1924). В феврале 1933 г. был арестован и сослан. Во время войны оказался на оккупированной территории в г. Пушкине и был отправлен в лагерь для перемещенных лиц. Умер в Мюнхене.

С. 242. *Фабрикант* Владимир Осипович — в 1909–1911 гг. член Боевой организации эсеров.

Маннергейм Карл Густав Эмиль (1867–1951) — до 1917 г. генерал — лейтенант Русской армии, финляндский маршал (1933). В августе 1944 г. — марте 1946 г. президент Финляндии.

С. 246. *Нелидова* Елизавета Алексеевна (в замужестве Хенкина; 1881–1963) — актриса театра «Летучая мышь» Н. Ф. Балиева, теософка. После 1917 г. в эмиграции.

С. 247. *Чека Дзержинского* — Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК), которую с 1917 г. возглавлял Феликс Эдмундович Дзержинский (1877–1926), один из главных организаторов «красного террора». В 1919–1923 гг. нарком внутренних дел, одновременно с 1921 г. нарком путей сообщения. С 1924 г. председатель ВСНХ СССР.

Мирбах Вильгельм (1871–1918) — с апреля 1918 г. германский посол в России. Убит в Москве левым эсером Я. Г. Блюмкиным.

Скоронадский Павел Петрович (1873–1945) — генерал — лейтенант, провозглашенный 16 апреля 1918 г. гетманом оккупированной немцами Украины. С декабря 1919 г. в эмиграции.

С. 248. «*Союз возрождения России*» — политическая организация, созданная в марте 1918 г. в Москве из представителей партий народных социалистов (Н. В. Чайковский, А. В. Пешехонов), эсеров (Н. Д. Авксентьев, И. И. Бунаков — Фондаминский), кадетов (Н. И. Астров, Н. М. Кишкин, Д. И. Шаховской) и др. «Союз» участвовал в организации антибольшевистских выступлений, его лидеры входили в правительства, создававшиеся в годы Гражданской войны. В апреле 1919 г. «Союз» вошел в состав «Тактического центра», репрессированного чекистами в феврале 1929 г.

«*Единство*» — группа и одноименная газета, которые возглавил Г. В. Плеханов, возвратившись 31 марта 1917 г. в Петроград. Плеханов выступал за доведение войны до победного конца, поддерживал Временное правительство, призывал к национальному примирению и единению всех патриотических сил.

«*Кооператоры*» — Совет, избранный на Всероссийском кооперативном съезде 25–27 марта 1917 г. в Москве и возглавивший кооперативное движение в России. Его лидеры поддерживали Временное правительство.

С. 249. «*Национальный центр*» — объединение правых партий, действовавшее в Москве в 1918–1920 гг. (с отделениями в Петрограде и других городах).

Астров Николай Иванович (1868–1934) — деятель партии кадетов. В марте 1917 г. был избран московским городским головой. В эмиграции с 1920 г. Организатор Русского заграничного архива в Праге. Автор «Воспоминаний» (Париж, 1941).

Впервые — Новый журнал. 1947. № 15. Печатается по этому изданию.

С. 255. *Вирен* Роберт Николаевич (1856–1917) — адмирал (1915), главный командир Кронштадтского порта и военный губернатор Кронштадт а. Заколот штыками на Якорной площади Кронштадта 1 марта 1917 г.

С. 263....*после изгнания Вильгельма* //... — *Вильгельм II* Гогенцоллерн (1859–1941) — германский император и прусский король с 1888 г., был низложен в 1918 г.

Впервые — Новый журнал. 1945. № 11. Печатается по этому изданию.

С. 269. *Бернард Пэре* (1876–1947) — английский историк, литературовед.

Голль Шарль де (1890–1970) — генерал, возглавивший в годы 2-й мировой войны движение Сопротивления. Президент Франции в 1959–1969 гг.

С. 271. *Масарик* Томаш (1850–1937) — религиозно — этический философ. Президент Чехословакии в 1918–1935 гг.

С. 275. *Майский Иван* Михайлович (1884–1975) — в 1932–1943 гг. посол СССР в Великобритании.

С. 276. *Нуланс Жозеф* (1864–1939) — в 1917–1918 гг. посол Франции в России.

Пишон Стефан Жан Мари (1857–1933) — в 1906–1911, 1913 и 1917–1920 гг. министр иностранных дел Франции.

Игнатьев Павел Николаевич (1870–1945) — граф. В январе 1915 г. — декабре 1916 г. министр народного просвещения. С мая 1919 г. в эмиграции. Председатель русского Красного Креста в Париже и в Канаде. Почетный член Петербургской Академии наук (1917; восстановлен посмертно в 1990 с).

С. 277. «*Oui, Monsieur; la Russie est un pays neutre et e'est un pays qui a conclu lapaixseparee avec nos ennemis*». — «Да, месье, Россия — нейтральное государство и страна, которая заключила сепаратный мир со своими врагами» (фр.).

Пуанкаре Раймон (1860–1934) — президент Франции в 1913–1920 гг., премьер — министр в 1922–1929 гг. Один из организаторов интервенции в Россию в годы Гражданской войны.

С. 278. *Пуль Фредерик* — английский генерал — майор, командовавший в годы Гражданской войны в России союзным экспедиционным корпусом в Архангельске и глава британской миссии на Кавказе. Генерал П. Н. Краснов вспоминал: «Глава английской миссии в Екатеринодаре генерал Пуль знал и любил Россию. Он хотел спасения России и действовал в ее интересах». Однако, пишет Краснов далее, «он забыл, что интересы Англии не в спасении России, а в ее гибели. Он был спешно отозван, попал в немилость, и на его место приехал генерал Бреггс» (Краснов П. Весна 1921 года // Русская летопись. 1921. Кн. 1. С. 189).

Чаплин Георгий Ермолаевич (1886–1950) — капитан второго, а с июля 1919 г. первого ранга. Участник Первой мировой войны. 2 августа 1918 г. поднял антибольшевистское восстание в Архангельске; с августа

1918 г. командовал войсками Северной области, был командующим Северным флотом и одновременно командующим войск Архангельского района (при Временном правительстве Северной области и Главнокомандующем Северным фронтом генерале Е. К. Миллере). С 1920 г. в эмиграции. Принимал участие во Второй мировой войне в чине майора английской армии.

С. 279. *Миллер Евгений Карлович* (1867–1939) — генерал — лейтенант, участник Белого движения. В эмиграции в 1930 г. (после гибели генерала А. П. Кутепова) возглавил Русский общевойсковой союз (РОВС). Как и Кутепов, был похищен в Париже 22 сентября 1937 г. агентами НКВД, тайно вывезен в Москву и расстрелян.

Карр Филипп, лорд Лотиан — английский дипломат.

С. 280. *Мильнер Альфред* (1854–1925) — английский государственный и политический деятель. Военный министр в правительстве Ллойд Джорджа.

...по словам военного министра *Уинстона Черчилля*... — Уинстон Леонард Спенсер Черчилль (1874–1965) был военно — морским министром Великобритании в 1910–1915 гг.

Впоследствии премьер — министр (1940–1945, 1951–1955).

Впервые — Новый журнал. 1947. № 17. Печатается по этому изданию.

С. 284. *Молотов* Вячеслав Михайлович (наст. фам. Скрябин; 1890–1986) — в 1939–1949 и 1953–1956 гг. возглавлял министерство иностранных дел. В 1930–1940-х годах один из активных организаторов массовых репрессий. В 1957 г. участник оппозиционной группы, выступившей против политического курса Н. С. Хрущева.

С. 289. *Маршалл* Джордж Кэтлетт (1880–1959) — американский генерал армии. В 1947–1949 гг. государственный секретарь, в 1950–1951 гг. министр обороны США.

Брокдорф — *Ранцау* Ульрих фон (1869–1928) — граф, в 1919–1920 гг. глава германской делегации на Парижской мирной конференции, противник подписания Версальского мирного договора. В 1922–1928 гг. посол в СССР.

Бетман — *Гольвег* Теобальд (1856–1921) — в 1909–1917 гг. имперский канцлер Германии.

Бухарин Николай Иванович (1888–1938) — партийный и государственный деятель СССР. Автор трудов по философии и политэкономии. Репрессирован.

С. 292. *Литвинов* Максим Максимович (наст. фам. и имя Валлах Макс; 1876–1951) — с 1918 г. дипломат, в 1930–1939 гг. нарком иностранных дел СССР.

С. 294. *Федотов* Георгий Петрович (1886–1951) — философ, богослов, публицист. С 1925 г. в эмиграции. В 1926–1939 гг. преподавал в Православном Богословском институте в Париже. С 1927 г. активный деятель Русского студенческого христианского движения, соредатор «Вестника РСХД» в 1930–1931 гг. С сентября 1941 г. в США, профессор истории Свято — Владимирской духовной семинарии в Нью — Йорке. Автор книг «Святые Древней Руси» (1935), «Стихи духовные» (1935), «Эсхатология и культура» (1938), «Загадки России» (1943), «Россия и свобода» (1945), «Народ и власть» (1949), «Христианская трагедия» (1950) и др.

С. 296....*в лагерях Д. П...* — В лагерях для перемещенных лиц.

Все тексты из политического дневника А. Ф. Керенского, включающего около семисот публикаций в русской эмигрантской периодике Парижа, Берлина, Праги, Нью — Йорка, впервые печатаются по журналу «Новая Россия» (далее в тексте: НР; Париж, 1936–1940). Назвав первую статью дневника «Новая Россия» (1936. № 1. 8 марта), Керенский указал, что это не только заглавие основанного им издания, но и «общее знамя в нем пишущих», политический адрес его выступлений. С этого времени Керенский, как и в журнале «Дни» (около пятисот статей; 1928–1932), под рубрикой «Голос издалека» печатает во всех (за редким исключением) выпусках по несколько своих дневниковых записок, нумеруя каждую публикацию. Последняя из них, «О войне, о Кремле и о патриотизме», вышла 10 марта 1940 г.

НР. 1936. № 7. 1 июня.

С. 303. *Берлин* Павел Абрамович (1877–1962) — публицист, сотрудничавший в изданиях Керенского.

НР. 1936. № 9. 1 июля.

С. 305....*в своем докладе Ст. Иванович...* — Доклад Ст. Ивановича (С. О. Португейса) «Монополия партии и народные права» на собрании в редакции журнала «Новая Россия», посвященном обсуждению новой советской конституции. В тексте упоминаются доклады профессора Н. Н. Алексеева «Старая и новая конституция», Н. Д. Авксентьева «Конституция и действительность», П. Н. Переверзева «Сталинизм и фашизм», опубликованные в этом номере «Новой России». Журнал также напечатал два сравнительных обзора основных положений старой и новой конституции — М. В. Вишняка «Советы в новой конституции» и П. А. Берлина «Социальная сторона конституции».

НР. 1936. № 14.15 октября.

С. 309. *В возникшем по инициативе проф. В. Чернавина и Е. Д. Кусковой... остром споре...* — Выступления инициаторов спора напечатаны в этом же номере «Новой России».

С. 311. *Димитров* Георги (1882–1949) — в 1933 г. арестован в Берлине по ложному обвинению в поджоге рейхстага, оправдан на Лейпцигском процессе. В 1934–1945 гг. в СССР. С 1948 г. генеральный секретарь компартии Болгарии.

Дельбос Ивон (1885–1956) — в 1936–1938 гг. министр иностранных дел Франции.

Леон Блюм (1872–1950) — французский социалист, занимавший пост премьер — министра в 1936–1938 и 1946–1947 гг.

С. 312.... *«лавалевское» отношение...* — Пьер Лаваль (1883–1945) — премьер — министр Франции в 1931–1932 и 1935–1936 гг. В 1934–1935 гг. министр иностранных дел, сторонник «умиротворения» фашистских агрессоров. Возглавил правительство во время гитлеровской оккупации Франции в 1942–1944 гг. Казнен как изменник.

Чемберлен Остин (1863–1937) — министр иностранных дел в 1924–1929 гг. Лауреат Нобелевской премии мира за Локарнские договоры (1925). В 1927 г. выступил инициатором разрыва дипломатических отношений с СССР.

Франко Баамонде Франсиско (1892–1975) — политический деятель, возглавлявший испанское государство в 1939–1975 гг. после поражения республиканцев.

НР. 1937. № 19. 10 января.

С. 316....*на Америку Рузвельта*. — Франклин Делано Рузвельт (1882–1945) — президент США с 1933 г. (четырежды избирался на этот пост). В 1933 г. его правительство установило дипломатические отношения с СССР.

НР. 1937. № 19. 10 января.

С. 317. *Серж Виктор* Львович (псевд. В. Кибальчич; 1889–1947) — французский писатель и публицист, живший в 1920–х годах в СССР. Выслан в 1928 г.

Жид Андре (1869–1951) — французский поэт, прозаик. Лауреат Нобелевской премии (1947). Автор книги «Возвращение из СССР» (1936), отразившей его неприятие большевистского режима.

С. 318. *Щастный* Алексей Михайлович (1881–1918) — капитан ранга, возглавивший 20 марта 1918 г. морские силы Балтфлота. Однако через два месяца был арестован, обвинен в подготовке заговора и расстрелян.

Кун Бела (1886–1939) — один из организаторов компартии Венгрии. С 1916 г. в России как военнопленный. Участник подавления мятежа левых эсеров в Москве (1918). Будучи членом реввоенсовета Южного фронта Красной армии, стал организатором массовых репрессий в Крыму. Репрессирован.

...расправу с кронштадтскими матросами... — 1 марта 1921 г. военный гарнизон Кронштадта и экипажи нескольких кораблей подняли восстание против большевиков под лозунгом «Советы без коммунистов». К 18 марта восстание было жестоко подавлено.

С. 321. *Каменев* Лев Борисович (наст. фам. Розенфельд; 1883–1936) — член РСДРП(б) с 1903 г.; занимал высокие посты в СССР. В 1918–1926 гг. председатель Моссовета. В 1924–1926 гг. председатель Совета труда и обороны. Расстрелян.

Люксембург Роза (1871–1919) — лидер и теоретик польской социал — демократии, одна из основателей «Союза Спартака» и компартии Германии.

С. 322. *Каутский Карл* (1854–1938) — один из лидеров и теоретиков германской социал — демократии и 2-го Интернационала.

Аксельрод Павел (Пинхус) Борисович (псевд. Ортодокс; 1850–1928) — один из лидеров меньшевиков и 2-го Интернационала. Считал Октябрьский переворот «военным заговором большевиков».

НР. 1937. № 23. 14 марта.

С. 324. *Протопопов* Александр Дмитриевич (1866–1918) — в 1907–1917 гг. депутат Государственной думы. В сентябре 1916 г. по протекции Григория Распутина стал министром внутренних дел и главноначальствующим Отдельным корпусом жандармов. Основатель монархической газеты «Русская воля» (декабрь 1916 — октябрь 1917). Расстрелян большевиками вместе с другими бывшими министрами.

Шляпников Александр Гаврилович (1885–1937) — в 1917 г. член исполкома Петросовета, Петроградского Военно — революционного комитета. Один из лидеров рабочей оппозиции. Член ЦК РКП(б) в 1921–1922 гг. С 1932 г. член Президиума Госплана РСФСР. В 1933 г. исключен из партии, в 1935 г. сослан и затем расстрелян.

Александровский — речь идет о В. А. Александровиче (наст. фам. Дмитриевский), левом эсере, товарище председателя Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК), участнике левозеро-матеежа 1918 г. и убийства германского посла при правительстве РСФСР В. Мирбаха. Расстрелян.

С. 326. *Потресов* Александр Николаевич (1869–1934) — публицист, один из лидеров меньшевиков. 1 сентября 1919 г. арестован, несмотря на то что за год назад порвал с меньшевизмом. От расстрела его спас Н. И. Бухарин, добившийся освобождения Потресова под свое поручительство. В феврале 1925 г. отпущен за границу по болезни.

Спаак Поль Анри (1899–1972) — министр иностранных дел Бельгии в 1936–1966 гг. (с перерывами) и премьер — министр в 1938–1939, 1946–1949 гг.

Пятаков Георгий Леонидович (1890–1937) — государственный деятель СССР. В 1934–1936 гг. 1–й заместитель наркома тяжелой промышленности, член ЦК ВКП(б). Репрессирован.

Радек Карл Бернгардович (наст. фам. Собельсон; 1885–1939) — деятель польского и германского социал — демократического и коммунистического движения. В 1919–1924 гг. член ЦК РКП(б). В 1927 г. арестован по обвинению в троцкизме. Репрессирован.

НР. 1937. № 25.11 апреля.

С. 328. *Ягода Генрих Григорьевич* (1891–1938) — в 1936–1937 гг. нарком внутренних дел СССР. Один из главных исполнителей массовых репрессий. Расстрелян.

С. 328–329. *Агранов Яков Соломонович* (1893–1938) — в 1933–1937 гг. заместитель наркома внутренних дел СССР. Один из главных исполнителей массовых репрессий. Расстрелян.

С. 331. *Профессор В. В. Чернавин дал исчерпывающее описание... государства концлагерей...* — Имеется в виду выступление Чернавина в дискуссии, опубликованное в «Новой России» 15 октября 1936 г. Владимир Вячеславович *Чернавин* (1887–1949) — профессор — ихтиолог. В начале 1930-х годов работал на строительстве Беломорско — Балтийского канала. В 1932 г. нелегально эмигрировал с женой в Финляндию.

С. 332. *Ежов Николай Иванович* (1895–1940) — нарком внутренних дел в 1936–1938 гг. и нарком водного транспорта в 1938–1939 гг. Один из главных исполнителей массовых репрессий. Расстрелян.

...со времен убийства *Кирова*... — Сергей Миронович *Киров* (наст. фам. Костриков; 1886–1934) — государственный и политический деятель СССР. С 1926 г. возглавлял Ленинградский обком ВКП(б), член Политбюро ЦК с 1930 г. Убит террористом в Смольном. Убийство Кирова было использовано Сталиным для развертывания массовых репрессий.

НР. 1937. № 25.11 апреля.

С. 336....*в восстании Вандеи...* — Имеются в виду Вандейские войны правительства Франции против мятежников — роялистов во время Великой французской революции 1789–1794 гг.

С. 338....*всю гнусную мазню гг. Покровских.* — Михаил Николаевич *Покровский* (1868–1932) — историк — марксист, деятель РСДРП(б). С 1918 г. заместитель наркома просвещения.

НР. 1937. № 26. 25 апреля.

С. 340. *Платтен* Фридрих (1883–1942) — один из организаторов компартии Швейцарии (1921). В 1918 г. ранен террористом во время покушения на Ленина в Петрограде (прикрыл его собой от пуль). С 1923 г. жил в СССР. Репрессирован.

Мальцан Адольф фон (1877–1927) — барон, в 1922–1925 гг. статс — секретарь Германии по иностранным делам, затем посол в США.

С. 342. *Муралов* Николай Иванович (1877–1937) — в 1917 г. член Московского Военно — революционного комитета, затем командующий Московским военным округом. В 1935–1937 гг. президент ВАСХНИЛ. Репрессирован.

С. 343. *Ульянова* Мария Ильинична (1878–1937) — политический и государственный деятель СССР. Младшая сестра Ленина.

С. 344. *Сокольников* Григорий Яковлевич (наст. фам. Бриллиант; 1888–1939) — политический и государственный деятель СССР. Репрессирован.

Сталин и красные маршалы

НР. 1937. № 26. 25 апреля.

НР. 1937. № 27. 9 мая.

С. 352. *Каганович* Лазарь Моисеевич (1893–1991) — политический и государственный деятель СССР, входивший в ближайшее окружение Сталина. Один из наиболее активных организаторов массовых репрессий 1930–х и начала 1950–х годов.

...вовремя умерший Орджоникидзе... — Григорий Константинович *Орджоникидзе* (псевд. Серго; 1886–1937) — политический и государственный деятель СССР, покончивший с собой в обстановке массовых репрессий.

Пашуканис Евгений Брониславович (1891–1937) — юрист. С 1936 г. заместитель наркома юстиции. Репрессирован.

Авербах Леопольд Леонидович (1905–1939) — критик, публицист. В 1926–1932 гг. редактор журнала «На литературном посту» и генеральный секретарь Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП). Репрессирован.

С. 353. *Лившиц* Бенедикт Константинович (1885–1938) — поэт, участник литературного объединения футуристов. Автор мемуаров «Полутораглазый стрелец» (1933). Расстрелян.

...переименованная в «Ивана Сусанина» «Жизнь за царя»... — Опера М. И. Глинки «Жизнь за царя» (1836) была переименована в 1938 г. по либретто С. М. Городецкого, давшего ей название «Иван Сусанин».

Путь к революции

НР. 1937. № 27. 9 мая.

С. 355. *...как пишет ниже М. В. Вишняк...* — Статья «Желанная или неизбежная?».

Жорес Жан (1859–1914) — лидер французских социалистов. Основатель газеты «Юманите» (1904). Убит террористом.

С. 356. *...после манифеста 1905года...* — Манифест 17 октября 1905 г. провозгласил вступление России на путь конституционной монархии.

Маклаков Василий Алексеевич (1869–1957) — юрист, публицист, один из основателей партии кадетов. Депутат 2–й, 3–й и 4–й Государственных дум. В октябре 1917 г. был направлен послом во Францию (оставался им без аккредитации до 1924 г.). С 1924 г. председатель Русского эмигрантского комитета при Лиге Наций. С апреля 1927 г. руководил Центральным комитетом по устройству Дней русской культуры. В годы 2–й мировой войны один из инициаторов движения за признание эмиграцией СССР. 12 февраля 1945 г. возглавлял делегацию эмигрантов в посольство СССР, заявившую о поддержке борьбы с фашизмом и о желании многих изгнанников вернуться на родину. Автор мемуаров «Власть и общественность на закате российской империи» (Париж, 1936), «Из воспоминаний» (Нью — Йорк, 1954) и др.

Парвус — Ленин — Ганецкий

НР. 1937. № 27. 9 мая.

С. 359. *СадульЖак* (1881–1956) — французский коммунист. В 1919 г. вступил в Красную армию и принял участие в Гражданской войне в России.

Гольденберг Иосиф Петрович (1873–1922) — деятель РСДРП(б), депутат 3–й Государственной думы. После Февральской революции член исполкома Петросовета. В июле 1917 г. в составе делегации ВЦИК выехал за границу для подготовки конференции социалистов в Стокгольме. Осудив Октябрьский переворот, примкнул к активу газеты М. Горького «Новая жизнь». В 1919 г. работал при советской миссии в Берлине. В 1921 г. вернулся в Россию и снова вступил в РКП(б).

С. 360. *Гулькевин* Константин Николаевич (7—1935) — дипломат, посол России в Турции, Италии, Швеции. С 1917 г. в эмиграции. Эксперт по делам беженцев в Лиге Наций.

НР. 1937. № 30. 27 июня.

С. 362....*за исключением статьи М. А. Алданова...* — «Новая Россия» в этот день вышла под рубрикой «Дело Тухачевского — Якира». Вслед за дневником Керенского журнал напечатал статьи М. Тухачевского «О новом полевом уставе РККА», Г. Федотова «Страшные дни», Н. Алексеева «Армия и партия», П. Берлина «Русский сфинкс». Завершил подборку выступлений доклад Керенского «Заговор Тухачевского», прочитанный им 22 июня 1937 г. на традиционном собрании в журнале. Алданов в этом номере опубликовал рецензию «Книга Вальтера Дуранти». Марк Александрович Алданов (наст. фам. Ландау; 1886–1957) — прозаик, драматург, критик, литературовед, публицист, историк. Автор исторических романов. В эмиграции с марта 1919 г. Вел литературные отделы в газетах «Дни» А. Ф. Керенского и «Возрождение» Ю. Ф. Семенова. Один из основателей (совм. с М. О. Цетлиным) «Нового журнала» в Нью — Йорке (1942), в котором печатался Керенский.

С. 363....*в абдул — гамидовской Турции.* — Абдул — Гамид II (1842—1918) — турецкий султан, правивший с 1876 по 1909 г.

С. 365. *Ворошилов* Климент Ефремович (1881–1969) — Маршал Советского Союза (1935). В Гражданскую войну командовал рядом армий и фронтов. Впоследствии занимал высшие государственные посты и входил в ближайшее окружение Сталина. Один из активных организаторов массовых репрессий 1930–х — начала 1950–х годов.

НР. 1937. № 32.4 августа.

С. 367. *Фервак Ж.* — французский лейтенант, знакомый Тухачевского.

Стюд У. — английский публицист.

Через двадцать лет

НР. 1937. № 35. 7 ноября. Номер посвящен 20-летию Октябрьского переворота. Журнал опубликовал статьи известных публицистов зарубежья: Г. Федотова «Октябрьская легенда», А. Маркова «Большевики и крестьяне», М. Вишняка «За что кровь проливали?», П. Берлина «Сталин жив — идеи умерли», Н. Алексеева «Некоторые итоги советской иностранной политики», С. Соловейчика «Как был встречен в Берлине ленинский переворот», Е. Извольской «Кровавая “Утопия”», М. Алданова «Книга Фейхтвангера» («1937», об СССР).

НР. 1938. № 42/43 и 44. 21 и 28 марта.

С. 374. *Манн Томас* (1875–1955) — немецкий прозаик. Лауреат Нобелевской премии (1929). С 1933 г. в антифашистской эмиграции.

Prosperity (лат.) — процветание; экономический подъем в США в 1920–е годы, закончившийся в 1929 г. Великой депрессией.

С. 377. *Viva Imperator!.. Viva Imitator!* — Да здравствует император!.. Да здравствует подражатель! (лат.)

С. 380. *Лайонс Юджин* (1898–1985) — американский журналист. В 1928 г. командирован в Москву. Здесь его дочь Евгения училась в одной

школе с дочерью Сталина Светланой Аллилуевой. В 1929 г. в Москве издали его книгу «Жизнь и смерть Сакко и Ванцетти», которую он подарил Сталину с дарственной надписью. В ответ стал первым из иностранных корреспондентов, которому позволили взять интервью у главы СССР. В 1934 г. вернулся в США и занял резко антисоветскую позицию. Автор книг «Assignment in Utopia» («Командировка в утопию», 1937), «Сталин: Царь всея Руси» (1940).

С. 381. *Клаузевиц Карл фон* (1780–1831) — немецкий генерал — майор, военный теоретик и историк. В основном труде «О войне» (на русск. яз.: Т. 1–3. 1932–1933) сформулировал положение о войне как продолжении политики, а также разработал принципы стратегии и тактики.

Геринг Герман (1893–1946) — министр авиации в фашистском правительстве Германии. Организатор провокационного поджога рейхстага в феврале 1933 г., инициатор создания гестапо и концлагерей. На Нюрнбергском процессе приговорен к смертной казни. Покончил с собой до исполнения приговора.

С. 384. *Хувер* (Гувер) *Герберт Кларк* (1874–1964) — президент США в 1929–1933 гг. В 1919–1923 гг. возглавлял Американскую администрацию помощи европейским странам (АРА), пострадавшим в 1–й мировой войне. АРА помогла также России в борьбе с голодом в 1921 г.

Мюнхен

НР. 1938. № 53/54. 24 октября.

С. 389. *Свидание... в Мюнхене...* — Речь идет о Мюнхенском соглашении, заключенном 29–30 сентября 1938 г. премьер — министром Великобритании Н. Чемберленом (1869–1940), премьер — министром Франции Э. Даладье (1884–1970) с фашистскими диктаторами Гитлером и Муссолини. «Мюнхенский сговор» способствовал развязыванию 2–й мировой войны.

Одиночество России

НР. 1938. № 53/54. 24 октября.

С. 391. *Клемансо Жорж Бенжамен* (1841–1929) — премьер — министр и военный министр Франции в 1917–1920 гг.

...со времен Гenuи... — Имеется в виду Гenuэзская конференция, состоявшаяся 10 апреля—19 мая 1922 г., на которой главным был «русский вопрос». От Советской России потребовали признать царские долги и финансовые обязательства. Советские дипломаты не согласились с этим требованием, поскольку убытки, причиненные России интервенцией, более чем вдвое превышали ее задолженность.

Иден Антони (1897–1977) — министр иностранных дел Великобритании в 1935–1938, 1940–1945, 1951–1955 гг. Премьер — министр в 1955–1957 гг.

С. 392....*Уинстон Черчилль стал посетителем салонов Майского.* — Имеются в виду 1932–

1939 г., когда У. Черчилль, находясь в оппозиции к правительству, посещал приемы у советского посла И. М. Майского.

С . УЭА. *Дюранти* — Уолтер Дюранти (1884–1957), московский корреспондент американской газеты «Нью — Йорк Таймс» в 1921–1934 гг. Сыграл видную роль в установлении дипломатических отношений между США и СССР.

НР. 1938. № 55/56. 15 ноября.

С. 397–398. *Лансинг* Роберт (1864–1928) — в 1915–1920 гг. госсекретарь США. Участник Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. Автор книги «Мирные переговоры».

С. 398....*бывший коммунист Волленберг...* — Эрих Волленберг (1892–1973), публицист, автор книги «Red Army» («Красная армия»).

С. 401. *Геббельс* Йозеф (1897–1945) — с 1933 г. министр пропаганды в правительстве Гитлера. Идеолог фашизма. Покончил с собой.

С. 402. *Боркенау* Франц (1900–1957) — немецкий историк и публицист, бывший деятель компартии Германии и Коминтерна, эмигрировавший из нацистской Германии в Англию. Автор книг «Европейский коммунизм» (1930), «Тоталитарный враг» (1939) и др.

Россия сегодня

НР. 1938. № 58. 15 декабря.

С. 409. «*Дранг нах Остен*» (нем. «Натиск на Восток») — политический лозунг германских агрессоров, направленный на захват славянских территорий.

С. 410. *Реннер* Карл (1870–1950) — в 1918–1920 гг. федеральный канцлер Австрийской республики. В 1938 г. одобрил захват Германией Австрии и Судетской области Чехословакии.

Болдуин Стэнли (1867–1947) — премьер — министр Великобритании в 1923–1929 и 1935–1937 гг.

С. 411. *Герцог Веллингтон* Артур Уэлсли (1769–1852) — английский фельдмаршал, командовавший союзными войсками в войнах против наполеоновской Франции.

Талейран Шарль Морис (1754–1838) — французский дипломат, министр иностранных дел в 1797–1807, 1814—1815 гг.

Меттерних Клеменс (1773–1859) — князь, министр иностранных дел и фактический глава австрийского правительства в 1809–1821 гг., канцлер в 1821–1848 гг., установивший в стране систему полицейских репрессий.

Александр I (1777–1825) — российский император с 1801 г.

С. 413....*после победы Мольтке под Седаном в 1870 году* — Хельмут Карл Мольтке (Старший) (1800–1891) — немецкий генерал — фельдмаршал. Во время франко — прусской войны, командуя войсками, окружил 1–2 сентября 1870 г. французскую армию маршала Мак — Магона, которая капитулировала во главе с Наполеоном III.

Наполеон III (1808–1873) — французский император в 1852–1870 гг.

Тирпиц Альфред фон (1849–1930) — немецкий адмирал (1911). В 1897–1916 гг. статс — секретарь военно — морского ведомства.

Эдуард VII (1841–1910) — английский король с 1901 г. Содействовал созданию Антанты.

Грей оф Фаллодон Эдуард (1862–1933) — виконт, министр иностранных дел Великобритании в 1905–1916 гг. В 1907 г. заключил соглашение с Россией, способствовавшее оформлению Антанты.

С. 414. *Чернин* Оттокар (1872–1932) — граф, министр иностранных дел Австро — Венгрии в 1916–1918 гг.

С. 415. *Ревентлов* Эрнст (наст. имя и фам. Христиан Эйнар Людвиг Детлев; 1869–1943) — офицер флота, публицист, один из лидеров национал — социалистического движения, позднее перешедший на сторону нацистов. В 1913 г. отправлен в отставку за публикацию статьи «Кайзер и монархисты», в которой подверг резкой критике императора Вильгельма II. В 1920 г. стал

редактором журнала «Рейхсварт». В 1924 г. избран в рейхстаг.

Войгт (Vbigt) Ф. А. — публицист, автор книги «Unto Caesar» («Два Цезаря»); Constable, 1938).

С. 416. *Барту* Луи (1862–1934) — премьер — министр Франции в 1913 г., министр иностранных дел в 1934 г. Убит хорватскими националистами вместе с Александром Карагеоргиевичем.

Рейно Поль (1878–1966) — французский министр финансов (1931–1932, 1938–1940), министр юстиции (1932, 1938), премьер — министр и министр иностранных дел (с 21 марта по 16 июня 1940 г.).

Ховард Рой (Говард) — американский журналист и издатель, совладелец 30 газет.

С. 418. *Макиавелли* Никколо (1469–1527) — итальянский политический деятель, признававший допустимыми любые средства для упрочения сильной государственной власти (макиавеллизм). Автор сочинений «История Флоренции», «Государь» и др.

НР. 1939. № 69. 15 июня.

С. 422....какие *нибудь* «Судеты»... — Имеется в виду захват Германией Судетской области Чехословакии в 1938 г..

«Бодрость»... — газета младороссов, издававшаяся с 1934 г.

«Последние новости» (Париж; 27 апреля 1920 — 11 июня 1940) — газета, которую русские эмигранты считали главной. В первом номере редактор М. Л. Гольдштейн опубликовал программное заявление: «Девиз газеты — служение объективной правде, участие в работе по созданию фундамента для новой России».

Международная позиция Сталина

НР. 1939. № 69. 15 июня.

С. 426. *Лига Наций* (1919–1946) — международная межправительственная организация, размещавшаяся в Женеве. СССР был принят в Лигу Наций 18 сентября 1934 г.

Потемкин Владимир Петрович (1874–1946) — дипломат, полпред СССР в Турции, Греции, Италии Франции. В 1940–1946 гг. нарком просвещения РСФСР.

«Русские записки» (Париж; июнь 1937 — сентябрь 1939) — общественно — политический и литературный журнал, основанный четырьмя членами редколлегии «Современных записок» — Н. Д. Авксентьевым, И. И. Фондаминским — Бунаковым, М. В. Вишняком и В. В. Руднёвым.

Асанья — Мануэль Асанья (1880–1940), в 1931–1933 гг. глава правительства, с мая 1936 г. по 1 марта 1939 г. президент Испанской республики. После победы франкистов эмигрировал во Францию.

С. 427. *Мануильский* Дмитрий Захарович (1883–1959) — в 1917 г. комиссар Петроградского Военно — революционного комитета. В 1928–1943 гг. секретарь Исполкома Коминтерна (ИККИ).

НР. 1940. № 150. 10 марта.

С. 429. *Торез* Морис (1900–1964) — в 1930–1964 гг. генеральный секретарь компартии Франции.

Фор Поль (1878–1960) — генеральный секретарь социалистической партии Франции.

Куусинен Отто Вильгельмович (1881–1964) — один из организаторов компартии Финляндии. В 1940–1956 гг. председатель Президиума Верховного Совета Карело — Финской ССР.

Кислинг Видкун (1887–1945) — глава норвежского коллаборационистского правительства времен нацистской оккупации.

С. 430. *Гильфердинг* Рудольф (1877–1941) — один из лидеров австрийской и германской демократии и 2-го Интернационала.

С. 431. *Абрамович* Рафаил Абрамович (наст. фам. Рейн; 1880–1963) — публицист, член Бунда с 1901 г., меньшевик. В эмиграции с 1920 г. Член Бюро исполкома Социалистического рабочего Интернационала. С 1940 г. в США.

Тьссен Фриц (1873–1951) — крупный немецкий промышленник, оказавший значительную финансовую поддержку Гитлеру и национал — социалистскому движению.

Папен Франц фон (1879–1969) — рейхсканцлер Германии в июне — ноябре 1932 г., вице — канцлер в 1933–1934 гг., содействовавший приходу нацистов к власти.

Гугенберг Альфред (1865–1951) — немецкий предприниматель. С 1920-х годов финансировал партию нацистов. В правительстве Гитлера (1933) министр продовольствия и сельского хозяйства.

С. 435. *Бердяев* Николай Александрович (1874–1948) — философ, публицист. В 1922 г. выслан из России. Сотрудничал в изданиях Керенского. Автор около 40 книг и более 500 статей.

...времен очаковских и покорения Крыма ... — Из комедии «Горе от ума» А. С. Грибоедова. Имеются в виду годы, когда к России были присоединены Крым (1783) и считавшаяся неприступной турецкая крепость Очаков, взятая штурмом 6 декабря 1788 г.

Кавелин Константин Дмитриевич (1818–1885) — историк, публицист, общественный деятель. Автор одного из первых проектов отмены крепостного права.

Хомяков Алексей Степанович (1804–1869) — поэт, философ, богослов, критик, публицист. Основоположник славянофильства.

Передышка

Впервые — Новый журнал. 1942. № 1.

О границах и о прочем

Впервые — Новый журнал. 1944. № 7.

Впервые — Современные записки. 1934. № 56. Печатается по этому изданию.

А. И. Гучков

Впервые — Современные записки. 1936. № 60. Печатается по этому изданию.

С. 482....*государственный переворот 3 июня 1907 года*. — Третьеиюнь- ский переворот 1907 г., в результате которого была распущена 2-я Государственная дума и принят новый избирательный закон.

Мясоедов Сергей Николаевич (1866–1915) — жандармский подполковник. В 1914 г. служил переводчиком в 10-й армии. Заподозренный в шпионаже, расстрелян. Гучков был известным дуэлянтом, считавшим дуэль лучшим способом разрешения конфликтов. Дуэль с Мясоедовым состоялась 22 апреля 1912 г. в Старой Деревне на окраине Петербурга (см. о ней в книге: С е н и н А. С. Александр Иванович Гучков. М., 1996. С. 68–69).

С. 483....*помнила его как Савла и не знала его как Павла*. — *Савл* — еврейское имя апостола Павла, бывшего до обращения в христианство язычником.

П. Н. Милуков

Впервые — Новый журнал. 1943. № 5. Печатается по этому изданию.

С. 485. *Милуков* Павел Николаевич (1859–1943) — историк, публицист, политический деятель. Один из основателей партии кадетов, председатель ее ЦК и редактор центрального органа «Речь» (до 1917 г.). Министр иностранных дел в первом составе Временного правительства. С 1918 г. в эмиграции. С 1921 г. основатель и лидер «Парижской демократической группы Партии Народной Свободы» (в 1924 г. преобразована в «Республиканско — демократическое объединение»). Редактор влиятельной эмигрантской газеты «Последние новости» (1921–1940). Председатель Союза русских писателей и журналистов (1922–1943). Автор многих трудов, в том числе книг «История второй русской революции» (Вып. 1–3. София, 1921–1924), «Россия на переломе: Большевистский период русской революции» (Т. 1–2. Париж, 1927) и др.

С. 486. *Гессен* Иосиф Владимирович (1866–1943) — адвокат, публицист, один из лидеров партии кадетов. В 1906–1917 гг. редактор газеты «Речь». В эмиграции издавал многотомный «Архив русской революции» (Вып. 1—22. Берлин, 1921–1937). Один из основателей (совм. с А. И. Ка- менкой и В. Д. Набоковым) берлинской газеты «Руль» (1920–1931).

С. 487. *Макиндер* Хэлфорд Джордж (1861–1947) — английский геополитик. профессор Оксфордского университета, директор Экономической школы в Лондоне. В 1919–1920 гг. был посланником в Южной России.

С. 488....*как Бисмарк или Тьер*. — *Бисмарк* — первый канцлер Германии. Адольф *Тьер* (1797–1877) — историк, в 1871–1873 гг. президент Франции.

Пурталес Фридрих (1853–1928) — граф, германский дипломат. В 1907–1914 гг. посол в России.

...*на расхищение правительству Н. Маклакова, Щегловитова, Сухомлинова*... — Названы деятели, отправленные в отставку в июне — июле 1915 г. Николай Алексеевич *Маклаков* (1871–1918) — с 1913 г. министр внутренних дел, одновременно (с января 1915 г.) член Государственного совета, жестко проводивший правый курс, убежденный монархист, автор проекта о роспуске Государственной думы. Владимир Александрович *Сухомлинов* (1848–1926) — военный министр с 1909 г., член Государственного совета. В марте 1916 г. был арестован и обвинен в том, что армия оказалась не подготовленной к войне. Амнистирован 1

мая 1918 г. по старости. По мнению современников, в его лице несправедливо нашли виновника всех российских бед. Сухомлинову перед войной удалось провести ряд важных реформ, повысивших боеготовность армии, однако не устранивших в ней многих изъянов. Иван Григорьевич *Щегловитов* (1861–1918) —⁴ в 1906–1915 гг. министр юстиции, с 1907 г. член Государственного совета (с 1 января 1917 г. его председатель). Расстрелян большевиками вместе с другими сановниками.

С. 489. *Рябушинский* Павел Павлович (1871–1924) — промышленник, банкир, один из лидеров партии октябристов, член Государственного совета. В 1915 г. основал и возглавил в Москве Военно — промышленный комитет. С 1920 г. в эмиграции.

С. 490–491....*отречение в пользу... малолетнего Алексея...* — *Алексей* Николаевич (1904–1918) — наследник цесаревича и великий князь. Вместе с семьей Николая II расстрелян большевиками 16 июля 1918 г.

Т. Прокопов

В. П. Кочетов МЛ. РЕДАКТОР Д. З. Хасанова

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР С. А. Виноградова ТЕХНОЛОГ

С. С. Басипова ОПЕРАТОР КОМПЬЮТЕРНОЙ ВЕРСТКИ

А. В. Кузьмин ОПЕРАТОР КОМПЬЮТЕРНОЙ ВЕРСТКИ ОБЛОЖКИ И БЛОКА ИЛЛЮСТРАЦИЙ П. В. Мурзин КОРРЕКТОРЫ Т. П. Поленова, М. Г. Смирнова

Подписано в печать 12.09.2007 Формат 60х90/16 Тираж 5000 экз.

Заказ № 5809.

ЗАО «Вагриус»

107150, Москва, ул. Ивантеевская, д. 4, корп. 1. E-mail: vagrius@vagrius.com

Отдел реализации издательства: (495) 510–56–09, 510–56–10

Отпечатано в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати» 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14.

Примечания

Керенский Л. Ф. Россия на историческом повороте. Перев. с англ. М.: Республика, 1993.
Далее цитируется эта книга воспоминаний (другие источники указываются в скобках).

Львов 2-й Владимир Николаевич (1872–1934) — землевладелец, депутат 3-й и 4-й Государственных дум. 27 февраля 1917 г. избран членом Временного комитета Государственной думы. С 2 марта по 21 июля 1917 г. обер-прокурор Синода. Поддержал выступление Л. Г.Корнилова против Временного правительства. После Октябрьского переворота эмигрировал. В 1922 г. вернулся и работал в обновленческом Высшем церковном управлении. В 1927 г. был арестован и выслан в Томск

Верховский Александр Иванович (1886–1938) — генерал-майор (1917), военный теоретик и историк. В июле-августе 1917 г. командующий войсками Московского военного округа, в сентябре-октябре военный министр Временного правительства. Выступал за выход России из войны, за что был отправлен в отставку. Эмигрировал в Финляндию. Автор мемуаров «На трудном перевале» (М., 1959)

Гинденбург Пауль фон (1847–1934) — генерал-фельдмаршал (1914), с августа фактический главнокомандующий германскими войсками. С 1925 г. президент Веймарской республики, передавший 30 января 1933 г. власть в руки нацистов и поручивший Гитлеру формирование правительства. Автор «Воспоминаний» (Пг., 1922)

Людендорф Эрих (1865–1937) — немецкий генерал пехоты (1914), руководивший действиями всех вооруженных сил Германии в годы 1-й мировой войны. В 1923 г. вместе с Гитлером возглавил путч в Мюнхене. Автор книги «Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг.» (Т. 1–2. М., 1923–1924)

Гофман Макс (1869–1927) — немецкий генерал-майор. В декабре

разоблачением Эдуарда Бернштейна. — Имеется в виду пересмотр основных положений марксизма, предпринятый одним из лидеров немецкой социал-демократии Эдуардом Бернштейном (1850–1932). В России его идеи были подхвачены «легальными марксистами» (П. Б.Струве), представителями русского экономизма (С. Н.Прокопович, Е. Д.Кускова) и др

Алексеев Михаил Васильевич (1857–1918) — генерал от инфантерии (1914). В марте-мае 1917 г. Верховный главнокомандующий. С 30 августа по 9 сентября 1917 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего Керенского. После Октябрьского переворота возглавил Добровольческую армию белых.

Ермоленко Д. С. (1874—?) — зауряд-прапорщик, служивший в контрразведке. Во время 1-й мировой войны попал в плен. В апреле 1917 г. оказался на фронте, где был арестован. На допросе (его протокол был переслан Керенскому и опубликован) Ермоленко рассказал, что немцы перебросили его через фронт для ведения пораженческой агитации, которую, как ему заявили в германском Генштабе, уже ведут и другие немецкие агенты, в том числе Ленин, а деньги на агитацию и инструкции им передают из Стокгольма через посредство Я. С.Ганецкого, его родственницы Е. М.Суменсон и Парвуса (АЛ. Гельфанда)

Деникин Антон Иванович (1872–1947) — генерал-лейтенант (1916), военный писатель. В 1917 г. главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта. После Октябрьского переворота один из главных руководителей Белого движения, главнокомандующий Добровольческой армией (1918–1919) и Вооруженными силами Юга России (1919–1920), «верховный правитель Российского государства». 4 апреля 1920 г. сдал командование П. Н.Врангелю и выехал в Великобританию. Автор мемуаров «Очерки русской смуты» (Т. 1–5. Париж; Берлин, 1921–1926).

Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925) — князь, землевладелец. Депутат 1-й Государственной думы (1905). Деятель земского движения. В марте-июле 1917 г. глава Временного правительства. С октября 1918 г. в эмиграции. В 1918–1920 гг. возглавлял в Париже Русское политическое совещание.

Терещенко Михаил Иванович (1886–1956) — крупный землевладелец и сахарозаводчик. С 2 мая 1917 г. министр финансов, с 5 мая, после ухода П. Н.Милюкова, министр иностранных дел Временного правительства. В ночь на 26 октября был арестован большевиками вместе с другими министрами. Освобожден весной 1918 г. Эмигрировал.

Козловский Мечислав Юльевич (1876–1927) — член РСДРП(б) с 1900 г., с ноября 1918 г. председатель следственной комиссии Петросо-вета

Суменсон Е. М. — родственница Я. С.Ганецкого, проживавшая в Петрограде. С 1917 г. вела с ним тайную коммерческую переписку. Прокуратура Временного правительства использовала эту переписку в качестве обвинительных документов против Ленина

«Discontogesellschaft» — «Учетный банк» (нем.).

Гучков Александр Иванович (1862–1936) — предприниматель, лидер партии октябристов. Член Государственного совета (в 1907 г. и с 1915 г.). В 1910–1911 гг. председатель 3-й Государственной думы. 2 марта 1917 г. принял отречение Николая II. Во Временном правительстве военный и морской министр (с 2 марта по 2 мая). Член Предпарламента. Участвовал в создании Добровольческой армии. В 1919 г. А. И. Деникин направил его в Париж для переговоров с французским правительством, где он остался в эмиграции

Зиновьев Григорий Евсеевич (наст. имя и фам. Евсей Аронович Радомысльский; 1883–1936) — член РСДРП(б) с 1903 г. С декабря 1917 г. председатель Петросовета. Один из организаторов «красного террора». С марта 1919 г. председатель Исполкома Коминтерна, заявивший на его 5-м конгрессе (1924): «Нам еще предстоит завоевать 5/6 земной суши, чтобы во всем мире был СССР». Репрессирован.

Шингарев Андрей Иванович (1869–1918) — врач, публицист. Участник земского движения. Один из лидеров партии конституционных демократов. Депутат 2-й, 3-й и 4-й Государственных дум. В 1917 г. (до 2 июля) министр земледелия и финансов Временного правительства. Член Предпарламента. Депутат Учредительного собрания. Убит матросами-анархистами в Мариинской больнице (вместе с Ф. Ф.Кокошкиным)

Шаховской Дмитрий Иванович (1862–1939) — князь, внук декабриста Ф. П.Шаховского, внучатый племянник П. Я.Чаадаева. Один из учредителей конституционно-демократической партии (1905). В 1-м коалиционном Временном правительстве министр государственного призрения. В начале 1920-х годов отошел от политической деятельности и занялся литературой. Автор трудов о декабристах, Пушкине, Чаадаеве. Репрессирован.

Мануйлов Александр Аполлонович (1861–1929) — экономист, юрист, публицист. Профессор, в 1908–1911 гг. ректор Московского университета. Член Государственного совета (1907–1911). С 1905 г. член ЦК партии кадетов. В марте-июле 1917 г. министр народного просвещения Временного правительства. В 1920-х годах профессор Московского университета, член правления Госбанка СССР.

Кшесинская Матильда (Мария) Феликсовна (1872–1971) — балерина Мариинского театра (с 1890 г.). С 1920 г. в Париже. Морганатическая жена великого князя Андрея Владимировича. С 1929 по 1969 г. преподавала в собственной балетной студии

Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918) — генерал от инфантерии

Церетели Ираклий Георгиевич (1881–1959) — член РСДРП (меньшевиков), депутат 2-й Государственной думы. После Февральской революции член исполкома Петросовета, в мае-августе 1917 г. министр почт и телеграфа Временного правительства. Член Учредительного собрания. С 1921 г. в эмиграции. Чернов Виктор Михайлович (1873–1952) — социолог, публицист. Один из основателей и теоретиков партии эсеров. В мае-августе 1917 г. министр земледелия Временного правительства. В январе 1918 г. избран председателем Учредительного собрания. С 1920 г. в эмиграции. Основатель и редактор журнала «Революционная Россия» (Юрьев, Прага, Берлин. 1920–1931). После нападения Германии на СССР признал необходимым «стать на защиту России». Автор книг «Конструктивный социализм» (Прага, 1925), «Записки социалиста-революционера» (Берлин; М.; Пг., 1928), «Перед бурей: Воспоминания» (Нью-Йорк, 1953) и др.

Вердеревский Дмитрий Николаевич (1873–1946) — контр-адмирал. После Февральской революции начальник штаба, а с июня 1917 г. командующий Балтфлотом. Через месяц был отдан под суд за невыполнение приказа Временного правительства: во время июльского восстания большевиков адмирал отказался направить миноносцы к столице, чтобы преградить путь восставшим из Кронштадта. По требованию моряков его выпустили и 30 августа назначили морским министром. После Октябрьского переворота в эмиграции. В 1946 г. одним из первых пришел за советским паспортом в посольство СССР в Париже.

Дыбенко Павел Ефимович (1889–1938) — матрос, член РСДРП(б) с 1912 г. В 1917 г. председатель Центробалта, в 1918 г. нарком по морским делам. Репрессирован.

Дудырев — Дудоров Б. П., капитан 1-го ранга, помощник морского министра Временного правительства. С июля 1917 г. военно-морской атташе в Япони

Переверзев Павел Николаевич (1871–1944) — адвокат, член партии эсеров. Депутат 4-й Государственной думы. После Февральской революции прокурор Петроградской судебной палаты. С 24 апреля по 7 июля 1917 г. министр юстиции и генерал-прокурор Временного правительства. Вместе с Г. А.Алексинским опубликовал документы, в которых Ленин и большевики были представлены сотрудниками германского Генштаба. С 1918 г. в эмиграции.

Некрасов Николай Виссарионович (1879–1940) — инженер-технолог, профессор Томского университета (1902–1907). В 1909–1917 гг. один из лидеров партии конституционных демократов. Депутат 3-й и 4-й Государственных дум. В 1917 г. министр путей сообщения, министр финансов, заместитель председателя Временного правительства. В 1921–1930 гг. в Центросоюзе, затем преподаватель в Московском университете и Московском институте народного хозяйства им. Плеханова. Репрессирован.

Половцев Петр Александрович (1874–1964) — генераллейте-нант. С мая 1917 г. главнокомандующий Петроградским военным округом (сменил ушедшего на фронт Л. Г.Корнилова). С 20 октября 1917 г. военный губернатор и командующий войсками Терской области. С 1919 г. в эмиграции

Якубович Григорий Андрианович (1880–1926) — полковник Генштаба. В 1917 г. член Военной комиссии Временного комитета Государственной думы, а в дальнейшем помощник военного министра

Ганецкий Яков Станиславович (наст. имя и фам. Якуб Фюрстенберг; 1879–1937) — видный деятель социал-демократии Королевства Польши и Литвы. С 1912 г. поддерживал близкие контакты с Лениным. В марте 1917 г., находясь в Стокгольме, был в числе тех, кто готовил возвращение Ленина и других большевиков в Россию через Германию. В 1918–1922 гг. участвовал во всех заседаниях Совнаркома РСФСР. С 1935 г. директор Музея революции СССР. Репрессирован.

Парвус (наст. имя и фам. Александр Львович Гельфанд; 1869–1924) — публицист, участник социал-демократического движения в России и Германии. С 1915 г. консультант германского правительства по революционному движению в России, предлагавший планы свержения самодержавия. В 1917 г. выступил посредником в передаче немецких денег большевикам

Коллонтай Александра Михайловна (урожд. Домонтович; 1872–1952) — политический деятель, дипломат, публицист. В 1917–1918 гг. народный комиссар государственного призрения. С 1920 г. заведовала женским отделом ЦК ВКП(б). С 1923 г. посол в Норвегии, затем в Мексике и Швеции

Ильин (Раскольников) — Федор Федорович Раскольников (наст. фам. Ильин; 1892–1939), политический и военный деятель, дипломат, литератор. В 1919–1920 гг. командующий Волжско-Каспийской флотилией. В 1920–1921 гг. командующий Балтийским флотом. С 1921 г. на дипломатической работе. Автор «Открытого письма Сталину» (1939) с обвинениями его в массовых репрессиях. Погиб в Ницце при невыясненных обстоятельствах

Рошаль Семен Григорьевич (1896–1917) — деятель РСДРП(б). В 1917 г. участвовал в ликвидации Ставки Верховного главнокомандующего в Могилеве и аресте генерала Духонина. В октябре 1917 г. комиссар сводного отряда солдат и матросов, направленного под Петроград для того, чтобы остановить продвижение к столице войск Керенского и Краснова. С ноября 1917 г. правительственный комиссар Румынского фронта. Во время переговоров арестован и расстрелян по приказу главнокомандующего Украинским фронтом Д. Г.Щербачева

Семашко А. Я. — прапорщик, большевик. В 1917 г. командир первого пулеметного запасного полка, выступившего на стороне Ленина во время июльского выступления большевиков.

..арестованы Троцкий и Луначарский. — Лев Давидович Троцкий (наст. фам. Бронштейн; 1879–1940) и будущий нарком просвещения Анатолий Васильевич Луначарский (1875–1933) после июльского выступления большевиков были арестованы и обвинены в государственной измене и шпионаже. Троцкий, отсидев в тюрьме, в конце сентября был избран председателем Петросовета. Считал Октябрьский переворот несвоевременным, однако стал одним из его вождей. Освобожденного из тюрьмы Луначарского избрали товарищем городского головы, ведающим организацией работы учреждений культуры

...газетки «Товарищ»... — Одно из изданий германского командования на русском языке для распространения в русских окопах. Газета печаталась в г. Вильно, занятом в 1915 г. немцами

..крайнюю левую, газету Горького «Новая жизнь»... — Общественно-литературная социал-демократическая газета «Новая жизнь» выходила с 18 апреля 1917 г. по 16 июля 1918 г. в Петербурге; была основана на личные деньги М. Горького. Официальным издателем значился АН. Тихонов (Серебров). Горький опубликовал здесь цикл статей «Несвоевременные мысли», в котором выразил свое несогласие с тем, как развиваются в России революция и культура. После неоднократных предупреждений газета была закрыта.

«Новое время» (1868–1917) — официозная петербургская газета, издававшаяся с 1876 г. А. С.Сувориным и его сыновьями.

времена Плеве... — Имеются в виду 1902–1904 гг., когда министром внутренних дел и шефом корпуса жандармов был Вячеслав Константинович Плеве (1846–1904), убитый эсером-террористом Е. С. Созоновым

...во время нового большого правительственного кризиса, открывшегося после большевистского восстания. — Имеется в виду июльский кризис Временного правительства. 2 июля 1917 г. из правительства вышли министры-кадеты А. А.Мануйлов, Д. И.Шаховской и А. И.Шингарев. Несмотря на это, 3 июля начались демонстрации солдат и рабочих в Петрограде под лозунгами «Долой 10 министров-капиталистов!» и «Вся власть Советам!». На экстренном заседании ЦК РСДРП(б) было принято решение возглавить антиправительственные вооруженные выступления. Перед демонстрантами, собравшимися у особняка Кшесинской (здесь ночью заседали большевики), 4 июля выступил с речью Ленин. Чтобы усмирить большевистский мятеж, Временное правительство вызвало войска с фронта. Петроград был объявлен на военном положении. 6 июля Керенский подписал приказ об аресте Ленина, но большевистскому вождю удалось скрыться. 7 июля в отставку подал министр-председатель Г. Е. Львов и «правительство спасения революции» возглавил Керенский, сохранивший за собой также пост военного и морского министра

Было и наоборот. Некоторая часть левой социалистической печати, требуя драконовских полицейских мер против «контрреволюционеров» справа, возмущалась «произволом» правительства по отношению к большевикам. Слушая обе стороны, получалось курьезное впечатление. Выходило так, что Временное правительство одновременно было под «давлением» обоих крайних флангов: левым казалось — под давлением правого, правым — левого.

Левый фланг заняли большевики с сопутствующими им крайними группами меньшевиков и социалистов — революционеров. Центральная позиция была занята партией социал — революционеров, меньшевиками из социал — демократов, трудовиками и народными социалистами, с примыкающими к ним кооператорами, большинством городских дум, выбранных на основании всеобщего избирательного права, фронтовыми и армейскими комитетами и т. д.

Юренев Петр Петрович (1874–1946) — инженер-строитель, депутат 2-й Государственной думы. Под его руководством в 1907 г. был разработан первый проект московского метро. В 1917 г. министр путей сообщения во Временном правительстве. Член Предпарламента. С 1920 г. в эмиграции. Зарабатывал на жизнь стиркой белья. В 1943—1944 гг. приветствовал наступление советских войск.

Кокошкин Федор Федорович (1871–1918) — юрист, публицист, один из основателей и лидеров партии конституционных демократов. С июля 1917 г. государственный контролер во Временном правительстве. Убит в Мариинской больнице матросами-анархистами

Государственное совещание — состоялось 12–15 августа 1917 г. в Москве в Большом театре. В нем приняли участие около двух тысяч представителей партий, организаций, интеллигенции, военных, духовенства. Выступило за общее согласие, укрепление власти, упразднение Советов

Чхеидзе Николай Семенович (1864–1926) — один из лидеров меньшевиков. Депутат 3-й и 4-й Государственных дум, возглавлявший фракцию социал-демократов. С 27 февраля по 2 марта 1917 г. член Временного комитета Государственной думы. В феврале-августе председатель исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. В феврале-мае 1918 г. председатель (с правами президента) Закавказского сейма. В 1919 г. председатель Учредительного собрания Грузии — меньшевистского правительства. В 1921 г. эмигрировал во Францию, где покончил жизнь самоубийством.

Бубликов Александр Александрович (1875–1941) — инженер-путеец, депутат 4-й Государственной думы. В 1917 г. комиссар Министерства путей сообщения. После Октябрьского переворота в эмиграции в США. Сотрудник газеты «Новое русское слово».

Ленин в бегах... — После того как 7 июля 1917 г. Временное правительство отдало приказ арестовать Ленина, он вместе с Г. Е.Зиновьевым до 8 августа скрывался в окрестностях Петрограда, затем в шалаше у озера Разлив и в Гельсингфорсе (Финляндия)

Большинство данных о заговорах справа были мне известны еще летом 1917 г. и были мной опубликованы летом 1918 г. в книге «Дело генерала Л. Г. Корнилова», ныне исчезнувшей с рынка. Все позднейшие, связанные с делом генерала Корнилова, сообщения в печати лишь подтверждают неукоснительно мои данные.

Завойко В.С. — украинский помещик, предприниматель, редактор журнала «Свобода и борьба». С весны 1917 г. советник Л. Г.Корнилова, участвовал в подготовке его выступления против Временного правительства.

Распутин Григорий Ефимович (наст. фам. Новых; 1864 или 1865 (по др. сведениям 1872)—1916) — крестьянин Тобольской губернии, занимавшийся прорицаниями и исцелениями. Завоевал доверие императрицы Александры Федоровны и Николая II тем, что ему удавалось помогать больному гемофилией цесаревичу Алексею. Убит Ф. Ф.Юсуповым-сыном, В. М.Пуришкевичем и великим князем Дмитрием Павловичем.

Путилов Алексей Иванович (1866 — не ранее 1937) — промышленник, финансист. В 1910–1917 гг. председатель правления Русско-Азиат-ского банка. Инициатор создания «Общества экономического возрождения России», которое финансировало Л. Г.Корнилова в его выступлении против Временного правительства. После октября 1917 г. в эмиграции

В своих воспоминаниях, напечатанных в «Белом Архиве», барон П. Н. Врангель вполне подтверждает мои сведения о том, что заговорщическая работа некоторых петербургских кругов началась сейчас же после февральского переворота. Он только старается себе приписать «честь» первого почина в поисках генерала — диктатора, что не соответствует действительности. Поданным, которые дает барон Врангель о связи между генералом Корниловым и Завойко, можно заключить, что мой осведомитель ошибался: г. Завойко не на фронте «разыскал» Л. Г. Корнилова, а ехал именно и только к нему, заранее списавшись.

Первоначально Кавказской туземной дивизией, набранной только во время войны, командовал великий князь Михаил Александрович. Офицерский состав этой дивизии в значительной части был подобран из самых аристократических, кавалерийских полков гвардии. Неудивительно поэтому было, что на офицерство именно этой дивизии особенно рассчитывали все правые конспираторы.

Врангель Петр Николаевич (1878–1928) — барон, генераллей-тенант (1918). Один из главных организаторов Белого движения в Гражданскую войну. В 1920 г. Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России и Русской армии. С 14 ноября 1920 г. в эмиграции. В 1924–1928 гг. организатор и председатель антисоветского Русского общевойска (РОВС). Автор мемуарных «Записок» (Берлин, 1928).

В 1918 г. Завойко появился за границей. Здесь он пользовался — по причинам, о которых далее, — особым покровительством английского военного министра лорда Милнера, по распоряжению которого Завойко был выдан паспорт на имя «полковника Курбатова». Этот полковник — единственный из русских — приглашался в Высший военный совет союзников в Версале. Работая в полном согласии с английскими военными властями по подготовке переворота в Сибири адмирала Колчака, Курбатов — Завойко отправился в конце лета 1918 г. с особой «миссией» в Вашингтон. Мне пришлось тогда послать президенту Вильсону телеграмму, объясняющую роль и личность этого господина. В настоящее время г. Завойко проживает в Нью — Йорке, снова под собственной фамилией.

Михаил Александрович (1878–1918) — великий князь, генераллейте-нант (1916). Брат Николая II. В начале Февральской революции был вызван с фронта в Петроград. На предложение принять завещанный ему братом престол ответил отказом. В марте 1918 г. был выслан большевиками в Пермь, в июне арестован чекистами и расстрелян

Колчак Александр Васильевич (1874–1920) — полярный исследователь, гидролог, адмирал (1918). В 1916–1917 гг. командующий Черноморским флотом. В 1918 г. объявил себя Верховным правителем Российского государства. Возглавлял борьбу с советской властью в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке. В 1920 г. расстрелян большевиками.

Вильсон Томас Вудро (1856–1924) — президент США в 1913–1921 гг. Выступал посредником между воюющими европейскими державами. Лауреат Нобелевской премии мира (1920).

Шульгин Василий Витальевич (1878–1976) — историк, публицист, прозаик, поэт. Издатель и ведущий автор газеты «Киевлянин», основанной его отцом в 1864 г. Депутат 2-й, 3-й и 4-й Государственных дум. 27 февраля 1917 г. вошел в состав Временного комитета Государственной думы. 2 марта 1917 г. вместе с А. И. Гучковым принимал в Пскове отречение Николая II от престола. С конца 1918 г. в эмиграции. После окончания 2-й мировой войны арестован и находился в сталинском концлагере до 1956 г. Автор мемуарных книг «Дни», «1920» (обе 1921), «Три столицы. Путешествие в красную Россию» (1927)

Coup d'Etat — государственный военный переворот или призыв к нему (фр.)

Самсонов Александр Васильевич (1859–1914) — генерал от кавалерии (1910). С 1907 г. наказной атаман Войска Донского. С 1909 г. туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа. В начале 1-й мировой войны во главе 2-й армии потерпел поражение. При выходе из окружения Самсонов погиб (вероятно, застрелился).

Ренненкампф Павел Карлович (1854–1918) — генерал от кавалерии (1910). В 1-ю мировую войну командующий армией (до октября 1915 г., когда по собственному рапорту ушел в отставку). В марте 1918 г. арестован большевиками и за отказ поступить на службу в Красную армию убит

Николай Николаевич Младший (1856–1929) — великий князь, генерал-адъютант, генерал от кавалерии (1901). В 1905–1914 гг. главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа. В 1914–1915 гг. Верховный главнокомандующий Вооруженными силами России. С 1920 г. в эмиграции, где считался одним из претендентов на российский престол.

Брусилов Алексей Алексеевич (1853–1926) — генерал от кавалерии (1912). В 1916 г., командуя армиями Юго-Западного фронта, провел успешное наступление (Брусиловский прорыв), приведшее к разгрому австро-венгерских войск. В мае-июле 1917 г. Верховный главнокомандующий, военный советник Временного правительства. С 1920 г. в Красной армии

Я привожу содержание этой телеграммы, ибо она хорошо иллюстрирует все только что мною рассказанное.

Нивель Робер Жорж (1856–1924) — главнокомандующий французской армии в 1916–1917 гг

Весь ход летней кампании 1917 г. развернулся бы совсем иначе, если бы в действиях союзников (Англии, России и Франции) была некоторая большая согласованность. Например, то же французское наступление, согласованное с русским, кончилось бы совсем иначе, особенно если бы английское командование поддержало нас, как было обещано, но... не исполнено.

Пенлеве Поль (1863–1933) — французский математик, государственный и политический деятель. В 1915–1916 гг. министр просвещения и изобретений. В 1917 г. военный министр, премьер-министр. В 1925–1929 гг. премьер-министр, военный министр, министр финансов. В 1930–1933 гг. министр авиации.

Балуев Петр Семенович (1857–1923) — генерал от инфантерии, командующий Западным фронтом

Клембовский Владислав Наполеонович (1860–1923) — генерал от инфантерии. В конце августа 1917 г. приказом Керенского сменил Л.Г. Корнилова на посту Верховного главнокомандующего и командующего армиями Северного фронта. В августе-сентябре 1918 г. председатель Военно-исторической комиссии по описанию 1-й мировой войны 1914–1918 гг

Рузский Николай Владимирович (1854–1918) — генерал от инфантерии (1909). В 1-ю мировую войну командующий Северо-Западным и Северным фронтами. С 1917 г. в отставке. Расстрелян большевиками в Пятигорске

Каледин Алексей Максимович (1861–1918) — генерал от кавалерии (1916). С 1917 г. атаман Донского казачьего войска. Организатор борьбы с большевизмом на Дону. Покончил с собой.

Борис Викторович Савинков (1879–1925) — политический деятель, писатель. С 1903 г. один из лидеров Боевой организации эсеров, организатор и участник убийств министра внутренних дел В. К.Плеве и московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. В 1906 г. приговорен к смертной казни. Бежал в Румынию, где занялся литературным творчеством (написал романы «Конь бледный» и «То, чего не было»). В 1917 г. управляющий Военным министерством Временного правительства, исполняющий обязанности командующего войсками Петроградского военного округа. Ушел в отставку после подавления 25 августа 1917 г. мятежа Л. Г.Корнилова. Участвовал в антибольшевистском движении. В 1919 г. выехал за границу. 7 мая 1925 г. покончил с собой в советской тюрьме (по другой версии — убит чекистами).

Дмитрий Павлович (1891–1942) — великий князь. Участник убийства Г. Распутина. С 1917 г. в эмиграции.

Очерки русской смуты. Т. I, ч. 2. С. 197.

Это была сознательная выдумка заговорщиков, ибо тогда и не готовилось, и не могло готовиться восстание загнанных в подполье большевиков.

Крымов Александр Михайлович (1871–1917) — генераллейтенант (1917). Во время Корниловского мятежа 1917 г. был направлен Ставкой на Петроград во главе 3-го конного корпуса. После того как Керенский отдал приказ о его аресте, А. М.Крымов 31 августа покончил с собой

Очерки русской смуты. Т. I, ч. 2. С. 210.

Де Симетьер — Леонид Павлович Дю-Симетьер, офицер лейб-гвардии Гренадерского полка. В 1917 г. полковник Генштаба, участник Корниловского мятежа

Сидорин Владимир Ильич (1882–1943) — генерал-лейтенант (1919). В 1917 г. участник Корниловского мятежа. Заместитель председателя Союза офицеров армии и флота (1917), командующий Донской армией (1919 — март 1920). С 1920 г. в эмиграции, где стал одним из руководителей Союза возрождения казачества.

Восстание декабристов 14 (26) декабря 1825 г.

Дутов Александр Ильич (1879–1921) — генерал-лейтенант

Долгоруков Александр Николаевич (1872–1948) — князь, генерал-лейтенан

Нокс Альфред Уильям Фортефью (1870–1964) — английский генерал. В 1911–1917 гг. военный атташе при русской армии. В 1918 г. глава британской миссии в Сибири, заместитель главнокомандующего союзными войсками в Сибири, занимавшийся снабжением войск интервентов и армии А. В.Колчака

Аладьин Алексей Федорович (1873–1927) — публицист. Депутат 1-й Государственной думы, один из лидеров трудовой группы. С 1906 до июля 1917 г. в эмиграции. Вернувшись в Петроград, принял участие в Корниловском мятеже. Участник Белого движения, штабс-капитан Донской армии. С 1920 г. снова в эмиграции

Винавер Максим Максимович (1862–1926) — юрист, публицист, общественный деятель. Член ЦК партии кадетов с 1905 г. В 1906 г. депутат 1-й Государственной думы. В 1907–1918 гг. один из лидеров Еврейской народной группы. Издавал газету «Восход» (1902–1906) и журнал «Вестник гражданского права» (1913–1917). Один из учредителей Союза адвокатов и Союза российских писателей. С 1919 г. в эмиграции. Автор мемуарной книги «Недавнее: Воспоминания и характеристики» (1917

Энигма (греч.) — загадка.

Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934) — востоковед, один из основателей индологической школы, академик. В 1904–1929 гг. непреходящий секретарь АН. Член ЦК кадетской партии. В июле-августе 1917 г. министр народного просвещения Временного правительства. В 1916–1934 гг. директор Азиатского музея — Института востоковедения

Карташев (Карташов) Антон Владимирович (1875–1960) — историк церкви, публицист. В 1906–1918 гг. преподаватель истории религии и церкви на Высших женских курсах. С 1909 г. председатель Религиознофилософского общества. С 24 июля 1917 г. обер-прокурор Синода, затем министр вероисповеданий Временного правительства. После Октябрьского переворота арестован. В январе 1919 г. бежал за границу. С 1925 по 1960 г. — один из основателей и профессор Свято-Сергиевского Богословского института в Париже

Эта выписка из воспоминаний В. Д. Набокова с чрезвычайной яркостью вскрывает всю гниль тогдашней коалиционной психологии. Находясь в теснейшем правительственном сотрудничестве в час исключительной исторической ответственности, представители крупнейшей и культурнейшей политической партии не только не считают обязанностью своей совести, своего государственного долга немедленно сообщить главе правительства все случившееся между В. Д. Набоковым и В. Н. Львовым, но еще исподтишка, как за врагом, наблюдают за ним. Ведь если бы кто-нибудь из к. — д. министров или сам В. Д. Набоков тогда же, 22 августа, передал мне предупреждение В. Н. Львова, то всех последующих, взорвавших Россию событий, несомненно, не последовало бы. Для выяснения всей политической обстановки, предшествовавшей восстанию генерала Корнилова, необходимо выяснить — просил ли В. Д. Набоков министров к. — д. наблюдать за мной в заседании правительства, не объясняя им, зачем это ему понадобилось, или к. — д., члены коалиционного правительства, зная содержание разговора В. Н. Львова, сами не считали нужным предупредить Временное правительство о готовящейся ему западне.

Вырубов Василий Васильевич (1879–1963) — сын предводителя дворянства Пензенского уезда, откуда родом Керенские. В 1917 г. уполномоченный Временного правительства по реформированию военных управлений (на правах помощника военного министра). После Корниловского мятежа помощник начальника штаба Верховного главнокомандующего по гражданским делам при генералах М. В.Алексееве и Н. Н.Духонине. Близкий друг Керенского

Аппарат Юза — буквопечатающий телеграфный аппарат (1855) английского изобретателя Дэвида Эдуарда Юза (1831–1900)

Говорить прямо, называя все своими именами, было невозможно, так как на обоих концах провода у аппаратов сидели телеграфисты — солдаты.

Тут же В. Н. Львов прочел ленту и вполне ее одобрил.

По воспоминанию В. В. Вырубова, В. Н. Львов сам обратился к нему в автомобиле со словами: «Запомните хорошенько, Василий Васильевич, что я сегодня спас жизнь Александру Федоровичу».

Балавинский Сергей Александрович (Андреевич; 1864–1928) — адвокат, журналист. В 1917 г. помощник начальника главного управления по делам милиции, полковник. Во время мятежа Корнилова арестовал В. Нльова. После 1917 г. в эмиграции

Вот показания помощника начальника Главного управления по делам милиции, данные им судебному следователю на другой же день, 27 августа: «**Я** находился в кабинете Керенского и хотел уйти ввиду предстоящей беседы его со Львовым, но Керенский просил меня остаться, и я оставался в кабинете во все время разговора. Керенский привез с собой два документа. Прежде всего он прочел вслух Львову ленту телеграфного прямого провода со Ставкой, содержащую разговор его, Керенского, с генералом Корниловым, ту самую, которую вы мне теперь предъявляете, и Львов подтвердил правильность изложенного на ленте разговора. Затем Керенский прочел вслух Львову предъявленную мне собственноручную записку Львова, и тот тоже подтвердил правильность этой записки, удостоверяя, что все предложенное в этой записке исходит от генерала Корнилова. Далее В. Львов говорил, что общество и все в Ставке так возбуждены против Керенского и Временного правительства, что генерал Корнилов не ручается за личную безопасность А. Ф. ни в одном месте в России, и потому приезд Керенского и Савинкова в Ставку необходим, а Львов со своей стороны дает Керенскому “добрый совет” принять и исполнить условия генерала Корнилова. Советуя Керенскому исполнить требования генерала Корнилова, В. Львов говорил, что генерал Корнилов во вновь образуемом им кабинете министров предлагает посты: Керенскому — министра юстиции, Савинкову — военного и, как мне кажется, морского министра».

Сейчас же после ареста В. Львова на его имя в Зимний дворец пришла телеграмма из Ставки от Аладьина, содержащая поручения в Москву.

Кузьмин — капитан, помощник командующего войсками Петербургского военного округа

Воронович Николай Владимирович (1886–1967) — полковник, публицист, эсер. В Гражданскую войну командовал отрядами «зеленых». С 1920 г. в эмиграции

Генерал Краснов, очень яркий реакционер, монархист, человек умный и не без политической смекалки, в своих воспоминаниях, напечатанных несколько лет тому назад (Архив Русской Революции. Т. I. С. 117–118), дает очень жестокое для заговорщиков описание подготовки и выполнения похода на Петербург генерала Крымова. Дело в том, что, тайно от Временного правительства назначив генерала Крымова командиром несуществующей «особой С.-Петербургской армии», генерал Корнилов заместителем Крымова, как командира 3-го конного корпуса, назначил генерала Краснова. Генерал Краснов догнал свои части только утром 28 августа на ст. Дно. А ночью перед его приездом из Луги от генерала Крымова получен был в штаб корпуса боевой приказ о порядке захвата Петербурга. Напоминаю, что план захвата Петербурга разработал еще дней за десять до предъявления мне ультиматума Львовым сам генерал Крымов, тайно пребывая в Ставке. В полученном генералом Красновым приказе «все было предусмотрено, какой дивизии занять какие части города, где иметь наиболее сильные караулы... и занятие дворцов, и банков, и караулы на вокзалах железных дорог, телефонные станции, Михайловский манеж, и окружение казарм, и обезоруживание гарнизона. Не было предусмотрено только одного: встречи с боем до входа в Петербург».

Не было предусмотрено, ибо генерал Корнилов с Крымовым были твердо уверены, что они застанут врасплох Временное правительство, явившись в Петербург в качестве мной вызванного в распоряжение Временного правительства корпуса. Еще накануне, 27 августа, по свидетельству того же генерала Краснова, в Ставке господствовала полная уверенность в совершенном успехе дела. А между тем умному человеку обстановка восстания тогда же, 27 августа, представлялась чрезвычайно сомнительной. «Замышляется очень деликатная и сильная операция, требующая вдохновения и порыва, — рассуждает генерал Краснов, — переворот, для которого неизбежно нужна некоторая театральность обстановки». А между тем «эшелоны ползли по железным путям, часами стояли на станциях. Солдаты толпились в красных коробках-вагонах, а потом на станции толпами стояли около какого-нибудь оратора... Они не видели своих вождей с собой рядом и даже не знали, где они... Все начальство осталось позади. Корнилов задумал такое великое дело, а сам остался в Могилеве, во дворце, окруженный туркменами и ударниками (с Юго-Западного фронта Верховный главнокомандующий генерал Корнилов вызвал в свое распоряжение так называемый «Корниловский» полк. — *Л. К.*), как будто и сам не верящий в успех». Кстати, достаточно прочесть только одни воспоминания генерала Краснова для того, чтобы убедиться, что восстание генерала Корнилова было вполне умышленным и направленным именно против Временного правительства

Дидерихс — Михаил Константинович Дитерихс (1874–1937), с сентября 1917 г. генерал-квартирмейстер Ставки Верховного главнокомандующего А. Ф. Керенского, с 3 ноября начальник штаба Ставки у генерала Н. Н. Духонина. С декабря 1917 г. по май 1918 г. начальник штаба Чехословацкого корпуса и один из организаторов его мятежа. В 1919 г. командующий Сибирской армией, военный министр в правительстве А. В. Колчака, командующий Восточным фронтом. С 1922 г. в эмиграции в Китае

Шабловский Иосиф Сигизмундович (7—1934) — главный военно-морской прокурор при Временном правительстве.

Мысль стать только начальником штаба не случайно появилась у генерала Алексеева, и не утром 30 августа. Еще 28-го, а может быть, 29-го генерал Алексеев в ответ на мое предложение немедленно вступить в должность Верховного главнокомандующего передал мне свое мнение, что таковым должен обязательно стать я сам. Когда пожелание генерала Алексеева было мне передано, я принял это за неуместную шутку и отказался продолжать на эту тему разговор. Однако мне пришлось выслушать основной мотив, побудивший генерала Алексеева выдвинуть кандидатуру министра — председателя в Верховные главнокомандующие. По его мнению, положение в армии после генерала Корнилова требовало полного сосредоточения власти в одних руках, что можно было достигнуть (при чрезвычайных по закону полномочиях Верховного главнокомандующего) только слитием этой должности с должностью главы Временного правительства. Такого своего мнения генерал Алексеев до конца не изменил, и мне пришлось, во имя скорейшего прекращения анархии в Ставке, временно подчиниться его желанию.

Не могу здесь не напомнить, что и должность военного и морского министра я принял (2 мая) только после того, как моя кандидатура была перед Временным правительством поставлена Верховным главнокомандующим генералом Алексеевым от имени совещания всех командующих фронтами, тогда происходившего в Ставке. Все сие я пишу вовсе не для того, чтобы «прикрыться» генеральскими авторитетами, а для того, чтобы напомнить, как часто мало бывает общего между подлинной историей и тем, как ее пишут, в особенности в состоянии запальчивости и раздражения. (См., напр.: Из дневника ген. М. В. Алексеева // Русский исторический архив. Сб. I. Прага.)

Великая хартия вольностей — грамота, подписанная в 1215 г. английским королем Иоанном Безземельным. Входит в число ныне действующих актов конституции Великобритании.

Имеется в виду Великая французская революция 1789–1792 гг., проходившая под лозунгами Свободы, Равенства, Братства

Якобинизм — следование радикальным французским революционерам, установившим в 1793 г. диктатуру, которая спустя год была свергнута

Бонапартизм — диктатура Наполеона Бонапарта и его последователей, сочетавших демагогию с политикой подавления демократии, а также диктатура, опирающаяся на бюрократию и военщину, лавирующая между общественными группами и политическими партиями

Реставрация — восстановление свергнутого революцией строя; во Франции — периоды вторичного правления Бурбонов в 1814–1815 и 1815–1830 гг. (1-я и 2-я Реставраци

Имеются в виду лица, назначенные на различные государственные посты по протекции Григория Распутина

Дантон Жорж Жак (1759–1794) — деятель Великой французской революции, один из вождей якобинцев. Казнен за примиренческую позицию по отношению к жирондистам, противодействовавшим развитию революции

Марат Жан Поль (1743–1793) — парижский врач, ставший одним из вождей якобинцев во время Великой французской революции. Убит Шарлоттой Корде.

Термидор — 11-й месяц французского республиканского календаря (в 1793–1805 гг.), длившийся с 19/20 июля по 17/18 августа, а также контрреволюционный переворот 27–28 июля 1794 г., положивший конец Великой французской революции

Брюмер — 2-й месяц французского республиканского календаря (в 1793–1805 гг.), длившийся с 22/23 октября по 20/21 ноября

Переворот Каппа — Капповский путч, предпринятый 13–17 марта 1920 г. в Германии монархистами и милитаристами во главе с В. Каппом, генералами Э. Людендорфом, ВЛютвицем и др.

Государственный переворот, совершенный 13 сентября 1923 г. генералом Мигелем Примо де Риверой (1870–1930), установившим военную директорию

Спартакисты — деятели организации левых социал-демократов «Спартак» (1916–1918) в Германии, основавших компартию.

Камбо Ф. — испанский публицист, автор книги «Диктатуры» (1930).

Клемансо Жорж (1841–1929) — премьер-министр Франции в 1906–1909, 1917–1920 гг

Козьма Прутков — коллективный псевдоним, которым в 1850— 1860-е годы подписывали свои сатирические стихи, пьесы, пародии А. К.Толстой и братья Александр М., Алексей М. и В. М. Жемчужниковы.

Версальский мирный договор, завершивший 1-ю мировую войну, был подписан 28 июня 1919 г. державами-победительницами США, Великобританией, Францией, Италией, Японией, Бельгией и др., с одной стороны, и Германией — с другой. России договор мира не принес: началась Гражданская война и иностранная интервенция

Ллойд Джордж Дэвид (1863–1945) — премьер-министр Великобритании в 1916–1922 гг., один из лидеров либеральной партии.

Бьюкенен Джордж Уильям (1854–1924) — в 1910–1918 гг. посол Великобритании в России. Поддерживал Временное правительство и А. Ф.Керенского

Палеолог Морис (1859–1944) — французский дипломат, публицист, посол Франции в России. Автор мемуаров «Царская Россия во время мировой войны» (Т.1–2. М.; Пг., 1922–1923)

Мария Павловна (1854–1920) — великая княгиня, урожденная принцесса Мекленбург-Шверинская. С 1874 г. жена великого князя Владимира Александровича

Тома Альбер (1878–1932) — французский историк, социал-реформист. В годы 1-й мировой войны министр по делам вооружений. В 1917 г. был в России, где вел агитацию за продолжение войны

Александра Федоровна (1872–1918) — российская императрица, жена Николая II с 1894 г.
Расстреляна большевиками вместе с мужем и детьми

Бисмарк Отто Эдуард Леопольд фон Шёнхаузен (1815–1898) — рейсканцлер Германской империи в 1871–1890 гг

..сазоновскую политику... — Сергей Дмитриевич Сазонов (1860—

Карл Австрийский — Карл (1887–1922), император Австрии и король Венгрии в 1916–1918 гг. Отрекся от престола

Вандервельде Эмиль (1866–1938) — бельгийский социалист, в 1914–1937 гг. член правительства Бельгии. В 1922 г. приезжал в Москву на судебный процесс над партией левых эсеров в качестве их защитника.

Кстати, в предложениях сепаратного мира, которые делались России до революции, всегда в качестве главного козыря фигурировал все тот же Стамбул. И, заключая сепаратный мир с Германией, император Николай II имел бы хороший козырь в руках; он лично из рук Германии его не хотел.

В нем между прочим говорилось: «Прошло более 6-ти с половиной месяцев со дня начала нашей революции, а наша армия продолжает так же удерживать силы противника, как и раньше. Причем за это время эти силы не только не уменьшились, но, наоборот, увеличились... В день перехода наших войск в наступление в Галиции 18 июня число дивизий противника, находившихся на русско — германском фронте, было такое же, как и 27 февраля. А в самый разгар боев в Восточной Галиции и Буковине силы противника увеличились на 9 с половиной пехотных дивизий. Увеличение это приходится на долю германцев, а число турок и австрийцев даже уменьшилось. Артиллерия противника за этот период увеличилась приблизительно на 640 орудий разного калибра».

Локкарт Роберт Брюс (1887–1970) — в 1915–1917 гг. английский генеральный консул в Москве. В 1918 г. сменил Дж. Бьюкенена на посту посла Великобритании и стал одним из организаторов «заговора трех послов». Выслан из России.

Нуланс Жозеф (1864–1939) — в 1917–1918 гг. посол Франции в России

Имеется в виду договор о перемирии, подписанный 3 марта 1918 г. в Бресте представителями Советской России и стран «четверного согласия» (Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции). По этому унижительному для России договору от нее отторгались территории Польши, Литвы, часть Белоруссии и Лифляндии (Латвии)

Гренар Фердинанд — французский дипломат, участник «заговора трех послов» в 1918 г., объявленный по приговору трибунала вне закона

Центральный исполнительный комитет Совета солдатских и рабочих депутатов

Юрий Михайлович Нахамкис (псевд. Стеклов; 1873–1941), историк, публицист, политический деятель. Один из учредителей Петросовета (февраль 1917 г.). Основатель и редактор газеты «Известия» (1917–1925). Репрессирован.

Здесь я перепечатаваю только те части этой статьи, которые имеют прямое отношение к выяснению обстоятельств заговора и восстания генерала Корнилова. Со времени появления в 1918 г. моей книжки «Дело Корнилова» многие весьма существенные закулисные стороны этого несчастного предприятия, вскрытые мной, получили подтверждение в некоторых опубликованных работах (В. Львова, П. Краснова, В. Набокова). Здесь я считаю нужным привести несколько выдержек из «Очерков русской смуты» — генерала Деникина, *полуправда* которого с несомненностью устанавливает, однако, наличие заговорщической деятельности генерала Корнилова и его Ставки. В конце июля «настроение Ставки было сильно приподнятое... но ничто не выдавало какой-либо подземной конспиративной работы. Надо заметить, что в этом деле военная среда была настолько неопытна, что потом, когда *действительно началась конспирация*, она приняла такие явные формы, что только глухие и слепые могли не видеть и не слышать» (т. 1, ч. 2, с. 196). «По окончании заседания Корнилов предложил мне остаться и, когда все ушли, тихим голосом, почти шепотом, сказал мне следующее: “Нужно бороться, иначе страна погибнет”. Ко мне на фронт приезжал Н, он все носится со своей идеей переворота и возведения на трон в. к. Дмитрия Павловича, что то организует и предлагал совместную работу. Я ему заявил, что ни на какую авантюру с Романовыми не пойду. В правительстве сами понимают, что совершенно бессильны что-либо сделать. Они предлагают мне войти в состав правительства. (Никогда никакого подобного предложения от имени Временного правительства генералу Корнилову не делалось и не могло делаться. — *Л. К.*)... Ну, нет: эти господа слишком связаны с Советами и ни на что решиться не смогут. Я им говорю: предоставьте мне власть, тогда я поведу борьбу. Нам нужно довести страну до Учредительного собрания, а там пусть делают, что хотят: я устранюсь и ничему препятствовать не буду. Так вот, Антон Иванович, могу ли я рассчитывать на вашу поддержку? — В полной мере... — Мы обняли друг друга...» (с. 197). «Представил Крымова на должность командира 2-й армии. Ставка ответила согласием, но потребовала его немедленно в Могилев для исполнения *особого поручения*. (Это было в первой половине августа. Генерал Крымов был вызван для разработки плана похода на Петербург против Временного правительства. — *Л. К.*)... Наконец, в 20-х числах обстановка несколько более разъяснилась. Приехал ко мне в Бердичев офицер и вручил собственноручное письмо Корнилова, в котором мне предлагалось выслушать личный доклад офицера. Он доложил: в конце августа по достоверным сведениям в Петербурге произойдет восстание большевиков. К этому времени к столице будет подведен 3-й конный корпус во главе с Крымовым, который подавит большевистское восстание и заодно покончит с Советами... Вас Верховный главнокомандующий просит только командировать в Ставку несколько десятков надежных офицеров — *официально* для изучения бомбометного и минометного дела; *фактически* они будут отправлены в Петербург в офицерский отряд... — Распоряжение о командировании офицеров со всеми предосторожностями, чтобы не поставить ни их, ни начальство в ложное положение, было сделано» (с. 210). Особо надежные офицеры стягивались в Ставку тайно от Временного правительства и военного министра с самого начала августа и за сим небольшими пачками пересылались в Петербург в распоряжение действовавших там заговорщиков.

Филоненко Максимилиан Максимилианович (1885–1960) — адвокат, морской инженер, эсер. С 19 июля 1917 г. комиссар Временного правительства при Ставке Верховного главнокомандующего Корнилова Помощник генерал-губернатора Петрограда по военной части. Друг Б. В.Савинкова. С 1919 г. в эмиграции

Вот полный текст ультиматума В. Львова: «Генерал Корнилов предлагает: 1) объявить Петербург на военном положении, 2) передать всю власть военную и гражданскую в руки Верховного главнокомандующего, 3) отставку всех министров, не исключая и министра — председателя, и передачу временно управления министерствами товарищам министров впредь до образования кабинета Верховным главнокомандующим (подп.) В Львов, Петербург. Авг. 26 1917 Г.».

Лукомский Александр Сергеевич (1868–1939) — генераллей-тенант. Участник Белого движения. С 1920 г. в эмиграции

Это лицо — помощник начальника Главного управления по делам милиции (полиции) — 27 августа, на другой же день после разговора со мной, дал следующее показание судебному следователю: «Я находился в кабинете Керенского и хотел уйти ввиду предстоящей беседы его со Львовым, но Керенский просил меня остаться, и я оставался в кабинете во все время разговора. Керенский привез с собой два документа. Прежде всего он прочел вслух Львову ленту телеграфного прямого провода со Ставкой, содержащую разговор его, Керенского, с генералом Корниловым, ту самую, которую Вы мне теперь предъявляете; и Львов подтвердил правильность изложенного на ленте разговора. Затем Керенский прочел вслух Львову предъявленную мне собственноручную записку Львова, и тот тоже подтвердил правильность этой записки, удостоверяя, что все предложенное в этой записке исходит от генерала Корнилова... Далее В. Львов говорил, что общество и все в Ставке так возбуждены против Керенского и Временного правительства, что генерал Корнилов не ручается за личную безопасность А. Ф. ни в одном месте в России, и потому приезд Керенского и Савинкова в Ставку необходим, а Львов с своей стороны дает Керенскому “добрый совет” принять и исполнить условия генерала Корнилова. Советуя Керенскому исполнить требования генерала Корнилова, В. Львов говорил, что генерал Корнилов во вновь образуемом им кабинете министров предлагает посты: Керенскому — министра юстиции, Савинкову — военного и, как мне кажется, морского министра...» Это чрезвычайно важное в деле Корнилова свидетельство, кроме моей книги, нигде в печати не появлялось. Поэтому я привожу его здесь целиком.

Считаю нелишним напомнить здесь весь эпизод назначения г. Савинкова на должность спб. генерал — губернатора. Этот эпизод я рассказал в «исторической справке», напечатанной 26 сентября 1920 г. в газете «Воля России». Вот она:

«В № 4 “Воли России” опубликованы характерные приказы г. Савинкова, “друга” генерала Корнилова.

В этих приказах, действительно, в первый раз восставший генерал был назван “изменником”.

История назначения г. Савинкова на должность временного петербургского генерал — губернатора для организации защиты столицы от войск мятежного генерала может до некоторой степени разъяснить, почему именно г. Савинков первый решился так резко охарактеризовать деятельность Корнилова.

Дело в том, что в первую же ночь восстания Ставки в советских, солдатских и рабочих кругах Петербурга стала упорно распространяться молва о прикосновенности г. Савинкова к движению генерала Корнилова. Эти слухи особенно усилились после того, как населению стало известно о том, что войска, вызванные с фронта Временным правительством, приближаются к столице с целями, явно враждебными революции и Временному правительству.

Так как распоряжения Временного правительства о вызове войск в Петербург шли через Савинкова, как ближайшего помощника военного министра, то, естественно, подозрительность демократических кругов к деятельности Савинкова делалась все более острой и опасной.

Должен сказать, что само Временное правительство не сомневалось тогда в политической честности г. Савинкова. Поэтому я вовсе не удивился, когда поздно ночью на 28 августа ко мне в кабинет вошел очень взволнованный управляющий Военным министерством.

— Господин министр, — обратился ко мне, вытягиваясь во фронт, Савинков, — прошу вас немедленно арестовать меня как соучастника генерала Корнилова. Если же вы доверяете мне, то прошу предоставить мне возможность делом доказать народу, что я ничего общего с восставшими не имею.

В ответ на это заявление я тут же назначил г. Савинкова временным генерал- губернатором Петербурга, предоставив ему широкие полномочия для защиты Петербурга от войск генерала Корнилова.

Принимая должность генерал — губернатора в этой атмосфере общего недоверия и подозрительности, г. Савинков в первом же приказе поторопился возможно резче отгородить себя от Ставки».

Вышнеградский Александр Иванович (1867–1925) — юрист, композитор-любитель. В 1906–1917 гг. директор-распорядитель Петербургского международного банка и подконтрольных ему акционерных компаний. В декабре 1917 г. был арестован. С 1918 г. в эмиграции.

Карабчевский Николай Платонович (1851–1925) — адвокат, общественный деятель, публицист. Известность ему принесли выступления на политических процессах. Соучредитель газеты «Право» (1898–1917). Приветствовал Февральскую революцию, но, считая Керенского «болтуном и позером», не принял его предложение занять пост сенатора. Был избран председателем Комиссии по расследованию германских зверств. Летом 1917 г. выехал в скандинавские страны для сбора материалов о положении русских военнопленных и в Россию не вернулся

«Senilia» — «Старое» (лат.

Общее дело»(1909–1910,1917,1918–1922,1928-1933) — газета, издававшаяся известным разоблачителем агентов царской охранки, одним из организаторов и руководителей Русского национального центра в Париже Владимиром Львовичем Бурцевым (1862–1942). В эмиграции газета придерживалась антибольшевистской направленности. Ее платформа была выражена Д. С.Мережковским в статье «О белой и красной нечисти» (1921. 8 января). Держась «над схваткой», пытаясь преодолеть разобщенность в среде политиков-изгнанников, Бурцев и его сподвижники вместе с тем остро дискутировали и с А. Ф.Керенским, и с другими деятелями «белой» эмиграции — П. Н.Милюковым, П. Б.Струве

Карабчевский защищал Брешко-Брешковскую в 1877–1878 гг., когда она была привлечена к суду в «процессе 193-х». Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская (1844–1934) — революционерка, политический деятель (см. в нашей книге очерк «Е. К.Брешковская»). Одна из создателей и лидеров партии эсеров и ее Боевой организации. Участница борьбы с советской властью в Поволжье и Сибири. С 1919 г. в эмиграции. Своей защитой Карабчевский спас от виселицы эсера-террориста Егора Сергеевича Созонова (1879–1910), убившего 15 июля 1904 г. министра внутренних дел В. К.Плеве. Приговоренный к вечной каторге, Созонов покончил с собой.

Ex — бывший, отставной (лат.).

Черемисов Владимир Андреевич (1871—?) — генерал от инфантерии (1917), военный теоретик. С сентября 1917 г. главнокомандующий Северным фронтом. Войска фронта не поддержали выступления Керенского-Краснова против большевиков, чем способствовали приходу большевиков к власти. С 1919 г. в эмиграции.

Полковников Георгий Петрович (1883–1918) — полковник. В июле-сентябре 1917 г. командир 1-го Амурского казачьего полка, входившего в 3-й конный корпус А. М.Крымова. С 16 сентября до 24 октября 1917 г. командующий войсками Петроградского военного округа.

Один из организаторов Юнкерского мятежа 1917 г. в Петрограде в поддержку наступления на столицу войск Керенского и Краснова. Юнкера Николаевского инженерного и Владимирского военных училищ в ночь на 29 октября (11 ноября) захватили несколько броневиков, овладели городской телефонной станцией, отключили Смольный, заняли гостиницу «Астория», арестовали комиссаров Военно-революционного комитета. Однако не были поддержаны гарнизоном, и в тот же день выступление было подавлено. Полковников, объявивший себя командующим «войсками спасения», бежал на Дон, где был арестован и казнен

Авксентьев Николай Дмитриевич (1878–1943) — общественно-политический деятель, публицист, член ЦК партии эсеров. В эмиграции с 1907 г. 8 апреля 1917 г. вернулся в Россию и был избран председателем исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов. С 24 июля до начала сентября 1917 г. министр внутренних дел Временного правительства. Затем председатель Демократического совещания и Предпарламента. 28 октября 1917 г. возглавил в Петрограде эсеровский «Комитет спасения родины и революции». В ноябре 1918 г. выслан из России. Во второй эмиграции соредатор парижского журнала «Современные записки» (1920–1940)

Дан Федор Ильич (наст. фам. Гурвич; 1871–1947) — один из лидеров РСДРП (меньшевиков), возглавлявший в партии центристское течение. Входил в состав редакций партийных газет «Искра», «Голос социал-демократии», «Вперед», «Рабочий интернационал» и др. В конце января 1922 г. выслан за границу. Керенский в эмиграции вел полемику с Даном в течение ряда лет. Автор книги «Происхождение большевизма» (Нью-Йорк, 1946)

Коновалов Александр Иванович (1875–1949) — фабрикант, один из основателей торгово-промышленной партии (1905). С 1912 г. член ЦК партии прогрессистов. Депутат 4-й Государственной думы. С 2 марта 1917 г. министр торговли и промышленности Временного правительства. Арестован при взятии Зимнего дворца. После освобождения эмигрировал во Францию, где руководил Русским коммерческим институтом. С 1921 г. входил в число соредакторов газеты «Последние новости».

Галыгерн Александр Яковлевич (1879–1956) — адвокат. Член РСДРП (меньшевики). С 1912 г. масон, с 1916 г. секретарь ложи Верховного совета Великого Востока народов России. В феврале 1917 г. сменил В. Д. Набокова на посту управляющего делами Временного правительства. С 1920 г. в эмиграции

Роговский Евгений Францевич (1888–1950) — адвокат, эсер. В 1917 г. петроградский градоначальник. Эмигрировал. В 1940-х годах был директором Русского дома в курортном Жуанле-Пене на юге Франции

Штаб командующего Северным фронтом, которым в то время был В. А. Черемисов

Кишкин Николай Михайлович (1864–1930) — врач, основавший в Москве водолечебницу и пансион для нервнобольных. Один из лидеров партии кадетов. С 25 сентября 1917 г. министр государственного призрения Временного правительства. В день Октябрьского переворота был назначен особоуполномоченным Временного правительства и генерал-губернатором Петрограда с полномочиями по наведению порядка в столице, однако в ночь на 26 октября вместе с другими министрами арестован большевиками. В начале 1921 г. стал одним из организаторов и руководителей Всероссийского комитета помощи голодающим. После разгона Помгола арестован (в третий раз) и выслан в Вологду. Отказавшись эмигрировать, вернулся в Москву, где служил в курортном отделе Наркомздрава

Крыленко Николай Васильевич (1885–1938) — прапорщик, в 1917–1918 гг. нарком по военным и морским делам, Верховный главнокомандующий. С 1918 г. в Верховном революционном трибунале. Репрессирован

Краснов Петр Николаевич (1869–1947) — генерал-лейтенант (1917), историк, прозаик, публицист. В октябре 1917 г. участвовал в неудачном походе на Петроград. В 1918 г. — начале 1919 г. атаман Войска Донского и командующий белоказачьей армией. В 1920—1930-е годы один из лидеров антисоветских организаций в эмиграции. Автор более трех десятков книг. В 1944 г. возглавил созданное немцами Главное казачье управление 7 мая 1945 г. сдался в плен англичанам и передан ими советской военной администрации. Повешен в Москве.

Духонин Николай Николаевич (1876–1917) — генераллейте-нант (1917). В 1-ю мировую войну командир полка, генерал-квартирмей-стер, начальник штаба Юго-Западного и Западного фронтов. С сентября 1917 г. начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего, с 3 ноября Верховный главнокомандующий. Убит солдатами и матросами

Барановский Владимир Львович (1882–1936) — генерал-майор. В 1917 г. полковник, начальник кабинета военного министра, затем — министра-председателя Временного правительства Керенского (его родственник и доверенное лицо)

Об А. И. Дутове см. в примеч. к очерку «Заговорщики в столицах». Николай Андреевич Анисимов (1892–1920) — большевик, участник Гражданской войны на Северном Кавказе. Комиссар Северо-Кавказского военного округа.

Станкевич Владимир Бенедиктович (1884–1968) — юрист, публицист, депутат 3-й Государственной думы. Один из лидеров трудовой народно-социалистической партии. С июня 1917 г. помощник начальника кабинета военного министра, с июля комиссар при командующем войсками Северного фронта. Один из доверенных сотрудников Керенского. Во время Октябрьского переворота — в числе лидеров антибольшевистского сопротивления, инициатор создания «Комитета спасения родины и революции». С августа 1918 г. в эмиграции, профессор уголовного права Каунасского университета. Автор книги «Воспоминания: 1914–1918» (Берлин, 1920).

Чайковский Николай Васильевич (1850–1926) — в 1917 г. один из лидеров трудовой народно-социалистической партии и Предпарламента. После Октябрьского переворота член «Комитета спасения родины и революции». В 1920 г. заведовал отделом пропаганды в южно-русском правительстве А. И.Деникина. В эмиграции — один из руководителей Исполнительного бюро «Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции»

Кузьмин Николай Николаевич (1883–1939) — член РСДРП с 1903 г. Полковник Иванишин 23 марта 1917 г. о нем пишет: «Вместе с Керенским 22 марта прибыл в статской форме бывший прапорщик Кузьмин, отбывавший каторгу за провозглашение в 1905 г. Нерчинской республики, которого Керенский рекомендовал своим самым лучшим другом и которого просил навести порядки в крепости как законоведа-практика, испытавшего старый режим на своей шее» (Иванишин Г. А. Записная книжка № 5. 1917. Великая Русская Революция // Минувшее. № 17. М.; СПб., 1994. С. 545–546).

Дворец в Гатчине построен в 1766–1781 гг. итальянскими архитекторами Антонио Ринальди (ок. 1710–1794) и Виктором Бренна (1745–1820).

Не могу не привести здесь небольшой выдержки из воспоминаний генерала Краснова в 1-м т. «Архива Русской Революции» (с. 173–174): «Я пошел к Керенскому. Я застал его смертельно бледным в дальней комнате его квартиры. Я рассказал ему, что настало время, когда ему надо уйти. Двор был полон матросами и казаками, но дворец имел и другие (? — **А. К.**) выходы. Я указал на то, что часовые стоят только у парадного хода. “Как ни велика вина ваша перед Россией, — сказал я, — но я не считаю себя вправе судить вас. За полчаса времени я вам ручаюсь”. Выйдя от Керенского, я, через надежных казаков, устроил так, что караул долго не могли собрать. Когда он явился и пошел осматривать помещение, Керенского не было. Он бежал. Казаки кинулись ко мне» и т. д. Все это был сплошной вздор и вымысел. Не говоря уже о телеграмме в Ставку, автора этой легенды с головой выдают «другие выходы», которых в действительности не было, за исключением тайника, о котором никто не знал и которым днем воспользоваться было невозможно.

«Воля России» (Прага; 12 сентября 1920 — май 1932) — первоначально газета, с 1922 г. «журнал политики и культуры», основанный эсерами В. М.Зензиновым, В. И.Лебедевым, О. С.Минором и Е. Е.Лазаревым (издатель). Издание финансировалось из средств, которые были выделены Керенскому чехословацким правительством Т. Масарика из русского золотого запаса, вывезенного чехословацким корпусом при эвакуации из России. В эсеровской эмиграции издание занимало левоцентристскую позицию, вело полемику и с «Днями» Керенского, и с «Современными записками».

Статья «Демократизация промышленности». Вадим Викторович Руднёв (1879–1940) — публицист, издатель, эсер. С 11 июля 1917 г. городской голова г. Москвы. В эмиграции с 1919 г. Соредактор газет «Родина» (1920), «Дни», «Свобода», журналов «Современные записки» и «Русские записки».

Алексей Андреевич Аракчеев (1769–1834) — государственный и военный деятель. Дружил с императором Александром и пользовался при нем неограниченной властью. С 1810 г. председатель Военного департамента Государственного совета и фактический руководитель государства

Магницкий Михаил Леонтьевич (1778–1835) — соратник реформатора М. М.Сперанского (с ним был в ссылке), А. А.Аракчеева и обер-прокурора Синода А. Н.Голицына. В 1819–1826 гг. попечитель Казанского учебного округа.

«Революционная Россия» (Ревель, Берлин, Прага; 1920–1931) — журнал, основанный В. М. Черновым. С августа 1921 г. центральный орган эсеров. С этого времени финансировался из средств, которые были выделены Керенскому чехословацким правительством.

Вишняк Марк Вениаминович (1883–1975) — публицист, юрист, деятель партии эсеров. В эмиграции один из ведущих руководителей парижских журналов «Современные записки» и «Русские записки».

Гуковский Александр Исаевич (1865–1925) — юрист, публицист, эсер. Сотрудник журнала «Современные записки» в 1920–1925 гг. Покончил с собой.

Поливанов Алексей Алексеевич (1855–1920) — генерал от инфантерии. В 1906–1912 гг. помощник (с правами товарища) военных министров А. Ф.Редигера и В. А.Сухомлинова. С 1912 г. член Государственного совета. С июня 1915 г. по март 1916 г. военный министр. С февраля 1920 г. на службе в Красной армии. Скончался от тифа. Автор двухтомника «Из дневников и воспоминаний... 1906–1916 гг.» (М., 1924).

Имеется в виду крупная наступательная операция Юго-Западного фронта, проведенная А. А.Брусиловым 22 мая (4 июня) 1916 г. (Брусиловский прорыв)

Марсель Кашен (1869–1958) до 1920 г. возглавлял французскую социалистическую партию, а затем стал лидером компартии.

Бриан Аристид (1862–1932) — в 1909–1931 гг. неоднократно премьер-министр Франции и министр иностранных дел.

Прессман А. — деятель французского рабочего движения.

Бризон Пьер — французский социалист.

Суварин Борис (наст. фам. Лифшиц; 1895–1984) — французский историк, один из основателей компартии Франции. Будучи с делегацией в Москве в 1921 г., примкнул к троцкистам, за что был исключен из компартии. Автор биографии И. В.Сталина.

Фроссар Людовик Оскар (1889–1946) — французский журналист и политический деятель; вместе с Кашеном возглавлял после 1-й мировой войны французскую социалистическую партию.

Гомперс Сэмюэл (1850–1924) — председатель Американской федерации труда с 1882 г.

Le Populaire. 1922. № 275.

Le Populaire. 1922. № 277.

Суханов Николай Николаевич (наст. фам. Гиммер; 1882–1940) — экономист, политический деятель, прошедший путь от толстовства к марксизму (меньшевизму). 27 февраля 1917 г. избран в исполком Петросовета. Организатор выпуска первого номера газеты «Известия». Назвал «Апрельские тезисы» Ленина «беспардонной анархо-бунтарской системой». Однако по иронии судьбы именно на квартире Суханова (Карповка, д. 32, кв. 31; сам он не участвовал) 10 октября 1917 г. состоялось заседание ЦК РСДРП(б), на котором большевики приняли решение о вооруженном восстании и захвате власти. В 1917–1918 гг. редактор газеты «Новая жизнь», в которой М. Горький публиковал полемические антибольшевистские статьи, составившие две его книги — «Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре» (Пг., 1918) и «Революция и культура» (Берлин, 1918). После закрытия газеты Суханов взялся писать «Записки о революции» (Кн. 1–7. Берлин: Изд. З. И.Гржебина, 1922–1923), ставшие ценнейшим мемуарным источником о России 1917 г. После неоднократных арестов, начавшихся в 1930 г., ссылок и попыток расстрелян.

Замысловский Георгий Георгиевич (1872–1920) — юрист, член Совета Союза русского народа и Русского Народного Союза им. Михаила Архангела, депутат 3-й и 4-й Государственных дум

Марков 2-й Николай Евгеньевич (1866–1945) — один из лидеров Союза русского народа, глава фракции правых в 3-й и 4-й Государственных думах. С 1920 г. в эмиграции. В 1921–1927 гг. председатель Высшего монархического совета. Издатель газеты-журнала «Двуглавый орел»

Тухачевский Михаил Николаевич (1893–1937) — Маршал Советского Союза (1935). С 1936 г. 1-й заместитель наркома обороны СССР. Расстрелян.

Вертинский Александр Николаевич (1889–1957) — композитор, поэт, популярный эстрадный певец с изысканно-интимной исполнительской манерой. В 1919— 1943 гг. в эмиграции.

Малянтович Павел Николаевич (1870–1939) — популярный защитник на политических процессах. С 25 сентября по 25 октября 1917 г. министр юстиции в 3-м коалиционном Временном правительстве. Расстрелян как участник «заговора юристов». Реабилитирован в 1992 г

Никитин Алексей Максимович (1876–1939) — юрист, член РСДРП (меньшевиков). После Февральской революции председатель Моссовета. С 24 июля по 25 октября 1917 г. министр почт и телеграфов, со 2 сентября министр внутренних дел во 2-м и 3-м коалиционных Временных правительствах. Расстрелян.

Зензинов Владимир Михайлович (1880–1953) — публицист, прозаик. Член ЦК партии эсеров. С января 1919 г. в Париже. Соредактор журналов «Современные записки» и «Воля России»

По чисто личным причинам я не могу даже теперь раскрыть содержание моего плана.

Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873–1955) — историк, литератор, политический деятель. Организатор ряда большевистских газет и издательств. В 1917–1920 гг. управделами Совнаркома.

Благонравов Г. И. — прапорщик, член РСДРП(б). В 1917 г. комиссар Петропавловской крепости

Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911) — с 1906 г. министр внутренних дел и председатель Совета министров. Провозгласил курс социально-политических реформ и начал его осуществление. Был смертельно ранен Д. Г.Богровым, агентом охранки, связанным с анархистами

Иванов-Разумник (наст, имя и фам. Разумник Васильевич Иванов; 1878–1946) — публицист, историк русской литературы и общественной мысли. Один из организаторов Вольной философской ассоциации (Вольфила; 1919–1924). В феврале 1933 г. был арестован и сослан. Во время войны оказался на оккупированной территории в г. Пушкине и был отправлен в лагерь для перемещенных лиц. Умер в Мюнхене.

Фабрикант Владимир Осипович — в 1909–1911 гг. член Боевой организации эсеров

Маннергейм Карл Густав Эмиль (1867–1951) — до 1917 г. генераллей-тенант Русской армии, финляндский маршал (1933). В августе 1944 г. — марте 1946 г. президент Финляндии.

Г — жа Ю. была дочерью отставного финского полковника русской армии. Она была деятельным членом YMCA и часто совершала поездки в Петроград. В то же время она служила связью для меня с Петроградом.

Нелидова Елизавета Алексеевна (в замужестве Хенкина; 1881–1963) — актриса театра «Летучая мышь» Н. Ф.Балиева, теософка. После 1917 г. в эмиграции.

Чека Дзержинского — Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК), которую с 1917 г. возглавлял Феликс Эдмундович Дзержинский (1877–1926), один из главных организаторов «красного террора». В 1919–1923 гг. нарком внутренних дел, одновременно с 1921 г. нарком путей сообщения. С 1924 г. председатель ВСНХ СССР.

Мирбах Вильгельм (1871–1918) — с апреля 1918 г. германский посол в России. Убит в Москве левым эсером Я. Г.Блюмкиным

Скоропадский Павел Петрович (1873–1945) — генерал-лейтенант, провозглашенный 16 апреля 1918 г. гетманом оккупированной немцами Украины. С декабря 1919 г. в эмиграции.

«Союз возрождения России» — политическая организация, созданная в марте 1918 г. в Москве из представителей партий народных социалистов (Н. В.Чайковский, А. В.Пешехонов), эсеров (Н. Д.Авксен-тьев, И. И.Бунаков-Фондаминский), кадетов (Н. И.Астров, Н. М.Киш-кин, Д. И.Шаховской) и др. «Союз» участвовал в организации антибольшевистских выступлений, его лидеры входили в правительства, создававшиеся в годы Гражданской войны. В апреле 1919 г. «Союз» вошел в состав «Тактического центра», репрессированного чекистами в феврале 1929 г.

«Единство» — группа и одноименная газета, которые возглавил Г. В.Плеханов, возвратившись 31 марта 1917 г. в Петроград. Плеханов выступал за доведение войны до победного конца, поддерживал Временное правительство, призывал к национальному примирению и единению всех патриотических сил.

Кооператоры» — Совет, избранный на Всероссийском кооперативном съезде 25–27 марта 1917 г. в Москве и возглавивший кооперативное движение в России. Его лидеры поддерживали Временное правительство

«Национальный центр» — объединение правых партий, действовавшее в Москве в 1918–1920 гг. (с отделениями в Петрограде и других городах)

Астров Николай Иванович (1868–1934) — деятель партии кадетов. В марте 1917 г. был избран московским городским головой. В эмиграции с 1920 г. Организатор Русского заграничного архива в Праге. Автор «Воспоминаний» (Париж, 1941).

Вирен Роберт Николаевич (1856–1917) — адмирал (1915), главный командир Кронштадтского порта и военный губернатор Кронштадт а. Заколот штыками на Якорной площади Кронштадта 1 марта 1917 г

Вильгельм II Гогенцоллерн (1859–1941) — германский император и прусский король с 1888 г., был низложен в 1918 г.

Надо помнить, что и правые и левые сторонники диктатуры нашли себе нужную опору в иностранных высших и правительственных кругах; одни — в союзных, другие — в германских.

Ибо свободолюбивые лозунги октябрьского восстания были сознательным демагогическим обманом. После разгона Учредительного собрания Ленин публично на съезде Советов заявил, что уже перед Октябрем большевики — «стали на позицию, твердо и решительно отстаивающую диктатуру пролетариата»...

Бернард Пэре (1876–1947) — английский историк, литературовед.

Шарль де (1890–1970) — генерал, возглавивший в годы 2-й мировой войны движение Сопротивления. Президент Франции в 1959–1969 гг.

Масарик Томаш (1850–1937) — религиозно-этический философ. Президент Чехословакии в 1918–1935 гг

Майский Иван Михайлович (1884–1975) — в 1932–1943 гг. посол СССР в Великобритании.

Нуланс Жозеф (1864–1939) — в 1917–1918 гг. посол Франции в России.

Пишон Стефан Жан Мари (1857–1933) — в 1906–1911, 1913 и 1917–1920 гг. министр иностранных дел Франции

Игнатъев Павел Николаевич (1870–1945) — граф. В январе 1915 г. — декабре 1916 г. министр народного просвещения. С мая 1919 г. в эмиграции. Председатель русского Красного Креста в Париже и в Канаде. Почетный член Петербургской Академии наук (1917; восстановлен посмертно в 1990 с)

«Да, месье, Россия — нейтральное государство и страна, которая заключила сепаратный мир со своими врагами» (фр.).

Пуанкаре Раймон (1860–1934) — президент Франции в 1913–1920 гг., премьер-министр в 1922–1929 гг. Один из организаторов интервенции в Россию в годы Гражданской войны.

Чаплин Георгий Ермолаевич (1886–1950) — капитан второго, а с июля 1919 г. первого ранга. Участник Первой мировой войны. 2 августа 1918 г. поднял антибольшевистское восстание в Архангельске; с августа 1918 г. командовал войсками Северной области, был командующим Северным флотом и одновременно командующим войск Архангельского района (при Временном правительстве Северной области и Главнокомандующем Северным фронтом генерале Е. К.Миллере). С 1920 г. в эмиграции. Принимал участие во Второй мировой войне в чине майора английской армии.

Пуль Фредерик — английский генерал-майор, командовавший в годы Гражданской войны в России союзным экспедиционным корпусом в Архангельске и глава британской миссии на Кавказе. Генерал П. Н.Краснов вспоминал: «Глава английской миссии в Екатеринодаре генерал Пуль знал и любил Россию. Он хотел спасения России и действовал в ее интересах». Однако, пишет Краснов далее, «он забыл, что интересы Англии не в спасении России, а в ее гибели. Он был спешно отозван, попал в немилость, и на его место приехал генерал Бреггс» (Краснов П. Весна 1921 года // Русская летопись. 1921. Кн. 1. С. 189).

Мильнер Альфред (1854–1925) — английский государственный и политический деятель. Военный министр в правительстве Ллойд Джорджа.

Уинстон Леонард Спенсер Черчилль (1874–1965) был военно-морским министром Великобритании в 1910–1915 гг. Впоследствии премьер-министр (1940–1945, 1951–1955)

Молотов Вячеслав Михайлович (наст. фам. Скрябин; 1890–1986) — в 1939–1949 и 1953–1956 гг. возглавлял министерство иностранных дел. В 1930—1940-х годах один из активных организаторов массовых репрессий. В 1957 г. участник оппозиционной группы, выступившей против политического курса Н. С.Хрущева.

Маршалл Джордж Кэтлетт (1880–1959) — американский генерал армии. В 1947–1949 гг. государственный секретарь, в 1950–1951 гг. министр обороны США.

Брокдорф-Ранцау Ульрих фон (1869–1928) — граф, в 1919–1920 гг. глава германской делегации на Парижской мирной конференции, противник подписания Версальского мирного договора. В 1922–1928 гг. посол в СССР.

Бухарин Николай Иванович (1888–1938) — партийный и государственный деятель СССР. Автор трудов по философии и политэкономии. Репрессирован.

Литвинов Максим Максимович (наст фам. и имя Валлах Макс; 1876–1951) — с 1918 г. дипломат, в 1930–1939 гг. нарком иностранных дел СССР.

Федотов Георгий Петрович (1886–1951) — философ, богослов, публицист. С 1925 г. в эмиграции. В 1926–1939 гг. преподавал в Православном Богословском институте в Париже. С 1927 г. активный деятель Русского студенческого христианского движения, соредактор «Вестника РСХД» в 1930–1931 гг. С сентября 1941 г. в США, профессор истории Свято-Владимирской духовной семинарии в Нью-Йорке. Автор книг «Святые Древней Руси» (1935), «Стихи духовные» (1935), «Эсхатология и культура» (1938), «Загадки России» (1943), «Россия и свобода» (1945), «Народ и власть» (1949), «Христианская трагедия» (1950) и др.

Речь Государственного секретаря Маршалла в Чикаго 19 ноября т. г. является примером такого прояснения.

Доклад Ст. Ивановича (С. О.Португейса) «Монополия партии и народные права» на собрании в редакции журнала «Новая Россия», посвященном обсуждению новой советской конституции. В тексте упоминаются доклады профессора Н. Н.Алексеева «Старая и новая конституция», Н. Д.Авксентьева «Конституция и действительность», П. Н.Переверзева «Сталинизм и фашизм», опубликованные в этом номере «Новой России». Журнал также напечатал два сравнительных обзора основных положений старой и новой конституции — М. В.Вишняка «Советы в новой конституции» и П. А.Берлина «Социальная сторона конституции»

Пьер Лаваль (1883–1945) — премьер-министр Франции в 1931–1932 и 1935–1936 гг. В 1934–1935 гг. министр иностранных дел, сторонник «умиротворения» фашистских агрессоров. Возглавил правительство во время гитлеровской оккупации Франции в 1942–1944 гг. Казнен как изменник.

Чемберлен Остин (1863–1937) — министр иностранных дел в 1924–1929 гг. Лауреат Нобелевской премии мира за Локарнские договоры

Жид Андре (1869–1951) — французский поэт, прозаик. Лауреат Нобелевской премии (1947). Автор книги «Возвращение из СССР» (1936), отразившей его неприятие большевистского режима.

Щастный Алексей Михайлович (1881–1918) — капитан ранга, возглавивший 20 марта 1918 г. морские силы Балтфлота. Однако через два месяца был арестован, обвинен в подготовке заговора и расстрелян

Кун Бела (1886–1939) — один из организаторов компартии Венгрии. С 1916 г. в России как военнопленный. Участник подавления мятежа левых эсеров в Москве (1918). Будучи членом реввоенсовета Южного фронта Красной армии, стал организатором массовых репрессий в Крыму. Репрессирован

Каменев Лев Борисович (наст. фам. Розенфельд; 1883–1936) — член РСДРП(б) с 1903 г.; занимал высокие посты в СССР. В 1918–1926 гг. председатель Моссовета. В 1924–1926 гг. председатель Совета труда и обороны. Расстрелян

Люксембург Роза (1871–1919) — лидер и теоретик польской социал-демократии, одна из основателей «Союза Спартака» и компартии Германии.

Каутский Карл (1854–1938) — один из лидеров и теоретиков германской социал-демократии и 2-го Интернационала. Аксельрод Павел (Пинхус) Борисович (псевд. Ортодокс; 1850–1928) — один из лидеров меньшевиков и 2-го Интернационала. Считал Октябрьский переворот «военным заговором большевиков».

Шляпников Александр Гаврилович (1885–1937) — в 1917 г. член исполкома Петросовета, Петроградского Военно-революционного комитета. Один из лидеров рабочей оппозиции. Член ЦК РКП(б) в 1921–1922 гг. С 1932 г. член Президиума Госплана РСФСР. В 1933 г. исключен из партии, в 1935 г. сослан и затем расстрелян.

Александровский — речь идет о В. А.Александровиче (наст. фам. Дмитриевский), левом эсере, товарище председателя Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК), участнике левозсеровского мятежа 1918 г. и убийства германского посла при правительстве РСФСР В. Мирбаха. Расстрелян.

Потресов Александр Николаевич (1869–1934) — публицист, один из лидеров меньшевиков. 1 сентября 1919 г. арестован, несмотря на то что за год назад порвал с меньшевизмом. От расстрела его спас Н. И. Бухарин, добившийся освобождения Потресова под свое поручительство. В феврале 1925 г. отпущен за границу по болезни

Спаак Поль Анри (1899–1972) — министр иностранных дел Бельгии в 1936–1966 гг. (с перерывами) и премьер-министр в 1938–1939, 1946–1949 гг.

Пятаков Георгий Леонидович (1890–1937) — государственный деятель СССР. В 1934–1936 гг. 1-й заместитель наркома тяжелой промышленности, член ЦК ВКП(б). Репрессирован.

Радек Карл Бернгардович (наст. фам. Собельсон; 1885–1939) — деятель польского и германского социал-демократического и коммунистического движения. В 1919–1924 гг. член ЦК РКП(б). В 1927 г. арестован по обвинению в троцкизме. Репрессирован.

Ягода Генрих Григорьевич (1891–1938) — в 1936–1937 гг. нарком внутренних дел СССР. Один из главных исполнителей массовых репрессий. Расстрелян

Имеется в виду выступление Чернавина в дискуссии, опубликованное в «Новой России» 15 октября 1936 г. Владимир Вячеславович Чернавин (1887–1949) — профессор-ихтиолог. В начале 1930-х годов работал на строительстве Беломорско-Балтийского канала. В 1932 г. нелегально эмигрировал с женой в Финляндию.

Ежов Николай Иванович (1895–1940) — нарком внутренних дел в 1936–1938 гг. и нарком водного транспорта в 1938–1939 гг. Один из главных исполнителей массовых репрессий. Расстрелян

Сергей Миронович Киров (наст. фам. Костриков; 1886–1934) — государственный и политический деятель СССР. С 1926 г. возглавлял Ленинградский обком ВКП(б), член Политбюро ЦК с 1930 г. Убит террористом в Смольном. Убийство Кирова было использовано Сталиным для развертывания массовых репрессий.

Имеются в виду Вандейские войны правительства Франции против мятежников-роялистов во время Великой французской революции 1789–1794 гг.

Муралов Николай Иванович (1877–1937) — в 1917 г. член Московского Военно-революционного комитета, затем командующий Московским военным округом. В 1935–1937 гг. президент ВАСХНИЛ. Репрессирован

В «Вечерней Москве» от 25 апреля сам Ганецкий признает, что он нес службу связи «заграницы» с Лениным в Петербурге вплоть до июльского восстания. Ганецкий пишет, что он пользовался дипломатическими русскими курьерами, которые ему предоставлялись русским посольством в Стокгольме по неведению. Это показание Ганецкого имеет чрезвычайное значение в романе Ленин — Парвус, к которому я вернусь в следующем номере.

Маклаков Василий Алексеевич (1869–1957) — юрист, публицист, один из основателей партии кадетов. Депутат 2-й, 3-й и 4-й Государственных дум. В октябре 1917 г. был направлен послом во Францию (оставался им без аккредитации до 1924 г.). С 1924 г. председатель Русского эмигрантского комитета при Лиге Наций. С апреля 1927 г. руководил Центральным комитетом по устройству Дней русской культуры. В годы 2-й мировой войны один из инициаторов движения за признание эмиграцией СССР. 12 февраля 1945 г. возглавлял делегацию эмигрантов в посольство СССР, заявившую о поддержке борьбы с фашизмом и о желании многих изгнанников вернуться на родину. Автор мемуаров «Власть и общественность на закате российской империи» (Париж, 1936), «Из воспоминаний» (Нью-Йорк, 1954) и др.

В опубликованных письмах известного коммуниста Жака Садуля к Альберу Тома (изд. в 1919 г.) имеется следующее: «Петербург, 3/16 декабря 1917 г. — Вчера в отдельном кабинете обедал с Коллонтай, *Ашбергом* и двумя шведскими коммунистическими лидерами». Ашберг как раз и был директором Ниа — банка. Садуль продолжает: «Наша осведомительная служба доносила о нем (Ашберге) как посреднике по передаче немецких денег в максималистскую (большевистскую. — *А К.*) кассу. Человек он малосимпатичный». Пикантность этих строк заключается в том, что *как раз Альбер Тома и привез нам еще в апреле 1917 г. очень серьезные сведения о постановке большевистско — немецких связей в Стокгольме.* Немного раньше (12(25) ноября) тот же Садуль пишет: «Вчера днем я был у Гольденберга, меныневика — интернационалиста, Друга Горького и редактора “Новой жизни”. Он только что приехал из Стокгольма и передал мне очень интересные сведения о деятельности в скандинавских странах *Ганецкого, Радека и... Парвуса*», того самого, который, по словам Ленина, имел «всем известные» денежные дела с Ганецким, а Ганецкий «*никаких*» с ним, с Ильичом!

Гулькевин Константин Николаевич (7—1935) — дипломат, посол России в Турции, Италии, Швеции. С 1917 г. в эмиграции. Эксперт по делам беженцев в Лиге Наций.

«Новая Россия» в этот день вышла под рубрикой «Дело Тухачевского — Якира». Вслед за дневником Керенского журнал напечатал статьи М. Тухачевского «О новом полевом уставе РККА», Г. Федотова «Страшные дни», Н. Алексеева «Армия и партия», П. Берлина «Русский сфинкс». Завершил подборку выступлений доклад Керенского «Заговор Тухачевского», прочитанный им 22 июня 1937 г. на традиционном собрании в журнале. Алданов в этом номере опубликовал рецензию «Книга Вальтера Дуранти». Марк Александрович Алданов (наст. фам. Ландау; 1886–1957) — прозаик, драматург, критик, литературовед, публицист, историк. Автор исторических романов. В эмиграции с марта 1919 г. Вел литературные отделы в газетах «Дни» А. Ф. Керенского и «Возрождение» Ю. Ф. Семенова. Один из основателей (совм. с М. О. Цетлиным) «Нового журнала» в Нью-Йорке (1942), в котором печатался Керенский

Катастрофические для СССР последствия казни высших представителей армии как «шпионов», по — видимому, Сталин хорошо понял. В иностранной печати, связанной с советскими кругами, опубликована апокрифическая «секретная записка Сталина», где он объясняет иностранным дружественным правительствам «настоящие» причины казни Тухачевского и его единомышленников. Иностранцы могут быть *спокойны*: Тухачевский *не был шпионом* и военных тайн *не выдавал*. Он только «критиковал всю политику советской власти», был «германской ориентации» и хотел спровоцировать войну на Западе, подальше от России, для того чтобы затем Красная армия могла броситься на Европу для «мировой революции».

Странно: в провоцировании войны на Западе обвиняют повсюду Коминтерн, а расстрелян не Димитров, а генералы, совсем к руководству, например, Французской коммунистической партии непричастные.

Лайонс Юджин (1898–1985) — американский журналист. В 1928 г. командирован в Москву. Здесь его дочь Евгения училась в одной школе с дочерью Сталина Светланой Аллилуевой. В 1929 г. в Москве издали его книгу «Жизнь и смерть Сакко и Ванцетти», которую он подарил Сталину с дарственной надписью. В ответ стал первым из иностранных корреспондентов, которому позволили взять интервью у главы СССР. В 1934 г. вернулся в США и занял резко антисоветскую позицию. Автор книг «Assignment in Utopia» («Командировка в утопию», 1937), «Сталин: Царь всея Руси» (1940)

Речь идет о Мюнхенском соглашении, заключенном 29–30 сентября 1938 г. премьер-министром Великобритании Н. Чемберленом (1869–1940), премьер-министром Франции Э. Даладье (1884–1970) с фашистскими диктаторами Гитлером и Муссолини. «Мюнхенский сговор» способствовал развязыванию 2-й мировой войны

Имеется в виду Генуэзская конференция, состоявшаяся 10 апреля—19 мая 1922 г., на которой главным был «русский вопрос». От Советской России потребовали признать царские долги и финансовые обязательства. Советские дипломаты не согласились с этим требованием, поскольку убытки, причиненные России интервенцией, более чем вдвое превышали ее задолженность.

См.: Биллик И. За кулисами Красной армии // Новая Россия. № 51.

Герцог Веллингтон Артур Уэлсли (1769–1852) — английский фельдмаршал, командовавший союзными войсками в войнах против наполеоновской Франции

Хельмут Карл Мольтке (Старший) (1800–1891) — немецкий генерал-фельдмаршал. Во время франко-прусской войны, командуя войсками, окружил 1–2 сентября 1870 г. французскую армию маршала Мак-Магона, которая капитулировала во главе с Наполеоном III

См.: Керенский А. Ф. Большевики и Гитлер // Новая Россия. № 52. — *Ред.*

Ревентлов Эрнст (наст. имя и фам. Христиан Эйнар Людвиг Детлев; 1869–1943) — офицер флота, публицист, один из лидеров национал-социалистического движения, позднее перешедший на сторону нацистов. В 1913 г. отправлен в отставку за публикацию статьи «Кайзер и монархисты», в которой подверг резкой критике императора Вильгельма II. В 1920 г. стал редактором журнала «Рейхсварт». В 1924 г. избран в рейхстаг

«Последние новости» (Париж; 27 апреля 1920 — 11 июня 1940) — газета, которую русские эмигранты считали главной. В первом номере редактор М.И.Гольдштейн опубликовал программное заявление: «Девиз газеты — служение объективной правде, участие в работе по созданию фундамента для новой России»

Жуткое незнание России среди иностранцев таково, что они даже варварскую расправу с военной и штатской советской служилой интеллигенцией ставят ныне в великую заслугу Сталину. Так, например, недавний посол Соединенных Штатов в Москве г. Джозеф Дэвис в декабрьской книжке журнала «Американец» по поводу избиения командного состава пишет: «Многие думают, что чистки серьезно ослабили Красную армию. Я полагаю, что правильно как раз противоположное... Чистка дома от изменников изъяла из обращения некоторых высших командиров, но зато она выдвинула вперед молодых и часто с большим творческим воображением людей, которым не хватало опыта их предшественников, но это возмещалось их инициативой и лояльностью». В восторге от массового истребления «саботажников и секретных агентов», г. Дэвис серьезно предлагает «другим свободолюбивым народам» задуматься над данным Москвой примером, как нужно обращаться с пятой колонной. Бывшему послу и в голову не приходит простая мысль, что устранить опытный командный состав из состава Вооруженных сил СССР было одной из главных целей Берлина в предвоенные годы. И он забывает, что, как раз расправившись в своем окружении с так называемыми германскими агентами, Сталин сейчас же приступил... к сотрудничеству с Гитлером, которое оборвалось не по сталинской вине...

Л. В. и В. Г. Архангельским и Б. Н. Рабиновичу.

Мясоедов Сергей Николаевич (1866–1915) — жандармский подполковник. В 1914 г. служил переводчиком в 10-й армии. Заподозренный в шпионаже, расстрелян. Гучков был известным дуэлянтом, считавшим дуэль лучшим способом разрешения конфликтов. Дуэль с Мясоедовым состоялась 22 апреля 1912 г. в Старой Деревне на окраине Петербурга (см. о ней в книге: С е н и н А. С. Александр Иванович Гучков. М., 1996. С. 68–69)

Милюков Павел Николаевич (1859–1943) — историк, публицист, политический деятель. Один из основателей партии кадетов, председатель ее ЦК и редактор центрального органа «Речь» (до 1917 г.). Министр иностранных дел в первом составе Временного правительства. С 1918 г. в эмиграции. С 1921 г. основатель и лидер «Парижской демократической группы Партии Народной Свободы» (в 1924 г. преобразована в «Республиканско-демократическое объединение»). Редактор влиятельной эмигрантской газеты «Последние новости» (1921–1940). Председатель Союза русских писателей и журналистов (1922–1943). Автор многих трудов, в том числе книг «История второй русской революции» (Вып. 1–3. София, 1921–1924), «Россия на переломе: Большевистский период русской революции» (Т. 1–2. Париж, 1927) и др.

Гессен Иосиф Владимирович (1866–1943) — адвокат, публицист, один из лидеров партии кадетов. В 1906–1917 гг. редактор газеты «Речь». В эмиграции издавал многотомный «Архив русской революции» (Вып. 1—22. Берлин, 1921–1937). Один из основателей (совм. с А. И. Каменкой и В. Д. Набоковым) берлинской газеты «Руль» (1920–1931).

Названы деятели, отправленные в отставку в июне-июле 1915 г. Николай Алексеевич Маклаков (1871–1918) — с 1913 г. министр внутренних дел, одновременно (с января 1915 г.) член Государственного совета жестко проводивший правый курс, убежденный монархист, автор проекта о роспуске Государственной думы. Владимир Александрович Сухомлинов (1848–1926) — военный министр с 1909 г., член Государственного совета. В марте 1916 г. был арестован и обвинен в том, что армия оказалась не подготовленной к войне. Амнистирован 1 мая 1918 г. по старости. По мнению современников, в его лице несправедливо нашли виновника всех российских бед. Сухомлинову перед войной удалось провести ряд важных реформ, повысивших боеготовность армии, однако не устранивших в ней многих изъянов. Иван Григорьевич Щегловитов (1861–1918) — в 1906–1915 гг. министр юстиции, с 1907 г. член Государственного совета (с 1 января 1917 г. его председатель). Расстрелян большевиками вместе с другими сановниками

Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924) — крупный помещик, один из основателей и лидеров партии «Союз 17 Октября» (октябристов). В марте 1911 — феврале 1917 г. председатель 3-й и 4-й Государственных дум. С 27 февраля 1917 г. возглавил Временный комитет Государственной думы. Участник переговоров с Николаем II об отречении от престола. Во время мятежа Корнилова занял позицию «сочувствия, но не содействия». Участник Белого движения на Дону и Кубани. С 1920 г. в эмиграции в Югославии. Автор мемуаров «Крушение империи» (Берлин, 1926) и «За кулисами царской власти» (М., 1926)